ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ КНИГЪ, КАЖДАЯ ВЪ ДВА ВЫПУСКА.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1881

III

(1)

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),

на Страстномъ бульварѣ.

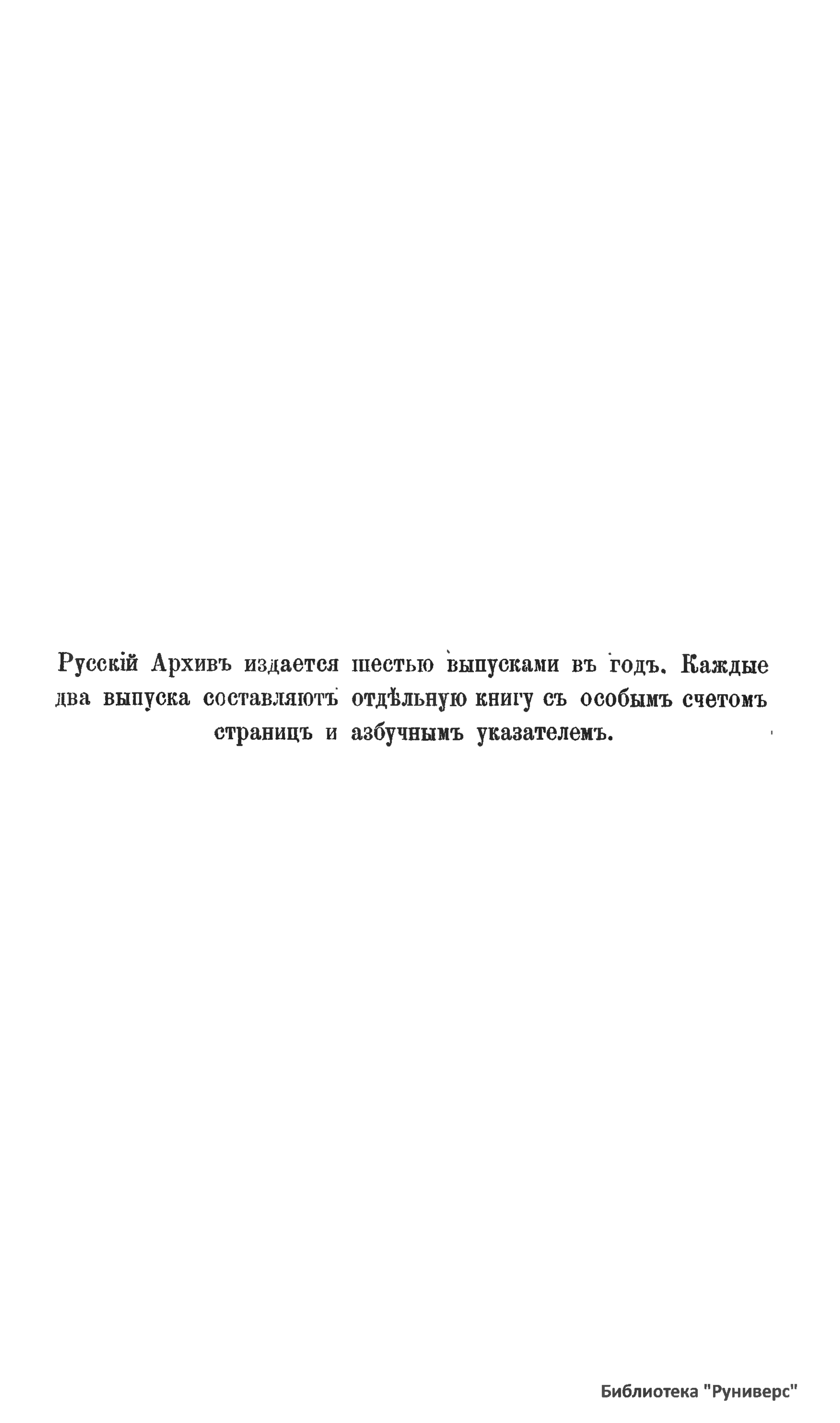
РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1881.

III.

(1)

Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

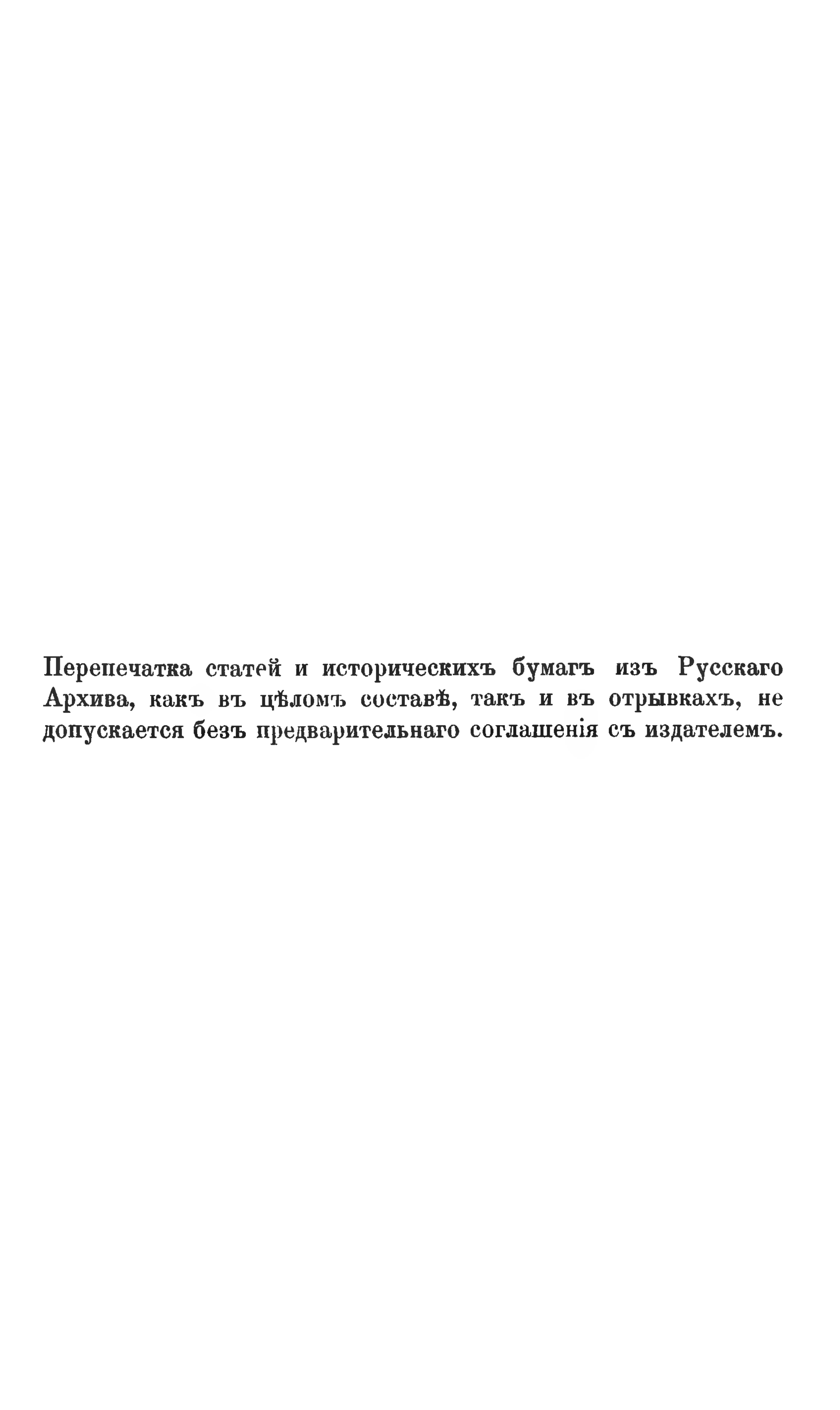
ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1881.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

ВОСПОМИНАНІЯ АППОЛИНАРІЯ ПЕТРОВИЧА БУТЕНЕВА.

Записки славнаго дипломата А. П. Бутенева печатаются съ неизданной Французской рукописи, сохранившейся у сына его Константина Апполинарьевича Бутенева, который почтилъ наше изданіе сообщеніемъ ихъ. П. Б.

Воспоминанія о моемъ времени.

Штутгартъ. Декабрь 1859.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Я родился въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II-й [1]), въ глуши Калужской губерніи, въ небольшомъ имѣніи отца моего [2]). Дѣдушка мой тогда еще жилъ въ небольшомъ также наслѣдственномъ имѣніи своемъ Тульской губерніи [3]).

Лѣтъ семи или восьми отъ роду, я уже не зналъ родительскаго крова, и потому сохранилъ о моемъ дѣтствѣ лишь немногія и смутныя воспоминанія. Всего живѣе припоминаю нѣжность матушки и ея постоянныя заботы о довольно-многочисленномъ семействѣ, въ которомъ я былъ старшимъ сыномъ. Помню, какъ мы собирались вокругъ нея за утреннимъ чаемъ, какъ гуляли въ саду, гдѣ было много яблонь и смородины, какъ по воскресеньямъ и праздникамъ ѣздили съ нею къ обѣднѣ въ старинную церковь, въ сосѣднее съ нами село [4]). Помню также дѣ-

[1]) Въ семейныхъ бумагахъ я никогда не могъ отыскать моего метрическаго свидѣтельства; но, помнится, мнѣ всегда говорили, что я родился 16-го Іюля 1787 или 1788, и даже случайно я встрѣтилъ первое изъ этихъ чиселъ, означенное рукою моей матери, въ домашнемъ молитвенникѣ.

[2]) Сельцо Гриденки, Медынскаго уѣзда.

[3]) Сельцо Абинь, Бѣлевскаго уѣзда.

[4]) Село Агаѳьино, въ 2-хъ верстахъ отъ Гриденокъ; оно принадлежало близкимъ нашимъ роднымъ. Тамъ у меня была тетушка, моя крестная мать, Акулина Ивановна Мясоѣдова, которой баловнемъ былъ я въ моемъ дѣтствѣ. Она умерла дѣвицею. У нея былъ прекрасный голосъ, и она мнѣ пѣвала народныя пѣсни, къ великому моему удовольствію. Этихъ пѣсенъ я никогда не могъ потомъ слушать безъ глубокаго умиленія.

душку, который умеръ слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду. Онъ родился еще при Петрѣ Великомъ и, въ царствованіе императрицы Анны, служа въ нижнихъ чинахъ, въ линейномъ полку, ходилъ противъ Турокъ подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха и любилъ мнѣ разсказывать о своихъ походахъ. Потомъ онъ еще довольно долго служилъ въ Преображенскомъ полку, и тутъ у него начальникомъ былъ великій князь наслѣдникъ Петръ Ѳедоровичъ (послѣ Петръ III), котораго онъ не иначе называлъ какъ «молодой великій князь». Дѣдушка уже много лѣтъ какъ лишился зрѣнія, но до конца сохранялъ отмѣнную свѣжесть и ясность ума. Онъ умеръ въ первыхъ годахъ нашего столѣтія, въ царствованіе императора Александра I-го.

Мой отецъ, по тогдашнему общему обычаю, началъ службу въ Петербургѣ, въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, но женившись уѣхалъ въ деревню заниматься маленькимъ своимъ хозяйствомъ. Онъ съ своими сосѣдями предавался охотѣ съ гончими, обыкновенной страсти тогдашняго мелкаго дворянства; я тоже, можетъ быть, получилъ бы эту страсть, если бы дольше остался въ деревнѣ и если бы въ дѣтствѣ моемъ одаренъ былъ болѣе крѣпкимъ сложеніемъ.

При очень ограниченномъ состояніи, при постепенномъ умноженіи семьи, родители мои, а въ особенности матушка, горячо желая дать дѣтямъ воспитаніе, рѣшились, по недостаточности собственныхъ средствъ, принять предложеніе одного богатаго деревенскаго сосѣда [5]) учить меня вмѣстѣ съ его единственнымъ сыномъ, моимъ какъ разъ ровесникомъ. При немъ уже были гувернеры для занятій: Русскіе, Французскіе и Нѣмецкіе.

Безъ сомнѣнія, надежда доставить мнѣ лучшую будущность побудила моихъ родителей рѣшиться на эту разлуку; но я и теперь помню, какъ много слезъ она стоила моей матери, братьямъ, сестрамъ и мнѣ самому, хотя семейство, куда я ѣхалъ жить, помѣщалось въ своей усадьбѣ [6]) съ прекраснымъ домомъ всего на какой нибудь день разстоянія отъ нашей деревни (верстъ 50 или 60). Палаты, куда меня перевезли, поразили меня огромностью, богатствомъ и великолѣпіемъ, о которыхъ я до того не имѣлъ понятія. Будущій мой товарищъ по ученью показался мнѣ очень любезнымъ и ла-

---

[5]) Это былъ А. Г. (Аѳанасій Николаевичъ Гончаровъ); отецъ мой съ нимъ вмѣстѣ охотился.

[6]) „Полотняный Заводъ“, село Спасское тожъ, Медынскаго же уѣзда, отъ Калуги 30, отъ Москвы 160 верстъ. *Примѣчаніе автора.*—О „Полотняномъ Заводѣ“, о теперешнемъ его положеніи и о сохранившейся тамъ памяти поэта Пушкина см. любопытное письмо В. П. Безобразова къ Я. К. Гроту въ первой книгѣ „Русской Мысли“ 1881 года.
П. Б.

сковымъ; его родители обращались со мною съ нѣжностью, да и послѣ, въ теченіи долгихъ лѣтъ, проведенныхъ у нихъ до разумнаго возраста, былъ я какъ сынъ дома. Однако долго я не могъ привыкнуть къ разлукѣ съ отеческимъ очагомъ, который имѣлъ я утѣшеніе отъ времени до времени навѣщать. Въ особенности позднѣе въ моей жизни я все болѣе и болѣе оцѣнивалъ, какая невознаградимая потеря для мальчика семи или восьми лѣтъ быть лишеннымъ нѣжныхъ и разумныхъ попеченій и этихъ первыхъ религіозныхъ и нравственныхъ наставленій, которыя въ первоначальномъ дѣтствѣ усвоиваются только отъ одной матери, особливо отъ такой благочестивой и святой матери, какая была у меня.

Вступилъ я въ это семейство, гдѣ мнѣ суждено было начать и кончить мое ученье, за годъ до кончины императрицы Екатерины; о воспитаніи общественномъ въ провинціи въ то время почти не было и помину. Гончаровы были очень богаты. Кромѣ великолѣпныхъ палатъ въ Полотняномъ Заводѣ они владѣли еще многими другими прекрасными помѣстьями, въ которыхъ и живали лѣтомъ [7]). Зиму же они проводили въ Москвѣ, въ своемъ прекрасномъ городскомъ домѣ. Не входя здѣсь въ подробности о первыхъ годахъ моей ученической жизни въ этомъ семействѣ, скажу только, что барская обстановка была поставлена на очень широкую ногу, хотя семейство это собственно не принадлежало къ высшей знати. Едвали въ наши дни существуетъ что либо подобное, особливо съ тѣхъ поръ, какъ самые знатные и богатые наши дворяне живутъ почти всѣ въ обѣихъ столицахъ и главнѣйше въ Петербургѣ, или же путешествуютъ по чужимъ краямъ, что̀ въ то время было очень рѣдко.

Чтобы дать понятіе объ этой обстановкѣ, довольно указать на количество людей ее составлявшихъ. Не говоря о безчисленной всякихъ родовъ и разрядовъ прислугѣ обоихъ половъ (вся семья: хозяинъ, жена его и одинъ сынъ!), въ домѣ находилось: три гувернера живущихъ, изъ коихъ два иностранца (зимою же, въ городѣ, приходили еще особые учителя для уроковъ), Нѣмецъ-докторъ, Венгерецъ-капелмейстеръ, завѣдывавшій оркестромъ отъ 30 до 40 музыкантовъ для духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, въ томъ числѣ особый оркестръ охотничьей роговой музыки, которую ввелъ знаменитый любимецъ Екатерины, князь Потемкинъ, и въ которой каждый музыкантъ играетъ только по одной

---

[7]) Два главныя помѣстья, куда ѣздили они на время охоты, находились въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды: село Доманово, близь рѣчки и село Денисово въ лѣсу. Къ обѣднѣ тогда ѣзжали въ ближнее село Вѣшки.

нотѣ [3]). Затѣмъ, верховые въ особыхъ мундирахъ для гончей охоты, множество всякаго рода экипажей съ соотвѣтственнымъ числомъ упряжныхъ и верховыхъ лошадей; домъ и столъ открытые, почти ежедневно, для многочисленныхъ сосѣдей, которые безпрестанно появлялись пользоваться этимъ гостепріимствомъ и проводили цѣлыя недѣли, иной разъ съ своими семействами, на всемъ на готовомъ, какъ они, такъ ихъ прислуга и лошади. Гостей принимали такъ, чтобы имъ захотѣлось пріѣхать въ другой разъ.

Въ настоящее время трудно понять, до какихъ широкихъ размѣровъ простиралось это старинное Русское гостепріимство. Но таковы были тогда либо дешевизна матеріяльной жизни, либо неутонченность роскоши въ остальныхъ издержкахъ, что вся эта обстановка, столь блистательная, можно сказать княжеская, обходилась, какъ я узналъ позднѣе, всего въ какія нибудь тысячъ 70, 80 франковъ ежегоднаго расхода! И зима въ Москвѣ входила въ этотъ же счетъ. А въ настоящее время этихъ денегъ едва достало бы на прожитіе въ Петербургѣ людямъ даже средняго состоянія.

Но что̀ мнѣ особенно пріятно прибавить, по всей справедливости, къ этому взгляду на роскошные нравы того времени—это то, какой видъ порядка имѣли всѣ большія имѣнія Гончарова и какимъ замѣчательнымъ они пользовались благоденствіемъ; крестьяне его слыли самыми зажиточными и счастливыми въ губерніи.

Не думая писать полныхъ Записокъ, но только отмѣтить выдающіяся воспоминанія изъ моей долгой жизни, которыя могутъ быть любопытны для дѣтей моихъ, я ограничусь этимъ краткимъ введеніемъ, и потомъ буду приводить, отрывочно и безъ связи, случаи и имена, оставшіеся въ моей памяти, стараясь обозначать, для ясности, и числовыя данныя, сколько это возможно, пишучи исключительно съ памяти, послѣ столь долгаго поприща.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.
1795—1801.

Конецъ царствованія Екатерины II и царствованіе Павла I.

Теперь еще помню впечатлѣніе удивленія, смѣшаннаго съ очарованіемъ, когда я въ первый разъ увидѣлъ Москву, куда мы пріѣхали на зиму.

---

[3]) Эта роговая музыка, въ то время очень любимая и которую можно было имѣть только въ Россіи, почти совсѣмъ вывелась лѣтъ 30 или 40 тому назадъ; равно какъ и труппы актеровъ, стоившія большихъ издержекъ нѣкоторымъ богатымъ людямъ въ губерніяхъ и въ Москвѣ.

Въ ушахъ дѣтей, особенно въ глухомъ уѣздѣ, раздавалось постоянно имя этой древней и славной столицы нашей: про Петербургъ почти не было слышно. «Москва» производила такое чрезвычайное очарованіе, что даже тѣ изъ сосѣдей, которые хвастали, что въ ней бывали, казались людьми высшаго порядка.

Мое любопытство и мое воображеніе были возбуждены расказами стараго слуги, моего дядьки, котораго въ молодости отдавали въ Москву въ ученіе. Онъ передавалъ чудеса объ этомъ множествѣ монастырей и церквей, съ позлащеными главами, о прекрасныхъ дворцахъ, о древнемъ Кремлѣ съ огромной колокольней Ивана Великаго; о царь-колоколѣ, въѣхавшемъ въ землю, съ отверстіемъ для входа въ него; о царь-пушкѣ, которой жерло было словно пещера и т. д. Онъ прибавлялъ еще о страшной казни *Пугачева съ сообщниками*, которой былъ онъ свидѣтелемъ, назадъ тому лѣтъ 20.

Итакъ я большими глазами смотрѣлъ направо и налѣво, проѣзжая болѣе часу по загроможденнымъ повозками, санями и людьми городскимъ улицамъ, до дома Гончаровыхъ. Этотъ первый взглядъ оставилъ во мнѣ весьма смѣшанные образы и представленія; онѣ прояснялись мало-по-малу во время нашихъ прогулокъ по городу и послѣ распросовъ у моихъ провожатыхъ.

Прожилъ я въ Москвѣ семь или восемь зимъ подъ-рядъ. Послѣ того много разъ видѣлъ я нашу древнюю столицу, и даже наканунѣ роковаго дня вступленія Наполеона I съ его безчисленными легіонами, наканунѣ славнаго пожара, который обезсмертилъ ее въ исторіи; видѣлъ ее потомъ въ четыре царствованія—Павла I, Александра I, Николая I, Александра II; но, судя по моимъ воспоминаніямъ, никогда не казалась она мнѣ столь обширна, грандіозна, оживлена, а особенно столь оригинальна какъ въ послѣднее время царствованія Екатерины II—оригинальна болѣе восточнымъ, чѣмъ Европейскимъ видомъ и отпечаткомъ. Нынѣ это наоборотъ.

Великолѣпные дворцы, разбросанные по всѣмъ частямъ города, рядомъ съ бѣдными деревянными домишками, превосходные сады и обширные огороды среди наилучшихъ кварталовъ; огромные крытые базары, со множествомъ всякихъ лавокъ, весьма похожіе на базары и базестаны, какіе я видѣлъ впослѣдствіи въ Константинополѣ; конскіе бѣга на большихъ площадяхъ, нарочно для этого назначенныхъ и приспособленныхъ, чуть не въ центрѣ города; въ назначенные дни, кулачные бои, охота на медвѣдя и волка, привлекавшіе множество зрителей—и рядомъ театры, цирки, акробаты на Европейскій ладъ!

Особенно поражало количество церквей [1]), большихъ, среднихъ и малыхъ, архитектуры большею частію самой разнообразной и странной. Домъ Гончарова, на бойкой улицѣ, былъ рядомъ съ церковью, за которой почти рядомъ была другая; а третья какъ разъ напротивъ дома, черезъ улицу! При каждой—колокольня, такъ что, днемъ и ночью, мы буквально оглушались колокольнымъ звономъ, особенно на святой недѣлѣ, когда звонъ почти не прерывается.

Еще характеризовало Москву въ тогдашнее время большое число нашихъ знаменитѣйшихъ и старѣйшихъ родовъ, высшаго дворянства, которые постоянно въ ней жили, именно по зимамъ, съ большою роскошью, а лѣтомъ пребывали въ прелестныхъ подмосковныхъ дачахъ. Большею частію это были особы, занимавшія прежде высшія государственныя должности и потомъ отдыхавшія, на склонѣ дней, въ пышномъ бездѣйствіи; или такіе сановники, генералы и пр., самолюбіе которыхъ было оскорблено и которые показывали, что ищутъ независимости, или богатые помѣщики изъ губерній, желавшіе не столько чиновъ, сколько пользоваться своимъ богатствомъ среди удобствъ и удовольствій столицы, а въ тоже время и большею возможностью лучше воспитывать своихъ дѣтей.

Однимъ словомъ, Москва представляла картину движенія, оживленія и развлеченій, выражавшихся всякаго рода собраніями и праздниками. Общество искало только разсѣянія, будучи не занято ни политикою, ни какимъ либо серьезнымъ дѣломъ и едва-едва литературою, о существованіи которой Карамзинъ и весьма немногіе писатели заставляли только подозрѣвать.

Во всѣхъ отношеніяхъ Москва была городомъ по преимуществу аристократическимъ; но послѣ великаго погрома 1812 года наша старая столица, быстро возникнувъ изъ развалинъ и пепла, приняла мало-по-малу совершенно другой характеръ—стала болѣе и болѣе городомъ торговымъ и промышленнымъ. Новыя поколѣнія, даже изъ дворянъ, сдѣлали Москву центромъ торговли, мануфактуръ и даже національной литературы.

Между наиболѣе представительными лицами, жившими тогда въ Москвѣ, были: знаменитый графъ Орловъ, поразившій Турокъ при Чесмѣ въ 1770 году; князь Юрій Долгорукій, въ туже эпоху воевав-

---

[1]) По повѣрью и поговоркѣ народной, въ Москвѣ число церквей—40×40 (сорокъ сороковъ). Это конечно сильное преувеличеніе; но, по свѣдѣніямъ довольно достовѣрнымъ, оно простиралось отъ 350 до 400; въ большой пожаръ 1812 г. сгорѣло ихъ относительно менѣе, чѣмъ домовъ, и многія возобновлены. Самый новый и самый грандіозный изъ храмовъ—это соборъ Спасителя, строющійся въ память 1812 года.

шій въ Мореѣ; генералъ Еропкинъ, получившій почетную извѣстность во время чумы 1771 года; канцлеръ графъ Остерманъ и многія другія историческія личности. Но наибольшимъ уваженіемъ пользовался по своему сану, характеру и краснорѣчію, и всѣхъ извѣстнѣе въ городѣ былъ митрополитъ Платонъ,—слава Русской церкви [2]).

Смутно помню, что я видалъ многихъ изъ этихъ особъ, а князя Ю. Долгорукаго впослѣдствіи зналъ и лично. Онъ жилъ очень долго и, 30 лѣтъ спустя, по возвращеніи моемъ изъ Константинополя, въ 1830-мъ году, съ любопытствомъ распрашивалъ меня о Востокѣ и мѣстахъ его первыхъ военныхъ подвиговъ.

Когда мы пріѣхали во второй разъ на зиму въ Москву, въ концѣ 1796 года, пришла вѣсть о кончинѣ имп. Екатерины II, и у меня еще довольно свѣжо въ памяти сильное впечатлѣніе этого событія. Послѣ царствованія столь долгаго и славнаго, Екатерину все еще продолжали любить. Къ сожалѣніямъ примѣшивались не только ожиданія большихъ перемѣнъ, неизбѣжныхъ при новомъ воцареніи, но и живѣйшія опасенія суроваго и страннаго характера, который вообще приписывали наслѣднику.

Тѣмъ не менѣе общество было эту зиму въ большомъ движеніи: оно приготовлялось къ торжественному принятію новаго императора Павла I. Онъ возвѣстилъ, тотчасъ по восшествіи на престолъ, скорое свое коронованіе; онъ спѣшилъ имъ необыкновенно.

Такъ какъ у насъ дѣти обѣдали за общимъ большимъ столомъ, вмѣстѣ со всѣми, а гости были почти ежедневно и къ обѣду и вечеромъ, то мы слышали всѣ новости Петербургскія. Слышали о суровомъ правленіи, о военныхъ парадахъ въ Прусскихъ мундирахъ, времени Фридриха II (ими замѣнились блестящіе куртаги Екатерины и богатая, расшитая серебромъ и золотомъ одежда ея гвардіи); слышали о выставляемомъ на показъ сыновнемъ поклоненіи Павла I-го памяти Петра III-го; о блестящихъ милостяхъ, расточаемыхъ всѣмъ, кто служилъ при немъ не только въ высшихъ должностяхъ, но и въ низшихъ. Такъ, между прочими и старый придворный кучеръ вдругъ увидѣлъ себя облагодѣтельствованнымъ на концѣ своихъ дней [3]).

Иногда мы видѣли за обѣдомъ лицъ, которыя только что прибыли изъ Петербурга; мундиры на нихъ были Прусскаго образца изъ тол-

---

[2]) Онъ жилъ до конца 1812 года на покоѣ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, которая сохранилась отъ Французскаго нашествія, какъ 200 лѣтъ предъ тѣмъ—отъ нашествія Польскаго.

[3]) Что̀ и послужило сюжетомъ для одной тогдашней Петербургской театральной пьесы, подъ заглавіемъ: *Лейбъ-Кучеръ*, игранной также и въ Москвѣ.

стаго сукна, волоса напудрены, въ букляхъ и съ косами болтавшимися по спинѣ. Они разсказывали при этомъ о новомъ императорѣ анекдоты, столь же странные, какъ и ихъ одѣяніе.

Уже называли имена Аракчеева и Кутайсова, дотолѣ неизвѣстныя; они внезапно возвысились и назначались играть большую роль при новомъ дворѣ. Однакоже я помню, что, говоря о всемъ этомъ, упоминали съ большою похвалою о нѣкоторыхъ первыхъ мѣрахъ его правленія; также хвалили великодушное отношеніе Павла къ бывшимъ въ милости у Екатерины лицамъ, особенно къ семьѣ Зубовыхъ; хвалили легкій доступъ къ его особѣ для всѣхъ просителей, такъ что даже появились стихи (на Русскомъ и на Французскомъ языкахъ), которые читалъ и я, гдѣ его называли новымъ Титомъ.

Къ несчастію, подобное благопріятное мнѣніе общества продолжалось очень недолго. Но, можетъ быть, оно не вполнѣ было лишено основанія въ отношеніи сердца и первоначальныхъ предрасположеній этого государя. По крайней мѣрѣ могу сказать, что когда лѣтъ 15 послѣ его смерти я жилъ, по службѣ, въ Германіи, то хорошо зналъ стараго медика, д-ра Кюрнера, человѣка самаго почтеннаго, который служилъ прежде при нашемъ дворѣ. Онъ увѣрялъ меня, что тогда великій князь (уже женатый) соединялъ съ живымъ и образованнымъ умомъ чувствительное и доброе сердце, которое заставляло окружающихъ любить его. Холодное же и недовѣрчивое отношеніе къ нему имп. Екатерины, устранившей его отъ всякаго участія въ дѣлахъ, а особенно униженія всякаго рода, которыя онъ долженъ былъ переносить до такого (за 40 лѣтъ) возраста, были причиною большей части тѣхъ припадковъ слишкомъ частаго гнѣва и чудачествъ, а наконецъ и тиранническихъ дѣйствій, которыя, по несчастію, ознаменовали его царствованіе и вызвали роковой конецъ.

Итакъ, въ первыхъ мѣсяцахъ 1797 г., уже прибылъ въ Москву имп. Павелъ съ дворомъ, съ многочисленной гвардіей и назначилъ въ день Пасхи быть коронаціи, вопреки примѣрамъ прежнихъ государей, которые короновались въ болѣе благопріятное время года. Я помню, какъ смотрѣлъ я на торжественный въѣздъ Павла въ нашу столицу. Для этого нарочно были устроены мѣста. Онъ ѣхалъ верхомъ на старой бѣлой лошади; говорили, что она ему была подарена принцемъ Конде [1]),

---

[1]) Этотъ самый принцъ Конде, выгнанный изъ Франціи революціей, былъ тогда великодушно принятъ имп. Павломъ и зачисленъ на службу вмѣстѣ съ небольшимъ отрядомъ благородныхъ эмигрантовъ, принимавшимъ участіе въ блестящей кампаніи Суворова въ Италіи. Принцъ дожилъ до возвращенія въ свой замокъ Шантильи (послѣ возстановленія Бурбоновъ въ 1815 г.) и спокойно въ немъ умеръ.

еще во время его путешествія во Францію подъ именемъ графа Сѣвернаго, лѣтъ 14 или 15 назадъ. Два молодые великіе князя Александръ и Константинъ, также верхомъ, ѣхали по сторонамъ его. Государь почти постоянно держалъ въ рукѣ шляпу, чтобы привѣтствовать ею направо-налѣво толпу, видимо этимъ довольную. Но особенное вниманіе обращалъ на себя в. кн. Александръ, котораго прекрасная фигура и привѣтливое лицо всѣхъ плѣняли.

Императрица Марія съ младшими дѣтьми слѣдовала въ богато-позолоченныхъ каретахъ, со множествомъ стеколъ, сквозь которыя зрители хорошо ихъ видѣли. Герольды въ блестящихъ средневѣковыхъ костюмахъ, полки гвардіи, пѣшіе и конные (не столь многочисленные, какъ потомъ) предшествовали великолѣпному поѣзду и замыкали его. Все шествіе продолжалось нѣсколько часовъ, по улицамъ покрытымъ снѣгомъ: былъ довольно чувствительный Мартовскій холодъ.

Все происходило въ порядкѣ и спокойствіи; но, сколько смутно помнится мнѣ, ощущенія толпы были скорѣе похожи на любопытство, чѣмъ на дѣйствительную радость, не говоря уже объ отсутствіи того шумнаго восторга, который проявился при коронованіи имп. Александра I-го спустя немного лѣтъ, и котораго мнѣ также довелось быть свидѣтелемъ, на порогѣ моей юности.

Нѣсколько дней спустя послѣ въѣзда, и именно въ самое Свѣтлое Христово Воскресеніе, совершилось и коронованіе Павла (5 Апр. 1797). Насъ повели въ Кремль до-свѣту, чтобы имѣть мѣсто на нарочно устроенномъ для публики помостѣ у самаго Краснаго-Крыльца и недалеко отъ Успенскаго собора, въ которомъ и совершается помазаніе. Итакъ я могъ очень хорошо и чрезвычайно близко видѣть августѣйшее шествіе, какъ при выходѣ изъ дворца, такъ и при возвращеніи его изъ собора.

Императоръ, въ сопровожденіи двухъ в. князей, шелъ подъ роскошнымъ балдахиномъ, несомымъ генералами; за нимъ слѣдовала императрица подъ другимъ балдахиномъ, далѣе блестящая свита, въ которой военные были въ большинствѣ; потомъ рота тѣлохранителей (лейбъ-гвардейцевъ), покрытыхъ съ головы до ногъ вооруженіемъ, кирасами, кольчугами, въ каскахъ съ развѣвающимися перьями, какъ у древнихъ рыцарей — все изъ массивнаго серебра, сверкавшаго и сіявшаго на солнцѣ [5]).

Между придворными выдавался прекрасный сѣдовласый старикъ въ одеждѣ блиставшей драгоцѣнными камнями; онъ непосредственно

[5]) Во главѣ этой роты шелъ, въ такой же одеждѣ, старый воинъ, про котораго намъ сказали, что это фельдмаршалъ графъ (В. П.) Мусинъ-Пушкинъ.

слѣдовалъ за балдахиномъ императрицы, и я узналъ, что это былъ несчастный Станиславъ Августъ, король Польскій, лишенный престола и королевства. Павелъ принялъ его въ Петербургѣ со знаками уваженія и деликатнаго вниманія, но однако не избавилъ отъ участвованія въ этой церемоніи. Всѣ чувствовали расположеніе къ благородному, меланхолическому и злосчастному бывшему монарху.

При возвращеніи процессіи въ томъ же порядкѣ на Красное Крыльцо императоръ былъ уже въ коронѣ, порфирѣ, со скипетромъ, и казался утомленнымъ: онъ тяжело дышалъ послѣ долгой церемоніи и изнурительной тяжести своего убора, которому онъ такъ мало соотвѣтствовалъ своимъ ростомъ и фигурою.

Наше дѣтское любопытство, сильно возбужденное всѣмъ этимъ зрѣлищемъ, которое длилось цѣлое утро (а мы были, разумѣется, на тощахъ) достаточно удовлетворилось, и мы не жалѣли о томъ, что на всѣхъ остальныхъ празднествахъ уже не присутствовали; мы видѣли впрочемъ иллюминацію Кремля, Ивана Великаго и пр., великолѣпную и единственную въ своемъ родѣ, на которую насъ возили въ каретѣ.

Объ остальномъ времени недолгаго царствованія Павла I, проведеннаго мною, зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Калужскомъ помѣстьѣ, не сохранилось у меня воспоминаній сколько нибудь любопытныхъ. Года два спустя, я видѣлъ еще разъ императора, пріѣзжавшаго въ Москву на большіе маневры при огромномъ близъ нея находившемся лагерѣ. Расположеніе къ нему тогда уже очень убавилось, чуть не исчезло, не столько отъ постоянныхъ передрягъ въ сферѣ высшей (особенно военной) и отъ причудливыхъ, капризныхъ и произвольныхъ дѣйствій (отъ которыхъ терпѣли болѣе непосредственно въ Петербургѣ, чѣмъ въ Москвѣ или провинціи), сколько отъ того, что полиція вездѣ должна была преслѣдовать фраки и круглыя шляпы, до такой степени, что даже мальчики нашего возраста были принуждены носить одежду Французскую, трехрогія шляпы, башмаки съ пряжками, вмѣсто курточекъ и пр. [6]).

Тогдашній военный губернаторъ *Архаровъ*, оберъ-полицеймейстеръ *Эртель* и комендантъ *Шейдеманъ* (къ косою болтавшеюся у него до

---

[6]) Тогда дѣти не носили еще Русской рубашки; на насъ должны были напяливать, когда мы покидали курточку, длинный Французскій кафтанъ, короткіе штаны, башмаки съ пряжками и пудрить къ тому же намъ головы! Иногда, въ торжественные дни, надѣвали на насъ даже губернскій мундиръ, при бѣломъ жилетѣ и брюкахъ. Тогда впрочемъ пудрились всѣ, и дамы; мода эта прошла уже при Александрѣ I, сначала у дамъ, потомъ у всѣхъ.

пять) строжайше наблюдали за точнымъ исполненіемъ этихъ повелѣній. Появленіе этихъ лицъ въ театрѣ или на публичныхъ гуляньяхъ возбуждало тревогу; на нихъ смотрѣли какъ на помѣху веселью на всѣхъ собраніяхъ и балахъ [7]).

Въ числѣ такихъ баловъ особенно помню одинъ большой ночной праздникъ, данный въ обширномъ саду (находившемся близь нашего дома) княземъ Безбородкою, этимъ знаменитымъ министромъ и канцлеромъ императрицы Екатерины. Его высокій ростъ, грудь увѣшанная орденами и при этомъ гостепріимство для всей публики запечатлѣлись у меня въ памяти.

Такъ какъ я вознамѣрился написать эти воспоминанія для моихъ очень еще малыхъ дѣтей, то справедливо будетъ упомянуть о порядкѣ нашихъ школьныхъ занятій и уроковъ. Къ намъ прибавили третьяго товарища, Н. Сокорева, родственника Гончаровыхъ, годами двумя постарше насъ.

Итакъ мы составляли въ классѣ тріо; да еще—три нашихъ гувернера-преподавателя, кромѣ особыхъ учителей музыки, рисованія, танцевъ и верховой ѣзды. Гимнастика тогда еще не вводилась. Нашъ гувернеръ-Французъ [8]), какъ и большая часть тогдашнихъ Французскихъ преподавателей въ Россіи, зналъ немногое, и научить насъ бóльшему конечно не могъ. Впрочемъ это былъ хорошій человѣкъ, веселаго и нетребовательнаго нрава, внѣ уроковъ не строгій. Онъ училъ насъ бѣгло болтать по-французски, очень мало грамматикѣ, да писать подъ диктовку; давалъ много заучивать наизусть, стиховъ и прозы, читать прилежно Древнюю Исторію Роллэна, безъ дальнихъ объясненій; немного географіи и еще меньше ариѳметикѣ.

Позже заставилъ онъ насъ играть въ комедіяхъ съ другими ровесниками, для лучшей практики во Французскомъ языкѣ. Въ нашихъ прогулкахъ и развлеченіяхъ онъ не былъ стѣснителенъ, напротивъ даже участвовалъ въ нихъ, чередуясь съ гувернеромъ Русскимъ и Нѣмцемъ, надъ которыми онъ былъ старшимъ.

Нѣмецъ Варешъ былъ, въ сущности, болѣе свѣдущъ, въ преподаваніи болѣе отчетливъ и даже педантиченъ; его уроки не забавляли насъ, но, полагаю, были болѣе полезны, хотя, впрочемъ, они ограничивались его роднымъ языкомъ да Всеобщей Исторіей Шрека.

---

[7]) Даже и на частныхъ вечерахъ, концертахъ и т. п. хозяинъ дома обязанъ былъ предупреждать полицію, которая посылала квартальнаго въ мундирѣ присутствовать на оныхъ.

[8]) Мартинэ, изъ Оверня; онъ былъ скорѣе провинціальнымъ поэтомъ, чѣмъ педагогомъ.

Русскій учитель, П. И. Турбинъ, студентъ Московскаго университета, основательно преподавалъ намъ грамматику, дополнялъ серьезнѣе уроки, географіи и ариѳметики, которомъ учились мы у Француза, и ознакомилъ насъ, впослѣдствіи, съ Русской словесностью. Ломоносовъ, Сумароковъ, Душенька Богдановича и Державинъ въ поэзіи, да Карамзинъ, почти одинъ въ прозѣ, составляли для насъ все ея содержаніе.

Но что̀ странно, Русская Исторія вовсе не входила въ его программу! Учиться ей начали мы по «Исторіи Россіи» (Histoire de Russie), написанной по-французски Левекомъ. Карамзинъ напечаталъ свое безсмертное твореніе только 15 или 20 лѣтъ спустя. Оно открыло путь для другихъ историковъ нашихъ, изъ которыхъ однако никто еще не сравнялся съ нимъ.

Эти первые гувернеры и учителя послѣдовательно замѣнялись другими. Между прочими былъ у насъ родной братъ ужаснѣйшаго Марата, слишкомъ извѣстнаго по Французской революціи. Онъ впрочемъ гораздо ранѣе этой революціи пріѣхалъ въ Россію искать счастья. Ненавистную же эту фамилію онъ послѣ перемѣнилъ на Будри (имя его роднаго городка въ Швейцаріи). Самъ онъ былъ, напротивъ, прекраснѣйшій человѣкъ, нрава самаго мирнаго, и вдобавокъ образованъ болѣе своего предшественника. Однако оставался онъ у насъ недолго и предпочелъ возвратиться въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ женился.

Замѣнилъ его, и еще къ лучшему для насъ, Французскій офицеръ-эмигрантъ, изъ хорошей фамиліи и съ прекрасными манерами, капитанъ Монтольё д'Арпавонъ, кавалеръ ордена св. Людовика. Если и не обладалъ онъ всѣми должными познаніями, то это замѣнялось слѣдами первоначальнаго хорошаго воспитанія и знаніемъ свѣта. Онъ участвовалъ, въ молодости, въ Сѣверо-Американской войнѣ подъ начальствомъ Лафайета; тамъ-то выучился онъ по-англійски и намъ давалъ первые уроки этого языка. Мы разстались съ нимъ съ сожалѣніемъ, когда онъ вернулся во Францію вмѣстѣ съ прочими эмигрантами.

Преемникомъ Нѣмецкаго гувернера былъ молодой теологъ по имени Бергманъ, только-что прибывшій изъ Нѣмецкихъ университетовъ. Не могли мы тогда судить о его достоинствѣ и талантахъ, которые дали ему впослѣдствіи извѣстность, какъ писателю и проповѣднику (въ Ригѣ). Но если онъ былъ строгъ и точенъ въ своихъ урокахъ, за то вознаграждалъ насъ, когда бывалъ нами доволенъ, разсказывая, долгими осенними и зимними вечерами, страшные романы г-жи Радклифъ. Они были тогда почти въ такой-же модѣ, какъ романы Вальтеръ-Скотта лѣтъ 20 спустя.

Что касается изящныхъ искусствъ, то одинъ только изъ насъ, молодой Гончаровъ [9]) сдѣлался отличнымъ скрипачемъ; вообще же мы не особенно успѣвали ни въ музыкѣ, ни въ рисованьи; въ послѣднемъ, можетъ быть, по винѣ учителя: рисованіе мнѣ опротивѣло, потому что года два или три меня заставляли рисовать только глаза, носы да уши. Но изъ многихъ нашихъ учителей съ особеннымъ уваженіемъ и признательностью вспоминаю перваго нашего Московскаго законоучителя, почтеннаго, бѣловласаго старца, протоіерея Архангельскаго собора Петра Алексѣевича. Это былъ одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ тогдашнемъ духовенствѣ, авторъ многихъ духовныхъ сочиненій, между прочимъ уважаемаго Церковнаго Словаря. Онъ же былъ первымъ нашимъ духовникомъ. Лице его, благочестивое и свѣтлое, ободряющія его рѣчи, снисходительная мягкость и неизмѣнное терпѣніе во время уроковъ неизгладимо запечатлѣлись въ моей памяти. По несчастію, года черезъ два онъ скончался, и эта потеря была невознаградима для моего образованія въ дѣлѣ вѣры: я это чувствовалъ во всю жизнь.

Обученіе мое продолжалось отъ 6 до 7-ми лѣтъ; оно было неполно и поверхностно по многимъ частямъ. Разные учителя сами мало знали, либо не владѣли искусствомъ преподаванія. Столь существенные предметы, какъ математика, физика и другія естественныя науки, равнымъ образомъ логика и философія, самыя начальныя, проходились слегка; о правовѣдѣніи не было и помину. Я пишу обо всемъ объ этомъ съ памяти и съ грустью думаю, что таково вообще было такъ называемое блестящее образованіе, которое давали въ Москвѣ. Петербургъ, вѣроятно, не превосходилъ въ этомъ отношеніи Москвы. Что̀ же было по губерніямъ, и въ семействахъ менѣе достаточныхъ? Говорить и писать легко пофранцузски, кое-что знать изъ литературы, произносить наизусть и декламировать стихи, играть на сценѣ довольно свободно пьесы изъ «Друга Дѣтей» и изъ «Воспитательнаго Театра» (Théâtre d'Éducation) госпожи Жанлисъ, все это умѣть дѣлать (но въ худшей степени) и на своемъ родномъ языкѣ, бормотать кое-какъ понѣмецки (о древнихъ классическихъ языкахъ не было и слуху), ловко танцовать менуетъ или Французскую кадриль: вотъ что̀ называлось получить окончательное воспитаніе, т. е. воспитаніе домашнее, такъ какъ другаго воспитанія въ то время почти что не было. Правда, въ Москвѣ существовалъ единственный тогда на все государство универ-

[9]) Николай Аѳанасьевичъ Гончаровъ, тесть поэта Пушкина, отецъ его супруги Натальи Николаевны (родившейся 27 Августа 1812 г.) былъ отличнымъ музыкантомъ и до конца своей долголѣтней жизни любилъ играть на віолончели, не смотря на умоповрежденіе, которому онъ подвергся въ 1814 году, вслѣдствіе паденія съ лошади. *П. Б.*

ситетъ для высшаго образованія; но молодое дворянство почти вовсе не поступало, да и рѣдко могло быть допущено въ университетъ, по недостаточности предварительнаго обученія, которое было вполнѣ домашнее, т. е. вполнѣ иноземное и во всѣхъ отношеніяхъ поверхностное. Не то чтобъ ученики были виноваты въ этомъ или чтобы вовсе не находилось образованныхъ и способныхъ наставниковъ; главною виною было господствовавшее тогда слѣпое и несчастное пристрастіе ко всему иностранному. Предъидущія поколѣнія въ Россіи были вполнѣ заражены этимъ пристрастіемъ, которое безъ сомнѣнія ослабѣло съ тѣхъ поръ, но и до нашихъ дней еще не совсѣмъ прекратилось. Я самъ служу горестнымъ свидѣтельствомъ этого чужеземнаго вліянія, ибо нахожу для себя болѣе удобнымъ излагать эти воспоминанія не на моемъ родномъ, а на чужомъ языкѣ. Впрочемъ тутъ я менѣе другихъ виновенъ, такъ какъ служба моя, съ ранней молодости, заставила меня провести три четверти жизни за предѣлами моего отечества, и обязанный писать по-французски, прибѣгалъ я лишь очень рѣдко къ языку родному. Тѣмъ не менѣе я очень хорошо чувствую невыгоды этого обстоятельства и, не смотря на всѣ возможныя затрудненія, старался избавить отъ него моихъ дѣтей. Хотя они рождены и отчасти воспитаны въ чужихъ краяхъ, но я полагаю, что первоначальное ихъ воспитаніе ведено лучше, нежели мое. Если Богу угодно будетъ продлить ихъ существованіе и даровать имъ также дѣтей, то задача воспитанія будетъ для нихъ сопряжена съ меньшими затрудненіями, въ особенности потому, что въ послѣдніе полъ-вѣка, благодаря заботамъ нашего правительства и успѣхамъ просвѣщенія, способы образованія и воспитанія несравненно распространились и умножились въ нашемъ отечествѣ. У насъ теперь отъ пяти до шести университетовъ, множество гимназій и педагогическихъ заведеній, не считая училищъ военныхъ и женскихъ институтовъ.

Но, говоря объ учебной нашей жизни, не слѣдуетъ совсѣмъ пройти молчаніемъ то, что̀ всего охотнѣе вспоминается отъ временъ молодости, именно наши досуги. Въ хорошую погоду и въ деревнѣ мы, разумѣется, часто и по заведенному порядку, ходили гулять пѣшкомъ. Вблизи большаго дома было два прекрасныхъ сада и довольно большая роща; кромѣ того мы гуляли иногда довольно далеко по прекраснымъ сосѣднимъ окрестностямъ и любовались безграничною далью равниннаго пространства, украшеннаго дубовыми и орѣховыми лѣсами (куда мы ходили собирать желуди, орѣхи и грибы) и небольшою рѣчкою, которая извивалась вдоль домовой рощи, гдѣ въ особой оградѣ содержалось небольшое стадо оленей, а иногда водились волки и лисицы, посаженные на цѣпь и приготовленные на случай охоты. Въ те-

ченіе недѣли мы нетерпѣливо ждали Субботы, когда послѣ обѣда прекращались наши уроки. Какъ бывало радуешься благовѣсту къ вечернѣ (церковь была по сосѣдству съ домомъ) что̀ означало, что завтра Воскресенье, и мы цѣлый день свободны! Послѣ обѣдни мы вполнѣ могли располагать временемъ; намъ позволялось бѣгать на дворъ или, въ случаѣ дурной погоды или чрезмѣрнаго жара, забавляться чѣмъ угодно дома.

У насъ также была большая библіотека изъ Русскихъ и Французскихъ книгъ, въ которыхъ намъ позволяли рыться, и я теперь еще помню, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я сочиненія г-жи Le Prince de Bomont, Беркеня, г-жи Жанлисъ, Флоріана и проч. Когда я подросъ, меня въ особенности плѣнялъ Донъ-Кихотъ [10]) и собраніе рыцарскихъ сказокъ по-русски; имени сочинителя я не помню (*Славянскія Сказки*).

Я уже говорилъ о широкомъ гостепріимствѣ и веселой жизни въ Гончаровскихъ палатахъ. Это привлекало къ нимъ множество посѣтителей изъ окрестностей и давало мнѣ возможность довольно часто видаться съ моими родителями, въ особенности съ матушкою, пріѣзжавшею туда погостить на нѣсколько дней. Ей отъ времени до времени удавалось увозить меня съ собою, чтобы я могъ повидать мой домашній очагъ и младшихъ братьевъ и сестеръ. Гости, пріѣзжавшіе къ Гончаровымъ, иногда привозили съ собою своихъ родственниковъ, также дѣтей или молодыхъ людей обоего пола. Въ домѣ былъ большой и хорошій оркестръ а иногда привозили и учителя танцевъ изъ Москвы на лѣтнее время. Вечеромъ уроки музыки превращались въ импровизированные маленькіе балы, а утромъ по праздникамъ устроивались прогулки въ большомъ обществѣ. Впослѣдствіи эти сборища молодежи давали возможность устраивать небольшіе спектакли: играли пьесы изъ «Друга Дѣтей», изъ театра г-жи Жанлисъ, изъ Флоріана, также небольшіе водевили, а иногда доступныя нашему пониманію, Русскія пьесы, которыхъ въ то время было очень мало. Такъ какъ я былъ меньше всѣхъ ростомъ и притомъ болѣе бѣлокуръ нежели мои товарищи, то мнѣ часто давали играть женскія роли, и я помню, что игралъ Аржантину въ одной изъ комедій Флоріанова «Арлекина» и Молочницу въ пьесѣ «Два Охотника».

Въ числѣ посѣтителей, пріѣзжавшихъ иногда издалека, даже изъ Москвы, слишкомъ за 150 верстъ, были иной разъ довольно важ-

---

[10]) Это было чтеніе съ свободное время; а за уроками насъ заставляли особо читать и переводить исторію и стихи, а также Фенелонова Телемака, который, помню, очень для меня былъ скученъ.

ныя особы. Въ особенности двѣ личности сильно возбуждали въ то время нашё дѣтское любопытство. Имена и даже наружность ихъ живо сохранились въ моей памяти, тѣмъ болѣе что эти гости оба были лица историческія. Одинъ былъ знаменитый Шведъ, графъ Армфельдъ, другъ и наперсникъ злосчастнаго Густава III, который палъ къ нему на руки въ Стокгольмской оперной залѣ, пораженный Анкерстрёмомъ. Графъ Армфельдъ, преслѣдуемый своими врагами, тайными соумышленниками убійцы, и обвиняемый въ заговорѣ противъ Регента въ пользу малолѣтнаго сына покойнаго короля, бѣжалъ въ чужія страны. Но, не считая себя нигдѣ безопаснымъ, онъ рѣшился искать убѣжища въ Россіи, и императрица Екатерина благосклонно приняла его. Мѣстомъ жительства ему назначили городъ Калугу [11]), гдѣ онъ и поселился съ своею семьею, и по волѣ императрицы съ нимъ обходились весьма почтительно. Онъ считалъ необходимымъ для своей безопасности соблюдать инкогнито и носилъ прозваніе генерала Брандта. Подъ этимъ именемъ онъ принималъ посѣщенія мѣстнаго дворянства и однажды посѣтилъ тотъ фамильный замокъ, въ которомъ я жилъ. Онъ пріѣхалъ съ женою, провелъ два дня и былъ предметомъ самаго неусыпнаго вниманія со стороны хозяевъ. Гостей было на этотъ разъ больше обыкновеннаго, потому что сосѣднихъ дворянъ взманило любопытство. Это былъ въ то время мужчина лѣтъ 50, вполнѣ сохранившійся, пріятной наружности, высокаго роста, обхожденія весьма изысканнаго и въ тоже время весьма привѣтливаго. Онъ вовсе не имѣлъ печальнаго вида изгнанника. Жена его также сохранила довольно слѣдовъ прежней красоты, но выраженіе лица ея было серьезнѣе; она была сдержана и горда и, повидимому, затруднялась говорить по-французски, тогда какъ мужъ изъяснялся на этомъ языкѣ очень бѣгло. Извѣстно, что впослѣдствіи графу Армфельду были возвращены его права и помѣстья въ Швеціи, а вскорѣ послѣ того онъ поступилъ на Русскую службу, занималъ высокія должности, пользовался довѣріемъ императора Александра I-го и умеръ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ въ Петербургѣ.

Другое историческое лицо, которое я имѣлъ случай видѣть около того же времени, была знаменитая княгиня Дашкова, игравшая столь важную роль при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины и

---

[11]) Этотъ губернскій городъ, лежащій въ плодородной и довольно красивой мѣстности, на Окѣ, одной изъ самыхъ роскошныхъ нашихъ рѣкъ, повидимому предназначался служить убѣжищемъ для знатныхъ иностранцевъ. Не разъ туда отправляли на жительство плѣнныхъ Турецкихъ пашей, и въ послѣднее время Шамиля, бывшаго въ теченіе 25 лѣтъ нашимъ страшнымъ врагомъ на Кавказѣ. Онъ былъ побѣжденъ и покоренъ княземъ Барятинскимъ.

попавшая вскорѣ потомъ въ немилость. Послѣ долгихъ странствованій по Европѣ, она удалилась въ Москву доживать свои дни въ малоизвѣстности. Ея прошлое было очень хорошо извѣстно императору Павлу, и потому она подвергалась болѣе тяжкой опалѣ съ его стороны. Въ первые же дни его царствованія княгиня была выслана изъ Москвы съ приказаніемъ жить въ своемъ помѣстьи, недалеко отъ Калуги. По дорогѣ туда она заѣхала къ Гончаровымъ и у нихъ отобѣдала; я только и помню, что это была старуха, довольно непріятной наружности, въ долгополомъ суконномъ сюртукѣ съ большимъ орденомъ св. Екатерины на груди и съ громаднымъ колпакомъ на головѣ.

Съ наступленіемъ осени, передъ отъѣздомъ въ Москву на зиму, Гончаровы обыкновенно проводили мѣсяца два въ другихъ своихъ деревняхъ, въ домахъ болѣе простыхъ, занимаясь охотою. Дамы принимали въ этомъ участіе, а дѣти ѣзжали за кавалькадою съ однимъ или двумя гувернерами, чтобы не прерывать совсѣмъ уроковъ. Поѣздки на охоту были чѣмъ-то въ родѣ военныхъ походовъ (отъѣзжее поле). Человѣкъ двадцать сосѣдей и любителей охоты съѣзжались со свитою и сворами собакъ и выѣзжали въ поле на разсвѣтѣ, съ верховыми музыкантами (роговая музыка, о которой я говорилъ), которые слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи и выпугивали звѣря. Благоурожденные охотники, гоняясь за зайцемъ и лисицею, иной разъ захватывали ночи, такъ что возвращаться домой уже было невозможно. На таковой случай брались съ собою складныя палатки и повара съ припасами и посудою. На чистомъ воздухѣ устраивался отличный лагерь со всякимъ продовольствіемъ для охотниковъ, лошадей и собакъ. Эти охотничьи похожденія иногда продолжались въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Тутъ даже было нѣчто въ родѣ воинскаго учрежденія: назначались смотрители и судьи для рѣшенія сомнительныхъ случаевъ, для примиренія споровъ, (иногда довольно горячихъ), между хозяевами гончихъ собакъ, для оцѣнки ихъ достоинствъ. Отецъ мой пользовался славою опытнаго охотника, и его обыкновенно выбирали смотрителемъ и судьею на охотѣ. Дѣти конечно оставались дома съ женщинами и стариками; но торжественное возвращеніе охотниковъ со множествомъ зайцевъ, съ нѣсколькими лисицами, было и для насъ чѣмъ-то въ родѣ праздника. Сколько разсказовъ, сколько нескончаемыхъ разговоровъ и шуму! Въ добавокъ, за стѣсненіемъ въ комнатахъ, уроки не рѣдко отмѣнялись и сокращались и, къ удовольствію нашему, насъ отпускали гулять по рощамъ на болѣе продолжительное время.

Пора охоты проходила, и начинались приготовленія къ переѣзду многолюдной колоніи въ Москву. Обыкновенно мы пріѣзжали туда уже зимнимъ путемъ, за нѣсколько времени до Рождества. Въ Москвѣ тогда

не было ни тротуаровъ, ни бульваровъ. По праздникамъ мы катались по городу въ саняхъ, а дома, въ свободные часы, бѣгали и играли въ довольно обширной залѣ. Мало по малу насъ знакомили съ дѣтьми нашего возраста, и мы поочередно съѣзжались для общихъ танцевъ. Это насъ забавляло и подготовляло общественныя связи для будущаго. Тогда я свелъ знакомство съ молодымъ Чернышевымъ, которой былъ года на два на три старше меня. Онъ отличался между нами особенною ловкостью въ обращеніи и лучше всѣхъ насъ танцовалъ. Во время великихъ войнъ противъ Наполеона, онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность, а позднѣе сдѣланъ княземъ и достигъ высшихъ должностей въ государствѣ. Я долженъ сказать, что, не смотря на значительную разницу въ нашихъ служебныхъ положеніяхъ и на мое продолжительное отсутствіе, всякій разъ, какъ мы встрѣчались въ Россіи, онъ сохранялъ сердечное воспоминаніе о нашихъ первоначальныхъ отношеніяхъ. Раза два или три зимою насъ обыкновенно возили въ Русскій театръ, а на масляной въ публичной маскарадъ, которой довался въ Воскресенье поутру, въ одной изъ бальшихъ залъ театра, содержимаго англичаниномъ Медоксомъ. Насъ рядили въ домино и надѣвали на насъ маски, чему мы отмѣнно бывали ради, тѣмъ болѣе, что на маскарадѣ подавался завтракъ, и мы могли наѣдаться конфетъ. Тогда въ Москвѣ не было не только Итальянской, но и Французской труппы; но иногда давались на Русскомъ театрѣ оперы, переведенныя съ Итальянскаго и Французскаго. Помнится мнѣ, какъ я видѣлъ знаменитаго Фонъ-Визинскаго *Недоросля*, народный водевиль *Мельникъ* и оперу *Cosa Rara*, сочиненіе Мартини, которымъ тогда восхищалась Москва и который былъ въ такомъ почетѣ, что одна его арія иногда вставлялась въ Моцартова *Донъ-Жуана*.

Говоря о нашихъ Московскихъ зимнихъ забавахъ, я не долженъ забыть про одну забаву, прямо-народную: про ледяныя горы, на которыхъ мы катались въ теченіи масляницы, а иногда, если погода позволяла, и великимъ постомъ. Нѣсколько этихъ *Русскихъ горъ* (какъ ихъ величаютъ въ чужихъ краяхъ) устроивались у насъ за домомъ, на огородѣ. Намъ позволяли на нихъ кататься, въ особенности потому, что такое движеніе на чистомъ воздухѣ полезно для здоровья, упражняя физическія силы.

Упражненія въ благочестіи не были также забываемы, кромѣ уроковъ Закона Божія. Мы жили между двумя церквами и постоянно ходили къ обѣднѣ въ праздничные дни и даже довольно часто ко всенощной.

Разъ въ недѣлю бывали у насъ квартеты, которые исполнялись лучшими музыкантами въ Москвѣ, для поощренія рано развившагося и

замѣчательнаго дарованія къ музыкѣ въ молодомъ Николаѣ Аѳанасьевичѣ Гончаровѣ. Тутъ и я, въ качествѣ слушателя, очень полюбилъ инструментальную и классическую музыку, и эта любовь во мнѣ осталась, хотя самъ я не музыкантъ, или очень плохой.

Уѣзжали мы въ Калужскую деревню не раньше половины или конца Мая мѣсяца, и потому въ Москвѣ, съ наступленіемъ весны, могли возобновлять прогулки пѣшкомъ, по садамъ и возвышенностямъ въ сосѣдствѣ нашего дома близъ Андроньева монастыря, находящагося на прекрасномъ высокомъ мѣстѣ; хаживали мы и за городъ, въ окрестности другаго, болѣе отдаленнаго монастыря (Симонова), который славится превосходными видами на столицу и на Москву-рѣку, равно какъ и прекраснымъ церковнымъ пѣніемъ, привлекавшимъ многихъ слушателей.

Короткое и бурное царствованіе Павла I-го, бурное въ особенности въ высшемъ Петербургскомъ кругу вслѣдствіе безпрестанной перетасовки главныхъ государственныхъ и придворныхъ дѣятелей, которые то пользовались необыкновенною милостью, то подвергались внезапной опалѣ, это царствованіе не выражалось ничѣмъ особеннымъ въ частной Московской жизни, по крайней мѣрѣ въ жизни школьниковъ нашего возраста, и я не сохранилъ отъ того времени замѣчательныхъ историческихъ воспоминаній. Помню только, что блестящій походъ и побѣды стараго фельдмаршала Суворова въ Италіи, въ 1799 году, были въ то время въ Москвѣ главнымъ предметомъ разговоровъ; ими питалось чувство народной гордости, и они придавали, по крайней мѣрѣ извнѣ, яркій блескъ царствованію мрачному, причудливому и не возбуждавшему сочувствія внутри Россіи. Помню также, какъ въ это время или нѣсколько позже, я предавался смѣшному для моего возраста обожанію нарождавшейся славы Бонапарта. Его подвиги въ Италіи и Египтѣ внушали мнѣ восторгъ, надъ которымъ много трунили не только мои товарищи, но и наши Русскіе и Нѣмецкіе наставники. Мнѣ ужасно какъ хотѣлось добыть маленькій портретъ моего героя. Это обожаніе продолжалось довольно долго, не вселивъ однако въ меня особенной охоты къ военному поприщу; оно исчезло окончательно лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ отвратительной и трагической катастрофы съ симпатическимъ герцогомъ Энгіенскимъ.

Но чтò я довольно живо помню, это внезапную и совершенно неожиданную вѣсть о кончинѣ императора Павла, великимъ постомъ, въ Мартѣ 1801 года. Мы сидѣли въ классѣ, какъ вдругъ намъ приказали, не кончивъ уроковъ, идти со всѣми въ церковь на панихиду по Государѣ и для принесенія присяги его преемнику. Когда кончилась церковная служба, священникъ сталъ читать манифестъ, возвѣщавшій, что покойный Государь скончался отъ *апоплексическаго удара* (повидимо-

му, онъ затруднялся произнести это выраженіе, мало употребительное на Русскомъ языкѣ) и пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ поднять руку, въ то время какъ онъ громкимъ голосомъ читалъ слова присяги [12]). На всѣхъ лицахъ замѣчались удивленіе и недоумѣніе, но вовсе не горесть. Тоже самое чувствовали и мы, тѣмъ болѣе что наше юношеское любопытство и распросы не встрѣчали ни малѣйшаго разъясненія. Прошли годы, прежде чѣмъ я узналъ, въ чемъ было дѣло, которое для многихъ другихъ такъ и осталось тяжкою загадкою, какъ и въ первые дни. По выходѣ изъ церквей вѣсть о перемѣнѣ царствованія, какъ молнія, распространилась по всему городу. Улицы, обыкновенно тихія великимъ постомъ, наполнились народомъ, и хотя страхъ передъ суровою и придирчивою полиціею удерживалъ прохожихъ отъ всякаго шумнаго заявленія, тѣмъ не менѣе на всѣхъ лицахъ видно было оживленное удовольствіе; только полицейскіе служители, проходившіе по улицѣ мимо нашихъ оконъ, казались болѣе озабоченными и важными. Въ нашъ домъ цѣлый день безпрестанно пріѣзжало множество посѣтителей; всѣ говорили съ радостью и надеждою о молодомъ императорѣ Александрѣ, добрыя качества котораго давно уже были извѣстны: помнили его прекрасную наружность и кроткое обращеніе въ пріѣздъ его въ Москву великимъ княземъ. Вотъ анекдотъ, въ сущности дѣтскій, но характеристическій. Извѣстіе о великомъ событіи пришло въ Москву наканунѣ Лазаревой Субботы, когда бываетъ большое гулянье въ экипажахъ и верхами въ той части города, гдѣ выставляются на продажу разукрашенныя вербы. Мы тоже туда поѣхали и смотрѣли уже не столько на вербы, какъ на молодыхъ щеголей, смѣло разъѣзжавшихъ верхами въ круглыхъ шляпахъ, подъ самымъ носомъ грозныхъ

---

[12]) Вотъ подлинный манифестъ о кончинѣ Павла Петровича:

„Божіею милостію мы Александръ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ. Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго родителя нашего Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственно Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему Отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицемъ Всевидящаго Бога, прося Его да подастъ намъ силы къ снесенію бремени нынѣ на насъ лежащаго. Данъ въ Санктпетербургѣ Марта 12-го дня 1801 года. На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Александръ. Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Марта 12 дня 1801 года.“ Манифестъ этотъ сочиненъ Д. П. Трощинскимъ. *П. Б.*

полицейскихъ чиновниковъ. Круглыя шляпы, наравнѣ съ фраками и длинными панталонами, были строго запрещены и преслѣдуемы полиціей въ теченіи четырехъ лѣтъ, такъ что ихъ ни за что нельзя было найти въ продажѣ. Тутъ, за одну ночь, они были изготовлены, и вскорѣ снова вошли во всеобщее употребленіе. Тоже мало по малу произошло съ военнымъ нарядомъ: исчезли Прусская прическа и долгая коса съ пудрою.

Въ этотъ годъ мы уѣхали въ деревню раньше обыкновеннаго (и я въ послѣдній разъ, сверхъ моего ожиданія), для того чтобы къ концу Августа возвратиться въ Москву, на праздники коронаціи молодаго Государя, которая была назначена въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, по примѣру коронаціи Екатерины II-й. Лѣто въ деревнѣ было прекрасное; по обыкновенію мы гуляли по долгу пѣшкомъ, и кромѣ того часто и большимъ обществомъ катались верхами; а я, въ добавокъ, имѣлъ утѣшеніе провести нѣсколько недѣль дома, съ родителями, посреди братьевъ и сестеръ, число которыхъ умножилось за время моей отлучки изъ-подъ роднаго крова.

Когда мы возвратились въ Москву, старая столица оживленно готовилась къ пріему и коронаціи императора Александра, сдѣлавшагося по всему государству, съ первыхъ же мѣсяцевъ царствованія, предметомъ всеобщаго восхищенія и благословеній. Мы также находились на устроенныхъ для зрителей подмосткахъ и увидѣли, но съ лучшимъ пониманіемъ, тоже самое что̀ и въ коронацію Павла; но большая чувствовалась разница въ ощущеніяхъ: толпа изо всѣхъ сословій съ радостною любовью привѣтствовала молодаго государя-красавца, тогда какъ на предшественника его смотрѣли съ молчаливою сдержанностью, къ которой примѣшивались любопытство и удивленіе.

Императоръ Александръ, съ дворомъ своимъ и императорскою фамиліею, по обычаю, остановился сначала въ Петровскомъ загородномъ дворцѣ (гдѣ въ 1812 году, во время большаго Московскаго пожара, нашелъ себѣ убѣжище Наполеонъ) и еще до торжественнаго въѣзда въ Москву нѣсколько разъ, *почти какъ частный человѣкъ,* посѣщалъ столицу и главные храмы. Онъ ѣздилъ съ молодою императрицею то въ коляскѣ, то въ самой простой каретѣ, съ Русскою упряжью, безъ всякаго сопровожденія, кромѣ двухъ лакеевъ, одѣтыхъ очень просто. Мужъ и жена блистали въ то время молодостью и красотою. Ихъ скоро узнавали; толпа народа привѣтствовала ихъ съ восторгомъ, слѣдовала за ними по улицамъ, росла все болѣе и болѣе съ каждою остановкою ихъ у церквей. Всякому хотѣлось посмотрѣть на нихъ ближе, коснуться ихъ одежды, сказать имъ ласковое слово, пожелать всякаго блага. Имъ приходилось подвигаться не иначе какъ шагомъ, посреди несмѣтнаго народа,

до самаго выѣзда изъ города. Мнѣ приходилось, во время обычныхъ нашихъ прогулокъ по улицамъ, бывать свидѣтелемъ этого внезапнаго зрѣлища, и я могъ довольно близко разсмотрѣть по выраженію лицъ 23-лѣтняго Государя и его супруги, которая была еще моложе его, до какой степени они бывали тронуты этими заявленіями, отвѣчая на нихъ благоволительными взорами и поклонами.

Въ дни торжественнаго въѣзда и вскорѣ затѣмъ коронаціи (15 Сентября 1801), равно какъ большую часть времени пребыванія двора въ Москвѣ, стояла чудесная и теплая осенняя погода, какая рѣдко бываетъ у насъ въ Россіи. Населеніе столицы почти удвоилось. Блестящія празднества слѣдовали одно за другимъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ мы были; такъ напр. на великолѣпной иллюминаціи Кремля, на колоссальномъ пиру, который, по обычаю, данъ былъ для народа, собравшагося для того въ числѣ отъ 150 до 200 тысячъ человѣкъ на одной изъ большихъ Московскихъ площадей, на сельскомъ народномъ праздникѣ въ любимомъ мѣстѣ весеннихъ прогулокъ, Марьиной Рощѣ, гдѣ красовались во всемъ богатствѣ и великолѣпіи частные и придворные экипажи при яркомъ, какъ бы лѣтнемъ солнцѣ, хотя и въ Сентябрьскіе дни. Такъ какъ мы были уже подростками, почти юношами, то насъ, не заурядъ, повезли на балъ Московскаго и Всероссійскаго дворянства во дворцѣ Нѣмецкой Слободы (сгорѣвшемъ въ 1812 г.). Передъ нами, въ Польскомъ, проходила вся императорская фамилія. Красота и благодушіе Государя выступали еще ярче въ присутствіи в. князя Константина, который напоминалъ лицомъ императора Павла. Въ день коронаціи, когда Государь шелъ подъ балдахиномъ изъ дворца по Красному крыльцу, сначала въ мундирѣ, а изъ собора въ пурпуровой мантіи и съ императорскою короною на головѣ, я помню, какъ вокругъ меня раздавались восклицанія, въ особенности изъ женскихъ устъ: «какъ онъ хорошъ! какой ангелъ!» и пр. Въ этотъ день у насъ къ обѣду собралось гостей болѣе обыкновеннаго. За столомъ не прекращались разговоры о великолѣпіи торжества и о всеобщемъ восторгѣ къ Государю. Одинъ молодой Преображенскій офицеръ замѣтилъ, что для полноты дѣла недоставало одного: молодому Императору, на пути въ соборъ для воспріятія царскаго вѣнца, слѣдовало бы обратиться къ собравшимся зрителямъ и спросить ихъ, желаетъ ли Русскій народъ имѣть его своимъ государемъ. «Это было бы тѣмъ легче сдѣлать», прибавилъ офицеръ, «что въ отвѣтѣ не могло быть сомнѣнія». Сидѣвшіе за обѣдомъ, повидимому, не придали никакого значенія этому отзыву и только посмѣялись надъ молодымъ человѣкомъ за его увлекательность; но я крѣпко призадумался, можетъ быть потому, что слова офицера какъ-то согласовались съ моею собственною юношескою спо-

собностью увлекаться. Нѣсколько лѣтъ позже, я особенно вспоминалъ про эти слова, соображая о томъ, какъ уже въ началѣ этого столѣтія, тотчасъ вслѣдъ за управленіемъ самымъ строгимъ и насильственнымъ, въ умахъ нашей военной молодежи могли возникать подобныя свободолюбивыя помышленія.

Въ прошлое бурное царствованіе родители всячески старались отсрочить вступленіе сыновей своихъ на служебное поприще; новое правленіе, начавшееся при столь благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, наоборотъ, побуждало всѣхъ къ инымъ соображеніямъ. Мои покровители, пользуясь своими отношеніями къ одному изъ главныхъ лицъ въ государствѣ, пріѣхавшему со дворомъ на коронацію, помѣстили своего единственнаго сына въ пажи, что̀ служило обыкновенно преддверіемъ къ военному поприщу, на которое онъ желалъ вступить и могло сулить ему быстрое повышеніе, при его красивой наружности, живомъ и любезномъ нравѣ и значительномъ богатствѣ. Такъ какъ я не имѣлъ ни одной изъ этихъ принадлежностей и къ тому же не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, то меня сочли болѣе способнымъ къ какой-нибудь гражданской службѣ; я же, въ добавокъ, даже и въ часы отдыха, любилъ заниматься чтеніемъ, оказалъ нѣкоторые успѣхи въ иностранныхъ языкахъ и отличался довольно счастливою памятью. Служба дипломатическая, для приготовленія къ которой въ то время приспособили Московскій Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ, начинала входить въ моду, и мои покровители возымѣли намѣреніе опредѣлить меня туда, при посредствѣ того высокаго лица, о которомъ упомянулъ я выше, и конечно испросивъ напередъ согласія моихъ родителей. Согласіе тотчасъ послѣдовало: батюшка и матушка сочли, что будущность моя тѣмъ обезпечивалась, хотя и жалѣли, что я, только что вышедши изъ отрочества, уже пускаюсь въ службу. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было только пятнадцать лѣтъ отъ роду. Мнѣ жаль было разстаться съ моимъ добрымъ и любезнымъ товарищемъ, съ его родителями, моими благосклонными покровителями, въ особенности съ его отцемъ, покинуть домъ, сдѣлавшійся для меня, въ теченіи семи лѣтъ, почти роднымъ; но по легкомыслію моего возраста, я радовался мыслію, что освобождаюсь отъ уроковъ и выхожу изъ-подъ надзора учителей, которые въ то время, даже и въ домашнемъ воспитаніи, еще не перестали быть строгими. Вскорѣ потомъ я почувствовалъ, что это внезапное и преждевременное прекращеніе занятій было виною непоправимыхъ изъяновъ въ моемъ воспитаніи. Сожалѣніе о томъ росло во мнѣ; я старался, самоученіемъ, поправить дѣло, но было уже слишкомъ поздно, и я никогда не имѣлъ успѣха.

Дѣло скоро уладилось; но для меня, и въ особенности для матушки, была горька необходимость жить въ большой дали отъ всего семейства, такъ какъ на слѣдующую весну я долженъ былъ сопровождать моего будущаго покровителя въ Петербургъ и служить тамъ подъ его охраною. Къ великому моему утѣшенію, безподобная моя матушка, никогда не покидавшая деревни ради многихъ малолѣтныхъ моихъ братьевъ и сестеръ, на этотъ разъ рѣшилась провести недѣлю-другую въ Москвѣ со мною, чтобы наглядѣться на меня, снабдить мудрыми наставленіями, преподать мнѣ материнское благословеніе. Могъ ли я думать, что прощаюсь съ нею на вѣки? Но она, кажется, это предчувствовала. Я имѣлъ несчастіе лишиться ея черезъ два или три года послѣ переселенія моего въ Петербургъ. Она скончалась, не достигши и 40 лѣтняго возраста; но ея память, ея примѣръ, ея слова никогда до могилы не изгладятся изъ моего сердца. Своими семейными добродѣтелями, тихою ясностью своего существа, терпѣливостью, разумною набожностью, душевною силою въ обстоятельствахъ стѣсненныхъ, она олицетворяла собою *жену доблюю*, о которой говорится въ Священномъ Писаніи [13]).

*

Излагая эти частныя и личныя воспоминанія, которыя могутъ быть занимательны только для моихъ дѣтей, считаю нужнымъ вкратцѣ перечислить имъ родство ихъ въ восходящей линіи, которое пишу на родномъ языкѣ.

Отецъ мой, *Петръ Семеновичъ* Бутеневъ, родился въ 1751 году въ наслѣдственномъ маленькомъ помѣстьѣ *Абинъ*, Тульской губерніи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, которое и теперь принадлежитъ моему меньшому брату Владимиру и дочерямъ покойной сестры Александры, по уступкѣ имъ моего права на мою долю наслѣдства, вскорѣ послѣ кончины нашего родителя.

Дѣдъ мой *Семенъ Васильевичъ* Бутеневъ, коего предки, получили, при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, помѣстье *Абинъ*, въ награду за воинскую службу (при сохранявшейся еще тогда жалованной грамотѣ), скончался въ 1808 г., будучи болѣе 90 лѣтъ отъ роду. Отецъ мой, прослуживъ по тогдашнему общему обычаю нѣсколько лѣтъ въ нижнихъ чинахъ гвардейскаго Преображенскаго полка, выпущенъ въ штатскую службу, служилъ по выборамъ дворянства въ Тульской и Калуж-

---

[13]) Мы знали старушекъ, которыя еще помнили А. В. Бутеневу. Покойная А. П. Елагина отзывалась объ ней какъ о рѣдкомъ примѣрѣ женскихъ добродѣтелей.

П. Б.

ской губерніяхъ, потомъ былъ короткое время городничимъ въ *Каширѣ*, вышелъ въ отставку и скончался въ своемъ помѣстьѣ Абинь въ 1817 г.

Мать моя *Александра Васильевна*, дочь заслуженнаго морскаго офицера Екатерининскихъ временъ, *В. Н. Спафарьева*, родилась въ 1762-мъ году, скончалась въ 1804 г., вскорѣ послѣ трудныхъ послѣднихъ родовъ, оставивъ послѣ себя 4-хъ сыновей (изъ коихъ я былъ старшій) и 4-хъ же дочерей, кромѣ 3-хъ умершихъ въ малолѣтствѣ дѣтей.

Изъ братьевъ моихъ только одинъ доселѣ остался въ живыхъ, *Владиміръ*, воспитанный въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, служившій въ знаменитыхъ войнахъ 1812—1815 г., потомъ и въ Польскую 1831 г.; теперь въ отставкѣ генералъ-маіоромъ.

Другой братъ *Леонтій*, также выпущенъ изъ Кадетскаго Корпуса, но продолжалъ гражданскую службу и умеръ статскимъ совѣтникомъ въ 1852-мъ году.

Третій и младшій *Иванъ*, воспитывался сперва въ Ревелѣ у дяди нашего морскаго генерала Леонтія Васильевича Спафарьева, очень извѣстнаго и любимаго во флотѣ (бывшаго въ походахъ въ Италіи и Англіи), а потомъ кончилъ ученіе въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, выпущенъ офицеромъ въ 1820 г., былъ въ числѣ питомцевъ незабвеннаго адмирала *М. П. Лазарева*, съ коимъ ходилъ кругомъ свѣта на фрегатѣ *Крейсеръ*, а потомъ и въ знаменитомъ Наваринскомъ сраженіи (въ 1827 г.), на кораблѣ *Азовъ*, гдѣ оторвало у него ядромъ правую руку; прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ, умеръ отъ послѣдствія своей раны, въ 1836-мъ году, въ чинѣ капитана 1-го ранга и въ званіи флигель-адъютанта покойнаго императора Николая I-го.

Въ числѣ умершихъ малолѣтныхъ братьевъ былъ еще *Николай*, также назначенный быть морякомъ, умеръ гардемариномъ.

Изъ сестеръ же двѣ старшія, *Варвара* и *Анна*, скончались недавно незамужними. Двѣ младшія: *Надежда* и *Александра*, изъ коихъ первая въ 1846-мъ г. осталась вдовою безъ дѣтей послѣ почтеннаго своего мужа Н. А. Татаринова, а вторая умерла вскорѣ послѣ своего мужа А. П. Эри, оставивъ трехъ дочерей.

Изъ всѣхъ сестеръ, я съ самыхъ молодыхъ лѣтъ связанъ былъ, кромѣ узъ родства, нѣжною и неизмѣняемою дружбою по сіе время съ сестрою Надеждою, которая воспитывалась, почти при моихъ глазахъ, въ Смольномъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ, и при выпускѣ, удостоилась получить въ награду за отличные успѣхи въ ученіи, знакъ отличія (*2-й вензель*).

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

1802 — 1812.

Первая половина царствованія императора Александра I-го.

Весною 1802 года, едва пятнадцати лѣтъ отъ роду, я слишкомъ рано покончилъ мою дѣтскую и отроческую жизнь и вступилъ въ юношескій возрастъ, переѣхавъ для того изъ Москвы въ Петербургъ. По счастію я скоро привыкъ къ новому моему положенію, благодаря семейству высокаго моего покровителя, которое отнеслось ко мнѣ съ трогательною и почти родственною заботливостію; между нами образовались связи признательности и взаимной дружбы, которыя существуютъ до сей поры.

Фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь Николай Ивановилъ Салтыковъ (1736 — 1816), подъ кровомъ котораго я началъ мою Петербургскую жизнь, служилъ съ отличіемъ въ Семилѣтнюю войну противъ Фридриха Великаго, а Екатериною назначаемъ былъ на важнѣйшія военныя и придворныя должности. Онъ завѣдывалъ малымъ дворомъ, т.-е. дворомъ великаго князя Павла Петровича, котораго потомъ сопровождалъ во время путешествія его по Европѣ. Затѣмъ онъ былъ главнымъ наставникомъ великаго князя Александра Павловича до его женитьбы. Онъ почти одинъ изъ сановниковъ Екатерининскаго царствованія не утратилъ почета и вліянія при Павлѣ. Его августѣйшій воспитанникъ почтилъ его княжескимъ титуломъ и выразилъ ему свое уваженіе и довѣріе, поставивъ его во главу всего внутренняго управленія имперіею, во время долгаго своего отбытія изъ Россіи, въ теченіи Европейскихъ войнъ съ 1812 по 1815 годъ.

У стараго фельдмаршала было три сына. Одинъ изъ нихъ, уже занимая важную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, вызвался опредѣлить меня на службу въ это вѣдомство, къ чему я и готовился подъ его глазами, читая то, что мнѣ было нужно по его указаніямъ [14]). Тутъ въ первый разъ познакомился я со старыми книгами Пуффендорфа, съ дипломатическимъ сборникомъ Ламберти, съ протоколами Вестфальскаго конгресса и съ другими подобнаго рода сочиненіями. Они мнѣ тогда показались очень сухи, да и въ послѣдствіи, признаюсь, не принесли мнѣ той пользы, какую извлекалъ я изъ со-

---

[14]) Князь Александръ Николаевичъ, женатый на графинѣ Головкиной. П. Б.

чиненій новѣйшихъ, болѣе приспособленныхъ къ ходу и свойству политическихъ дѣлъ нашего времени, столь непохожаго на времена прежнія. Второй сынъ князя Салтыкова [15]) служилъ при дворѣ; но самый старшій изъ нихъ, князь Дмитрій Николаевичъ (1767 — 1826), женатый на Аннѣ Николаевнѣ, урожденной Леонтьевой (1776 — 1810), не могъ заниматься дѣятельною службою по нездоровью [16]), и жилъ въ домѣ у отца съ молодою своею семьею. Прелесть и рѣдкія достоинства супруги украшали эту образцовую семью. Мужъ и жена съ самаго начала отнеслись ко мнѣ съ благорасположеніемъ, которое никогда не прерывалось, такъ что я сохранилъ къ нимъ что-то въ родѣ сыновней любви. Въ высшихъ сферахъ тогдашняго общества они представляли собою рѣдкій примѣръ семейственной добродѣтели, а по душѣ и образованію были людьми избранными. Жить съ ними мнѣ было очень пріятно; фельдмаршалъ также благоволилъ ко мнѣ и заставлялъ иногда читать себѣ вслухъ военныя и политическія сочиненія. Мнѣ было такъ хорошо, что я не безпокоился отсрочками дѣйствительнаго моего поступленія на службу. Эти отсрочки продолжались около двухъ лѣтъ, и вотъ по какому смѣшному и въ тоже время характеристическому обстоятельству, которое въ то время возбуждало во мнѣ чувство досады.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, новый мой покровитель далъ мнѣ рекомендательное письмо къ князю Куракину, тогдашнему вице-канцлеру, который номинально начальствовалъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ (политическими дѣлами завѣдывалъ графъ Кочубей). Вооруженный письмомъ князя Салтыкова, явился я на аудіенцію къ вице-канцлеру. Онъ принялъ меня благоволительно и съ вѣжливостію настоящаго царедворца, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько пустыхъ вопросовъ о моемъ воспитаніи, едва выслушалъ мои отвѣты и, направляясь къ другимъ лицамъ, которыя его ждали, сказалъ мнѣ, чтобъ я навѣдывался къ нему въ назначенные для представленія дни, пока кончены будутъ околичности и предварительныя справки, необходимыя для поступленія моего на службу.

По тогдашней моей неопытности я только дивился столь быстрому исполненію моихъ желаній. Когда я разсказалъ старому фельдмаршалу, какъ лестно былъ я принятъ княземъ Куракинымъ, онъ тоже выразилъ увѣренность въ успѣхѣ. Вполнѣ обнадеженный, я началъ довольно часто ходить на представленія къ вице-канцлеру, жившему тогда въ Чер-

---

[15]) Князь Сергѣй Николаевичъ, женатый на кн. Е. В. Долгоруковой. П. Б.

[16]) Онъ былъ слѣпорожденный. П. Б.

нышевскомъ домѣ, у Синяго моста [17]), причемъ соблюдалъ я правила тогдашняго этикета, т.-е. являлся въ губернскомъ дворянскомъ мундирѣ и напудренный. Съ восшествіемъ на престолъ Александра пудра стала выходить изъ моды, и я, увлекшись примѣромъ нѣкоторыхъ моихъ молодыхъ знакомыхъ, которые слыли за щеголей, позволилъ себѣ однажды явиться къ князю Куракину, хотя и въ мундирѣ, но безъ пудры. Князь Куракинъ былъ царедворецъ стараго завѣта, строго державшійся всѣхъ правилъ этикета; можетъ быть также, что въ этотъ день онъ былъ не въ духѣ. Приблизившись ко мнѣ, онъ обмѣрилъ меня гнѣвнымъ взглядомъ и, вмѣсто обычной своей ласковости, сталъ долго и строго выговаривать мнѣ о непростительномъ незнаніи приличій и о томъ, какъ я осмѣлился явиться безъ пудры. Въ комнатѣ было довольно много представлявшихся, и рѣчь вице-канцлера до того смутила меня, что я не пытался даже извиниться или сказать что-либо въ свое оправданіе. Вѣроятно даже, что мнѣ бы и не позволили говорить. Я возвратился домой чрезвычайно смущенный и опасаясь послѣдствій моего поступка. Сынъ фельдмаршала, бывшій членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, посмѣялся надо мною и ободрилъ меня, сказавши, что неудовольствіе князя Куракина скоро пройдетъ и что при первомъ удобномъ случаѣ онъ употребитъ для того свое посредничество. Такъ и случилось: вице-канцлеръ, человѣкъ въ сущности мягкій, отозвался, что онъ сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе для моей же будущей пользы, обѣщалъ положительно ускорить мое опредѣленіе на службу и даже назначилъ время, когда я долженъ къ нему явиться для формальнаго о томъ оповѣщенія. Но мнѣ и тутъ была неудача, потому что вскорѣ князь Куракинъ былъ замѣщенъ канцлеромъ графомъ Александромъ Воронцовымъ, а товарищемъ къ нему назначенъ князь Адамъ Чарторижскій, бывшій передъ тѣмъ посланникомъ при Сардинскомъ королѣ. Лишь чрезъ два года, въ Іюлѣ 1804 года, наконецъ, удалось мнѣ поступить на службу въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, подъ начальство князя Чарторижскаго, который находился тогда на вершинѣ своего вліянія и скоро сдѣлался «управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ». (Старый канцлеръ графъ Воронцовъ, удрученный лѣтами и болѣзнями, уѣхалъ къ себѣ въ деревню въ безсрочный отпускъ). Вмѣстѣ съ графомъ П. А. Строгановымъ и Н. Н. Новосильцовымъ, князь Чарторижскій игралъ большую роль въ первые годы этого царствованія, пользуясь особеннымъ довѣріемъ императора Александра.

[17]) Домъ этотъ разрушенъ, и на его мѣстѣ возникъ прекрасный нынѣшній дворецъ великой княгини Маріи Николаевны, герцогини Лейхтенбергской. При Павлѣ, во время эмиграціи, Чернышевскій домъ былъ отведенъ принцу Конде, на время его пребыванія въ Петербургѣ.

Долгое ожиданіе служебнаго мѣста проходило для меня пріятно и не безъ пользы. Я взялся составить каталогъ Салтыковской библіотеки. Книги въ ней покупались еще съ середины прошлаго вѣка, при Елисаветѣ и потомъ при Екатеринѣ. Ихъ было отъ 4 до 5 тысячъ, большею частью на Французскомъ языкѣ, содержанія историческаго, по разнымъ наукамъ и словесности (между прочимъ многотомная Энциклопедія); попадались кое-какіе Нѣмецкія и Англійскія сочиненія, а Русскихъ книгъ въ этой библіотекѣ, принадлежавшей одному изъ древнѣйшихъ и славныхъ Русскихъ домовъ, едва набиралась какая-нибудь сотня: вотъ доказательство, до какой степени равнодушно относились у насъ въ эту пору къ успѣхамъ своенароднаго просвѣщенія.

Разскажу теперь о Петербургѣ, какъ я его засталъ въ 1802 году. Въ этой новой столицѣ нашей всего болѣе поразила меня широкая, голубоводная Нева съ ея прекрасными гранитными набережными и множествомъ всякаго рода судовъ и купеческихъ барокъ, нагруженныхъ товарами. Ничего подобнаго я прежде не видывалъ, и первые дни просто не отходилъ отъ оконъ въ домѣ стараго фельдмаршала (на Дворцовой Набережной, почти рядомъ съ лѣтнимъ садомъ и не подалеку отъ зимняго дворца). Лѣтній садъ съ его знаменитою рѣшеткой, зимній дворецъ и крѣпость на томъ берегу Невы были тѣже, какъ и теперь; но Адмиралтейство и большая верфь оставались еще въ томъ почти видѣ какъ они были построены при Петрѣ Великомъ, окруженные бастіонами и широкими рвами, чрезъ которые были перекинуты подъемные мосты, въ Голландскомъ, простомъ и не разсчитанномъ на изящество вкусѣ. Нынѣ тутъ широкій бульваръ для общественной прогулки. Теперешнее прекрасное зданіе Адмиралтейства возникло при Александрѣ Павловичѣ, и отъ прежняго сохранилась только высокая, позолоченная игла. Исаакіевская площадь въ то время прорѣзалась надвое небольшимъ каналомъ, который шелъ отъ Адмиралтейства и доходилъ довольно далеко до другаго канала, Крюкова. Подъемный мостъ соединялъ собою обѣ половины площади, изъ коихъ на одной возвышался славный памятникъ Петру Великому, а на другой находился храмъ св. Исаакія, не нынѣшній великолѣпный и недавно освященный, а тотъ что̀ при Екатеринѣ выведенъ былъ на половину изъ прекраснаго Сибирскаго мрамора, а при Павлѣ кое-какъ безобразно достроенъ изъ кирпича. Эта половина Исаакіевской площади была тогда не такъ обширна, какъ теперь. Она шла до Мойки и перекинутаго чрезъ нее деревяннаго Синяго моста; вмѣсто нынѣшнихъ величавыхъ зданій (Министерства Государственныхъ Имуществъ, нѣсколько похожаго на дворецъ Фарнезе въ Римѣ, колоссальнаго, но не совсѣмъ правильнаго дома военнаго министерства, прежде принадлежавшаго князю

Лобанову и прекраснаго дворца великой княгини Маріи Николаевны), площадь эту окаймляли съ этой стороны низенькіе и довольно невзрачные домики.

Напротивъ зимняго дворца былъ тогда одинъ только большой домъ Кушелева, гдѣ помѣщался Нѣмецкій театръ, а наверху, въ большихъ залахъ, давались концерты и общественныя празднества. Рядъ небольшихъ и съ виду довольно жалкихъ домовъ шелъ отъ угла Милліонной улицы вдоль по Мойкѣ до нынѣшняго Полицейскаго моста, и самый замѣтный изъ нихъ, гдѣ жилъ канцлеръ графъ Румянцовъ, а потомъ графъ Каподистрія, принадлежалъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Дома эти снесены при Александрѣ Павловичѣ, и на мѣстѣ ихъ возникло громадное, полукруглое зданіе съ великолѣпною аркой, которая увѣнчана побѣдною колесницей, въ память славныхъ походовъ 1812—1815 годовъ. Ближайшія къ дворцу улицы были плохо вымощены и не вездѣ снабжены тротуарами. Казанскій соборъ на Невскомъ былъ еще деревянный, временъ императрицы Анны. По Невскому шелъ бульваръ для пѣшеходовъ, съ обѣихъ сторонъ котораго оставалось еще слишкомъ довольно мѣста для ѣзды, какъ «подъ Липами» въ Берлинѣ. Деревья на этомъ бульварѣ росли плохо вслѣдствіе продолжительности и суровости нашихъ зимъ, что̀ и заставило его уничтожить. Невскій Проспектъ послѣдовательно украшался большими и прекрасными домами. При Николаѣ расширенъ мостъ Казанскій, а на Аничковомъ поставлены конныя статуи барона Клодта, которыя, по моему, прекраснѣе всѣхъ древнихъ и новыхъ подобнаго рода изваяній, какія видѣлъ я въ Италіи и другихъ мѣстахъ, не исключая и славныхъ Венеціанскихъ коней. По срединѣ Царицына луга нѣкогда находился лѣтній императорскій дворецъ, разобранный при Екатеринѣ II-й; тамъ видны были обелискъ фельдмаршалу Румянцову и статуя Суворова, изъ которыхъ первый потомъ перенесенъ на площадь кадетскаго корпуса на Васильевскомъ острову. На площади между Императорскою Библіотекой и Аничковымъ дворцомъ находился небольшой деревянный театръ. Большой театръ въ Коломнѣ, построенный при Екатеринѣ, нѣсколько разъ передѣлывался и распространялся, но все на томъ же мѣстѣ. Вообще сказать, наша новая столица теперь неузнаваема въ сравненіи съ тѣмъ, какою она была въ концѣ царствованія Екатерины II-й: такъ она распространилась въ нынѣшнимъ столѣтіи, особенно въ тридцатилѣтнее царствованіе Николая Павловича. Самое народонаселеніе съ тѣхъ поръ слишкомъ удвоилось: въ 1802 году жителей было менѣе двухъ сотъ тысячъ, а теперь ихъ болѣе полумилліона.

Я увлекся описаніемъ внѣшняго вида Петербурга, какимъ я его видѣлъ во время празднованія перваго столѣтія съ его основанія, т. е. 16 Мая 1803. Въ этотъ день несмѣтное множество празднично одѣтаго народа наполняло собою всѣ аллеи лѣтняго сада, возлѣ котораго я жилъ; на Царицыномъ углу стояли балаганы, качели и другія приспособленія для всякаго рода народныхъ игръ. Вечеромъ, лѣтній садъ, главныя зданія на набережной, крѣпость и небольшой Голландскій домикъ Петра Великаго, гдѣ онъ жилъ въ первое время по основаніи города, были великолѣпно иллюминованы. На Невѣ флотилія изъ небольшихъ судовъ императорской эскадры, разубранная флагами, была также ярко освѣщена, и на палубѣ одного изъ этихъ судовъ видна была маленькая Голландская барка, которая еще въ Москвѣ подала Петру Великому первую мысль завести большой военный флотъ: это такъ называемый *дѣдушка Русскаго флота*, до сихъ поръ бережно сохраняемый въ сараѣ Адмиралтейства. Происходилъ также церковный парадъ и былъ крестный ходъ изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ властей вокругъ памятника Петру Великому; въ этомъ торжествѣ принимали участіе Государь и царская фамилія. Я тамъ не былъ, не имѣвъ возможности предварительно запастись мѣстомъ и не отважившись тѣсниться въ толпѣ народа, который стремился туда со всѣхъ сторонъ.

Этотъ годъ болѣе памятенъ мнѣ тѣмъ, что я тогда свидѣлся съ нѣкоторыми изъ ближайшихъ моихъ родственниковъ. Братъ моей матери, капитанъ корабля Спафарьевъ (умершій генералъ-лейтенантомъ въ отставкѣ), отецъ многочисленнаго семейства, жилъ въ Кронштадтѣ и по дѣламъ службы очень часто пріѣзжалъ въ Петербургъ. Всякій разъ онъ непремѣнно навѣщалъ меня и бралъ съ собою къ своимъ знакомымъ, или же обѣдать и провести у него вечеръ; иной разъ ему удавалось выпрашивать меня на нѣсколько дней въ Кронштадтъ или въ Ораніенбаумъ, гдѣ его семейство проводило лѣтніе мѣсяцы. Эти поѣздки на большихъ весельныхъ баркахъ, продолжавшіяся отъ 3 до 4 часовъ, были мнѣ очень пріятны, въ особенности потому, что тетушка (Анна Васильевна, урожд. Розенбергъ) и мои двоюродные братья и сестры всегда встрѣчали меня съ отмѣннымъ радушіемъ. Въ этомъ семействѣ мало-по-малу создался для меня второй домашній очагъ, всегдашній и неизмѣнный, при всѣхъ превратностяхъ, какъ въ моей жизни, такъ и въ жизни этихъ отличнѣйшихъ родныхъ. Мнѣ суждено было пережить не только ихъ, но и большую часть ихъ многочисленнаго и любезнаго потомства.

Лѣтомъ того же 1803 года я былъ обрадованъ пріѣздомъ батюшки, который привезъ съ собою изъ деревни двоихъ моихъ младшихъ братьевъ для опредѣленія въ первый кадетскій корпусъ и маленькую

сестру мою Надежду, которую удалось ему помѣстить въ Смольный монастырь.

Въ исходѣ 1803 года пріѣхали жить въ Петербургѣ Гончаровы, и мнѣ было очень пріятно очутиться снова въ ихъ кругу и видаться часто съ любезнымъ товарищемъ моего отрочества. Родители часто возили его въ большое общество и сами вели жизнь на широкую ногу. Изъ угожденія имъ, мой молодой пріятель покинулъ первоначальное свое намѣреніе вступить въ военную службу и выбралъ статскую: къ тому же войны у насъ въ то время ни съ кѣмъ не было. Чрезъ нѣсколько времени онъ перешелъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, такъ что мы сдѣлались товарищами и по службѣ; но онъ прослужилъ не долго. Женившись очень рано и получивъ въ управленіе большія имѣнія, онъ сталъ жить въ Москвѣ и въ деревняхъ, и вскорѣ заботы о воспитаніи многочисленнаго семейства заставили его совсѣмъ отказаться отъ общественной дѣятельности. Позднѣе, вслѣдствіе жестокой и неисцѣлимой болѣзни, жилъ онъ и дожилъ до старости въ глубокомъ уединеніи. Одна изъ дочерей его, отмѣнная красавица, вышла за великаго нашего поэта Пушкина.

Жизнь моя текла мирно и однообразно. По временамъ исполнялъ я обязанность чтеца при старомъ фельдмаршалѣ, готовился къ службѣ подъ благосклоннымъ руководствомъ втораго его сына, считался домашнимъ человѣкомъ въ семействѣ старшаго его сына, былъ попечителемъ маленькой сестры моей и двухъ братьевъ, и домашними занятіями старался дополнить свое образованіе. Старшій сынъ фельдмаршала былъ большой меломанъ и самъ отлично игралъ на фортепьяно; ему акомпанировали часто собиравшіеся у него артисты. Тутъ въ особенности полюбилъ я инструментальную классическую музыку, и мнѣ посчастливилось слышать величайшихъ виртуозовъ того времени, Роде, Фильда, Бейло (Baillot), Ромберга и Тица, неподражаемаго въ квартетахъ Моцарта и Гайдена.

Общественныя удовольствія въ Петербургѣ, стѣсненныя при Павлѣ, оживились съ воцареніемъ его преемника. Зимою Русскій, Французскій и Нѣмецкій театры ежедневно привлекали публику, въ особенности второй изъ нихъ. Процвѣтали комическая опера и водевиль; между актерами господствовала пѣніемъ и игрою славная *г-жа Филисъ*. Въ высокой комедіи оставалось еще нѣсколько дарованій, г-жа *Вальзиль*, старикъ *Офренъ, Фрожеръ, Дюкроаси*. Въ Русской трагедіи и драмѣ были еще первоклассные актеры. Ихъ учитель, старикъ *Дмитревскій*, лишь изрѣдка появлялся на сценѣ; но *Яковлевъ, Шушеринъ, Плавильщиковъ* играли прекрасно, а между актрисами въ трагедіяхъ отличалась *Семенова* (вскорѣ покинувшая сцену и сдѣлавшаяся супру-

гою князя Гагарина) и сестра ея (позднѣе вышедшая за графа Мусина-Пушкина-Брюса). Г-жа *Самойлова* славилась пѣніемъ въ народной оперѣ. Постоянной Итальянской оперы тогда еще не было.

Частые маскарады чередовались съ театральными представленіями. Сверхъ того случайно пріѣзжали знаменитые артисты, привлекаемые молвою о Русской щедрости, какъ напримѣръ славныя трагическія актрисы, дѣвицы *Жоржъ* и *Бургоань* (Bourgoing). Танцовщикъ *Дюпоръ* цѣлую зиму привлекалъ къ себѣ вниманіе и щедроты Петербургской публики; изъ Русскихъ танцовщицъ онъ составилъ балетную труппу, которая соперничала съ подобными труппами Италіи и Парижа. Въ теченіи поста ежедневно бывали духовные концерты, въ которыхъ отличались первокласные виртуозы, акомпанируемые превосходнымъ придворнымъ оркестромъ и великолѣпными хорами Императорской капеллы. Тутъ исполнялись также ораторіи великихъ мастеровъ, Генделя, Моцарта, Гайдена; любители иной разъ принимали участіе въ оркестрѣ. Мнѣ также довелось играть на скрыпкѣ въ заднихъ рядахъ, при исполненіи Гайденовой ораторіи «Сотвореніе Міра».

Въ лѣтнее время высшее общество не разъѣзжалось, какъ теперь. Императоръ Александръ жилъ лѣтомъ въ Каменоостровскомъ дворцѣ, а общество селилось по сосѣднимъ островамъ. Устраивались часто общественныя гулянья. Семейство фельдмаршала Салтыкова на лѣтнее время не покидало, собственно говоря, Петербурга: оно перебиралось только на дачу, находившуюся близь устья Невы и Екатерингофа, близь Петергофскихъ воротъ. Наша лѣтняя жизнь мало походила на сельскую. Не имѣя лошадей, я ходилъ въ городъ и назадъ пѣшкомъ, и такимъ образомъ близко узналъ улицы, площади и многочисленные каналы въ отдаленныхъ частяхъ Петербурга.

Лица остававшіяся въ городѣ по необходимости отправлялись гулять на острова и на Черную рѣчку, и эти прогулки совершались водою, обыкновенно въ прекрасныя, свѣтлыя Петербургскія ночи. По Невѣ и ея протокамъ между островами скользило множество простыхъ и богато-разукрашенныхъ лодокъ съ гуляющими обоего пола. За богатою лодкой слѣдовала другая съ духовою музыкой или съ пѣвцами-лодочниками, которые оглашали воздухъ попеременно то отрывками изъ оперъ, то танцовальными піесами, то народными пѣснями. Подобныя прогулки продолжались часто до восхожденія солнца, которое въ эту пору скрывается за горизонтомъ лишь на короткое время.

Мѣстомъ для зимнихъ городскихъ прогулокъ въ то время служили прекрасныя гранитныя набережныя Невы, въ особенности Дворцовая и Англійская. Тамъ, въ свѣтлые дни, между 12 и 3 часами, всегда можно было встрѣтить лучшее общество. Государь почти ежедневно

тамъ прогуливался. Появлялись также императрицы, по большой части въ каретахъ. Не разъ встрѣчалъ я на набережной молодыхъ великихъ князей Николая и Михаила, гулявшихъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи наставниковъ. Всѣхъ рѣже показывался великій князь Константинъ Павловичъ, и я не помню, чтобы когда встрѣчалъ его пѣшаго, тогда какъ встрѣтиться съ Государемъ можно было разсчитывать ежедневно, и эта встрѣча всегда бывала пріятна, благодаря его ласковому виду. Иной разъ онъ останавливался, милостиво обмѣниваясь нѣсколькими словами съ тѣми лицами, которыя имѣли честь быть ему лично извѣстны; въ особенности былъ онъ рыцарски любезенъ съ дамами, но и вообще со всѣми раскланивался привѣтливо. Иногда даже, гуляя, онъ заходилъ къ знакомымъ, частнымъ образомъ и невзначай. Такъ, въ одинъ прекрасный зимній день, я сидѣлъ у фельдмаршала Салтыкова, который былъ немного нездоровъ и читалъ ему вслухъ; входитъ слуга съ докладомъ, что Государь, гуляя по Дворцовой Набережной, вошелъ въ прихожую, спросилъ о здоровьѣ своего семидесятилѣтняго бывшаго наставника и всходитъ по лѣстницѣ. Я быстро приподнялся, отдалъ Государю глубокій поклонъ и уходя видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ большимъ кресламъ, въ которыхъ сидѣлъ старый фельдмаршалъ и стоя разговаривалъ съ нимъ, пока тотъ пригласилъ его сѣсть такими словами: «Садись, батюшка». Слова эти, которыя долетѣли до меня уже въ другую комнату, были мнѣ диковинны по отношенію къ Государю; но такова была у насъ въ старину простота обращенія. Стародавніе нравы тогда еще не совсѣмъ исчезли въ Россіи.

Прогуливаясь по набережной, можно было обозрѣть лучшее тогдашнее общество, самые модные наряды прекраснаго пола, великосвѣтскихъ львовъ, блестящихъ представителей военнаго сословія, важнѣйшихъ государственныхъ лицъ, иностранныхъ дипломатовъ, имена и физіономіи которыхъ я узнавалъ, когда мнѣ случалось имѣть товарищемъ прогулки какого-нибудь снисходительнаго и опытнаго чичероне. Готовясь къ моей службѣ, я въ особенности слѣдилъ за лицами, пріемами и внѣшнимъ обхожденіемъ иностранныхъ дипломатовъ, которыхъ въ первые годы Александровскаго царствованія до великихъ Европейскихъ войнъ (1805—1815) было много въ Петербургѣ: позднѣе въ дипломатическомъ корпусѣ наступили значительные недочеты. Я нетерпѣливо желалъ увидѣть представителей Франціи, тогда еще республики, но имѣвшей во главѣ своей человѣка, который наполнялъ цѣлый міръ славою своего имени, восторжествовалъ надъ Европою и передѣлалъ ее, былъ завоевателемъ Египта, побѣдителемъ при Маренго. Тогдашній Французскій министръ въ Петербургѣ генералъ *Гедувиль*, мало извѣстный во Французской арміи, рѣшительно ничѣмъ не отличался по

своей внѣшности, такъ что никакъ нельзя было признать въ немъ одного изъ паладиновъ новаго Карла Великаго. Въ обществѣ болѣе цѣнили секретаря посольства, Реневаля (Rayneval); сынъ его, человѣкъ превосходный, былъ, много лѣтъ спустя, моимъ сотоварищемъ въ Римѣ. Англійскимъ посломъ былъ старый, но бодрый морякъ, адмиралъ *Варренъ*. Къ числу старожиловъ и наиболѣе уважаемыхъ дипломатовъ принадлежали посолъ Шведскій графъ *Штедингъ* и посланники Неаполитанской *герцогъ Серра ди Капріола*, Сардинскій *графъ Жозефъ Местръ*, Датскій *графъ Бломъ*. Мнѣ припоминается еще старый генералъ *графъ Люзи* (Іоніецъ родомъ), бывшій представителемъ Пруссіи. Я не увѣренъ, кто былъ тогда посломъ Австрійскимъ, *графъ Стадіонъ* или *графъ Саурау;* оба они послѣдовательно занимали эту должность въ Петербургѣ и оба потомъ достигли первыхъ должностей въ Австріи. Изъ представителей второстепенныхъ государствъ бывалъ предметомъ разговоровъ посланникъ Португальскій *маркизъ Ницца:* онъ оставилъ по себѣ память въ Петербургѣ великолѣпными и изысканными праздниками, на которые до того разорился, что принужденъ былъ вскорѣ отказаться отъ своей должности.

Въ Іюлѣ 1804 года удалось мнѣ наконецъ поступить на дѣйствительную службу. Я представлялся князю Адаму Чарторыжскому, который жилъ въ небольшомъ деревенскомъ домѣ на Черной рѣчкѣ по близости Каменоостровскаго дворца. Ему было тогда лѣтъ тридцать отъ роду, онъ отличался очень красивою наружностью, но держалъ себя сдержанно, и выраженіе лица его было холодное, чтобъ не сказать гордое. Сказавъ мнѣ нѣсколько незначущихъ словъ, онъ велѣлъ мнѣ явиться къ оберъ-секретарю Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Вестману. Въ этой Коллегіи одна канцелярія была переводческая, другая вела переписку съ консулами и со властями внутри государства, третья завѣдывала личнымъ составомъ, четвертая счетоводствомъ. Собственно политическія дѣла вѣдались исключительно въ *министерской канцеляріи*, которою управлялъ тогда *Родофиникинъ*, въ послѣдствіи директоръ Азіатскаго Департамента, членъ Государственнаго Совѣта и самое довѣренное лицо у графа Нессельроде. Главными сотрудниками Родофиникина въ сочиненіи политическихъ бумагъ были статскіе совѣтники *Жерве, Шулеповъ* и *Убри*. Статскіе совѣтники *Юдинъ* и *Крейдеманъ* завѣдывали одинъ Русскою перепискою, а другой шифрами. Князь Чарторыжскій плохо зналъ по-русски, и при немъ вошло въ обычай переписываться съ нашими посольствами въ чужихъ краяхъ исключительно на Французскомъ языкѣ. До тѣхъ поръ депеши нашихъ посольствъ и наставленія имъ сочинялись по-русски. При Екатеринѣ и Павлѣ дипломатическія донесенія посылались прямо на имя Государя, и отвѣты на

нихъ часто писались въ видѣ императорскихъ рескриптовъ, либо за подписью самого Государя, либо, по его именному указу, подписанные тѣмъ, кто управлялъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ.

По заведенному порядку я отправился къ Вестману (отцу того Вестмана, который управлялъ канцеляріею министерства при графѣ Нессельроде и управляетъ ею теперь). Онъ велѣлъ мнѣ принести присягу, и немедленно меня посадили въ переводческую канцелярію въ распоряженіе *Полѣнова* (недавно умершаго однимъ изъ старѣйшихъ чиновниковъ министерства по административной части, въ которой онъ всегда былъ силенъ). Мой прямой начальникъ, Вестманъ, пользовался большою властію въ кругу своей дѣятельности и большимъ уваженіемъ князя Чарторыжскаго. Онъ былъ довольно строгъ и, подавая собою примѣръ усердія къ службѣ, требовалъ того же отъ подчиненныхъ. Съ этихъ поръ я не былъ больше хозяиномъ своего утра: съ 9 или 10-ти часовъ до 2-хъ или 3-хъ пополудни приходилось оставаться въ канцелеріи, которая тогда помѣщалась на Англійской набережной, гдѣ нынѣ Военнная Академія. Тотчасъ же я познакомился съ многочисленными моими товарищами, между которыми вспоминаю *графа Бальмена* (онъ перешелъ потомъ въ военную службу и находился приставомъ при Наполеонѣ на островѣ Св. Елены), *Бодиску* (умершаго посланникомъ въ Соединенныхъ Штатахъ), *барона Аша, Древновскаго,* молодаго и любезнаго Поляка, очень умнаго и привлекательнаго (онъ вскорѣ умеръ), *Блудова* (въ послѣдствіи графа), который былъ нѣсколько лѣтъ старше меня и котораго я зазналъ еще въ Москвѣ: у насъ былъ нѣкоторое время общій наставникъ, Французъ *Мартине.* Часто случалось, что намъ нечего было писать и переводить, и мы проводили время въ болтовнѣ, такъ какъ идти домой до положеннаго часа не позволялось. Всего скучнѣе были очередныя дежурства, когда приходилось оставаться въ канцеляріи цѣлые сутки для пріема конвертовъ изъ-за границы и извнутри государства, надписанныхъ не прямо къ министру, а въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Очередь доставалась по два или по три раза въ мѣсяцъ; изъ дому приносили обѣдъ, а также подушки и одѣяло на ночь, и спали мы на тѣхъ же самыхъ большихъ столахъ, за которыми работали днемъ. На вечеръ мы запасались также книгами для чтенія.

Поступивъ на дѣйствительную службу, вскорѣ имѣлъ я весьма рѣдкое въ нашихъ канцеляріяхъ удовольствіе: мнѣ довелось прочитать цѣлый рядъ современныхъ депешъ и бумагъ, относившихся преимущественно къ событіямъ до и послѣ разрыва нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Французскимъ правительствомъ. Въ этихъ сношеніяхъ послѣдовала больше чѣмъ остуда по причинѣ отвратительнаго

убіенія герцога Энгіенскаго и потомъ, когда Бонапартъ присвоилъ себѣ императорскій титулъ, котораго Александръ Павловичъ не захотѣлъ признать и призналъ только черезъ три года, въ Тильзитѣ. Донесенія *графа Маркова*, внезапно покинувшаго Парижъ въ силу повелѣній изъ Петербурга и донесенія оставленнаго имъ въ Парижѣ нашего повѣреннаго *Убри* были первыми, такъ-сказать животрепещущими дипломатическими бумагами, которыя чрезвычайно возбудили мое любопытство: до тѣхъ поръ я зналъ про такого рода сношенія лишь по стариннымъ книгамъ Коха, Мартенса и др. Мнѣ даже было поручено переводить по-русски тѣ изъ Парижскихъ донесеній, которыя назначались для обнародованія въ Русскихъ газетахъ. Также поручали мнѣ переводить на Французскій языкъ съ печатныхъ Русскихъ подлинниковъ манифесты и политическія деклараціи нашего двора въ тѣхъ случаяхъ, когда находили нужнымъ, чтобы про нихъ знали въ Европѣ. Мнѣ пригодился издавна пріобрѣтенный навыкъ выражаться и писать довольно правильно на Французскомъ языкѣ. Тяжелѣе было справляться съ Нѣмецкими переводами, а по-англійски я выучился гораздо позже.

1805 годъ.

Я продолжалъ жить въ семействѣ фельдмаршала, проводя утренніе часы на службѣ, а свободное время посвящая чтенію книгъ и заботамъ о братьяхъ и сестрѣ, которыхъ по праздникамъ я навѣщалъ въ кадетскомъ корпусѣ и Смольномъ монастырѣ. Иногда даже мнѣ позволялось по воскресеніямъ и въ свободное отъ ученья время брать къ себѣ моихъ братьевъ, которые были почти одних лѣтъ со внуками фельдмаршала. Воспитанницъ Смольнаго не отпускали изъ заведенія. Я постарался снискать расположенія почтенной его начальницы, г-жи *Адлербергъ*, а равно и начальника перваго кадетскаго корпуса, стараго генерала *Клингера*, извѣстнаго въ Нѣмецкой словесности своими сочиненіями въ прозѣ и стихахъ.

Канцелярскія наши работы не могли ни занять, ни образовать молодыхъ людей, желавшихъ вступить на дипломатическое настоящее поприще. Онѣ состояли въ скучной перепискѣ по тяжебнымъ дѣламъ, денежнымъ взысканіямъ, наслѣдству иностранныхъ подданныхъ въ Россіи, и пр. По этимъ дѣламъ производилась переписка съ иностранными посольствами и Русскими присутственными мѣстами. О политикѣ не было тутъ и рѣчи. Лишь изрѣдка, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда въ политической канцеляріи министра накопится много переписки, нѣкоторыя дѣла присылались къ намъ. Такъ, въ началѣ 1805 года, мнѣ поручили переводить громадныя связки политическихъ и торговыхъ

бумагъ, которыя должны были служить приложеніемъ къ инструкціи чрезвычайному послу, отправлявшемуся въ Китай. Работа эта очень меня заняла, возбудивъ мое любопытство.

Лѣтомъ 1805 года, взявъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, я поѣхалъ со всѣмъ семействомъ фельдмаршала въ Москву и получилъ пріятную возможность повидать въ Москвѣ нѣкоторыхъ моихъ родныхъ и съѣздить къ батюшкѣ въ Тульскую деревню, ту самую, гдѣ слишкомъ годъ назадъ скончалась моя чудесная мать. Мнѣ досталось только скорбное утѣшеніе поклониться ея могилѣ. Но я еще засталъ девяностолѣтняго слѣпаго моего дѣдушку; онъ уже не вставалъ съ постели, однако голова была еще очень свѣжая и расположеніе духа живое. Онъ меня распрашивалъ о Петербургѣ, въ которомъ служилъ 50 или 60 лѣтъ назадъ.

Въ бытность мою у батюшки, случилось мнѣ, у одного богатаго деревенскаго сосѣда, увидѣть славнаго графа Орлова-Чесменскаго. Онъ сильно состарѣлся, но показался мнѣ очень еще свѣжъ, огромнаго роста, въ военномъ мундирѣ Екатерининскаго времени, съ Андреевскою и Георгіевскою лентами. Въ такомъ убранствѣ пріѣхалъ онъ на сельскій обѣдъ. Съ нимъ прибыла многочисленная свита въ прекрасныхъ колясках; онъ же явился на простыхъ дрожкахъ, въ одну лошадь, которою самъ правилъ, имѣя возлѣ себя единственную свою дочь, въ то время лѣтъ двадцати отъ роду. За обѣдомъ игралъ домашній оркестръ, и когда подавали сладкое кушанье, графъ Орловъ попросилъ, чтобы призвали домашнихъ дѣвушекъ и заставили ихъ пропѣть. Зала огласилась любимыми народными пѣснями. Графъ былъ очень доволенъ и, обратившись къ дочери, сидѣвшей за обѣдомъ на почетномъ мѣстѣ, приказалъ ей встать, пойти къ пѣвицамъ и пѣть съ ними вмѣстѣ. Молодая графиня очень охотно исполнила приказаніе, попѣла и опять сѣла на свое мѣсто.

Позднею осенью мы возвратились въ Петербургъ. Въ столицѣ было довольно грустно и пусто: Государь находился при войскахъ въ Германіи. Вѣсти оттуда приходили горестныя. Въ теченіи нѣсколькихъ дней не знали, гдѣ находится наша армія и что̀ сталось съ Государемъ, который подвергался личной опасности. Ничто такъ не свидѣтельствуетъ о народной любви къ Александру Павловичу, какъ восторженный пріемъ ему, когда онъ возвратился въ столицу послѣ несчастнаго похода и большаго проиграннаго сраженія. Я помню, вечеромъ, въ первыхъ числахъ Декабря, все вдругъ оживилось въ городѣ: Государь здравъ и невредимъ возвратился къ себѣ во дворецъ. По всему городу, немедленно и безъ всякаго приказа, зажглись огни, и народныя толпы наводнили собою улицы.

1806 годъ.

Аустерлицкая неудача, роковая для Австріи, не могла поколебать Русскаго могущества, ни даже омрачить славу нашего оружія. Войска наши вездѣ дрались храбро, а князь Багратіонъ, командуя передовыми полками Кутузовской арміи, одержалъ даже блистательные успѣхи надъ корпусомъ маршала Мортье. У насъ недоставало лишь искусныхъ военачальниковъ для борьбы съ Наполеономъ, который до тѣхъ поръ не зналъ пораженія. Поэтому Александръ Павловичъ не захотѣлъ вступать въ переговоры съ Наполеономъ и не послѣдовалъ примѣру другихъ державъ, которыя *всѣ*, кромѣ Англіи, признали за нимъ императорскій титулъ. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ послѣдовала важная перемѣна. Князь Чарторыжскій удалился отъ дѣлъ, и его мѣсто занялъ старый *генералъ Будбергъ*, бывшій при Екатеринѣ посломъ въ Швеціи (нынѣшній нашъ министръ въ Берлинѣ есть внукъ его брата). Онъ оставался въ этой должности около года. Я его видѣлъ издали, и мы, низшіе чиновники, знали только нашего Вестмана. За то, въ зиму съ 1805 на 1806 годъ, мнѣ довелось на придворномъ публичномъ маскарадѣ, увидать человѣка историческаго, который пріобрѣлъ извѣстность еще со временъ Фридриха Великаго и слылъ однимъ изъ лучшихъ его учениковъ. Это былъ старый *герцогъ Брауншвейгскій*, фельдмаршалъ Прусской службы, памятный своимъ манифестомъ и неудачами противъ Французовъ въ началѣ большой революціи и въ концѣ того же 1806 года плачевно довершившій свое долговременное поприще Іенскимъ страшнымъ пораженіемъ, которое сокрушило Прусскую монархію. Онъ пріѣзжалъ съ важнымъ политическимъ порученіемъ отъ Прусскаго короля къ императору Александру и былъ принимаемъ съ великимъ уваженіемъ при дворѣ и въ обществѣ. Это былъ маленькій старичокъ, лѣтъ семидесяти, но еще очень бодрый, съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ, живой въ обращеніи и пріемахъ. Онъ оставался недолго и пріѣзжалъ вѣроятно по случаю предстоявшаго разрыва между Пруссіею и Франціей.

Лѣто 1806 года, время краткаго промежутка между Аустерлицкимъ пораженіемъ Австріи и Іенскимъ погромомъ Пруссіи, памятно мнѣ попыткою сближенія между Россіею и Франціей. Починъ шелъ отъ Наполеона, который, одолѣвъ Австрію, замышлялъ уже гибель Пруссіи. Вслѣдствіе негласныхъ его предложеній, въ Парижъ для переговоровъ посланъ былъ Убри, въ то время одинъ изъ главныхъ чиновниковъ дипломатической канцеляріи нашего министерства. Онъ поспѣшилъ заключить мирный трактатъ, извѣстный подъ именемъ *трактата Убри*.

Осталось тайною, превысилъ ли онъ свои полномочія, или самыя эти полномочія были выражены не вполнѣ опредѣлительно; только императоръ Александръ отказался подтвердить этотъ трактатъ, о чемъ и было объявлено особымъ манифестомъ, который сообщенъ всѣмъ Европейскимъ государствамъ. Когда Убри уѣзжалъ въ Парижъ, ему завидовали многіе наши молодые дипломаты; кончилось тѣмъ, что ему велѣно ѣхать секретаремъ посольства въ Берлинъ, т. е. вмѣсто повышенія, онъ понизился въ службѣ. Впрочемъ немилость была показана только для виду и продолжалась недолго. Этотъ почтенный и опытный государственный человѣкъ занималъ потомъ важныя должности въ Италіи, Испаніи и Германіи, нѣкоторое время даже завѣдывалъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и кончилъ долгую жизнь старѣйшимъ изъ нашихъ дипломатовъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Неудавшіеся переговоры съ Франціей доставили нашей канцеляріи много работы; вмѣсто тяжебныхъ дѣлъ и денежныхъ взысканій у насъ появились ноты и депеши, что̀ было манною въ пустынѣ для меня, зарождавшагося дипломата.

Не успѣвъ сблизиться съ нами, Наполеонъ тотчасъ объявилъ войну Пруссіи, и какъ предъ тѣмъ мы воевали въ пользу Австріи, такъ теперь императоръ Александръ рѣшился оказать великодушную помощь Пруссіи. Англія опять участвовала въ этой второй коалиціи противъ завоевательнаго честолюбія Наполеона, но только деньгами, а не оружіемъ. Разгромивъ Прусскія войска, 14 Октября 1806 г., подъ Іеною, Наполеонъ овладѣвъ всѣми крѣпостями Пруссіи и самою ея столицей, такъ что съ Ноября мѣсяца королю и его семейству съ остатками двора не было другаго убѣжища, какъ въ маленькомъ Мемелѣ, по близости Русской границы. Французскія войска двинулись въ Прусскую Польшу и заняли Варшаву (тогда принадлежавшую Прусакамъ). Наступленію ихъ могла положить преграду только Русская армія, сперва подъ начальствомъ стараго *фельдмаршала Каменскаго*, а потомъ Гановерца *Бенигсена* (получившаго извѣстность въ Русской службѣ еще при Екатеринѣ), которому удалось въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, между прочимъ при Пултускѣ, сдержать напоръ непріятельскихъ силъ. Наполеонъ принужденъ былъ расположиться на зимнія квартиры, и въ исходѣ Генваря мѣсяца, когда онъ вздумалъ возобновить военныя дѣйствія, произошла битва при Прейсишъ-Эйлау, столь кровопролитная и упорная, что обѣ стороны считали ее выигранною. Французы двинулись назадъ, Наполеонъ расположилъ свою главную квартиру поближе къ Варшавѣ, и военныя дѣйствія повсюду были пріостановлены до весны.

Въ эту зимнюю войну, кромѣ князя Багратіона и Милорадовича, отличились молодые, до тѣхъ поръ неизвѣстные генералы: Барклай-де-

Толли, Виттенштейнъ, Паскевичъ, графъ Воронцовъ, Каменскій (сынъ), казацкій атаманъ Платовъ и другіе.

1807 годъ.

Въ зиму съ 1806 на 1807 годъ со мною не произошло ничего особеннаго, развѣ только что я могъ уже не каждый день ходить въ канцелярію, сдѣлавшись секретаремъ при графѣ Александрѣ Николаевичѣ Салтыковѣ, который былъ назначенъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, генерала Будберга. Занятій у меня не прибавилось, а служить было пріятнѣе подъ непосредственнымъ начальствомъ человѣка съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ, отличавшагося умомъ, дарованіемъ и благородствомъ характера. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ и конечно могъ бы состоять въ числѣ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, прославившихъ его царствованіе; роковое стеченіе обстоятельствъ заставило его держаться въ сторонѣ [18]); тутъ дѣйствовали какъ возвышенность его понятій и независимость характера, такъ и соображенія домашняго свойства. Онъ нѣсколько разъ временно управлялъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и всегда былъ высоко цѣнимъ въ обществѣ и въ дипломатіи. Умеръ онъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ Москвѣ, куда удалился, вышедши въ отставку.

Вскорѣ послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау 27 Января (8 Февраля) 1806, императоръ Александръ уѣхалъ въ главную квартиру Бенигсена, въ Бартенштейнъ, съ цѣлью благодарить войска за ихъ стойкость и подвиги и ободрить ихъ своимъ присутствіемъ. Туда же отправился министръ иностранныхъ дѣлъ съ нѣкоторыми чиновниками дипломатической канцеляріи; товарищъ же его, мой непосредственный начальникъ, остался въ Петербургѣ для управленія министерствомъ въ его отсутствіе и для веденія переписки съ нашими представителями и консулами за границей. Это обстоятельство было весьма благопріятно для моего политическаго обученія, доставивъ мнѣ случай принимать самому участіе въ работахъ и перепискѣ министерской канцеляріи, куда стекались всѣ депеши и иностранныя сообщенія: мы разбирали ихъ и важнѣйшія отправляли въ главную квартиру для доклада Государю.

Его пребываніе въ арміи продолжалось до возобновленія въ Маѣ мѣсяцѣ военныхъ дѣйствій, которыя нѣкоторое время, казалось,

---

18) Сколько извѣстно по преданіямъ, охлажденіе къ графу А. Н. Салтыкову со стороны Александра Павловича началось еще при Екатеринѣ, при чемъ невинно замѣшанъ былъ князь П. М. Волконскій. *П. Б.*

были для насъ благопріятны, какъ вдругъ послѣдовала рѣшительная битва 2 (14) Іюня при Фридландѣ. Наполеонъ командовалъ лично и принудилъ нашу армію отступить съ великимъ урономъ и близь Тильзита переправиться за Нѣманъ, составлявшій тогда, какъ и теперь, нашу границу съ Пруссіей. Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ предложилъ Александру знаменитое свиданіе на Нѣманскомъ паромѣ, и заключенъ Тильзитскій трактатъ, подобіе которому въ наши дни представляетъ собою трактатъ Виллафранкскій, между Людовикомъ Наполеономъ и Францомъ-Іосифомъ, подписанный послѣ сраженія при Солферино, проиграннаго Австрійцами.

О Фридландскомъ дѣлѣ въ Петербургѣ узнали почти въ одно и тоже время, какъ и о Тильзитскомъ свиданіи и мирѣ. Очень хорошо помню, что столица была опечалена не столько неудачею нашихъ войскъ, какъ этимъ быстрымъ заключеніемъ мира, который считался унизительнымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что трактатъ подписанъ былъ 27 Іюня, въ самую годовщину славной побѣды, которою ровно 98 лѣтъ назадъ Петръ Великій одержалъ при Полтавѣ. Общественное мнѣніе въ Россіи сдѣлалось крайне враждебно къ Наполеону. Еще когда онъ провозгласилъ себя императоромъ, что̀ случилось почти въ одно время съ провозглашеніемъ имперіи на Негритянскомъ островѣ Сенъ-Доминго, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ позволилъ себѣ выразиться въ шутку въ присутствіи Александра Павловича, что императорское общество становится не совсѣмъ прилично (les empereurs commencent à devenir de mauvaise compagnie). Увѣряютъ, что Государь самъ смѣялся этому острословію своего любимца.

Какъ ни любили Александра Павловича, но онъ былъ встрѣченъ холодно въ Петербургѣ по возвращеніи изъ Тильзита. Вскорѣ прибылъ Французскій генералъ *Савари*, одинъ изъ любимцевъ Наполеона, въ качествѣ чрезвычайнаго и временнаго посла [19]). Щегольская военная молодежъ, окружавшая генерала Савари и еще болѣе блестящая, многочисленная свита его преемника, герцога Виченцскаго *Коленкура* не могли подкупить нашего высшаго общества, несмотря на все его при-

---

[19]) Въ присылкѣ этого Савари выразилась насильственная наглость Наполеона: Савари былъ участникомъ въ гибели герцога Энгіенскаго, изъ-за траура по которомъ, надѣтаго при нашемъ дворѣ, начались непріязненныя сношенія между новымъ императоромъ и Александромъ. Въ Русской печати доселѣ неизвѣстна та депеша, которую Наполеонъ въ 1804 году велѣлъ предъявить Александру и въ которой онъ спрашивалъ что̀ сдѣлалъ бы нашъ Государь, еслибы ему доложили, что въ Петербургъ ѣдутъ нанятые Англіею злоумышленники на жизнь императора Павла. (Депеша эта напечатана у Биньона). Такой дерзости не могъ стерпѣть Александръ Павловичъ и, благодаря ему, противъ Франціи устроился союзъ державъ, располагавшій слишкомъ полумилліономъ войска, предназначеннаго возвратить Французовъ подъ власть Бурбоновъ. *П. Б.*

страстіе къ знатнымъ иностранцамъ, и въ особенности къ Французамъ. Ихъ почти никуда не приглашали, и хотя дворъ оказывалъ имъ всякаго рода вниманіе, но знатные дома большею частью оставались для нихъ долгое время недоступны.

Осенью 1807 года, вскорѣ по возвращеніи Государя въ Петербургъ, назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графъ Н. П. Румянцовъ. Графъ Салтыковъ оставаясь нѣкоторое время его товарищемъ, почти не принималъ участія въ дѣлахъ, будучи съ нимъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Мнѣ же пришлось снова ограничить мои служебныя занятія скучною перепискою въ переводческой канцеляріи.

1808 годъ.

Начато въ Штутгардѣ, Мартъ 1860.

Зима съ 1807 на 1808 годъ въ Петербургѣ была гораздо оживленнѣе, нежели та, которая ей предшествовала. По заключеніи съ Франціей Тильзитскаго мира, Государь возвратился въ столицу, равно и многочисленная блестящая императорская гвардія, принимавшая участіе въ недавнихъ сраженіяхъ, съ генералами и офицерами. Не показывался только генералъ-аншефъ Бенигсенъ, болѣе всѣхъ отличившійся при Пултускѣ и Эйлау. Послѣ кончины имп. Павла его больше не видѣли въ Петербургѣ, также и по тѣмъ же поводамъ какъ графа Палена и князя Зубова: всѣ трое имѣли на то одинаковыя причины. Но кромѣ возвращенія военныхъ людей, которые тогда какъ и потомъ составляли большинство въ нашихъ придворныхъ и городскихъ собраніяхъ, аристократическій кружокъ значительно пополнился и особенно оживился вслѣдствіе возвращенія дипломатическаго корпуса всѣхъ странъ, который во время войны поубавился. Во главѣ дипломатовъ, сіяя славой своего повелителя, стоялъ герцогъ Виченцскій, посолъ Наполеона. Окружавшая его свита изъ людей военныхъ и гражданскихъ всѣхъ затмѣвала великолѣпіемъ обстановки. Самъ Коленкуръ господствовалъ въ дипломатическомъ корпусѣ своимъ политическимъ вліяніемъ. Онъ жилъ въ особомъ прекрасномъ домѣ на Дворцовой Набережной, почти рядомъ съ театромъ Эрмитажа. Этотъ домъ былъ, тотчасъ послѣ Тильзитскаго мира, купленъ въ казну для Французскаго посольства у князя Волконскаго, во взаимство Наполеону, который предоставилъ Русскому посольству въ Парижѣ отель Телюсонъ. Такой обмѣнъ любезностей продолжался до 1840 года, когда обѣ стороны согласились прекратить его; домъ Французскаго посольства, по приказанію Николая Павловича, причисленъ къ зимнему дворцу. Онъ называется теперь запаснымъ дворцомъ.

Императоръ Александръ оказывалъ Коленкуру особенное предпочтеніе; дворъ слѣдовалъ его примѣру. Но (какъ я уже замѣтилъ прежде) далеко не такъ относилось къ нему высшее наше общество, и лишь мало-по-малу ухаживая за публикой и давая великолѣпные праздники и пышные обѣды, удалось ему добиться лучшаго пріема. Государь явно и громко высказывалъ свое личное расположеніе къ нему и къ Франціи вообще, и только это нѣсколько сдерживало въ границахъ выраженія непріязненныхъ чувствъ, которыми одушевлена была тогда Россія. Самъ я еще мало вращался въ обществѣ и не настолько созрѣлъ умственно, чтобы подмѣтить настроеніе; но люди, постоянно посѣщавшіе высшій кругъ, передавали мнѣ свои наблюденія. И эти наблюденія запечатлѣлись въ моемъ умѣ какъ довольно любопытное свидѣтельство, до какой степени независимости доходило у насъ въ то время общественное мнѣніе. Замѣчательно, что въ такомъ самодержавномъ государствѣ какъ наше, при государѣ столь любимомъ какъ былъ Александръ Павловичъ, несмотря на вкоренившееся въ высшихъ классахъ предпочтеніе къ иностранцамъ, политическія обстоятельства того времени произвели въ обществѣ глухой, но все же внятный ропотъ противорѣчія открыто-выражаемымъ симпатіямъ двора. Это общее настроеніе замѣтилъ я и въ моемъ непосредственномъ начальникѣ графѣ А. Н. Салтыковѣ: онъ раздѣлялъ чувства большинства, между тѣмъ какъ министръ, у котораго онъ былъ товарищемъ, поклонялся Наполеону и его политикѣ. Эта политика возстановила нашу дружбу съ Франціей и вмѣстѣ съ тѣмъ поставила насъ въ необходимость вести въ одно и тоже время двѣ войны, одну съ Англіей, другую съ Швеціей, несмотря на то, что у насъ еще съ прошлаго года была на рукахъ война съ Турціей, возникшая изъ необходимости удержать за собою покровительство надъ Молдавіей и Валахіей, состоявшихъ подъ охраною Россіи. Въ то время, какъ сухопутныя войска, подъ начальствомъ стараго генерала Михельсона (нѣкогда прославившагося своими успѣхами противъ Пугачева) овладѣли Яссами и Букарештомъ, адмиралъ Сенявинъ съ Русскимъ флотомъ побѣдоносно дѣйствовалъ въ Архипелагѣ и въ Іюнѣ 1807 года одержалъ морскую побѣду, которою навелъ трепетъ на Константинополь, такъ какъ дѣло происходило у входа въ Дарданеллы, близъ острова Тенедоса. Но эта побѣда не имѣла послѣдствій, изъ-за того же Тильзитскаго мира, вслѣдствіе котораго наши военныя дѣйствія противъ Турокъ были пріостановлены. Позднѣе мнѣ случилось лично узнать славнаго адмирала Сенявина, у дяди моего Спафарьева, которому онъ былъ другомъ и товарищемъ по службѣ.

Нашъ посланникъ *Италинскій*, наканунѣ того дня, когда, по Турецкому обыкновенію, хотѣли посадить его въ Семибашенный замокъ, успѣлъ выбраться изъ Босфора и отплылъ въ Мальту, а оттуда въ Россію.

По поводу этихъ трехъ войнъ, которыя велись одновременно, въ обществѣ ходилъ разсказъ, будто графъ Румянцовъ, на одномъ собраніи во дворцѣ, жаловался, что «у него на рукахъ разомъ три войны», и что кто-то изъ его политическихъ противниковъ, кажется адмиралъ Чичаговъ, будто возразилъ ему словами жены Сганареля въ комедіи Мольера: «Если они такъ тяжелы для васъ, отчего вы ихъ не сложите на землю?» (qu'il n'avait qu'à les mettre à terre).

Война Турецкая происходила далеко и покамѣстъ безъ особенныхъ успѣховъ, война съ Англіей сначала велась только на бумагѣ; но военныя дѣйствія противъ Швеціи, по близости къ Петербургу, не могли не занимать собою общественнаго вниманія. Въ зиму съ 1807 на 1808 годъ они начались вторженіемъ въ Шведскую Финляндію; наши войска, подъ начальствомъ старика *Кнорринга*, немедленно и почти безъ сопротивленія заняли ее. Въ публикѣ были скорѣе недовольны этою войною, приписывая ее Французскому вліянію, а также и потому, что это внезапное нападеніе на Швецію огорчало всѣми уважаемую и любимую императрицу Елисавету Алексѣевну, которая была очень привязана къ сестрѣ своей Шведской королевѣ и которая въ то время и безъ того была опечалена кончиною малолѣтней своей дочери великой княжны Маріи.

Нѣкоторое время говорили, что въ Парижъ намѣреваются отправить посломъ моего непосредственнаго начальника графа Салтыкова, и такимъ образомъ мнѣ предстояла бы возможность нѣсколькими годами ранѣе дѣятельно вступить на дипломатическое поприще за границею; но это намѣреніе не состоялось, и въ Парижъ отправленъ *графъ Петръ Александровичъ Толстой*. Съ нимъ поѣхалъ, совѣтникомъ посольства, *графъ Нессельроде*, которому потомъ суждено было завѣдывать Русскимъ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ въ теченіи слишкомъ 40 лѣтъ,—примѣръ, кажется единственный въ жизни политическихъ людей. Ему было тогда около 30 лѣтъ отъ роду. При графѣ Толстомъ и при его преемникѣ князѣ Куракинѣ онъ, собственно говоря, былъ главнымъ дѣятелемъ посольства. Своими дарованіями и благоразумною сдержанностью тогда уже подготовилъ онъ себѣ то высокое положеніе, которое занялъ въ послѣдствіи.

Осенью 1808 года графъ Румянцовъ уѣхалъ въ Эрфуртъ, гдѣ происходило знаменитое свиданіе, и оттуда въ Парижъ для переговоровъ о заключеніи мира съ Англіей, которые едва успѣли открыться

какъ были прерваны. При дворѣ Наполеона графъ оставилъ по себѣ память изяществомъ пріемовъ и отмѣнною вѣжливостью въ обращеніи и отзывахъ. Въ Тюльери говорили, что онъ напоминалъ собою Версальскихъ придворныхъ. Въ его отсутствіе, продолжавшееся мѣсяцевъ 7 или 8, графъ Салтыковъ правилъ его должность, и мнѣ опять посчастливилось работать въ министерской канцеляріи и познакомиться съ любопытнѣйшими политическими дѣлами.

Въ Финляндіи война шла съ перемѣннымъ успѣхомъ; но, несмотря на храброе сопротивленіе Шведскихъ войскъ, превосходство нашихъ силъ должно было одержать верхъ, и къ концу 1808 года почти вся эта страна была нами завоевана.

1809 годъ.

Въ первыхъ числахъ Генваря были въ Петербургѣ король и королева Прусскіе. Съ ними пріѣзжалъ братъ короля, *принцъ Вильгельмъ*, отличившійся потомъ во время войны 1813—1815 годовъ. Это былъ блестящій молодой человѣкъ, изящный въ обращеніи, съ живымъ выраженіемъ лица съ прекрасными черными усиками и вовсе не походилъ на короля своего брата, бѣлокураго, важнаго и задумчиваго. Этотъ молодой принцъ тогда только что возвратился изъ Франціи, куда его посылали съ какимъ-то порученіемъ къ Наполеону. На мой взглядъ онъ казался скорѣе Парижаниномъ, нежели Нѣмцемъ.

Въ присутствіи Прусской королевской четы произошло обрученіе, а потомъ бракосочетаніе любимой сестры Государя, Екатерины Павловны съ двоюроднымъ ея братомъ (по матерямъ) герцогомъ Георгіемъ Ольденбурскимъ. Она была прекрасна лицомъ (хотя слегка напоминала собою императора Павла), изящна въ обращеніи, умна, даровита и отмѣнно образована.

Въ Февралѣ 1809 года ѣздилъ я съ дядею Спафарьевымъ на короткое время въ Москву повидать родныхъ, которые прибыли туда изъ деревень, въ томъ числѣ мою крестную мать и добрѣйшую тетку, взявшую на свое попеченіе двухъ старшихъ сестеръ моихъ. Нашъ достойнѣйшій дядя увезъ ихъ съ собою изъ Москвы и помѣстилъ въ своей благословенной семьѣ въ Ревелѣ. Въ Москвѣ имѣлъ я удовольствіе видѣться съ другомъ моимъ Гончаровымъ. Женившись лѣтъ 20 отъ роду, онъ уже былъ счастливымъ семьяниномъ.

Весна и лѣто 1809 ознаменованы нашими успѣхами въ Финляндіи и взятіемъ Свеаборга или такъ называемаго Сѣвернаго Гибралтара, который сдался генералу Сухтелену. Въ Турціи военныя дѣйствія шли вяло, а война съ Англіею состояла лишь въ томъ, что Англійскій флотъ,

появившійся въ Балтійскомъ морѣ, мирно плавалъ вдоль береговъ Эстляндіи и Финляндіи, лишь изрѣдка имѣя незначительныя дѣла съ нашею Кронштадтскою эскадрою, не производя нападеній на берега наши, которые были беззащитны отъ Кронштадта до Ревеля и даже не помогая Шведской флотиліи, дѣйствовавшей противъ насъ со стороны Финляндіи. Англичане довольствовались тѣмъ, что заперли нашъ военный Ревельскій портъ, куда укрылись главнѣйшіе наши корабли, будучи не въ состояніи бороться съ чрезмѣрнымъ превосходствомъ Англійскаго флота, которымъ командовалъ адмиралъ Сомарецъ (Saumarez).

Въ теченіи этого же 1809 года, кромѣ трехъ войнъ на оконечностяхъ государства, мы должны были помогать Наполеону въ его войнѣ съ Австріей. Еще весною оттуда нарочно пріѣзжалъ *князь Шварценбергъ* хлопотать если не о содѣйствіи, то по крайней мѣрѣ о невмѣшательствѣ Россіи. Славный своимъ происхожденіемъ, благородствомъ характера и блестящимъ умѣньемъ вести бесѣду, онъ былъ отлично принятъ Государемъ и дворомъ и встрѣтилъ въ обществѣ самое радушное гостепріимство, чѣмъ именно хотѣли уколоть Коленкура. Александръ Павловичъ, изъ высшихъ соображеній, считалъ необходимымъ сохранять добрыя отношенія къ Наполеону: 30-ти тысячный корпусъ, подъ начальствомъ *князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына,* занялъ Галицію, но не имѣлъ случая драться съ Австрійцами. Только Русскія войска, вмѣстѣ съ Французскими и Польскими, почти безъ бою взяли Варшаву, которая была захвачена Австрійцами въ самомъ началѣ войны. Любопытно, что нашею дивизіею, которая тогда заняла Варшаву, командовалъ князь Суворовъ, сынъ славнаго покорителя Польши, а во главѣ Польскаго отряда былъ племянникъ короля Станислава, князь Іосифъ Понятовскій.

Тогдашнія наши войны не возбуждали народнаго сочувствія ни въ столицѣ, ни внутри государства, кромѣ развѣ войны противъ Турокъ, этихъ извѣчныхъ нашихъ непріятелей. О войнѣ съ Англичанами мало кто и думалъ, въ чемъ я имѣлъ случай удостовѣриться, въ кратковременную мою поѣздку въ Ревель къ роднымъ, лѣтомъ 1809 года. Съ берега виденъ былъ Англійскій флотъ, и это не мѣшало Ревелю веселиться по случаю Ивановской ярмарки, на которую съѣхалось мѣстное дворянство. Ярмарка сопровождалась танцовальными собраніями и спектаклями, въ полной беззаботности. Это было нѣчто въ родѣ негласнаго перемирія. Правда, Англійскіе моряки не выходили на берегъ, но посылали въ окрестности за водою и свѣжими припасами и передавали начальникамъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій Англійскія и Нѣмецкія газеты съ извѣстіями о томъ что̀ происходило въ Австріи.

Въ началѣ зимы, пользуясь досугомъ, который давала мнѣ моя служба, я еще разъ на короткое время съѣздилъ въ Москву вмѣстѣ съ Гончаровымъ, мать котораго тяжко заболѣла умственнымъ разстройствомъ и которую надобно было бережно отвезти въ Москву [20]).

Передъ тѣмъ, графъ Румянцовъ, въ вознагражденіе за Фридрихсгамскій миръ, который онъ заключилъ съ Швеціею, былъ сдѣланъ государственнымъ канцлеромъ; а товарищъ его вскорѣ потомъ рѣшился совсѣмъ оставить службу въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

1810 годъ.

Я возвратился изъ Москвы въ послѣднихъ числахъ Декабря и успѣлъ быть на большомъ придворномъ маскарадѣ, какіе обыкновенно были даваемы въ день новаго года. Въ этотъ день во дворецъ приглашались или допускались не только военные и гражданскіе чиновники всѣхъ классовъ, но также и купцы, мѣщане, лавочники, ремесленники всякаго рода, даже простые бородатые крестьяне и крѣпостные люди прилично одѣтые. Все это тѣснилось и толкалось вмѣстѣ съ первыми чинами двора, представителями дипломатіи и высшаго общества. Разодѣтыя дамы, въ бриллiантахъ и жемчугахъ, военные и штатскіе звѣздоносцы и въ перемежку съ ними фраки, сертуки и кафтаны. Государь и царское семейство, съ многочисленною свитою, прохаживаясь изъ одной залы въ другую, въ такъ называемомъ Польскомъ, иной разъ съ трудомъ могли пройти сквозь толпу, которая напирала со всѣхъ сторонъ, желая насмотрѣться вблизи и вдоволь на могущественнаго Монарха и ближнихъ къ нему людей, во всемъ ихъ великолѣпіи. Августѣйшія лица милостиво и привѣтливо относились къ народу, который стекался на царское гостепріимство. Въ залахъ Зимняго Дворца разставлено было множество буфетовъ съ золотою и серебряною посудою, съ прохладительными напитками всякаго рода, отличными винами, пивомъ, медомъ, квасомъ, съ обиліемъ кушаній всякаго рода, отъ самыхъ изысканныхъ до простонародныхъ. Все это, разумѣется, осаждалось потребителеми. Толпа вокругъ буфетовъ смѣнялась толпою, по мѣрѣ того, какъ они опоражнивались и снова наполнялись. На такихъ ежегодныхъ праздникахъ иной разъ наѣзжало въ Зимній Дворецъ отъ 25 до 30 тысячъ человѣкъ. Иностранцы не могли надивиться порядку и приличію толпы и довѣрчивости Государя къ своимъ подданнымъ, которые съ любовью, преданностью и чувствомъ самодовольства тѣснились вкругъ него въ теченіе 5 или 6 часовъ. Тутъ

[20]) Она была родомъ Новосильцова. Старики помнятъ, какъ она доживала вѣкъ въ сломанномъ недавно домикѣ, на самой серединѣ Тверскаго бульвара. А. С. Пушкинъ могъ знать эту мать своего тестя. П. Б.

не соблюдалось ни малѣйшаго этикета, и въ тоже время никто не злоупотреблялъ близостью къ царской особѣ. Мнѣ кажется, что никогда ничего подобнаго не бывало при другихъ дворахъ и въ странахъ болѣе свободныхъ и образованныхъ, тогда какъ въ Россіи, при неограниченномъ правленіи, такія отношенія казались просты и естественны. Впрочемъ маски не допускались, а только домино; купцы же, мѣщане и простой народъ бывали въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи. Эти праздники въ новый годъ вышли изъ обычая въ царствованіе Николая Павловича.

По ходатайству графа Салтыкова, въ началѣ этого года, я былъ перемѣщенъ въ министерскую канцелярію, которая тогда состояла всего изъ 15 или 16 человѣкъ, считая тутъ же четырехъ начальниковъ отдѣленій или главныхъ редакторовъ. Работы было довольно; представлялась возможность познакомиться съ дѣлами и пріобрѣсти въ нихъ навыкъ. Позднѣе, въ управленіе графа Нессельроде, канцелярія эта преобразована въ одно время съ общимъ преобразованіемъ этого вѣдомства: бывшая Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ упразднена, и учрежденъ Азіатскій Департаментъ. Произведенныя улучшенія облегчили непосредственныя занятія министра и содѣйствовали болѣе правильному теченію дѣлъ вообще, но въ ущербъ для молодыхъ людей, которые готовятся къ дипломатической службѣ и которые теперь заняты почти исключительно перепискою и веденіемъ журналовъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ, тогда какъ прежде имъ поручалось дѣлать извлеченія изъ депешъ и политическихъ записокъ, а иногда, по способностямъ, и сочинять самыя бумаги, поправляемыя потомъ начальниками отдѣленій. Теперь сочиненіемъ политическихъ бумагъ занимаются два или три чиновника, по выбору министра, и онъ работаетъ только съ ними.

Намъ приходилось быть въ канцеляріи все утро, иногда даже являться по вечерамъ, а когда дѣла скоплялось много, то и по воскресеньямъ и праздникамъ. Отдѣленіе, куда я поступилъ, завѣдывало перепискою съ дворами южной Европы, въ особенности съ Востокомъ и Италіею. Судьба какъ будто нарочно знакомила меня предварительно съ тѣми странами, гдѣ мнѣ пришлось потомъ долго служить. Начальникъ отдѣленія *Шулеповъ* принялъ меня благосклонно и ободрительно, и въ послѣдствіи обращался со мною все лучше и лучше. Товарищами себѣ я засталъ двоихъ молодыхъ людей, которые впослѣдствіи долгое время были моими сотрудниками по службѣ въ Константинополѣ: *Павла Пизани* и *Бютцова*. Съ послѣднимъ изъ нихъ наши служебныя и взаимно-дружелюбныя сношенія продолжаются болѣе полувѣка. Такъ какъ я находился подъ покровительствомъ графа А. Н. Салтыкова, то канцлеръ графъ Румянцовъ сначала принялъ меня довольно сухо, но потомъ обходился со мною ласковѣе и напослѣдокъ даже призывалъ

меня работать съ собою, въ особенности по дѣламъ, гдѣ требовалось знаніе Англійскаго языка: самъ онъ не зналъ по-англійски, равно и мои товарищи; а я могъ читать и переводить Англійскія бумаги (выучиться говорить по-англійски, хотя бы кое-какъ, мнѣ не удалось). Вообще же графъ Румянцовъ къ подчиненнымъ былъ взыскателенъ, и служить подъ его начальствомъ было не легко. Ко мнѣ, благодаря вышесказанному, сохранилъ онъ благосклонность даже и по удаленіи своемъ отъ дѣлъ, и я постоянно пользовался ею до самой его кончины, въ 1826 году (черезъ нѣсколько недѣль по кончинѣ императора Александра).

Въ дипломатическую канцелярію стекались важнѣйшія политическія дѣла, и служба въ ней была для меня наилучшею школою: я могъ слѣдить за общимъ ходомъ нашихъ внѣшнихъ сношеній, которыя всѣ сосредоточивались въ рукахъ государственнаго канцлера. Я трудился съ удвоеннымъ усердіемъ, и вскорѣ досталась мнѣ честь самому составлять депеши и ноты (конечно менѣе важныя), а не переписывать только чужую работу. Почти всѣ мои товарищи имѣли почеркъ лучше моего.

Лѣто 1810 года памятно мнѣ горестнымъ событіемъ въ семействѣ фельдмаршала Салтыкова: скончалась послѣ долгой болѣзни супруга старшаго изъ его сыновей, графа Дмитрія Николаевича, графиня Анна, оставивъ 15-лѣтнюю дочь Марію и четырехъ малолѣтнихъ сыновей, Ивана, Владимира, Петра и Алексѣя. Въ неутѣшной скорби своей, 40-лѣтній вдовецъ обратился къ моему посильному содѣйствію касательно воспитанія сиротъ, которымъ такъ отлично руководила ихъ мать, бывшая образцомъ сердечной доброты и отмѣнныхъ душевныхъ качествъ. Дочь выросла достойною такой матери. Она вышла за князя Долгорукова и въ молодыхъ лѣтахъ скончалась въ Пизѣ; братья ея жили также не долго (изъ многочисленной семьи остался теперь въ живыхъ одинъ князь Петръ Дмитріевичъ). Я и прежде привыкъ сидѣть дома, а съ кончиною графини Анны сдѣлался еще болѣе домосѣдомъ. Сиротство окружало меня, и мнѣ хотѣлось посвящать этимъ дѣтямъ наибольшую часть досуга отъ служебныхъ занятій.

1810 годъ прошелъ для Россіи безъ особенно важныхъ *внѣшнихъ* событій, за исключеніемъ развѣ блестящихъ, но непрочныхъ успѣховъ молодаго героя графа Каменскаго въ Турціи. Въ Европейскихъ дѣлахъ наше вліяніе подавлялось преобладающею силою Наполеона. Всѣ эти государи-выскочки, посаженные имъ на престолы, его братья Іосифъ въ Испаніи, Людовикъ въ Голландіи, Іеронимъ въ Вестфаліи, его зять Мюратъ въ Неаполѣ, сестра Елиза въ Тосканѣ, были оффиціально признаны Тильзитскимъ договоромъ; они имѣли дипломатическихъ представителей въ Петербургѣ и при себѣ Русскихъ министровъ, съ обыч-

нымъ взаимнымъ обмѣномъ орденовъ и лентъ. Наполеонова свадьба съ Маріею-Луизою, которая сопровождалась великими празднествами въ Парижѣ, въ Іюлѣ 1810 года, вызвала соотвѣтственныя празднества въ Петербургѣ и въ Петергофѣ.

Много было разговоровъ о Парижскомъ Іюльскомъ балѣ Австрійскаго посла князя Шварценберга, когда сгорѣла бальная зала. Нашъ посолъ, пышный князь Куракинъ, едва не сдѣлался одною изъ первыхъ жертвъ этого несчастнаго случая. Въ общей свалкѣ его повалили, топтали ногами и похитили у него нѣсколько брилліантовыхъ украшеній, которыми онъ имѣлъ обыкновеніе убирать свое парадное одѣяніе. Едва успѣли вытащить его изъ-подъ обломковъ перебитой мебели. Весь въ ранахъ и обжогахъ перенесенъ онъ былъ къ себѣ и вытерпѣлъ продолжительную болѣзнь. Ему пришла въ голову странная мысль нарисовать себя въ повязкахъ и пластыряхъ съ головы до ногъ. Я помню этотъ портретъ съ подписью: *Le prince Kourakin en St. Lazare.* Онъ прислалъ много экземпляровъ этого изображенія друзьямъ своимъ въ Петербургъ.

Личная и политическая дружба между обоими наиболѣе могущественными монархами Европы повидимому продолжалась. Внутри Россіи шла дѣятельная работа по преобразованію управленія и финансовъ; производились негласныя, но усиленныя военныя приготовленія подъ искуснымъ руководствомъ Барклая-де-Толли, который въ началѣ этого года сдѣлался военнымъ министромъ на мѣсто графа Аракчеева.

Кромѣ ежедневныхъ утреннихъ занятій въ министерской канцеляріи, мы обязаны были поочередно, раза три въ мѣсяцъ, оставаться въ ней цѣлые сутки для пріема важнѣйшихъ бумагъ и представленія ихъ прямо канцлеру въ его кабинетѣ, а также и для полученія его непосредственныхъ приказаній по этимъ бумагамъ. Тутъ нерѣдко случалось мнѣ заставать графа Румянцова въ совѣщаніяхъ съ иностранными министрами. Я перевидалъ ихъ всѣхъ и поименую здѣсь съ памяти.

Посломъ былъ одинъ только Коленкуръ; представители всѣхъ остальныхъ державъ считались министрами второй степени.

То были отъ Австріи чрезвычайный посланникъ генералъ *графъ Сенъ-Жульенъ.*

Отъ Пруссіи чрезвычайный посланникъ полномочный министръ *графъ Шладенъ.* Позднѣе, когда я служилъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ, онъ былъ переведенъ туда.

Отъ *Даніи* чрезв. послан. и полн. м. генералъ *графъ Бломъ,* слишкомъ 30 лѣтъ остававшійся въ Петербургѣ, гдѣ его любили и уважали.

От Швеціи, послѣ Фридрихсгамскаго мира, чрезвыч. посланникъ генералъ *графъ Лёвенгіельмъ.*

Отъ Голландіи—*шевалье Саксъ Оттерлекъ*; по несчастному случаю онъ утонулъ въ одномъ изъ Петербургскихъ каналовъ.

Отъ Вестфаліи—*графъ Мосбургъ* (Французское его имя было *Симеонъ*).

Отъ Испаніи—генералъ *Пардо Фигеройя.*

Отъ Неаполя—герцогъ *Рокка Романа.*

Отъ Баваріи—*шевалье де Бре* (de Bray), преемникъ графа Люксбургскаго. Онъ оставался у насъ около 20 лѣтъ; преемникомъ его былъ въ послѣднее время его сынъ.

Отъ Бразиліи (вмѣсто Португаліи), *шевалье Безерра.*

Отъ Виртемберга—*графъ Фробергъ* (эмигрантъ, Французское его имя было *Монжуа*).

Отъ Саксоніи—*графъ Бозе* или генералъ *Вацдорфъ* (хорошенько не помню).

Отъ Американскихъ Штатовъ—*Леветъ Гаррисъ*, повѣренный въ дѣлахъ и генеральный консулъ, лѣтъ 20 остававшійся въ Петербургѣ.

Римскій дворъ присылалъ къ намъ своихъ чрезвычайныхъ пословъ только по случаю коронованія нашихъ государей. Таковымъ былъ въ Москвѣ въ 1801 г. *кардиналъ Ареццо.*

Изо всѣхъ представителей иностранныхъ державъ въ Петербургѣ не было ни одного, кромѣ развѣ Американскаго, кто бы имѣлъ самостоятельное значеніе: всѣ они были не болѣе какъ спутники одной главной и яркой звѣзды дипломатическаго горизонта; всѣ, не исключая Австрійскаго и Прусскаго посланниковъ, вращались вокругъ Французскаго посла, который олицетворялъ собою тогдашняго владыку Европы. И не прошло четырехъ лѣтъ, какъ этотъ же Коленкуръ явился къ императору Александру, по вступленіи его въ Парижъ, съ просьбою оказать покровительство сверженному съ престола Наполеону и въ замѣну всемірнаго господства, о которомъ тотъ помышлялъ и котораго почти достигнулъ, предоставить ему во владѣніе островъ Эльбу.

Къ перечисленнымъ дипломатамъ, состоявшимъ въ официальномъ спискѣ, надо еще прибавить Неаполитанскаго министра, *герцога Серра Капріола* и Сардинскаго *графа Жозефа Местра:* они жили въ Петербургѣ, безъ предъявленія грамотъ, но пользуясь благосклонностью Государя и уваженіемъ Петербургскаго общества.

Вотъ списокъ нашихъ представителей въ чужихъ краяхъ въ исходѣ 1810 года.

Въ Парижѣ *князь Александръ Куракинъ* и при немъ совѣтникъ посольства *графъ Нессельроде*, довѣренное лицо императора Александра. Онъ въ сущности и завѣдывалъ нашими сношеніями съ Франціей.

Въ Вѣнѣ генералъ *графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ*, позднѣе одинъ изъ комиссаровъ, отвозившихъ Наполеона на островъ Эльбу.

Въ Берлинѣ генералъ *графъ* (потомъ князь) *Ливенъ*, бывшій потомъ слишкомъ 20 лѣтъ сряду посломъ въ Лондонѣ.

Въ Стокгольмѣ *генералъ графъ Сухтеленъ*, Голландецъ родомъ, ученый военный человѣкъ, извѣстный своею библіотекою и собраніями достопримѣчательныхъ предметовъ. Онъ прожилъ тамъ слишкомъ 25 лѣтъ, постоянно считаясь чрезвычайнымъ посланникомъ.

Въ Копенгагенѣ — тайный совѣтникъ *Лизакевичъ*, находившійся тамъ еще съ прошлаго столѣтія.

Въ Гагѣ — генералъ *князь Сергѣй Долгоруковъ*, извѣстный своею разсѣянностью и острословіемъ, а также своимъ поединкомъ за дипломатическое старшинство съ Французскимъ министромъ Дюраномъ въ Неаполѣ, куда князя Долгорукова перевели въ 1811 году.

Въ Мадридѣ— *баронъ Моренгеймъ*, повѣренный за отсутствіемъ *барона (*позднѣе графа*) Григорія Александровича Строганова*, который, по сверженіи Бурбоновъ, отпросился въ отпускъ въ Россію. Въ 1816 году онъ назначенъ въ Константинополь.

Въ Касселѣ (Вестфаліи)—*камергеръ Яковлевъ*, и вскорѣ послѣ генералъ *князь Репнинъ*.

Въ Неаполѣ—*сенаторъ Бибиковъ*, мѣсто котораго скоро занялъ князь Сергѣй Долгоруковъ.

Въ Мюнхенѣ—*баронъ Бюлеръ*.

Въ Стутгардѣ— *Давидъ Алопеусъ* (потомъ графъ), впослѣдствіи многіе годы бывшій въ Берлинѣ, гдѣ онъ и умеръ на должности (до войны съ Швеціею онъ былъ министромъ въ Стокгольмѣ).

Въ Дрезденѣ — *генералъ Ханыковъ*, стихотворецъ и переводчикъ Шиллерова «Колокола»; онъ около 30 лѣтъ оставался въ Дрезденѣ, гдѣ и умеръ.

Въ Ріо-Жанейро (гдѣ нашелъ себѣ убѣжище Португальскій дворъ) *графъ Фрицъ Паленъ*.

Въ Вашингтонѣ—*Андрей Яковлевичъ Дашковъ*. Будучи тамъ генеральнымъ консуломъ, онъ былъ прямо назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ—случай до тѣхъ поръ безпримѣрный въ нашей службѣ.

1811 годъ.

Это былъ годъ знаменитой кометы. Въ простонародномъ мнѣніи ея появленіе считается предвѣстіемъ великихъ событій, счастливыхъ или злополучныхъ. Начало и развязка достопамятной войны 1812 года были полнѣйшимъ оправданіемъ этой примѣты, въ обоихъ смыслахъ, и не только для Россіи, но и для всей Европы, положеніе которыхъ какъ будто какимъ волшебствомъ совершенно измѣнилось. Россія, кромѣ кометы, озарялась въ 1811 году зловѣщимъ пламенемъ частыхъ и опустошительныхъ пожаровъ по разнымъ губерніямъ. Въ Тулѣ, между прочимъ, совершенно сгорѣлъ большой оружейный заводъ. Распространившаяся повсюду тревожная опасливость какъ бы готовила умы къ великимъ испытаніямъ слѣдующаго года. Я очень хорошо помню тогдашнее настроеніе въ Петербургѣ, гдѣ люди, знакомые съ ходомъ политическихъ дѣлъ, имѣли еще болѣе поводовъ, нежели простонародье, дрожать за ближайшую будущность.

А между тѣмъ какъ нарочно, годъ кометы былъ однимъ изъ самыхъ, урожайныхъ относительно всѣхъ плодовъ земныхъ, какъ у насъ, такъ и во всей Европѣ. Въ странахъ, гдѣ ростетъ виноградъ, 1811 годъ славенъ *виномъ кометы.* Долго стояла великолѣпная лѣтняя погода, даже и въ Петербургѣ. Слишкомъ два мѣсяца ярко горѣла комета, отлично видимая невооруженнымъ глазомъ. По вечерамъ на набережныхъ и бульварахъ толпы гуляющихъ любовались ея долгимъ хвостомъ и яркимъ блескомъ на голубомъ и свѣтломъ, какъ среди бѣла дня, небѣ.

По службѣ моей въ министерской канцеляріи я имѣлъ возможность видѣть, какъ въ перепискѣ между Парижскимъ и Петербургскимъ кабинетами, при наружной вѣжливости, усиливались неискренность, сдержанность и скрытая горечь. Новый посолъ Лористонъ, явившійся въ концѣ этого года на мѣсто Коленкура, былъ повидимому откровенный и честный генералъ, но онъ не имѣлъ дипломатическихъ дарованій своего предшественника и не пользовался особенною благосклонностью и личнымъ довѣріемъ императора Александра, хотя вскорѣ сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе и уваженіе Петербургскаго общества. Часто бывая у канцлера, всякій разъ обѣдая у него во время моего дежурства (что почиталось милостью, такъ какъ кромѣ парадныхъ обѣдовъ онъ рѣдко приглашалъ къ своему столу), я могъ замѣчать его озабоченность и недовольство. Онъ порицалъ открыто направленіе, которое принимали политическія дѣла, и остуда между императорами Александромъ и Наполеономъ, грозившая уничтоженіемъ союза, коего онъ заявлялъ себя приверженцемъ, внушала ему тревожныя опасенія. Къ

чести его надо замѣтить, что онъ поступалъ искренне и послѣдовательно, хотя и вопреки тогдашнему общему настроенію. По его понятіямъ, одинъ Наполеонъ былъ въ состояніи сдержать и подавить революціонныя движенія въ Европѣ, и въ 1815 году, когда Наполеонъ палъ, графъ Румянцовъ предсказывалъ возобновленіе революціонныхъ смутъ, чтò и оправдалось еще при его жизни въ Италіи и въ Испаніи въ 1820 и 1821 годахъ. Въ 1811 году онъ конечно понималъ, что съ перемѣною политической системы ослабѣвало его собственное, до тѣхъ поръ весьма сильное значеніе при Государѣ и дворѣ, гдѣ у него было множество завистниковъ и противниковъ. Единственное значительное лицо, съ кѣмъ канцлеръ не прерывалъ добрыхъ отношеній, былъ знаменитый графъ Аракчеевъ, который уступилъ военное министерство Барклаю-де-Толли, но, оставаясь предсѣдателемъ военнаго департамента въ Государственномъ Совѣтѣ, пользовался однако личнымъ довѣріемъ Государя и имѣлъ большой вѣсъ во внутреннихъ государственныхъ дѣлахъ. Надо сказать однако правду: оба эти лица, графы Румянцовъ и Аракчеевъ, были ненавистны тогдашнему Петербургскому обществу. Ненависть ко второму изъ нихъ возрастала и не прекращалась до самой его кончины; чтò касается графа Румянцова, то, удалившись отъ дѣлъ послѣ 1812 года, онъ посвятилъ остатокъ дней своихъ и своего великаго богатства на покровительство наукамъ и всякаго рода ученымъ предпріятіямъ и снискалъ себѣ въ отечественныхъ лѣтописяхъ не менѣе почетную и заслуженную славу, какъ и отецъ его на военномъ поприщѣ.

1812 годъ.

Первые мѣсяцы этого года занятъ я былъ судьбою сестры моей, которая 18 лѣтъ отъ роду кончила ученіе въ Смольномъ монастырѣ и изо ста подругъ своихъ получила второй знакъ отличія. Дядя Спафарьевъ, имѣя нѣсколько дочерей, пригласилъ ее жить у него въ Ревелѣ, куда я и отвезъ ее и гдѣ пробылъ нѣсколько недѣль. Въ исходѣ Марта, еще саннымъ путемъ, возвращаясь въ Петербургъ, я безпрестанно встрѣчалъ по дорогѣ прекрасную императорскую гвардію. Въ довольно сильную еще стужу, по сугробамъ, направлялись въ Виленскую губернію гвардейскіе отряды на соединеніе съ главною нашею арміею, которая должна была первая противостать вторженію страшныхъ непріятельскихъ силъ, уже собранныхъ Наполеономъ въ Польшѣ, Пруссіи и разныхъ частяхъ Германіи, вполнѣ ему подчиненной. Передвиженія войскъ съ нашей стороны были только мѣрою предупредительною, которая предписывалась явною опасностью. Война еще не была

объявлена, послы еще не покидали Парижа и Петербурга; велись очень дѣятельные повидимому переговоры для предупрежденія неисчислимаго въ своихъ послѣдствіяхъ взрыва. Императоръ Александръ конечно не желалъ войны и съ полною искренностью заявлялъ, что возмется за оружіе только для того, чтобы отразить непріятельское нападеніе. Послѣдствія не замедлили показать, что властелинъ Франціи и покоритель Европы тянулъ эти напрасные переговоры съ единственною цѣлью довершить свои великія приготовленія къ гигантскому походу, которымъ онъ разсчитывалъ навѣрное сокрушить Россію.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я узналъ о ссылкѣ Сперанскаго. Она всѣхъ поразила и всѣхъ занимала даже посреди политическихъ и военныхъ заботъ: до такой степени кроткое доселѣ и отеческое правленіе императора Александра отучило насъ отъ деспотическихъ пріемовъ его предшественника. Сперанскій подвергся опалѣ и высылкѣ немедленно по выходѣ изъ кабинета Государя, съ которымъ въ тотъ вечеръ работалъ. Причина осталась неразгаданною не только для публики, но и для людей, занимавшихъ самыя высшія должности. Если вѣрить разсказамъ, дошедшимъ до меня гораздо позже, Сперанскій въ этотъ вечеръ уже могъ замѣтить, что Государь обращается съ нимъ не по прежнему; онъ вышелъ изъ царскаго кабинета взволнованный и смущенный. Иностранные писатели напрасно утверждали, будто причиною опалы Сперанскаго былъ отчасти графъ Румянцовъ [21]).Онъ узналъ о ней въ одно время со всѣми и даже косвенно былъ нѣкоторое время встревоженъ ею, такъ какъ на другой день арестовали одного изъ его подчиненныхъ, значительнаго чиновника въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, статскаго совѣтника *Бека*, котораго заподозрили сообщникомъ Сперанскаго и черезъ котораго тотъ будто велъ тайную переписку съ Наполеономъ. Въ городѣ толковали, что министръ полиціи Балашовъ открылъ эту переписку.

Эти столичные толки и ни на чемъ неоснованныя предположенія въ тогдашнее время не могли быть продолжительны и скоро уступили мѣсто заботамъ и опасеніямъ болѣе существеннымъ и настоятельнымъ, въ виду несомнительныхъ признаковъ страшной и близкой войны. Войскъ въ Петербургѣ почти не было; оставалось лишь нѣсколько запасныхъ батальоновъ, къ которымъ позднѣе прибавились новобранцы изъ ополченія. Многочисленная гвардія ушла къ границамъ Пруссіи, Австріи, Польши и даже Турціи, гдѣ генералъ Кутузовъ уже заста-

---

[21]) Настоящихъ поводовъ опалы Сперанскаго надо искать въ бумагахъ Любецкаго, въ послѣдствіи важнаго дѣятеля по дѣламъ Польскимъ, а въ 1812 году пріѣзжавшаго въ Петербургъ въ званіи Слонимскаго повѣтоваго маршала. П. Б.

вилъ великаго визиря просить перемирія и начать мирные переговоры, какъ вдругъ, ко всеобщему изумленію, на мѣсто его посланъ адмиралъ Чичаговъ, бывшій морскимъ министромъ. Это назначеніе казалось до того необыкновеннымъ и страннымъ, что новаго главнокомандующаго прозвали въ Петербургскомъ обществѣ *адмираломъ Бонниве,* который нѣкогда злополучно былъ назначенъ королемъ Францискомъ I-мъ командовать Итальянскою арміею. Нашъ адмиралъ, впрочемъ человѣкъ умный и дѣятельный, по несчастію оправдалъ въ 1812 году это насмѣшливое прозвище, которое ему дали его завистники или люди, недовольные правительствомъ.

Въ началѣ Апрѣля самъ Государь отправился въ Вильну, въ главную квартиру первой арміи, находившейся подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли. Съ Государемъ поѣхалъ не только весь его военный штабъ, но и главные министры, канцлеръ графъ Румянцовъ съ дипломатическою канцеляріею, министръ полиціи Балашовъ, старый адмиралъ Шишковъ, замѣстившій Сперанскаго въ должности государственнаго секретаря, графъ Аракчеевъ, безъ особой довѣренности, но въ качествѣ близкаго человѣка, и еще много второстепенныхъ лицъ, какъ напр. недавно перешедшій къ намъ изъ Прусской службы генералъ *Пфуль,* слывшій за отличнаго тактика, но не оправдавшій на дѣлѣ своей славы, и *маркизъ Паулуччи,* Итальянецъ, отличившійся на Кавказѣ и потомъ долгое время бывшій генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ.

Наступали очевидно-великія событія, въ которыхъ политическое искусство должно было имѣть существенное примѣненіе, и я разумѣется горѣлъ желаніемъ попасть въ число людей, которыхъ бралъ съ собою въ Вильну мой начальникъ. Онъ былъ ко мнѣ очень благосклоненъ, я состоялъ при немъ уже два года; въ прошломъ году я сдалъ служебный мой экзаменъ, которому подвергались тогда безъ различія всѣ гражданскіе чиновники, и слѣдовательно я могъ разсчитывать на повышеніе и отличіе. Но канцлеръ взялъ съ собою только четверыхъ начальниковъ отдѣленій, статскихъ совѣтниковъ Шулепова, Жерве, Юдина и Крейдемана, а изъ редакторовъ только тѣхъ, которые были старше и опытнѣе меня по службѣ. Графъ А. Н. Салтыковъ, мой всегдашній покровитель, въ послѣдній разъ тогда принявшій, за отъѣздомъ канцлера, управленіе министерствомъ, пожелалъ утѣшить меня въ этой неудачѣ и назначилъ дипломатическимъ чиновникомъ къ главнокомандующему второю арміею князю Багратіону. Я былъ отмѣнно польщенъ и обрадованъ. Послѣ десятилѣтней канцелярской работы подышать вольнымъ воздухомъ полей, перейти на новое дѣятельное

поприще, быть подъ начальствомъ героя, который считался любимымъ ученикомъ Суворова,—все это было чрезвычайно заманчиво и приводило меня въ восхищеніе. Грустно было только разставаться съ Салтыковыми, къ которымъ я привыкъ и привязался. Они были для меня, какъ самые близкіе родные. Въ особенности графъ Дмитрій Николаевичъ обходился со мною совершенно по отечески. Онъ далъ мнѣ нѣсколько ободрительныхъ наставленій и совѣтовалъ не пропускать столь благопріятнаго случая для развитія и усовершенствованія способностей въ познаніи людей и предметовъ посреди предстоявшей мнѣ подвижной и разнообразной жизни, что̀ и было для меня полезно въ дальнѣйшей моей службѣ. Обязанность надзирать за братьями для меня кончилась: они должны были скоро выйдти изъ кадетскаго корпуса и поступить въ офицеры.

Я запасся вьюками и сѣдломъ и сшилъ себѣ полувоенную одежду, чтобы въ случаѣ надобности слѣдовать верхомъ за главною квартирою, на что̀ мнѣ были выданы особыя путевыя деньги, къ которымъ по счастью присоединилось нѣсколько сотъ червонцевъ, доставшихся на мою долю въ видѣ подарка, розданнаго чиновникамъ дипломатической канцеляріи по поводу ратификаціи мирнаго трактата, не помню съ какою-то державою. Этотъ обычай, нѣкогда существовавшій почти во всѣхъ странахъ, теперь вывелся.

Получивъ официіальную инструкцію и рекомендательное письмо отъ графа А. Н. Салтыкова къ моему будущему временному начальнику, я выѣхалъ изъ Петербурга въ первыхъ числахъ Іюня, не безъ горестнаго чувства разлуки съ моими благодѣтелями и нѣкоторыми добрыми товарищами по службѣ, но въ тоже время исполненный радужныхъ надеждъ и съ горделивымъ сознаніемъ совершенной самостоятельности. Меня снабдили курьерскимъ паспортомъ; я ѣхалъ въ коляскѣ, правда, довольно жалкой, со служителемъ, плохо одѣтымъ и не больше моего опытнымъ; но я воображалъ себя уже значительнымъ человѣкомъ. На другой же день пришлось мнѣ нѣсколько разочароваться. Станціонный смотритель объявилъ мнѣ, что у него нѣтъ лошадей и что я долженъ прождать у него въ лачугѣ нѣсколько часовъ, пока возвратятся лошади. Напрасно предъявлялъ я ему курьерскій мой паспортъ, конвертъ съ депешами во вторую армію и важное мое назначеніе: требованія и угрозы мои на него не подѣйствовали. Я ѣхалъ по такъ называемому Бѣлорусскому тракту, по большой почтовой дорогѣ, которая вела изъ Петербурга къ Минску и въ хорошую погоду была отличная. Бѣлоруссія, хотя не особенно живописная, занимала меня новизною встрѣчаемыхъ предметовъ. Мнѣ понравились Витебскъ

на Двинѣ [22]) и Могилевъ на Днѣпрѣ своими холмистыми окрестностями: до тѣхъ поръ мнѣ случалось проѣзжать только по необозримымъ нашимъ равнинамъ. Я любовался также великолѣпными березами, которыми съ двухъ сторонъ обсажена эта большая дорога.

На пути къ Минску, по очень песчаной почвѣ, проѣзжалъ я огромныя и прекрасныя сосновыя рощи съ несмѣтнымъ множествомъ ульевъ. Тутъ уже началъ я обгонять направлявшіяся къ границамъ войска. Наши молодцы-солдаты бодро и весело шагали по сыпучему песку, въ шинеляхъ и съ ранцами, ружья на плечахъ, въ предшествіи музыкантовъ и пѣсенниковъ, которые оглашали воздухъ народными пѣснями. Я очень живо помню эти встрѣчи, особенно когда проходилъ Московскій гренадерскій полкъ, прославленный своею храбростью въ нашихъ воинскихъ лѣтописяхъ. Шефомъ его былъ тогда родственникъ царской фамиліи герцогъ Мекленбургскій; онъ ѣхалъ впереди полка.

Я скакалъ день и ночь, и черезъ 6 или 7 сутокъ, на пути изъ Минска по направленію къ Гроднѣ, добрался до *Волковиска*, гдѣ находилась главная квартира второй арміи. Я очутился въ жалкомъ городишкѣ, деревянные домики котораго населены грязными и съ виду бѣдными, но весьма промышленными, и того болѣе назойливыми и корыстолюбивыми Жидами, каковы всѣ они въ Польшѣ или каковы были въ то время. Немедленно по прибытіи отправился я съ моими бумагами и письмами къ главнокомандующему. Воинственное и открытое лицо его носило отпечатокъ Грузинскаго происхожденія и было своеобразно-красиво. Онъ принялъ меня благосклонно, съ воинскою искренностью и простотою, тотчасъ приказалъ отвести помѣщеніе и пригласилъ разъ на всегда обѣдать у него ежедневно. Онъ помѣщался въ такъ называемомъ зàмкѣ какого-то сосѣдняго Польскаго пана, единственномъ во всемъ городѣ порядочномъ домѣ. Тутъ собиралось все общество главной квартиры, принявшее меня радушно и ласково въ среду свою. Въ отведенномъ мнѣ Жидовскомъ домѣ не было постели и никакой мебели, кромѣ деревянныхъ скамеекъ и прокоптѣлыхъ столовъ.

Во второй арміи числилось едва 40 т. человѣкъ, и она была гораздо малочисленнѣе первой; но въ ней находились лучшіе наши генералы и офицеры, считавшіе себѣ за честь служить подъ начальствомъ такого знаменитаго полководца, какъ князь Багратіонъ. Началь-

---

[22]) На Двинѣ же, въ 50 верстахъ отъ Витебска, находится прекрасное помѣстье *Бѣшенковичи*, принадлежащее Хребтовичамъ. Это скорѣе мѣстечко, нежели помѣстье. Петръ Великій посѣтилъ Бѣшенковичи въ одинъ изъ своихъ походовъ; въ 1812 году тамъ находилась нѣсколько дней главная квартира Наполеона.

никомъ главнаго штаба былъ генералъ-адъютантъ Государя графъ *Эммануилъ Сенъ-При*. Назову главнѣйшихъ лицъ второй арміи, на сколько помню ихъ почти черезъ полвѣка. Дежурнымъ генераломъ былъ *Маринъ*, одинъ изъ красавцевъ гвардіи, сочинитель легкихъ стиховъ. Квартирами, продовольствіемъ, экипажами, верховыми лошадьми свиты главнокомандующаго завѣдывалъ полковникъ *Юзефовичъ*, лицо, знакомствомъ котораго, слѣдовательно, нельзя было брезгать. Интендантомъ арміи былъ тайный совѣтникъ *Дмитрій Сергѣевичъ Ланской* (братъ его Василій Сергѣевичь, позднѣе министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ въ то время генералъ-интендантомъ первой арміи). Въ числѣ многихъ блестящихъ адъютантовъ и ординарцевъ князя Багратіона припоминаются мнѣ въ особенности: *князь Николай Сергѣевичъ Менщиковъ* (младшій братъ адмирала), *князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Гагаринъ*, *баронъ Бервикъ*, про котораго говорили, что онъ происходилъ отъ Стюартовъ, *Мухановъ*, *Левъ Алексѣевичъ Перовскій*, позднѣе графъ и министръ внутреннихъ дѣлъ; *Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ* (впослѣдствіи директоръ Императорской Публичной Библіотеки и сочинитель Исторіи 1812 года), *Михаилъ Александровичъ Ермоловъ*. Съ троими послѣдними я въ особенности сошелся, хотя находился въ добрыхъ отношеніяхъ и со всею этою молодежью, моими сверстниками, живыми и пылкими, вѣчно веселыми, привыкшими ко всякимъ лишеніямъ, не знавшими усталости и прямо изъ-за обѣда, изъ-за карточнаго стола или съ постели, въ какую бы то ни было погоду, хватавшимися за оружіе и готовыми летѣть въ бой.

Вторая армія славилась своими генералами. То были знаменитый *Раевскій*, командиръ перваго корпуса и *Бороздинъ*, командовавшій вторымъ корпусомъ и въ 1799 году дѣйствовавшій съ успѣхомъ въ Неаполѣ.

Но особенною любовью пользовались въ арміи два молодые дивизіонные генерала: графъ, впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ, *Воронцовъ* и *Паскевичъ*, будущій князь Варшавскій и также фельдмаршалъ. Оба они уже стяжали себѣ громкую славу въ Турецкую войну подъ начальствомъ графа Каменскаго и долгое время проходили свое поприще одинъ возлѣ другаго.

Въ числѣ близкихъ къ князю Багратіону лицъ необходимо еще упомянуть о старомъ Французскомъ эмигрантѣ *Мутье* (de Moustier). Онъ состоялъ въ чинѣ полковника нашей службы и носилъ кавалерійскій мундиръ, но не имѣлъ никакой особой должности, а былъ только пріятелемъ князя и сопровождалъ его еще въ Турецкой войнѣ, хотя не зналъ ни слова по-русски, а князь Багратіонъ плохо объяснялся на Французскомъ языкѣ. Прекрасный, сѣдовласый, высокаго роста, ста-

рикъ былъ настоящій представитель доблестнаго Французскаго дворянства прежнихъ временъ. Онъ служилъ нѣкогда однимъ изъ тѣлохранителей несчастнаго Людовика XVI и находился при немъ въ Версали, въ злополучные Октябрьскіе дни 1789 года. Съ своими сослуживцами онъ защищалъ покои Маріи Антуанеты противъ разъяренной Парижской черни, ворвавшейся во дворецъ, и былъ пощаженъ только по просьбѣ Лафайета. Вмѣстѣ съ другимъ лейбъ-гвардейцемъ сидѣлъ онъ на козлахъ кареты, въ которой король съ супругою и дѣтьми были везены плѣнниками въ Тюльери, посреди пьяной и яростной толпы, осыпавшей ихъ проклятіями, угрозами и всякаго рода оскорбленіями. По уничтоженіи лейбъ-гвардіи, этому храброму и вѣрному дворянину удалось попасть въ небольшое число оставленныхъ королю слугъ, и онъ же сопровождалъ королевское семейство во время злополучнаго бѣгства въ Вареннъ. Мутье въ другой разъ, какимъ-то чудомъ, спасся отъ смерти въ роковой день 10 Августа, когда остальные лейбъ-гвардейцы и Швейцарская гвардія пали жертвами приверженности своей къ несчастному государю. Ему посчастливилось спрятаться въ Парижѣ, и наконецъ, послѣ казни короля-мученика, онъ уѣхалъ изъ Франціи. Подобно многимъ своимъ соотечественникамъ-эмигрантамъ, Мутье былъ отлично принятъ въ Петербургѣ и получилъ отъ двора пенсію. Онъ привязался къ князю Багратіону, по кончинѣ его продолжалъ состоять въ главной квартирѣ, дошелъ съ нею до Парижа, гдѣ и умеръ вскорѣ по возстановленіи Бурбоновъ. Объ немъ говорится въ книгѣ, вышедшей въ нынѣшнемъ 1861 году: «Souvenirs de 40 ans de 1789 à 1830. Récits d'une dame de m-me la Dauphine». Дама, воспоминанія которой разсказаны въ этой книгѣ, есть дочь *маркизы Турцель*, которая была наставницею королевскихъ дѣтей до заключенія въ Тамплѣ послѣ 10 Августа. Имя другаго гвардейца, сидѣвшаго вмѣстѣ съ Мутье на козлахъ на обратномъ пути изъ Варенна—Мальданъ (de Maldent). Мутье живо сохранился въ моей памяти, и я часто вспоминалъ про него, читая книги, въ которыхъ повѣствуется о томъ времени. Его имя не громко во Французскомъ дворянствѣ, но оно достойнѣе многихъ быть сохраняемо въ исторіи.

Прошло около недѣли съ моего пріѣзда въ Волковискъ, какъ получено было официальное извѣстіе о томъ, что Наполеонъ, безъ объявленія войны, перешелъ Нѣманъ. Тогда же князю Багратіону велѣно отодвигаться назадъ и слѣдовать на соединеніе съ главною арміею, которая также покинула Вильну и въ отличнѣйшемъ порядкѣ отступила къ Дриссѣ и потомъ къ Витебску. Соединеніе армій было необходимо, потому что въ нихъ обѣихъ находилось всего отъ 150 до 200 тысячъ человѣкъ, тогда какъ Наполеонъ велъ съ собою полмилліона солдатъ

и вслѣдъ за вторженіемъ поспѣшно отрядилъ короля Іеронима или точнѣе фельдмаршала Даву съ арміею отъ 70 до 80 т. человѣкъ на перерѣзъ нашимъ арміямъ, съ цѣлью разбить ихъ поодиночкѣ.

Не имѣя намѣренія, ни способностей и познаній излагать военныя событія, которыхъ былъ я безучастнымъ свидѣтелемъ, передамъ лишь личныя и частныя мои воспоминанія.

Какъ только вторая армія двинулась въ походъ, непосредственный мой начальникъ въ главной квартирѣ, графъ Сенъ-При позвалъ меня къ себѣ и очень вѣжливо объявилъ, что такъ какъ служба моя временно прекращается (не успѣвъ и начаться), то мнѣ придется, до болѣе благопріятной поры, слѣдовать за главною квартирою и, въ качествѣ охотника, сѣсть на коня и причислиться къ адъютантамъ и ординарцамъ главнокомандующаго. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ это было самое лучшее. Когда мы пришли въ *Слонимъ*, на пути нашего отступленія, частные экипажи всѣхъ безъ исключенія офицеровъ были отправлены во внутреннія губерніи, и только генераламъ позволено оставить по одному для личнаго употребленія. Я принужденъ былъ также разстаться съ моею скромною коляскою и моимъ слугою. Мнѣ дали драгунскую лошадь, еще другую вьючную для небольшой моей поклажи и предоставили въ мое услуженіе стараго Уральскаго казака. Это было въ самыхъ послѣднихъ числахъ Іюня мѣсяца. Помню первый нашъ привалъ въ мѣстечкѣ Николаевѣ на берегу довольно широкой рѣки (я потомъ доискался, что это былъ Нѣманъ), черезъ которую навели барочный мостъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ прекрасныхъ Іюньскихъ дней, на солнечномъ закатѣ, армія расположилась бивуаками по обоимъ берегамъ рѣки. Кавалерія переходила по мосту и занимала противоположный болѣе высокій берегъ, а пѣхота и пушки размѣстились вдоль другаго берега, поросшаго кустарникомъ. Прежде чѣмъ прибыла главная квартира, солдаты уже нарубили вѣтокъ и понастроили шалашей (у насъ не возили съ собою палатокъ, какъ у Наполеона). Обширный лагерь, весь изъ свѣжей зелени, по которому перебѣгали солдаты и который уже оглашался пѣснями и военною музыкою, представлялъ собою прекрасное зрѣлище. Въ серединѣ находились болѣе обширные и лучше устроенные шалаши для главнокомандующаго, для его главнаго штаба и приближенныхъ. Мнѣ и двумъ или тремъ адъютантамъ отвели тоже шалашъ, въ которомъ мы могли кое-какъ отдохнуть и почиститься послѣ утомительнаго перехода по жарѣ. Затѣмъ мы отправились гулять вдоль рѣки и смотрѣть, какъ переправлялась черезъ мостъ великолѣпная кавалерійская дивизія стараго генерала Дохтурова, одного изъ ветерановъ Екатерининскаго царствованія, человѣка столь же извѣстнаго воинскими доблестями, какъ и вѣжливостью въ обраще-

ніи, которою отличались придворные прежняго времени. Послѣ этого мы пошли къ обильному столу главнокомандующаго, приготовленному въ особомъ шалашѣ. Солдаты ужинали вокругъ костровъ, пылавшихъ въ должномъ разстояніи отъ шалашей. Казалось, это было великое военно-походное празднество; а между тѣмъ предстояло подняться чѣмъ свѣтъ и, перейдя рѣку, направиться на столь желанное соединеніе съ первою арміею, если только не помѣшаетъ непріятель.

Ночью пришли извѣстія, заставившія внезапно измѣнить все это распоряженіе. Оказалось, что непріятель успѣлъ обойти насъ, и Барклай, избѣгая сраженія, отодвинулъ первую армію еще дальше назадъ, съ тѣмъ чтобы соединиться съ княземъ Багратіономъ уже въ другомъ мѣстѣ. Эта перемена фронта и направленія совершена съ удивительною быстротою и въ отличнѣйшемъ порядкѣ; раннимъ утромъ слѣдующаго дня наша кавалерія перешла по мосту назадъ и, сопровождаемая всею арміею, направилась по новой дорогѣ, указанной главнокомандующимъ. Все дѣлалось такъ же живо и бодро, какъ и наканунѣ.

Пока мы шли по бывшимъ Польскимъ мѣстамъ, по губерніямъ Волынской, Гродненской и по Бѣлоруссіи, не случилось ничего особеннаго; сельскіе жители держали себя тихо, тѣмъ болѣе что главнокомандующій и начальники корпусовъ строго смотрѣли за солдатами; не было ни отсталыхъ, ни бродячихъ по сторонамъ, а слѣдовательно и грабежа. Солдатамъ позволялось только въ деревняхъ брать солому и хворостъ въ лѣсу для подстилки и костровъ на бивуакахъ. Они всего чаще забирали старыя, поломанныя колеса отъ крестьянскихъ телѣгъ, такъ какъ они отлично горѣли. Солдаты и офицеры, собираясь вокругъ огней, забавлялись бросаньемъ туда колесъ, которыя быстро вспыхивали и давали яркое пламя, какъ въ фейерверкѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перемѣны направленія, когда мы прибыли въ *Несвижъ*, мѣстечко и зàмокъ князей Радзивиловъ, получено было извѣстіе о первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, о довольно значительномъ аванпостномъ дѣлѣ между Польско-Вестфальскимъ авангардомъ короля Іеронима и сильнымъ казачьимъ отрядомъ знаменитаго атамана Платова, котораго Барклай отдѣлилъ отъ своей арміи и послалъ къ князю Багратіону, чтобы ускорить и облегчить соединеніе. Сраженіе происходило близъ небольшаго города Романова; оно еще не кончилось въ то время, какъ вѣстникъ поскакалъ дать о немъ знать въ нашу армію. Мы всѣ уже полегли спать на соломѣ въ залахъ Радзивилова замка, какъ главнокомандующій, находившійся тутъ же въ замкѣ, прислалъ за однимъ изъ своихъ адъютантовъ и приказалъ ему немедленно ѣхать къ Платову съ бумагою. Это былъ гвардейскій егерскій поручикъ Мухановъ. Сіяя отъ радости, что выборъ главнокоман-

дующаго палъ на него, онъ поспѣшно одѣлся, кинулся на коня и поскакалъ опрометью. Помню, какъ ему завидовали другіе адъютанты, особливо князь Ѳедоръ Гагаринъ (братъ княгини Вяземской, супруги нашего любимаго, даровитаго поэта): въ комическомъ отчаяніи, почти нагой, подпрыгивалъ онъ на своемъ соломенномъ вороху и напѣвалъ мотивы изъ оперъ. Утромъ, когда армія, продолжая походъ, приближалась къ мѣсту сраженія, получено извѣстіе, что оно кончилось въ нашу пользу и непріятель отошелъ назадъ, оставивъ намъ нѣсколько сотъ человѣкъ плѣнныхъ (мы видѣли, какъ ихъ везли на телѣгахъ, по большей части раненыхъ); но бѣдный Мухановъ погибъ въ свалкѣ. Онъ что-то закричалъ по-французски Русскому офицеру, бѣжавшему къ нему, и казаки наши, принявъ его за Француза, прикололи его пиками. Смерть Муханова поразила его товарищей, которые наканунѣ завидовали его счастію, и очень опечалила князя Багратіона. Мухановъ только что женился въ Москвѣ и черезъ нѣсколько дней послѣ вѣнца поскакалъ въ армію. Молодая вдова его (не выходившая потомъ замужъ) была сестрою *А. Д. Олсуфьева*, который, какъ и я, начиналъ дипломатическую службу и вскорѣ послѣ несчастной кончины своего зятя причислился къ главной квартирѣ князя Багратіона и сдѣлался моимъ походнымъ товарищемъ [23]). Тридцать лѣтъ спустя увидались мы въ Римѣ, куда онъ пріѣзжалъ на зиму съ семействомъ своимъ. Это старшій братъ графа В. Д. Олсуфьева, оберъ-гофмейстера, внезапно скончавшагося въ Римѣ въ 1858 году.

Вторая армія, въ попятномъ движеніи своемъ, нѣсколько разъ до самаго Смоленска перемѣняла дорогу. Курьеры сновали между двумя главнокомандующими, которые старались по возможности согласовать и направлять движенія войскъ. Помню, какъ пріѣзжалъ къ намъ курьеромъ флигель-адъютантъ Государя капитанъ А. Х. Бенкендорфъ, чуть не попавшій въ плѣнъ къ непріятелю. Къ Барклаю ѣздилъ отъ насъ съ депешами одинъ изъ наилучшихъ адъютантовъ князя Багратіона, лейбъ-гусарскій капитанъ князь Н. С. Меншиковъ. Онъ ѣздилъ совершенно одинъ, для бо̀льшей надежности переодѣтый крестьяниномъ, и благополучно выполнилъ данное ему порученіе.

Барклай продолжалъ свое удивительное отступленіе. Тогдашніе сторонники его ставили его выше Французскаго генерала Моро, который прославился подобнымъ же движеніемъ въ войнѣ съ Германіей. Онъ довелъ свою армію во всей цѣлости до Витебска; у него не было ни отсталыхъ, ни больныхъ, и на пути своемъ онъ не оставилъ позади не только ни одной пушки, но даже и ни одной телѣги или повозки съ

---

[23]) А. Д. Олсуфьевъ († 31 Марта 1853). На его руки упалъ раненый подъ Бородинымъ князь Багратіонъ. П. Б.

припасами. Подъ Витебскомъ онъ остановился и думалъ сразиться съ главною арміею Наполеона; уже князь Багратіонъ получилъ приказаніе спѣшить къ нему на помощь, стараясь прорвать или откинуть въ сторону армію Іеронима. Нашъ безстрашный вождь только того и ждалъ, и вѣсть о томъ произвела во второй арміи всеобщую радость. Немедленно двинулись въ походъ и на другой день пришли въ маленькую деревню *Дашковку*, въ 10 верстахъ отъ губернскаго города Могилева, къ которому приближался маршалъ Даву. Получено извѣстіе, что Французы наканунѣ успѣли занять этотъ городъ и что Раевскій, шедшій впереди насъ съ отборнымъ войскомъ, уже двинулся на непріятеля, который вышелъ изъ города къ нему на встрѣчу. Скоро завязалось упорное дѣло. Раевскій съ двумя сыновьями своими (одному изъ нихъ было 14 лѣтъ) дрался какъ левъ. Узнавъ, что непріятель много сильнѣе, нежели предполагали, князь Багратіонъ высылалъ въ Дашковку подкрѣпленіе за подкрѣпленіемъ; но черезъ нѣсколько часовъ убійственнаго боя онъ послалъ приказаніе отступить, такъ какъ не представлялось возможности одолѣть Даву, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи отъ 30 до 40 т. человѣкъ, и положено было до соединенія обѣихъ армій избѣгать большаго сраженія. Князь Багратіонъ рѣшился немедленно измѣнить движеніе своей арміи и далъ знать Барклаю, что, не имѣя возможности идти на проломъ черезъ Могилевъ, уже занятый превосходными силами непріятеля, онъ направится по Мстиславской дорогѣ, къ Смоленску, какъ къ единственному мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, еще возможно нашимъ арміямъ соединиться. Всѣ эти распоряженія дѣлалъ князь Багратіонъ, сидя со своимъ штабомъ подъ прекрасными березами, которыми обсажены Бѣлорусскія дороги. Мы оставались тутъ почти цѣлый день, поджидая возвращенія Раевскаго. Онъ наконецъ вернулся со своими войсками, сопровождаемый множествомъ раненыхъ и умирающихъ, которыхъ несли на носилкахъ, на пушечныхъ подставкахъ, на рукахъ товарищей. Нѣкоторыхъ офицеровъ, тяжело раненыхъ и истекающихъ кровію, видѣлъ я на лошадяхъ, въ полулежачемъ положеніи; одною рукою они держались за повода, а другая, пронизанная пулею, висѣла въ бездѣйствіи. Перевязки дѣлались въ двухъ развалившихся хижинахъ, почти насупротивъ толпы офицеровъ и генераловъ, посреди которыхъ сидѣлъ князь Багратіонъ, по временамъ приподнимавшійся, чтобы поговорить съ ранеными и сказать имъ слово утѣшенія и ободренія. Мнѣ предлагали пойти посмотрѣть на хирургическія отсѣченія и операціи, которыя производились надъ этими доблестными жертвами войны; но, признаюсь, у меня не достало на то духу. Раевскій, все время находившійся въ самомъ средоточіи боя, какимъ-то чудомъ остался невредимъ, но одинъ изъ его сыновей получилъ легкую рану. Стараго, безтрепетнаго воина окружила толпа; превозносили его геройство, восхва-

ляли его въ особенности за то, что онъ вывелъ въ бой сыновей своихъ; но онъ говорилъ мало, грустный и видимо огорченный неудачею дѣла. Помню, что въ этотъ же день пріѣхалъ къ князю Багратіону генералъ *Винценгероде* и вечеромъ сидѣлъ за ужиномъ, который наскоро собрали подъ деревьями. Онъ пріѣхалъ изъ Москвы, куда сопровождалъ императора Александра изъ его главной квартиры. Онъ разсказывалъ, съ какимъ восторгомъ Москва встрѣтила Государя, какъ онъ говорилъ рѣчи дворянству и купечеству, какія начались пожертвованія и пр. Его разсказы оживили и обрадовали воиновъ, естественно смущенныхъ неуспѣхомъ того утра. Винценгероде тѣмъ же вечеромъ ускакалъ въ Смоленскъ, гдѣ ему поручено было устроить первые отряды общенароднаго ополченія; и въ ту же ночь вторая армія двинулась въ походъ по направленію къ Мстиславской дорогѣ. Не искусившійся въ верховой ѣздѣ, я отсталъ отъ моихъ военныхъ товарищей и въ эту ночь едва не заблудился; мы долго плутали, и наконецъ мой старый казакъ помогъ намъ добраться до небольшаго поселка, гдѣ остановились ночевать нѣкоторые изъ свиты главнокомандующаго. Надобно замѣтить, что Даву, окончательно отбивъ стремительныя нападенія Раевскаго, не захотѣлъ его преслѣдовать, вѣроятно потому что самъ понесъ значительный уронъ въ этомъ кровавомъ дѣлѣ подъ Могилевомъ. Князь Багратіонъ, прибывъ вскорѣ въ Мстиславль, гдѣ далъ отдохнуть войскамъ, которыя утомились отъ усиленныхъ переходовъ, убѣдился, что разсчетъ его вышелъ вѣренъ и что онъ хорошо сдѣлалъ, покинувъ направленіе къ Витебску: пришло извѣстіе, что, послѣ отличнаго кавалерійскаго дѣла по близости Витебска, подъ *Островною*, гдѣ особенно прославились графы Петръ Петровичъ Паленъ и Остерманъ-Толстой, Барклай тоже рѣшился воздержаться отъ большаго сраженія въ тѣхъ мѣстахъ и повелъ свою армію по дорогѣ къ Смоленску. Это отступленіе мутило и раздражало нетерпѣливую нашу молодежъ. Помню, въ Мстиславлѣ, который расположенъ живописно на полугорѣ, надъ небольшою, но довольно свѣтлою рѣкою, Багратіоновы адъютанты, въ жаркій день шли купаться и говорили между собою: «Покупаемся въ послѣдній разъ, пока рѣчка эта еще Русская; можетъ быть, потомъ она будетъ уже заграничная».

Пока мы проходили бывшія Польскія мѣста, жители городовъ и деревень относились къ войскамъ съ молчаливымъ равнодушіемъ, видимо озабоченные только тѣмъ, чтобы ихъ чѣмъ не обидѣли. Они знали о строгомъ воспрещеніи насилія и грабежа, и если изрѣдка случалось что-нибудь подобное, смѣло приносили жалобы военному начальству, увѣренные въ удовлетвореніи. Недоброжелательства не было видно, но и никакого содѣйствія. Дворянство и землевладѣльцы старались скрыть

тайное сочувствіе, которое они питали къ войскамъ Наполеона, сочувствіе очень естественное, такъ какъ въ числѣ этихъ войскъ состоялъ сильный Польскій легіонъ, большая часть котораго, въ особенности конница, имѣла назначеніемъ тревожить армію князя Багратіона и всячески препятствовать ея соединенію съ главною нашею арміею. Нѣкоторыя лица изъ дворянства были даже заподозрѣны въ содѣйствіи непріятелю тайнымъ доставленіемъ извѣстій, проводниковъ, продовольствія и фуража. Главнокомандующій нашелся вынужденъ кое-кого арестовать и кое-кому пригрозить военнымъ судомъ. Болѣе сильныхъ мѣръ, по причинѣ продолжавшагося отступленія, принять было нельзя. Большая часть приличенныхъ, если не всѣ, отдѣлались ссылкою на нѣсколько мѣсяцевъ во внутреннія мѣста Россіи.

Совсѣмъ иное было въ губерніи Смоленской, значную часть которой наша армія прослѣдовала, прежде чѣмъ дойти до самаго города Смоленска. Несмотря на наступавшее время жатвы, на поляхъ немного было видно народу. Крестьяне собирались толпами, принимали войска въ деревняхъ, или выходили къ нимъ на встрѣчу, съ радостными криками; мужики подносили хлѣбъ и соль; бабы, съ младенцами на рукахъ, привѣтливо и сердобольно глядѣли, какъ мимо нихъ шли обремененные тяжкою амуниціею, покрытые пылью и пòтомъ солдаты, мѣнявшіеся съ ними добрыми пожеланіями, а иной разъ отпускавшіе какое нибудь мѣткое, веселое словцо, на которое Русскій солдатъ бываетъ такой мастеръ. Меньшая часть войскъ со штабами размѣщалась по деревнямъ; остальные располагались бивуакомъ, а главнокомандующій и начальство обыкновенно занимали сосѣднюю господскую усадьбу: помѣщики выѣзжали за ними въ разнообразныхъ своихъ экипажахъ, жены ихъ не щадили угощеній и оказывали всякое гостепріимство. Но такъ было только на первыхъ переходахъ. Дальше, крестьянское населеніе показывалось рѣже, такъ какъ тутъ уже составлялись ополченія, спѣшно собираемыя помѣщиками, къ которымъ для того были отряжаемы офицеры или сержанты изъ арміи или изъ Москвы, гдѣ, по первому слову Государя, тотчасъ начала образовываться боевая сила. Уже всѣ знали, что непріятель гонится по пятамъ за нашею отступающею арміею; но, вмѣсто страха и унынія, во всѣхъ слояхъ Русскаго народа разгоралось единодушное, сердечное усердіе къ спасенію родины. По деревнямъ, какъ и по городамъ, помѣщики, крѣпостные крестьяне (а ихъ было отмѣнно много), свободные люди, мѣщане и купцы, сельское духовенство, гражданскіе чиновники всякаго положенія, всѣ одушевлены были пламенною любовью къ Россіи и сильнѣйшимъ негодованіемъ противъ непріятеля; всѣ готовы были на всякую жертву для обороны Святой Руси и для истребленія дерзкаго врага.

Кто жилъ въ это достославное, поистинѣ великолѣпное время, тотъ во всю жизнь его не позабудетъ. Исторія должна отмѣтить, что эти высокія проявленія Русскаго духа относятся ко времени за полвѣка до освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, котораго всегда желалъ Александръ I-й и которое наконецъ провозглашено Государемъ, столь достойнымъ носить имя Александра II-го. Самъ Наполеонъ, во время своего бѣгства, проговорился въ Варшавѣ аббату Прадту: «Русскіе показали себя, какой это народъ!»

Чѣмъ дальше шла армія въ глубь страны, тѣмъ безлюднѣе были встрѣчавшіяся селенія, и особенно послѣ Смоленска. Крестьяне отсылали въ сосѣдніе лѣса своихъ бабъ и дѣтей, пожитки и скотину; сами же, за исключеніемъ лишь дряхлыхъ стариковъ, вооружались косами и топорами, а потомъ стали сжигать свои избы, устроивали засады и нападали на отсталыхъ и бродячихъ непріятельскихъ солдатъ. Въ небольшихъ городахъ, которыми мы проходили, почти никого не встрѣчалось на улицахъ: оставались только мѣстныя власти, которыя по большей части уходили съ нами, предварительно предавъ огню запасы и магазины, гдѣ къ тому представлялась возможность и дозволяло время.

Сколько помню, за одинъ переходъ до Смоленска, армія князя Багратіона остановилась на нѣсколько дней, въ ожиданіи вѣстей изъ первой арміи, которая въ свою очередь двигалась или вѣрнѣе отступала отъ Витебска въ томъ же направленіи: надлежало условиться относительно дня соединенія и размѣщенія войскъ за Смоленскомъ на обоихъ берегахъ протекающаго тамъ Днѣпра. Когда всѣ распоряженія были сдѣланы, состоялось наконецъ 22 Іюля замышленное съ перваго дня войны и столь желанное соединеніе. Оно достигнуто цѣлымъ рядомъ искусныхъ и быстрыхъ мѣропріятій послѣ стольких усилій и славныхъ дѣлъ, послѣ стольких трудовъ и лишеній для солдата, въ теченіи четырехъ или пятинедѣльнаго постояннаго отступленія: непріятель насъ преслѣдовалъ, какъ охотникъ преслѣдующій страшнаго льва, въ ежеминутномъ опасеніи, что тотъ его растерзаетъ. День этотъ пришелся на имянины императрицы Маріи Θеодоровны. Войска обѣихъ армій вступали въ Смоленскъ въ парадной формѣ; впереди ѣхали на встрѣчу одинъ другому главнокомандующіе съ главными штабами и множествомъ генераловъ и офицеровъ. Великолѣпная погода, при безоблачномъ небѣ, придавала блеску этой торжественной встрѣчѣ. Войска размѣстились вдоль главныхъ улицъ; позади ихъ радостныя лица городскихъ жителей, всѣхъ возрастовъ и сословій, одѣтыхъ по праздничному, и въ числѣ ихъ множество Москвичей, пріѣхавшихъ нарочно повидать войска, отъ которыхъ зависѣло общее спасеніе. Духовенство, въ цер-

ковныхъ облаченіяхъ съ крестами въ рукахъ, стоя у церквей, благословляло храбрыхъ солдатъ и принимало генераловъ, заходившихъ въ церкви на царскій молебенъ. Все это вмѣстѣ представляло собою такое величественное и поучительное зрѣлище, что никакое перо и никакое слово не въ силахъ выразить тогдашнихъ ощущеній; и теперь, черезъ 48 лѣтъ, на старости лѣтъ и въ положеніи совершенно иномъ, послѣ всего пережитаго и испытаннаго, я не могу безъ особеннаго одушевленія вспоминать о томъ времени, которое оставило во мнѣ, какъ и во всѣхъ участникахъ и очевидцахъ, самое разительное впечатлѣніе.

Первая недѣля совмѣстнаго пребыванія обѣихъ армій въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ была посвящена отдыху, въ которомъ такъ нуждались войска. Молодежъ главной квартиры воспользовалась не только удобствами, но даже увеселеніями городской жизни. Главныя городскія власти и сосѣднее дворянство, обнадеженные присутствіемъ войскъ, не скупились на гостепріимство. По Смоленскимъ улицамъ сновали довольно богатые экипажи. Былъ даже Русскій театръ съ странствующими актерами, правда очень жалкій, но привлекавшій толпу военной молодежи, которая была рада и этому развлеченію послѣ продолжительнаго пребыванія въ городахъ и деревняхъ Польши, на половину Жидовскихъ, и послѣ тяжкаго похода, прерываемаго лишь сраженіями. Лица обоихъ половъ ходили молиться по церквамъ и прогуливались по стариннымъ укрѣпленіямъ Смоленска, съ средневѣковыми башнями и бойницами. Смоленскъ нѣкогда былъ одною изъ твердынь Россіи и выдержалъ нѣсколько продолжительныхъ и славныхъ осадъ во время нашихъ войнъ съ Польшею въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Съ высоты этихъ укрѣпленій мы любовались прекрасными видами по обоимъ берегамъ Днѣпра; они соединялись мостомъ, по которому вела большая Московская дорога на Вязьму и Можайскъ.

Помнится мнѣ, что въ губернаторскомъ домѣ помѣстился Барклай, въ качествѣ главнокомандующаго главною арміею и въ тоже время военнаго министра; князь же Багратіонъ (старше его по чину и кавалеръ Андреевскаго ордена, котораго у Барклая не было) занялъ домъ въ одномъ изъ предмѣстій города. По близости расположились его штабъ и свита. Мнѣ отвели крошечное помѣщеніе вмѣстѣ съ поручикомъ главнаго штаба *Михаиломъ Александровичемъ Ермоловымъ* [24]). Утро мы слонялись по городу и потомъ сходились на гостепріимный, простой, но обильный обѣдъ къ главнокомандующему, который за столомъ

---

[24]) Это былъ сынъ Екатерининскаго любимца. Онъ совершилъ всѣ походы 1812 — 1815 и скоро достигъ генеральскаго чина, при тогдашнемъ быстромъ производствѣ. Потомъ онъ женился во Франціи, поселился тамъ и по временамъ пріѣзжалъ въ Россію.

всегда бывалъ добръ, привѣтливъ, словоохотливъ и неистощимъ въ разсказахъ о своихъ безчисленныхъ походахъ на Кавказѣ, въ Польшѣ, Италіи, Германіи и Турціи. За этими обѣдами видѣлъ я стараго генерала Бенингсена и бывшаго статсъ-секретаря Н. Н. Новосильцова, который послѣ Тильзитскаго мира сошелъ со сцены и отправился частнымъ человѣкомъ путешествовать по Германіи.

Главнокомандующіе конечно видались другъ съ другомъ для совѣщаній о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но личныя отношенія ихъ были натянуты и холодны.

Въ Смоленскѣ я съѣхался вновь съ моимъ дипломатическимъ товарищемъ А. Д. Олсуфьевымъ. До того времени онъ числился при Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, этомъ можно сказать разсадникѣ будущихъ дѣятелей государственной службы, откуда вышли: *Д. В. Дашковъ*, человѣкъ отмѣнныхъ дарованій, античной высоты характера и обширной образованности, впослѣдствіи министръ юстиціи и преемникъ Сперанскаго по законодательнымъ работамъ (бывшій лучшимъ и надежнѣйшимъ другомъ, какого имѣлъ я во всю мою жизнь, рано у Россіи похищенный смертью въ 1839 году); *графъ Блудовъ*, другъ и сподвижникъ Дашкова; *князь Козловскій*, человѣкъ исполненный ума, дарованій и образованности, особливо классической, пытавшійся, во время своего министерскаго служенія въ Туринѣ, ввести вновь Латинскій языкъ въ употребленіе дипломатіи. Въ 1812 году молодые дворяне, состоявшіе при Московскомъ Архивѣ, толпою кинулись служить въ арміяхъ и въ ополченіи. Олсуфьевъ, отлично воспитанный и самаго любезнаго нрава, скоро сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ моихъ пріятелей. Мы дѣлили съ нимъ и помѣщеніе, когда оно выпадало на нашу долю, и скудную пищу, и скудный запасъ чтенія; занятій по службѣ у насъ никакихъ не было. Московскіе друзья князя Багратіона поручали ему Олсуфьева, опоздавшаго пріѣздомъ въ Смоленскъ вслѣдствіе кончины и похоронъ своего зятя Муханова, о которомъ я говорилъ выше.

Вторая армія, занимавшая Смоленскъ и его окрестности, должна была перейти на другой берегъ Днѣпра, гдѣ расположилась первая армія. Барклай предполагалъ, съ этими соединенными силами, дождаться главной арміи Наполеона и вступить съ нимъ въ сраженіе, въ мѣстности, которая, по развѣдкамъ офицеровъ нашего главнаго штаба, признана благопріятною. Такимъ образомъ мы должны были покинуть наши уютныя Смоленскія квартиры и послѣдовать за главною квартирою князя Багратіона, которая переправилась за Днѣпръ и остановилась на ночь въ ближней деревнѣ съ тѣмъ, чтобы на другой день встрѣтить непріятеля. Въ Смоленскихъ укрѣпленіяхъ оставленъ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ Раевскаго. Въ теченіи ночи получено извѣ-

стіе, вслѣдствіе котораго пришлось поспѣшно измѣнить эти распоряженія: узнали, что сильный непріятельскій корпусъ, идя на городъ Красный, встрѣтилъ и разбилъ дивизію генерала Невѣровскаго, оставленную для наблюденія на томъ Днѣпровскомъ берегу, который мы вчера покинули и состоявшую исключительно изъ новобранцевъ, съ мальчиками-офицерами, лѣтъ 17 или 18-ти, только что вышедшими изъ кадетскихъ корпусовъ. Дивизія Невѣровскаго, покрывъ себя славою отчаяннаго сопротивленія, не давъ непріятелю ни пушекъ, ни плѣнныхъ и уступивъ лишь превозмогавшей силѣ, но потерявъ въ бою множество людей, пришла въ Смоленскъ. За нею по пятамъ гнался король Мюратъ, и едва оставалось времени, чтобы принять мѣры къ оборонѣ города, который могъ быть захваченъ непріятелемъ. Вотъ почему наши военачальники принуждены были оставить мысль о большомъ сраженіи, и рѣшено, чтобы кн. Багратіонъ удержалъ Смоленскъ, хоть бы только на нѣсколько дней, и тѣмъ далъ Барклаю возможность стать на большой Московской дорогѣ и тамъ дожидаться съ одной стороны оборонителей Смоленска, а съ другой Милорадовича, который долженъ былъ привести новыя дружины, набранныя въ Москвѣ и во внутреннихъ губерніяхъ. Утромъ произведены эти передвиженія, и тогда-то, съ высокаго Днѣпровскаго берега, изъ Багратіонова бивака, находившагося насупротивъ Смоленска, пришлось мнѣ въ первый разъ увидать непріятельское войско. Колонна за колонною, правильно и быстро нападало оно сначала на отряды наши, поспѣшно выстроившіеся за городомъ, а потомъ на высокія и древнія укрѣпленія, стѣны и башни Смоленска. Днѣпръ, не очень широкій въ этомъ мѣстѣ, отдѣлялъ высоту, гдѣ мы находились, отъ города и отъ той открытой мѣстности противоположнаго берега, гдѣ происходило кровавое дѣло. Разстояніе было версты въ двѣ или три, такъ что простымъ глазомъ, не прибѣгая къ трубкамъ и телескопамъ, которые были разставлены возлѣ главнокомандующаго и его свиты, можно было отлично и безнаказанно [25]) разсматривать движенія непріятеля, его пѣхотныя колонны съ застрѣльщиками впереди и его кавалерійскіе взводы, которыми съ боковъ прикрывались батареи летучей артиллеріи. Пушечные и непрерывные ружейные выстрѣлы со стороны нападающихъ и со стѣнъ и бастіоновъ Смоленскихъ долетали до насъ, какъ раскаты близкой грозы и громовые удары, и по временамъ облака густаго дыма застилали эту величественную картину, которая производила потрясающее дѣйствіе на меня и на моего товарища, но за которою окружавшіе насъ военные

---

[25]) Будь тогда карабины Минье или нарѣзныя пушки, наша наблюдательная кучка была бы вмигъ прогнана и разсѣяна.

люди, привыкшіе къ боевымъ впечатлѣніямъ, слѣдили, правда, съ заботливымъ любопытствомъ, но, по наружности, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и какъ бы съ равнодушіемъ. День стоялъ необыкновенно жаркій. Сраженіе началось въ 6 или 7 часовъ утра и продолжалось нѣсколько часовъ сряду. Главнокомандующій, съ зрительною трубкою въ рукахъ, безпрестанно получалъ донесенія отъ лицъ, распоряжавшихся обороною города, и, отряжая къ городу новыя подкрѣпленія разсылалъ адъютантовъ и ординарцевъ съ своими приказаніями и туда, и къ войскамъ, находившимся на нашемъ берегу. Позади насъ очутились продавцы съ плодами, съ холодною водою, квасомъ и пивомъ. Военные люди поочередно ходили къ нимъ утолить жажду и спѣшно возвращались къ мѣсту наблюденія. Такъ прошло все утро. Къ 3 или 4 часамъ по полудни, Раевскій, оказавъ чудеса храбрости и неутомимости, во главѣ безтрепетныхъ воиновъ, одушевленныхъ его примѣромъ, успѣлъ отразить третье или четвертое нападеніе короля Мюрата и заставилъ его уйти изъ-подъ Смоленска съ громадною убылью въ людяхъ. Когда у насъ увидѣли, что непріятельскія колонны отступаютъ и бой кончился, князь Багратіонъ сѣлъ на лошадь, со всею свитою пустился внизъ, и черезъ мостъ поѣхалъ въ городъ благодарить Раевскаго и его войска за такое геройское сопротивленіе втрое сильнѣйшему непріятелю. Одинъ изъ офицеровъ, которые ѣздили въ Смоленскъ съ главнокомандующимъ, разсказывалъ мнѣ по возвращеніи, что нѣкоторыя улицы были загромождены ранеными, умирающими, мертвыми, и что не было возможности переносить ихъ въ больницы или дома. Зажиточные обыватели разбѣжались, покинувъ имущество и спасая только свои семьи; а бѣдные люди прятались по дальнимъ мѣстамъ города, въ сараяхъ и погребахъ; во многихъ частяхъ были пожары. Когда главнокомандующій проѣзжалъ по городу, безпомощные старики и женщины бросались передъ нимъ на колѣни, держа на рукахъ и волоча за собою дѣтей, и умоляли его спасти ихъ и не отдавать города непріятелю. Раевскій, съ главными своими подручниками, выѣхалъ къ нему на встрѣчу, и они вмѣстѣ ѣздили осматривать сильно пострадавшіе стѣны и бастіоны. Смоленскій соборъ также отчасти потерпѣлъ отъ бомбъ, однако уцѣлѣлъ, и въ немъ въ тотъ же вечеръ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ за освобожденіе города. Множество народа и солдатъ сливали съ церковнымъ пѣніемъ свои стоны и громогласныя молитвы. Князь Багратіонъ съѣзжалъ и внизъ на ровное мѣсто, покрытое убитыми и умиравшими, осмотрѣлъ вновь разставленные свѣжіе отряды, здоровался съ войсками, навѣстилъ главнѣйшихъ лицъ, получившихъ раны, и наконецъ снова переправился за Днѣпръ въ свой

Убыль людей въ корпусѣ Раевскаго оказалась страшная, а между тѣмъ на другой день надо было ждать новаго приступа. Поэтому въ туже ночь рѣшено было замѣстить его корпусомъ Дохтурова, на котораго и возложено тяжкое дѣло сколь возможно долѣе оборонять Смоленскъ, чтобы дать остальнымъ корпусамъ второй арміи возможность на другой день соединиться на Московской дорогѣ съ большою арміею Барклая, которая шла туда съ цѣлію затруднить приближеніе непріятельскихъ силъ къ древней столицѣ. Князь Багратіонъ двинулся въ походъ на слѣдующее утро, пославъ впередъ обозы и артиллерію. Онъ и его свита, на этотъ разъ еще болѣе многочисленная, замыкали шествіе. Я съ Олсуфьевымъ ѣхали верхами вмѣстѣ съ адъютантами. Вскорѣ услышали мы пушечные выстрѣлы: непріятель возобновилъ нападеніе на Смоленскъ. Нѣкоторое время намъ приходилось ѣхать вдоль Днѣпровскаго берега; Французская батарея, съ противоположнаго, довольно близкаго въ этомъ мѣстѣ берега, замѣтила насъ, и ядра засвистали по направленію къ намъ. По счастію они только перелетали черезъ наши головы и ни въ кого не попадали.

Послѣ занятія Смоленска большою арміею Наполеона, послѣ кроваваго сраженія при Валутинѣ между авангардомъ непріятельскимъ и аріергардомъ нашимъ, на Московской дорогѣ, обѣ наши арміи продолжали свое движеніе по ней, безъ особенно-важныхъ дѣлъ. Непріятель шелъ за нами довольно медленно и осторожно, не вынуждая насъ къ усиленнымъ переходамъ, такъ что наши генералы не разъ имѣли намѣреніе остановиться и дать большое сраженіе. Удобнаго къ тому мѣста не встрѣчалось, а вскорѣ пришло извѣстіе о соединеніи всѣхъ армій подъ главное начальство князя Кутузова.

За нѣсколько дней до Бородинской битвы схватилъ я перемежающуюся лихорадку, лишившую меня возможности держаться на лошади. Я принужденъ былъ помѣститься въ фургонѣ, въ которомъ находились бумаги походной канцеляріи князя Багратіона. Однако, 23 Августа, я еще былъ въ силахъ съѣздить верхомъ въ находившійся недалеко гвардейскій лагерь къ пріятелю моему, молодому егерскому офицеру *Дмитрію Леонтьеву* (близкому родственнику Салтыковыхъ). Главная квартира князя Багратіона, корпусъ котораго составлялъ собою лѣвое крыло арміи, находилась въ селѣ Семеновскомъ, а князя Кутузова въ самомъ Бородинѣ. Съ утра 24 Августа непріятель началъ свои нападенія на войска князя Багратіона какъ передъ Семеновскимъ, такъ и въ сосѣдней рощѣ, гдѣ были расположены наши передовые отряды. Дѣло становилось все жарче и убійственнѣе, оно продолжалось цѣлый день, и лишь съ наступленіемъ ночи непріятель былъ не только отбить нами на всѣхъ мѣстахъ, но и оставилъ намъ двѣ или три пушки:

вечеромъ видѣлъ я, какъ ихъ тащили наши кирасиры въ Семеновское, гдѣ мнѣ и другимъ невоеннымъ людямъ была отведена изба. Черезъ нѣсколько минутъ потомъ привезли къ намъ раненыхъ офицеровъ съ фельдшерами, и мы поспѣшили очистить имъ мѣсто для произведенія перевязки. Одинъ изъ нихъ, армейскій егерскій полковникъ, поразилъ меня своимъ хладнокровіемъ и твердою, безъ всякой поддержки, поступью. Лишь по чрезвычайно блѣдному лицу можно было заключать объ его истощеніи и страданіяхъ: пушечное ядро раздробило ему руку, которую фельдшеръ долженъ былъ отрѣзать. Я видѣлъ, какъ онъ вышелъ изъ избы и спокойно, не говоря ни слова, помѣстился на скамейкѣ, въ то время какъ фельдшеръ раскладывалъ на столѣ страшныя орудія свои. Жаль, что не помню имени этого безстрашнаго воина. Когда непріятельскія колонны проникли въ лѣсъ, что̀ было уже вечеромъ, раздались перекатные звуки отъ ружейной стрѣльбы, и сначала мнѣ показалось, будто это стукъ топоровъ и будто въ лѣсу рубятъ дрова. Помню, что по этому случаю подсмѣивались надъ моимъ невѣдѣніемъ.

Это убійственное дѣло было повидимому со стороны Наполеона лишь пробою: ему хотѣлось удостовѣриться въ силѣ нашего лѣваго крыла, дабы, сообразно съ тѣмъ, разсчитать свои послѣдующіе удары. Но уронъ, причиненный несокрушимымъ сопротивленіемъ нашихъ войскъ, одушевляемыхъ присутствіемъ и личнымъ примѣромъ любимаго вождя, охолодилъ отвагу непріятеля, и весь слѣдующій день оба войска оставались въ полномъ бездѣйствіи, на тѣхъ же мѣстахъ какъ и наканунѣ. Въ этотъ день велѣно было отправить въ небольшой городъ Можайскъ, въ 10 или 15 верстахъ отъ Московской дороги, весь обозъ главной квартиры, всѣхъ больныхъ и невоенныхъ людей. Утромъ 25 Августа, въ великолѣпную погоду, поѣхалъ я въ Можайскъ въ одной изъ колясокъ князя Багратіона вмѣстѣ съ начальникомъ его канцеляріи *Николаемъ Ивановичемъ Старынкевичемъ* [26]), человѣкомъ умнымъ и бывалымъ, въ особенности любившимъ пожить. Бесѣда его была весела и неистощима.

Въ Можайскѣ (въ 40 верстахъ отъ мѣста моего рожденія) мы помѣстились въ небольшомъ, довольно чистомъ домѣ, приготовленномъ на всякій случай для князя Багратіона, и провели тамъ ночь, почти не смыкая глазъ, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ дожидаясь, какія придутъ извѣстія. Городъ былъ почти пустъ; оставались только мѣстныя

---

[26]) Въ послѣдствіи сенатора въ Варшавѣ при князѣ Паскевичѣ. Въ шутку пріятели называли его *Бедуиномъ*, готовымъ раздѣлить послѣднее добро съ пріятелемъ, но и опорожнить его кошелекъ до дна за картами (это примѣчаніе въ подлинникѣ порусски).

власти. Но улицы были загромождены экипажами, обозомъ арміи, фургонами съ амуниціей, телѣгами съ хлѣбомъ и припасами, вьюками и всякимъ маркитанскимъ скарбомъ, точно будто въ городѣ была ярмарка; за то лица у всѣхъ выражали крайнюю заботу и тревогу: непріятель былъ такъ близокъ, и великая битва неизбѣжна.

Съ ранняго утра 26 Августа въ Можайскѣ довольно явственно слышались пушечные выстрѣлы, какъ далекіе громовые раскаты. Эти удары становились все чаще и чаще и вскорѣ начали раздаваться безъ перерыва; но такъ какъ они долетали до насъ все съ одинаковымъ звукомъ, не приближаясь и не отдаляясь, то можно было заключать, что бой сдѣлался общимъ, на всѣхъ мѣстахъ, и ведется съ равною силою и ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Мы испытывали невыразимую тревогу, тѣмъ болѣе, что все утро и до самаго почти вечера съ поля битвы не приходило никакого извѣстія: ни курьеровъ, ни раненыхъ, ни бѣглыхъ, ни казаковъ, которыхъ обыкновенно мы видали во время прежнихъ сраженій, какъ они гарцовали по окрестностямъ. Когда уже стемнѣло, къ нашему крыльцу, гдѣ мы собрались, прискакало опрометью нѣсколько офицеровъ, и въ числѣ ихъ одинъ изъ адъютантовъ князя Багратіона (князь Н. С. Меншиковъ или баронъ Бервицъ, не помню), радостно возвѣстившій намъ, что, послѣ необыкновеннаго съ обѣихъ сторонъ ожесточенія и несмѣтной гибели людей побѣда осталась за нами, что непріятель покинулъ поле битвы и атаманъ Платовъ отправленъ его преслѣдовать. Вмѣстѣ съ этою великою и восхитительною вѣстію адъютантъ сообщилъ намъ, что еще утромъ князь Багратіонъ, отражая непріятельскій натискъ, получилъ тяжкую рану: пушечнымъ выстрѣломъ раздробило ему ногу, такъ что онъ безъ памяти упалъ съ лошади, весь въ крови, къ ужасу окружавшихъ и своихъ солдатъ, привыкшихъ считать его неуязвимымъ, такъ какъ, въ теченіи почти четверти вѣка, участвуя въ столькихъ сраженіяхъ, онъ никогда не былъ раненъ. Доктора тотчасъ окружили его; онъ очнулся, былъ осторожно положенъ на носилки, подъ непріятельскимъ огнемъ вынесенъ внѣ выстрѣловъ и перевязанъ. Доктора объявили, что антоновъ огонь и кончина неизбѣжна, буде тотчасъ же не отнять нижнюю половину ноги, которую почти совсѣмъ оторвало отъ колѣна. Несмотря на страшныя мученія, князь отвергалъ всѣ представленія и твердилъ, что ему лучше умереть, нежели остаться искалѣченнымъ. Не внимая убѣжденіямъ и просьбамъ князя Кутузова и генераловъ, поспѣшившихъ, во время самаго боя, лично выразить раненому герою удивленіе и соболѣзнованіе, онъ стоялъ на своемъ; а настаивать было невозможно, зная его неукротимый и настойчивый нравъ. Уже было темно, когда подъѣхала къ намъ дорожная коляска, въ которой везли князя

одинъ изъ его адъютантовъ и слуга, родомъ Піемонтецъ, находившійся при немъ съ Итальянскаго похода 1799 года. Для него отыскали болѣе просторное помѣщеніе, и я не имѣлъ отрады увидать славнаго воина, который постоянно былъ ко мнѣ благосклоненъ. Я слышалъ только его стоны, причиняемые раною и толчками закрытой со всѣхъ сторонъ кареты, въ которую его уложили почти въ безсознательномъ состояніи. Съ нимъ были его докторъ и фельдшеръ. На слѣдующее утро онъ былъ провезенъ черезъ Москву и скончался въ ста верстахъ оттуда, въ имѣніи давняго своего пріятеля, князя Голицына, селѣ Симѣ, Владимирской губерніи. Передъ смертью доктора еще разъ предлагали ему отнять ногу, но онъ опять не согласился. Будь въ то время извѣстенъ хлороформъ, можетъ быть еще на многіе годы спасена была бы жизнь этого доблестнаго и наиболѣе любимаго въ Русскомъ войскѣ генерала. Ему было всего какихъ нибудь 50 лѣтъ отъ роду.

Утромъ 27 Августа кончились наши ликованія по поводу выиграннаго сраженія: мы узнали, что, хотя поле осталось за нами, но князь Кутузовъ отмѣнилъ приказаніе Платову преслѣдовать непріятеля, такъ какъ безпрестанно приходили къ нему донесенія отъ корпусныхъ начальниковъ о страшной убыли въ войскахъ; бой продолжался слишкомъ полсутки сряду, въ немъ участвовало около 300 тысячъ человѣкъ и дѣйствовало до 2 тысячъ пушекъ [27]). Въ полкахъ и даже цѣлыхъ дивизіяхъ на десять человѣкъ погибло по одному; но солдаты оставались въ боевомъ порядкѣ и горѣли желаніемъ на утро возобновить дѣло. Главнокомандующій сдѣлалъ имъ смотръ на самомъ мѣстѣ сраженія. Тѣмъ не менѣе, убыль была такъ велика, особливо ранеными, что князь Кутузовъ приказалъ отступать къ Москвѣ на Можайскъ, гдѣ раннимъ утромъ 27 числа видѣли мы, какъ потянулся сначала громадный обозъ съ ранеными, а за нимъ прослѣдовала и самая армія. Наше помѣщеніе находилось на главной Можайской улицѣ и, стоя на крыльцѣ, мы видѣли все это печальное шествіе. Мнѣ сказали, что про меня спрашиваетъ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ. Я подошелъ къ телѣгѣ, на которой онъ лежалъ вмѣстѣ съ другими и узналъ *графа Людовика Сенъ-При* (позднѣе герцогъ Альмазанскій, доселѣ здравствующій), въ то время служившаго капитаномъ въ гвардейскихъ егеряхъ; онъ велѣлъ меня позвать, чтобы передать мнѣ, что молодой другъ мой Леонтьевъ, его однополчанинъ, котораго на дняхъ я навѣщалъ въ лагерѣ, получилъ смертельную рану, что его везутъ въ этомъ же обозѣ и

---

[27]) По офиціальнымъ донесеніямъ, позднѣе обнародованнымъ, непріятелей было отъ 120 до 150 т., а нашего войска, съ ополченцами, отъ 80 до 110 т.; но вѣроятно, эти цифры не точны. *Примѣчаніе А. П. Бутенева.*

что вѣроятно онъ умираетъ или уже умеръ. Напрасно глядѣлъ я потомъ въ другія телѣги: мнѣ не довелось распознать бѣднаго Леонтьева во множествѣ раненыхъ, которыхъ провозили мимо насъ.

Такъ какъ моего начальника, при которомъ я состоялъ (правда, безъ всякаго дѣла) повезли въ Москву, то и мнѣ ничего не оставалось, какъ пробираться туда же, чтобы тамъ узнать о дальнѣйшей моей участи. Я послѣдовалъ за общимъ движеніемъ отступавшей арміи, пока не посчастливилось мнѣ добыть почтовую перекладную телѣгу, которая привезла меня въ Москву, въ Александровъ день, 30 Августа.

На заставѣ, вмѣсто караула, обыкновенно многолюднаго, увидѣлъ я лишь нѣсколько инвалидовъ-сторожей, да мужиковъ, записанныхъ въ милицію, въ казакинахъ изъ грубаго сѣраго сукна и съ мѣднымъ крестомъ на шапкахъ. Первыя улицы почти были безлюдны, ставни домовъ и большая часть воротъ затворены. Попадались иногда офицеры и солдаты, кое-какъ одѣтые и едва волочившіе ноги: это были легко раненые, надѣявшіеся найти пристанище у Московскихъ родныхъ или пріятелей. Въ Москвѣ жила одна изъ сестеръ моихъ Александра [28]), тогда еще почти ребенокъ; ее, съ ранняго дѣтства взяла къ себѣ и, можно сказать, удочерила княгиня Екатерина Александровна Долгорукова, супруга стараго Екатерининскаго генерала князя Юрія Владиміровича. Я предполагалъ, что они уже покинули Москву; но мнѣ хотѣлось провѣдать, гдѣ сестра. Поэтому на заставѣ я кинулъ телѣгу, въ недеждѣ тотчасъ сѣсть на городскаго извощика. Со мною былъ всего одинъ дорожный мѣшокъ; остальные пожитки мои я уложилъ въ Можайскѣ въ фургонъ Багратіоновой свиты. Ни однихъ дрожекъ не попадалось, и я принужденъ былъ въ лихорадкѣ тащиться до Долгоруковскаго дома [29]). Въ домѣ оставались только дворникъ, старые слуги и раненый полковникъ Алексѣевъ, котораго я прежде тамъ знавалъ и который сказалъ мнѣ, что все княжеское семейство и сестра моя слишкомъ недѣлю какъ выѣхали, а ему, по давнему знакомству, позволили отдохнуть у нихъ въ домѣ и полечиться отъ ранъ, и что онъ надѣется скоро выздоровѣть. Алексѣевъ указалъ мнѣ, гдѣ помѣстился князь Багратіонъ и кто съ нимъ изъ свиты и, черезъ короткое время, отправился я искать ихъ, опять пѣшкомъ. На главныхъ улицахъ было полюднѣе, но почти вовсе прекратилась ѣзда. Прохожіе были по большей части изъ простаго люду; видно было, какъ они сходились кучками, тревожливо расспрашивали другъ друга и потомъ шли каждый

---

[28]) Она скончалась вдовою въ 1853 году, оставивъ двухъ дочерей.

[29]) Нынѣ домъ Вельтищева на Большой Никитской; въ немъ Реальное Училище. П. Б.

въ свою сторону. Я шелъ мимо Гостиннаго Двора. Лавки были всѣ заперты, по случаю царскаго дня; но на площади собралось много народу, по большей части купцы и ремесленники. Лица ихъ показались мнѣ очень озабоченны, движенія рѣзки, но въ тоже время не выражали ничего запальчиваго или мятежнаго. Я сталъ прислушиваться. Оказалось, что рѣчь у нихъ шла о Бородинскомъ сраженіи, о томъ, что войска наши спѣшатъ прикрыть Москву, что подъ городомъ будетъ еще сраженіе, въ которомъ люди эти намѣревались участвовать, вооружившись кто чѣмъ могъ. Я не встрѣтилъ тутъ ни полиціи, ни казачьихъ разъѣздовъ, которые обыкновенно появляются при скопленіи народа. Толпа эта, очевидно, одушевлена была только рѣшимостью отразить непріятельское вторженіе.

На дальнѣйшемъ пути моемъ я проходилъ мимо большаго Московскаго театра. На стѣнахъ наклеены были афиши, и я съ изумленіемъ прочиталъ, что вечеромъ этого самого дня назначено играть любимую тогдашнюю піесу: «Наталью Боярскую Дочь». Послѣ того что́ я видѣлъ на улицахъ, трудно было предположить, что театральныя представленія еще продолжаются, и вѣроятно актеровъ некому было слушать. Но могъ ли я думать, что дня черезъ три или четыре театръ этотъ сдѣлается добычею пламени!

Очень усталый дошелъ я наконецъ до того дома, гдѣ находился раненый князь Багратіонъ съ нѣкоторыми лицами своей свиты. Мнѣ сказали, что переѣздъ отъ Можайска еще больше растревожилъ его рану, что ему сдѣлалось хуже и въ комнаты къ нему никого не пускаютъ. Я узналъ также, что армія усиленными переходами приближается къ столицѣ и что графъ Растопчинъ поскакалъ въ главную квартиру на военный совѣтъ [30]).

Въ квартирѣ князя Багратіона могъ я наконецъ отдохнуть и выспаться, въ то время, какъ всѣ остальные не смыкали глазъ, въ виду опаснаго положенія, въ которомъ находился князь, а также и потому, что безпрестанно пріѣзжали вѣстовые съ извѣстіями изъ арміи. Ут-

---

[30]) По поводу этого знаменитаго совѣта, припоминается мнѣ анекдотъ, пустой, но по моему мнѣнію характерный. Мнѣ его передавали изъ вѣрнаго источника, много спустя по кончинѣ Кутузова. Старый фельдмаршалъ, дожидаясь генераловъ, приглашенныхъ на военный совѣтъ, сидѣлъ у своего бивуака и разговаривалъ съ офицерами. Острякъ, полковникъ Маринъ началъ ему читать свои стихи на бездарнаго поэта Геракова, нѣкогда состоявшаго въ милости у фельдмаршала. Стихи эти начинались слѣдующимъ точнымъ изображеніемъ:

Гераковъ, милый другъ, Эзопова покрою,
Съ кривыми ножками, съ плѣшивой головою.

Кутузовъ разсмѣялся и попросилъ Марина оставить въ покоѣ бѣднаго Геракова.

ромъ 31 Августа узнали, что рѣшено оставить столицу непріятелю. Говорили, что Барклай былъ въ числѣ немногихъ генераловъ, которые подали голосъ сразиться во что бы ни стало. Онъ не дерзнулъ бы соединить своего иноземнаго имени съ оставленіемъ Москвы. Эта великая жертва принесена была безъ ропоту, безъ мятежа и народнаго негодованія въ самой Москвѣ и въ губерніяхъ, только потому, что повелѣніе шло отъ Кутузова.

Какъ только узнали о томъ въ Москвѣ, немедленно приняты были мѣры къ вывозу раненыхъ. По желанію князя Багратіона его повезли въ Симу. Тогда же я узналъ, что вторая армія, которою онъ командовалъ, вошла въ составъ главной арміи, и что состоявшіе при немъ военные и гражданскіе чиновники частію поступили въ общій штабъ, частію отпущены назадъ въ ихъ прежнія вѣдомства. Олсуфьевъ предпочелъ военное поприще. Я не захотѣлъ покидать дипломатическаго, и потому долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, тѣмъ болѣе что лихорадка, которою страдалъ я уже двѣ недѣли, не давала мнѣ возможности продолжать походную жизнь.

Я получилъ паспортъ и нужныя бумаги, въ томъ числѣ свидѣтельство о моихъ подвигахъ, подписанное начальникомъ главнаго штаба и мною бережно сохраненное. Мнѣ посовѣтовали спѣшить отъѣздомъ, такъ какъ я подвергался опасности не найти почтовыхъ лошадей, разбираемыхъ ежеминутно для увоза раненыхъ. За меня похлопотали, и мнѣ удалось выѣхать въ ночь съ 31 Августа на 1 Сентября, т.-е. за 30 съ небольшимъ часовъ до вступленія въ нее Французовъ. Мнѣ дали несчастную перекладную телѣгу, запряженную парою лошадей. Я былъ безъ человѣка, съ тяжелымъ чемоданомъ и въ злѣйшей лихорадкѣ. Въ Черной Грязи, на первой станціи, пришлось долго ждать лошадей вмѣстѣ со многими выѣхавшими изъ Москвы семействами. Тутъ былъ между прочими *князь Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ-Дашковъ* съ матерью, человѣкъ въ то время еще очень молодой, но уже причисленный къ посольству въ Вѣнѣ, откуда онъ возвращался черезъ Москву. Задержка въ лошадяхъ насъ безпокоила въ особенности потому, что станціонный смотритель былъ въ большомъ страхѣ и говорилъ, что въ теченіи дня уже показывались непріятельскіе мародеры, и что они теперь ушли, завидя по дорогѣ нѣсколько казачьихъ отрядовъ. На слѣдующее утро, проѣхавъ верстъ сто, я былъ уже въ безопасности отъ подобныхъ встрѣчъ.

Никогда не забуду, какъ отрадно мнѣ было въѣхать въ Тверскую губернію. Картины опустошенія, безпрестанно встрѣчавшіяся въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ, смѣнились для меня картинами мира и

благоденствія. Вмѣсто безлюдныхъ или погорѣлыхъ деревень и покинутыхъ полей я проѣзжалъ по многолюдной сторонѣ, въ которой жизнь текла по прежнему: пастухи выгоняли на пастбища стада свои, деревенскія женщины, въ своихъ живописныхъ сарафанахъ, черпали воду въ колодцахъ, разстилали полотна сушить на солнцѣ, работали въ огородахъ; на улицахъ и въ полѣ играли и рѣзвились здоровые и веселые ребятишки. Попадалось довольно и земледѣльцевъ, занятыхъ озимымъ посѣвомъ; но большинство мужиковъ озабочено было, какъ я узналъ, встрѣчая ихъ сборища на деревенскихъ улицахъ, составленіемъ коннаго ополченія: то были ямщики, издавна занимавшіеся почтовою гоньбою между Москвою и Петербургомъ. Эти отрадныя впечатлѣнія нравственно успокоивали меня во всю дорогу, такъ что я даже забывалъ свою лихорадку и меньше страдалъ отъ тряской ѣзды, продолжавшейся день и ночь. Передъ Новгородомъ посчастливилось мнѣ встрѣтить на станціи отставнаго генерала *Озерова* [31]), который, не зная меня лично, но видя, какъ я сгорбился и страдаю, не имѣя возможности даже протянуться на постланномъ сѣнѣ, пригласилъ меня пересѣсть къ нему въ его покойную коляску, а человѣка своего помѣстилъ въ мою почтовую телѣгу.

3 или 4 Сентября вечеромъ пріѣхали мы наконецъ въ Петербургъ. Сострадательный мой спутникъ, довершая свое одолженіе, подвезъ меня прямо къ Лондонской гостинницѣ, находившейся тогда противъ Адмиралтейства. Какъ ни былъ я истомленъ, но на слѣдующее утро пошелъ представиться канцлеру графу Румянцову. Онъ долго меня распрашивалъ о томъ что̀ со мною было, очень жалѣлъ князя Багратіона и порицалъ графа Ростопчина за его рѣзкость и горячность. Отъ него узналъ я, что за два или за три дни передъ тѣмъ пріѣхалъ курьеръ отъ Кутузова съ донесеніемъ о Бородинской битвѣ. Ее торжествовали, какъ великую побѣду, и Государь тотчасъ же возвелъ стараго генерала въ званіе фельдмаршала.

(Окончаніе будетъ).

---

[31]) Петръ Ивановичъ Озеровъ, гвардейскій полковникъ и любимый адъютантъ великаго князя Константина Павловича, бывшій съ нимъ въ Итальянскомъ походѣ 1799 году, подъ Аустерлицомъ и Эйлау. Онъ жилъ въ Смоленской деревнѣ съ многочисленнымъ семействомъ и въ 1812 году одинъ изъ первыхъ составилъ мѣстное крестьянское ополченіе. Имѣнія его были опустошены проходомъ войскъ и потерпѣли отъ пожаровъ. Отправивъ въ безопасное мѣсто семейство и малолѣтнихъ дѣтей, онъ ѣхалъ въ Петербургъ, чтобы снова вступить въ службу, и поспѣлъ въ армію Кутузова, при которой находился до самаго изгнанія Французовъ, въ Декабрѣ. Потомъ мнѣ никогда не случилось его видѣть; но, лѣтъ черезъ пятнадцать, имѣлъ я отраду возблагодарить его за оказанную мнѣ услугу въ лицѣ его сына Ивана Петровича (нынѣ камергера и нашего министра въ Лиссабонѣ), которому я старался быть полезенъ, когда онъ начиналъ свою дипломатическую службу подъ моимъ начальствомъ въ Петербургѣ.

ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ.

Изъ дневника Русскаго чиновника.

(1845 — 1846).

Стремленіе Лифляндскихъ крестьянъ къ Православію началось въ 1841 году, вскорѣ послѣ назначенія въ Ригу перваго православнаго епископа Иринарха въ званіи Псковскаго викарія, епископа Рижскаго. Оно шло медленно и робко, совсѣмъ тѣмъ возбудило сильное негодованіе среди Нѣмецкаго населенія края. Подъ вліяніемъ протестантскихъ властей и при сильномъ покровительствѣ, которое оказывалъ имъ всемогущій тогда графъ Бенкендорфъ, это стремленіе скоро было прекращено бритьемъ головъ, шпицрутенами и ссылками въ Сибирь. Дворянство *Лифляндскаго герцогства* обратилось къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ адресомъ, и преосвященный Иринархъ былъ высланъ изъ Риги.

На мѣсто его назначенъ ректоръ Московской Духовной Академіи архимандритъ Филаретъ, съ возведеніемъ его въ санъ епископа Рижскаго. Робкія попытки Латышей принять Православіе снова возникли при немъ въ 1845 году. Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ и дворянство опять встревожились и опять послали адресъ къ Государю; но обстоятельства перемѣнились: графа Бенкендорфа не было уже на свѣтѣ, и мѣсто его занялъ графъ А. Ѳ. Орловъ. По его докладу генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а на мѣсто его опредѣленъ въ Ригу генералъ отъ инфантеріи Е. А. Головинъ; дворянству воспрещено подписываться дворянствомъ Лифляндскаго герцогства, а желающимъ присоединяться къ Православію разрѣшено вступать безпрепятственно въ нѣдра нашей Церкви съ соблюденіемъ только условій предписанныхъ закономъ.

Понятно, что всѣ эти распоряженія приняты были крестьянами въ видѣ желанія, выраженнаго Государемъ видѣть ихъ православными,—и они толпами начали стремиться въ Ригу.

Назначеніе въ Остзейскій край Русскаго и православнаго генералъ-губернатора произвело сильное впечатлѣніе не на однихъ только крестьянъ,

но и на всѣхъ Нѣмцевъ, занимавшихъ въ Петербургѣ высшія государственныя должности. Встревоженные крутымъ переворотомъ, они сплошною массою окружили новаго генералъ-губернатора и на перерывъ снабжали его записками о положеніи края, составленными на Нѣмецкомъ, Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Указывая на несокрушимую привязанность свою къ Россіи и обращая вниманіе его на Польскія наши провинціи, помнится, сочинитель одной изъ записокъ приводилъ даже стихи Пушкина:

„Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ,
Оно-ль изсякнетъ: вотъ вопросъ?"

Заботы Петербургско-Нѣмецкой аристократіи были не безплодны. Головинъ, несмотря на высокую свою образованность, свѣтлый умъ и привязанность къ Церкви, не устоялъ, и первыя донесенія его изъ Риги носили на себѣ явные признаки провинціальнаго, мѣстнаго характера.

Между тѣмъ край, находившійся со временъ императора Павла въ анормальномъ и въ отчужденномъ положеніи отъ Россіи, представлялъ любопытную картину. Три провинціи не только не составляли никакой цѣлокупности, но были совершенно разъединены мѣстными интересами. Въ сословіяхъ каждой губерніи также не было единства. Stadt und Land (городъ и земля) рѣзко отдѣлялись одинъ отъ другаго. Представителями перваго было купечество и мѣщанство; втораго—дворянство. Они ненавидѣли другъ друга. Духовенство въ городахъ отличалось раціонализмомъ; въ деревняхъ оно было почти все гернгуттерскимъ. Крестьяне, угнетаемые во имя свободы помѣщиками и арендаторами, ненавидѣли Нѣмцевъ; но за то одни только они составляли свѣжій и нетронутый элементъ. Нѣмецкое племя глубоко ихъ презирало и ни подъ какимъ видомъ не допускало ихъ возвыситься до себя. Съ этою цѣлію оно само училось по-латышски и по-эстонски, лишь бы только эти инородцы не выучились по-нѣмецки и не стали въ уровень съ ними.

Такое положеніе было чрезвычайно благопріятно къ обрусѣнію края, тѣмъ болѣе что вліяніе одной народности на другую не можетъ быть успѣшнымъ, если господствующая народность не стоитъ выше той, на которую желаетъ имѣть вліяніе. Въ настоящемъ случаѣ очевидно, что такое положеніе принадлежало намъ въ отношеніи Латышей и Эстонцевъ, составлявшихъ еще непочатый матеріалъ.

Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій ясно понималъ это и, какъ истинный патріотъ, желалъ этимъ воспользоваться ко благу края и Россіи. Донесенія Головина его тревожили, и онъ послалъ въ Ригу товарища своего тайнаго совѣтника Сенявина подъ предлогомъ изысканія мѣръ къ продовольствію края, который ощущалъ въ немъ недостатокъ и, кромѣ того испросилъ высочайшее разрѣшеніе командировать туда же своего чиновника

особыхъ порученій графа Толстаго для усиленія средствъ канцеляріи генералъ-губернатора въ сношеніяхъ на Русскомъ языкѣ съ центральнымъ правительствомъ въ Петербургѣ.

Краткія записки сего послѣдняго представляются здѣсь вниманію читателей.

1845.

Рига, 16 Ноября. По скверной, несносно-скучной дорогѣ наконецъ пріѣхалъ я въ Ригу вчера вечеромъ, выѣхавъ изъ С.-Петербурга въ 7 часовъ пополудни 11 числа этого мѣсяца. Сегодня поутру въ 8 часовъ, надѣвъ мундиръ, отправился я къ товарищу министра. Сенявинъ принялъ меня словами: «Васъ давно здѣсь ожидаютъ». Онъ говорилъ очень много. Отсюда поѣхалъ я къ генералъ-губернатору. Этотъ, принявъ отъ меня отношеніе министра, также сказалъ, что давно ждетъ меня. Познакомились; общее знакомство въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Спрашивалъ о Ханыковѣ: будетъ ли въ Ригу? На отвѣтъ, что Ханыковъ не хотѣлъ сюда пріѣхать, изъявилъ сожалѣніе, говоря, что его замѣнить будетъ некѣмъ. Отсюда поѣхалъ къ архіерею. Преосвященный принялъ меня радушно. Онъ сказывалъ, что дѣло присоединенія идетъ успѣшно и что болѣе 6 тысячъ уже обратилось къ Православію; что внутри губерніи присоединяются болѣе, чѣмъ въ Ригѣ. Говорилъ объ ощущаемомъ недостаткѣ церквей; на счетъ духовенства выразился, что ни мало не сомнѣвается, что священники наши въ этомъ дѣлѣ имѣютъ и достаточно способностей, и довольно свѣдѣній; что хотя имъ и недостаетъ лоска образованности свѣтской, но за то они обладаютъ всѣмъ, что̀ нужно къ удовлетворенію новой паствы. Разговаривая о противодѣйствіяхъ и препятствіяхъ здѣсь встрѣченныхъ, неблагопріятно отзывался о Х., полагая, что *космополитизмъ его немало сдѣлалъ тутъ вреда.*

Послѣ того былъ у гражданскаго губернатора тайнаго совѣтника Фелькерзама, у коменданта генералъ-лейтенанта Мандерштерна, у вице-губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кубе, у бургомистра Тимма и у статскаго совѣтника Гроте. Вездѣ принятъ хорошо, хотя и не такъ какъ прежде. Изъ разговоровъ могъ видѣть: страсти озлоблены, дѣйствіями правительства не довольны, генералъ-губернатора не любятъ, находя въ немъ человѣка хитраго и нечистосердечнаго. Х. весьма не жалуютъ, говоря о его вліяніи на Головина. Говорятъ, что дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать наперекоръ генералъ-губернатору; что хотя и должны исполнять приказанія, но не оставятъ

отыскивать правъ своихъ гдѣ слѣдуетъ; что слѣдствія присоединенія опасны невыразимо, и что если не въ Лифляндіи, то въ Эстляндіи и Курляндіи они разразятся большимъ кровопролитіемъ; что крестьяне въ этомъ дѣлѣ подстрекаемы были обѣщаніями разныхъ выгодъ, и что хотя нынѣ и обѣщаютъ имъ противное, но поздно, и они приписываютъ это вліянію помѣщиковъ, къ которымъ питаютъ глубокую ненависть, несмотря—какъ они говорятъ—на ихъ благодѣянія; что идея овладѣть помѣщичьими землями распространена между ними и легко можетъ проникнуть въ Россію. Несмотря на попеченія правительства, которому въ этомъ отношеніи отдаютъ справедливость, голодъ къ веснѣ, до открытія навигаціи, неизбѣженъ. Послѣ тѣхъ непріятностей, какія терпятъ Нѣмцы, они не намѣрены впредь помогать крестьянамъ, и провинціи, доселѣ бывшія однѣми изъ лучшихъ въ Россіи, обратятся ей въ тягость, потому что не будутъ оплачивать повинностей. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія Государя, полагая [1]), что съ пріѣздомъ его все приметъ другой видъ. Надѣются на свиданіе его съ гр. Петромъ Паленомъ; въ противномъ случаѣ говорятъ, что будутъ просить сами Государя. Недовольны гр. Протасовымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ говорятъ объ этомъ дѣлѣ весьма неравнодушно и оканчиваютъ словами: «не будемъ лучше говорить объ этомъ». Самые доброжелательные, оставаясь увѣрены, что все будетъ спокойно и не дойдетъ до безпорядковъ, говорятъ однакоже, что послѣдствіями этого дѣла будетъ недовѣрчивость къ правительству. Сказываютъ, что Ландратская Коллегія получила отъ генералъ-губернатора весьма оскорбительную бумагу, и что X. хвалился, что онъ писалъ ее. Упрекаютъ его же, что будто бы онъ на замѣчанія ландрата Самсона на счетъ небезопасности помѣщиковъ, отвѣчалъ, что въ видахъ государственныхъ убійство 2, 3 помѣщиковъ ничего не значитъ, что въ Россіи это случается ежедневно (?), и что должно жертвовать частью для цѣлаго.

Состояніе вопроса. Присоединеніе крестьянъ къ Православію идетъ столь быстро, что по всей вѣроятности увлечетъ цѣлое народонаселеніе. Что побужденіе къ тому заключается не въ религіозномъ убѣжденіи—неоспоримо. Крестьяне ненавидятъ помѣщиковъ. Убѣжденіе, что они пришельцы и утѣснители коренныхъ жителей, развито какъ нельзя сильнѣе. Жалко-бѣдственное положеніе крестьянъ заставляетъ думать, что оно происходитъ отъ несовершенства законодательства здѣшняго края. Итакъ, главнѣйшимъ побужденіемъ къ присоединенію ихъ къ Пра-

---

[1]) Николай Павловичъ находился въ это время въ чужихъ краяхъ. П. Б.

вославію, безъ сомнѣнія, есть надежда на что-то лучшее. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя быть довольно осторожнымъ; обманувшіяся надежды народа всегда выражаются гибельно. Печатныя объявленія и циркуляры, что отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ не измѣнятся—недостаточны; для народа нужно нѣчто другое. Нося въ душѣ убѣжденіе, что помѣщики природные враги его, и видя усилія ихъ остановить настоящее стремленіе, народъ не довѣряетъ имъ и полагаетъ, что помѣщики отвлекаютъ его отъ выгодъ, которыя ожидаютъ его съ принятіемъ Православія. Вотъ почему—по моему мнѣнію—предстоитъ необходимость: 1) Учредить особое попечительство для православныхъ крестьянъ, посредствующее между ними и помѣщиками. 2) Управленію этому ввѣрить надзоръ за сими крестьянами, чтобы они исполняли свои обязанности къ землевладѣльцамъ и поручить ему огражденіе отъ притѣсненій ихъ отъ помѣщиковъ. 3) Временно и на первый разъ предоставить привославнымъ приходскимъ священникамъ участіе въ этомъ попечительствѣ. 4) Учредить семинарію для образованія духовенства изъ Латышей и Чухонцевъ. 5) Поспѣшить устройствомъ церквей. 6) Нынѣ поступающихъ священниковъ избирать съ крайнею осмотрительностію, *воспретя совершенно и строго получать* возмездіе отъ прихожанъ за службы всякаго рода, даже за молебны въ церкви. Нынѣшнее положеніе *не требовать* платы—недостаточно; всегда можно сказать: «я не требовалъ; мнѣ дали добровольно», но послѣдствія этого неблагопріятны.

17 Ноября. У меня былъ купецъ Вас. Ларіоновичъ Антиповъ. Я былъ у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гессе, у управляющаго Палатою Государственнныхъ Имуществъ Лиліенфельдта и у полковника Северюкова. Обѣдалъ у статскаго совѣтника Ф. Гроте; тамъ были Головинъ, Сенявинъ, Фелькерзамъ, Кубе, Лиліенфельдтъ, баронъ Унгернштернбергъ, ландраты: Са́мсонъ, Транзе, Ренненкамфъ и Шульцъ, статскій совѣтникъ Бланкенгагенъ, фл. ад. Опочининъ и множество другихъ.

Состояніе вопроса. Еслибы правительство выслало въ Лифляндію войска, то Лютеране бы не преминули утверждать, что присоединеніе къ Церкви происходитъ подъ вліяніемъ Русскихъ штыковъ: мнѣніе, которое бы безъ сомнѣнія нашло отголосокъ въ Европѣ. Вотъ почему надо стараться, сколь возможно, избѣгать употребленія военной силы.—Учрежденіе особеннаго попечительства, о коемъ говорилъ я вчера, необходимо. И чѣмъ скорѣе открыть его, тѣмъ лучше. Это успокоитъ присоединившихся и поощритъ прочихъ. Теперь неофиты подъ игомъ. Мнѣ разсказывали слѣдующій случай. У одного помѣщика крестьянинъ занималъ 2 фуры картофеля и возъ сѣна. Въ послѣд-

ствіи онъ обратился къ Православію. Съ наступленіемъ срока мужикъ привезъ на мызу долгъ свой, но къ кому ни обращался, никто не хотѣлъ принять отъ него. Черезъ нѣсколько часовъ, соскучивъ напраснымъ ожиданіемъ, онъ рѣшился свалить воза́ близъ дома управителя. Помѣщикъ тотчасъ позвалъ его къ себѣ, и подъ предлогомъ самовольнаго его поступка задержалъ на мызѣ для наказанія. Дождавшись прибытія человѣкъ 15 другихъ крестьянъ, о которыхъ зналъ, что должны были придти для полученія билетовъ на присоединеніе къ Православію, онъ велѣлъ положить мнимо-виноватаго и сѣчь его розгами. Идущіе крестьяне, увидя это и полагая, что его наказываютъ за принятіе имъ Православія, въ испугѣ бросились домой и отказались отъ своего намѣренія.

Здѣшній гражданскій губернаторъ до того старъ (ему свыше 80 лѣтъ), что едва можетъ ходить. Въ настоящихъ обстоятельствахъ онъ не можетъ долѣе оставаться и заслуживаетъ почетнаго увольненія.

Я пытался узнать мнѣніе Гессе, не согласится ли занять это мѣсто. Онъ начисто отказался; отъ Курляндіи бы не прочь. Я бы думалъ, что никто лучше К. не можетъ быть употребленъ въ эту должность. Онъ уменъ, знаетъ дѣло и край. Правда, что къ нему нерасположено дворянство, но, кажется, онъ умѣлъ бы съ нимъ поладить. Его упрекаютъ въ корыстолюбіи. Противъ этого замѣчу только: онъ бѣденъ; а потому, если ему дать 2, 3 тысячи рублей серебр. лишняго, то можно его обезпечить. Зато онъ будетъ точнымъ исполнителемъ видовъ правительства. Завися совершенно отъ него и не владѣя въ Лифляндіи никакимъ имѣніемъ, онъ вполнѣ посвятитъ себя должности, а при его способностяхъ и свѣдѣніяхъ это важно.

У меня былъ Я. М. Невѣровъ. Нѣмцы неблагодарны. Х. дѣлалъ что̀ могъ для примиренія мнѣній, партій и страстей; но они дѣйствовали во всемъ ему на перекоръ. Черезъ это онъ много потерялъ во мнѣніи Русскихъ и не выигралъ у Нѣмцевъ.

Я былъ у Сенявина. Онъ очень скучаетъ; говоритъ, что ни у кого нельзя узнать правды и что онъ рѣшился только выслушивать пасторовъ, въ томъ предположеніи, что изъ преувеличенныхъ ихъ разсказовъ можно приблизительно добраться до истины. Дай Богъ успѣха! Онъ поручилъ мнѣ прочесть положеніе здѣшняго Биржеваго Комитета и Вспомогательной Кассы: нельзя ли чего примѣнить къ Нижегородской ярмаркѣ? [2])

18 Ноября. Воскресенье. Читалъ эти бумаги. Для ярмарки почти

[2]) Авторъ передъ тѣмъ служилъ въ Нижнемъ. П. Б.

ничего нѣтъ; но учрежденіе Вспомогательной Кассы превосходно. Его можно бы примѣнить къ нашему дворянству, столь обѣднѣвшему.

Былъ у обѣдни въ православной Латышской церкви. Служатъ недурно, но нужно устроить лучшій порядокъ благочинія. Русскіе, приходящіе изъ любопытства, стоятъ въ церкви нечинно, разговариваютъ почти въ слухъ, и если не дѣлаютъ соблазна неофитамъ, то подаютъ дурные примѣры. Я положилъ въ кружку 1 р.; сер. за это мнѣ принесли просфору; а народъ, при выходѣ моемъ, узнавъ отъ кучера, кто я, снялъ шапки. Я отдалъ просфору одному молодому Латышу, лѣтъ 16, который довольно порядочно стоялъ въ церкви, и снялъ передъ ними шапку, поклонясь сколь можно ласковѣе.

Послѣ обѣдни былъ у генералъ-губернатора въ мундирѣ. Здѣсь такой обычай: по Воскресеньямъ всѣ бываютъ у него въ 12 часовъ въ мундирахъ. Онъ говорилъ, что желаетъ, чтобъ я былъ у него въ домѣ короче, домашнимъ, тѣмъ болѣе что знакомъ съ его родными.

Вечеромъ былъ тамже. Было довольно много. Я игралъ въ карты. Послѣ того генералъ-губернаторъ долго разговаривалъ со мною; повторилъ, что желаетъ видѣть меня у себя домашнимъ человѣкомъ. Говорили объ экзальтаціи обѣихъ сторонъ. Не худо бы по его мнѣнію нашу церковную власть подчинить свѣтской (!). Обратилось доселѣ около 8 тысячъ душъ въ разныхъ, раздробленныхъ пунктахъ. Говорилъ, что хочетъ поручить мнѣ это дѣло. Глядитъ, кажется, хорошо и довольно вѣрно; немножко нѣмцеватъ, а можетъ быть и неискрененъ.

19 Ноября. Поручено мнѣ принять въ завѣдываніе Секретную Канцелярію отъ г. Бюргера, котораго посылаютъ въ С.-Петербургъ.

20 Ноября. Приступилъ къ пріему дѣлъ Секретной Канцеляріи. Дѣла въ большомъ безпорядкѣ; нѣтъ ни реестровъ, ни описей. Чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, прочелъ нѣкоторыя. Донесенія камеръ-юнкера Валуева, состоящаго при здѣшнемъ генералъ-губернаторѣ, замѣчательны безпристрастіемъ и благородствомъ: дай Богъ Россіи имѣть побольше такихъ чиновниковъ! Во взглядѣ Валуева на настоящее положеніе вопроса не безъ заблужденій; но мнѣнія его искренни, и потому можно не соглашаться съ ними, но нельзя не уважать ихъ.

21 Ноября. Дѣла въ большомъ безпорядкѣ. Бюргеръ говоритъ, что не имѣлъ средствъ; вѣрю, но мнѣ не легче. Я просилъ гг. Эрбса и Суворова скрѣпить ихъ по листамъ, а Бюргеръ пусть подпишетъ. Видѣлъ Т... Нужно устранить его вліяніе. Всѣ съ радостію поздравляютъ меня съ пріемомъ должности и съ отъѣздомъ Бюргера, котораго ненавидятъ. Ланге, адъютантъ генералъ-губернаторъ, старый мой знакомецъ, ругаетъ Бюргера и говоритъ, что онъ не воротится изъ С.-Петербурга.

Онъ предупреждаетъ меня и противъ Головина (чиновника канц.), говоря, что онъ слишкомъ заносчивъ. Все это Нѣмецкія штуки.

26 Ноября. Все время былъ боленъ и не выходилъ. Лѣчилъ меня г. Шварцъ, докторъ, повидимому, искусный. Завтра надѣюсь выдти и работать. Богородице, помоги мнѣ: яко необоримую стѣну стяжавше тя, молюся!

27 Ноября. По утру въ 8 часовъ пошелъ въ Крестовую къ обѣдни и засталъ уже въ концѣ. Послѣ обѣдни служилъ молебенъ Знаменію Пресвятыя Богородицы и думалъ о Знаменскомъ [3]). Оттуда зашелъ къ преосвященному, у котораго напился чаю и потолковалъ о древностяхъ. Послѣ того былъ въ Замкѣ. Подписалъ вмѣстѣ съ Бюргеромъ сдаточные и пріемные списки дѣлъ: онъ сегодня ѣдетъ въ С.-Петербургъ. Я послалъ съ нимъ письма: Закревскому, племяннику моему Дмитрію [4]) и Скрипицыну. Новаго ничего нѣтъ. Къ намъ командированъ министромъ внутреннихъ дѣлъ чиновникъ Беклемишевъ, молодой человѣкъ, только что женившійся. Онъ воспитывался въ Царско-Сельскомъ Лицеѣ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ и, по словамъ его, прекрасный юноша. Валуевъ, который между прочимъ весьма пріятный человѣкъ, говорилъ мнѣ метафорически, что на меня теперь въ Ригѣ смотрятъ какъ на спускаемый корабль, предугадывая и желая предузнать то направленіе, которое я приму. Я отвѣчалъ, что это весьма легко, что убѣжденъ, что правительство, стоя свыше, можетъ и въ правѣ быть безпристрастнымъ; а что я, будучи его орудіемъ, собственное воззрѣніе отрицаю, а служу только исполнителемъ его воли, и что если его виды противны моимъ убѣжденіямъ, то считаю себя въ правѣ выйти въ отставку; въ противномъ случаѣ обязанъ вѣрно исполнять тò, что на меня возложено.

Пробѣгалъ въ канцеляріи дѣло о пріѣздѣ сюда знаменитой г-жи Криденеръ изъ-за границы. Много любопытнаго. Маркизъ Паулуччи въ то время былъ генералъ-губернаторомъ и дѣйствовалъ молодцомъ. У него можно учиться администраціи. Его боялись, и онъ не церемонился, а между тѣмъ провинціи *искренно* были привязаны къ Россіи.

Слышалъ остроту Опочинина. Въ разговорѣ съ Сенявинымъ о дѣлахъ здѣшняго края, этотъ замѣтилъ ему, что странно, какъ, будучи вмѣстѣ и въ одно время въ Ригѣ, онъ больше Сенявина имѣетъ свѣдѣній о здѣшнихъ дѣлахъ. «Ничего нѣтъ мудренаго, отвѣчалъ Опочининъ: ваше превосходительство говорите, а я слушаю». Чрезвычайно характеристично!

---

[3]) Село Знаменское, родовая отчина автора въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. П. Б.

[4]) Графу Дмитрію Андреевичу, впослѣдствіи министру народнаго просвѣщенія. П. Б.

28 Ноября. Въ числѣ дѣлъ просмотрѣнныхъ мною сегодня видѣлъ я слѣдствіе, произведенное надъ барономъ Фирксомъ, въ Курляндіи, и заключеніе по оному Х... Въ имѣніе, въ которомъ г. Фирксъ живетъ съ своими сестрами и матерью, пріѣхалъ православный священникъ для исполненія требъ по таможенной Либавской стражѣ. Предъявя открытое предписаніе губернатора объ отводѣ ему квартиры и помѣщенія для походной церкви, онъ получилъ за отсутствіемъ барона отъ сестеръ его помѣщеніе въ тѣхъ комнатахъ ихъ дома, гдѣ 9 лѣтъ сряду помѣщалась церковь. По пріѣздѣ б. Фиркса и въ то время когда священникъ былъ у окружнаго начальника, баронъ, молодой человѣкъ 24 лѣтъ, ненавидящій по случаю настоящихъ событій Православіе, приказалъ (какъ самъ говоритъ) вынести церковныя вещи и рухлядь священника вонъ, и когда поставленный притомъ часовой не хотѣлъ допустить къ исполненію этого приказанія и оставить свой постъ, то онъ вытолкалъ его въ шею, а вещи и церковь помѣстилъ у коровницы. По слѣдствію все это доказано, и еще болѣе, чего я за скоростію не пишу. Х... въ заключеніи своемъ, силится оправдать всѣ дѣйствія Фиркса. По словамъ его, онъ дѣйствовалъ тихо, учтиво и хладнокровно. Не обвиняя съ моей стороны Фиркса въ экзальтаціи, столь естественной при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, я не могу вѣрить, чтобы онъ именно потому и сохранилъ хладнокровіе. Читая заключеніе Х., нельзя оставаться равнодушнымъ. До чего доводитъ космополитизмъ, столь сильно развивающійся въ нынѣшнемъ новомъ поколѣніи! Онъ самъ не замѣчаетъ, что, унижая священника своей церкви и отдавая преимущество показаніямъ мызной служанки, онъ унижаетъ и свою націю и самого себя!

Нетерпимость и фанатизмъ лютеранскій едва ли не хуже католическаго. Мы и Римскіе Католики смотримъ на измѣнившихъ своей церкви, какъ на погибшихъ въ будущемъ вѣкѣ; а Лютеране и въ здѣшнемъ мірѣ отрицаютъ у нихъ всякое достоинство, и считаютъ ихъ за презрѣннѣйшихъ въ мірѣ тварей. Чѣмъ болѣе знакомлюсь съ Лютеранизмомъ, въ настоящемъ его развитіи, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что ученіе ихъ не что иное какъ чистый деизмъ, логически и раціонально выводимый изъ Христіанства. А такъ какъ разумъ способенъ легко заблуждаться, то слѣдствіемъ сего и выходитъ, что религіознаго убѣжденія для нихъ нѣтъ. Для нихъ Іисусъ Христосъ не болѣе какъ предшественникъ Лютера. Образованнѣйшіе смотрятъ на религію, какъ на философскую систему. Среднее состояніе обманывается пасторами, которые по степени своей образованности, не вѣруя сами, учатъ однакоже вѣрѣ. А народъ ровно ничего не знаетъ: доказательство нынѣшнее его стремленіе. Событіе безпримѣрное. Во всѣ времена религіозныя пе-

ремѣны совершались подъ вліяніемъ примѣровъ высшихъ сословій; народъ всегда былъ долѣе другихъ вѣренъ вѣрѣ предковъ. Здѣсь на оборотъ. Мнѣ скажутъ: это движеніе не религіозное; побужденія гражданскія внушены народу. Согласенъ, что ожиданія улучшенія своего быта, хотя не внушенныя, но сами собою распространившіяся въ народѣ, служатъ главнѣйшимъ къ тому побужденіемъ; но гдѣ же привязанность къ родной церкви? Каковы плоды пастырской заботливости пасторовъ?... Попробуйте тронуть нашъ народъ въ его вѣрованіяхъ. И хотя наше духовенство еще не можетъ далеко сравниться съ лютеранскимъ во внѣшней образованности, и даже по большинству и въ учености, но, не разъединяясь въ жизни съ народомъ, будучи ему соправно и сообычно, служитъ вѣрнымъ хранителемъ закона отцовъ. Истинно, народъ здѣшній выигрываетъ при перемѣнѣ.

30 Ноября. Былъ у О. Онъ скоро ѣдетъ. Говорили о состояніи вопроса. Хитритъ; желаетъ казаться не принимающимъ въ немъ никакого участія, но проговаривается. Но нужно; но если захотѣть-то, кажется провести его не трудно. Подалъ Головину проектъ объ учрежденіи попечительства. По полученнымъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ бумагамъ о соглашеніи мѣръ къ правильному направленію настоящаго вопроса между преосвященнымъ, генералъ-губернаторомъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, былъ у преосвященнаго Филарета. Назначили день Понедѣльникъ. У него познакомился съ корпуснымъ командиромъ генералъ-лейтенантомъ Купріяновымъ.

1 Декабря. Проектъ принятъ. Головинъ измѣнилъ редакцію и весьма недурно. По этому случаю былъ разговоръ. Онъ противъ присоединенія, полагая, что оно потрясаетъ вѣковой порядокъ. Онъ вѣритъ чистосердечному опасенію и даже паническому страху помѣщиковъ и думаетъ, что требованіе ими войска основано на искренно признаваемой ими нуждѣ, и не согласенъ со мною, что у нихъ есть arrière-pensée [5]), чтобы заставить думать, что присоединеніе произошло подъ силою штыковъ. Нельзя не согласиться, что въ его взглядѣ есть вѣрныя мысли; но вообще я другаго мнѣнія. Я говорилъ ему, что вопросъ зашелъ далеко и что теперь ни выхода, ни возврата нѣтъ; что слѣдовательно чѣмъ скорѣе и прямѣе вести дѣло, тѣмъ лучше. Но онъ все еще думаетъ, что Государь остановитъ это движеніе. Я говорилъ, что потребно внушить помѣщикамъ, что, въ случаѣ притѣсненій новоприсоединившихся, когда они будутъ выведены изъ терпѣнія, правительство вынуждено будетъ принять мѣры къ водворенію ихъ индѣ или къ обезпеченію; что оно не можетъ оставить ихъ жертвою ненависти

---

[5]) Задняя мысль.

Лютеранъ. По словамъ его помѣщики охотно бы исполнили волю Государя, еслибъ онъ выразился категорически. Я замѣтилъ, что эта новая штука, которую проникнуть не трудно; что другими словами помѣщики желаютъ, чтобы Государь весь срамъ, которымъ пристрастная Западная Европа покрываетъ это дѣло, принялъ на себя, и чтобы предоставилъ оправданіе свое отдаленной Исторіи, которая въ свою очередь можетъ быть обманута. Обстоятельства любопытныя, но дѣло тяжелое: Господи, дай мнѣ силы и терпѣнія!

3 Декабря. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ приступили къ совѣщанію съ архіереемъ и товарищемъ министра объ устройствѣ и разграниченіи приходовъ, назначеніи мѣстъ для церквей и школъ, и вообще о правильномъ и единообразномъ направленіи дѣла. По этому предмету ѣздилъ съ генералъ-губернаторомъ къ епископу Филарету и къ Сенявину, и положили по сдѣланному преосвященнымъ росписанію церквей и приходовъ послать 2 священниковъ и 2 чиновниковъ для личнаго обзора и соглашенія съ помѣщиками и арендаторами. Чиновниковъ далъ Сенявинъ: Потулова и Шишмарева. Оба неопытные и только что изъ флота; первый подѣльнѣе втораго. Оба по приказанію Сенявина были у меня и распрашивали что̀ и какъ имъ дѣлать. Мнѣ велѣно составить для нихъ инструкцію.

9 Декабря. Воскресенье. Главное: устроить хоть временныя церкви. На это обращено теперь все вниманіе. Положеніе новоприсоединившихся жалкое. Ихъ уже 12 тысячъ, разсѣянныхъ по цѣлой Лифляндіи. Не имѣя никакой компактной связи, а слѣдовательно и никакой силы, они подвергаются всякаго рода лишеніямъ и преслѣдованіямъ. Нищета и голодъ ихъ преслѣдуютъ, и никто не только не хочетъ, но не смѣетъ подать имъ руку помощи. Они умираютъ,—имъ отказываютъ въ могилахъ. Несмотря на распоряженія, чтобы пока не отведены кладбища, погребали ихъ тамъ же, гдѣ погребены и̇хъ предки—пасторы противятся. Сегодня писали къ губернатору, чтобы настоялъ на дозволеніи. Жалко.

Я привелъ въ извѣстность всѣ распоряженія, которыя были сдѣланы по этому предмету правительствомъ. Они могутъ быть раздѣлены на относящіяся 1) до порядка присоединенія и содѣйствія со стороны гражданскаго управленія духовной власти; 2) до устройства постоянныхъ и временныхъ церквей и школъ; 3) до охраненія общественнаго порядка и спокойствія и 4) до пресѣченія злоупотребленій власти и обязанностей. Этимъ хотѣлъ я дать наконецъ правильное движеніе и направленіе этому дѣлу; но третьяго дня получено секретное отношеніе военнаго министра объ учрежденіи здѣсь Военносудной Коммисіи для дѣлъ о разгласителяхъ. Назначены: генералъ-маіоръ Крузенштернъ,

полковники флигель-адъютанты Яфимовичъ и Анненковъ. Самое назначеніе Крузенштерна показываетъ, что это сдѣлано въ С.-Петербургѣ по проискамъ Нѣмецкой партіи. Но не въ этомъ еще зло. Оно заключается въ разъединеніи дѣйствій правительства по одному и тому же дѣлу. Сношенія наши съ С.-Петербургомъ раздѣляются на 4 пути. 1-й, прямой, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ. 2-й, архіерейскій—чрезъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода. 3-й, чрезъ военнаго министра, и наконецъ, по начинающемуся—какъ слышно—движенію въ Эстляндіи, состоящей въ С.-Петербургскомъ викаріатѣ, 4-й чрезъ митрополита Антонія. Естественно, что донесенія эти будутъ различествовать по мѣрѣ различія въ воззрѣніяхъ на предметъ, и вмѣсто того, чтобы придать дѣйствію правительства болѣе энергіи и единства, мы должны теперь ожидать мѣры на мѣру, повелѣнія на повелѣніе.

10 Декабря. Несчастлива мнѣ Рига! Вотъ въ другой разъ уже я боленъ. Болѣзнь моя, съ жестокими головными болями и необыкновенною слабостью, продолжается третій день. Никто не принимаетъ во мнѣ болѣе участія какъ генералъ-губернаторъ; вчера, только что узналъ о моей болѣзни, какъ пріѣхалъ навѣстить меня. Бѣдный старикъ въ самомъ дѣлѣ какъ безъ рукъ: у него никого нѣтъ. Я поручилъ докладъ пока Беклемишеву, который ѣздитъ ко мнѣ и къ нему безпрестанно съ переговорами. Архіерей упрямится; хочетъ, чтобъ чиновники, командируемые для пріисканія помѣщеній для церквей, составляли протоколы о согласіи помѣщиковъ, а Сенявинъ противъ этого. Я думаю впрочемъ, что епископъ правъ; иначе поѣздка будетъ безполезна. На этомъ основаніи даны инструкціи.

Вездѣ, гдѣ духовенство сообычно и соправно народу, религія тверда. Вотъ почему Русскій народъ столь привязанъ къ Церкви; потому же и Нѣмцы вѣрны своей религіи: образованность ихъ и пасторовъ—равна. Но не то съ Латышами; воззрѣніе ихъ совершенно различно отъ взгляда пасторовъ, черезъ-чуръ для нихъ образованныхъ. Духовенство смотритъ на нихъ не какъ на паству, а какъ на пастбище, на которомъ само пасется. Естественно: могутъ ли они любить пастырей? На томъ же, кажется, основывается безрелигіозность и безцерковность нашего новаго поколѣнія. Получивъ воспитаніе совсѣмъ въ другихъ формахъ, каковы формы образованности нашего духовенства, оно считаетъ себя выше его. Право ли оно? Какъ бы то ни было, а то несомнѣнно, что общество и Церковь жалко разъединены.

Ложь сдѣлалась главнымъ элементомъ государства. Мѣсто религіи—въ важнѣйшихъ государственныхъ сословіяхъ—заступила ложь. Тоже можно сказать и о народѣ, за исключеніемъ искренности; народъ привязанъ къ буквѣ, а не къ духу: таже ложь. Мѣсто благотвори-

тельности и просвѣщенія опять заняла ложь. Всѣ заведенія наши отличаются только наружностью. Въ домашней жизни, въ основѣ блага государственнаго, въ семейсвѣ—ложь; сравните внутренній бытъ нашъ съ публичнымъ, и убѣдитесь. И это плачевное состояніе есть слѣдствіе уничиженія нашей Церкви; каково начало, таковъ и конецъ. Пока начало шло отъ истины, отъ Св. Церкви, и слѣдствія были правы. Перемѣнили начало, измѣнились и слѣдствія. Отрекшись отъ истины, неминуемо впали во лжу. Иже нѣсть со Мною, на Мя есть.

26 Декабря. За кучею дѣлъ и трудовъ я не успѣлъ продолжать моего дневника. Вчера генералъ-губернаторъ въ 9 часовъ вечера выѣхалъ изъ Риги на станцію Египтенъ (въ Курляндіи), для встрѣчи Государя, при проѣздѣ его изъ-за границы черезъ Варшаву въ С.-Петербургъ, и я теперь поосвободился и принимаюсь за Записки.

Въ теченіе этого времени много было происшествій. Обѣщанные генералъ и флигель-адъютанты пріѣхали,—и напрасно ищутъ дѣла. Чтобы ихъ успокоить, дали кой-какія слѣдствія произвести или дополнить, но весьма ничтожныя; а другихъ нѣтъ. Чѣмъ болѣе вглядываюсь, тѣмъ яснѣе вижу. Военный министръ не ладитъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и вотъ присылаетъ флигель-адъютантовъ, потому что будто бы *изъ множества производящихся здѣсь слѣдствій ни одно не кончено* (это вздоръ), а въ самомъ дѣлѣ ему нужно противодѣйствовать Перовскому. Для Чернышева здѣсь нѣтъ ничего и никого; въ виду одинъ Перовскій. И бѣднаго старика моего тянутъ и рвутъ во всѣ стороны и сбиваютъ съ толку. Графъ Протасовъ видитъ въ этомъ дѣлѣ ленту. Епископъ хлопочетъ о распространеніи паствы, *во что бы то ни стало.* Генералъ-губернаторъ, думая въ душѣ быть безпристрастнымъ, на самомъ дѣлѣ оказывается слабымъ. Одинъ Перовскій глядитъ широко и видитъ въ этомъ дѣлѣ распространеніе Русскаго элемента. Онъ постигаетъ, что положеніе здѣшняго края положеніе аномалическое для Россіи, и потому я служу въ его министерствѣ. Я служу—ибо раздѣляю его убѣжденіе; чуть замѣчу, что дѣло противно моему убѣжденію, противно совѣсти—тотчасъ все брошу и уѣду.

Генералъ-губернаторъ потерялъ память: вотъ главная причина его колебанія и недостатка самостоятельности. Онъ поневолѣ становится подъ вліяніе другихъ; но возвратите ему память, и онъ будетъ самостоятеленъ и послѣдователенъ. Нельзя не отдать справедливости правильному и свѣтлому его взгляду на отдѣльные предметы. Но болѣе всего я цѣню въ немъ доброту и благородство, и искренно къ нему привязываюсь.

Себѣ я предвижу много непріятностей. Уже есть совмѣстники; скоро будутъ и враги. Но я готовъ на все. Я служу здѣсь дѣлу, не

лицамъ, и ничего не выслуживаю. Опочининъ па меня дуется, и вотъ за что. Я сказалъ генералъ-губернатору, что не могу доставлять свѣдѣній Опочинину, что это несовмѣстно ни съ моимъ достоинствомъ, ни съ моимъ званіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ Опочининъ пришелъ просить его, чтобы онъ позволилъ мнѣ увѣдомлять его о происшествіяхъ. Старикъ, подумавъ, отвѣчалъ, что лучше самъ будетъ извѣщать его о всемъ. Когда тотъ, подъ предлогомъ, что старикъ, будучи озабоченъ дѣлами, легко можетъ забыть что-нибудь, просилъ все-таки того же, онъ на отрѣзъ отказалъ. Опочининъ приписалъ это мнѣ и сердится. Между тѣмъ нѣтъ лучшихъ друзей какъ мы съ нимъ: всякій день неразлучны.

Вокресенье, 30 Декабря. Генералъ возвратился: онъ не видался съ Государемъ. Государь проѣхалъ черезъ Египтенъ ночью и выслалъ къ нему Орлова сказать, что ежели нужно, то можетъ пріѣхать въ С.-Петербургъ для свиданія. Генералъ выѣзжаетъ 8 числа; меня не беретъ, но я думаю самъ ѣхать.

Нѣмцы достигли своей цѣли: 6 мѣсячный срокъ парализовалъ присоединеніе! Три вліянія теперь дѣйствуютъ на народъ: полгода ожиданій, бдительность пасторовъ и притѣсненія присоединеннымъ. Послѣднее въ особенности прискорбно. Вотъ примѣръ, какъ мы дѣйствуемъ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ состоялся указъ Сvнода, высочайше утвержденный, о помѣщеніи подвижной церкви на мызѣ Маріенбургъ, имѣніи барона Фитингофа. Помѣщикъ объявилъ, что на помѣщеніе не согласенъ, потому что указъ Сvнода для него не обязателенъ. Ему замѣтили, что указъ этотъ долженъ исполняться наровнѣ съ сенатскимъ, и что сверхъ того на оный состоялась высочайшая воля. Тогда Фитингофъ отвѣчалъ, что помѣщеній нѣтъ. Долго продолжалась пустая переписка. Были понужденія изъ С.-Петербурга, даже наконецъ отъ Наслѣдника [*]), о буквальномъ исполненіи высочайшей воли. Наконецъ, кое какъ помѣстили церковь въ зданіи, по письменному отзыву самого Фитингофа, никуда негодномъ, и не въ Маріенбургѣ, а въ окрестности. Что же? Прошло нѣсколько времени, и мы получили отъ преосвященнаго требованіе, что нѣтъ дровъ и печи неисправны. Мы отдѣлались нумеромъ; наконецъ, находящійся при тамошнемъ священникѣ квартальный Крамфъ донесъ, что они мерзнутъ, что, куда ни обращались, не только не даютъ дровъ, но и запрещено продавать ихъ. Рѣшились потребовать дрова черезъ полицію и вызвать сюда самого Фитингофа. Это сдѣлали по совѣщанію съ губернаторомъ. Новая бѣда! Пріѣхалъ Фитингофъ; объявлена намъ же претен-

---

*) За отсутствіемъ Государя изъ Россіи, управленіемъ текущихъ дѣлъ тогда занимался Александръ Николаевичъ. П. Б.

зія, и все дворянство кричитъ о нарушеніи ихъ правъ черезъ этотъ вызовъ. Фитингофъ подалъ письмо и проситъ слѣдствія. Я объяснялъ, что слѣдствіе ненужно: что такъ какъ нѣтъ закона, который бы предписывалъ покупать дрова при свидѣтеляхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Фитингофъ оправдается, а мы компрометируемся; но генералъ приказалъ, а я долженъ исполнить. Вотъ какъ здѣсь уважаютъ законъ. Бароны кричатъ о нарушеніи ихъ правъ, а молчатъ и отзываются незнаніемъ, когда нарушеніе права происходитъ со стороны здѣшнихъ жителей. Такъ напримѣръ въ Верро, не смотря на законъ, что священнослужительскіе дома свободны отъ постоя, Магистратъ распорядился поставить въ церковный домъ семь казачьихъ лошадей! А членъ Рижскаго Уѣзднаго Суда (Ландгерихта) Фрейманъ, противодѣйствуя явно присоединенію, на многія требованія отъ генералъ-губернатора объясненій возражаетъ, наконецъ, что онъ подсуденъ Гофгерихту и проситъ суда! Я приготовилъ проектъ отвѣта; не знаю, утвердитъ ли?

Генералъ-губернаторъ такъ добръ и благороденъ, что нельзя не любить его, и я искренно къ нему привязанъ; но они неблагодарны и, думая въ добротѣ его видѣть слабость, часъ отъ часу становятся болѣе дерзкими.

Грустно видѣть, что дѣло, которое могло бы основать добрый бытъ сотни тысячъ людей, отъ духа партій и интригъ, а съ другой стороны отъ недостатка энергіи, должно пропасть и обратиться въ несчастіе и даже гибель 12 тысячъ новоприсоединенныхъ! Уже, говорятъ, явился одинъ изъ нихъ, просясь охотою въ солдаты: видно нѣтъ житья. А мы все судимъ и все оправдываемъ. Закрываются пустыми формами, какъ будто сквозь нихъ не видно намѣренія; а оно ясно и направлено исключительно къ противодѣйствію.

Мнѣ нужно ѣхать въ С.-Петербургъ и объяснить министру, что я безполезенъ; что нельзя постоянно поддерживать направленіе, что противъ моего одного вліянія есть много другихъ, которыя хотя еще явно не столкнулись со мною, но все же дѣйствуютъ.

1846.

3 Января. Сегодня былъ у генералъ-губернатора генералъ Коцебу. Онъ пріѣхалъ изъ Варшавы и видѣлъ тамъ Государя. По словамъ его Государь выразилъ неудовольствіе свое на дѣйствія наши: онъ думаетъ, что высочайшая воля противна Православію. Вѣсть эта произвела сильное впечатлѣніе. Такой взглядъ согласенъ съ мыслями старика: онъ давно желаетъ прекращенія пріема. Нѣмцы подняли носъ и от-

крыто начинаютъ говорить о перемѣнѣ генералъ-губернатора. Безумцы! Доселѣ онъ былъ вѣрнымъ защитникомъ ихъ у трона.

О. все дѣйствуетъ противъ епископа. Къ чести его я хочу думать, что онъ полагаетъ быть безпристрастнымъ и служить дѣлу. «Но пріидетъ часъ, да всякъ иже убіетъ вы, мнится службу приносити Богу».

Съ генераломъ ѣдетъ въ С.-Петербургъ Валуевъ. Я до сихъ поръ вижу въ немъ умнаго, образованнаго и благороднаго человѣка. Боюсь, что съ безпристрастіемъ его, онъ въ С.-Петербургѣ впадетъ въ яму, то есть увлечется общимъ мнѣніемъ. Въ дѣлахъ столь важныхъ, какъ наши, мнимое безпристрастіе опасно. Да едва ли возможно истинное безпристрастіе въ современникахъ, какъ невозможно при жизни отвлеченіе духа отъ матеріи. Пока мы ходимъ по землѣ, мы все еще тѣлесны; пока участвуемъ въ дѣйствіи, страсти наши совпадаютъ ему. Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto. Часто мы обманываемъ сами себя, относя къ безпристрастію равнодушіе и холодность нашу къ дѣлу, въ которомъ чувствуемъ, что должны были бы принять участіе. И чтобы помириться самимъ съ собою, громко называемъ себя безпристрастными.

Обращаясь къ дѣлу, я долженъ сказать, что оно идетъ плохо. Сегодня посланы три чиновника съ особенно-секретными порученіями произвести въ Вольмаро-Лемзальскомъ, Дерптскомъ и Венденскомъ уѣздахъ подъ рукою дознаніе о притѣсненіи помѣщиками крестьянъ. Доходятъ слухи (почти вѣрные), что помѣщики явно отказываютъ присоединившимся въ пособіи, говоря имъ, чтобы «кормились новою своею вѣрою». Несомнѣнно, что Лютеране, прикрываясь прозрачными формами, не упускаютъ случая преслѣдовать присоединенныхъ. Теперь дѣло присоединенія находитъ новыхъ обвинителей: говорятъ, разумѣется православные, что нашъ народъ не хочетъ общаться съ неофитами, и что даже будто бы Русскіе жители Дерпта хотѣли подавать объ этомъ просьбу; начинаютъ опасаться раскола тѣ, которые никогда прежде того не заботились объ интегральности Русской Церкви. Говорятъ, что новоприсоединенные вносятъ Протестантизмъ въ нѣдра нашей Церкви.

Распоряженія, получаемыя изъ С.-Петербурга, также доказываютъ, что тамъ смотрятъ на здѣшнія событія не совсѣмъ ясно. Кромѣ шестимѣсячнаго срока, есть повелѣніе, чтобы православные священники объѣзжали новоприсоединенныхъ для исполненія требъ не иначе какъ въ сопровожденіи чиновниковъ (православныхъ), въ которыхъ у насъ недостатокъ. При генералъ-губернаторѣ православныхъ чиновниковъ только я, Валуевъ, Толстой, Беклемишевъ, Головинъ и Варадиновъ. Изъ нихъ теперь трое въ командировкѣ, а я и Валуевъ, имѣя каждый свою особенную часть, не можемъ отлучаться; и такъ остается одинъ. А

присоединенныхъ, говорятъ, уже до 14 тысячъ душъ! Сколько умирающихъ, требующихъ послѣднихъ утѣшеній религіи! А священникъ, вмѣсто того, чтобы исполнять долгъ свой, долженъ посылать въ Ригу за чиновникомъ.

Другой примѣръ: по повелѣнію Наслѣдника, велѣно раздѣлять обвиненныхъ въ разглашеніи ложныхъ слуховъ о выгодахъ, будто бы сопряженныхъ съ переходомъ въ Православіе, на два разряда: 1-й дѣйствующихъ съ злостнымъ умысломъ посредствомъ обольщеній привлечь въ Православіе простодушныхъ, и 2-й безъ умысла повторяющихъ слышанное. Казалось бы мѣра обдуманная и полезная, потому что первыхъ велѣно предавать военному суду, а послѣднихъ подвергать только полицейскимъ наказаніямъ. Не тутъ то было. Полны тюрьмы обвиняемыхъ, и ни одинъ не принадлежитъ къ первому и почти ни одинъ ко второму разряду; потому что забыли о третьемъ, который на самомъ дѣлѣ одинъ только и есть: тѣ, которые безъ злостнаго умысла говорятъ вздоръ, не повторяя однакоже слышаннаго, а сами толкуя превратно дѣло, по крайнему своему разумѣнію. И всѣ эти такъ называемые разгласители почти исключительно принадлежатъ къ этому разряду.

4 Января. Сегодня получена отъ министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующая бумага: на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ о сообщенной вашему высокопревосходительству волѣ Его Высочества, чтобы вы обратили все вниманіе на притѣсненія помѣщиками и протестантскимъ духовенствомъ крестьянъ, присоединяющихся къ Православію, Его Императорскому Величеству угодно было собственноручно начертать слѣдующую резолюцію: «глядѣть въ оба глаза, новаго не затѣвать и слѣпо держаться данныхъ мною разрѣшеній на всѣ случаи; а съ неповинующимися моей волѣ поступать, *кто бы ни былъ,* какъ съ бунтовщиками. Аминь».

7 Января. Несмотря на повелѣніе Наслѣдника, на законъ (§ 67 Устава Лютер. Церк. въ Россіи) и на многія предписанія генералъ-губернатора, пасторы продолжаютъ противодѣйствовать и не дозволять присоединившимся погребать умершихъ на прежнихъ кладбищахъ. Сегодня получено извѣстіе, что Аллендорфскій пасторъ отказалъ въ дозволеніи похоронить 4-хъ мѣсячнаго ребенка. Бѣдная мать изъ Вольмара должна была идти въ Лемзаль и тамъ похоронить сына. Ребенокъ мѣсяцъ оставался безъ погребенія. Опять писали къ губернатору и въ Провинціальную Консисторію.

13 Января. Генералъ-губернаторъ 10 числа выѣхалъ въ С.-Петербургъ. Съ нимъ поѣхали Валуевъ и Бревернъ. Я до сихъ поръ не получаю никакого отвѣта отъ министра.

Нѣсколько дней нездоровъ. Дѣла за отъѣздомъ генерала мало, да и то скучное. У меня почти всякій день бываетъ Опочининъ. Онъ весьма неглупъ и взглядъ имѣетъ не близорукій, но невѣрный и, кажется, недобросовѣстный. Откровенности его я не довѣряю. Онъ говорилъ мнѣ сегодня очень много, и между прочимъ сказалъ, что: «изъ всѣхъ окружающихъ генерала, вы, безъ сомнѣнія, имѣете самое сильное на него вліяніе». Я всячески старался опровергнуть такое заключеніе, доказывая, что Евг. Ал., какъ человѣкъ замѣчательнаго ума, рѣшительно внѣ моего вліянія, и что, наконецъ, если бы я что̀-нибудь значилъ, то конечно дѣйствія здѣшнія были бы гораздо рѣшительнѣе, по признаваемой во мнѣ односторонности.

Мысль Опочинина: не нарушать ничьихъ правъ, но въ случаѣ нужды прибѣгать изрѣдка къ экстралегальнымъ мѣрамъ. Такимъ образомъ онъ находитъ, что для обезпеченія 14 тысячъ душъ присоединившихся, нынѣ разсѣянныхъ по цѣлой Лифляндіи, правительство должно открыть казенныя имѣнія и переселить ихъ къ себѣ въ промѣнъ Лютеранъ, которыхъ отдать помѣщикамъ. Въ отношеніи чрезвычайныхъ мѣръ, онъ осуждаетъ законное распоряженіе наше объ отдачѣ подъ судъ Фреймана, ассессора Лемзальскаго уѣзднаго суда, за противодѣйствіе въ присоединеніи, полагая, что Гофгерихтъ оправдаетъ его (это несомнѣнно), а Сенатъ утвердитъ это рѣшеніе, и такимъ образомъ мѣра наша будетъ по пословицѣ: le coup d'epée dans l'eau.

На это я скажу во 1-хъ. Переселеніе присоединенныхъ на казенныя земли безъ сомнѣнія нѣсколько обезпечитъ ихъ, но остановитъ совершенно дѣйствіе присоединенія, и безъ того уже парализованное. Если правительство, согласно со взглядомъ генералъ-губернатора, рѣшится оставить первоначальную свою мѣру и прекратитъ присоединеніе, то мысль Опочинина съ пользою можетъ быть употреблена въ дѣло. Въ противномъ случаѣ, одно только устройство церквей можетъ дать связь и силу присоединеннымъ. Вовторыхъ, экстралегальная мѣра, предлагаемая Опочининымъ, состоитъ въ донесеніи Государю Императору о поступкахъ Фреймана, не предавая его суду, что̀ конечно повлекло бы его къ строжайшей и, можетъ быть, примѣрной отвѣтственности. Но я боялся, чтобы такой примѣръ на первый разъ не повредилъ намъ справедливыми упреками жителей. При томъ же еще это не ушло: въ запасѣ Фитингофъ, который болѣе заслуживаетъ строгости, нежели Фрейманъ. Впрочемъ, ежели бы я настоялъ на чрезвычайную мѣру, то Опочининъ первый сталъ бы кричать на неправосудіе и, можетъ быть, отвѣтственность, хотя не непосредственная, пала бы на меня... О, какъ досадно мнѣ, что долго нѣтъ отвѣта изъ С.-Петербурга; полетѣлъ бы туда, и конечно не для развлеченія, а для дѣла.

26 Января. С.-Петербургъ. Вотъ недѣля ровно какъ я въ С.-Петербургѣ. Дѣло приняло оборотъ совершенно новый. Государь категорически объяснилъ свою волю, и Нѣмцы притихли, но не разстались съ надеждами. Я былъ у министра и у графа Протасова. И тотъ и другой мною довольны. Оба обвиняютъ Головина въ слабости; я увѣрялъ ихъ, что теперь, когда въ волѣ Государя сомнѣнія не остается, онъ будетъ дѣйствовать и рѣшительнѣе, и послѣдовательнѣе. Графъ Кисилевъ въ пользу нашего дѣла. Остальные держатся Нѣмецкой партіи. Постройка православныхъ церквей возложена на Клейнмихеля; этотъ скоро повернетъ дѣломъ. Я перехожу совсѣмъ къ генералъ-губернатору съ условіемъ получать 2 тысячи рублей серебромъ въ годъ. Хлопочу о В.: хочется, чтобъ онъ замѣнилъ Т. Кромѣ личнаго участія, которое я принимаю въ Валуевѣ, и потому натурально хочу видѣть въ немъ сослуживца, я ожидаю отъ него пользы дѣлу. Съ его способностями и правилами онъ много можетъ помочь намъ, если только не измѣнитъ моимъ ожиданіямъ.

Вчера, у Скрипицына, познакомился съ Самаринымъ, который также назначается въ Ригу. Это молодой человѣкъ изъ партіи Московскихъ Славянофиловъ. Говорятъ, что онъ имѣетъ отличныя способности и свѣдѣнія. Можетъ быть, и дай Богъ; но онъ еще очень молодъ и долженъ быть руководимъ.

О. ошибся въ разсчетѣ: въ Перовскомъ и въ графѣ Протасовѣ нажилъ онъ себѣ враговъ сильныхъ и едва ли примиримыхъ. Мнѣ его жаль, потому что въ послѣднее время я съ нимъ сошелся; и онъ не виноватъ, а только ошибся въ разсчетѣ.

20 Февраля. Пятница. Давно не писалъ я этихъ Записокъ, то по недосугу, то по разсѣянности заѣзжей жизни, то по лѣни. Много совершилось со времени пріѣзда нашего сюда. Всѣ мѣры, принимаемыя мѣстнымъ управленіемъ къ пресѣченію присоединенія, ежедневно болѣе и болѣе уклоняются. Извѣстныя «дозволительныя записки» уже давно отмѣнены, и нынѣ предоставлено каждому безпрепятственно записываться у священника, чтобы въ послѣдствіи присоединиться, по истеченіи 6 мѣсяцевъ. Препятствія въ погребеніи присоединившихся на Лютеранскихъ кладбищахъ уничтожены силою высочайшей воли. Производство уголовныхъ дѣлъ о такъ-называемыхъ разгласителяхъ прекращено и предоставлено полицейскому порядку; самые арестанты выпущены, а оконченныя въ въ судебныхъ мѣстахъ дѣла предоставлены окончательному разрѣшенію генералъ-губернатора.

7 Марта. Вчера въ ночь выѣхалъ генералъ-губернаторъ въ Ригу. Онъ жилъ здѣсь въ ожиданіи прибытія и пріема Государемъ Лифляндскихъ депутатовъ. Правительство убѣдилось, что положеніе тамош-

нихъ *вольныхъ* крестьянъ, притѣсняемыхъ помѣщиками во имя *свободы*, невыносимо, и рѣшилось учредить здѣсь Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, изъ Лифляндскаго ландмаршала и 4-хъ депутатовъ, изъ коихъ 2 назначены генералъ-губернаторомъ, а двое выбраны дворянствомъ. Сюда пріѣхали: ландмаршалъ Лиліенфельдъ, ландратъ Самсонъ фонъ-Гиммельштіерна и дворянинъ Фелькерзамъ, назначенные генералъ-губернаторомъ, и крейсъ-депутатъ Нолькенъ и ландратъ Эттингенъ, выбранные дворянствомъ.

При представленіи ихъ Государю присутствовали: Наслѣдникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, его товарищъ, Головинъ, и генералъ-адъютанты графъ Паленъ, баронъ Мейендорфъ и князь Ливенъ.

Послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій Государь изволилъ объявить имъ свою волю объ улучшеніи участи крестьянъ. Говорилъ, что никогда не потерпитъ пропаганды, но что, самъ принадлежа къ Православію, не можетъ и не долженъ запретить свободнаго перехода въ господствующую Церковь, допускаемаго закономъ. Въ заключеніе изволилъ прибавить, что ему пріятно видѣть въ нихъ потомковъ древнихъ рыцарей, вѣрныхъ рыцарской чести, что не сомнѣвается въ ихъ вѣрности къ *отечеству*, потому что люди съ честію только за отечество могутъ проливать кровь свою, но что требуетъ, чтобы они были Русскими душой и тѣломъ. Государь объяснялся по-нѣмецки и по-французски, попеременно.

Рига. 30 Марта. Неизвинительная лѣнь причиною столь долгаго пренебреженія этихъ Записокъ. Въ С.-Петербургѣ развлеченія жизни и разъѣзды по дѣламъ мѣшали мнѣ много, и я упустилъ подробности многихъ событій, которыя стоили быть замѣченными. Несмотря на все отвращеніе мое къ здѣшнему мѣстопребыванію, которое неиначе можетъ быть для меня какъ ссылкою, я снова въ Ригѣ. И когда же? Тогда, какъ болѣе всего я хотѣлъ бы быть дома. О служба, служба! Все веселіе, вся игрушка моего воображенія—отставка и жизнь въ деревнѣ; а я служу и не знаю, когда и скоро ли освобожусь отсюда.

По пріѣздѣ въ Ригу я нашелъ генералъ-губернатора въ расположеніи далеко хуже прежняго. Онъ начисто сдѣлался Нѣмцемъ и какъ будто поклялся вредить Православію. Съ радостію показалъ онъ мнѣ отвѣтъ къ нему военнаго министра, который, извѣщая его, что Государь Императоръ не согласился на назначеніе къ нему двоихъ военныхъ чиновниковъ для особыхъ порученій, прибавляетъ, что Его Императорское Величество, имѣя въ виду древнія права и преимущества здѣшняго края, по коимъ слѣдствія должны быть производимы мѣстными властями, желаетъ сохранить всѣ эти привилегіи и на будущее время неприкосновенными. Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ рѣ-

шился не иначе поручать производство слѣдствій по моей части, какъ мѣстнымъ чиновникамъ, то-есть предавать овецъ въ руки волковъ.

При такомъ расположеніи его мнѣ трудно будетъ съ нимъ возиться. Главное нужно терпѣніе и хладнокровіе. Знаю, что много предстоитъ неудачъ, но Господь поможетъ мнѣ въ дѣлѣ на пользу моего отечества. Чистосердечно говорю: не получу я ничего, ни награды, ни мѣста, которое бы наконецъ обезпечило меня хоть на старости, а все буду трудиться и переносить лишенія, потому что убѣжденъ, что дѣло полезное. Повторяю: служу дѣлу, люблю его и забочусь о немъ, какъ пѣстунъ о дитяти.

Недостатокъ въ продовольствіи, несмотря на всѣ пособія правительства, крайне ощутителенъ. Болѣе всего страдаютъ присоединившіеся. Были примѣры (и нерѣдкіе), что умирали съ голоду, и по вскрытіи труповъ въ желудкѣ находили сѣно! И все это остается безъ взысканія, потому что здѣшніе помѣщики-Нѣмцы и люди ихъ—не крѣпостные, а вольные; а угнетеніе во имя свободы считается законнымъ. Имя деспотизма проклято, а благоговѣется имя свободы, которая моритъ людей съ голоду умышленно и произвольно.

2 Мая. Скучно и грустно смотрѣть на все, что̀ дѣлается вокругъ! Еще грустнѣе, когда видишь, что благія начинанія и направленіе уничтожаются и встрѣчаютъ препятствія, почти неодолимыя. Дай Богъ терпѣнія Перовскому и расположи къ нему сердце Царево! По всему что̀ вижу, я боюсь за него, а его люблю какъ министра, какъ человѣка, который одинъ ясно видитъ.

Т., стремясь противодѣйствовать моему направленію, помимо меня докладывалъ генералъ-губернатору донесеніе Перновскаго орднунгсрихтера о безпорядкахъ и опасеніяхъ возмущенія крестьянъ въ тамошнемъ уѣздѣ. Писано туда, чтобы указалъ, какіе именно безпорядки ожидаются: это было 4 Апрѣля. Я объяснялся съ генераломъ и говорилъ Т., чтобъ впредъ дѣлъ, принадлежащихъ моей части, не смѣлъ докладывать мимо меня. Несмотря на то, полученное 27 Апрѣля донесеніе того же орднунгсрихтера снова доложено, не только мимо, но даже тайно отъ меня. Орднунгсрихтеръ Штааль пишетъ, что онъ получилъ донесеніе помѣщика дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ренненкамфа, что крестьяне ему не повинуются и хотятъ записаться въ казну, и что Штааль велѣлъ имъ явиться для объясненій въ Орднунгсгерихтъ черезъ 3 дня. Къ этому онъ присовокупляетъ, что *вѣроятно* они не явятся и проситъ прислать ему подкрѣпленіе. Увѣдомивъ объ этомъ происшествіи министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, генералъ послалъ въ Перновъ 2 эскадрона казаковъ. Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій я просилъ его высокопревосходительство уволить меня отъ управленія

секретною частію и предоставить ее Т. Вслѣдствіе сего дано ему предписаніе, чтобы отнюдь въ мои дѣла не вмѣшивался. Забавнѣе всего то, что сегодня получены новыя донесенія изъ Пернова, что все спокойно и оказалось вздоромъ! Это забавно; но грустно то, что писали въ Петербургъ и все-таки подали поводъ къ безпокойству. А цѣль очевидна: Государь уѣзжаетъ 2 Мая; нужно начать старую игру и дѣйствовать на неопытность Наслѣдника. Все придумано умно и хитро.

Сегодня я получилъ извѣстіе, что полковникъ Прецманъ, командиръ здѣшняго гарнизоннаго баталіона, получилъ донесеніе изъ Феллина, что тамошній священникъ потребовалъ двухъ рядовыхъ для усмиренія Чухонъ, которые не повинуются тамошней полиціи. Не знаю, что это за новая исторія. Очевидно, что опасность не велика, если два инвалида могутъ усмирить. Но что̀ было поводомъ? Извѣстно, что присоединенія къ Православію, или лучше сказать приписка, вездѣ почти прекратились, кромѣ Пернова и Феллина: тамъ идутъ толпами. Ужъ не нетерпѣніе ли толпы, которая, не дожидая очереди, ломится къ священнику? Нѣмцы толкуютъ, что все это дѣлается изъ земныхъ выгодъ, которыхъ ожидаютъ крестьяне; что даже тѣ, которые теперь записываются, чтобы черезъ 6 мѣсяцевъ присоединиться, вовсе не думаютъ о перемѣнѣ вѣры, а полагаютъ, что эта приписка освободитъ ихъ отъ помѣщиковъ. Что̀ ежели это въ самомъ дѣлѣ правда! Въ такомъ случаѣ 6 мѣсячный срокъ, лишивъ пріобрѣтенія неофитовъ, только произвелъ одинъ результатъ: безпорядокъ. Повторю: грустно и жалко.

Сейчасъ я былъ у нашего Штакельберга. Онъ показывалъ мнѣ письмо къ нему Ханыкова, отъ 30 Апрѣля, который пишетъ, что по распоряженію министра онъ и Капгеръ снова будутъ въ Ригу и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что Государь потребовалъ къ себѣ именной списокъ нашихъ чиновниковъ съ объясненіемъ ихъ занятій; что восемь человѣкъ уже уволены въ отставку и что онъ Ханыковъ и Штакельбергъ, въ числѣ другихъ тридцати шести чиновниковъ, «обращены къ настоящимъ своимъ обязанностямъ». Не понимаю. Но если возвращеніе къ настоящимъ обязанностямъ значитъ возвращеніе въ Петербургъ, и если, какъ я думаю, въ числѣ тридцати шести нахожусь и я, такъ я очень доволенъ.

По случаю сдѣланной мнѣ Т. непріятности я писалъ къ Скрипицыну и просилъ доложить министру, чтобъ меня отсюда вызвали, потому что я съ Т. служить не могу. Хотя послѣ объясненій и распоряженія генералъ-губернатора, я также увѣдомилъ о результатѣ Скрипицына, однако желаю, чтобъ этотъ вызовъ состоялся, тѣмъ болѣе, что не ожидаю добра съ пріѣздомъ Х.

Господи, сохрани Церковь Твою святую и миръ Твой даждь людемъ Твоимъ!

15 Мая. На просьбы о вызовѣ—отказъ изъ С.-Петербурга; въ жалованьи—тоже; чѣмъ жить? Генералъ-губернаторъ предлагаетъ перейти къ нему и получать жалованье по двумъ вакансіямъ: я отказался начисто. Не потерплю, чтобъ Нѣмцы считали меня наемникомъ и кололи глаза, что занимаю чужое мѣсто. Вообще добра не вижу.

Вслѣдствіе Перновской исторіи и донесенія о ней генералъ-губернатору (зри выше), присланъ сюда свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Крузенштернъ. Онъ теперь въ Перновѣ, и вѣстей никакихъ нѣтъ. Тамъ все спокойно; не менѣе того нельзя ручаться за оборотъ, какой дастъ Крузенштернъ этому дѣлу. Легко можетъ быть, что какъ Нѣмецъ, желая остановить распространеніе Русскаго элемента, онъ представитъ это въ видѣ преувеличенномъ. Быть-можетъ потребуетъ военной силы къ усмиренію мирныхъ и смирныхъ Чухонцевъ. Вѣдь въ 1841 году сѣкли шпицрутенами и брили головы, какъ преступникамъ, за то только, что говорили, что желаютъ Православія. Это факты! Того же и теперь хотятъ.

Сейчасъ я имѣлъ объясненіе съ генералъ-губернаторомъ, по случаю перемѣщенія секретаря Бреверна на вакансію старшаго чиновника особыхъ порученій; я объяснялся съ Бреверномъ, чтобъ его вакансію предоставили кому найдутъ нужнымъ изъ помощниковъ секретарей. За симъ, чтобы вакансію помощника отдали мнѣ, для служащаго у меня архиваріуса Эрбса, а Эрбсову—канцелярскому чиновнику, моему же, Суворову, который служитъ безъ жалованья. Бревернъ сказалъ мнѣ, что противъ этого никакого препятствія со стороны большой канцеляріи не будетъ. На этомъ основаніи я подалъ докладную записку генералъ-губернатору, который и утвердилъ ее. Теперь Т. съ своей стороны вступилъ съ письменнымъ докладомъ, гдѣ доказываетъ несправедливость и неосновательность этого распоряженія. Генералъ-губернаторъ показывалъ мнѣ этотъ докладъ и по благосклонности своей спрашивалъ моего мнѣнія: какъ поступить, чтобы удовлетворить насъ обоихъ. Я прежде всего отвѣчалъ, что удивляюсь дерзости Т., дозволившаго себѣ *письменный* докладъ послѣ *письменной* резолюціи своего начальника. Послѣ долгихъ защищеній, дѣланныхъ генераломъ, я сказалъ ему, что для меня это все равно, но что я лично не могу имѣть къ Т. ни довѣренности, ни уваженія. За симъ объяснилъ причины. Генералъ съ огорченіемъ сказалъ мнѣ: «видно, что ужъ мѣсто, занимаемое вами, таково, что на немъ нельзя ужиться ни съ кѣмъ». Я отвѣчалъ, что напротивъ, еслибы Т. былъ человѣкъ правомыслящій, то я первый просилъ бы его совѣтовъ, а теперь долженъ скрывать отъ

него мои бумаги.—«Почему это?»—Потому, что онъ въ самомъ порученіи, на меня вами возложенномъ, видитъ зло для здѣшняго края.—«Ну въ этомъ отношеніи я и самъ не вижу добра; по крайней мѣрѣ теперь; оно можетъ быть развѣ въ послѣдствіи».—Индивидуальное мнѣніе вашего высокопревосходительства принадлежитъ вамъ; но офиціально не таково, ибо вы сами дѣйствуете иначе. Тамъ, гдѣ есть высочайшая воля, наши личныя мнѣнія въ сторону. Кромѣ этого, Т. и безъ способностей: стóитъ только поразобрать канцелярію, чтобъ видѣть, въ какомъ безпорядкѣ всѣ дѣла. Правда, онъ трудолюбивъ, да что̀ пользы? Эта работа бѣлки въ колесѣ; труда много, а пользы ни на грошъ.—Долго толковали и объяснялись; наконецъ генералъ-губернаторъ сказалъ: «Вы человѣкъ благородный; пожалѣйте меня; вамъ надобно избѣгать, чтобы не говорили, что вы владѣете мною, и что я все дѣлаю по вашему». Мнѣ стало жаль почтеннаго старика; я почти со слезами сказалъ, что я готовъ во всемъ *и всегда* подчиниться его волѣ. И въ самомъ дѣлѣ: Богъ видитъ, ищу ли я власти; если дѣйствую настойчиво, истинно для сохраненія *его* достоинства и для пользы *дѣлу*. Личности моей здѣсь нѣтъ: она уничтожена; да и чего хотѣть мнѣ съ пріобрѣтеніемъ власти? Все желаніе мое какъ можно скорѣе вырваться отсюда.

Объясненіе наше кончилось пока ничѣмъ: посмотримъ, что̀ будетъ?

17 Мая. Т. ищетъ примиренія. Оправдывается чрезъ Валуева и Бреверна. Я сказалъ, что не сержусь на него. Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ мнѣ въ немъ? Я недоволенъ не имъ, а его дѣйствіями, когда они клонятся ко вреду дѣла; лично мнѣ съ нимъ дѣлить нечего.

Сегодня генералъ-губернаторъ спрашивалъ опять, какъ поступить по представленію Т. Я отвѣчалъ: какъ ему угодно. Послѣ онъ прислалъ Бреверна спросить, согласенъ ли я, чтобы Суворова назначить секретаремъ по крестьянскому отдѣленію; я сказалъ, что очень радъ. Итакъ Т. получилъ желаемое. Да я готовъ бы ему и больше уступить, лишь бы онъ не мѣшался въ мои дѣла: вѣдь я въ его не мѣшаюсь, а если и занимаюсь нѣкоторыми, мнѣ не принадлежащими, то потому только, что приказываетъ генералъ-губернаторъ, который вправѣ поручить дѣло разсмотрѣнію каждаго изъ своихъ чиновниковъ.

Дѣло Перновское кончено пустяками: Крузенштернъ высѣкъ нѣсколько человѣкъ и уѣхалъ.

Съ острова Эзеля получено два рапорта объ угрожающемъ возмущеніи крестьянъ: земская полиція, не отвѣчая за спокойствіе острова, проситъ прислать сотню казаковъ и роту пѣхоты. Генералъ рапортовалъ о пѣхотѣ военному министру, прося прислать изъ С.-Петербурга на пароходѣ, а казаковъ послалъ изъ Пернова подъ командою

подполковника Ланге, которому велѣно принять военныя мѣры, то есть взяться за оружіе, когда того я потребую, а меня послали на Эзель для усмиренія крестьянъ.

Что-то будетъ? Островитяне, говорятъ, народъ буйный, большею частію контрабандисты и смѣлые стрѣлки.

16 Іюня. Воскресенье. Островъ Эзель, городъ Аренсбургъ. Благодаря Бога, спокойствіе не нарушено. Крестьяне толпами, по тысячѣ и болѣе человѣкъ, идутъ къ священнику, но чинно и спокойно. Многіе объявляютъ, что желаютъ перемѣнить вѣру, чтобы облегчить свои работы. Ихъ отсылаютъ прочь, внушая, что религія не влечетъ за собою никакихъ земныхъ выгодъ.

22 Іюня. Чѣмъ долѣе живу я здѣсь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ неосновательности опасеній мѣстныхъ властей. Нелѣпые слухи распространяются Нѣмцами, которые въ самомъ дѣлѣ напуганы необыкновеннымъ движеніемъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что ненависть ихъ къ помѣщикамъ не подвержена никакому сомнѣнію, точно также какъ и дворянство не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія къ крестьянамъ. Остзейскія провинціи отжили свое время: въ нихъ слишкомъ много гнилыхъ элементовъ. Гражданственность ихъ (цивилизація) со времени Петра не сдѣлала ни одного успѣха, а между тѣмъ разъединеніе классовъ достигло самаго высшаго развитія. Крестьяне ненавидятъ всѣхъ Нѣмцевъ, и въ особенности помѣщиковъ и пасторовъ. Дворянство въ явномъ разладѣ съ жителями городовъ, съ среднимъ классомъ. Къ чему долженъ вести такой порядокъ вещей? Высшія сословія, дворяне и горожане, крѣпко ухватились за свои преимущества и думаютъ въ нихъ найдти твердую опору своихъ правъ; а привилегіи эти, какъ всѣ привилегіи въ мірѣ, давно уже сгнили и обветшали, и должны упасть сами собою. Одни крестьяне ищутъ и стремятся къ новому, къ успѣху; но каковъ долженъ быть успѣхъ, когда онъ возникаетъ съ нижней ступени общества? Всякій шагъ его есть низложеніе существующаго порядка; всякій порывъ—преступленіе, а духъ и элементъ его—кровопролитіе. Сохрани насъ, Боже, отъ подобныхъ успѣховъ!

Здѣшній ордиунгсрихтеръ Буксгевденъ человѣкъ очень порядочный. Мнѣ жаль его: онъ заварилъ всю кашу, написавши генералъ-губернатору, что крестьяне бунтуютъ, и теперь самъ нерадъ своей опрометчивости. Меня боится до чрезвычайности, хотя я всячески смягчаю предлагаемые ему вопросы

Герихтсфохтъ Грубертъ дѣлаетъ показанія совершенно противныя съ нимъ. Но объ этомъ не распространяюсь, потому что все это видно въ дѣлѣ, которое веду я по этому предмету и которое останется у меня въ видѣ приложенія къ этимъ Запискамъ.

28 Іюня. Уже вещи мои были уложены, и я готовъ былъ садиться въ коляску, чтобы возвратиться въ Ригу, когда получилъ съ почты письмо Валуева о томъ, что Крузенштернъ снова присланъ сюда и будетъ въ Аренсбургъ. Дѣлать нечего, опять взялъ вещи въ комнату и остался его дожидаться. Увидимъ, что̀ будетъ. А здѣшніе жители все стремятся доказать, что здѣсь бунтъ.

29 Іюня. Сегодня вечеромъ пріѣхалъ Крузенштернъ. Я получилъ предписаніе состоять при немъ и передать ему всѣ произведенныя мною дѣла. Аудиторъ его, повидимому, человѣкъ ненадежный. Я просилъ ихъ пощадить здѣшняго орднунгсрихтера, который неосновательно донесъ о безпокойствахъ. Онъ говоритъ, что я въ моихъ бумагахъ много его обвинилъ. Дѣло въ томъ, что у меня изложено все какъ есть: событія говорятъ за себя сами.

5 Іюля. Я читалъ первое донесеніе Крузенштерна военному министру: онъ пишетъ, что надѣется, что войска сюда присылать не нужно, но упоминаетъ, что оказавшіяся между крестьянами неповиновенія не преминетъ изслѣдовать, между тѣмъ какъ неповиновеній вовсе не было. Генералъ-губернаторъ поручилъ Крузенштерну объяснить ему разнорѣчіе въ донесеніяхъ орднунгсгерихта, Магистрата и моихъ. Старику, видно, не понравилось, что я не нашелъ здѣсь бунта. По возвращеніи въ Ригу поблагодарю его за довѣренность. Съ Крузенштерномъ доселѣ лажу. Сегодня будемъ производить вмѣстѣ слѣдствіе въ Орднунгсгерихтѣ о неповиновеніи нѣкоторыхъ крестьянъ. Не знаю, до какой степени Крузенштернъ окажется безпристрастнымъ.

9 Іюля. Крузенштернъ дѣйствуетъ довольно безпристрастно, хотя усиливается доказать, что здѣсь происходятъ безпорядки; но такъ какъ доказать безъ доказательствъ нельзя, то и ограничивается донесеніемъ, что безпорядки такого рода и всегда происходили.

13 Іюля. Островъ Монъ. Станція Куйвастъ, на берегу большаго Зунда. Со вчерашняго дня живу я здѣсь въ ожиданіи парохода, чтобы отправиться въ Ригу. Уже назадъ тому недѣля, какъ я пріѣзжалъ сюда изъ Аренсбурга и, не найдя парохода, долженъ былъ возвратиться. Сегодня во второмъ часу пополуночи прошелъ черезъ Зундъ пароходъ: «Финляндъ». Я выѣзжалъ къ нему въ море за пять верстъ, но онъ не обратилъ на меня никакого вниманія и прошелъ мимо. Нечего дѣлать! Должно ждать до завтра, когда пойдетъ «Нева».

Крузенштернъ намѣренъ выѣхать изъ Аренсбурга во Вторникъ. Я поспѣшилъ отослать ему его коляску, которою онъ одолжалъ меня до Куйваста.

Я получилъ отъ генералъ-губернатора предписаніе немедленно возвратиться въ Ригу, къ своимъ занятіямъ. Эзельское дѣло можно

считать конченнымъ. Орднунгсгерихту за неосновательное донесеніе сдѣланъ строгій выговоръ по высочайшему повелѣнію, съ опубликованіемъ въ газетахъ.

Эзельскіе крестьяне, подобно прочимъ, толпою идутъ записываться къ нашему священнику. Доселѣ записалось до тысячи человѣкъ. Они показываютъ, что искренно и безъ всякихъ корыстныхъ видовъ ищутъ присоединиться къ Православію, а между тѣмъ не то говорятъ намъ. Намъ говорятъ одни, что дѣлаютъ это потому, что будто бы это приказано Государемъ; а другіе—что они вовсе не желаютъ перемѣнить вѣру, а только приписываются, потому что всѣ такъ дѣлаютъ. Помѣщики увѣряютъ, что безъ безпорядковъ не обойдется, и что осенью, когда сообщенія съ твердою землею прекратятся, имъ придется плохо. Я имѣю надежду, что все пройдетъ смирно, потому что, несмотря на то что крестьяне контрабандисты, всѣ они народъ очень тихій и покорный.....

*

Здѣсь прерываются Записки; продолженіе ихъ затеряно. Для уразумѣнія какъ хода этого дѣла, такъ и успѣха, какимъ оно завершилось, считаемъ не неумѣстнымъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія.

Осенью 1848 года авторъ Записокъ былъ вызванъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Петербургъ и назначенъ управляющимъ дѣлами Остзейскаго Комитета, какъ лично знакомый съ мѣстностью и дѣлами этого края. Между тѣмъ, Коммисія, о которой упоминается въ Запискахъ, состоявшая изъ Ханыкова, Штакельберга, Капгера, Рудницкаго, Самарина, Беклемишева и др., чуть ли не тридцатая [1]), посланная въ Ригу для ревизіи городскихъ учрежденій, съ успѣхомъ дѣлала свое дѣло. Справедливость заставляетъ сказать, что и прежнія коммисіи работали добросовѣстно и успѣшно; но труды ихъ, поступавшіе въ Петербургъ, отсылались на разсмотрѣніе и заключеніе генералъ-губернаторовъ и возвращались отъ нихъ съ возраженіями. Теперь случилось не такъ. Генералъ-губернаторъ, принимавшій самъ разумное и дѣятельное участіе въ трудахъ Коммисіи, отозвался о представленномъ сю проектѣ городскихъ реформъ самымъ одобрительнымъ образомъ, и дѣло поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Здѣсь Нѣмецкая клика, особенно сильная тогда въ Петербургѣ, ясно увидѣла угрожавшую ей опасность; она убѣдилась, что введеніе Русскихъ на-

[1]) Со времени завоеваніи Балтійскаго края правительство многократно посылало въ Ригу особыя коммисіи, съ цѣлію преобразованія мѣстнаго управленія; но всѣ эти попытки реформы остались безуспѣшными. Коммисія, о которой здѣсь говорится, была чуть ли не тридцатая въ длинномъ ряду ея предшественницъ.

чалъ близится къ осуществленію, и употребила всѣ усилія, чтобы сохранить въ краѣ Нѣмецкіе порядки. Съ Головинымъ повторилась исторія его предшественника: онъ былъ отозванъ отъ должности, съ назначеніемъ въ члены Государственнаго Совѣта. Ободренные успѣхомъ Петербургскіе ревнители Нѣмецкихъ порядковъ подняли голову и, не смотря на то, что заключеніе генералъ-губернатора было уже получено и требованіе закона выполнено, они настояли, чтобы было истребовано второе заключеніе отъ новаго начальника края, какъ будто незнакомый съ мѣстностью и только что прибывшій въ городъ генералъ-губернаторъ могъ лучше своего предмѣстника, пробывшаго нѣсколько лѣтъ на мѣстѣ, знать и вѣрнѣе опредѣлить потребности и нужды края.

При такихъ условіяхъ новый генералъ-губернаторъ конечно не могъ обойтись безъ пособія мѣстныхъ дѣльцовъ, по милости которыхъ одобренный и генералъ-губернаторомъ, и министерствомъ проектъ былъ забракованъ, и край остался въ прежнемъ положеніи.

Совсѣмъ тѣмъ въ этихъ провинціяхъ произошла существенная перемѣна. Нѣмецкая олигархія увидѣла воочію непрочность своего положенія. Это заставило ее искать сближенія какъ между сословіями, такъ и между провинціями, чтобы составить изъ нихъ одно неразрывное цѣлое. Забавная щепетильность, заставлявшая Нѣмцевъ держать Латышей и Чухонцовъ въ отдаленіи отъ себя, замѣнилась стараніемъ приблизить ихъ къ себѣ. Въ сельскихъ школахъ введено обязательное преподаваніе Нѣмецкаго языка, и такимъ образомъ положено прочное основаніе привлечь ихъ къ Германской національности. Нынѣ эти инородцы, стремившіеся орусѣть, наперерывъ желаютъ онѣмечиться. Словомъ, въ провинціяхъ этихъ началась таже исторія, какая произошла за нѣсколько вѣковъ предъ симъ въ Прусскомъ поморьи, гдѣ изъ Латышско-Славянскаго народъ сдѣлался Нѣмецкимъ.

Какая судьба ожидаетъ насъ въ Балтійскомъ краѣ? Это извѣстно только Богу; но то несомнѣнно, что онъ надолго отдаленъ теперь отъ Россіи.

Гр. Дмитрій Т.-Знаменскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА М. В. ТОЛСТАГО *).

VI.

Перехожу къ самой счастливой перемѣнѣ въ моей жизни. Но прежде того я долженъ возвратиться на нѣсколько лѣтъ назадъ. Давно уже тяготила меня одинокая жизнь въ суетѣ большаго свѣта; заботы по службѣ, большею частью мелочныя, не удовлетворяли меня. Я чувствовалъ какую-то пустоту въ сердцѣ, чувствовалъ потребность въ тихой, семейной жизни. Больная мать моя, съ своей стороны, сознавала, что мнѣ давно пора вступить въ бракъ и постоянно требовала, чтобы я женился. Это общее наше желаніе едва не сбылось въ 1845 году: я былъ помолвленъ на одной очень привлекательной молодой дѣвицѣ изъ знатнаго и богатаго семейства. Помолвка не была еще объявлена по случаю тяжкой болѣзни одной близкой родственницы невѣсты, какъ вдругъ сама невѣста простудилась и опасно занемогла. Ее увезли лѣчить за границу, и она скончалась въ Италіи отъ чахотки. Смерть любимой особы отвлекла меня на нѣсколько лѣтъ отъ мысли о женитьбѣ.

Весною 1850 года наступило время, назначенное Промысломъ Божіимъ для моего счастія. Та же Ек. Богд. Маслова, которая была всегда искренно дружна съ моею матерью и доказала ей и мнѣ эту дружбу дѣятельнымъ участіемъ во время тяжкой болѣзни моей въ 1841 году, указала мнѣ искать въ семействѣ Волконскихъ. И странное дѣло. У меня не было предчувствія ожидавшей меня счастливой участи.. я поѣхалъ знакомиться почти неохотно, почти только для угожденія неотступнымъ требованіямъ моей матери.

*) Первыя пять главъ помѣщены во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ Русскаго Архива сего года.

Княгиня Александра Петровна Волконская, рожденная Новикова, вдова князя Петра Сергѣевича († 5 Октября 1847 г.), жила въ собственномъ домѣ, въ Старой Конюшенной, на углу Большаго Власьевскаго и Гагаринскаго переулковъ, противъ дома Масловыхъ. При ней были двѣ дочери-невѣсты, княжна Елисавета (род. 25 Декабря 1823 г.) и княжна Варвара (род. 25 Мая 1825 г.). Старшая дочь Александра Петровна была уже замужемъ; въ это время она ѣздила съ мужемъ своимъ, отставнымъ ротмистромъ Александр. Конст. Грязевымъ, къ отцу его въ Ярославскую губернію, оставивъ груднаго ребенка, дочь Сашу (род. 1 Февр. 1850 г.) на попеченіе своей матери. Четыре сына служили въ гвардіи: кн. Николай въ конной артиллеріи, кн. Сергій въ драгунскомъ, кн. Дмитрій въ гренадерскомъ и кн. Михаилъ въ конно-гренадерскомъ полку.

Первый визитъ мой въ домъ княгини былъ 24 Мая; я былъ принятъ вѣжливо и внимательно. Старшая изъ двухъ княженъ заговорила со мной и вела разговоръ почти одна; младшая постоянно молчала. Это заставило меня обратить особенное вниманіе на первую. Княжна Лиза не была красавицей; но, при небольшомъ ростѣ, она была сложена съ необыкновенною пропорціональностью. Всегда оживленный, веселый взглядъ, очаровательная улыбка, прелестныя, маленькія, бѣлыя ручки и живая, умная рѣчь невольно привлекали къ ней всякаго. Разговоръ шелъ на Французскомъ языкѣ; позднѣе она призналась, что хотѣла проэкзаменовать меня, умѣю ли я говорить пофранцузски.

Послѣ перваго визита, я сталъ ѣздить часто въ домъ княгини. Въ княжнѣ Лизѣ открылось новое для меня очарованіе: у нея былъ сильный, обработанный голосъ сопрано, и она прелестно пѣла Русскіе и Французскіе романсы.

Хотя я не былъ влюбленъ въ княжну, но она нравилась мнѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе: 17 Іюня я сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе, а 27-го послѣдовало благословеніе жениха и невѣсты у моей матери, которая по болѣзни не могла выѣзжать. Въ это время мой домъ штукатурился и отдѣлывался, а мать моя жила вмѣстѣ со мною въ наемной квартирѣ, на той же Средней Прѣснѣ.

Меня благословляли мать съ дядей и крестнымъ отцемъ моимъ графомъ Петромъ Степановичемъ. Съ моей стороны было немного лицъ: тетушка графиня Елисавета Васильевна, двоюродный братъ мой Николай Сумароковъ и Анд. Алекс. Ковальскій, мой искренній другъ. Со стороны невѣсты были: мать ея, сестра, родной дядя Ник. Петр. Новиковъ съ женою и тетка Анна Петр. Быкова съ дочерью-дѣвицею.

Братъ кн. Александры Петровны, Н. П. Новиковъ, богатый помѣщикъ, человѣкъ дѣльный, остроумный и разсчетливый, былъ женатъ

на Александрѣ Петровнѣ Савиной. Онъ скончался спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей свадьбы, въ Февралѣ 1851 года, отъ нервнаго удара. Послѣ него остался сынъ, Николай Николаевичъ, служившій въ кирасирскомъ Ея Величества полку, а потомъ долго бывшій предводителемъ дворянства въ Коломенскомъ уѣздѣ. Онъ женатъ на внучатной сестрѣ своей, Надеждѣ Васильевнѣ Карцовой.

Родная тетка моей невѣсты Анна Петровна, вдова полковника Ал. Ник. Быкова, имѣла трехъ дочерей. Двѣ старшія были за мужемъ: Елисавета за П. А. Загряжскимъ (въ это время она разошлась съ нимъ), а Авдотья за кн. Владим. Дмитр. Оболенскимъ. Младшая изъ нихъ Екатерина Александровна была еще дѣвицею. Въ 1852 году она вступила въ бракъ съ Сергѣемъ Петровичемъ Ѳедоровымъ, губернскимъ прокуроромъ въ Житомирѣ. Послѣ сестеръ ея, умершихъ бездѣтными, все состояніе матери, довольно значительное, перешло къ ней. Въ числѣ другихъ имѣній, доставшихся ей, было и село Мураевня (Данковскаго уѣзда), знаменитое по глубокимъ залежамъ каменнаго угля; компанія, взявшая этотъ уголь въ аренду, дала ей въ видѣ задатка сто тысячъ рублей серебромъ.

При помолвкѣ я подарилъ невѣстѣ брилліантовую нитку, о которой стòитъ сказать нѣсколько словъ. Прадѣдъ мой по матери, князь Сергій Никитичъ Долгоруковъ, давалъ дочерямъ своимъ, при выдачѣ ихъ въ замужество, Турецкія шали, цѣною 1000 рублей каждая. Три дочери его получили такія шали (тогда звали ихъ кашемирами), а четвертая, родная бабка моя Александра Сергѣевна Сумарокова пожелала имѣть брилліанты, а потому отецъ ея далъ ей эту самую нитку, или какъ сказано въ рядной записи «калье» (collier, ожерелье), оцѣненное въ 1000 «рублёвъ». Теперь оно цѣнится ювелирами въ 2400 рублей, а отъ «кашемировъ», принадлежавшихъ сестрамъ моей бабки, конечно не сохранилось ни малѣйшаго лоскуточка.

Въ половинѣ Іюля невѣста моя съ матерью и сестрою отправилась въ родовое имѣніе Волконскихъ, село Липицы, Калужской губерн., Мещовскаго уѣзда. Между нами продолжалась, во все время разлуки, частая переписка. Первое письмо я началъ стихами, которые доказываютъ, что я никогда не имѣлъ способности къ стихотворству.

Въ этихъ стихахъ я упомянулъ о «доблестномъ предкѣ». Это былъ князь Михаилъ Константиновичъ, по прозванію Хромой, который прославился защитою Пафнутьева Боровскаго монастыря отъ Поляковъ въ 1611 году. Когда младшіе воеводы-измѣнники тайно впустили непріятелей въ монастырь, онъ сталъ въ дверяхъ церкви и дрался одинъ съ врагами, сначала при входѣ, а потомъ въ самомъ храмѣ. Его убили и бросили въ раку преподобнаго Пафнутія. Въ память этого доблестнаго

подвига, императрица Екатерина II пожаловала городу Боровску гербъ: червленное сердце въ золотомъ полѣ, окруженномъ лавровымъ вѣнкомъ. Братъ князя Михаила, князь Григорій Константиновичъ, былъ однимъ изъ лучшихъ Русскихъ дипломатовъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Родной прадѣдъ моей невѣсты, князь Петръ Васильевичъ, былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Семеновнѣ Козловской, родственницѣ императрицы Анны Іоанновны, у матери которой, царицы Прасковьи Ѳеодоровны, рожденной Салтыковой, была родная сестра, Татьяна Ѳедоровна, въ супружествѣ съ княземъ Алексѣемъ Семеновичемъ Козловскимъ. Упомянутая выше княгиня Александра Семеновна была родною ему внукою и воспитывалась у бабушки своей Татьяны Ѳедоровны, которая, овдовѣвъ, постриглась съ именемъ Тавифы въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ княжна Анна Григорьевна Волконская, въ иночествѣ Агнія, была въ то время игуменіей. Императрица Анна очень уважала «тетку Тавифу», но терпѣть не могла сына ея, а своего двоюроднаго брата князя Семена, который, по смерти матери, поспѣшилъ удалиться въ деревню, чтобы не казаться на глаза державной родственницѣ. Дочь его, княгиня Александра Семеновна Волконская скончалась въ молодости, а мужъ ея князь Петръ Васильевичъ дожилъ до глубокой старости; онъ скончался въ Смоленской деревнѣ, но погребенъ въ селѣ Липицахъ, въ устроенной имъ Николаевской церкви подъ колокольнею. На могилѣ его находится надпись въ стихахъ. Сынъ его князь Сергій Петровичъ, женатый на Марьѣ Петровнѣ Рагозиной, былъ также не долговѣченъ, какъ и мать его. Такъ какъ потомки князя Василія Григорьевича въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ сряду имѣли по одному сыну, то въ настоящее время они не состоятъ въ родствѣ ни съ одною изъ остальныхъ вѣтвей дома Волконскихъ.

Къ сожалѣнію я не засталъ въ живыхъ отца моей невѣсты, кн. Петра Сергѣевича. Но, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его лично, это былъ человѣкъ искренно-благочестивый, строгій въ правилахъ нравственности, въ высшей степени благородный, добрый и благоразумный отецъ семейства. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ; крѣпостные люди, крестьяне и дворовые, любили его какъ роднаго отца, что особенно обнаружилось при его кончинѣ. Съ прекрасными свойствами души онъ соединялъ и красивую наружность: высокій ростомъ, стройный съ черными глазами и волосами, онъ былъ красавцемъ въ молодости. Но тяжкая многолѣтняя болѣзнь сгорбила и состарила его преждевременно. Онъ скончался въ селѣ Липицахъ 5 Октября 1847 года и погребенъ, подлѣ могилы родителей, въ палаткѣ, примыкающей къ Никольской церкви. Въ началѣ Августа я поѣхалъ для свиданія съ невѣстою въ Липицы и, проѣзжая чрезъ Калугу, заѣхалъ къ родной теткѣ

моей Марьѣ Степановнѣ Толстой. Она давно уже была вдовою; старшая дочь ея Варвара Васильевна, по первому мужу Воейкова, была уже вторично въ супружествѣ съ г. Владимірскимъ; вторая, Саша, бывшая замужемъ за Сомовымъ, уже скончалась въ полномъ блескѣ молодости и красоты; третья, Екатерина Васильевна Бове, жила съ мужемъ въ Москвѣ. При теткѣ, видимо уже старѣющейся, была одна только меньшая дочь Маша, молодая дѣвушка, красивая, умная и бойкая. Чрезъ нѣсколько лѣтъ скончалась и она, а старуха окончила жизнь въ полномъ одиночествѣ.

Въ Калугѣ ожидали меня лошади, присланныя отъ Волконскихъ; я прибылъ въ Липицы 6 Августа во время обѣдни, за которою княгиня и дочери ея причащались Св. Таинъ. Здѣсь провелъ я три недѣли, навсегда сохранившіяся въ моей памяти. Время текло незамѣтно между прогулками, прелестнымъ пѣніемъ моей невѣсты, пріемомъ гостей и разъѣздами по сосѣдямъ.

Въ первый же день моего пріѣзда я познакомился съ ближайшимъ по дружбѣ и сосѣдству семействомъ Сорокиныхъ. Отставной полковникъ Степанъ Никифоровичъ Сорокинъ, храбрый ветеранъ отечественной войны, отличный помѣщикъ и весьма правдивый человѣкъ съ первой встрѣчи привлекалъ къ себѣ уваженіе, также какъ почтенная и достойная супруга его Екатерина Яковлевна, рожденная Козловская и милыя ихъ дочери, съ самаго дѣтства искреннія подруги моей невѣсты и сестеръ ея. Владѣя небольшою деревнею, полученною въ приданое за женой, Степанъ Никифоровичъ умѣлъ при образцовомъ хозяйствѣ жить не хуже другихъ, болѣе богатыхъ помѣщиковъ. Любимый разговоръ его былъ о походахъ и битвахъ 1812 и послѣдующихъ годовъ; онъ вспоминалъ съ восторгомъ о подвигахъ Кутузова, Барклая и другихъ военачальниковъ этой достопамятной эпохи.

Чрезъ нѣсколько дней я былъ представленъ двумъ роднымъ теткамъ моей невѣсты, пожилымъ дѣвицамъ, княжнамъ Анастасіи Сергѣевнѣ и Еленѣ Сергѣевнѣ Волконскимъ, жившимъ постоянно въ селѣ своемъ Изъяловѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Липицъ. При нихъ жилъ и занимался хозяйствомъ племянникъ, сынъ родной сестры ихъ Александры Сергѣевны, Петръ Алексѣевичъ Яновъ и сестра его, очень милая дѣвица Анна Алексѣевна. Мы, т. е. княгиня съ дочерьми и я, гостили въ Изъяловѣ нѣсколько дней. Тамъ я вполнѣ ознакомился съ симпатическими личностями обѣихъ тетушекъ; старшая изъ нихъ княжна Анастасія съ перваго взгляда казалась важною и строгою; младшая княжна Елена отличалась веселымъ нравомъ и добродушіемъ. Но обѣ онѣ были, такъ сказать, воплощенною добротою и неограниченною привязанностію къ роднымъ, особенно къ племянникамъ и племянницамъ.

Изъ числа сосѣдей не могу умолчать объ Иванѣ Исидоровичѣ Толмачевѣ, тогдашнемъ предводителѣ Мещовскаго дворянства. Онъ также воевалъ въ 1812 году, но не съ такимъ восхищеніемъ вспоминалъ о своихъ походахъ, какъ С. Н. Сорокинъ, хотя хвалился, что прогулялся два раза пѣшкомъ отъ Калуги до Парижа. Вообще, при несомнѣнныхъ достоинствахъ И. И. Толмачева, снискавшихъ ему уваженіе дворянъ не только Мещовскаго уѣзда, но и всей Калужской губерніи, онъ имѣлъ одинъ забавный недостатокъ—мелочную хвастливость. Такъ иногда онъ принимался разсказывать: «у Ивана Исидоровича все есть; есть и кареты, и лошади, и серебро, и табакерки золотыя» и проч. Онъ велъ счетъ знакомыхъ ему генераловъ, князей и графовъ; такъ, при первомъ знакомствѣ, онъ объявилъ мнѣ, что я въ числѣ его знакомыхъ 11-й графъ. Впрочемъ эта небольшая странность не мѣшала ему быть честнымъ и благонамѣреннымъ человѣкомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Калужское дворянство выбрало его, почти единогласно, въ должность предсѣдателя Палаты Гражданскаго Суда.

Въ концѣ Августа я возвратился въ Москву; вслѣдъ за мною въ Сентябрѣ возвратились Волконскіе, но свадьбу пришлось отложить еще на нѣсколько времени, потому что отдѣлка моего дома не была еще окончена. Мать моя хотѣла нанять себѣ квартиру, чтобы очистить весь домъ для новобрачныхъ; но мнѣ удалось уговорить ее переселиться въ антресоли, гдѣ было пять комнатъ, повидимому очень удобныхъ.

За нѣсколько дней до свадьбы, я поѣхалъ къ приснопамятному митрополиту Филарету, чтобы испросить у него благословенія. Когда я разсказалъ ему о причинѣ моего пріѣзда, владыка спросилъ: «развѣ есть какое препятствіе или родство?» Я отвѣчалъ, что ни того, ни другаго нѣтъ, но что я прошу архипастырскаго благословенія, видя въ немъ залогъ благословенія Божія. «Въ такомъ случаѣ потрудитесь пріѣхать послѣ завтра утромъ». Въ назначенное время я явился и засталъ митрополита больнымъ. Онъ принялъ меня въ спальнѣ и благословилъ иконою Спасителя. «Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе по вѣрѣ вашей», сказалъ онъ мнѣ. «Когда бракъ вашъ совершится, прошу познакомить меня съ вашей супругой».

Наконецъ наступилъ давно и нетерпѣливо ожидаемый мною день. Бракъ нашъ совершился 23 Октября, въ Понедѣльникъ вечеромъ, въ церкви Св. Іоанна Предтечи, что̀ за Прѣснею. Посаженымъ отцемъ моимъ былъ дядя графъ Петръ Степановичъ, а посаженою матерью моя почтенная и благодѣтельная начальница, Ольга Николаевна Талызина. Два двоюродныхъ брата, графъ Василій Толстой, сынъ дяди, и Николай Сумароковъ были у меня шаферами.

Въ числѣ гостей находились съ моей стороны: тетушка графиня Елисавета Васильевна, Е. Б. Маслова, двоюродная сестра моя Марья Александровна Колемина съ мужемъ, генералъ-адъютантъ С. П. Шиповъ, С. А. Масловъ, Д. Н. Палажченко, А. А. Ковальскій и А. П. Ивановъ. Посаженымъ отцомъ невѣсты былъ отставной генералъ-маіоръ А. И. Бистромъ, а посаженою матерью сестра ея А. П. Грязева. Къ свадьбѣ пріѣхали изъ Петербурга братья невѣсты князья Николай, Сергій и Дмитрій Волконскіе; они были шаферами у сестры. Гостями со стороны невѣсты, кромѣ матери и младшей сестры ея, были: Варвара Сергѣевна Бистромъ, Анна Петровна Павлова съ сыномъ и дочерью, двѣ старыя дѣвицы Павловы—Александра Ивановна и Настасія Ивановна (первая изъ нихъ была крестною матерью невѣсты), двоюродный дядя невѣсты Петръ Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ и старая Француженка мамзель Ніэль, жившая долго, въ качествѣ компаніонки, въ домѣ Волконскихъ. Родной дядя невѣсты Н. П. Новиковъ, приглашенный въ званіе посаженаго отца, и жена его, не были на свадьбѣ, потому что незадолго предъ тѣмъ умерла у нихъ дочь.

Прошу извиненія у читателей въ такомъ подробномъ изложеніи всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ моей свадьбѣ; но я не могъ удержаться, чтобы не разсказать всего, что только могъ упомнить. Пусть всѣ эти мелочныя подробности счастливѣйшаго въ моей жизни событія сохранятся для дѣтей и потомковъ нашихъ.

Выше упомянулъ я о дѣвицахъ Павловыхъ, дальнихъ родственницахъ покойнаго отца жены моей. Изъ числа пяти сестеръ я засталъ только двухъ, бывшихъ на нашей свадьбѣ. Прежде, когда всѣ онѣ были живы, онѣ часто ѣзжали къ митрополиту Филарету. Тамъ встрѣтилъ ихъ однажды А. Н. Муравьевъ и спросилъ владыку: гдѣ вы ихъ откопали? «Мнѣ достались онѣ по наслѣдству отъ митрополита Платона. Кажется, онѣ принадлежатъ къ Московской іерархіи». Въ одномъ изъ посѣщеній Павловыхъ въ полномъ ихъ комплектѣ, онѣ стали выражать митрополиту свое сожалѣніе о томъ, что не слыхали проповѣди, произнесенной имъ наканунѣ. «Какъ же намъ не жалѣть, что не слыхали вашего слова: вѣдь вы нашъ Златоустъ».—«Кто прислалъ васъ искушать меня? Знаете ли вы, кто былъ Златоустъ и какъ онъ писалъ? Вотъ я прочту вамъ, а вы послушайте». И тутъ же, взявъ книгу, лежавшую на столѣ, онъ сталъ читать одну изъ бесѣдъ Златоуста: гостьи, любившія поговорить, принуждены были молчать и слушать. Впрочемъ изъ двухъ оставшихся Павловыхъ, одна только младшая, Настасія Ивановна, была сильно привязана къ митрополиту Филарету. Старшая Александра Ивановна предпочитала ему своего духовника, протоіерея С. Г. Терновскаго. Она пережила всѣхъ сестеръ своихъ и

скончалась на 97-мъ году отъ рожденія. У дѣвицъ Павловыхъ было два брата, умершіе прежде моего знакомства съ Волконскими: одинъ изъ нихъ Николай Ивановичъ былъ женатъ на вдовѣ Аннѣ Петровнѣ Ваксель. Сынъ его Николай Николаевичъ, бывшій на нашей свадьбѣ съ матерью, въ послѣдствіи управлялъ Московскою Палатою Государственныхъ Имуществъ и принималъ дѣятельное участіе въ комитетахъ по освобожденію крестьянъ. Другой братъ Дмитрій Ивановичъ, гофмейстеръ, оставилъ по себѣ одну только дочь Прасковью Дмитріевну, бывшую въ супружествѣ съ роднымъ дядею моимъ, графомъ Андреемъ Степановичемъ.

Каждое время имѣетъ свои обычаи. Въ мое время свадьбы отправлялись преимущественно въ вечернее время и оканчивались ужиномъ для всѣхъ гостей. Такова была наша свадьба. Нѣсколько позднѣе ограничили угощеніе однимъ шампанскимъ, шоколадомъ и десертомъ; ужина уже не было, и гостямъ случалось при выходѣ наслаждаться однимъ только запахомъ жаркаго и другихъ кушаньевъ, приготовленныхъ для новобрачныхъ. Теперь появился опять новый обычай: свадьбы вѣнчаютъ поутру; затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, послѣ котораго молодые спѣшатъ уѣхать по желѣзной дорогѣ за границу или въ деревню, чтобы провести тамъ такъ называемый медовый мѣсяцъ.

Нынѣшній обычай имѣетъ то преимущество передъ прежними, что избавляетъ молодую чету отъ скучнѣйшей обязанности дѣлать визиты всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Намъ пришлось испытать всю тоску этой истинно - китайской церемоніи. Почти двѣ недѣли мы проводили каждое утро въ разъѣздахъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, я привезъ молодую жену мою къ митрополиту Филарету. Онъ принялъ насъ очень внимательно и сказалъ ей: «Я давно знаю графа и прошу васъ, успокоивайте его. Помните слова апостола: «яко Сарра почиташе Авраама, господина того зовущи».

Зима 1850 — 51 года была богата балами и другими увеселеніями. Особенно замѣтны были три бала: одинъ у М. А. Столыпиной, другой у графини Н. А. Орловой-Денисовой, третій у генералъ-губернатора графа Закревскаго. Второй изъ этихъ баловъ, костюмированный, остался памятнымъ по великолѣпнымъ нарядамъ двухъ кадрилей. Одна изъ нихъ представляла шествіе Англійской королевы Елисаветы съ ея дворомъ; королева (сама хозяйка) шла подъ руку съ графомъ Лейчестеромъ (князь Владиміръ Четвертинскій); за ними слѣдовали дамы, кавалеры и пажи. Другая кадриль была еще замѣчательнѣе; въ ней олицетворялись всѣ области и города Россіи, составляющіе полный императорскій титулъ. Впереди всѣхъ выступалъ сѣдовласый старецъ Кіевъ

въ пышномъ боярскомъ нарядѣ, ведя подъ руку молодую женщину въ сарафанѣ изъ серебристой ткани, осыпанномъ драгоцѣнными камнями. Во второй парѣ шелъ также бояринъ, но менѣе старый (графъ Ростопчинъ); онъ изображалъ собою Москву. Казанская пара была наряжена въ Татарскомъ вкусѣ. Сибирскіе дикари разныхъ племенъ шли подъ начальствомъ Ермака, котораго представлялъ Дашковъ, колоссальнаго роста, покрытый съ головы до ногъ стальными доспѣхами. Самая изящная пара (князь Сер. Александр. Оболенскій съ красавицей княгиней Н.Б. Шаховской) представляла собою Польшу. Въ продолженіе бала они вдвоемъ превосходно танцовали краковякъ и мазурку. Множества остальныхъ не могу теперь припомнить. Молодая жена моя была въ Венгерскомъ костюмѣ изъ розоваго атласа, опушенномъ лебяжьемъ пухомъ. Въ видѣ застежекъ на жупанѣ были фермуары изъ брилліантовъ съ изумрудами; на головѣ уланскій киверъ съ брилліантовою ниткою, о которой упоминалъ я прежде.

Обѣ костюмированныя кадрили были повторены позднѣе въ залѣ Благороднаго Собранія, въ присутствіи императора Николая Павловича. На этотъ разъ были прибавлены мальчики въ Русскихъ костюмахъ; каждый изъ нихъ несъ гербъ какой-либо области или города на длинномъ древкѣ, предшествуя парѣ соотвѣтствующей этому гербу. Всѣхъ этихъ мальчиковъ, выбранныхъ изъ лучшихъ Московскихъ фамилій, Государь пожаловалъ пажами.

Въ туже зиму очень удачна была томбола въ пользу школъ Московскаго Благотворительнаго Общества. Однимъ изъ столовъ, назначенныхъ для аллегри, завѣдывала жена моя съ такимъ успѣхомъ, что билеты почти всѣ были разобраны. Одинъ Армянинъ такъ заглядѣлся на нее, что взялъ сряду до пятидесяти билетовъ.

Я думалъ, что блестящія увеселенія этой зимы вскружатъ голову молодой женщинѣ и надолго увлекутъ ее въ вихрь суеты большаго свѣта. Вышло совсѣмъ напротивъ: жена моя совсѣмъ разлюбила свѣтскія удовольствія, и съ того времени уже не появлялась въ свѣтѣ, посвятивъ себя тихой семейной жизни, въ кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ.

Въ Маѣ 1851 г., по обѣщанію жены моей, мы съ нею и съ младшею сестрою ея пошли пѣшкомъ на богомолье къ Троицѣ. Онѣ обѣ шли очень легко, а я, по непривычкѣ къ пѣшеходству, еще на половинѣ пути натёръ себѣ ноги и остальную часть дороги проѣхалъ въ каретѣ, которая слѣдовала за нами. Въ посадѣ мы обѣдали у моего благодѣтельнаго наставника Ѳ. А. Голубинскаго. Онъ еще прежде, на святкахъ, познакомился съ моею женою, восхищался ея голосомъ и вторилъ ей своимъ густымъ басомъ, когда она пѣла подъ фортепіано,

ирмосы великаго канона: «помощникъ и покровитель» и проч. По возвращеніи въ Москву мы собрались съѣздить въ мое Орловское имѣніе, въ которомъ я много лѣтъ сряду не бывалъ, и оттуда заѣхали къ тещѣ въ село Липицы. Еще прежде этой поѣздки мы проводили мать мою, которая, не смотря на наши просьбы, переселилась въ наёмную квартиру на Плющихѣ. Она увѣряла, что въ верхнихъ комнатахъ моего дома ей было душно, а жить въ нижнемъ этажѣ, предоставивъ намъ комнаты въ антресоляхъ, она не хотѣла, чтобы не стѣснять насъ.

Мы благополучно съѣздили въ Орловскую и Калужскую губерніи, распорядились хозяйствомъ какъ въ моемъ имѣніи, такъ и въ новомъ имѣніи жены моей, селѣ Горномъ, Мещовскаго уѣзда. Въ Липицахъ и въ Изъяловѣ у милыхъ тетушекъ-княженъ мы очень пріятно провели время, но не дождались свадьбы П. А. Янова, женившагося на Е. А. Пироцкой. Вмѣстѣ съ нами гостили также и наши Грязевы съ маленькой дочкой Сашей, которой не было еще двухъ лѣтъ.

Къ имянинамъ матери моей (26 Іюля) мы воротились въ Москву. Лиза моя оказалась въ первый разъ беременною. Замѣчая, что наши расходы, при отдѣльномъ отъ матери хозяйствѣ, были несоразмѣрны съ доходами, я рѣшился, по примѣру жены моей, отстать отъ большаго свѣта. Но для этого нужно было оставить службу при Московскомъ Благотворительномъ Обществѣ, потому что по должности правителя дѣлъ я долженъ былъ находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ попечительницами школъ и слѣдовательно держаться въ томъ же кругу Московской аристократіи. Чтобы не разстроивать своего состоянія и что нибудь приберечь для будущихъ дѣтей, я въ Августѣ вышелъ въ отставку изъ Общества, предоставивъ свое мѣсто помощнику моему А. К. Нарышкину, женатому на старшей дочери нашей почтенной предсѣдательницы. Служба при Обществѣ Сельскаго Хозяйства менѣе стѣсняла меня въ финансовомъ отношеніи; я сохранилъ ее еще на нѣсколько лѣтъ.

Въ Декабрѣ того же года я схоронилъ моего двоюроднаго брата и искренняго друга Н. П. Сумарокова. Онъ прожилъ только 31 годъ. Съ благородствомъ души, свойственнымъ всему роду Сумароковыхъ, онъ соединялъ необыкновенную доброту сердца и сострадательность къ нуждающимся, всегда готовъ былъ помочь всякому, чѣмъ только могъ. Такъ онъ воспиталъ на свой счетъ бѣднаго мальчика Ветлицкаго, который сдѣлался потомъ отличнымъ архитекторомъ и вполнѣ оправдалъ попеченія своего благодѣтеля. Необузданная пылкость нрава, любовь къ женщинамъ и неудачныя спекуляціи раззорили добраго моего брата; не смотря на атлетическое сложеніе, онъ скончался отъ скоро-

течной чахотки. Тѣло его погребено въ Даниловѣ монастырѣ, рядомъ съ могилою сестры.

Въ Февралѣ 1852 года жена моя въ первый разъ разрѣшилась отъ бремени дѣвочкою, которой дано имя Александры, въ честь моей тещи. Едва успѣли окрестить ее, при чемъ воспріемниками были больная мать моя и братъ князь Д. П. Волконскій. Наша дочка прожила только три дня.

За маленькой внучкой вскорѣ послѣдовала бабушка: мать моя скончалась 19 Іюля, послѣ тяжкой, многолѣтней болѣзни. Смерть ея, конечно, глубоко огорчила меня; но послѣднія страданія ея были такъ велики, что должно было радоваться за нее, видя, что она отъ нихъ избавилась. Тѣло ея погребено, согласно ея желанію, въ Андроньевомъ монастырѣ, въ одной могилѣ съ вторымъ ея мужемъ. За нѣсколько дней до смерти, она приказала мнѣ отдать сестрѣ лучшую и бо́льшую часть оставшагося послѣ нея наслѣдства—Ярославское имѣніе. Хотя распоряженіе матери было словесное и передано мнѣ безъ свидѣтелей, я счелъ долгомъ совѣсти исполнить послѣднюю ея волю.

Прошло около года, и 2 Іюня 1853 года мы были утѣшены рожденіемъ сына. Проведя лучшіе годы моей жизни подъ кровомъ преп. Сергія и считая сего великаго заступника земли Русской лично моимъ покровителемъ, я далъ его имя новорожденному. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ зависящіе отъ насъ люди приняли участіе въ нашей семейной радости: во всѣхъ нашихъ имѣніяхъ были отслужены благодарственныя молебствія, крестьяне угощены обѣдомъ съ виномъ и пивомъ, дворовые люди получили денежное награжденіе. Эти празднества стоили намъ болѣе 500 рубл. асс.

Когда младенцу минуло 6 недѣль, мы возили его въ Лавру. Во время служенія молебна Преп. Сергію, я приложилъ своего Сережу къ св. мощамъ его и затѣмъ опустилъ младенца въ раку. Монахи вознегодовали, требовали, чтобы я вынулъ младенца изъ раки; но я нарочно поспорилъ съ ними нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ младенецъ мой пробылъ какъ бы въ объятіяхъ небеснаго своего заступника. Въ это время митрополитъ Филаретъ жилъ въ своемъ Геѳсиманскомъ скиту; онъ благословилъ моего малютку иконою преп. Сергія.

Во время родовъ жены моей я сильно боялся за нее, молился предъ стоявшимъ въ моемъ кабинетѣ образомъ, точнымъ спискомъ съ чудотворной Ѳеодоровской иконы Божіей Матери и далъ обѣщаніе съѣздить въ Кострому для поклоненія сказанной иконѣ. Въ великій постъ 1854 г. я исполнилъ это обѣщаніе, былъ въ Костромѣ и прогостилъ нѣсколько дней въ Красномъ у двоюроднаго моего брата Сергѣя П. Су-

марокова. Онъ былъ уже женатъ на дочери генерала Мягкова, Екатеринѣ Васильевнѣ.

Въ слѣдующее лѣто (23 Іюля 1854 г.) родился у насъ второй сынъ, названный въ честь покойнаго отца жены моей, Петромъ. Въ это время гвардія была въ походѣ, и ни одного изъ братьевъ жены моей не было въ Москвѣ; а потому воспріемникомъ былъ С. А. Масловъ, а воспріемницей всѣхъ дѣтей нашихъ была бабушка ихъ, княгиня Александра Петровна. На крестинахъ Пети я видѣлъ въ послѣдній разъ моего незабвеннаго наставника Ѳ. А. Голубинскаго; онъ благословилъ новорожденнаго небольшимъ образомъ св. Петра митрополита. Въ это время Ѳ. А., сильно пораженный потерею двухъ сыновей, чувствовалъ ослабленіе тѣлесныхъ силъ и пожелалъ успокоиться послѣ многолѣтнихъ трудовъ. Онъ подалъ уже прошеніе объ отставкѣ и собирался съѣздить въ Кострому, чтобы въ послѣдній разъ побывать на родинѣ, поклониться могиламъ родителей и повидаться съ оставшимися тамъ родными.

Между тѣмъ мы, когда жена моя оправилась послѣ родовъ, переѣхали мѣсяца на два въ Каменки, гдѣ послѣ того проводили каждое лѣто. Тамъ ожидалъ я посѣщенія Ѳ. А. Голубинскаго по возвращеніи его изъ Костромы. Но ему не суждено было возвратиться съ родины; скоротечный припадокъ холеры пресѣкъ эту драгоцѣнную и общеполезную жизнь (22 Августа 1854 г.). Въ послѣднія минуты предъ кончиною, незабвенный мой наставникъ сказалъ священнику, который напутствовалъ его таинствами исповѣди, причащенія и елеосвященія: «теперь я вижу истинный свѣтъ». Это были послѣднія слова знаменитаго философа-христіанина: переходя въ вѣчную жизнь, онъ ясно увидѣлъ то, чему вѣровалъ и чего искалъ въ земной своей жизни. Преосв. Филоѳей, епиcк. Костромскій (нынѣ митрополитъ Кіевскій), одинъ изъ лучшихъ учениковъ покойнаго, совершилъ отпѣваніе тѣла его въ каѳедральномъ соборѣ, почтилъ прахъ наставника своего земнымъ поклономъ и проводилъ гробъ до могилы, приготовленной у Богословской церкви въ Ипатьевской слободѣ, рядомъ съ могилами родителей почившаго.

Послѣ кончины незабвеннаго моего наставника, я сохранилъ знакомство съ нѣкоторыми изъ почтенныхъ наставниковъ Академіи. Къ маститому отцу-протоіерею П. С. Делицыну я всегда обращался съ своими сочиненіями, какъ къ цензору весьма снисходительному; онъ не вымаралъ у меня ни одной строки, и если дѣлалъ примѣчанія, то не иначе какъ карандашемъ на поляхъ, предоставляя мнѣ согласиться съ ними или нѣтъ, по моему усмотрѣнію. Но всѣ эти примѣчанія были такъ дѣльны, что я съ благодарностію ими пользовался. Когда П. С.

скончался (въ концѣ Октября 1863 года), я нашелъ также весьма милостиваго цензора въ сынѣ покойнаго моего пріятеля и крестникѣ моей матери Ф. А. Сергіевскомъ. Съ 1854 года началось мое знакомство съ профессорами Академіи П. С. Казанскимъ и С. К. Смирновымъ; они оба, вмѣстѣ съ Ф. А. Сергіевскимъ, неоднократно гостили у меня въ Каменкахъ.

Во время Крымской войны, во всѣхъ губернскихъ городахъ были собранія дворянства для выбора начальниковъ и офицеровъ въ ополченіе. Въ Москвѣ поступилъ въ ополченіе мужъ моей свояченицы А. К. Грязевъ, переименованный изъ ротмистровъ въ капитаны. Онъ служилъ прежде въ гусарскомъ полку, гдѣ не перевелись еще старые гусары «собутыльники сѣдые», по выраженію партизана Давыдова. У нихъ еще съ ранней молодости научился Грязевъ гусарскому разгулу. Весьма добродушный, страстно любившій жену, отличный и добрый родственникъ для всѣхъ родныхъ, онъ сильно разстроилъ свое здоровье и во время вторичнаго поступленія на службу едва владѣлъ ногами. Ему поручена была первая рота Дмитровской дружины, стоявшая въ своемъ уѣздномъ городѣ. Оттуда пріѣзжалъ онъ къ намъ въ Каменки на храмовой праздникъ (8 Іюля); тогда же была у насъ, кромѣ сосѣдей, еще одна Московская гостья Н. И. Павлова, которую мы привезли отъ Троицы послѣ праздника преподобнаго Сергія.

Вскорѣ послѣ того всѣ дружины Московскаго ополченія, подъ предводительствомъ графа С. Г. Строгонова, выступили въ походъ. Съ Грязевымъ на пути сдѣлался параличъ обѣихъ ногъ, и онъ умеръ не доходя до Одессы, осенью 1855 года.

Говоря о смерти Грязева, я зашелъ нѣсколько впередъ и теперь долженъ возвратиться къ 1854 году и сказать нѣсколько словъ о женитьбѣ старшаго брата жены моей, князя Н. П. Волконскаго. Еще за годъ до того мы (т. е. жена моя и я) на вечерѣ у старухи С. П. Заборовской увидѣли очень молоденькую и хорошенькую дѣвицу, почти дѣвочку. Это была дочь Н. А. Кравкова, очень умнаго и дѣльнаго старика, Калужскаго помѣщика. Мать ея, съ которою она пріѣхала на вечеръ, была рожденная Языкова. Мы познакомились съ Кравковыми и указали брату Николаю Волконскому на прелестную невѣсту. Онъ съ своей стороны познакомился, посватался и получилъ согласіе. Но родители Марьи Николаевны, опасаясь, что женихъ долженъ будетъ пойти на войну, старались отложить свадьбу на нѣсколько времени. Бракъ совершился 1-го Ноября 1854 г., причемъ я былъ посаженымъ отцемъ жениха. На слѣдующее лѣто, когда былъ уже заключенъ миръ въ Парижѣ, я провелъ нѣсколько дней въ Петербургѣ, гостя у молодыхъ и любуясь на взаимную ихъ любовь. Въ это время князь Нико-

лай устроивалъ вновь конную артиллерійскую батарею, находившуюся въ его командѣ.

Начало 1856 года было ознаменовано для насъ рожденіемъ (30 Января) третьяго сына—Владимира. Крестнымъ отцемъ его былъ князь Дмитрій Волконскій, а въ числѣ гостей на крестинахъ была тетка моя М. С. Толстая, въ послѣдній разъ пріѣзжавшая въ Москву. Радуясь рожденію Володи, мы не могли тогда предчувствовать, что новорожденный младенецъ будетъ для насъ предметомъ утѣшенія и тяжкаго горя.

Съ прекращеніемъ войны начались приготовленія къ коронаціи Государя Императора Александра II-го. Въ Москвѣ были наняты домà для иностранныхъ посольствъ: у Тверскихъ воротъ домъ Римскаго-Корсакова былъ приготовленъ для Французскаго посла графа Морни, который успѣлъ пріѣхать въ Петербургъ ранѣе прочихъ пословъ и потому занималъ первое мѣсто въ собравшемся дипломатическомъ корпусѣ. Къ нанятому дому онъ пристроилъ со стороны двора обширную и очень красивую залу для танцевъ. Австрійско-Венгерскій посолъ князь Эстергази помѣстился на Пречистенкѣ, въ домѣ Толмачева, къ которому также присоединилъ новую залу, построенную въ саду и соединенную съ домомъ крытою галлереею. Домъ графини Граціани, также на Пречистенкѣ, былъ занятъ Англійскимъ посломъ лордомъ Гренвилемъ и здѣсь также была особая пристройка для танцевъ. Турецкое посольство помѣстилось въ чьёмъ-то домѣ на Покровкѣ. По обычаю дворъ и всѣ лица обоего пола, имѣющіе пріѣздъ ко двору, представлялись иностраннымъ посламъ по особымъ повѣсткамъ, разсылаемымъ временною конторою церемоніи отъ имени каждаго посла.

За недѣлю до коронаціи (19 Августа) былъ торжественный въѣздъ Государя въ Москву. Онъ ѣхалъ изъ Петровскаго дворца верхомъ на бѣломъ конѣ, въ сопровожденіи великихъ князей, иностранныхъ принцевъ, многочисленной свиты и конвоя. Государыня Императрица Марія Александровна ѣхала въ золоченой каретѣ, въ восемь лошадей, съ двумя старшими сыновьями, цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и В. К. Александромъ Александровичемъ. Карета вдовствующей императрицы Александры Өеодоровны была также въ восемь лошадей, съ короной наверху. Въ слѣдующихъ золоченныхъ каретахъ, каждая въ шесть лошадей, ѣхали великія княгини, придворныя дамы и члены Государственнаго Совѣта. У заставы встрѣчалъ Государя генералъ-губернаторъ; у Тверскихъ воротъ—городской голова съ хлѣбомъ и солью; у нарочно выстроеннаго павильйона близъ Иверской часовни — губернскій предводитель съ дворянами. Въ Кремлѣ, у дверей Успенскаго собора, Государь былъ встрѣченъ членами Св. Сѵнода съ знатнѣйшимъ духовенствомъ. Я не участвовалъ въ поѣздѣ, потому что ка-

мергеры и камеръ-юнкеры ѣхали верхомъ, а я никогда не отличался искусствомъ въ верховой ѣздѣ. Вмѣстѣ съ женою, матерью ея и сестрами я смотрѣлъ на въѣздъ изъ квартиры А. И. Бистрома на Тверской улицѣ.

Хотя я уже видѣлъ отчасти обряды коронаціи въ 1826 году, но, желая лучше разсмотрѣть все, что̀ будетъ совершаться въ Успенскомъ соборѣ, я заранѣе выхлопоталъ себѣ назначеніе въ число ассистентовъ при императорскихъ регаліяхъ. Регаліи (двѣ короны для Императора и Императрицы, двѣ порфиры, скипетръ и держава) были несены знатнѣйшими сановниками государства на глазетовыхъ подушкахъ. Во время богослуженія эти подушки лежали на особомъ столѣ, поставленномъ на площадкѣ трона, а сзади стола помѣстились придворные чины, прикомандированные къ регаліямъ. Такимъ образомъ, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Государя, я могъ видѣть всѣ подробности священнаго обряда. Шествіе изъ большаго Кремлевскаго дворца открывали придворные чины по два въ рядъ, предшествуя императрицѣ-матери, которая шла въ коронѣ и порфирѣ. За нею слѣдовали великія княгини, иностранныя принцессы и придворныя дамы. Нѣсколько минутъ спустя, открылось другое, еще болѣе великолѣпное шествіе. Вслѣдъ за главнымъ священникомъ арміи и флотовъ, окроплявшимъ царскій путь св. водою, тянулся длинный рядъ представителей разныхъ учрежденій. Тутъ были губернскіе предводители дворянства, городскіе головы знатнѣйшихъ городовъ, сенаторы и члены Государственнаго Совѣта. Наконецъ, въ предшествіи императорскихъ регалій, появился на Красномъ крыльцѣ Государь Императоръ съ августѣйшею супругою подъ балдахиномъ, сопровождаемый многочисленною свитою. Въ служеніи первенствовалъ маститый Московскій митрополитъ Филаретъ; изъ числа сослужащихъ архіереевъ могу припомнить: митрополитовъ Новгородскаго Никанора и Литовскаго Іосифа, архіепископовъ: Казанскаго Григорія (получившаго въ этотъ день бѣлый клобукъ), Нила Ярославскаго, знаменитаго проповѣдника Иннокентія Херсонскаго, Василія Полоцкаго, Арсенія Варшавскаго и Ѳеодотія Симбирскаго; епископовъ: Костромскаго Филоѳея и Дмитровскаго, викарія Московскаго, Алексія. Сверхъ того были Греческіе владыки: Василій, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской и два епископа, которыхъ именъ и епархій я не упомню, множество архимандритовъ и протоіереевъ, съѣхавшихся изъ всѣхъ краевъ Россіи. Въ числѣ обрядовъ коронаціи я замѣтилъ перемѣну сравнительно съ коронаціей императора Николая І-го: при чтеніи молитвы предъ возложеніемъ порфиры и короны, Государь низко наклонилъ голову, которую Филаретъ покрылъ концемъ омофора. Этого не было при коронаціи Николая Павловича. Затѣмъ, когда тотъ же митрополитъ подавалъ Государю корону, скипетръ и державу на подушкахъ,

онъ каждый разъ цѣловалъ руку Монарха, принимавшаго знаки царской власти и низко кланялся, касаясь рукою до земли. Особенно поразительно было причащеніе Императора; я видѣлъ его очень близко, сошедши заранѣе, по задней лѣстницѣ, съ площадки трона и взойдя въ правое предалтаріе. Боговѣнчанный Самодержецъ, принявъ Св. Мѵропомазаніе, къ которому приглашали его два архіепископа (Григорій и Нилъ), вошелъ въ алтарь царскими вратами. Здѣсь два епископа должны были, согласно церемоніалу, держать длинный конецъ императорской порфиры; но Государь не допустилъ этого, и епископы были замѣнены митрополичьими иподіаконами. Послѣ троекратнаго земнаго поклона предъ престоломъ и обыкновенныхъ молитвъ, предшествующихъ причащенію («Вѣрую Господи, и проч.»), Государь принялъ на руку отъ первенствующаго митрополита часть Тѣла Христова съ дискоса, при чемъ Филаретъ говорилъ: «честнаго и животворящаго Тѣла Христова причащается боговѣнчанный и помазанный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную». Подобныя же слова произнесъ онъ, преподавая Государю Кровь Христову изъ золотаго потира, украшеннаго брилліантами и внесеннаго въ Успенскій соборъ Екатериною II при заключеніи мира съ Турціей.

Причастившись Св. Таинъ, Государь долженъ былъ принять отъ назначенныхъ архіереевъ омовеніе устъ, антидоръ и теплоту; но вмѣсто того онъ отошелъ на лѣвую сторону престола, преклонилъ колѣна и горячо молился. Слезы текли по щекамъ благочестивѣйшаго Царя. Можетъ быть, въ эту священную минуту онъ предчувствовалъ всѣ трудности, всѣ опасности предстоявшаго ему державнаго подвига. Между тѣмъ былъ сдѣланъ выходъ со Св. Дарами, и митрополитъ причастилъ лжицею Государыню Императрицу, принявшую Св. Мѵропомазаніе вслѣдъ за августѣйшимъ супругомъ. Затѣмъ Св. Дары были отпущены обыкновеннымъ порядкомъ на жертвенникъ, и прочтена послѣдняя эктенія. Тогда Государь, окончивъ молитву свою, всталъ и принялъ подносимое ему архіереями. Митрополитъ, обратясь къ нему и указывая на царскія врата, произнесъ: «Съ миромъ изыдемъ». Государь изъ алтаря вышелъ царскими вратами и возвратился на тронъ.

Обѣденный столъ для Государя, съ двумя Императрицами, былъ приготовленъ въ Грановитой Палатѣ на тронѣ. Они кушали въ коронахъ и порфирахъ. Блюда съ кушаньями носили Андреевскіе кавалеры. У трона стояли на часахъ капитанъ Преображенскаго полка и ротмистръ конной гвардіи. Кромѣ царскаго стола въ палатѣ было еще два: одинъ для иностранныхъ пословъ и посланниковъ, а другой, противъ трона, для знатнѣйшаго духовенства. Архіереи, какъ Русскіе, такъ и Греческіе, сидѣли за обѣдомъ въ мантіяхъ. Изъ числа послѣднихъ от-

личился во время стола Василій, архіепископъ Кесарійскій: онъ такъ горько плакалъ, что Государь, обративъ вниманіе на его слезы, приказалъ спросить его о причинѣ плача. «Плачу отъ радости», отвѣчалъ ловкій Грекъ, «видя торжество Русскаго царя; плачу отъ горести, что мы, православные жители Малой Азіи, страждемъ подъ игомъ Агарянскимъ». За этотъ отвѣтъ онъ получилъ прекрасную панагію, украшенную драгоцѣнными камнями. Для всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, были накрыты столы во Владимирской залѣ и въ галлереяхъ, пристроенныхъ на дворѣ, вокругъ церкви Спаса на Бору. Обѣдъ былъ поданъ на 600 человѣкъ, по окончаніи царской трапезы.

Вечеромъ въ день коронаціи и еще два вечера сряду въ Москвѣ была великолѣпная иллюминація. Кремлевскія стѣны и башни и церковь Василія Блаженнаго освѣщались огнями, расположенными по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ этихъ зданій. Особеннымъ изяществомъ отличалась иллюминація домовъ, занимаемыхъ Французскимъ и Австрійскимъ посольствами.

На другой день послѣ коронаціи начались и нѣсколько дней сряду продолжались представленія разныхъ учрежденій и сословій Государю и Государынѣ въ Андреевской залѣ большаго Кремлевскаго дворца. Прежде всѣхъ представлялись члены Св. Синода, архіереи и вообще знатнѣйшее православное духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое, при чемъ первое было въ мантіяхъ, а послѣднее въ рясахъ. Митрополиты и нѣкоторые изъ архіереевъ поднесли иконы, а митрополитъ Новгородскій Никаноръ произнесъ привѣтственную рѣчь. Послѣ православнаго духовенства явились Армянское и Римско-католическое, то и другое въ полномъ богослужебномъ облаченіи; затѣмъ лютеранскіе пасторы, Еврейскіе раввины и магометанскіе муфтіи съ муллами. Въ тоже утро всѣ иностранныя посольства принесли поздравленіе августѣйшимъ виновникамъ торжества; старшій изъ пословъ, графъ Морни, сказалъ рѣчь.

Въ послѣдующіе затѣмъ дни представлялись: Государственный Совѣтъ, Сенатъ, военные генералы и штабъ-офицеры, представители дворянства и купечества и, наконецъ, дамы. Отъ дворянства многихъ губерній и отъ многихъ городовъ подносили хлѣбъ-соль на золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ. Особеннымъ великолѣпіемъ отличалось золотое блюдо, украшенное четырьмя огромными изумрудами и поднесенное отъ города Астрахани, а необыкновеннымъ изяществомъ—большое серебряное блюдо, поднесенное Донскими казаками. На срединѣ этого блюда представлено было назначеніе Цесаревича Александра Николаевича (тогда еще отрока) атаманомъ казачьихъ войскъ, а вокругъ выставлены въ лавровыхъ вѣнкахъ годы и мѣстности сраженій, въ которыхъ уча-

ствовало Донское войско. На огромномъ караваѣ ржанаго хлѣба, положеннаго на это блюдо, красовалась золотая солонка, въ видѣ походнаго котелка, привѣшеннаго на трехъ копьяхъ.

Нельзя не вспомнить баловъ, послѣдовавшихъ за торжествомъ коронаціи. Во дворцѣ было два бала: одинъ въ Грановитой Палатѣ, а другой въ Александровской залѣ. Первый изъ нихъ былъ чисто парадный, ограничивался только польскими и кончился очень рано, безъ ужина. Второй былъ очень оживленъ, продолжался долго и заключенъ былъ великолѣпнымъ ужиномъ.

Балъ у лорда Гренвиля казался скуднымъ, сравнительно съ балами у другихъ пословъ. Танцы происходили въ галлереѣ, обтянутой бѣлымъ коленкоромъ съ полосами краснаго кумача; полъ былъ покрытъ клеенкой. Благородный лордъ привезъ эту галлерею, или лучше сказать палатку, въ полномъ ея устройствѣ изъ Англіи, вѣроятно полагая, что въ дикой Московіи не съумѣютъ устроить такой прекрасной вещи. На чайномъ буфетѣ красовались огромныя груды холодной говядины, баранины, ветчины и вареныхъ раковъ, чтò для насъ Русскихъ казалось довольно страннымъ. Ужина вовсе не было.

Князь Эстергази и графъ Морни какъ будто бы состязались, чтобы превзойти другъ друга въ роскоши своихъ баловъ. За нѣсколько дней до коронаціи была привезена въ Москву и объявлена въ газетахъ, какъ необыкновенная рѣдкость, стерлядь длиною въ полтора аршина. Австрійскій посолъ купилъ ее, какъ говорили тогда, за 500 рублей и вообще скупилъ всѣхъ стерлядей и осетровъ, сколько можно было достать къ дню его бала. Пристроенная къ дому Толмачева досчатая зала была обтянута бѣлою шерстяною матеріею съ драпировкой изъ алаго атласа и паркетнымъ поломъ. Въ сѣняхъ были разставлены гусары собственной гвардіи князя Эстергази, въ черныхъ бархатныхъ венгеркахъ, вышитыхъ золотомъ. Угощеніе отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ; въ залѣ бель-этажа столъ для ужина высочайшихъ особъ и знатнѣйшихъ гостей былъ сервированъ на 50 персонъ на золотой посудѣ и покрытъ множествомъ кубковъ, чашъ и бокаловъ изъ золота и серебра, работы древнихъ художниковъ. Въ числѣ этой посуды отличалась изяществомъ золотая чаша, работы Бенвенуто-Челлини, поставленная передъ приборомъ Государя. Ужинъ для прочихъ гостей (болѣе 500 человѣкъ) подавали въ танцовальной залѣ; стерледей достало для всѣхъ. Старое Венгерское изъ собственныхъ погребовъ князя лилось рѣкою.

Балъ графа Морни былъ почти также блистателенъ, какъ и Австрійскій. Особенно красива была танцовальная зала, нарочно построенная Французскимъ архитекторомъ Буле, прибывшимъ въ Москву вмѣ-

стѣ съ посольствомъ. Тропическихъ растеній и цвѣтовъ было очень много, и въ этомъ отношеніи посолъ Французскаго императора перещеголялъ князя Эстергази, скупивъ предварительно все, что̀ можно было получить изъ Московскихъ и подмосковныхъ оранжерей. Въ ужинѣ, впрочемъ прекрасно приготовленномъ однимъ изъ знаменитыхъ Парижскихъ поваровъ, замѣтно было отсутствіе крупной рыбы, которая, какъ сказано выше, досталась вся Австрійскому послу. За то Шампанское лучшихъ сортовъ и старыя Французскія вина подавались гостямъ въ изобиліи.

Балъ, данный Московскимъ дворянствомъ въ залахъ Благороднаго Собранія, былъ очень многолюденъ. Въ немъ старались участвовать всѣ, не имѣвшіе доступа на придворные и посольскіе балы. Въ числѣ этихъ лицъ была и жена моя; она, избѣгая лишнихъ издержекъ, не хотѣла представляться ко Двору и потому не была нигдѣ, кромѣ дворянскаго бала. Ужинъ подавался для императорской фамиліи, дипломатическаго корпуса и знатнѣйшихъ гостей въ столовой залѣ, а для всѣхъ прочихъ въ верхнихъ залахъ, занимаемыхъ обыкновенно Нѣмецкимъ клубомъ. При угощеніи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ нельзя было требовать строгаго порядка; приходилось дожидаться и даже получать не то кушанье, какого кто спрашивалъ. Разъѣздъ изъ собранія былъ также довольно затруднителенъ.

Празднества по случаю коронаціи окончились народнымъ угощеніемъ на Ходынскомъ полѣ и фейерверкомъ передъ Лефортовскимъ дворцомъ (что̀ нынѣ военная гимназія).

Народный обѣдъ готовился задолго до назначеннаго дня, а потому бараны и быки, зажаренные въ цѣломъ видѣ и выставленные подъ красными попонами, отличались весьма непріятнымъ запахомъ. Нѣсколько большихъ фонтановъ били бѣлымъ и краснымъ виномъ.

Между столами стояли качели, балаганы съ паяцами и фокусниками. Было спущено нѣсколько небольшихъ воздушныхъ шаровъ. Приглашенные гости занимали мѣста въ нарочно построенныхъ галлереяхъ. Сигналомъ для начала угощенія долженъ былъ служить звонъ въ колокольчикъ, по пріѣздѣ Государя и Государыни со свитою. Но этотъ несчастный колокольчикъ нечаянно (а можетъ быть и нарочно) зазвонилъ преждевременно. Народъ, въ несмѣтномъ множествѣ, ринулся къ столамъ, и все приготовленное, даже и посуда, исчезло въ одно мгновеніе, такъ что августѣйшимъ хозяевамъ народнаго пиршества удалось увидѣть только картину народной свалки. Тутъ было нѣсколько забавныхъ приключеній. Такъ напр. двое мужиковъ, ухвативъ одного барана за хвостъ и за голову, тащили его каждый къ себѣ съ такою силою, что разорвали его пополамъ. Одинъ изъ любителей виноград-

наго вина, влѣзъ съ ногами въ резервуаръ фонтана и пилъ ртомъ вино, которое лилось на него сверху. Мы всѣ, сидѣвшіе въ галлереяхъ, отъ души смѣялись, смотря на подобныя похожденія.

Трудно и почти невозможно дать понятіе о блескѣ и великолѣпіи царскаго фейерверка, которымъ завѣдывали гвардейскіе артиллеристы. Я очень хорошо видѣлъ его съ верхняго балкона Лефортовскаго дворца. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ перемѣнъ. Прежде всего Государынѣ Императрицѣ поданъ былъ голубь; онъ полетѣлъ изъ рукъ Ея Величества впередъ и зажегъ корзину цвѣтовъ, которая загорѣлась разноцвѣтными огнями. Не стану исчислять букетовъ изъ нѣсколькихъ тысячъ ракетъ, съ разноцвѣтными звѣздами, и другихъ фигуръ фейерверка. Особенно замѣчательны были прозрачныя картины памятниковъ Минина и Пожарскаго въ Москвѣ и Сусанина въ Костромѣ. Въ заключеніе появился огромный щитъ съ вензелями августѣйшихъ виновниковъ торжества. Многочисленная военная музыка заиграла, и пѣсельники гвардейскихъ полковъ запѣли народный гимнъ. Эффектъ былъ чрезвычайный, хотя пушечные выстрѣлы, принаровленные въ видѣ басовъ къ гимну, раздавались не всегда своевременно.

Въ концѣ Сентября императорская фамилія, посѣтивъ Лавру Преп. Сергія, оставила Москву. Вслѣдъ за нею разъѣхались и всѣ пріѣзжіе, Русскіе и иностранцы. Мы провели зиму въ Москвѣ очень тихо, но на Страстной недѣлѣ я тяжко заболѣлъ. У меня открылся сильный ревматизмъ во всѣхъ членахъ, подагра поднялась кверху, и развивалась тифозная горячка. Словомъ, я былъ весьма близокъ, но, увы! вовсе не готовъ къ переходу въ вѣчную жизнь. Въ тяжкой болѣзни я сохранилъ память, хорошо понималъ свое положеніе; но у меня не было и мысли о покаяніи, о приготовленіи къ смерти. Только одна глубокая скорбь тяготила мою душу, скорбь о предстоящей разлукѣ съ женой и дѣтьми. Нѣсколько сутокъ я вовсе не спалъ; только подъ утро, на Понедѣльникъ свѣтлой недѣли Пасхи, измученный жестокою болью, я заснулъ на нѣсколько часовъ и увидѣлъ во снѣ, что къ постели моей подходитъ митрополитъ Филаретъ и говоритъ мнѣ: «Ты напрасно смущаешься: отъ этой болѣзни ты не умрешь. А тебѣ нужно подумать о грѣхахъ своихъ. Помнишь ли?..» Тутъ явившійся исчислилъ мнѣ многіе грѣхи мои, давно мною забытые, и даже разъяснилъ нѣкоторыя прошедшія обстоятельства моей жизни, которыя до того времени оставались для меня неясными. Я проснулся въ сильномъ волненіи и со слезами разсказалъ знаменательный сонъ женѣ моей, которая сидѣла у моей постели, возвратясь отъ ранней литургіи. Она въ тоже утро поѣхала къ архипастырю и привезла мнѣ отъ него на благословеніе небольшую финифтяную икону Спасителя. Съ того самого дня прекрати-

лись тифозное состояніе и соединенная съ нимъ опасность, но ревматическія страданія продолжались еще два мѣсяца. Когда я получилъ возможность владѣть правою рукой, тотчасъ же написалъ къ милостивому архипастырю благодарственное письмо и удостоился получить отъ него весьма милостивый и назидательный отвѣтъ.

Еще не успѣлъ я вполнѣ поправиться отъ болѣзни, какъ жена моя обрадовала меня рожденіемъ четвертаго сына Николая (8 Іюля 1857 г.). Воспріемникомъ его былъ братъ жены моей князь С. П. Волконскій. Вскорѣ послѣ крестинъ я отправился на богомолье: святитель, явившійся мнѣ во снѣ, исчисляя грѣхи мои, упомянулъ и о томъ, что я, проѣзжая чрезъ Переславль-Залѣсскій (въ 1854 году), не поклонился почивающимъ тамъ угодникамъ Божіимъ; а потому я поспѣшилъ, какъ только силы мнѣ дозволили, съѣздить въ этотъ городъ. Тамъ останавливался я въ кельяхъ знакомаго мнѣ почтеннаго отца-архимандрита Нифонта, настоятеля Никитскаго монастыря. Въ послѣдующіе затѣмъ годы я нѣсколько разъ пользовался радушнымъ его гостепріимствомъ и однажды имѣлъ удовольствіе видѣть его моимъ гостемъ въ Каменкахъ.

Прошелъ еще годъ, и семейство мое увеличилось рожденіемъ дочери. Собираясь изъ Каменокъ въ Москву ко времени родовъ, мы нечаянно опоздали и должны были остановиться въ Сергіевскомъ Посадѣ. Тамъ, въ старой гостинницѣ Лавры, жена моя разрѣшилась отъ бремени. Новорожденной дѣвочкѣ нарекли имя Прасковьи, въ память покойной моей матери. Для крещенія ожидали бабушку новорожденной, княгиню Александру Петровну, которая приняла малютку отъ купели вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ своимъ, княземъ Мих. Волконскимъ. Такимъ образомъ мы принуждены были прожить нѣсколько недѣль въ Посадѣ, и тутъ произошло нѣчто весьма странное: намѣстникъ Лавры от. архимандритъ Антоній, всегда благоразумный и лично ко мнѣ внимательный, вообразилъ себѣ, что мы нарочно поселились на время въ гостинницѣ, чтобы «осквернить» ее дѣторожденіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ подумать, будто бы мы нарочно могли выбрать такое шумное и безпокойное мѣсто для родильницы, когда въ Москвѣ ожидало ее полное спокойствіе въ собственномъ домѣ. Какъ бы то ни было, отецъ Антоній сильно вознегодовалъ и болѣе года не принималъ меня къ себѣ. Когда я, пріѣхавъ въ Москву, былъ у митрополита Филарета, онъ неожиданно поздравилъ меня съ дочерью. «Мнѣ писалъ объ этомъ отецъ-намѣстникъ,» прибавилъ онъ: «удивляюсь, почему онъ огорчился». Видно от. Антоній жаловался владыкѣ на наше непріятное ему пребываніе въ лаврской гостинницѣ.

Видя, что наше семейство прибавляется съ каждымъ годомъ и что намъ необходимо, для соблюденія экономіи, жить подольше въ деревнѣ, я рѣшился отказаться отъ службы при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, тѣмъ болѣе что С. А. Масловъ видимо нуждался въ помощникѣ болѣе дѣятельномъ, хотя, по дружбѣ ко мнѣ, никогда не давалъ мнѣ этого чувствовать. У меня оставалась еще одна служба, почти номинальная и нисколько не стѣснявшая моего пребыванія въ деревнѣ: я продолжалъ быть, по выбору дворянства, депутатомъ Дмитровскаго уѣзда и постоянно кандидатомъ на званіе предводителя.

Въ это время, впрочемъ, маловажная должность депутата получила нѣкоторое значеніе. Начиналось великое дѣло освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Послѣ адреса на высочайшее имя о готовности Московскаго дворянства приступить къ улучшенію быта крестьянъ, подписаннаго предводителями и депутатами дворянства, дозволено было дворянамъ каждаго уѣзда собираться для совѣщаній и выбора членовъ въ учреждаемые Комитеты.

За тѣснотою квартиры тогдашняго Дмитровскаго предводителя, А. А. Черевина, эти собранія происходили у меня. Нужно сказать правду, что большинство Дмитровскихъ дворянъ (не исключая и меня) было слишкомъ мало приготовлено для сужденій о такомъ важномъ дѣлѣ. Оказалось нѣсколько человѣкъ, болѣе способныхъ къ рѣшенію предстоящихъ вопросовъ; между ними особенно отличались двое: Н. А. Зубковъ и П. В. Пальчиковъ. Они были выбраны въ члены губернскаго Комитета по крестьянскому дѣлу.

На меня лично предполагаемая эмансипація производила тяжкое вліяніе. При состояніи, довольно ограниченномъ, при семействѣ, состоящемъ изъ четырехъ малютокъ-дѣтей, я смотрѣлъ съ ужасомъ и тоскою на будущность, которая представлялась мнѣ въ самомъ мрачномъ видѣ. Но на дѣлѣ вышло иначе, о чемъ разскажу послѣ.

Въ 1860 году я ѣздилъ, для обозрѣнія старины, въ два древніе и нѣкогда вольные города—Великій Новгородъ и Псковъ. Плодами этой поѣздки были двѣ книги: «Святыни и древности Пскова», напечатанныя въ 1861 году и «Святыни и древности В. Новгорода», приготовленныя къ торжеству тысячелѣтія Россіи. Не стану здѣсь описывать всего замѣчательнаго, что̀ случилось мнѣ видѣть и описывать какъ въ эту поѣздку, такъ и при посѣщеніи другихъ древнихъ городовъ въ послѣдующіе затѣмъ годы. Все это будетъ предметомъ другой статьи, которую надѣюсь составить въ непродолжительномъ времени. Но здѣсь слѣдуетъ мнѣ разсказать объ одной замѣчательной личности, видѣнной мною въ окрестностяхъ Новгорода.

Въ 6 верстахъ къ Сѣверу отъ Новгорода находится женскій Сырковъ монастырь, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсами и болотами. Тамъ, какъ случайно услышалъ я въ Новгородѣ, жила старушка, по имени Вѣра Александровна, положившая на себя обѣтъ молчанія. Объ ней узналъ я много любопытныхъ подробностей. Кто она и откуда—никто не знаетъ. Лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, она была задержана полиціей, какъ безпаспортная, и заключена въ тюрьму въ Новгородѣ. Оттуда написала она письмо къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской, жившей тогда на своей дачѣ близь Юрьева монастыря. Прочитавъ письмо и переговоривъ съ неизвѣстной арестанткой, которая на всѣ вопросы отвѣчала письменно, графиня поспѣшила въ Петербургъ и передала лично письмо ея императору Николаю Павловичу. Вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе предложить Вѣрѣ Александровнѣ пребываніе въ одномъ изъ Новгородскихъ женскихъ монастырей, по ея выбору, съ тѣмъ, что для нея будутъ построены хорошія кельи на казенный счетъ. Съ того времени В. А. поселилась въ Сырковѣ монастырѣ и получала ежегодное пособіе отъ Государя. Въ 1848 году (если не ошибаюсь) императоръ Николай, бывши въ Новгородѣ, посѣтилъ молчальницу, пробылъ у нея довольно долго и много разговаривалъ съ нею, причемъ В. А. исписала нѣсколько листовъ въ отвѣтъ на вопросы Государя. Прощаясь съ молчальницей, Государь поцѣловалъ у нея руку и сжегъ на лампадкѣ исписанные ею листы.

При отъѣздѣ изъ монастыря, онъ приказалъ игуменьѣ имѣть всевозможныя попеченія о старушкѣ, которую удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Съ того времени В. А. пользовалась всеобщимъ уваженіемъ въ монастырѣ, а прежде того, игуменья ѣздила однажды въ Петербургъ и просила митрополита Серафима избавить ее отъ молчальницы, къ которой приходитъ очень много народа, будто бы нарушающаго тишину обители. Услышавъ эту просьбу, престарѣлый митрополитъ вскочилъ съ креселъ и вскричалъ: «Ахъ ты дура баба! Да насъ съ тобою скорѣе выгонятъ, нежели ее. И поминать объ этомъ не смѣй!»

Желая познакомиться съ такою необыкновенною личностью, я пріѣхалъ въ Сырковъ и обратился къ игуменьѣ съ просьбою допустить меня къ Вѣрѣ Александровнѣ. Это была уже не та игуменья, которая ѣздила къ м. Серафиму и потомъ встрѣчала покойнаго Государя въ своемъ монастырѣ. «Наша молчальница сегодня причащалась», сказала мнѣ игуменья»; едва ли она согласится принять васъ. Впрочемъ я пошлю узнать.» Посланная келейница принесла отвѣтъ, что В. А. готова принять, и сама игуменья проводила меня къ ней. Въ большой свѣтлой комнатѣ, съ выбѣленными по штукатуркѣ стѣнами, я увидѣлъ старушку небольшаго роста, въ бѣломъ платкѣ, покрытую чеп-

цомъ такого фасона, какъ носятъ вдовы въ Московскомъ Вдовьемъ Домѣ. Она встрѣтила насъ почти у двери и поклонилась въ землю сначала игуменьѣ, а потомъ и мнѣ. Игуменья скоро ушла, а я, сидя на скамьѣ, рядомъ съ хозяйкою, сталъ предлагать ей вопросы, на которые она отвѣчала письменно. Видя на стѣнѣ миніатюрный портретъ, я спросилъ: чей это портретъ?

Она: Это портретъ моей матери.

Я: А кто она была?

Она: Этого не скажу.

Я: Это лице мнѣ знакомо. Я видѣлъ точно такой портретъ у моей бабушки, княгини Екатерины Гавриловны Долгоруковой.

Она: А развѣ княгиня Ек. Г. еще жива? Гдѣ она живетъ?

Я: Она еще жива, хотя очень стара. Живетъ въ Москвѣ съ сыномъ и дочерью.

Она: Спаси ее Господи!

Я: Позвольте спросить, чьи тѣ четыре имени, которыя вписаны въ вашемъ помянникѣ за упокой: Павла, Анны, Александра, Маріи.

Она: Первыя два—моихъ родителей, а послѣднія—крестнаго отца и матери.

Я: Гдѣ вы жили, пока не поселились здѣсь?

Она: Я ходила съ мѣста на мѣсто, больше по монастырямъ, питаясь въ дорогѣ мірскимъ подаяніемъ. За грѣхи мои и моихъ покойныхъ родителей, я грѣшная наложила на себя обѣтъ странничества и молчанія. Извините меня: я очень устала и больше бесѣдовать не могу.

Я всталъ, поцѣловалъ руку у молчальницы и, выходя изъ ея кельи, хотѣлъ унести съ собою листъ, на которомъ она писала мнѣ отвѣты, но она взяла его у меня изъ рукъ и сожгла на лампадкѣ.

Портретъ, о которомъ я ее спрашивалъ, представлялъ весьма извѣстную въ свое время личность: свѣтлѣйшую княжну Анну Петровну Лопухину, вышедшую замужъ за князя П. Г. Гагарина, брата жены роднаго дяди моей матери князя Никиты Сергѣевича Долгорукова, княгини Екатерины Гавриловны, которая до замужства своего, жила нѣсколько времени въ домѣ брата и невѣстки и много разсказывала мнѣ о вниманіи императора Павла къ послѣдней.

Почему Сырковская молчальница знала княгиню, и кто были родители Вѣры Александровны—Павелъ и Анна? Предоставляю угадывать читателю; но замѣчу что послѣ князя П. Г. Гагарина не осталось законныхъ дѣтей.

Спустя два года, я былъ вторично въ Новгородѣ, но уже не засталъ въ живыхъ Вѣры Александровны.

Моя книга о Новгородскихъ древностяхъ вышла въ свѣтъ въ 1862 году. Я послалъ экземпляръ ея при письмѣ на имя министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина для поднесенія Государю Императору, но къ удивленію моему получилъ книгу обратно съ увѣдомленіемъ, что Его Величеству угодно принять ее отъ меня лично при торжествѣ тысячелѣтія Русскаго государства. Это торжество назначено было 8 Сентября 1862 года въ Новгородѣ, гдѣ къ тому времени поставленъ былъ на площади противъ Софійскаго собора великолѣпный памятникъ. Я имѣлъ счастіе поднести мою книгу Государю и Государынѣ при выходѣ ихъ къ литургіи въ день торжества, и удостоился приглашенія къ царскому обѣду, который происходилъ въ залахъ Новгородскаго дворянскаго собранія. Царскій столъ, за которымъ и мнѣ было отведено мѣсто, былъ накрытъ въ средней залѣ, а въ другихъ комнатахъ обѣдали Новгородскіе дворяне и другія лица, числомъ болѣе 500. Первый тостъ былъ провозглашенъ самимъ Государемъ: «За благоденствіе Россіи!» Въ этотъ же вечеръ митрополитъ Исидоръ, пригласивъ меня къ себѣ, объявилъ мнѣ, что Государынѣ Императрицѣ угодно, чтобы, при обозрѣніи Новгородскихъ древностей, сопровождалъ ея величество кто-либо съ археологическими свѣдѣніями и знаніемъ Французскаго языка, потому что объясненія ризничихъ не всегда могутъ быть понятными для августѣйшей посѣтительницы. Владыка указалъ на меня и, разговаривая со мною вечеромъ, изволилъ замѣтить: «Я думаю, что Государыня Императрица [1]) вовсе не нуждается въ объясненіяхъ на Французскомъ языкѣ, но не довѣряетъ нашимъ ризничимъ, которые часто сами не знаютъ того, что̀ показываютъ посѣтителямъ». Мнѣніе владыки оправдалось на дѣлѣ.

Въ то время, когда владыка бесѣдовалъ со мною, Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи министра внутреннихъ дѣлъ и Новгородскаго гражданскаго губернатора В. Я. Скарятина ѣздили на лодкѣ въ село Рюриково-Городище въ 3 верстахъ къ Югу отъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова. Тамъ былъ приготовленъ праздникъ для крестьянъ, къ которому собрались волостные старшины почти со всей губерніи и сельскіе старосты изъ ближайшихъ селеній. Государю поднесенъ былъ хлѣбъ-соль на дубовомъ блюдѣ съ дубовою же солонкою очень искусной работы одного рѣщика-крестьянина. Самый матеріалъ этихъ вещей замѣчателенъ: онѣ вырѣзаны изъ стариннаго, совершенно чернаго дуба, вырытаго изъ земли при закладкѣ фундамента подъ памятникъ тысячелѣтія Россіи. Когда Государь и Госу-

[1]) Покойная Государыня отлично говорила порусски и близко была знакома съ лучшими произведеніями нашей словесности. П. Б.

дарыня подъѣхали на лодкѣ къ Городищу, собравшіеся крестьяне, видя, что выходъ на берегъ нѣсколько сыръ, разостлали свои кафтаны для прохода царственной четы. При возвращеніи ихъ величествъ въ Новгородъ въ десять часовъ вечера, на обоихъ берегахъ Волхова горѣли смоляныя бочки и незатѣйливыя иллюминаціи, устроенныя крестьянами по ихъ вкусу и средствамъ.

На слѣдующее утро Государыня Императрица изволила начать осмотръ Новгородскихъ древностей съ древнѣйшаго Софійскаго собора, гдѣ была встрѣчена преосвященнымъ викаріемъ Ѳеофилактомъ, въ сопровожденіи знатока и тщательнаго изслѣдователя мѣстной старины, ректора Новгородской семинаріи архимандрита Макарія (нынѣ епископъ Нижегородскій) и соборнаго духовенства. Тутъ же и я былъ представленъ оберъ-прокуроромъ А. П. Ахматовымъ и находился во все время при Ея Величествѣ. Замѣчательнѣйшія ризничныя вещи были перенесены изъ ризницы, находящейся на хорахъ («на полатяхъ», по выраженію лѣтописи) и разложены на столѣ въ Предтечевскомъ придѣлѣ. Разсматривая эти предметы старины, Государыня пожелала видѣть артосную панагію XV вѣка, устроенную по распоряженію св. владыки Евфимія при великомъ князѣ Васильѣ Темномъ. Старецъ-ключарь, не разслышавъ вопроса, подалъ панагію архіепископа Пимена XVI вѣка съ изображеніемъ Софіи Премудрости Божіей. Тогда Государыня Императрица, обратясь ко мнѣ, сказала: «можетъ быть, я не такъ выразилась; лучше было бы сказать панагіаръ». Такое знаніе техническихъ терминовъ церковной археологіи въ лицѣ супруги Русскаго Самодержца удивило меня и отца Макарія: много ли найдется между нашими образованными дамами высшаго круга такихъ, которыя знали бы различіе между артосною и наперсною панагіею? При дальнѣйшемъ осмотрѣ святынь и древностей, историческія познанія Ея Величества еще болѣе обнаружились. Такъ, еще не выходя изъ собора, она пожелала видѣть икону Соловецкихъ чудотворцевъ, на которой, въ числѣ клеймъ съ чудесами, изображена два раза Марѳа Борецкая, прозванная посадницею, въ беседѣ съ преподобнымъ Зосимою и на обѣдѣ, гдѣ чудотворецъ видѣлъ обезглавленными Новгородскихъ вельможъ, которыхъ ожидала казнь отъ Іоанна III. «Къ какому времени принадлежитъ эта икона»? спросила Государыня каѳедральнаго протоіерея. «Вѣроятно къ началу XVII вѣка», отвѣчалъ онъ. «Судя по работѣ, я думаю, что икона древнѣе», отозвалась Императрица. Тогда отецъ ректоръ Макарій доложилъ ей, что этотъ образъ значится въ соборной описи 1572 года и вѣроятно могъ быть написанъ ранѣе этого времени. При входѣ въ Грановитую Палату, обращенную теперь въ церковь, Государыня сказала мнѣ: «вѣроятно это та самая палата, въ ко-

торой Грозный царь своимъ ясакомъ (крикомъ) подалъ знакъ къ началу грабежа?» Въ кельяхъ святителя Іоанна она изволила весьма справедливо замѣтить, что древность приписываемаго ему рукомойника изъ желтой мѣди весьма сомнительна. Выходя оттуда, августѣйшая посѣтительница пожелала войти въ небольшую крестовую церковь устроенную въ 1463 году святителемъ Іоною Отенскимъ, въ честь преподобнаго Сергія Радонежскаго, за 40 лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1422 году) прославленнаго нетлѣніемъ мощей и чудесами. «Желаю приложиться къ иконѣ Преп. Сергія», сказала Государыня, и я доложилъ потомъ, что эта малая церковь есть первая изъ всѣхъ, посвященныхъ имени великаго Чудотворца, а потому и храмовая икона должна быть одною изъ древнѣйшихъ, если не самою древнею.

Вечеромъ, 9 Сентября, въ Воскресенье Новгородское дворянство давало балъ для императорской фамиліи въ домѣ своего собранія. Польскій повторялся многократно; въ послѣдній разъ Государыня Императрица удостоила пройти его со мною, причемъ изъявляла удовольствіе объ осмотрѣ Новгородскихъ древностей и при посѣщеніи Городища. «Усердіе крестьянъ меня очень тронуло», прибавила она; «но жаль, что за темнотою намъ не удалось осмотрѣть старинной церкви въ этомъ селѣ». На другой день все царское семейство отправилось въ Петербургъ, а я, пробывъ въ Новгородѣ еще два дня, уѣхалъ въ Москву.

Возвращаюсь къ продолженію моего разсказа, остановившагося на 1860 году. Знаменитый въ современной Русской исторіи 1861 годъ былъ ознаменованъ манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ. Это великое событіе совершилось въ полной тишинѣ и порядкѣ, и вовсе не повлекло за собою тѣхъ ужасовъ и того раззоренія, которыхъ опасалось большинство помѣщиковъ. Конечно, дѣло не обошлось безъ убытковъ, особенно въ мѣстностяхъ нечерноземной полосы, гдѣ доходъ зависѣлъ болѣе отъ промысловъ крестьянъ, нежели отъ обработки земли. Такъ, напримѣръ, у меня хозяйство въ селѣ Каменкахъ сдѣлалось почти невозможнымъ отъ дороговизны труда, при плохомъ качествѣ земли и скудныхъ урожаяхъ. Въ Калужскомъ имѣніи жены моей убытковъ для насъ было менѣе, а въ моемъ Малоархангельскомъ хозяйство сохранилось въ прежнемъ видѣ, и доходы не только не уменьшились, но еще увеличились при постоянномъ возрастаніи цѣнъ на хлѣбъ. Вообще оказалось, что помѣщики, владѣвшіе запаснымъ капиталомъ, или по крайней мѣрѣ свободные отъ долговъ, вынесли благополучно хозяйственный кризисъ. Напротивъ того, тѣ изъ нихъ, которые были обременены долгами въ эпоху эмансипаціи, большею частію безвозвратно разорились. На первое время очень трудно было многимъ изъ насъ поладить съ крестьянами и составить уставныя грамоты по добровольному соглашенію. Мнѣ при-

шлось испытать эту трудность въ Каменкахъ: крестьяне ни на какія условія не соглашались, упорно требуя полнаго надѣла, котораго они никогда не имѣли, а я не могъ дать имъ его: потому что значительное количество земли находилось подъ лѣсомъ, проданнымъ мною на срубъ еще въ 1858 году и тогда еще не срубленномъ.

Наконецъ, уставная грамота была введена мировымъ съѣздомъ обязательно, безъ согласія крестьянъ. Въ послѣдствіи они убѣдились сами, что полный надѣлъ, котораго они требовали, былъ бы выгоденъ только для меня, увеличивъ сумму оброка, но въ тоже время разорителенъ для нихъ, потому что лишняя земля была бы для нихъ совершенно безполезною. Теперь, даже при маломъ надѣлѣ, многія полосы полей остаются у нихъ необработанными. Въ Орловскомъ моемъ имѣніи не было такихъ затрудненій: тамъ уставная грамота и разверстаніе угодій были введены очень скоро, благодаря разумной дѣятельности управляющаго Прохора Иванова, о которомъ буду говорить позднѣе. Но въ селѣ Горномъ устройство новаго порядка вещей было еще замѣчательнѣе: крестьяне, принадлежавшіе женѣ моей, по пріѣздѣ моемъ къ нимъ, согласились въ нѣсколько часовъ не только на составленіе уставной грамоты и разверстаніе угодій, но и на выкупъ съ дополнительнымъ платежемъ, разсроченнымъ на 10 лѣтъ. При этомъ нужно замѣтить, что Кузнечинскіе и Горновскіе крестьяне никогда не видали отъ насъ никакихъ особенныхъ милостей, между тѣмъ какъ Каменскіе, перешедшіе ко мнѣ послѣ Красильникова въ состояніи совершенно нищенскомъ и ходившіе поголовно поміру, были снабжены отъ меня хорошими покосами и получили облегченіе барщинной работы чрезъ уменьшеніе господскихъ полей. Многимъ изъ нихъ были даны лошади, коровы, лѣсъ на постройку избъ. И при этомъ только они одни, при освобожденіи, оказались упорными въ соглашеніи и почти враждебными къ прежнему своему барину. Впрочемъ мнѣ случалось слышать отъ другихъ помѣщиковъ, что вообще крестьянскія общества тѣмъ хуже относились къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ, чѣмъ болѣе видѣли отъ нихъ снисхожденія и баловства при крѣпостномъ правѣ. Какъ объяснить этотъ фактъ— предоставляю людямъ, болѣе меня знакомымъ съ крестьянскимъ бытомъ.

Зима 1860—1861 гг. осталась памятною въ нашемъ семействѣ по свадьбамъ двухъ братьевъ жены моей: князь Сергій Петровичъ женился, съ разрѣшенія митрополита, на внучатной сестрѣ своей по матери, дѣвицѣ Н. А. Феллеръ (11-го Ноября 1860 г.), а князь Михаилъ Петровичъ на дѣвицѣ В. П. Васильчиковой (18-го Января 1861 г.). Счастіе послѣдней четы было не продолжительно; княгиня Вѣра скончалась отъ чахотки 26 Апрѣля 1864 года. Князь Сергій также рано лишился

жены своей, умершей послѣ непродолжительной болѣзни 6-го мая 1872 года.

Весною 1862 года скончалась (26 Апрѣля) старшая сестра жены моей, вдова А. П. Грязева. Она прежде пользовалась постоянно крѣпкимъ здоровьемъ, но въ послѣднюю осень простудилась и зачахла. Кончина ея была тяжкимъ горемъ для всей нашей семьи, начиная съ матери, у которой она была любимою дочерью. Впрочемъ любили ее не только близкіе родные, но и всѣ, кто только зналъ ее. И можно ли было не любить такую милую, такую кроткую женщину? Никто не видалъ ея въ раздраженномъ состояніи, никто не слыхалъ отъ нея рѣзкаго и непріятнаго слова; это была воплощенная кротость, кротость чисто ангельская. Неутѣшная мать покойной взяла къ себѣ двухъ малолѣтнихъ внучекъ, круглыхъ сиротъ безъ отца и матери. Старшей изъ нихъ, Сашѣ, было тогда 12, а младшей, Варѣ, 9 лѣтъ. Первая изъ нихъ еще при жизни бабушки вступила въ бракъ съ графомъ П. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ, а послѣдняя вышла замужъ позднѣе за Н. А. Неваховича, Русскаго морскаго агента въ Берлинѣ.

Въ началѣ 1863 года (15 Января) родился у насъ пятый сынъ Всеволодъ. Воспріемникомъ его былъ старшій братъ жены моей князь Николай Волконскій.

Прошло еще два года, и старшимъ сыновьямъ моимъ пришло время основательнаго ученія. Въ началѣ Августа 1865 года оба они (Сережа и Петя) поступили въ 5-ю Московскую Гимназію и были приняты во второй классъ. Тогда же перебрались мы изъ своего Прѣсненскаго дома въ другой, принадлежавшій женѣ моей, стоящій на углу Моховой и Знаменки, противъ Румянцевскаго Музея. Этотъ домъ, о которомъ не упомянулъ я въ своемъ мѣстѣ, былъ купленъ въ 1857 году у г-жи Логановской, вдовы извѣстнаго скульптора, за 65,000 р. серебромъ съ разсрочкою платы подъ закладную. Переѣзжая въ этотъ домъ, мы имѣли въ виду удобство ближайшей ходьбы въ гимназію для нашихъ мальчиковъ, тѣмъ болѣе что черезъ два года поступили туда-же еще два нашихъ сына (Владимиръ и Николай). Впрочемъ я не буду утомлять читателей подробностями о дальнѣйшемъ воспитаніи сыновей моихъ. Скажу только, что старшій изъ нихъ, Сергѣй, окончивъ курсъ въ Николаевской кавалерійской школѣ, поступилъ въ кирасирскій Его Величества полкъ; второй—Петръ, кандидатъ правъ Московскаго университета, занимаетъ должность товарища губернскаго прокурора въ Кіевѣ; младшій Николай учился въ Морскомъ Училищѣ и теперь служитъ мичманомъ въ гвардейскомъ экипажѣ.

1864 годъ памятенъ для меня по юбилею 50-лѣтія Московской Духовной Академіи, праздновованному 1-го Октября. Пріѣзжихъ гостей

было немного: преосв. Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, магистръ VII курса и позднѣе ректоръ Академіи, старецъ преосв. Евгеній, прежде бывшій Ярославскій, исправлявшій должность оберъ-прокурора Св. Сѵнода князь С. Н. Урусовъ, Московскій генералъ-губернаторъ Офросимовъ, депутаты отъ Московскаго университета и нѣсколько другихъ лицъ. Но весьма много было членовъ Московскаго духовенства, окончившихъ курсъ въ Академіи и собравшихся въ этотъ торжественный день привѣтствовать свою alma mater. Торжество началось литургіею въ Троицкомъ соборѣ, которую совершалъ митрополитъ Филаретъ вмѣстѣ съ Филаретомъ Черниговскимъ и двумя своими викаріями, епископами Леонидомъ и Саввою. Затѣмъ, въ большой академической залѣ, профессоръ С. К. Смирновъ прочелъ составленную имъ историческую записку о дѣятельности Академіи въ теченіи полувѣка (1814—1864 г.), а преосвященной Леонидъ—рѣчь, написанную митр. Филаретомъ. Въ заключеніе акта ректоръ Академіи, протоіерей А. В. Горскій, произнесъ рѣчь о потребности составленія словаря богословскихъ наукъ. Онъ получилъ въ этотъ день отъ Московскаго университета дипломъ на степень доктора историческихъ наукъ, а достойный сынъ моего благодѣтеля—Д. Ѳ. Голубинскій утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора математическихъ наукъ.

На Моховой прожили мы около двухъ лѣтъ, покуда болѣзнь жены моей и увѣренія докторовъ, что ей вредно жить въ каменномъ домѣ, не принудили насъ переѣхать въ наемную квартиру близъ Арбата. Домъ нашъ на Средней Прѣснѣ былъ уже проданъ.

Въ это время я сблизился съ почтеннымъ старцемъ М. М. Евреиновымъ. Я зналъ его еще во дни моего отрочества; видалъ его въ Лаврѣ и потомъ встрѣчалъ неоднократно у Долгоруковыхъ, но близкаго знакомства между нами не было. Въ 1865 году мы сошлись какъ-то случайно, стали видаться часто и взаимно полюбили другъ друга.

М. М. былъ человѣкъ, какихъ рѣдко можно встрѣтить на пути жизни. Прежде всего онъ былъ добрый христіанинъ, всегда вѣрный своему христіанскому долгу. Воспитанный благочестивою матерью (отецъ умеръ за нѣсколько дней до его рожденія), М. М. сохранилъ на всю жизнь искреннее, сердечное благочестіе, чуждое всякихъ сомнѣній и лукавыхъ умствованій, любилъ молиться въ храмѣ Божіемъ, любилъ посѣщать св. мѣста, ознаменованныя подвигами угодниковъ Божіихъ, и строго исполнялъ постановленія Православной Церкви. Между прочимъ замѣчательно, что онъ, во все время долгой своей жизни, ни одного раза (какъ я слышалъ отъ него самого) не нарушилъ поста въ постные дни; даже и въ трудный походъ 1812 года, когда приходилось

нерѣдко питаться сухарями съ молокомъ или съ яицами, онъ Среду и Пятницу довольствовался сухарями съ водою.

Вѣрный рабъ Божій былъ и вѣрнымъ другомъ людей. Ласковый ко всѣмъ, онъ охотно служилъ каждому, чѣмъ только могъ, никого не оскорблялъ и не осуждалъ, ни о комъ, даже и о тѣхъ, которые были виноваты предъ нимъ, не отзывался дурно. Сердце его было кроткое, незлобивое, какъ сердце младенца. Безкорыстіе его было образцовое: онъ не только не хотѣлъ воспользоваться чѣмъ-либо чужимъ (хотя и представлялась иногда возможность), но никогда не желалъ чужаго и не завидовалъ чужому богатству, строго исполняя десятую заповѣдь, хотя средства его были весьма ограничены, и онъ жилъ однимъ жалованьемъ, не оставляя службы до самой кончины. Незабвенный архипастырь нашъ, митр. Филаретъ, знавшій коротко покойнаго М. М., однажды отозвался о немъ: «Вотъ человѣкъ, которому я ввѣрилъ бы милліоны!»

М. М. Евреиновъ род. 9 Сентября 1788 года, скончался 23 Декабря 1878 г., за два дня до великаго Христова праздника, котораго не удалось ему отпраздновать на землѣ.

Память этого почтеннаго старца осталась для меня незабвенною между прочимъ и потому, что онъ первый подалъ мнѣ мысль составлять и издавать разсказы изъ исторіи Русской Церкви. У меня уже было написано нѣсколько такихъ разсказовъ.

Черезъ Д. Ѳ. Голубинскаго я познакомился съ священникомъ (теперь протоіереемъ) В. П. Нечаевымъ, который въ то время издавалъ «Душеполезное Чтеніе» вмѣстѣ съ протоіереемъ А. О. Ключаревымъ (нынѣ Амвросій, епископъ Дмитровскій). Мои разсказы понравились редакціи; я сталъ составлять ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и помѣщать почти въ каждой книжкѣ сказаннаго журнала. Въ видѣ гонорарія мнѣ дано было 700 отдѣльныхъ экземпляровъ. Первая книжка разсказовъ вышла въ 1862 году. Когда я поднесъ ее митрополиту Филарету, онъ, взглянувъ на обертку, сказалъ: «книжка первая, значитъ будетъ и вторая?» Будетъ и больше, отвѣчалъ я, если Богъ благословитъ. «На чемъ же думаете вы остановиться?» спросилъ владыка. На учрежденіи Св. Синода въ 1721 году. «Весьма справедливо», замѣтилъ митрополитъ, «потому что не настало еще время разсуждать о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Св. Синода, особенно въ царствованіе императрицы Анны». Послѣдуя совѣту нашего великаго святителя, я окончилъ разсказы 1721 годомъ. Они состояли изъ пяти книжекъ, были послѣ напечатаны вторично и разошлись очень быстро. Въ третій разъ они были напечатаны книгопродавцемъ Желтовымъ, которому я передалъ право изданія. Кромѣ «Разсказовъ изъ исторіи Русской Церкви», я продолжалъ помѣщать въ

«Душеполезномъ Чтеніи» всѣ мелкіе труды мои. Только слѣдующая небольшая статья, написанная мною подъ вліяніемъ извѣстія о ранней кончинѣ Цесаревича Николая Александровича, была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 21 Апрѣля 1865 года.

«Въ 1223 году скончался въ Новгородѣ князь Ѳеодоръ Ярославичъ, въ самой ранней юности, чистый дѣвственникъ, прекрасный душой и тѣломъ, старшій сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича и законный наслѣдникъ великаго княженія всея Руси. Для него уже готова была невѣста, гости-князья собрались и ждали брачнаго пира. Но, по выраженію лѣтописца, «вмѣсто веселія наступилъ плачъ и сѣтованіе за грѣхи наши». Благовѣрные родители съ христіанскимъ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей перенесли тяжкую потерю; мать почившаго, блаженная великая княгиня Ѳеодосія, возложила печаль свою на Господа, взывая къ Нему: «Ты далъ, Ты и взялъ! Да будетъ благословенно Святое Имя Твое!» Съ твердою надеждой на Бога, наказующаго и милующаго, она ждала себѣ утѣшенія отъ втораго сына своего—Александра. Это событіе отдаленной древности воскресло въ моей памяти сегодня, при чтеніи въ Успенскомъ соборѣ манифеста о кончинѣ Государя Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича и о назначеніи Наслѣдникомъ Престола Великаго Князя Александра Александровича. Какое разительное сходство событій!»

«Тогда не ошиблись въ своемъ упованіи благочестивые родители почившаго юноши. Новый наслѣдникъ ихъ успѣлъ еще при жизни отца прославиться воинскими подвигами, а вступивъ на престолъ великаго княженія, доблестный князь былъ защитникомъ Русскихъ предѣловъ отъ Нѣмцевъ, Литвы и Шведовъ, много потрудился для внутренняго устройства Руси и по блаженной кончинѣ содѣлался заступникомъ земной родины. Это былъ святый Александръ Невскій.»

«Да исполнится и нынѣ, надъ августѣйшими родителями усопшаго царственнаго юноши, то благословеніе, котораго удостоились нѣкогда родители святаго князя Ѳеодора, нетлѣнно почивающаго въ Великомъ Новгородѣ, въ храмѣ Софійскомъ. Новый Наслѣдникъ Всероссійской Державы да будетъ, какъ тезоименитый ему Невскій витязь, утѣшеніемъ державныхъ родителей, честію, славою и счастіемъ Россіи; да будетъ Онъ подобенъ двумъ вѣнценоснымъ Александрамъ—Благословенному освободителю Европы и Державному освободителю многихъ милліоновъ народа Русскаго».

Эти строки удостоились вниманія и благоволенія августѣйшихъ родителей почившаго Цесаревича, были перепечатаны во многихъ Русскихъ журналахъ и переведены на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій

языки въ иностранныхъ изданіяхъ: le Nord, Allgemeine Preussishce Zeitung и Times.

Въ 1867 году исполнилось полвѣка служенія митрополита Филарета въ епископскомъ санѣ. Этотъ необыкновенный юбилей былъ торжественно отпразднованъ въ Сергіевой Лаврѣ 5 Августа, въ присутствіи многихъ архіереевъ и оберъ-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстаго, который привезъ маститому юбиляру царскіе дары: драгоцѣнную панагію и осыпанный бриллiантами настольный портретъ трехъ государей, при которыхъ Филаретъ продолжалъ свою службу—Александра I, Николая и Александра II. Не только всѣ Русскіе епископы, духовно-учебныя заведенія и многія изъ высшихъ свѣтскихъ учрежденій, но и восточные патріархи привѣтствовали знаменитаго Московскаго святителя на закатѣ дней его.

Прошло еще три мѣсяца, и 19 Ноября Филарета не стало. Неожиданно угасъ великій свѣтильникъ, болѣе полувѣка изливавшій свѣтъ свой не только на Россію, но и на весь православный Востокъ. Для меня лично кончина владыки, при его милостивомъ расположеніи ко мнѣ, была тяжкою потерею. Вмѣстѣ съ женою моею я былъ на панихидѣ въ крестовой церкви, былъ черезъ силу въ Чудовомъ монастырѣ, когда принесено было туда тѣло почившаго святителя. Но на погребеніи его, къ глубокому моему прискорбію, не могъ быть: подагра приковала меня къ постелѣ. Здѣсь навѣстилъ меня двоюродный братъ мой, оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода, пріѣхавшій нарочно въ Москву къ похоронамъ. Сверхъ того Государю угодно было, чтобы одинъ изъ сыновей его отдалъ послѣдній долгъ старѣйшему изъ архипастырей Русскихъ, и великій князь Владиміръ почтилъ погребеніе Филарета своимъ присутствіемъ. Отпѣваніе въ соборной церкви каѳедральнаго Чудова монастыря и погребеніе въ Сергіевой Лаврѣ совершалъ Кіевскій митрополитъ Арсеній съ тѣми же архіепископами и епископами, которые присутствовали, за три мѣсяца передъ тѣмъ, на юбилейномъ торжествѣ маститаго владыки. Къ нимъ присоединился девяностолѣтній старецъ архіепископъ Евгеній, бывшій Ярославскій, другъ и нѣкогда сослуживецъ Филарета, черезъ два года дожившій также до 50-лѣтія въ санѣ епископскомъ. Останки нашего приснопамятнаго архипастыря были преданы землѣ въ заложенномъ, еще при жизни его, храмѣ св. Филарета Милостиваго.

Въ великій постъ 1868 года открылся въ Москвѣ первый археологическій съѣздъ. И я также былъ въ числѣ членовъ съѣзда. Отлучившись на одинъ день въ Сергіеву Лавру, я, къ удивленію и ужасу моему, замѣтилъ, что одна изъ старинныхъ иконъ въ Троицкомъ соборѣ (Успенія Б. Матери) поновлена или лучше сказать совсѣмъ заново переписана,

а другой еще болѣе замѣчательный образъ Спасителя, работы извѣстнаго иконописца Симона или Пимена Ушакова, взять въ живописную палату для поновленія. По возвращеніи въ Москву, я не могъ удержать негодованія и въ первомъ же засѣданіи съѣзда горячо возсталъ на такое дикое обращеніе съ предметами древности. «Нужно положить предѣлъ такому вандализму какими-либо правительственными мѣрами», говорилъ я; «а иначе можно ожидать, что невѣжественная рука своею грубою кистью замалюетъ храмовую икону Живоначальной Троицы, писанную Андреемъ Рублевымъ». Если бы я зналъ тогда, что слова мои записываются стенографами и на другой день появятся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», я говорилъ бы спокойнѣе и осмотрительнѣе. Но къ сожалѣнію я не зналъ этого и сказанныхъ словъ уже нельзя было воротить. Когда, чрезъ нѣсколько дней, нѣкоторые изъ членовъ съѣзда посѣтили лавру, о. намѣстникъ Антоній горько жаловался имъ: «Прямо указываетъ на меня», говорилъ онъ, «подъ названіемъ невѣжественной руки. Вотъ, посмотрите, икона Спаса не поновлена». Дѣйствительно эта икона, какъ только намѣстникъ узналъ о происходившемъ на съѣздѣ, тотчасъ же была очищена отъ свѣжаго слоя новой краски и поставлена на свое мѣсто. Хотя пріѣзжіе археологи ощущали сильный запахъ эѳира, употребленнаго для смыванія краски, но одинъ изъ нихъ, желая успокоить почтеннаго старца, сказалъ ему: «вы сами живописью не занимаетесь и не берете кисти въ руку, значитъ сказано не объ васъ, а о томъ иконописцѣ, который займется поновленіемъ стариннаго образа». Такимъ образомъ Успенская икона уцѣлѣла въ первобытномъ своемъ видѣ, но о. Антоній вторично прогнѣвался на меня, на этотъ разъ уже не безъ причины съ моей стороны.

Въ туже весну (22 Апрѣля), младшая сестра жены моей, княжна Варвара Петровна сочеталась бракомъ съ отставнымъ генералъ-маіоромъ Н. А. Мартыновымъ. Этотъ бракъ былъ для всѣхъ неожиданностію; первая молодость милой сестры нашей уже прошла; она почти отстала отъ свѣтскихъ удовольствій и не думала о замужствѣ. Но женихъ умѣлъ ей понравиться. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ благородный, съ добрымъ, хотя и горячимъ сердцемъ, и весьма образованный. Въ службѣ, которую привелось ему проходить, между прочимъ въ Камчаткѣ, гдѣ онъ былъ правителемъ во время Крымской войны и наконецъ въ Польшѣ, въ званіи военнаго начальника Петроковской губерніи, онъ могъ видѣть и испытать многое, недоступное для другихъ. Сверхъ того разъѣзды по отдаленнымъ краямъ Сибири и путешествія моремъ изъ Охотска въ Петербургъ, вокругъ восточныхъ и южныхъ береговъ Азіи, доставили ему много разнообразныхъ свѣдѣній. Николай Алексѣевичъ полюбилъ всю нашу семью; въ особенности со мною онъ

былъ очень друженъ. Къ сожалѣнію счастливая брачная жизнь Мартыновыхъ продолжалась не болѣе восьми лѣтъ: Н. А. скончался 4 Мая 1876 года.

Въ 1869 году я въ первый разъ былъ въ Кіевѣ. Поводомъ къ этой поѣздкѣ былъ пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи, считавшійся съ 28 Сентября 1819 года, когда это старѣйшее изъ высшихъ училищъ въ Россіи было преобразовано по уставу, составленному Коммиссіею Духовныхъ Училищъ. Я отправился въ Кіевъ въ качествѣ депутата отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ другомъ моимъ М. М. Евреиновымъ, который случайно былъ свидѣтелемъ академическаго акта за 50 лѣтъ передъ тѣмъ, при митрополитѣ Серапіонѣ, когда Кіевская Академія была открыта по новому уставу. Мы останавливались въ лаврской гостинницѣ, были благосклонно приняты митрополитомъ Арсеніемъ, который съ того времени до самой кончины своей сохранилъ ко мнѣ благосклонное расположеніе, познакомились съ ректоромъ Академіи, архимандритомъ Филаретомъ и многими почтенными профессорами. Обозрѣніе святынь и древностей въ Кіевѣ, этой «матери градовъ Русскихъ», еще по выраженію древняго Олега, будетъ описано мною въ другой статьѣ. Юбилей происходилъ 28 Сентября, въ большой залѣ стараго Братскаго корпуса, построеннаго гетманомъ Мазепою. Въ недавнее время всѣ стѣны этой залы покрыты портретами (числомъ болѣе ста) основателей, благотворителей, наставниковъ и знаменитыхъ воспитанниковъ Академіи. Въ числѣ послѣднихъ находятся изображенія двухъ угодниковъ Божіихъ—св. Димитрія митрополита Ростовскаго и св. Иннокентія епископа Иркутскаго, и двухъ мѣстно-чтимыхъ святителей: Іоасафа Горленка и Ѳеодосія Углицкаго. Въ день торжества и на другой день въ Академіи были парадные обѣды; на одномъ изъ нихъ заслуженный профессоръ Д. А. Подгурскій прочелъ написанное имъ Латинское стихотвореніе, составляющее подражаніе извѣстной университетской пѣснѣ:

Gaudeamus, olim qui
Juvenes eramus!
Senium nos tetigit,
Sed nequaquam domuit:
Ergo gaudeamus!

Vivat Academia!
Vivant professores!
Et qui coaetaneis,
Nobis juncti studiis,
Restant auditores!

Omnis vita est brevis,
Nostra plus quam brevis,
Nimium velocibus
Inopina passibus
Mors adest grandaevis.

Ubi sunt, qui juxta nos
Quondam floruere?
Aegra trahunt corpora.
Aut naturae debita
Ante nos solvere.

Soli Deo gloria!
Nos hucusque stamus.
Senium nos tetigit,
Sed nequaquam domuit:
Ergo gaudeamus!

(Возрадуемся, мы, бывшіе нѣкогда юношами! Старость коснулась насъ, но еще не покорила. И такъ возрадуемся! Да здравствуетъ Академія! Да здравствуютъ профессоры! И тѣ, которые прежде были намъ сверстниками по ученію, а теперь насъ слушаютъ. Всякая жизнь коротка, а наша тѣмъ болѣе; слишкомъ быстрыми шагами нежданная смерть подходитъ къ старикамъ. Гдѣ тѣ, которые нѣкогда цвѣли подлѣ насъ? Они влачатъ немощное тѣло или прежде насъ заплатили долгъ свой природѣ. Богу единому слава! Мы еще стоимъ! Старость коснулась насъ, но не покорила. И такъ возрадуемся!)

Безъ сомнѣнія для всѣхъ насъ останется памятнымъ пріятный вечеръ 29-го, проведенный въ комнатахъ ректора Академіи, о. архимандрита Филарета. Здѣсь, въ кругу нѣсколькихъ владыкъ, воспитавшихся въ Кіевѣ, наставниковъ Академіи и весьма немногихъ постороннихъ, незамѣтно протекло нѣсколько часовъ въ оживленной и непринужденной бесѣдѣ. Радушный хозяинъ подарилъ каждому изъ гостей по экземпляру книгъ, напечатанныхъ къ торжеству: 1) Сборникъ изъ лекцій замѣчательнѣйшихъ профессоровъ Кіевской Духовной Академіи; 2) Апокризисъ Христофора Филалета; 3) книга для назидательнаго чтенія и 4) сборникъ статей изъ Воскреснаго Чтенія. Двѣ послѣднія книги изданы для употребленія въ народныхъ школахъ.

Если гдѣ-нибудь, то конечно въ Кіевѣ можно ожидать успѣха отъ новой мѣры, открывающей свободный доступъ въ духовныя академіи и семинаріи лицамъ всѣхъ сословій, разумѣется, достаточно подготовленнымъ; въ древней колыбели Русской науки и теперь крѣпка еще связь Академіи съ обывателями города. На торжествѣ юбилея мы видѣли нѣсколько пожилыхъ купцовъ Кіевскихъ, получившихъ образованіе въ прежней Академіи (до реформы ея въ 1819 году) и сохранившихъ

благодарную привязанность къ мѣсту своего воспитанія: въ числѣ ихъ находился извѣстный торговецъ кондитерскими произведеніями Н. С. Балабуга.

За тѣмъ же обѣдомъ митрополитъ предложилъ тостъ за здоровье М. М. Евреинова, какъ одного изъ немногихъ, бывшихъ на актѣ 1819 года, а архимандритъ Іеронимъ, настоятель Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря произнесъ экспромтомъ Латинскую рѣчь. Этотъ отецъ Іеронимъ, по фамиліи Гефнеръ, природный Нѣмецъ, магистръ словесныхъ наукъ Дерптскаго университета, принявшій Православіе и окончившій курсъ въ Кіевской Академіи со степенью кандидата, былъ замѣчателенъ, какъ отличный латинистъ. По случаю юбилея, онъ поднесъ Кіевскому владыкѣ экземпляръ Латинской Библіи, принадлежавшій нѣкогда Мартину Лютеру, съ собственноручными замѣчаніями послѣдняго на поляхъ книги. Владыка передалъ эту библіографическую рѣдкость въ библіотеку Академіи.

Къ торжеству академическаго юбилея съѣхались архипастыри, бывшіе нѣкогда воспитанниками Академіи: старецъ Антоній, архіепископъ Кишиневскій, воспитанникъ перваго курса Академіи; другой Антоній, архіепископъ Казанскій, докторъ богословія; Димитрій, архіепископъ Херсонскій; Никандръ, епископъ Тульскій; Іоаннъ, епископъ Полтавскій; Іоанникій, епископъ Саратовскій. Замѣтно было отсутствіе знаменитаго нашего историка и богослова, доктора богословія Макарія, архіепископа Литовскаго (нынѣ митрополитъ Московскій). Но всеобщее вниманіе было обращено въ особенности на первосвятителя, прибывшаго издалека: это былъ Михаилъ, митрополитъ Бѣлградскій и всея Сербіи, бывшій нѣкогда воспитанникомъ Академіи. Отъ него услыхали мы многое о церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ въ княжествѣ Сербскомъ, еще не вполнѣ освобожденномъ тогда отъ Турецкой власти. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ въ Кіевъ архимандритъ Никифоръ Дучичъ, одинъ изъ богатырей-юнаковъ Черногорскихъ, неустрашимо воевавшій съ Турками. Въ день имянинъ митрополита Михаила, 30 Сентября, я имѣлъ честь поднести ему свою книгу, а по возвращеніи въ Москву, владыка Сербскій, въ сопровожденіи Дучича, удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Еще прежде того случилось мнѣ быть на двухъ подобныхъ юбилеяхъ: на столѣтнемъ Московскаго Университета 12 Января 1855 года и на пятидесятилѣтнемъ Московской Духовной Академіи 1 Октября 1864 года. Но ни одинъ изъ нихъ ни произвелъ на меня такого живаго впечатлѣнія, какъ юбилей Кіевскій. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда вслѣдъ за тѣмъ совѣтъ Академіи совершенно неожиданно удостоилъ меня, въ знакъ незаслуженнаго уваженія къ слабымъ трудамъ

моимъ по части церковной исторіи, избраніемъ въ свои почетные члены.

Въ 1870 году я ѣздилъ во Владиміръ, Суздаль, Нижній-Новгородъ и Казань для обозрѣнія древностей въ этихъ городахъ. Собранныя мною свѣдѣнія войдутъ въ составъ особой статьи, о которой упоминалъ я выше. Въ эту поѣздку я успѣлъ въ Казани возобновить знакомство съ двумя двоюродными моими сестрами, дочерьми дяди моего, графа Михаила Степановича. Старшая изъ нихъ Н. М. Наумова жила въ Казани съ мужемъ, но дѣтей не имѣла. Младшая В. М. Осокина имѣла при себѣ дочь Наденьку, а мужъ ея съ сыномъ и старшею дочерью былъ тогда за границею. Обѣ кузины приняли меня такъ родственно, какъ можно принять только роднаго брата, хотя мы давно уже не видались. Во время пребыванія моего въ Казани, я гостилъ у кузины Осокиной, которая никакъ не хотѣла допустить, чтобы я жилъ въ гостинницѣ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, благодаря знакомому мнѣ И. А. Лыкошину, я имѣлъ случай быть у преосвященнаго Іереміи. Бывшій епископъ Ставропольскій, аскетъ и подвижникъ, онъ жилъ въ тѣсной келіи Нижегородскаго Печерскаго монастыря. И. А. Лыкошинъ предварилъ меня, что преосв. Іеремія тяготится продолжительными посѣщеніями, и мы условились пробыть у него нѣсколько минутъ. Но когда старецъ узналъ изъ разговора со мною, что Разсказы изъ исторіи Русской церкви и другія статьи въ «Душеполезномъ Чтеніи» писаны мною, онъ обрадовался моему посѣщенію, угощалъ насъ чаемъ (что̀ бываетъ у него очень рѣдко) и продержалъ насъ у себя болѣе часа. По выходѣ отъ него, спутникъ мой удивлялся этому и увѣрялъ, что никогда не видалъ бывшаго владыку Ставропольскаго столько веселымъ и разговорчивымъ. Послѣ узнали мы, что утромъ того самаго дня, когда мы сидѣли въ кельѣ архіерея-отшельника, у него было украдено все его богатство: золотые часы, подзорная труба, стоявшая на окнѣ, изъ котораго прекрасный видъ на Нижегородскую ярмарку и кошелекъ съ 15 полуимперіалами. Окружающіе его смутились этою покражею, но аскетъ остался совершенно спокоенъ и сказалъ имъ: «Часы указывали мнѣ время, а мнѣ пора думать о вѣчности. Въ трубу смотрѣлъ я на суету мірскую, а мнѣ должно смотрѣть внутрь себя. Деньги были приготовлены на мое погребеніе; теперь, когда у меня ничего нѣтъ, похоронять меня и даромъ. Зачѣмъ же безпокоиться объ этихъ вещахъ?» Впрочемъ, вскорѣ все отыскалось, и преосв. Іеремія просилъ, чтобы не преслѣдовали вора.

Въ Суздалѣ, въ Ризположенскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ открыто почиваютъ мощи св. княжны Евфросиніи, мнѣ удалось

отыскать одну престарѣлую монахиню и разспросить ее о блаженной Марѳѣ Яковлевнѣ Сониной, скончавшейся 10 Августа 1805 года, послѣ 60-лѣтнихъ подвиговъ въ юродствѣ и погребенной у сѣверныхъ дверей соборной монастырской церкви. Имя ея воскресило во мнѣ воспоминанія дѣтства: еще ребенкомъ много слыхалъ я о Марѳѣ Яковлевнѣ отъ моихъ бабушекъ Сумароковыхъ; у одной изъ нихъ, Аграфены Андреевны, висѣлъ на стѣнѣ портретъ подвижницы, въ рубашкѣ, съ коротко остриженными волосами. Я спросилъ древнюю, глухую старушку монахиню: помните ли вы, матушка, блаженную Марѳу Яковлевну?

«Какъ не помнить, сударь ты мой! Еще малолѣткой была, дѣвченкой неразумной, а ужъ знала ее, матушку нашу. Тогда она еще здорова была, вездѣ ходила, сама бѣдна была, а бѣдныхъ не забывала, ноченьки цѣлыя за коклюшками просиживала, все кружева плела, хорошія, дорогія. Въ большомъ ходу тогда кружева у насъ были, особенно купчихи щеголяли. И теперь еще найдешь у здѣшнихъ купчихъ, а больше у Шуйскихъ, да у Юрьевскихъ, широкія, преширокія кружева работы Марѳы Яковлевны; давно внучкамъ да правнучкамъ въ приданое на благословеніе пошли; берегутъ ихъ словно Божье милосердіе. А сама-то она, голубушка наша, что̀ ни выработаетъ, все нищимъ, да сиротамъ, а когда и въ храмъ Божій принесетъ, на свѣчи къ преподобной Евфросиніи; а у самой-то и копѣечки запасной никогда не бывало. Послѣ, когда была ужъ безъ ногъ, съ постели не вставала семь лѣтъ, тутъ я еще лучше ее знавала. Была я тогда здѣсь въ бѣлицахъ; покойная игуменья матушка Аполлинарія посылала насъ послушницъ поочередно служить Марѳѣ Яковлевнѣ. Насмотрѣлась же я на терпѣніе ея праведное: въ ранахъ вся лежала, въ пролежняхъ значитъ. Никогда, бывало, не пожалуется, не поропщетъ, за все Бога благодарила, и насъ молодыхъ учила уму-разуму: «Все терпите, говоритъ, не гнѣвите Бога ропотомъ, отъ трудовъ рукъ своихъ питайтесь и уповайте на Бога. Онъ васъ, милыя мои, не оставитъ за то, что вы, послушанія ради, грѣшную Марѳу не оставляете. Воздастъ вамъ за меня Царь небесный». И точно, правду она намъ говорила: всѣ мы (шестеро насъ было) безъисходно въ монастырѣ вѣкъ свой прожили, всѣ ангельскаго образа сподобились; хотя и бѣдны были весь вѣкъ, но Господь миловалъ, голодны не были. Вотъ теперь я одна изо всѣхъ еще жива по грѣхамъ моимъ».

— Долго прожила блаженная у васъ въ монастырѣ? спросилъ я старушку.

«Вовсе не была она монастыркой и въ монастырѣ не жила; только случалось, что гащивала она здѣсь иногда у монахинь знакомыхъ; проживала иногда дня по два, только рѣдко, и въ Покровскомъ

монастырѣ у игуменьи (какъ бишь ее звали, не припомню). А всегда жила М. Я. у пріятельницы своей, у здѣшней мѣщанки вдовы Авдотьи Ивановны Изюмовой. Домикъ-то Изюмовой здѣсь былъ близехонько, рядомъ съ дьяконовымъ домомъ; давно ужъ сломали его. О прежнемъ житьѣ-бытьѣ М. Я-ны слыхала я отъ старыхъ людей, да и сама она кой-что разсказывала. Была она родомъ изъ здѣшнихъ мѣщанъ; Сонины прозывались. Сироткой по десятому году осталась послѣ родителей; до двадцати лѣтъ съ братьями женатыми въ родительскомъ домѣ прожила, работала на нихъ пуще всякой работницы, безъ отдыха. Были у ней хорошіе женихи, изъ купечества, но не пожелала блаженная наша замужъ выйти; обрекла, значитъ, себя на труды для спасенія души. А въ семьѣ-то тяжко и грустно ей было жить: жены братьевъ ея промежъ себя ссорились и мужей на вражду наводили. Вотъ М. Я. удалилась отъ зла и сотворила благо; пошла странствовать по св. мѣстамъ, у Соловецкихъ чудотворцевъ побывала, въ Кіевъ два раза сходила. Воротилась съ богомолья и поселилась у Изюмовой въ домикѣ на весь вѣкъ, а тутъ и юродствовать начала. Въ длинной бѣлой рубашкѣ стала ходить, и всегда почти босикомъ; другой одежды никакой не носила. По улицамъ всегда отъ мѣста до мѣста бѣгомъ бѣгала; бывало, ребятишки бѣгутъ за ней, хохочутъ, дразнятъ. А она никогда на нихъ не осердится, только пальцемъ погрозитъ; а то и гостинцы имъ раздаетъ, баранки, либо пряники, когда купцы ей приношивали на поклонъ. Мимо дома родительскаго когда пробѣжитъ, постучитъ бывало въ окошечко и кричитъ: «Покайтесь, молитесь, живите мирно, не гнѣвите Бога!» А въ домъ рѣдко заходила, потому что не слушались ея невѣстки; все у нихъ свара стояла, да брань грѣховная съ утра до вечера. И сбылось же надъ ними слово блаженной: обнищали и примерли всѣ, еще при ней; только остались могилки родителей ея и всего Сонинскаго рода на кладбищѣ у Воскресенья; и теперь еще кой-кто изъ городскихъ поминаютъ ихъ въ родительскія субботы. Чтутъ, значитъ память М. Я.: оттого и сродниковъ ея не забываютъ. А чужіе-то многіе ее слушали; читывала она имъ изъ божественныхъ книгъ, и какъ же сладко читала и толковала, наплачешься, бывало, слушавши. И добрые совѣты подавала многимъ, какъ жить, какъ отъ грѣха себя оберегать. Здѣсь въ монастырѣ, въ былые года (меня еще кажется и на свѣтѣ тогда не было) говаривала она здѣшнимъ монастыркамъ: «Не занимайтесь суетой, трудитесь больше, зависти и сплетень удаляйтесь. А не то—смотрите Богъ накажетъ, все пропадетъ, и преподобная-то сама уйдетъ отъ васъ къ Лазарю». И много, много разъ повторяла имъ такія слова. Вѣдь сбылась же угроза М. Я-ны. Весь монастырь до тла выгорѣлъ; церковное добро все почти пропало, да и у монастырскихъ-

то ничего не осталось: кто только въ чемъ выскочилъ, то и уберегъ. А какъ соборъ загорѣлся, мощи благовѣрной княжны Евфросиніи подняли монахини съ гробомъ изъ раки и снесли въ ближнюю церковь приходскую Друга Божія Лазаря (прежде она наша монастырская была). Видишь, какъ слово-то праведное сбылось: ушла преподобная къ Лазарю! Этому пожару лѣтъ сто уже будетъ. (Ризположенскій монастырь выгорѣлъ 13 Августа 1779 года). Да не только въ монастыряхъ, а и въ мірѣ многіе отъ блаженной пользу получили: здѣшніе всѣ ее знали и уважали, и за совѣтомъ къ ней приходили, и молитвъ ея просили себѣ въ помощь, и младенцевъ къ ней болящихъ приносили, а она бывало либо водицы Богоявленской дастъ съ молитвою, либо антидору частичку. Что же? какъ рукой сниметъ недугъ у ребенка. А вотъ не любила голубушка, какъ ужъ очень примутся почитать ее и хвалить въ глаза: сейчасъ начнетъ смѣяться, вертѣться, кидаться изъ угла въ уголъ, словно дурочка какая; тутъ ужъ и слова хорошаго отъ нея не услышишь. Разсердятся гости, бранить ее начнутъ, а ей то и любо. Пріѣзжали къ ней изъ другихъ городовъ, изъ Костромы, изъ Ярославля и купцы, и помѣщики, а больше барыни; вѣру къ ней большую имѣли. Много она имъ правды говорила и не льстила имъ никогда. Привозили ей и присылали всякихъ припасовъ и денегъ давали; она ничего себѣ не берегла, часть отдавала хозяйкѣ своей, а прочее все бѣднымъ раздавала. Пріѣхала къ ней разъ княгиня Т., барыня пребогатая и денегъ привезла рублей 200, а М. Я. и взять не захотѣла. «Ты-бы, мать моя, (такъ и сказала при мнѣ) лучше свою бѣдноту пожалѣла: раздѣтые они у тебя, босые, голодные; хотя и рабы твои, а всѣ же братья во Христѣ. Маѳушѣ ничего не надо. Маѳуша сыта и довольна по милости Божіей». Такъ и не взяла ничего; совсѣмъ пристыдила княгиню».

На вопросъ мой о послѣднихъ дняхъ Суздальской подвижницы, монахиня Марія разсказала мнѣ слѣдующее:

«Маѳа Яковлевна въ послѣднее время каждый день ходила къ намъ въ монастырь къ ранней обѣднѣ; зимой въ теплой церкви стояла въ уголкѣ, а лѣтомъ въ соборъ не входила; становилась всегда передъ сѣверными дверями и молилась прямо на раку благовѣрной княжны. На этомъ самомъ мѣстѣ и могила ея. Вотъ и пришла она въ послѣдній разъ, въ Ильинъ день, и стояла на всегдашнемъ своемъ мѣстѣ. Выходимъ мы изъ собора, видимъ—лежитъ наша М. Я. ничкомъ на землѣ. Подняли мы ее, голубушку; чуть дышетъ, совсѣмъ безъ памяти. Отнесли къ игуменьѣ въ келью; на другой день опамятовалась, только ногами обѣими не владѣла до самой кончины. Стала просить: «отнесите меня, Христа ради, къ Авдотьѣ Ивановнѣ». Снесли мы ее на рукахъ; тамъ она и пролежала семь лѣтъ недвижимо, а мы ей служить

ходили поочередно. Терпѣнье какое было—и разсказать не умѣю. Каждую субботу Св. Христовыхъ Таинъ пріобщалась: носилъ къ ней св. дары духовникъ ея, отъ Праведнаго Лазаря священникъ отецъ Иванъ. И про него тебѣ разскажу. Было у него горе большое: сынка его изъ здѣшней бурсы послали въ Питеръ—въ Академію учиться, а малый-то и пропалъ безъ вѣсти. Ужъ какъ сокрушался отецъ Иванъ; приходъ бѣдный, четыре поповны—подростки; вся надежда была на сына. М. Я. утѣшала своего духовнаго отца: «Не горюй, батюшка, терпи и Богу молись; не пропалъ твой Алеша; еще увидишь его, воротится тебѣ на радость». Такъ и сбылось. Прошло годовъ нѣсколько, и поповичъ нашъ вернулся, послѣ замиренія (вѣроятно въ 1815 году). Чтожъ ты думаешь? Гдѣ пропадалъ? Какъ доѣхалъ только до Питера, такъ и сбѣжалъ на какіе-то Англійскіе корабли; захотѣлось, вишь, парню по бѣлому свѣту погулять. Весь свѣтъ Божій, говорятъ, кругомъ объѣхалъ. И съ деньгами большими воротился; сестеръ пристроилъ, отца всѣмъ снабдилъ, и стали жить изобильно, какъ никогда прежде не живали. Только попадья старая не дождалась радости; года за два померла».

«А какъ настали послѣдніе дни, М. Я. предчувствовала свой конецъ; со всѣми знакомыми простилась и иконы, какія у ней были, раздала на благословеніе. Въ день кончины св. Таинъ причастилась, особоровалась и канонъ на исходъ души прослушала. А какъ читали канонъ, она всякое слово повторяла; наизусть знала канонъ; видно, часто про себя читала. Сама свѣчку задула, перекрестилась три раза и такъ тихо преставилась блаженная, словно сладкимъ сномъ заснула. На шестой день схоронили, потому что все подъѣзжали на похороны изъ другихъ городовъ; ни тлѣнія не примѣчали, ни запаха не слыхали, даромъ что жары были сильные. А какой плачъ былъ на погребеніи, особенно бѣдные воплемъ выли! Народу столько было, что въ соборѣ яблока негдѣ уронить, и монастырь весь былъ полонъ. Пока въ домѣ лежало тѣло, панихиды ни днемъ, ни ночью не умолкали. Да и нынѣ часто приходящіе и пріѣзжіе просятъ служить панихиды надъ могилою, и многіе исцѣленіе по вѣрѣ своей получаютъ».

По возвращеніи моемъ изъ Казани, мы переѣхали изъ наемной квартиры въ мой собственный домъ, купленный тогда же у графини А. В. Головиной за 13 тысячъ рублей и находящійся близъ Смоленскаго бульвара, въ Левшинскомъ переулкѣ. Здѣсь провели мы зиму и встрѣтили 1871 годъ. Памятенъ мнѣ этотъ годъ и радостью, и тяжкимъ горемъ.

Весна этого года была для насъ весела по случаю свадьбы молодаго вдовца, шурина моего, князя Михаила П. Волконскаго. Онъ женился на прелестной и очень милой дѣвицѣ Ольгѣ Владимировнѣ Чашниковой (25 Апрѣля). М. М. Евреиновъ, увидѣвъ новобрачную, ска-

залъ, что во всю жизнь свою не встрѣчалъ такой красавицы; а онъ, конечно, на своемъ вѣку видалъ много красавицъ стараго времени.

Третій сынъ мой, Володя, больше всѣхъ насъ веселился на свадьбѣ дяди; пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ въ первый разъ нарядился во фракъ и вмѣстѣ съ двумя старшими братьями исправлялъ должность шафера. Не предчувствовалъ милый мой мальчикъ, не предчувствовали и мы, что это было послѣднее его веселье. Когда экзамены въ гимназіи, гдѣ учились сыновья мои, кончились, мы отправились по своему обыкновенію, на лѣто въ Каменки. Въ окрестностяхъ появилась холера, впрочемъ не сильная, но у насъ въ деревнѣ ея еще не было. Утромъ 22 Іюля я поѣхалъ въ С. Посадъ повидаться съ знакомыми, пріятно провелъ тамъ день и ночевалъ въ гостинницѣ. На другой день, выѣхавъ рано въ обратный путь, я встрѣтилъ на дорогѣ жену мою съ Володей, котораго она везла для леченія въ Посадъ. При первомъ взглядѣ на него я ужаснулся: онъ былъ едва живъ, въ сильнѣйшемъ припадкѣ холеры. Мы пріѣхали въ гостинницу, изъ которой я только что выѣхалъ. Призванный докторъ, Нилъ Петр. Страховъ, сказалъ мнѣ откровенно, что не имѣетъ надежды спасти больнаго, но употребилъ всѣ средства, какія только возможны. Мы поспѣшили призвать священника. Володя въ полной памяти исповѣдался и причастился св. Таинъ. Въ три часа пополудни онъ тихо скончался.

Не найду словъ для описанія нашего тяжкаго горя, тѣмъ болѣе тяжкаго, что оно пришло къ намъ совершенно неожиданно. Родители, испытавшіе несчастіе терять дѣтей, поймутъ всю глубину нашей скорби; для другихъ она необъяснима. Ненаглядный нашъ отрокъ былъ сильно привязанъ къ родителямъ. Прекрасная наружность его, сходство съ матерью, ласковость и нѣжность сердца съ дѣтскаго возраста невольно сдѣлали его моимъ любимцемъ. Я любилъ его больше всѣхъ дѣтей; мнѣ казалось тогда, что для меня легче было бы потерять ихъ всѣхъ, нежели одного Володю. Но за это чувство упрекала меня совѣсть: смерть Володи представлялась мнѣ наказаніемъ за несправедливость мою къ остальнымъ дѣтямъ. Словомъ, я находился въ такомъ состояніи духа, что ни прежде, ни послѣ не испытывалъ ничего подобнаго.

М. М. Евреиновъ, сильно любившій Володю, поспѣшилъ къ намъ при извѣстіи о его кончинѣ. Намѣстникъ Лавры о. Антоній, черезъ часъ послѣ постигшаго насъ горя, пришелъ въ гостинницу и, увидѣвъ тѣло Володи на столѣ, внезапно заплакалъ и сказалъ какъ будто самъ себѣ: «Это онъ! Его я видѣлъ во снѣ». Послѣ того онъ зашелъ къ намъ и былъ необыкновенно ласковъ, хотя до тѣхъ поръ сердился на меня за слова, сказанныя мною на археологическомъ съѣздѣ. Увидѣвшись съ Евреиновымъ, какъ съ старымъ своимъ знакомымъ, от. намѣстникъ

разсказалъ ему, что наканунѣ утромъ, задремавъ предъ совершеніемъ литургіи, видѣлъ св. Марію Магдалину, проходившую, съ сонмомъ дѣвственницъ, мимо обильной явствами трапезы. Подлѣ стоялъ прекрасный отрокъ. Старецъ сказалъ ему: «я готовлюсь къ служенію и не могу вкушать пищи, а тебѣ можно». Тогда услыхалъ онъ голосъ Маріи Магдалины: «оставьте его; онъ уже отозванъ ко мнѣ». Увидѣвъ покойника прибавилъ о. Антоній, я узналъ въ немъ того отрока, котораго видѣлъ во снѣ и не могъ удержаться отъ слезъ.

Мы похоронили Володю въ Сергіевой Лаврѣ, близъ алтаря Успенскаго собора. Отпѣваніе совершалъ о. намѣстникъ съ многочисленнымъ соборомъ братіи, въ трапезной церкви.

Послѣ похоронъ, мы провели еще нѣсколько дней въ Лаврской гостинницѣ со всей семьей своей. Въ это тяжкое для меня время я нуждался въ дружескомъ обществѣ, чтобы сколько-нибудь развлекать тоску, которая меня мучила. Но всѣ пріятели, напуганные холерою, отшатнулись отъ меня. Не сѣтую на людей семейныхъ, боявшихся заразы, хотя и не было причины бояться, потому что послѣ кончины Володи въ семьѣ моей не было больныхъ. Но не могу не вспомнить съ искреннею благодарностію объ одномъ лицѣ, принявшемъ живѣйшее участіе въ моемъ положеніи. Экстраординарный профессоръ Академіи, Александръ Өедоровичъ Лавровъ посѣщалъ меня ежедневно, доставлялъ дѣтямъ моимъ и мнѣ книги для чтенія. Мое горе онъ принялъ къ сердцу, не задолго передъ тѣмъ самъ испытавъ такое же, и можетъ быть еще болѣе тяжкое: онъ лишился единственной дочери, 11-лѣтней Саши, скончавшейся послѣ краткой болѣзни. Достойная супруга его Марія Николаевна, дочь Ростовскаго протоіерея Н. И. Корсунскаго, воспитанная въ одномъ изъ Московскихъ институтовъ, отличалась необыкновенною красотою, которая поражала всякаго, кто въ первый разъ видѣлъ ее. Но эта наружная красота была только вывѣскою высокихъ внутреннихъ качествъ. Одаренная твердымъ умомъ, отлично образованная и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно скромная, М. Н. была прекрасною женою и самою нѣжною матерью не только для своей, рано угасшей дочери, но и для двухъ племянницъ своего мужа, принятыхъ имъ на воспитаніе послѣ кончины Саши. Впрочемъ супружеское счастіе Лавровыхъ было непродолжительно; пораженная тяжкимъ недугомъ (ракомъ въ груди), М. Н. скончалась послѣ долгихъ страданій, 29 Августа 1879 года. Я былъ тогда въ деревнѣ; возвратившись оттуда осенью, я нашелъ А. Ө. Лаврова уже архимандритомъ Алексіемъ, а въ началѣ слѣдующей весны онъ хиротонисанъ въ санъ епископа Можайскаго, втораго викарія Московской епархіи, черезъ полгода послѣ того, какъ онъ лишился супруги. Преосв. Алексію выпалъ неожиданный

жребій быть викаріемъ митрополита Макарія, подъ предсѣдательствомъ котораго онъ участвовалъ въ комитетѣ, учрежденномъ при Св. Сѵнодѣ для реформы церковнаго суда. Предполагалось открыть особые суды для церковныхъ дѣлъ, независимые отъ мѣстнаго епархіальнаго начальства. Въ этомъ комитетѣ А. Ѳ. Лавровъ подалъ мнѣніе противъ новаго предположенія, какъ несогласнаго съ каноническими правилами. Вслѣдъ за тѣмъ появилась книга о реформѣ церковнаго суда, написанная въ томъ же духѣ. Епархіальные архіереи и духовныя консисторіи представили, на предложенный имъ запросъ, свои мнѣнія, большею частію основанныя на этой книгѣ. Такимъ образомъ предположеніе реформы уничтожилось само собою.

Спустя два мѣсяца, по кончинѣ нашего Володи съ 28 на 29 Сентября я видѣлъ замѣчательный сонъ, который послужилъ для меня утѣшеніемъ въ тяжкой скорби. Мнѣ снилось, что я стою у себя въ залѣ, близъ двери въ гостинную. Слышу изъ гостинной голоса дѣтей; они проходятъ мимо меня въ залу, и между ними Володя. Я съ радостію кинулся къ нему; онъ улыбается мнѣ своей прежней, ангельской улыбкой. Я протянулъ къ нему руки: Володя, это ты? Онъ кинулся мнѣ на шею, и крѣпко, крѣпко обнялъ меня. «Гдѣ ты моя радость, ты у Бога?—Нѣтъ, я еще не у Бога; я скоро буду у Бога.—Хорошо ли тебѣ?—Хорошо, лучше чѣмъ у васъ. А у васъ я часто, около васъ. Я все почти одинъ, только Марія Магдалина со мною бываетъ. Иногда мнѣ скучно.—Когда тебѣ скучно?—Особенно, когда плачутъ обо мнѣ. А меня утѣшаетъ, когда обо мнѣ молятся, когда даютъ бѣднымъ за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за васъ, за братьевъ, за Пашу (сестру), за всѣхъ, кто меня любитъ. Милую мою мамашу обнимите за меня, вотъ такъ, крѣпко, крѣпко....—Ты бы съ ней повидался, моя радость.—И повидаюсь, и повидаюсь.—Когда же?—Когда плакать перестанетъ». Тутъ послышался мнѣ голосъ жены моей изъ коридора; я обернулся туда къ ней, потомъ взглянулъ назадъ, на то мѣсто, гдѣ стоялъ Володя: его уже нѣтъ.... Я проснулся съ усиленнымъ біеніемъ сердца, въ такомъ волненіи, что не могъ удержать громкихъ рыданій, которыми разбудилъ жену мою. Въ ту же минуту я набросалъ на бумагу видѣнное во снѣ.

Прекрасный цвѣтокъ, не успѣвшій разцвѣсть на землѣ во всей красѣ своей, цвѣти въ вертоградѣ Отца небеснаго! Ты, наше сокровище, наша радость и наше горе, продолжай молиться за насъ, твоихъ скорбныхъ родителей, и за всѣхъ любящихъ и любившихъ тебя! Молись, чтобы и мы сподобились нѣкогда соединиться съ тобою тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханій, но жизнь безконечная!

Мучимый непрерывною тоскою, я думалъ найдти развлеченіе въ занятіяхъ II-го археологическаго съѣзда, назначеннаго въ Петербургѣ въ Декабрѣ 1871 года, совокупно съ празднованіемъ юбилея Петербургскаго Археологическаго Общества. На юбилейномъ засѣданіи предсѣдательствовалъ в. кн. Константинъ Николаевичъ. Въ числѣ прочихъ и я читалъ рѣчь, въ качествѣ депутата отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Но въ занятіяхъ съѣзда я не могъ почти принимать участіе: заболѣвъ подагрою, я пролежалъ нѣсколько дней и возвратился въ Москву.

Въ Январѣ 1872 года, пріѣхавъ съ женою въ Лавру для поминовенія Володи, я очень удивился, встрѣтивъ тамъ почтеннаго дядю моего, графа Дмитрія Николаевича. Оказалось что онъ поселился въ Лаврской гостинницѣ, имѣя въ виду основательное, недорогое и чуждое развлеченій воспитаніе единственного сына. При частыхъ поѣздкахъ моихъ изъ Москвы въ Лавру, я успѣлъ ознакомиться съ женою дяди, которой прежде не зналъ и нашелъ въ ней очень милую, добрую и родственную женщину. Вскорѣ мы искренно полюбили ее.

Между тѣмъ большой каменный домъ на Моховой, принадлежавшій женѣ моей и очень запущенный по моей неумѣлости въ хозяйственныхъ дѣлахъ, сталъ давать менѣе чистаго дохода, нежели давалъ прежде. Пользуясь возвышеніемъ цѣнъ на домá въ Москвѣ, мы продали его купцу Шелапутину за 69 тысячъ рублей, а въ Августѣ 1872 года купили въ Ливенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Медвѣжьемъ, имѣніе помѣщика Еропкина, состоявшее изъ 836 десятинъ черноземной земли при 156 надѣлахъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Это имѣніе было куплено на имя жены моей за 83 тысячи рублей, съ переводомъ долга Сохранной Казнѣ. Съ того времени мы уже не ѣздили въ Каменки, а постоянно проводили лѣтнее время въ новомъ имѣніи, которое требовало многихъ исправленій.

Осень этого года памятна намъ по новому горю. Еще не успѣли мы отдохнуть послѣ потери Володи, какъ постигла насъ другая тяжкая потеря: 30 Октября скончалась мать жены моей, княгиня Александра Петровна Волконская. Не только сыновья и дочери, но и я, зять ея, видѣлъ въ ней мать, любилъ ее наравнѣ съ родною моею матерью, а чтилъ несравненно болѣе, какъ примѣрную женщину, украшенную всѣми христіанскими добродѣтелями.

При отпѣваніи почившей княгини, краснорѣчивый проповѣдникъ слова Божія, священникъ К. С. Озеровъ (теперь уже покойный) подошелъ къ гробу, окруженному сыновьями, дочерьми и внуками почившей, множествомъ родныхъ и знакомыхъ, и еще бóльшимъ множествомъ бѣдныхъ, которымъ она благотворила не только при жизни, но и по

кончинѣ. Благословивъ покойницу, онъ произнесъ, безъ всякаго приготовленія, рѣчь, въ которой назвалъ ее «рабою Господнею», потому что она, на всѣхъ путяхъ своей, почти 80 лѣтней жизни, руководствовалась всегда сознаніемъ христіанскаго долга и была рабою Господнею отъ колыбели до могилы. Ежедневно спѣшила она въ церковь къ литургіи; ни домашнія заботы, ни немощи, неразлучныя съ преклонною старостію, не могли остановить ее отъ исполненія этого долга, въ которомъ она находила отраду для души своей. Во всѣ посты, съ вѣрою и любовію, приступала она къ трапезѣ Господней. Мы были свидѣтелями, какъ однажды, не смотря на всеобщія увѣщанія, она въ крайней слабости, послѣ горячки, во время самаго кризиса болѣзни, велѣла отвести себя въ церковь, и тамъ сподобилась причащенія божественныхъ Таинъ Христовыхъ. Мы, слабые въ вѣрѣ, опасались, что морозъ, довольно сильный, причинитъ ей простуду; боялись, что болѣзнь усилится и сдѣлается опасною для жизни: напрасныя опасенія! Сила живой вѣры исцѣлила больную: съ тогоже дня болѣзнь миновалась. Она служила Господу строгимъ исполненіемъ уставовъ церковныхъ, сохраняя неуклонно всѣ посты, установленные Православною Церковію, даже не разрѣшая себѣ на рыбу и елей въ тѣ дни, когда уставъ не разрѣшаетъ. И въ этомъ мы видѣли надъ нею опытъ помощи Божіей: при тяжкой болѣзни въ послѣдній великій постъ, врачъ тщетно убѣждалъ ее подкрѣпить мясною пищею старческія силы. «Лучше повиноваться Врачу Небесному, нежели земному», сказала она, и безвредно выдержала постъ до Пасхи. Любя всею душею молитву въ храмѣ Господнемъ, она любила и благолѣпіе церковное. Въ селѣ, гдѣ проводила она лѣтніе мѣсяцы (с. Витуши, Сапожковскаго уѣзда) воздвигнутъ ею обширный, каменный, трехпрестольный храмъ; въ другомъ имѣніи къ главному храму пристроенъ придѣльный. Въ эти храмы и во многіе другіе поступили отъ нея щедрыя приношенія. Добрая дочь, добрая и вѣрная жена, добрая мать семейства, воспитавшая въ страхѣ Божіемъ и правилахъ христіанской нравственности не только сыновей и дочерей, но и двухъ внучекъ, ввѣренныхъ ей Промысломъ Божіимъ (по смерти матери ихъ, старшей ея дочери), она на всѣхъ путяхъ жизни была рабою Господнею. Неусыпными попеченіями о хозяйствѣ умѣла она пріумножить свое состояніе, умѣла устроить дѣтей еще при жизни своей, никогда не увлекаясь пристрастіемъ къ кому-либо изъ нихъ, но всегда надѣляя ихъ совершенно равно, по закону строжайшей справедливости. Многіе считали ее скупою, видя на всякомъ шагу благоразумную ея бережливость; но они не знали, на какой предметъ назначаются остатки отъ доходовъ: они поступали на дѣла благотворенія. Никогда просящій не отходилъ отъ нея съ пустыми руками, никогда почти не случалось, чтобы за столомъ ея не было

бѣдныхъ, а въ семейные праздники и воскресные дни всегда нѣсколько бѣдныхъ женщинъ угощались вмѣстѣ съ родственниками и знакомыми. Она принимала на свое попеченіе воспитанницъ — сиротъ духовнаго званія и съ истинно-материнскою заботливостію устраивала судьбу ихъ, пріискивая для нихъ жениховъ, будущихъ священнослужителей, снабжая ихъ изобильно деньгами и приданымъ. Пріютъ для слѣпыхъ, Братолюбивое Общество и другія благотворительныя учрежденія пользовались ея пособіями; нищіе, снабженные записками о бѣдности отъ приходскихъ священниковъ, ежемѣсячно получали милостыню. Но вѣнцемъ неистощимой благотворительности покойной княгини были двѣ богадѣльни: одна изъ нихъ въ главномъ ея имѣніи, при воздвигнутомъ ею храмѣ, устроена и снабжена капиталомъ на вѣчное содержаніе еще при жизни ея; для другой церковной же богадѣльни въ родовомъ селѣ мужа ея, гдѣ онъ погребенъ и гдѣ она назначила для себя мѣсто погребенія, построено каменное зданіе для богадѣльни, и также внесенъ капиталъ. Послѣднія земныя заботы почившей были направлены на это учрежденіе.

На всей жизни ея лежала печать очевиднаго благословенія Божія: изъ семерыхъ дѣтей, достигшихъ зрѣлаго возраста, по особой милости Божіей, не нашлось ни одного сына, ни одной дочери, которые не служили бы утѣшеніемъ для чадолюбивой матери. Всѣ ея начинанія, всѣ предпріятія, отъ малаго и до большаго, удавались вполнѣ, даже и тогда, когда успѣхъ казался почти невозможнымъ. Знакомые говорили: «какъ счастлива княгиня: все ей удается». Но они не знали, за что̀ и почему удается; они не знали, что она ни одного дѣла не начинала иначе, какъ съ молитвою.

Въ самой кончинѣ и погребеніи ея проявилось особое благоволеніе Отца Небеснаго. Послѣ непродолжительной болѣзни, при старческомъ изнуреніи силъ, она удостоилась таинствъ исповѣди, причащенія св. Таинъ Христовыхъ и елеосвященія. Кончина ея была истинно-христіанская, непостыдная, безболѣзненная, мирная. Безъ всякихъ предсмертныхъ страданій, она тихо почила, какъ младенецъ, подъ звуками канона на исходъ души, читаннаго роднымъ ея внукомъ, однимъ изъ сыновей моихъ. Не одни дѣти и внуки, родные и знакомые почившей, окружали одръ ея во время заупокойныхъ молитвъ; надъ гробомъ ея плакали и рыдали тѣ, которымъ она благотворила; нищіе получали, во время поминовенія, щедрую милостыню изъ назначенной ею суммы. Когда погребальное шествіе приблизилось къ селу Липицамъ, гдѣ приготовлена была могила, всѣ крестьяне, принадлежавшіе покойному князю (теперь уже крестьяне-собственники), встрѣтили версты за двѣ и понесли на себѣ гробъ княгини въ тяжеломъ, обложенномъ свинцомъ ящикѣ. Имъ предлагали носилки; они не приняли и сказали: «мы же-

лаемъ потрудиться для нашей матушки». Ежеминутно останавливалось шествіе просьбою того или другаго крестьянина, чтобы отпѣть для него литію, такъ что для прохода двухъ верстъ потребовалось нѣсколько часовъ. Богадѣленныя старушки пожелали провести ночь въ холодномъ храмѣ, чтобы помолиться при гробѣ своей благодѣтельницы во время чтенія псалтири. Тѣже выраженія всеобщей любви и признательности обнаружились и въ другихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ почившей; при началѣ сорокадневныхъ молитвъ, церкви были полны, и весь народъ плакалъ, приговаривая: «буди ей вѣчная память.»

При выносѣ изъ дома въ церковь тѣла незабвенной нашей матери, сынъ нашъ 10-ти лѣтній Всеволодъ несъ икону предъ гробомъ. Не думали мы тогда, что намъ готовится новое горе, что вслѣдъ за престарѣлой бабушкой скоро перейдетъ въ вѣчность младшій изъ ея внуковъ. Нашъ Всеволодъ, одаренный прекрасными способностями, степенный и любознательный не по лѣтамъ, началъ развиваться ранѣе всѣхъ нашихъ дѣтей и подавалъ самыя лучшія надежды... Въ концѣ зимы онъ простудился; развился дифтеритъ, сопровождаемый эпилептическими припадками, и Сеша видимо угасалъ съ каждымъ днемъ. Въ сонномъ бреду онъ говорилъ самъ объ себѣ: «Сеша умреть, его похоронятъ, и всѣ его позабудутъ». Во Вторникъ на свѣтлой недѣлѣ Пасхи страшный припадокъ прекратилъ едва разцвѣтавшую жизнь его. Мы похоронили нашего Всеволода подлѣ Володи. Нѣтъ, милый ребенокъ: никогда не позабудутъ тебя твои родители, до тѣхъ поръ, когда сами лягутъ рядомъ съ тобою въ общей нашей усыпальницѣ!

Много горя принесли намъ эти два года, съ лѣта 1871 до весны 1873 года. Для меня съ того времени наступила полная, дряхлая старость.

Лѣтомъ 1873 года привелось мнѣ во второй разъ быть въ Кіевѣ: митрополитъ Арсеній удостоилъ меня приглашеніемъ на празднество 50-ти лѣтняго служенія его въ священномъ санѣ, назначенное на 6-й день Августа—день первой литургіи, совершенной имъ по рукоположеніи (въ 1823 году) въ санъ священства. И на этотъ разъ, какъ прежде при торжествѣ Академіи, я видѣлъ маститаго владыку, окруженнаго сонмомъ архипастырей, которые принесли ему свои братскія привѣтствія. Еще на пути, въ Курскѣ, имѣлъ я счастіе встрѣтиться и познакомиться съ однимъ изъ нихъ, досточтимымъ ревнителемъ и оплотомъ Православія въ странѣ Прибалтійской, тогда архіепископомъ Донскимъ, преосвященнымъ Платономъ; живое и глубоко-назидательное слово его сократило для меня часы утомительнаго путешествія.

Блистательно и умилительно было торжество полувѣковаго служенія первосвятителя Кіевскаго, къ которому съ искреннимъ усердіемъ стремилась паства его, всѣхъ званій и возрастовъ. Все пространство

Лавры кипѣло народомъ, стремившимся къ благословенію архипастырскому. А нѣсколько дней спустя, смиренный святитель, отдыхая съ дорогими своими гостями отъ городскаго шума, подъ прохладною тѣнію Голосѣевскихъ рощей, вспоминалъ свое дѣтство и отрочество. «Думалъ ли я», говорилъ онъ, «дожить до такихъ дней и видѣть надъ собою всѣ милости Божіи, какія теперь вижу? Такъ ясно представляется мнѣ первая пора моей жизни, когда я мальчикомъ-сиротой обучался въ низшихъ классахъ Костромской семинаріи (чуть ли еще не въ инфимѣ) и жилъ на хлѣбахъ у мѣщанина Волкова, первоначальнаго мастера, при которомъ развилось производство такъ называемаго Костромскаго табаку. Помню, какъ благочестивая старушка, мать его (до сихъ поръ поминаю ее въ молитвахъ) учила меня страху Божію, учила ходить передъ Богомъ и никогда не забывать присутствія Его на всякомъ мѣстѣ. Дороги были и отъ многаго зла охраняли меня эти добрые совѣты, а позднѣе привелось мнѣ познать на опытѣ силу страха Божія и постигнуть не разумомъ, а сердцемъ, что страхъ Господень, проникнувъ въ душу человѣческую, рождаетъ въ ней презрѣніе ко всему вещественному. Страхъ Господень чистъ, пребываяй въ вѣкъ вѣка, говоритъ Давидъ (Псал. XVIII, 10). Думаю, прибавилъ владыка, что нынѣшняя, пагубная и ненасытная алчность къ пріобрѣтенію основывается, паче всего, на отсутствіи страха Божія въ современномъ поколѣніи». Тогда же, обратясь ко мнѣ, владыка разсказалъ, какъ онъ, еще будучи отрокомъ, привязался всѣмъ сердцемъ къ чистому, кроткому, доброму и даровитому юношѣ,—это былъ Ѳ. А. Голубинскій, въ послѣдствіи знаменитый профессоръ Московской Духовной Академіи, мой незабвенный наставникъ и благодѣтель. Голубинскій по ученію былъ старше Москвина (прозваніе митрополита Арсенія); онъ поступилъ въ первый курсъ Московской Академіи изъ философіи (за два года до полнаго окончанія семинарскаго курса) въ 1814 году, а Москвинъ пятью годами позднѣе перешелъ въ Петербургскую Академію; но искренняя дружба между ними сохранилась до смерти обоихъ. Я видѣлъ живую радость покойнаго митрополита, когда поднесъ ему фотографическое изображеніе Ѳ. А., снятое съ портрета, писаннаго масляными красками и принадлежащаго почтенному профессору (нынѣ ректору) Московской Духовной Академіи С. К. Смирнову.

Въ той же мирной бесѣдѣ, подъ тѣнью громаднаго, многовѣтвистаго дуба, преосв. Димитрій, архіепископъ Херсонскій, разсказалъ намъ о перенесеніи мощей священномученика, вселенскаго патріарха Григорія, изъ Одессы въ Аѳины.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія Грековъ противъ Турецкаго ига первосвятитель Григорій сдѣлался первою жертвою, положивъ ду-

шу свою за овцы, какъ добрый пастырь. Онъ былъ повѣшенъ въ самый день Пасхи 1821 года. Тѣло его, брошенное въ море и узнанное Греческимъ шкиперомъ Склавосомъ, взято на корабль и привезено въ Одессу, гдѣ пролежало въ карантинѣ болѣе мѣсяца, не подвергаясь тлѣнію. По волѣ императора Александра І-го изъ Московской Синодальной (бывшей патріаршей) ризницы были присланы богатое патріаршее облаченіе и митра съ короною и крестомъ, принадлежавшія патріарху Никону для возложенія на мощи священно-мученика, при погребеніи ихъ въ Греческой церкви въ Одессѣ. Съ того времени прошло 50 л. Въ 1871 г., по ходатайству Греческаго правительства, разрѣшено было допустить перенесеніе мощей изъ Одессы въ Аѳины, къ торжеству полустолѣтія Эллинской независимости. Депутація, въ числѣ которой находился престарѣлый архіепископъ (имя его не упомню), родной племянникъ патріарха Григорія, собралась, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ и мѣстнымъ епархіальнымъ архіереемъ, въ Греческой церкви. Согласно указу Св. Сѵнода слѣдовало вынуть изъ могилы гробъ святителя, вложить, не раскрывая, въ другой гробъ и передать присланнымъ Грекамъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Когда сводъ могилы былъ разобранъ, облаченіе и митра, присланныя изъ Москвы въ 1821 году, оказались лежащими на крышкѣ гроба, который истлѣлъ и развалился. Лежавшія въ немъ мощи найдены вполнѣ нетлѣнными, но безъ всякой одежды и бѣлья, какъ были вынуты изъ моря; только по чресламъ были онѣ препоясаны полотномъ, сохранившимся въ цѣлости. Удивленные этимъ зрѣлищемъ, очевидцы сначала не могли угадать причину наготы мощей; но когда захотѣли облачить ихъ, то убѣдились, что нельзя сдѣлать это иначе, какъ ломая окоченѣвшіе составы. На такое насиліе, конечно, не рѣшились, и нетлѣнныя мощи, въ томъ же обнаженномъ состояніи, только обернутыя въ простыню, были вложены въ новый гробъ и переданы Греческимъ депутатамъ. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что мощи, по привезеніи ихъ въ Аѳины, положены открыто въ соборномъ храмѣ, облаченныя въ мантію, омофоръ и митру. Въ честь прославленнаго нетлѣніемъ священномученика составлена тамъ особая служба.

На другой день торжественнаго празднованія юбилея митрополита Арсенія въ Печерской Лаврѣ, былъ обѣдъ въ Духовной Академіи. Владыкѣ поднесены были собственные его труды, напечатанные по этому случаю, въ томъ числѣ лекціи по предмету изъясненія Св. Писанія, читанныя имъ, вскорѣ по окончаніи курса, въ Петербургской Академіи. Не задолго до юбилея, изслѣдованіе о книгѣ Іова, написанное ректоромъ Кіевской Академіи архимандритомъ Филаретомъ, для полученія степени доктора богословія, было задержано митрополитомъ на томъ

основаніи, что авторъ изслѣдованія относилъ написаніе этой книги ко времени Вавилонскаго плѣна. Такое мнѣніе показалось владыкѣ соблазнительнымъ; но въ старыхъ его лекціяхъ, напечатанныхъ ко времени юбилея, оказалось, что онъ самъ въ молодости держался того же мнѣнія, противъ котораго возсталъ въ старости.

Въ слѣдующемъ 1874 году я снова пріѣзжалъ въ Кіевъ, для участія въ засѣданіяхъ III-го археологическаго съѣзда. Владыка опять проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ тихомъ уединеніи Голосѣевской пустыни и принялъ меня съ прежнимъ радушіемъ. Здѣсь онъ сообщилъ мнѣ любопытныя свѣдѣнія о молоканахъ и духоборцахъ, собранныя имъ во время управленія Тамбовскою епархіею. Если не ошибаюсь, эти изслѣдованія напечатаны въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи. Прощаясь со мною, архипастырь Кіевскій принялъ искреннее участіе въ постигшемъ меня, незадолго предъ тѣмъ, горѣ (потерѣ сына Всеволода) и послалъ женѣ моей перламутровый крестъ, полученный имъ отъ неправедно низверженнаго патріарха Іерусалимскаго Кирилла. «Графиня теперь подъ крестомъ», сказалъ онъ, «какъ и блаженный старецъ патріархъ: молитва предъ крестомъ да послужитъ ей утѣшеніемъ.»

Въ этотъ же пріѣздъ мой въ Кіевъ, я много слышалъ о благотворительности митрополита Арсенія (конечно не отъ него самого, но отъ другихъ достойныхъ довѣрія лицъ). Кромѣ значительныхъ приношеній въ пользу Духовной Академіи, при торжествѣ ея юбилея, и другихъ духовно-учебныхъ заведеній Кіевской епархіи, владыка пожертвовалъ капиталъ въ Костромское попечительство для воспитанія земляковъ своихъ, сиротъ-семинаристовъ, и вообще много дѣлалъ добра всѣмъ нуждающимся. Между прочимъ и обѣднѣвшіе внуки того Волкова, у котораго жилъ нѣкогда на хлѣбахъ юноша Өедоръ Москвинъ, получали ежегодное пособіе отъ преосв. Арсенія. Видно, не даромъ сѣяла добрая старушка сѣмена страха Божія въ душу юнаго своего постояльца: обильные плоды, возросшіе изъ этихъ сѣменъ, послужили на пользу бѣднымъ ея потомкамъ.

Засѣданія археологическаго съѣзда были блистательнѣе и оживленнѣе обоихъ предъидущихъ съѣздовъ какъ по участію въ нихъ многихъ профессоровъ Духовной Академіи и университета Св. Владиміра, такъ и по значительному числу пріѣзжихъ археологовъ, Русскихъ и иностранныхъ, и по множеству лучшей городской публики, наполнявшей ежедневно обширную актовую залу университета, въ которой происходили засѣданія. Въ сосѣднихъ съ нею залахъ библіотеки устроена была выставка рукописей, принадлежавшихъ Академіи и нѣкоторымъ изъ частныхъ лицъ. Въ этой коллекціи обращали на себя особенное вниманіе Греческіе манускрипты, бо̀льшею частію харатейные и

весьма древніе, собранные пр. Порфиріемъ (Успенскимъ), епископомъ Чигиринскимъ, во время пребыванія его на Востокѣ. Между пріѣзжими членами находились: И. И. Срезневскій, Одесскій археологъ Н. Н. Мурзакевичъ, М. В. Юзефовичъ и многіе другіе.

Во время археологическаго съѣзда скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ жителей Кіева, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, знаменитый паломникъ и извѣстный духовно-историческій писатель.

Многія изъ сочиненій А. Н. были плодомъ многократныхъ путешествій его по Востоку и Западу и по отдаленнымъ краямъ обширнаго нашего отечества. Путешествія его на Востокъ сблизили его съ тамошними іерархами, которые нашли въ немъ постояннаго, усерднаго ходатая о всѣхъ нуждахъ нашихъ бѣдствующихъ единовѣрцевъ и почтили А. Н. титломъ епитропа (попечителя) патріаршихъ престоловъ. Памятниками попеченій А. Н. о церквахъ восточныхъ служатъ: устройство въ Москвѣ Антіохійскаго и Александрійскаго подворій (Іерусалимское учреждено еще прежде); основаніе новаго скита Русскаго на Аѳонѣ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, возстановленіе утраченнаго общежитія въ обители Зографской и сборъ подаяній (до 25 тыс. рублей) для возстановленія изъ развалинъ великолѣпной базилики въ Мѵрахъ Ликійскихъ, гдѣ было нѣкогда мѣсто покоя святителя и чудотворца Николая.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, не смотря на ослабленіе силъ отъ старости и начинающейся болѣзни, А. Н. еще разъ предпринялъ путешествіе на Аѳонъ, съ цѣлію примиренія Греческихъ монаховъ съ Русскими въ обители св. Пантелеймона. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ успѣха въ своемъ добромъ намѣреніи, и это отравляло скорбію послѣдніе дни ревностнаго паломника. По дѣламъ восточныхъ церквей А. Н. велъ обширную переписку съ патріархами и другими святителями Греческими. Особенно замѣчательна была эта переписка въ послѣднее время, когда возникъ раздоръ между Греками и Болгарами. Она, кажется, напечатана въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи. Много также переписывался покойный съ Русскими архипастырями. Письма къ нему незабвеннаго Московскаго святителя Филарета напечатаны имъ вскорѣ по кончинѣ владыки, много содѣйствовавшаго литературной дѣятельности А. Н. своими наставленіями и исправленіями первыхъ трудовъ его.

Не мало потрудился А. Н. для Церкви Русской. Служба его при Св. Сѵнодѣ, по отзыву блаженной памяти Филарета, митрополита Московскаго (лично мною слышанному), была «многоплодна», по живому участію его во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ, гдѣ бы они ни происходили. А когда онъ оставилъ службу, неотступность его въ ходатайствѣ

предъ лицами, власть имѣющими, духовными и свѣтскими, переходила иногда границы общепринятыхъ приличій и тѣмъ возбуждала противъ него разныя неудовольствія; но горячій ревнитель добра не смотрѣлъ на это и неуклонно, почти всегда съ успѣхомъ, преслѣдовалъ свои цѣли. Къ чести покойнаго нужно сказать, что, при всѣхъ непріятностяхъ, какія случалось ему испытывать, по милости неуклончиваго характера, онъ ни къ кому не питалъ вражды: добрая отъ природы душа его была чужда злопамятства и мстительности.

Въ Кіевѣ, гдѣ онъ поселился въ 1859 году, А. Н. оставилъ по себѣ добрую память: настойчивыми его стараніями возобновленъ въ 1861 году знаменитый крестный ходъ, въ день памяти св. Владнмира Равноапостольнаго, на мѣсто крещенія Руси; очищена и украшена Крещатицкая часовня, къ которой направляется эта священная процессія; построена, на исходатайствованную имъ сумму, каменная церковь въ с. Вышгородѣ, на древнемъ основаніи храма, воздвигнутаго нѣкогда Мономахомъ, тамъ гдѣ почивали нѣкогда мощи святыхъ князей—страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Особеннымъ предметомъ попеченій А. Н. былъ великолѣпный храмъ Андреевскій, котораго онъ былъ постояннымъ ктиторомъ. Этотъ храмъ обязанъ ему не только многими внутренними украшеніями, но и сохраненіемъ своей цѣлости: когда стѣны церкви стали уже подвергаться трещинамъ отъ вліянія ключей, вытекавшихъ подъ ними изъ горы, А. Н. исходатайствовалъ средства для отведенія этихъ ключей и для подкрѣпленія основаній храма подземными сводами, въ которыхъ устроена имъ пещерная церковь во имя преп. Сергія Радонежскаго, гдѣ онъ приготовилъ для себя могилу.

По мысли А. Н. учреждено въ Кіевѣ Свято-Владимирское Братство, въ эту эпоху, когда, подъ вліяніемъ скорбныхъ событій послѣдняго мятежа, въ Кіевѣ выработывалась мысль о необходимости противостать Латино-польской пропагандѣ совокупными общественными силами. Въ описаніи открытія Братства, покойный А. Н. говоритъ: «Прошедшая исторія края свидѣтельствуетъ, что все завѣтное, родное у здѣшняго населенія, сохранилось преимущественно подъ сѣнію Православной Церкви; что въ ней одной заключалась та неодолимая сила, предъ которою сокрушались насилія и козни враговъ. Развитіе и укрѣпленіе въ духѣ народномъ этой силы предприняли и учредители Кіевскаго Свято-Владимирскаго Братства, поставивъ себѣ главною задачею содѣйствовать зависящими отъ нихъ средствами усиліямъ мѣстнаго населенія и преимущественно православнаго духовенства въ противодѣйствіи Латино-польской пропагандѣ». По утвержденіи устава Братства митрополитомъ Арсеніемъ, 15 Іюля 1864 года послѣдовало открытіе Братства. Всѣ братья, съ своею хоругвію и иконою св. Владимира, по-

шли, въ составѣ крестнаго хода, къ Десятинной церкви, мѣсту погребенія Равноапостольнаго Князя, гдѣ совершалъ литургію самъ митрополитъ, и оттолѣ, со крестомъ на головѣ, открылъ тотъ величественный ходъ, которымъ съ 1864 года восторгаются благоговѣйные жители Кіева и богомольцы, притекающіе въ сей священный нашъ Іерусалимъ со всѣхъ концевъ Россіи. Погода благопріятствовала торжественному священнодѣйствію. Трехнедѣльные дожди, приводившіе въ уныніе землевладѣльцевъ, 15 Іюля какъ бы по мановенію Просвѣтителя Россіи, замѣнились великолѣпнымъ яснымъ днемъ. Народъ ликовалъ, какъ въ день свѣтлаго Воскресенія, наполняя собою улицы, горы и удолія Кіева. Появленіе братской хоругви на крестномъ ходѣ воскресило для многихъ былыя времена и, по выраженію одного Кіевскаго старожила, «душа взыграла».

Въ послѣдствіи задача Братства нѣсколько измѣнилась. Въ отчетѣ его за 1870 годъ мы читаемъ: «Если при самомъ учрежденіи Братства, главныя его дѣйствія были направлены къ утвержденію Православія въ народѣ противъ Латино-польской пропаганды, которая сильно дѣйствовала тогда во всѣхъ слояхъ общества, то теперь, когда эта пропаганда значительно ослабѣла въ юго-западномъ краѣ, усилился другой элементъ—Еврейскій, не менѣе опасный, хотя не столько въ политическомъ, сколько въ вещественномъ и нравственномъ отношеніи. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, образованіе молодаго поколѣнія Евреевъ въ нашихъ народныхъ училищахъ и гимназіяхъ невольно отклоняетъ ихъ отъ грубаго фанатизма отцевъ и, жаждою просвѣщенія свѣтскаго, привлекаетъ мало-по-малу къ духовному: то это важное обстоятельство, само собою, показываетъ намъ, куда должны быть направлены наши старанія, чтобы привлечь въ лоно христіанства тѣхъ изъ нихъ, которые сами туда стремятся и требуютъ только небольшой помощи отъ общества, чтобы поддержать ихъ на первыхъ порахъ, когда еще, подъ страхомъ гоненія отъ своихъ единовѣрцевъ, они остаются рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію». Для первоначальнаго внушенія истинъ вѣры Евреямъ, принимающимъ православную вѣру, А. Н., какъ безсмѣнный предсѣдатель Братства со дня его открытія, написалъ «Наставленіе Еврею, приготовляющемуся къ св. крещенію». По нѣскольку такихъ оглашаемыхъ постоянно жило въ домѣ А. Н., пользуясь его бесѣдою и руководствомъ.

За нѣсколько дней до кончины А. Н. я провелъ цѣлый вечеръ въ его домѣ, между Десятинною и Андреевскою церквами и вмѣстѣ съ нимъ, уже больнымъ, гулялъ въ прекрасномъ его саду, изъ котораго на всѣ стороны открываются живописные виды, не только на разныя мѣстности Кіева, но и на историческія окрестности матери градовъ

Русскихъ. Повидимому А. Н. не ожидалъ, что такъ скоро придется ему окончить земное свое поприще. Не ожидали этого и другіе, но дни больнаго были уже изочтены. Въ праздникъ Успенія Божіей Матери, А. Н. въ послѣдній разъ удостоился причащенія Тѣла и Крови Господней. На другой день преосвященный Филаретъ, незадолго предъ тѣмъ рукоположенный въ санъ епископа Уманскаго, втораго викарія Кіевской епархіи (съ сохраненіемъ званія ректора Академіи) напутствовалъ умирающаго таинствомъ елеосвященія. Очевидцы замѣтили послѣ соборованія, что А. Н., строгій блюститель церковнаго устава, уже лишившійся употребленія языка, но еще вполнѣ сохранявшій память и сознаніе, написалъ на аспидной доскѣ: «чинно совершено, благодарю». Кончина его послѣдовала 18 Августа.

Въ Сентябрѣ 1875 года я снова побывалъ въ Кіевѣ. На этотъ разъ я получилъ въ благословеніе отъ Лавры, чрезъ о. намѣстника ея, архимандрита Варлаама, большую икону угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ пещерахъ Кіевскихъ. Предъ самымъ отправленіемъ въ обратный путь, я зашелъ проститься съ владыкою, но онъ въ это время слушалъ всенощное бдѣніе въ своей крестовой церкви. Я просилъ келейника доложить ему, что, не имѣя возможности дождаться конца службы, чтобы не пропустить поѣзда желѣзной дороги, прошу заочнаго напутственнаго благословенія. Но любвеобильный владыка удивилъ меня своею милостію: онъ принялъ меня немедленно, ввелъ въ свою моленную и тамъ, послѣ краткой молитвы, благословилъ на путь. Могъ ли я думать тогда, что это благословеніе будетъ послѣднимъ, что мнѣ не видать уже старца-святителя, не лобызать уже болѣе благословляющей руки его? Митрополитъ Арсеній скончался отъ апоплексическаго удара въ Петербургѣ, на 82 году отъ рожденія. Тѣло его было перевезено въ Кіевъ и погребено въ церкви надъ ближними пищерами, близъ могилы предмѣстника его, митрополита Филарета (Амфитеатрова).

Въ томъ же 1875 году исполнилось 25 лѣтъ нашей брачной жизни, и мы 23 Октября отпраздновали свою серебряную свадьбу, отслушавъ литургію и благодарственный молебенъ въ томъ самомъ храмѣ св. Іоанна Предтечи за Прѣснею, въ которомъ совершено было надъ нами таинство брака. На этомъ семейномъ торжествѣ мы имѣли утѣшеніе видѣть вокругъ себя всѣхъ нашихъ дѣтей, конечно за исключеніемъ тѣхъ, которые перешли уже въ другой міръ. За обѣдомъ замѣтно было отсутствіе многихъ, бывшихъ на нашей свадьбѣ; нѣкоторыхъ изъ нихъ не было тогда въ Москвѣ, но большая часть уже окончила земную жизнь свою. Такъ кратковременна жизнь человѣческая!

Никогда не случалось мнѣ дѣлать такихъ длинныхъ поѣздокъ какъ въ 1877 году. Простудная боль въ ногахъ у нашей дочери вынудила

насъ, по совѣту доктора, отправиться въ Старую Русу. Тамъ провели мы болѣе мѣсяца; Пашенька лѣчилась ванными изъ грязи и совершенно выздоровѣла, а я воспользовался свободнымъ временемъ для обозрѣнія святынь и остатковъ старины въ Старорусскомъ уѣздѣ. Тогда же вновь побывалъ я въ Новгородѣ.

Въ концѣ Іюля я отправился изъ Старой Русы въ Казань, гдѣ въ началѣ Августа назначено было открытіе IV-го археологическаго съѣзда, засѣданія котораго были столько же занимательны, какъ и на Кіевскомъ съѣздѣ. Выставка рукописей была очень богата; кромѣ рукописей Соловецкой библіотеки, переданной въ Казанскую Духовную Академію, она заключала въ себѣ большую коллекцію манускриптовъ и рисунковъ раскольничьихъ и скопческихъ. Стеченіе публики на съѣздѣ было также многочисленно, какъ и въ Кіевѣ. Особенностью Казанскаго съѣзда было необыкновенное вниманіе городской администраціи къ удобствамъ пріѣзжихъ гостей; поѣздки членовъ къ развалинамъ древняго города Болгаръ и въ г. Свіяжскъ были устроены на счетъ города. Въ первой изъ этихъ поѣздокъ я не участвовалъ, но вторая доставила намъ много историческаго интереса. Во время пребыванія въ Казани я снова пользовался родственнымъ гостепріимствомъ въ домѣ Осокиныхъ; на этотъ разъ почтенный Алексѣй Гавриловичъ былъ дóма и вмѣстѣ со мною ѣздилъ на богомолье въ Седміезерную пустынь и въ деревню, гдѣ жила тогда младшая дочь Осокиныхъ Наденька съ мужемъ своимъ Н. А. Желтухинымъ. Въ этотъ же пріѣздъ я познакомился съ племянникомъ, М. А. Осокинымъ, который возвратился изъ Берлина слѣпымъ, и съ старшею изъ сестеръ его, Варенькой.

Преосв. Антоній, архіепископъ Казанскій, принялъ живое участіе въ доставленіи научныхъ удобствъ для пріѣзжихъ археологовъ; по распоряженію многоученаго и неутомимо-дѣятельнаго архипастыря, всѣ замѣчательные предметы ризницъ, какъ соборныхъ, такъ и монастырскихъ, были выставлены для обозрѣнія и снабжены ярлыками съ краткимъ описаніемъ. Посѣтивъ преосв. Антонія въ лѣтнемъ его жилищѣ, Воскресенскомъ монастырѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Казани, я нашелъ его значительно похудѣвшимъ и постарѣвшимъ; въ немъ таились уже корни той внутренней болѣзни, которые, спустя нѣсколько времени, пресѣкли жизнь, драгоцѣнную для Русской Церкви. Преосв. Антоній скончался 8 Ноября 1880 года. Въ слѣдъ за нимъ, послѣ краткой болѣзни, окончила жизнь дорогая моя кузина В. М. Осокина.

Въ Казани получилъ я извѣстіе, что старшій сынъ нашъ Сережа идетъ на войну, прикомандировавшись къ гвардейскому драгунскому полку (Кирасирскій Его Величества полкъ, въ которомъ онъ служитъ, оставался въ Царскомъ Селѣ и не участвовалъ въ военныхъ

дѣйствіяхъ). Пораженный этимъ извѣстіемъ, я поспѣшилъ, не дожидаясь окончанія съѣзда, отправиться въ село Медвѣжье, гдѣ жила тогда жена моя съ дочерью. Оттуда мы собрались провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Кіевѣ у втораго нашего сына Петра. Здѣсь мы пользовались благосклоннымъ вниманіемъ супруги генералъ-губернатора княгини Н. А. Дондуковой-Корсаковой. Она почти ежедневно получала извѣстія изъ арміи, гдѣ супругъ ея командовалъ корпусомъ (если не ошибаюсь, 11-мъ). Такимъ образомъ и мы могли получать свѣдѣнія о нашемъ юномъ воинѣ. Въ половинѣ Ноября поразила насъ страшная вѣсть, что Сережа тяжело контуженъ въ дѣлѣ подъ Новачиномъ, гдѣ нашъ небольшой отрядъ былъ окруженъ многочисленнымъ полчищемъ Турокъ. Почти всѣ офицеры были убиты или ранены. Но къ счастію на другой же день послѣ вѣсти объ этой битвѣ мы получили, благодаря участію княгини Н. А., утѣшительное извѣстіе, что контузія Сережи не опасна, а вскорѣ и онъ самъ, получивъ отпускъ для леченія, явился къ намъ въ Кіевъ.

Почти четыре мѣсяца, прожитые нами въ Кіевѣ, я старался употребить съ пользою: испросивъ разрѣшеніе совѣта Академіи, я постоянно посѣщалъ лекціи церковной исторіи и каноническаго права. Вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ и живѣйшею благодарностію къ почтеннымъ труженикамъ науки, наставникамъ Академіи, о пріятныхъ часахъ, проведенныхъ мною въ академическихъ аудиторіяхъ. Могу сказать безъ лести, что я не надѣялся получить такъ много полезныхъ свѣдѣній въ такое короткое время. Съ однимъ изъ новыхъ моихъ наставниковъ П. А. Лашкаревымъ я познакомился еще на первомъ археологическомъ съѣздѣ, а съ И. И. Малышевскимъ, А. Д. Вороновымъ, Ф. А. Терновскимъ, Н. И. Петровымъ и молодымъ привать-доцентомъ С. Т. Голубевымъ успѣлъ сблизиться въ частые пріѣзды мои въ Кіевъ. При ласковомъ вниманіи ихъ къ слушателю, почти 70-ти лѣтнему, я былъ принятъ въ кругу ихъ какъ будто свой человѣкъ; мы часто проводили вечера то у одного, то у другаго изъ гг. профессоровъ, а иногда собирались они у меня на Институтской улицѣ, въ домѣ Сіони.

Предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Кіева, оба викарія Кіевской епархіи получили другое назначеніе: преосв. Порфирій назначенъ членомъ Московской Сvнодальной Конторы, а ректоръ Академіи преосв. Филаретъ—епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ. Въ честь обоихъ отъѣзжавшихъ изъ Кіева архипастырей былъ устроенъ обѣдъ отъ духовенства и наставниковъ Академіи и Семинаріи. На этомъ обѣдѣ привѣтствовали уѣзжающихъ каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ и исправлявшій должность ректора Академіи, профессоръ Д. В. Поспѣловъ.

Затѣмъ ректоръ Семинаріи благодарилъ преосв. Порфирія за щедрую помощь, которую онъ оказывалъ многимъ бѣднымъ семинаристамъ; эта благодарность была видимо непріятна преосв. Порфирію, желавшему, чтобы добро, имъ сдѣланное, оставалось тайнымъ. Въ заключеніе рѣчей, удалось и мнѣ, въ качествѣ почетнаго члена Академіи, припомнить о заслугахъ преосв. Филарета въ учрежденіи церковно-археологическаго музея при Академіи. Этотъ музей, начатый почти безъ всякихъ средствъ, не задолго предъ тѣмъ обогатился великолѣпнымъ собраніемъ древнихъ иконъ, купленныхъ преосв. Филаретомъ, на счетъ лица, пожелавшаго скрыть свое имя, за 10 тысячъ рублей. Въ послѣдствіи туда же пожертвована единственная въ своемъ родѣ коллекція предметовъ святыни и древности, оставшаяся послѣ А. Н. Муравьева и пожертвованная его наслѣдникомъ В. С. Муравьевымъ.

Возвратясь въ Москву въ Февралѣ 1878 года, я долженъ былъ пуститься снова въ суету большаго свѣта, куда сопровождалъ я дочь мою. По слабости здоровья, жена моя не могла выѣзжать на балы и другія удовольствія вмѣстѣ съ Пашенькою. На мою долю досталось возобновлять старыя знакомства и проводить безсонныя ночи, смотря на танцующихъ. Къ счастію, эта не легкая для меня служба продолжалась не долго. Пашенька имѣла большой успѣхъ въ свѣтѣ; ее прославили красавицей. Она многимъ нравилась, но ей пока еще никто не нравился. Для нея не наступила еще пора любви.

Въ слѣдующемъ 1879 году праздновалась въ Москвѣ серебряная свадьба старшаго брата жены моей князя Н. П. Волконскаго. Жена моя не возвратилась еще изъ деревни, а я пировалъ 1 Ноября на этомъ великолѣпномъ праздникѣ, рѣдкомъ въ своемъ родѣ; потому что серебряные новобрачные представляли собою образецъ брачнаго счастія. Они прожили 25 лѣтъ душа въ душу, съ тою же горячею любовью другъ къ другу, съ которою женились. И здѣсь, такъ же какъ и на нашей серебряной свадьбѣ, было замѣтно отсутствіе многихъ близкихъ по душѣ лицъ, похищенныхъ смертію.

Между тѣмъ нашелся человѣкъ, завладѣвшій сердцемъ нашей Пашеньки. Это былъ молодой князь Василій Голицынъ. Онъ принадлежитъ къ одному изъ лучшихъ и особенно почитаемыхъ въ Московскомъ обществѣ семействъ. Отецъ его, князь Дмитрій Михайловичъ, женатый на З. В. Лодомирской, пользуется всеобщимъ уваженіемъ не только по знатности своего рода, но и по личнымъ высокимъ качествамъ. Онъ по прямой линіи потомокъ знаменитаго соименника своего князя Д. М. Голицына, хотѣвшаго, вмѣстѣ съ другими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, ограничить самодержавныя права приглашаемой на Всероссійскій престолъ Курляндской герцогини Анны Іоанновны. Хотя молодой

человѣкъ, страстно влюбленный, готовъ былъ тотчасъ же сдѣлать предложеніе невѣстѣ; но благоразумный отецъ, сомнѣваясь въ прочности юношеской любви, медлилъ своимъ согласіемъ, доколѣ не убѣдился въ постоянствѣ чувствъ своего сына. Тогда (26 Марта 1880 г.) онъ самъ пріѣхалъ къ намъ и предложилъ милаго жениха моей дочери. Бракъ совершился въ придворной церкви Рождества на Царицыныхъ Сѣняхъ 2 Іюня 1880 года. Вся Московская знать была на свадьбѣ. Посаженымъ отцемъ невѣсты былъ дядя мой графъ Д. Н. Толстой, а посаженой матерью жена роднаго дяди и крестнаго отца невѣсты княгиня О. В. Волконская. За обѣдомъ, въ саду при домѣ Голицыныхъ, были одни почти родные съ обѣихъ сторонъ, числомъ болѣе 50 человѣкъ. Послѣ обѣда новобрачные уѣхали въ село Никольское, старинное родовое имѣніе, принадлежащее теперь родному дядѣ нашего зятя, сенатору князю Н. М. Голицыну.

Этимъ радостнымъ въ семьѣ нашей событіемъ заключаю мои воспоминанія. Чувствую, что иное позабылъ за давностію времени, инаго не умѣлъ высказать, иное можетъ быть перемѣшалось въ старой моей памяти и сказано не такъ, какъ бы слѣдовало. Можетъ быть, я наскучилъ читателямъ подробностями о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ; но я не могъ избѣжать этого, потому что настоящія воспоминанія предназначены быть семейною хроникою для моего потомства. Во всѣхъ недостаткахъ, какіе въ нихъ окажутся, прошу прощенія, по примѣру старинныхъ лѣтописцевъ, которые заключали свои сказанія такимъ обращеніемъ къ снисходительности читателей: «братіе и отцы, аще что не дописахъ, или переписахъ, чтите исправляюще Бога для, а не кляните».

С. Медвѣжье.
22 Іюня 1880 года.

ВОСПОМИНАНІЯ АВРААМА СЕРГѢЕВИЧА НОРОВА.

Воспоминанія А. С. Норова о 1812 годѣ и о предыдущихъ войнахъ написаны по поводу романа графа Толстаго „Война и Миръ“. Они появились первоначально въ „Военномъ Сборникѣ“ 1868 г. (кн. XI), откуда позволилъ намъ извлечь ихъ Н. П. Поливановъ, которымъ доставлены въ Русскій Архивъ многія другія бумаги. А. С. Норова. Въ этихъ Воспоминаніяхъ важно не столько возраженіе графу Толстому, сколько личныя показанія достопочтеннаго сочинителя, бывшаго очевидцемъ и дѣятелемъ величайшихъ событій. Его живой и правдивый разсказъ имѣетъ все значеніе важнаго историческаго свидѣтельства. П. Б.

Съ юношескихъ лѣтъ моихъ, со вступленіемъ юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, до производства моего въ офицеры въ 1811 году и до выступленія въ походъ въ Мартѣ 1812 года, я жилъ у княгини В. В. Голицыной, супруги генерала-отъ-инфантеріи князя С. Ѳ. Голицына, командовавшаго тогда нашею обсерваціонною арміею въ Галиціи, съ которыми родители мои были въ близкихъ сношеніяхъ. Съ нею же вмѣстѣ жилъ сынъ ея князь Ѳ. С. Голицынъ, предъ тѣмъ женившійся на дочери фельдмаршала князя Прозоровскаго. Этотъ домъ былъ въ постоянномъ общеніи со всею столичною аристократіею; поэтому я могу назвать всѣ тѣ дома, въ которыхъ сосредоточивалось высшее Петербургское общество, и гдѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я самъ былъ принятъ. Вотъ имена лицъ: графъ и графиня Строгоновы, графы Румянцовы (эти два дома преимущественно были посѣщаемы учеными и литераторами; (графиня С. В. Строгонова перевела всю поэму Данте), княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая, княгиня Елена Никитична Вяземская, которой внучка очаровывала всѣхъ своею красотою и куда очень часто ѣздилъ Французскій посланникъ графъ Коленкуръ, вскорѣ отозванный и замѣненный графомъ Лористономъ; князь и княгиня Кочубей, Наталья Кириловна Загряжская, графъ и графиня Литта, князь и княгиня Юсуповы, графъ и графиня Гурьевы, графъ и графиня Лаваль, князь и княгиня Ливенъ, графъ Н. А. Толстой, Александръ и Дмитрій Львовичи Нарышкины, Софья Петровна Тутолмина, Софья Петровна Свѣчина. Всѣ эти дома отличались или тонкостію образованія, или роскошью гостепріимства, и не

думаю, чтобы въ какомъ-либо изъ нихъ называли Наполеона антихристомъ и тому подобное. Москву, въ которой я былъ мелькомъ передъ походомъ, я не могъ знать хорошо, и потому назову только моихъ родственниковъ: семейство графа Бутурлина, имѣвшаго огромную библіотеку, сгорѣвшую съ Москвою, семейство графа А. И. Мусина-Пушкина, Маргариты Александровны Волковой, П. С. Валуева, князя С. И. Гагарина, и прибавлю къ нимъ дома С. С. Апраксина и графа Ростопчина. Салоны всѣхъ этихъ домовъ рѣшительно не подходятъ къ тѣмъ, которые описаны въ романѣ графа Толстаго.

Общество гвардейскихъ офицеровъ (это былъ блестящій вѣкъ гвардіи) состояло, большею частію, изъ лицъ старыхъ дворянскихъ фамилій и отличалось какъ образованностію, такъ и утонченнымъ воспитаніемъ, и можно было правильно сказать, что у нихъ только и слышно было: *„Жомини да Жомини, а объ водкѣ ни полслова“*. Этотъ стихъ партизана Давыдова (съ которымъ я былъ довольно хорошо знакомъ) относился къ гусарамъ, и таковыми они и были тогда; я говорю отъ 1809 до 1812 года, и не думаю, чтобы четыре года тому назадъ, т.-е. въ 1805 году, когда я еще не былъ на службѣ, общество это было не тоже самое.

Относительно Аустерлицкой кампаніи, многіе изъ моихъ старшихъ товарищей участвовали какъ въ этой, такъ и въ Прусской кампаніи, и я отъ нихъ слышалъ много подробностей, тогда еще совсѣмъ свѣжихъ. Грустно для Русскаго вспоминать объ этой эпохѣ; но еще грустнѣе читать тотъ разсказъ, который сдѣланъ искуснымъ перомъ Русскаго офицера-литератора. Лѣтъ тридцать тому назадъ я плылъ на одномъ пароходѣ съ маршаломъ Мармономъ изъ Линца въ Вѣну; я съ нимъ познакомился въ 1835 году въ Египтѣ, на кавалерійскихъ маневрахъ, которые дѣлалъ для него Мегметъ-Али въ виду пирамидъ, на самомъ полѣ битвы Бонапарта съ мамелюками, и гдѣ самъ маршалъ Мармонъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ этотъ разъ мы проходили вдоль береговъ Дуная, мимо полей нашихъ славныхъ битвъ: Эмсъ, Амштетенъ, Мелькъ, Кремсъ, которыхъ героями были Багратіонъ, Милорадовичъ и Дохтуровъ. Французскій маршалъ указывалъ мнѣ на нѣкоторые пункты отчаянныхъ битвъ и называлъ ретираду Кутузова отъ Браунау и Кремса классически-геройскою. Таковою она считалась и у насъ до романа графа Толстаго. Говоря о самомъ Аустерлицкомъ сраженіи (которымъ съ такою подробностію занялся графъ Толстой), маршалъ Мармонъ съ увлеченіемъ восхвалялъ неимовѣрную стойкость нашихъ войскъ до *катастрофы*, когда отступающій лѣвый флангъ нашей арміи погрязъ въ полузамерзшемъ болотѣ, громимый Французскою артиллеріею.

Какое мѣсто можно дать фатализму или случаю, на которомъ графъ Толстой основалъ военное искусство, если мы разсмотримъ послѣдовательно геніальное отступленіе Кутузова отъ Браунау до Брюна, когда онъ долженъ былъ постоянно бороться не только противъ несравненно сильнѣйшей арміи знаменитаго полководца, но и противъ несмысленныхъ повелѣній Австрійскаго кригс-

рата (не выполняя ни одного изъ нихъ) и даже противъ измѣны? Ибо очевидно, что Австрійцы, послѣ постыдной капитуляціи Мака, хотѣли и насъ уподобить себѣ, вовлекая въ неминуемое пораженіе: они уже ясно видѣли свою погибель и всю тщетность своихъ усилій. Повелѣніемъ Кутузову императора Австрійскаго удерживать во что бы то ни стало переходъ чрезъ Иннъ и чрезъ Дунай у Кремса они явно приносили Русскую армію въ жертву. Конечно, автора романа нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ щадилъ Австрійцевъ; но онъ могъ бы въ настоящемъ свѣтѣ выставить искусство и геройство нашихъ генераловъ. Не отступая отъ строгой исторической истины, всякій безпристрастный писатель отнесетъ всю неудачу кампаніи 1805 года къ Австрійцамъ. Еслибъ Макъ съ 70,000 арміею не положилъ оружія, еслибъ Мерфельдтъ и Ностицъ не сдѣлали почти того же самаго: то даже безъ соединенія съ войсками эрцгерцоговъ успѣхъ кампаніи могъ быть довольно вѣренъ подъ начальствомъ такого вождя, какимъ былъ Кутузовъ. Герой романа графа Толстаго, князь Болконской, присутствуетъ почти во все время славной ретирады Кутузова отъ Браунау, и авторъ имѣлъ случай выказать подвиги нашей арміи. Во всемъ романѣ графа Толстаго князь Болконскій гораздо умнѣе и Кутузова, и Багратіона, и всѣхъ нашихъ генераловъ. Найдете ли вы тамъ славную битву Багратіона и Милорадовича подъ Амштетеномъ, гдѣ эти два Суворовскіе генерала воодушевляли другъ друга памятью Требіи и Нови, и гдѣ Милорадовичъ прозвалъ своихъ Апшеронцевъ: „ce sont des crânes“ (щеголяя Французскимъ языкомъ, который онъ плохо зналъ)? Битва подъ Амштетеномъ останется въ военной исторіи какъ одна изъ самыхъ яростныхъ, гдѣ Русскій штыкъ истинно ознаменовалъ себя. Посмотрите же, какъ графъ Толстой отозвался о томъ: „Были *дѣла* при Ламбахѣ, Амштетенѣ и Мелькѣ; но, несмотря на храбрость и стойкость, признаваемыя самимъ непріятелемъ, съ которыми дрались Русскіе, *послѣдствіемъ этихъ дѣлъ было только еще быстрѣйшее отступленіе*“ (1,221)—только что не сказано *бѣгство*! Но какое же это было отступленіе? Никакія силы Французовъ не могли не только сломить, но даже и разстроить нашъ арріергардъ. Это отступленіе, по глубоко-обдуманному плану, спасало всю армію и было доведено до конца съ полнымъ успѣхомъ чрезъ соединеніе съ арміею, шедшею изъ Россіи, до катастрофы Аустерлицкой, гдѣ уже не Кутузовъ, а *гофкригсратъ и гадкіе проектеры*, какъ говаривалъ Суворовъ, сдѣлались главнокомандующими. Посмотрите же, съ какою за то подробностію и какъ живописно описываетъ авторъ романа неурядицу при переходѣ черезъ Энсъ, которая едвали была такова. Отрядомъ командовалъ полковникъ графъ Орурк, въ то время отличный авангардный офицеръ. Неужели это онъ въ лицѣ безтолковаго Нѣмца, который не зналъ и не понималъ, что горючія вещества, положенныя подъ мостъ, были для того приготовлены, чтобы зажечь этотъ мостъ? Не желая проникать въ тайны свѣдѣній, которыми пользовался романистъ, я не считаю нужнымъ останавливаться на

этомъ эпизодѣ храбрыхъ Павлоградскихъ гусаръ, который не совсѣмъ для нихъ лестенъ; но вспомнимъ о томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находился Кутузовъ, подходя къ рѣкѣ Энсъ, отъ которой непріятель хотѣлъ его отрѣзать. Въ самое то время, когда напиралъ на него всѣми силами Наполеонъ и когда Кутузовъ обезпечивалъ свой лѣвый флангъ Австрійскимъ корпусомъ Мерфельдта, этотъ корпусъ, только что спасенный отъ конечной гибели отрядомъ князя Багратіона и за тѣмъ оставленный въ Штейерѣ, былъ атакованъ и оставилъ Штейеръ, открывъ лѣвый флангъ Кутузова... А въ довершеніе всего этотъ же корпусъ получилъ повелѣніе отдѣлиться отъ Кутузова и идти въ Вѣну, оставя только отрядъ графа Ностица. Между тѣмъ Кутузовъ имѣлъ повелѣніе Австрійскаго императора держаться на Энсѣ! Разумѣется, Кутузовъ не послушалъ и продолжалъ идти на соединеніе съ нашею второю арміею. Такимъ образомъ, послѣ молодецкой битвы подъ Амштетеномъ, Кутузовъ дошелъ до переправы чрезъ Дунай, у Кремса, которую ему также велѣно было защищать coûte qui coûte, тогда какъ корпусъ маршала Мортье перешелъ на лѣвый берегъ Дуная, направляясь по той сторонѣ на Кремсъ въ тылъ Кутузову, а Наполеонъ со всею арміею слѣдовалъ по пятамъ Кутузова и припиралъ его съ противной стороны къ Дунаю. Кутузовъ быстрымъ переходомъ черезъ Дунай у Кремса разрушилъ всѣ замыслы Наполеона, и сверхъ того разбилъ маршала Мортье, посланнаго ему въ тылъ, заставя его поспѣшно, съ остатками своего корпуса, едва спасшагося, перейти обратно за Дунай. Жаль, что князь Андрей Болконской находился во время этого кровопролитнаго боя при убитомъ въ этомъ сраженіи Австрійскомъ генералѣ Шмитѣ, а не возлѣ Дохтурова или Милорадовича: иначе онъ могъ бы разсказать подробнѣе, а не на полстраничкѣ, славный бой, котораго не могла даже прекратить мрачная Октябрская ночь, когда не луна, а огни пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ освѣщали ратующихъ въ горныхъ лѣсныхъ дефилеяхъ. Хотя авторъ романа называетъ наше сраженіе подъ Кремсомъ побѣдою, но сарказмы дипломата Билибина въ разговорѣ съ княземъ Болконскимъ приводятъ героя романа къ тому, что онъ на слова дипломата: „при всемъ моемъ уваженіи къ православному Россійскому воинству, я признаюсь, что ваша побѣда не весьма побѣдоносна", отдѣлывается только шуточно, отвѣтомъ: „и однако все-таки можемъ сказать безъ хвастовства, что это *немного получше Ульма!*" А на то, отчего не захватили маршала въ плѣнъ, и вмѣсто того чтобъ придти къ 7 часамъ утра пришли къ 7 часамъ вечера, онъ не даетъ никакого отвѣта, тогда какъ этотъ отвѣтъ могъ быть весьма коротокъ и ясенъ: оттого, что Австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Шмитъ завѣрилъ Кутузова, что ему горные пути Кремса извѣстны какъ своя комната, и что обходъ Газановой дивизіи съ тыла не представитъ никакихъ топографическихъ затрудненій. Нельзя было не повѣрить показаніямъ Шмита, облеченнаго неограниченною довѣренностію Австрійцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ взялся быть колонновожа-

тымъ, а потомъ заплатилъ за это своею жизнію, между тѣмъ какъ проводники Дохтурова „ввели его въ непроходимыя горы, покрытыя лѣсами, гдѣ два человѣка съ трудомъ могли идти рядомъ, и то встрѣчая на каждомъ шагу препятствіе“ [1]). И могъ бы также Болконскій сказать Билибину на его слова: „какъ же вы со всею массою своею обрушились на несчастнаго Мортье при одной дивизіи“, что только въ томъ пунктѣ, гдѣ былъ самъ Мортье была одна дивизія, но что у него ихъ было всего три: Газана, Дюпона и Дюмонсо, которыя составляли цѣлый корпусъ, что не вся масса Кутузовской арміи обрушилась на Мортье и что эта *масса* была не весьма велика.

Послѣ Кремскаго сраженія, Кутузовъ, разрушая постоянно замыслы Наполеона, только что успокоенный нѣсколько судьбою кампаніи и торжественно завѣренный Австрійскимъ императоромъ, что единственный переходъ черезъ Дунай подъ Вѣною закрытъ отъ непріятеля всѣми силами не только его арміи, но и всею силою народа, начиналъ обдумывать новое положеніе дѣлъ, какъ вдругъ къ нему пришло извѣстіе, что Вѣнскій мостъ отданъ Французамъ безъ боя и что Наполеонъ идетъ форсированными маршами перерѣзать ему соединеніе съ арміею Буксгевдена.

Не пора ли уже было, послѣ такого гнуснаго событія, разорвать всѣ связи съ Австрійцами и рѣшительно отозвать наши доблестныя войска изъ среды срамнаго сборища такихъ полчищъ, которыя недостойны были носить шпаги на бедрахъ и ружья на раменахъ своихъ? Не свѣжа ли еще у насъ была тогда поносная измѣна этихъ самыхъ Австрійцевъ великому Суворову? Не тутъ ли еще были тому свидѣтелями Багратіонъ и Милорадовичъ? Уроки исторіи ни къ чему не послужили!... Обманъ, по которому, говорятъ намъ, князь Ауерсбергъ отдалъ Вѣнскій мостъ Французамъ, слишкомъ былъ глупъ, чтобъ можно было думать, что онъ ему повѣрилъ; но ему говорилъ Мюратъ: „не имѣя болѣе враждебныхъ намѣреній противъ Австрійцевъ, мы идемъ искать Русскихъ“. Этотъ фактъ занесенъ въ скрижали исторіи, и послѣ того Австрійскій императоръ не устыдился писать Кутузову: „Настаютъ самыя рѣшительныя минуты; намѣреніе непріятеля очевидно помѣшать соединенію Русскихъ армій.... онъ раздѣлилъ армію на нѣсколько частей, изъ коихъ одна, *переправясь черезъ Дунай въ Вѣнѣ,* идетъ на васъ. *Самое лучшее было бы разбить его корпуса по одиночкѣ, подобно тому, какъ вашимъ искусствомъ и храбростію войскъ разбитъ Мортье!!!*“

Каждый часъ промедленія для Кутузова былъ уже пагубенъ. Наполеонъ, перейдя Вѣнскій мостъ, со всею арміею слѣдовалъ прямымъ путемъ на Цнаимъ, чтобы отрѣзать Кутузова отъ соединенія съ шедшею изъ Россіи арміею. Дорога изъ Кремса соединялась съ Цнаймскою у Гунтерсдорфа; съ половины пути

[1]) Данилевскій, 104.

Кутузовъ отрядилъ уже князя Багратіона, дабы онъ, усиленными маршами, перейдя Гунтерсдорфъ, заградилъ путь непріятелю, пока вся армія не выйдетъ позади его на Цнаймскую дорогу. Авангардъ князя Багратіона, утомленный трудностями пути, состоялъ только изъ 4,000 человѣкъ при одной батареѣ. (Леонидъ, также съ 4,000 союзныхъ Грековъ и своихъ Спартанцевъ, шелъ заградить путь Персамъ). Онъ былъ обреченъ почти на вѣрную погибель; онъ долженъ былъ устоять противу напора всей Наполеоновской арміи, пока Кутузовъ не выведетъ свою армію на путь соединенія съ Буксгевденомъ. Какая величественная картина, когда Кутузовъ, разставаясь съ Багратіономъ, осѣнилъ его знаменіемъ креста. Подлинно, крестный подвигъ предстоялъ ему! Отъ генерала до солдата—всѣ это знали, и Багратіонъ передъ боемъ, въ предварительномъ совѣщаніи со своими офицерами, подобно царю Спартанскому, прямо глядѣлъ въ глаза смерти. Надобно вспомнить, что прикомандированный къ Багратіону Австрійскій генералъ графъ Ностицъ былъ поставленъ имъ въ авангардѣ съ Гессенъ-гомбургскими гусарами и съ двумя казачьими полками въ Голлабрунѣ, а самъ онъ занялъ въ двухъ верстахъ оттуда позицію въ Шенграбенѣ; какъ вдругъ, за нѣсколько часовъ до боя, ему донесли, что Ностицъ, переговоря съ Мюратомъ, увѣрившимъ его (какъ и князя Ауерсберга), что съ Австрійцами заключенъ *отдѣльный* міръ, отступилъ съ своими гусарами и открылъ Французамъ свободный путь къ нападенію на Русскихъ. Напрасно князь Багратіонъ старался доказать Ностицу всю нелѣпость Мюратовыхъ словъ, ставя въ примѣръ поступокъ князя Ауерсберга; Ностицъ предпочелъ повѣрить Мюрату, и говорятъ, будто Багратіонъ, плюнувъ, отворотился отъ него, взялъ своихъ казаковъ и велѣлъ готовиться къ бою. Вслѣдъ за тѣмъ Мюратъ повелъ свою атаку на Шенграбенъ, а вскорѣ Сультъ, Ланнъ, Сюше, Вандамъ и Удино нахлынули на 4,000 героевъ Багратіона. Уступая съ ожесточеннымъ упорствомъ противъ цѣлой арміи шагъ за шагомъ каждую пядь земли обагренной кровью, давая безпрестанные отпоры многочисленной непріятельскій кавалеріи, громимые нѣсколькими батареями, имѣя противъ нихъ только одну, которая зажгла Шенграбенъ и тѣмъ долго удерживала натискъ непріятеля, рѣдѣвшіе безпрестанно ряды безстрашныхъ Русскихъ бойцевъ сохраняли стройный порядокъ, медленно несли на плечахъ всю Французскую армію, защищаясь, какъ львы, до полуночи, къ селенію Гунтерсдорфу. Мракъ Ноябрьской ночи прикрывалъ происходившія въ нѣкоторыхъ пунктахъ разстройства отъ сильной убыли, и прибывшій на поле битвы самъ Наполеонъ, видя безполезность дальнѣйшихъ усилій, велѣлъ прекратить ночную рѣзню. Этой битвой князь Багратіонъ воздвигъ себѣ монументъ, который сбережетъ навсегда военная исторія. Въ пылу боя, при неизмѣнномъ хладнокровіи, онъ своею распорядительностію умѣлъ всегда удержать своимъ присутствіемъ стройное отступленіе, приготовляя заблаговременно прикрытіе отступающихъ, и давая имъ время устроиться отъ понесенныхъ потерь. Такимъ образомъ, проходя чрезъ Гунтерсдорфъ, гдѣ тѣснота

улицы заграждала отступленіе, два баталіона пѣхоты и казаки удерживали чрезмѣрный натискъ на отступающихъ, которыхъ осталось уже менѣе половины.

Читая разсказъ графа Толстаго о Тильзитскомъ свиданіи двухъ императоровъ, я припомнилъ то, что̀ разсказалъ мнѣ однажды князь Александръ Николаевичъ Голицынъ о дерзости Наполеона. Оба императора представляли другъ другу своихъ приближенныхъ; когда дошла очередь до князя Голицына, Наполеонъ, въ ту минуту, когда нашъ Государь отклонился съ какою-то рѣчью въ сторону, сказалъ князю Голицыну въ полголоса: „N'est ce pas, mon prince, que vous êtes en partie directeur de la conscience de Sa Majesté?“ Голицынъ нашелся: „Sire—отвѣчалъ онъ ему—Vous oubliez sans doute que nous ne sommes par des Catholiques Romains [2]).

Еще до выступленія гвардіи изъ Петербурга, мы, въ началѣ Марта 1812 г., всѣ знали, что, въ виду необычайныхъ приготовленій Наполеона, войска наши стянуты къ границамъ, что мы готовимся предупредить его планы даже войною наступательною, и что огромные магазины устроены въ Бѣлостокѣ и въ губерніяхъ Гродненской и Виленской. Планы для предстоящей, почти неминуемой войны, давно уже обдумывались въ Петербургѣ. Ложные слухи, которые искусно распустилъ Наполеонъ, будто бы главныя силы его сосредоточиваются въ Варшавѣ и что одновременно Австрійская армія направится на насъ изъ Галиціи были причиною того, что мы разобщили наши силы на три отдѣльныя части: на первую западную армію, вторую западную и третью обсерваціонную. Переходъ Наполеона съ главными силами черезъ Нѣманъ у Ковна, межъ тѣмъ какъ корпусъ Даву направленъ былъ на Минскъ, противу князя Багратіона, ясно обнаружилъ его намѣреніе воспрепятствовать соединенію нашихъ армій. Первая западная армія, на которую шелъ Наполеонъ съ 220,000, состояла приблизительно отъ 110,000 до 127,000 человѣкъ; а вторая западная, на которую шелъ Даву съ 60,000, считала не болѣе 37,000. Отступленіе обѣихъ нашихъ армій для соединенія сдѣлалось уже необходимостью, хотя Барклай рѣшался принять сраженіе одинъ и даже извѣщалъ о томъ Багратіона.

То, что̀ сказалъ императоръ Александръ въ рескриптѣ, посланномъ въ Петербургъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“, было лозунгомъ Россіи и арміи отъ прапорщика до генерала. Эти самыя слова поручено было Балашеву, отправленному Государемъ съ письмомъ къ Наполеону, заявить ему.

Разговоръ Наполеона съ Балашевымъ смѣшонъ: Наполеонъ является тутъ вполнѣ какъ le bourgeois gentilhomme Мольера. То, что́ можно простить сол-

---

[2]) „Не правда ли, князь, что вы нѣкоторымъ образомъ руководите совѣстью его величества?“—„Вы конечно забываете, государь, что мы не Римскіе Католики.“

дату Даву, то самое неизвинительно въ лицѣ Французскаго императора. Въ этомъ смыслѣ и разсказывалъ Балашевъ свою поѣздку; но графъ Толстой постарался, какъ кажется, выказать униженіе, которому подвергъ себя Балашевъ. Авторъ даже усугубилъ грубость Даву, не упомянувъ, что Французскій маршалъ предоставилъ въ его распоряженіе свою квартиру, багажъ и адъютанта. Въ разговорѣ съ Наполеономъ Балашевъ былъ менѣе находчивъ, чѣмъ князь Голицынъ въ Тильзитѣ, однако сказалъ гордому властелину Франціи, что онъ можетъ придти въ Москву чрезъ Полтаву. Надобно замѣтить, что Наполеонъ съ намѣреніемъ замедлялъ принять Балашева и поручилъ Даву найти предлогъ продержать его, чтобъ не останавливать движеній своихъ для разобщенія нашихъ армій. Великій князь Константинъ Павловичъ, о которомъ графъ Толстой говоритъ, что онъ не могъ забыть своего Аустерлицкаго разочарованія, гдѣ онъ, какъ на смотръ, выѣхалъ передъ гвардіею въ каскѣ и колетѣ, разсчитывая молодецки раздавить Французовъ, и попавъ неожиданно въ первую линію, насилу ушелъ въ общемъ смятеніи (что̀ не совсѣмъ такъ: правда, онъ попалъ, но *не неожиданно* въ первую линію, а по милости Австрійцевъ, ибо великій князь долженъ былъ тамъ найти уже князя Лихтенштейна, который пришелъ уже, какъ говорится, къ шапочному разбору)—этотъ самый великій князь показалъ много стойкости: по его распоряженіямъ произведено было нѣсколько блестящихъ атакъ какъ пѣхотою, такъ и кавалеріею. Подъ Аустерлицомъ онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ мы его видѣли при Польскомъ возстаніи въ Варшавѣ... Но обращусь къ своему предмету. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, стоя съ генераломъ Ермоловымъ на нашей батареѣ, въ виду пылающаго Смоленска, при постепенно умолкавшихъ пушечныхъ выстрѣлахъ, онъ громко, но несправедливо, порицалъ Барклая, удалявшаго его во второй разъ изъ арміи и не рѣшавшагося удерживать непріятеля. „Онъ не хочетъ, чтобъ я съ вами служилъ—говорилъ великій князь—и раздѣлялъ вашу славу и опасности“ [3]). Присутствіе великаго князя оказывалось вреднымъ въ главной квартирѣ арміи; онъ не только не былъ во главѣ той партіи, о которой говоритъ графъ Толстой, но находился во главѣ порицателей Барклая, который не могъ устранить его отъ военныхъ совѣщаній; а между тѣмъ великій князь, по своей непріязни къ Барклаю, громко критиковалъ всѣ его распоряженія и тѣмъ нарушалъ тайну военныхъ совѣтовъ. Надобно отдать справедливость Барклаю, что онъ нимало не придерживался Нѣмецкой партіи, которая и тогда, какъ въ 1805 году, едва не взяла верхъ въ военныхъ совѣтахъ, куда Пфуль хотѣлъ внести элементы гофкригсрата. Не легко было Барклаю отъ него избавиться, но безсмысленный Дрисскій лагерь оказалъ ему эту услугу и похоронилъ Пфуля.

---

[3]) Въ имѣющейся у насъ книжкѣ этихъ Воспоминаній отмѣчено рукою Н. А. Дивова: „И я слышалъ этотъ разговоръ в. кн. Константина Павловича“. П. Б.

Описывая первыя дѣйствія въ эту кампанію Павлоградскихъ гусаровъ подъ Островной (хотя этотъ полкъ находился въ это время въ арміи графа Тормасова, что можно видѣть изъ сохранившихся росписаній и изъ реляцій Тормасова), авторъ романа представляетъ намъ разговоръ офицеровъ по случаю полученнаго извѣстія изъ арміи князя Багратіона, и, между прочимъ, объ упорномъ боѣ у Салтановской плотины, гдѣ Раевскій явилъ теплый подвигъ патріотизма, который переходилъ тогда у насъ въ арміи изъ устъ въ уста. Н. Н. Раевскій, имѣя по сторонамъ своихъ двухъ, едва входившихъ въ юношество, сыновей, вмѣстѣ съ генераломъ Васильчиковымъ, впереди Смоленскаго полка, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, воодушевлялъ свои геройскіе ряды собственнымъ примѣромъ. Одинъ изъ сыновей Раевскаго просилъ находившагося подлѣ него подпрапорщика со знаменемъ передать ему знамя, и получилъ въ отвѣтъ: „я самъ умѣю умирать!“ Многіе офицеры и нижніе чины, получивъ по двѣ раны и перевязавъ ихъ, опять шли на бой, какъ на пиръ. Посмотрите, какъ этотъ подвигъ осмѣянъ въ романѣ. „Вопервыхъ, на плотинѣ, которую атаковали, *должна была быть* такая путаница и тѣснота, что *ежели* Раевскій и вывелъ сыновей, то это ни на кого не могло подѣйствовать, кромѣ какъ человѣкъ на десять, которые были около его самого (думалъ Ростовъ); остальные и не могли видѣть, какъ и съ кѣмъ Раевскій шелъ по плотинѣ. Но и тѣ, которые видѣли это, не могли очень одушевиться; потому что, *что имъ было за дѣло до нѣжныхъ чувствъ Раевскаго, когда тутъ дѣло шло о собственной шкурѣ?*“ Замѣтьте: два генерала, Раевскій и Васильчиковъ, со всѣми офицерами своего штаба, спѣшившись съ своихъ коней, идутъ во главѣ Смоленскаго полка, и никто этого не видитъ, и никого это не одушевляетъ, потому что *всѣ думаютъ о своей шкурѣ!..*

Коснувшись уже военныхъ дѣйствій подъ Островною, не было ли естественнѣе Русскому перу обрисовать молодецкія кавалерійскія дѣла аріергарда графа Палена? Онъ закрывалъ опасное отступленіе 1-й арміи среди бѣлаго дня въ виду Наполеона, который принялъ это за перемѣну фронта: ибо, по дошедшимъ до него извѣстіямъ, онъ былъ увѣренъ, что мы готовились принять генеральное сраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, Барклай рѣшился на то: всѣ диспозиціи были уже сдѣланы вдоль рѣчки Лучесы. Слушая пушечные выстрѣлы сражающагося авангарда и глядя на застилаемый дымомъ горизонтъ, мы уже разсуждали съ нашей батареи, поставленной на небольшомъ возвышеніи, какъ мы будемъ обстрѣливать наступающія на насъ колонны, и разсчитывали съ нашими фейерверкерами по глазомѣру, какой пунктъ удобенъ для дальней и какой для ближней картечи, какъ вдругъ получили повелѣніе сниматься съ позиціи. Помню нашъ ропотъ... Мы не знали обстоятельствъ. Барклай, котораго мы прозвали Фабіемъ-Медлителемъ, своею рѣшимостью принять передъ Витебскомъ генеральное сраженіе, имѣя 80,000 противъ 150,000, предводимыхъ Наполеономъ, не походилъ тогда на Фабія. Привезенныя адъютантомъ князя Ба-

гратіона (княземъ Меншиковымъ) извѣстія о неудачѣ его пройти черезъ Могилевъ и о трудностяхъ, которыя ему предстоятъ для соединенія съ 1-ю арміею въ Смоленскѣ, рѣшили главнокомандующаго на отступленіе послѣ собраннаго имъ военнаго совѣта. На этомъ совѣтѣ Тучковъ 1-й предлагалъ оставаться на позиціи до вечера. „Кто же поручится въ томъ, что мы еще до вечера не будемъ разбиты?“ возразилъ Ермоловъ. „Развѣ Наполеонъ обязался оставить насъ въ покоѣ до ночи?“ Помню также, что отступленіе наше въ виду Французовъ было совершено въ такомъ строгомъ порядкѣ, какъ бы это было подъ Краснымъ Селомъ. Чрезъ полчаса времени лѣсистое мѣстоположеніе скрыло наше отступленіе отъ глазъ непріятеля. Чтобы не выводить Наполеона изъ заблужденія, приказано было оставить наши бивуаки въ томъ же видѣ, какъ они были, и поручено было казакамъ разложить на ночь костры, какъ бы вся армія тутъ находилась.

Опасеніе, чтобы Даву не занялъ Смоленска прежде Багратіона, ставило Барклая въ необходимость поспѣшать къ Смоленску форсированными маршами; онъ отрядилъ впереди себя корпусъ Дохтурова съ гвардіею, которому было предписано идти усиленными форсированными маршами и, во что бы то ни стало, удерживать Смоленскъ до прихода Барклая. Наша легкая батарея была въ авангардѣ Депрерадовича, и можно сказать, что мы, *какъ было приказано*, шли по-суворовски: на привалахъ предпочитали часа два заснуть, а ѣли на маршѣ. Мы пришли подъ Смоленскъ въ глубокую темную ночь и увидѣли по ту сторону Днѣпра огни бивуачныхъ костровъ. Не зная, чьи это бивуаки, нашихъ ли или непріятеля, намъ не велѣно было раскладывать огней, хотя мы нуждались сварить кашу; немедленно были посланы казаки развѣдать истину. Часа черезъ два возвратились наши разъѣзды съ криками „ура!“ Это былъ авангардъ князя Багратіона, и вмигъ запылали костры, и началась ночная солдатская пирушка. Вскорѣ пришелъ весь корпусъ Дохтурова. На другой день къ вечеру пришла и вся первая западная армія.

Можно ли читать безъ глубокаго чувства оскорбленія не только намъ, знавшимъ Багратіона, да и тѣмъ, которые знаютъ его геройскій характеръ по исторіи, то, чтò позволилъ себѣ написать о немъ графъ Толстой? Всѣмъ извѣстно, что Багратіонъ былъ противныхъ мнѣній съ Барклаемъ, что онъ и письменно, и словесно укорялъ его въ ретирадѣ, что онъ считалъ его Нѣмцемъ; но самъ то Багратіонъ считалъ себя вполнѣ Русскимъ, и могъ ли этотъ доблестный воинъ рѣшиться изъ нелюбви своей къ Барклаю заслужить себѣ названіе измѣнника, избѣгая *съ умысломъ*, какъ то говоритъ графъ Толстой, присоединиться съ своей арміей къ Барклаю!... Могъ ли думать Багратіонъ, что за всѣ принесенныя имъ жертвы отечеству своею кровью, геройскій прахъ его будетъ потревоженъ такимъ неслыханнымъ нареканіемъ? Будемъ надѣяться, что только въ одномъ романѣ графа Толстаго можемъ мы встрѣтиться съ подобными оцѣнками мужей нашей отечественной славы и что наши молодые воины, руково-

дясь свѣточемъ военныхъ лѣтописей, къ которымъ мы ихъ обращаемъ, будутъ съ благоговѣніемъ произносить такія имена, какъ Багратіонъ.

Соединясь подъ Смоленскомъ съ арміею Барклая, Багратіонъ съ нимъ искренно примирился, когда оба главнокомандующіе выяснили другъ другу причины своихъ дѣйствій и разномыслій. Характеръ князя Багратіона былъ слишкомъ откровенный, а потому, объѣзжая вмѣстѣ съ Барклаемъ ряды его арміи, которую тотъ ему представилъ, онъ бы не сталъ нѣсколько разъ протягивать ему руку въ виду всего войска, чему я былъ самовидцемъ. Но вскорѣ послѣ того они опять разладили. Багратіонъ былъ (какъ я думаю) совершенно правъ: это произошло за отмѣну наступательнаго движенія къ Руднѣ, когда Наполеонъ, находясь въ Витебскѣ, разобщилъ свои силы. И дѣйствительно, тогда все обѣщало намъ успѣхъ. Мы подходили уже къ Руднѣ, какъ вдругъ движеніе было пріостановлено, и, наконецъ, совсѣмъ отмѣнено, несмотря на то, что даже дѣйствія были уже начаты: Платовъ разбилъ подъ Инковомъ кавалерійскую дивизію Себастіани, и еслибъ Барклай не сдѣлалъ безполезной дневки и быстро направился на Витебскъ, то онъ напалъ бы на непріятеля совершенно въ расплохъ. Самый добросовѣстный писатель о войнѣ 1812 г. Шамбрэ говоритъ, что движеніе на Руднію было отлично обдумано и обѣщало успѣхъ; но онъ же говоритъ, что корпуса, противъ которыхъ предстояло Барклаю сражаться, были сильнѣе его, что успѣхъ не избавилъ бы его отъ своего противника, а неудача могла бы навлечь большія бѣдствія на Россію. Какъ бы то ни было, послѣ этого Багратіонъ, только подъ Бородиномъ, смертельно раненый, будучи свидѣтелемъ геройскихъ подвиговъ Барклая во время битвы, въ то время, какъ докторъ Вилліе перевязывалъ ему рану, увидѣвъ раненаго Барклаева адъютанта Левенштерна, подозвалъ его къ себѣ и поручилъ ему увѣрить Барклая въ своемъ искреннемъ уваженіи [1]).

Коснувшись Смоленска, мы остановимся покуда на этомъ предметѣ. Изъ всѣхъ обстоятельствъ видно, что планъ дѣйствій Барклая былъ имъ уже обдуманъ и рѣшенъ, и что тѣже причины, по которымъ онъ отмѣнилъ наступленіе къ Руднѣ, заставили его не отстаивать Смоленска. Барклай, не считая еще армію Наполеона достаточно ослабленною, руководствовался правиломъ: не дѣлать того, чего желаетъ противникъ, т.-е. до поры до времени не вступать въ генеральное сраженіе, котораго такъ добивался Наполеонъ. Графъ Сегюръ оставилъ намъ весьма любопытный разсказъ совѣщанія Наполеона въ Смоленскѣ съ маршаломъ Бертье, съ генералами Мутономъ, Коленкуромъ, Дюрокомъ и министромъ статсъ-секретаремъ Дарю. Когда они отклоняли его идти далѣе Смоленска, онъ воскликнулъ: „Я самъ не разъ говорилъ, что война съ Испаніею и съ Россіею какъ двѣ язвы точатъ Францію; я самъ желаю мира. Но что-

---

[1]) Данилевскій, II, 240.

бы подписать миръ, надобно быть *двумъ*, а я *одинъ!...*" Это былъ уже крикъ отчаянія.

Какія вдохновительныя картины для пера писателя и для кисти художника представляютъ намъ даже оффиціальныя реляціи о геройскихъ битвахъ подъ стѣнами Смоленска: Раевскаго, Дохтурова, Паскевича, Невѣровскаго, этихъ Аяксовъ, Ахилессовъ, Діомедовъ, Гекторовъ нашей арміи, на которыя мы съ завистью глядѣли съ противоположнаго берега Днѣпра, куда мы иногда урывались, чтобы познакомиться со свистомъ пуль и ядеръ и съ молодечествомъ нашихъ воиновъ... А эта процессія, наканунѣ праздника Преображенія Господня съ иконою Смоленской Божіей Матери, несомою съ фонарями, подъ громомъ борящейся артиллеріи, при свѣтѣ пылающаго Смоленска, иконы, нашедшей себѣ убѣжище въ зарядномъ ящикѣ батарейной роты полковника Глухова, и которая съ того времени сопутствовала нашей арміи во всю кампанію до возврата ея опять въ свою святыню, но уже по трупамъ разгромленныхъ ея враговъ... Наполеонъ въ своемъ 13 бюллетенѣ написалъ слѣдующія звѣрскія строки, достойныя Аттилы: „Au milieu d'une belle nuit d'Août, Smolensk offrait aux yeux des Français le spectacle qu'offre aux habitants de Naples une éruption du Vésuve" [5]). Но полюбилась ли ему такая *éruption* въ Москвѣ?

Какіе животрепещущіе эпизоды представляются намъ въ боковомъ движеніи Барклаевой арміи вдоль праваго берега Днѣпра, для выхода на большую Московскую дорогу, для соединенія съ геройскою арміею, подвизавшеюся подъ стѣнами Смоленска. Кто могъ забыть изъ насъ, очевидцевъ, которыхъ осталось уже такъ мало, этотъ опасный маршъ арміи въ мрачную ночь по проселочной дорогѣ, съ артиллеріею, отъ Смоленска къ Соловьевой Переправѣ, куда шелъ Багратіонъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра?... Барклай выбралъ ночь и проселочныя дороги (тогда какъ большая дорога шла частію вдоль Днѣпра), для того, чтобы скрыть свое движеніе; а геніальный Наполеонъ, очарованный вступленіемъ въ разрушенный Смоленскъ (который не былъ взятъ, но оставлёнъ нами) выпустилъ изъ виду и Багратіона, и Барклая, котораго могъ бы отрѣзать отъ 2-й арміи, выйдя прежде него на Московскую дорогу и опрокинувъ слабый аррьергардъ Багратіона, охранявшій этотъ путь со Смоленской дороги. И даже аррьергардъ, по недоразумѣнію, снялся съ позиціи прежде, чѣмъ пришелъ къ нему на смѣну отрядъ 1-й арміи. Въ этотъ знаменитый день Тучковъ 3-й оказалъ обѣимъ арміямъ незабвенную услугу. Выйдя на большую дорогу и узнавъ, что аррьергардъ князя Багратіона, подъ командою князя Горчакова, сошелъ со Смоленской дороги, соединяющейся съ Московскою, и что ежеминутно можетъ показаться на ней ничѣмъ не удерживаемый непріятель, идущій на перерѣзъ Барклаю, онъ своротилъ съ Московской дороги, и вмѣсто

---

[5]) Въ прекрасную Августовскую ночь Смоленскъ представлялъ Французамъ такое же зрѣлище, какое представляетъ жителю Неаполя изверженіе Везувія.

того, чтобы по назначенію идти впередъ, обратился назадъ по Смоленской дорогѣ. Дѣйствительно, вскорѣ открывъ передовую цѣпь корпуса маршала Жюно, онъ приготовился къ бою на искусно выбранной позиціи. Всѣмъ извѣстно упорное сраженіе, начавшееся съ отряда Тучкова 3-го у Валутиной горы и кончившееся при Лубинѣ, когда со стороны непріятеля къ корпусу Жюно присоединились Ней, Мюратъ и дивизія корпуса Даву, а къ Тучкову 3-му, геройски отстоявшему всѣ первые напоры непріятеля съ 5,000 противъ 20,000,—корпуса Тучкова 1-го, Уварова и графа Остермана. Въ то время Наполеонъ прохлаждался въ Смоленскѣ, и только на другой день пріѣхалъ въ каретѣ полюбоваться покрытымъ трупами 6,000 Французовъ полемъ сраженія, и излить гнѣвъ на Жюно, хотя другіе маршалы посылали ему сказать съ поля сраженія, что оно принимаетъ болѣе и болѣе важные размѣры. Межъ тѣмъ Барклай, прибывшій въ самомъ началѣ сраженія, достигъ своей цѣли, и обѣ арміи опять пошли рука въ руку по дорогѣ къ Дорогобужу. Идя всю ночь съ 6-го на 7-е Августа проселочною дорогою, исправляя мосты, вытаскивая изъ грязи завязавшую артиллерію, мы рано по утру начали уже слышать вправо отъ насъ пушечные выстрѣлы, болѣе и болѣе учащавшіеся, то ближе, то дальше отъ насъ, по мѣрѣ сближенія дорогъ. Мы чувствовали всю опасность нашего положенія, еслибы войска Тучкова и пришедшія къ нему на помощь не восторжествовали надъ усиліями непріятеля.

Извѣстно, что храбрый генералъ Тучковъ, въ концѣ Лубинскаго сраженія, израненный, попался въ плѣнъ, былъ принятъ Наполеономъ и имѣлъ съ нимъ разговоръ. Пріемъ, сдѣланный Тучкову, былъ уже совсѣмъ не тотъ, каковъ былъ сдѣланъ Балашеву, и фанфаронство Наполеона значительно упало. Онъ почувствовалъ, что онъ въ Россіи, а не въ Польшѣ; отъ Вильны до Смоленска Русской штыкъ успѣлъ уже разгуляться въ его рядахъ; тутъ уже были одни Русскіе, безъ любезныхъ союзниковъ нашихъ Австрійцевъ. Тутъ онъ уже самъ предлагаетъ заключить миръ.... Замѣчательны его слова: „Скоро ли вы дадите сраженіе, или будете все отступать?“

Мы не ставили бы на видъ автору романа главные военные эпизоды нашей славной войны 1812 года, еслибы онъ не выходилъ изъ рамки романа, не вставлялъ въ него военные эпизоды, облекая ихъ стратегическими разсужденіями, рисуя боевыя диспозиціи, и даже планы баталій, давая всему этому характеръ историческій, и тѣмъ вводя невольно въ заблужденіе, конечно не военныхъ, но общество гражданское, гораздо болѣе многочисленное и которому, не менѣе какъ и военнымъ, дорога слава нашей арміи. Но какое сословіе пощажено въ романѣ графа Толстаго? Мы видѣли, какъ онъ обрисовывалъ нашихъ полководцевъ и нашу армію; посмотрите теперь, что такое у него наши дворяне, купечество и наши крестьяне? Прочтите, какъ онъ описываетъ дворянское и купеческое собранія въ Москвѣ при встрѣчѣ Государя, прибывшаго изъ подъ Дриссы съ воззваніемъ къ своему народу. Эти сословія въ ро-

манѣ графа Толстаго суть не иное что, какъ Панургово стадо, гдѣ, по мановенію Ростопчина, плѣшивые вельможи-старики и беззубые сенаторы, проводившіе жизнь съ шутами и за бостономъ, поддакивали и подписывали все, что́ имъ укажутъ. Не одно Симбирское дворянство, а дворянство всей Россіи исполнило не на словахъ, а на дѣлѣ то, что́ было имъ опредѣлено: „Внимая гласу Монаршаго воззванія по случаю нашествія на отечество наше непріятелей, дворянство единогласно изъявило желаніе, оставя женъ и дѣтей своихъ, препоясаться всѣмъ до единаго и идти защищать вѣру, царя и домы, не щадя живота своего“. Еще остались дѣти тѣхъ плѣшивыхъ стариковъ-вельможъ и беззубыхъ сенаторовъ, которыя также теперь беззубыя и плѣшивыя, но которыя помнятъ, какъ ихъ отцы и матери посылали ихъ еще юношами одного на смѣну другаго, когда первый возвращался на костыляхъ, или совсѣмъ не возвращался, положивъ свои кости на полѣ битвы, и какъ ихъ отцы, хотя плѣшивые, но помнившіе Румянцова и Суворова, сами становились во главѣ ополченій. Ихъ имена остались еще и останутся въ нашихъ лѣтописяхъ въ укоръ ихъ насмѣшникамъ [6]). Тамъ можно также прочесть, что́ дѣлали тогда *толстые откупщики и узкобородые съ желтымъ лицемъ головы, кричавшіе: и жизнь и имущество возьми, Ваше Величество!*

Высокій подвигъ Энгельгардта и Шубина, которые были разстрѣлены Французами у Малаховскихъ воротъ во рву за то, что не хотѣли принять у нихъ административную должность и сдѣлать воззваніе своимъ крестьянамъ, чтобы тѣ повиновались чужой власти, могъ бы украсить патріотическій романъ. Этотъ высокій подвигъ Смоленскихъ дворянъ, въ то время переходившій изъ устъ въ уста, пройденъ молчаніемъ; однако онъ не забытъ у Смолянъ, поставившихъ Энгельгардту и Шубину памятники на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они разстрѣлены.

Картины пожара и разрушенія Смоленска и геройскихъ битвъ нашихъ войскъ подъ стѣнами его глубоко напечатлѣлись въ нашемъ воображеніи и слѣдовали за нами во время медленнаго отступленія нашего къ Дорогобужу. Отъ всего этого у насъ накипѣло на сердцѣ какое-то ожесточеніе противъ дѣлаемыхъ распоряженій, и это ожесточеніе безпрестанно усугублялось, особенно при видѣ длинныхъ обозовъ несчастныхъ жителей Смоленска и окрестныхъ селъ, съ женами и грудными дѣтьми. Хотя обозы часто загорожали пути войску, но оно, обыкновенно нетерпѣливое въ такихъ случаяхъ, тутъ съ особеннымъ уваженіемъ раздвигалось передъ ними; даже артиллерія принимала въ стороны, и солдаты пособляли выпроваживать крестьянскія телѣги. Часто подходили солдаты къ верстамъ, читая на нихъ: отъ Москвы 310 или столько-

---

[6]) Михайловскій-Данилевскій и Богдановичъ въ исторіи отечественной войны посвятили особыя главы этому предмету, но они не исчерпали еще всѣ источники.

то верстъ, и уже чего тутъ не говорили!.... Это было замѣчено, и версты были заранѣе свозимы съ дороги.

Отступленіе нашей арміи подобилось тогда отступленію льва передъ неодолимою силою, но готовящагося и выискивающаго только минуту, чтобъ ринуться на врага. Сначала Платовъ, потомъ Баговутъ и Коновницынъ своими аріергардами держали въ почтеніи наступающаго непріятеля, межъ тѣмъ какъ дѣлались распоряженія къ пріисканію удобной позиціи для общей битвы, которая сдѣлалась уже необходимостью. Ропотъ утихалъ, потому что всѣ видѣли и чувствовали, что настаютъ торжественные дни кровавой развязки и отмщенія.

Всѣ позиціи: при Дорогобужѣ, при Вязьмѣ, при Царевѣ-Займищѣ, которыя были попеременно избираемы, были отвергаемы, какъ бы недостойныя готовящейся гигантской битвы. По оставленіи нами Вязьмы, городъ былъ зажженъ со всѣхъ концовъ самими жителями, которые присоединились къ арміи, какъ бы поощряя ее на мщеніе; но оно уже было готово въ сердцѣ каждаго солдата: поощреніе было не нужно.

Въ Царево-Займище прибылъ князь Кутузовъ и принялъ главное начальство надъ арміями. И это уже въ 147 верстахъ отъ Москвы!... Мы опять имѣемъ передъ глазами нашего знаменитаго Ксенофонта, и съ нимъ опять Багратіонъ, Милорадовичъ, Дохтуровъ; тутъ же и нашъ истинный Фабій, Барклай, понесшій столько язвительныхъ укоровъ отъ арміи, тотъ, съ которымъ эта армія должна была черезъ нѣсколько дней торжественно примириться на славныхъ поляхъ Бородина. Сохранилась легенда—мы, гвардейцы, этого не видѣли, а намъ тогда разсказывали—будто бы въ то время, когда Кутузовъ объѣзжалъ армію, орелъ пролетѣлъ надъ его головою, и что, когда ему это замѣтили, онъ снялъ свою фуражку при заявленномъ ему побѣдномъ предзнаменованіи.

Кутузовъ осматривалъ вмѣстѣ съ Барклаемъ позицію при Царевѣ-Займищѣ, но по общемъ обсужденіи съ другими генералами, снялся съ этой позиціи, и, пройдя Колоцкій монастырь, 22-го Августа сталъ на поляхъ *Бородина*... Мы почувствовали, что мы наконецъ *стоимъ*...

Войска, по мѣрѣ того, какъ подходили, выстраивались на предварительно назначенныхъ имъ мѣстахъ, и когда мы подошли, уже почти на всѣхъ гребняхъ возвышенной площади этой мѣстности сверкали сталь штыковъ и мѣдь орудій и разносились слитые голоса полчищъ и ржаніе коней. Мы не имѣли времени оглядѣться въ первый день, усталые отъ похода и занятые размѣщеніемъ орудій, коновязи, обоза и, наконецъ, своихъ бивуаковъ [7]); намъ казалось, что мы пришли какъ бы на стоянку. И подлинно, для скольких тысячъ изъ насъ это мѣсто сдѣлалось вѣчною стоянкою!

---

[7]) Я былъ тогда прапорщикомъ гвардейской артиллеріи, во второй легкой ротѣ.

На другой день мы имѣли время ознакомиться съ мѣстностію; она была живописна. Я выѣзжалъ сначала на ближнее возвышеніе, гдѣ стояла срытая деревня Горки; тамъ было уже сдѣлано полевое укрѣпленіе, въ которое становилась часть батарейной роты знакомаго намъ полковника Дитрихса, а влѣво отъ нея рисовался курганъ, образовавшій центръ позиціи. Съ возвышенія Горокъ развертывался видъ на всю позицію, вдоль которой у подошвы холмовъ просвѣтливала извилистая рѣчка Колоча; видѣнъ былъ и мостъ черезъ нее, ведущій къ селу Бородину, за которымъ въ концѣ горизонта высился Колоцкій монастырь. Слѣдуя вдоль высотъ вправо отъ Горокъ, тянулся нашъ правый флангъ къ невидной оттуда Москвѣ-рѣкѣ, которой названіе неожиданно и грустно меня поразило: все какъ-то не вѣрилось, что мы такъ близки къ Москвѣ.

Влѣво отъ Горокъ начиналась центральная наша позиція до оврага деревни Семеновской, откуда начинался нашъ лѣвый флангъ, упиравшійся въ редутъ, сооруженный до нашего прибытія на срытой деревнѣ Шевардино, за которой виднѣлся лѣсъ. Этотъ редутъ отдѣлялся сзади глубокою лощиною отъ возвышенной мѣстности, на которой стояла деревня Семеновская; это былъ передовой постъ нашего лѣваго фланга, котораго позиція была видимо слабѣе не только праваго фланга (самаго сильнаго по крутизнѣ доступовъ къ нему), но и центра, и онъ могъ быть обойденъ черезъ прилегающій къ Шевардинскому редуту лѣсъ, сквозь который пролегала старая Смоленская дорога, охраняемая у деревни Утицы корпусомъ Тучкова 1-го. Такова была первоначальная наша диспозиція. Впослѣдствіи Ермоловъ разъяснилъ генералу Ратчу, что наша боевая линія должна была составлять прямую линію, почти параллельную теченію рѣчки Колочи [8]); но Ермоловъ пишетъ въ своихъ Запискахъ, что Кутузовъ, обозрѣвая позицію, приказалъ отклонить отъ редута лѣвое крыло такъ, чтобы глубокая лощина пролегала передъ его фронтомъ. Должно замѣтить, что эта глубокая лощина представляла большія неудобства для сообщеній на лѣвомъ флангѣ и что сдѣланною перемѣною конечность линіи избѣгала внезапныхъ атакъ скрывающагося въ лѣсу непріятеля, устраняла возможность быть обойденною, и, что̀ особенно важно,—сближала сообщенія князя Багратіона съ Тучковымъ, которые могли помогать одинъ другому, что̀ и дѣйствительно произошло, какъ увидимъ; но эта же самая перемѣна, перегнувъ нашу линію, конечно дала непріятелю выгоду продольныхъ выстрѣловъ, и мы это на себѣ испытали. Я былъ и на центральномъ курганѣ, который считался ключомъ позиціи; но на немъ еще не были тогда поставлены орудія, ибо земляныя укрѣпленія не были еще кончены, и тамъ кипѣла работа съ помощью ополченцевъ. Необыкновенное оживленіе проявлялось какъ бы

---

8) „Артилерійскій Журналъ“ 1861, Ноябрь, стр. 840.

передъ большимъ праздникомъ во всѣхъ рядахъ войскъ. Въ пѣхотѣ чистили ружья, обновляли кремни; въ кавалеріи холили лошадей, осматривали подпруги, точили сабли; въ артиллеріи тоже холеніе лошадей, обновленіе постромокъ, смазка колесъ, осмотръ орудій, протравка запаловъ, пріемка снарядовъ— все предвѣщало конецъ давнимъ ожиданіямъ арміи!

Настало 24-е число. Уже часу въ четвертомъ пополудни слышны были какъ бы дальніе громовые раскаты—это были пушечные разговоры за Колоцкимъ монастыремъ нашего арріергарда, подъ командою Коновницына, съ Французскою арміею, наваливавшеюся на него. Всѣ позиціи наши на правомъ флангѣ и въ центрѣ были уже заняты; но полевыя укрѣпленія не были еще вездѣ докончены, особенно на лѣвомъ флангѣ, всего болѣе угрожаемомъ, и который, по этому самому, какъ всегда дѣлалось, былъ порученъ князю Багратіону. Тамъ и дислокація войскъ не была еще кончена. Затихшій сначала гулъ пушечныхъ выстрѣловъ къ вечеру возобновился въ отдѣльныхъ звукахъ, и вслѣдъ за тѣмъ можно было уже различать дробные перекаты ружейной пальбы и дымные клубы. Вскорѣ непріятель былъ почти передъ нами, направляясь къ Шевардинскому редуту, котораго оборона была поручена князю Горчакову; у него были дивизіи Невѣровскаго и Паскевича. Бой подъ Шевардиномъ, происходившій уже въ виду нашей позиціи, былъ вызванъ тѣмъ, что непріятель, замѣтивъ наши передвиженія, хотѣлъ имъ воспрепятствовать. Этотъ бой принялъ значительные размѣры; у насъ не ожидали столь скораго напора Французской арміи. Надобно было отстаивать редутъ, пока диспозиція нашего лѣваго фланга, у деревни Семеновской, будетъ приведена къ окончанію. Редутъ, нѣсколько разъ штурмованный Французами и отбиваемый, былъ отданъ Французамъ только съ наступившею темною ночью. Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ значительный; мы обмѣнялись съ непріятелемъ нѣсколькими пушками. Нельзя не пожалѣть, что редутъ былъ защищаемъ долѣе, чѣмъ это требовалось; ибо онъ сдѣлался уже, какъ сказалъ Ермоловъ, совершенно для насъ безполезнымъ послѣ измѣненія нашей позиціи и послѣ того какъ дислокація войскъ на лѣвомъ флангѣ была приведена къ окончанію, и также потому, что онъ находился отъ насъ далѣе пушечнаго выстрѣла. Редутъ не былъ взятъ и остался за нами, но главнокомандующій велѣлъ его покинуть. Послѣ этого кроваваго вечера, огни бивуаковъ показали намъ на противуположной сторонѣ длинный рядъ прибывшихъ Французскихъ полчищъ.

Я пробирался въ этотъ вечеръ въ батарейную роту графа Аракчеева, которою командовалъ полковникъ Романъ Максимовичъ Таубе. Онъ былъ ко мнѣ особенно добръ, и я, думая, что мы уже находимся наканунѣ битвы, несъ ему подарокъ: онъ замѣтилъ у меня отличную булатную саблю, которую мнѣ подарилъ мой отецъ вмѣстѣ съ ятаганомъ, полученные имъ отъ генералъ-отъ-инфантеріи князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына изъ отбитыхъ у Турокъ подъ Мачинымъ. Таубе давно упрашивалъ меня уступить ему саблю, говоря: „ты,

мой другъ, командуешь двумя орудіями, а у меня ихъ всѣ двѣнадцать; я верхомъ, а ты пѣшій; ты можешь и со шпаженкой управиться, да къ тому же у тебя ятаганъ". Таубе, израненный ветеранъ, украшенный уже Георгіевскимъ крестомъ за Прусскую кампанію, очень былъ тронутъ моимъ подаркомъ. Тутъ собрались за чаемъ всѣ офицеры батареи. Нельзя не вспомнить одного обстоятельства. Кажется, Глуховъ, обратясь къ Павлову, который былъ его землякъ, сказалъ: „А что, любезный другъ, если насъ завтра ранятъ, а не убьютъ, то мы отдохнемъ въ деревнѣ твоей матушки?"—„Такъ, мой любезный", отвѣчалъ Павловъ, „ты можетъ быть отдохнешь тамъ, а я здѣсь!" Такъ и случилось. Когда я прощался съ ними, при неумолкаемыхъ выстрѣлахъ у Шевардина—съ послѣднимъ на вѣки—Таубе вынулъ свои часы и сказалъ мнѣ: „не знаю, чьи часы лучше, твои или мои; но я хочу съ тобою обмѣняться, чтобы ты имѣлъ у себя память обо мнѣ; только я не могу разстаться съ цѣпочкой". Надобно сказать, что у него на этой цѣпочкѣ висѣла обдѣланная въ золотую печать вынутая изъ его тѣла Фридландская пуля; отцѣпляя свою цѣпочку, онъ прибавилъ: „я никогда не выходилъ цѣлъ изъ дѣла"... Обмѣнявшись часами и нѣжно обнявшись съ нимъ и съ другими моими товарищами, я возвратился на свои бивуаки во 2-ю легкую роту. Я нашелъ у насъ въ гостяхъ капитана Вельяминова и штабсъ-капитана Ладыгина, которые только что возвратились со Столыпинымъ изъ-подъ Шевардина. Они были въ стрѣлковой цѣпи и разсказывали про ловкость Французскихъ стрѣлковъ, которые, перестрѣливаясь, находились въ безпрестанномъ движеніи, не представляя собою цѣли непріятелю. Ладыгинъ, Столыпинъ и Таубе были моими пѣстунами.

Прочитавъ живыя и увлекательныя страницы генерала Ратча о дѣйствіяхъ нашей гвардейской артиллеріи, я беру у него приведенный имъ совѣтъ Фридриха Великаго: „aimez les détails" [*]), будучи увѣренъ, что меня не упрекнутъ за то, что я увлекся въ лишнія подробности, невольно пробудившіяся во мнѣ при воспоминаніи о славныхъ дняхъ нашей арміи.

Вопреки моимъ ожиданіямъ, слѣдующій день 25-го Августа прошелъ миролюбиво для обѣихъ армій; но насъ придвинули еще ближе къ боевой линіи. Хотя мы составляли третью линію, однако мы знали, что уже находимся подъ выстрѣлами.

Глубоко-трогательное зрѣлище происходило въ этотъ день, когда образъ Смоленской Божіей Матери, при церковномъ шествіи и съ молебнымъ пѣніемъ, былъ обносимъ по рядамъ арміи въ сопровожденіи нѣсколькихъ взводовъ пѣхоты, съ киверами въ рукахъ и съ ружьями на молитву. Теплое религіозное чувство привело въ движеніе все войско; толпы солдатъ и ратниковъ повергались на землю и безпрестанно преграждали торжественное шествіе: всѣ

---

*) Входите въ подробности.

желали, хотя коснуться иконы; съ жадностью прислушивались къ молебному пѣнію, которое для многихъ изъ нихъ дѣлалось паннихидою,—они это знали; и на многихъ ратникахъ, у которыхъ на шапкахъ сіяли кресты, были надѣты бѣлыя рубашки. Вся наша армія походила тогда на армію крестоносцевъ, и, конечно, наши противники были не лучше мусульманъ: тѣ призывали Аллаха, а у Французовъ имя Божіе едва ли было у кого на устахъ. Кутузовъ помолился предъ иконою и объѣхалъ всю армію, громко привѣтствуемый ею.

Я былъ посланъ въ этотъ день для ознакомленія съ мѣстностью нашихъ парковъ и ординарцемъ для принятія приказаній начальника всей артиллеріи, графа Кутайсова. Вотъ что велѣлъ онъ мнѣ, уже вечеромъ, передать моимъ товарищамъ: „Подтвердите отъ меня во всѣхъ ротахъ, чтобъ они съ позицій не снимались, пока непріятель не сядетъ верхомъ на пушки. Сказать командирамъ и всѣмъ гг. офицерамъ, что, только отважно держась на самомъ близкомъ картечномъ выстрѣлѣ, можно достигнуть того, чтобы непріятелю не уступить ни шагу нашей позиціи; артиллерія должна жертвовать собою. Пусть возьмутъ васъ съ орудіями, но послѣдній картечный выстрѣлъ выпустите въ упоръ. Еслибъ за всѣмъ этимъ батарея и была взята, хотя можно почти поручиться въ противномъ, то она уже вполнѣ искупила потерю орудій“. Эти знаменательныя слова графа Кутайсова сдѣлались его духовнымъ завѣщаніемъ для артиллеріи, и, конечно, его приказанія были на слѣдующій день буквально исполнены.

Мы поздно полегли спать не раздѣваясь, не помышляя, что нѣсколько сотъ жерлъ непріятельскихъ орудій смотрятъ уже на насъ съ противной стороны, ожидая разсвѣта. Ночь была свѣжая и ясная. Самый крѣпкій и пріятный сонъ нашъ на зарѣ былъ внезапно прерванъ ружейными перекатами: это была атака на гвардейскихъ егерей въ Бородинѣ, и почти вслѣдъ за тѣмъ заревѣла артиллерія и слилась въ одинъ громовый гулъ. „*Становись!*“ раздалось по рядамъ.... Быстро припряжены были лошади къ орудіямъ и зряднымъ ящикамъ. Нѣсколько ядеръ съ визгомъ шмыгнуло уже мимо насъ; несмотря на то, чайникъ кипѣлъ, и намъ, уже стоявшимъ въ строю, поднесли нѣсколько стакановъ чаю съ ржаными сухарями. Солдаты тоже что-то закусывали, а стоявшій возлѣ меня бомбардиръ наливалъ въ крышку своей манерки обычную порцію водки. Увидавъ, что я на него смотрю, онъ сказалъ: „извините, ваше благородіе; день долгъ, и, конечно, до ночи мы ничего не перекусимъ“.

Къ намъ примыкалъ Преображенскій полкъ; нѣсколько офицеровъ этого полка собрались вмѣстѣ съ нами впереди нашей батареи, разсуждая о начавшейся битвѣ. Свистъ ядеръ учащался, и мы, т. е. новички, отвѣсили имъ нѣсколько поклоновъ, чему подражали и нѣкоторые солдаты; но, видя, что учтивость наша ни къ чему не ведетъ и получивъ замѣчаніе старыхъ бойцовъ *не кланяться*, сдѣлались уже горды. Разговоры наши замѣтно были

серьезны; всякій чувствовалъ, что онъ стоитъ на рубежѣ вѣчности. Я замѣтилъ, что даже наши ретивые кони, которые сначала, при свистѣ ядеръ, ржали и рвались, вскорѣ сдѣлались смирны какъ ягнята. Завидя медленно катящееся къ намъ ядро, я разсѣянно хотѣлъ его толкнуть ногой, какъ вдругъ кто-то порывисто одернулъ меня назадъ: это былъ капитанъ Преображенскаго полка графъ Полиньякъ, мой Петербургскій знакомецъ. „Что вы это дѣлаете", воскликнулъ онъ; „какъ же это вы, артиллеристъ, забываете, что даже такія ядра, по закону вращенія около своей оси, не теряютъ своей силы: оно могло оторвать вамъ ногу!" Я нѣжно поблагодарилъ его за урокъ. Преображенцы вскорѣ насъ оставили: у нихъ уже начались нѣкоторыя кровавыя сцены. Мы узнали, что полковникъ Баранцевъ, который часто утѣшалъ насъ своею гитарою, наигрывая своего сочиненія романсъ:

Дѣвицы, если не хотите
Подвергнуться любви бѣдамъ...

бывшій тогда въ большомъ ходу, объѣзжая свой баталіонъ, былъ перерванъ ядромъ. Мы размѣстились по орудіямъ. Первою жертвою въ моемъ взводѣ (я командовалъ 11-мъ и 12-мъ орудіями) была ящичная лошадь. Медленно текли часы, особенно при свистѣ ядеръ; я прилегъ на свое фланговое 12-е орудіе, какъ вдругъ хлопнуло ядро въ стоявшій передо мною зарядный ящикъ, который затрещалъ, и шарахнулись было лошади. „Граната", сказалъ кто-то, и люди раздвинулись. Я былъ уже на ногахъ: „эхъ, братцы, еслибы это была граната...." Одинъ изъ бомбардировъ не далъ мнѣ даже договорить, и, опередивъ меня, смѣло подбѣжалъ къ ящику: „Господи благослови", сказалъ онъ и быстро вскрылъ крышку ящика: ....„Холодное ядро, ваше благородіе!.... повредило сверху гнѣзда.... да и засѣло....", говорилъ онъ, перерываясь. Я потрепалъ его по плечу. Когда стоишь безъ дѣла, каждое пустое обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе. Въ самое это время бѣжала на батарею разнузданная отличныхъ статей лошадь. „Позвольте перехватить, ваше благородіе, для ящика", сказалъ кто-то; но лошадь сама приближалась. Находка была невелика: у бѣдной лошади сорвана была оконечность морды, и кровь капала съ нея. Остановясь возлѣ лошадей, она жалостно глядѣла на насъ, какъ бы прося помощи.

Никто еще изъ людей моего взвода не былъ тронутъ; не знаю, что̀ происходило у другихъ. Мы заняли широкія дистанціи, чтобъ давать менѣе добычи непріятельскимъ ядрамъ, и каждый у себя хозяйничалъ.

Пока у насъ происходили подобныя бездѣлки, бой кипѣлъ уже во всемъ разгарѣ противъ насъ въ центрѣ, а еще болѣе на лѣвомъ флангѣ; но клубы и занавѣсы дыма, изъ-за котораго сверкали пушечные огни или чернѣли колонны, какъ пятна на солнцѣ, закрывали отъ насъ все. А что̀ можетъ видѣть фронтовой офицеръ, кромѣ того, что̀ у него дѣлается на глазахъ? Пер-

вая изъ ротъ гвардейской артиллеріи, которую двинули изъ нашей 3-й линіи въ дѣло, была батарейная рота графа Аракчеева, которою командовалъ мой другъ баронъ Таубе. Вотъ что̀ тогда дѣлалось:

На пространствѣ не болѣе двухъ верстъ отъ Горокъ до Семеновскаго, подъ покровительствомъ 300 орудій, наваливала Французская армія одновременно на всю нашу линію, но примѣтно стягиваясь на нашъ лѣвый флангъ, который былъ предметомъ всѣхъ усилій непріятеля. Самый сильный ударъ обрушился на князя Багратіона, на его дивизіи графа Воронцова и Невѣровскаго. Весь корпусъ маршала Даву, потомъ корпуса̀ маршаловъ Нея и Жюно, подкрѣпляемые артиллеріею, сверхъ тѣхъ орудій, которыя были на позиціи, рвались отчаянно овладѣть флешами. Въ это время 1-я легкая батарея гвардейской конной артиллеріи капитана Захарова, завидя выходящій изъ-за Утицкаго лѣса корпусъ маршала Жюно, быстро понеслась на него. Вся голова непріятельской колонны была въ полномъ смыслѣ положена на мѣстѣ подъ его картечными выстрѣлами, чѣмъ онъ и далъ случай нашимъ кирасирамъ произвести блестящую атаку и отбить нѣсколько орудій. Храбрый Захаровъ былъ убитъ. Безпрестанно подкрѣпляемые Французы ворвались наконецъ въ одну изъ флешей, но не могли въ ней удержаться и были выбиты штыками Воронцова и Невѣровскаго. Ней и Жюно отчаянно возобновили атаку и завладѣли флешами. Въ этотъ критическій моментъ, Барклай, который вездѣ присутствовалъ гдѣ была наибольшая опасность, выслалъ къ Багратіону три полка 1-й кирасирской дивизіи и полки Измайловскій и Литовскій и двѣ батарейныя роты гвардейской артиллеріи его высочества и графа Аракчеева, а князь Багратіонъ прежде того успѣлъ призвать къ себѣ изъ корпуса Тучкова дивизію Коновницына и самъ двинулся атаковать. Флеши были отбиты; но тутъ легли, совершивъ геройскіе подвиги: князь Кантакузенъ, полковники Манахтинъ и Буксгевденъ, генералъ-маіоръ Тучковъ 4-й со знаменемъ въ рукѣ, впереди Ревельскаго полка, и ранены: графъ Воронцовъ, котораго почти вся дивизія погреблась во флешахъ, князь Горчаковъ и принцъ Карлъ Мекленбургскій; у Французовъ три дивизіонные начальника, Компанъ, Дезе и Раппъ, выбыли изъ строя. Въ это время Ней послалъ къ Наполеону сказать, что теперь уже не онъ, а Багратіонъ его атакуетъ и что нельзя терять ни минуты. Жертвы, понесенныя Французами при первыхъ атакахъ нашего лѣваго фланга, были уже такъ огромны, и число убитыхъ лучшихъ ихъ генераловъ такъ велико, что весь воинственный геній Наполеона въ этотъ день ему совершенно измѣнилъ: онъ не зналъ на что̀ рѣшиться, совѣтывался съ Бертье, давалъ приказанія и отмѣнялъ, говорилъ, что битва еще не довольно обрисовалась, что шахматная доска его еще не ясна, тогда какъ судьба битвы была почти уже рѣшена. Дивизія Фріана, подоспѣвшая, хотя уже поздно, на помощь Нею, значительно его подкрѣпила; онъ отчаянно пошелъ въ третій разъ на флеши Багратіона (который въ это время былъ раненъ, а вслѣдъ

за нимъ и начальникъ его штаба, графъ Сенъ-При) и послѣ жестокихъ потерь съ обѣихъ сторонъ овладѣлъ ими. Но какъ велико было удивленіе непріятеля, когда армія Русскихъ, окровавленная, но въ наилучшемъ порядкѣ, перешла только оврагъ, отдѣлявшій Семеновскія флеши отъ холмистой площади за ними находящейся, подъ прикрытіемъ грозно выстроившихся нашихъ батарей, громившихъ взятую Французами Семеновскую высоту, и дерзостно вызывала его на новый бой. Дохтуровъ, принявшій команду послѣ Багратіона, заявивъ, что онъ не отойдетъ отсюда ни на шагъ, сошелъ съ лошади, подъ ужаснымъ огнемъ сѣлъ спокойно на барабанъ и сталъ распоряжаться отраженіями и атаками. Онъ сдержалъ свое слово. „C'est ainsi, que la partie la plus importante du plan de Napoléon échouait" [10]), пишетъ Сегюръ. Здѣсь положенъ былъ конецъ успѣхамъ Французовъ.

Во все это время наша 2-я легкая рота все еще стояла, сложа руки, подъ визгомъ ядеръ и съ завистію смотрѣла, когда проходила мимо насъ въ бой батарейная рота графа Аракчеева; я подбѣжалъ къ Таубе, онъ протянулъ мнѣ руку съ висящею на ней моею саблею. Черезъ часъ времени прослѣдовалъ возлѣ моего фланговаго 12-го орудія гвардейскій Финляндскій полкъ, шедшій тоже въ бой, и я встрѣтилъ тутъ поручика князя Ухтомскаго, моего двоюроднаго брата; мы обнялись съ нимъ, и только что его взводъ миновалъ меня, какъ упалъ къ моимъ ногамъ одинъ изъ его егерей. Съ ужасомъ увидѣлъ я, что у него сорвано все лицо и лобовая кость, и онъ въ конвульсіяхъ хватался за головной мозгъ. „Не прикажете ли приколоть?" сказалъ мнѣ стоявшій возлѣ меня бомбардиръ.— „Вынесите его въ кустарникъ, ребята", отвѣчалъ я.

Вскорѣ болѣе грустная картина представилась мнѣ; приближалась къ намъ небольшая группа, поддерживая полунесомаго, но касавшагося одною ногою земли, генерала.... И кто же былъ это? Тотъ, которымъ доселѣ, почти сверхъестественно, держался нашъ лѣвый флангъ—Багратіонъ!... А мы все еще съ орудіями на передкахъ стояли, сложа руки! Трудно выразить грусть, поразившую насъ всѣхъ. Мы узнали кое-что о происходившемъ отъ прошедшаго мимо насъ на перевязочный пунктъ, съ окровавленною головою, нашего товарища подпоручика Сумарокова, роты его высочества; онъ едва могъ идти отъ потери крови.

Наконецъ дошла очередь и до насъ.

Замѣтимъ, что когда мы вступили въ дѣло (насъ потребовали на лѣвый флангъ), это уже было гораздо за полдень; почти всѣ главные фазисы битвы уже развернулись. Но, несмотря на то, положеніе нашей 3-й линіи не измѣнилось: никакой суматохи, никакого безпорядка не было тогда замѣтно; параллельная намъ вторая наша линія хотя иногда и просвѣчивалась, но нигдѣ не

---

[10]) Такъ потерпѣла неудачу наиважнѣйшая часть Наполеонова предначертанія.

была прорвана. Мы стояли какъ бы на маневрахъ, за исключеніемъ только того, что ядра вырывали тогда у насъ нѣсколько болѣе жертвъ, чѣмъ въ началѣ.

Въ то самое время какъ мы шли на лѣвый флангъ, жестокая борьба происходила на центральной батареѣ, которую мы, артилеристы, называли по имени батарейнаго командира, Шульмановою, а въ реляціяхъ она названа именемъ Раевскаго, корпусъ котораго оборонялъ ее. Съ самаго начала битвы, когда Французы, пользуясь туманомъ, напали врасплохъ на нашихъ гвардейскихъ егерей, временно вытѣснили ихъ изъ Бородина и потомъ были опрокинуты въ разстройствѣ ими же (подкрѣпленными егерями храбрыхъ полковниковъ Карпенки и Вунча) съ самаго этого времени центральная наша батарея была предметомъ усиленныхъ атакъ непріятеля, направленныхъ подъ командою вице-короля Евгенія. Эта батарея, защищаемая дивизіями Паскевича и Васильчикова, съ самаго утра истребляла ряды непріятеля, который наконецъ, съ помощію усиленнаго огня своей артиллеріи (тогда какъ въ нашей батареѣ оказался уже недостатокъ въ зарядахъ) успѣлъ ворваться въ редутъ съ бригадою генерала Бонами. Въ это время Ермоловъ, посланный Кутузовымъ на лѣвый флангъ (находившійся въ самомъ трудномъ положеніи послѣ отбытія пораженнаго князя Багратіона) встрѣтилъ на пути своемъ двѣ роты конной артиллеріи Никитина и повелъ ихъ на лѣвый флангъ; тутъ же встрѣтился съ нимъ его Эйлаускій товарищъ, начальникъ артиллеріи, пламенный графъ Кутайсовъ, который присоединился къ нему. Поровнявшись съ центральною батареею, они съ ужасомъ увидѣли штурмъ и взятіе батареи непріятелемъ, оба бросились въ ряды отступающихъ въ безпорядкѣ полковъ, остановили ихъ, развернули батареи конной артиллеріи, направя картечный огонь на торжествующаго непріятеля и, ставъ во главѣ баталіона Уфимскаго полка, повели ихъ въ атаку прямо на взятую Французами батарею, межъ тѣмъ какъ Паскевичъ съ одной стороны, а Васильчиковъ съ другой, ударили въ штыки. Непріятель былъ вездѣ опрокинутъ и даже преслѣдуемъ; центральная батарея опять перешла въ наши руки, уже съ штурмовавшимъ ее Французскимъ генераломъ Бонами, взятымъ въ плѣнъ, и опять начала громить бѣгущаго непріятеля, который понесъ при этомъ случаѣ огромную потерю. Но съ этимъ торжествомъ связана великая потеря для всей нашей арміи. Въ это время былъ убитъ нашъ геніальный артиллерійскій генералъ графъ Кутайсовъ. Въ кровавой схваткѣ никто не видалъ, какъ онъ, вѣроятно, былъ сорванъ ядромъ съ своей лошади, которая прибѣжала съ окровавленнымъ сѣдломъ въ свои ряды, и даже трупъ его не былъ найденъ! И этотъ самый пламенный Кутайсовъ, лишь нѣсколько часовъ тому назадъ, съ необыкновеннымъ оживленіемъ передавалъ мнѣ вышеприведенныя его заповѣдныя слова артиллеріи, которая въ этотъ день ихъ выполнила при немъ и продолжала выполнять, не зная, что его уже нѣтъ съ нами.... Замѣчательно, что та именно центральная батарея,

возлѣ которой Кутайсовъ былъ убитъ, не переставала дѣйствовать, *доколѣ непріятель не сѣлъ верхомъ на ея пушки;* но онѣ тутъ же были опять выручены, выкупивъ вполнѣ временную свою потерю устланными вокругъ нея непріятельскими трупами. Весьма справедливо сказалъ Данилевскій, что смерть Кутайсова имѣла важныя послѣдствія на весь ходъ сраженія, лишивъ 1-ю армію начальника артиллеріи въ такой битвѣ, гдѣ преимущественно дѣйствовали орудія, и что неизвѣстность сдѣланныхъ Кутайсовымъ распоряженій произвела то, что многія роты, разстрѣлявъ заряды, не знали откуда ихъ пополнить. И надобно прибавить, что многія роты простояли безъ дѣла, а другія были довольно поздно употреблены. Послѣднее и мы испытали.

Графъ Толстой въ своемъ романѣ, гдѣ онъ въ главахъ 33—35 прекрасно и вѣрно изобразилъ общіе фасисы Бородинской битвы, позволилъ себѣ, прежде того, слѣдующимъ образомъ выразиться о подвигѣ Ермолова: „Это была та атака, которую *себѣ приписывалъ* Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастію возможно было сдѣлать этотъ подвигъ, и атака, въ которой онъ будто бы кидалъ на курганъ Георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ“. Мы считаемъ даже неумѣстнымъ возражать на таковое нареканіе: подвигу Ермолова была свидѣтелемъ армія. Приглашаемъ однако автора прочесть, по этому предмету, подлинную реляцію Барклая. Мой бывшій товарищъ поручикъ Глуховъ, бывъ раненъ, возвращался съ перевязочнаго пункта къ своей батареѣ; въ самое это время Ермоловъ завладѣлъ имъ, заставилъ его приводить въ порядокъ людей Перновскаго полка, и, соединивъ ихъ съ Уфимскимъ баталіономъ, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на штыки. Тутъ Глуховъ былъ вторично раненъ, и вторично былъ отправленъ на перевязочный пунктъ [11]).

Не знаю, по чьимъ распоряженіямъ насъ повели въ дѣло; но я видѣлъ подскакавшаго къ командиру нашей 2-й роты капитану Гогелю офицера генеральнаго штаба, за которымъ мы и послѣдовали по направленію къ лѣвому флангу. Это было единственное приказаніе, которое мы получили, и въ послѣдствіи дѣйствовали уже какъ знали и умѣли. Это былъ тотъ моментъ, когда, по взятіи непріятелемъ Семеновскихъ флешей, наша боевая линія, командуемая Дохтуровымъ и Коновницынымъ, подъ покровительствомъ нашей артиллеріи, выстраивалась вдоль оврага между Семеновскою и противулежащею платформою. И наша батарея была выдвинута для той же цѣли. Дѣйствіе изнеможенной отъ непрестававшей борьбы пѣхоты, какъ нашей, такъ и Французской, на время прекратилось, и начался жестокій артиллерійскій поединокъ. Нѣсколько правѣе отъ насъ дѣйствовала небольшая батарея; мы узнали въ послѣдствіи, что это былъ остатокъ нашей гвардейской 1-й легкой роты, кото-

---

[11]) „Артиллерійскій Журналъ“ 1861 годъ, Октябрь. Публичныя лекціи, читанныя гвардейскимъ артиллерійскимъ генераломъ Ратчемъ, стр. 823. Этотъ прекрасный трудъ многое мнѣ напомнилъ и разъяснилъ.

рая уже давно боролась возлѣ Измайловскаго полка; ею командовалъ штабсъ-капитанъ Ладыгинъ, замѣнившій раненаго ротнаго командира Вельяминова; она уже готовилась сняться съ позиціи отъ огромной потери въ людяхъ, въ лошадяхъ, отъ растраты всѣхъ зарядовъ и по причинѣ подбитыхъ орудій. И дѣйствительно, она скоро снялась, но возвратилась въ бой къ вечеру съ половиннымъ числомъ орудій и людей. Изъ ея семи офицеровъ уцѣлѣлъ только одинъ Ладыгинъ; у прапорщика Ковалевскаго оторвало обѣ ноги, а у Рюля одну. Къ лѣвому флангу нашей батареи, не подалеку отъ меня, примыкалъ кирасирскій полкъ его величества. Мѣсто, на которое мы попали, было незавидное; непріятель вѣроятно замѣтилъ подошедшую нашу свѣжую батарею и принялся насъ угощать; но за то и мы его не щадили, и можемъ смѣло сказать, что дѣйствіе нашей артиллеріи было для него губительнѣе, чѣмъ для насъ [12]). Мы безпрестанно замѣчали взрывы его ящиковъ. „Это нашимъ единорогомъ“, говорилъ то одинъ, то другой изъ моихъ артиллеристовъ. Мой сосѣдъ, подпоручикъ Рославлевъ, командовавшій 9-мъ и 10-мъ орудіями, у котораго безпрестано вырывало то человѣка, то лошадь, принужденъ былъ измѣнить позицію, подвинувшись впередъ и прикрывъ нижнюю часть орудій находившимся передъ нимъ бугоркомъ. Наши солдаты были гораздо веселѣе подъ этимъ сильнымъ огнемъ, чѣмъ въ резервѣ, гдѣ насъ даромъ било. Я постоянно самъ наводилъ 12-е орудіе. Въ одинъ моментъ, когда бомбардиръ Курочкинъ посылалъ зарядъ, непріятельское ядро ударило ему въ самую кисть руки. „Эхъ, рученька моя, рученька“, вскрикнулъ онъ, замахавши ею, а стоявшій съ банникомъ, поднимая упавшій зарядъ и посылая его въ дуло, обрызганное кровью, которое онъ обтеръ своимъ рукавомъ: „жаль твою рученьку“, отвѣчалъ онъ,—„а вонъ, посмотри-ка, Усова-то и совсѣмъ повалило, да онъ и то ничего не говоритъ“. Я обернулся и увидѣлъ бѣднаго Усова, лежащаго у хобота: онъ былъ убитъ вѣроятно тѣмъ же ядромъ, которое оторвало руку у Курочкина. Жаль мнѣ, что я забылъ имя бомбардира, вызвавшаго, несмотря на трагическій поводъ къ тому, улыбку солдатъ. Командованіе нашею батареею скоро перешло къ штабсъ-капитану Столыпину: непріятельская граната сильно оконтузила капитана Гогеля, убивъ подъ нимъ лошадь. Насъ прикрывалъ кирасирскій его величества полкъ; стоявши на флангѣ, я не могъ не замѣтить опустошенія, которое дѣлали непріятельскія ядра въ рядахъ этого прекраснаго полка. Ко мнѣ подъѣхалъ оттуда одинъ ротмистръ; его лошадь упрямилась перешагнуть черезъ тѣло недавно рухнувшагося съ своего коня дюжаго Малоросса, сбитаго ядромъ прямо въ грудь; онъ молодецки лежалъ съ размахнутой рукой и отброшеннымъ своимъ палашемъ. „Такъ ли же бьетъ у васъ?“ спросилъ меня ротмистръ. „Порядочно“, отвѣчалъ я; „да только мы дѣлаемъ дѣло, а больно глядѣть на васъ. Зачѣмъ вы не спуститесь нѣсколько пониже

[12]) Chambray.

назадъ, по этому склону? Вы всегда успѣете намъ помочь, еслибъ наскакала на насъ кавалерія".—„Правда ваша", сказалъ онъ, сдерживая свою лошадь, которая мялась и пятилась отъ нашихъ громовыхъ выстрѣловъ, и, кажется, онъ передалъ это своему полковому командиру, потому что вскорѣ полкъ отодвинулся отъ насъ.

Линія дыма на лѣвомъ флангѣ, нѣсколько ослабленная лѣсомъ, огибала его, и показывала намъ, что за этимъ лѣсомъ идетъ немаловажная борьба. Тамъ пролегала старая Смоленская дорога. Само собою разумѣется, что Наполеонъ не выпустилъ изъ виду возможности обойти нашъ лѣвый флангъ, и мы туда часто поглядывали; но тамъ стоялъ корпусъ Тучкова, и всѣ усилія Понятовскаго разбились объ эту преграду. Хотя Тучковъ долго оставался съ одною только дивизіею, будучи принужденъ уступить другую на помощь князю Багратіону, и началъ ослабѣвать передъ напоромъ Понятовскаго; но Кутузовъ подкрѣпилъ его дивизіею Олсуфьева изъ корпуса Багговута. Тучковъ принудилъ Понятовскаго отступить [13]), но самъ былъ смертельно раненъ, и Багговутъ заступилъ его мѣсто. Наполеонъ, узнавъ о неуспѣхѣ Понятовскаго, сильно опасался въ продолженіе всей битвы, чтобы Тучковъ, освободясь отъ Понятовскаго, не зашелъ въ тылъ Нею и Мюрату.

Мы были въ одно время весьма непріятно удивлены нѣсколькими продольными непріятельскими выстрѣлами съ правой стороны нашей батареи. Причина тому была перегнувшаяся линія нашего лѣваго фланга, по взятіи Французами Семеновскихъ флешей, такъ что огонь Французскихъ батарей, направленный на нашу центральную батарею, названную Раевскою (бывшую предметомъ возобновлявшихся усилій непріятеля овладѣть ею), началъ досягать до насъ; мы подвинулись поэтому впередъ; но вскорѣ увидѣли передъ собою ряды непріятельской кавалеріи. Это была кавалерія Латуръ-Мобура. Наполеонъ, временно утѣшенный взятіемъ Семеновскихъ флешей, направилъ въ то время Мюрата съ кавалерійскими корпусами Нансути и Латуръ-Мобура порѣшить съ нами и съ Шевардинскаго редута, съ оживленіемъ восклицалъ: „ils y vont, ils y vont!" [14]) Эта тяжелая туча, грозившая разгромомъ, разбилась о штыки кареевъ нашихъ гвардейскихъ полковъ Измайловскаго и Литовскаго, и была потомъ разгромлена нашими гвардейскими батареями его высочества и графа Аракчеева, и отчасти 1-ю легкою ротою. Наполеонъ мечталъ тогда конечно о Маренго и о Келлерманѣ, но онъ имѣлъ дѣло не съ Австрійцами, и скоро послѣдовало разочарованіе: большая часть знаменитой его кавалеріи полегла на этомъ мѣстѣ и не могла уже потомъ поправиться. Кавалерійская атака была повторена и

[13]) Ségur. I, 401. „On lui annonce (à Napoléon) que le corps polonais revient, sans avoir pu exécuter son mouvement", т.-е. Наполеону доносятъ, что Польскій корпусъ возвращается, не успѣвъ выполнить своего движенія.

[14]) Они туда идутъ, идутъ!

нашла туже участь. Явившаяся теперь передъ нами кавалерія предприняла третью попытку; отброшенная опять кареями нашихъ гвардейскихъ полковъ, она обернула на насъ [15]) и, заслонивъ собою дѣйствіе своей артиллеріи, дала возможность нашей батареѣ нѣсколько вздохнуть и оправиться. Тогда кирасирскій его величества полкъ двинулся для удержанія атаки. Нашъ батарейный командиръ Столыпинъ, увидѣвъ движеніе кирасировъ, взялъ на передки, рысью выѣхалъ нѣсколько впередъ и, перемѣнивъ фронтъ, ожидалъ приближенія непріятеля безъ выстрѣла. Орудія были заряжены картечью; цѣль Столыпина состояла въ томъ, чтобы подпустить непріятеля на близкое разстояніе, сильнымъ огнемъ разстроить противника, и тѣмъ подготовить вѣрный успѣхъ нашимъ кирасирамъ. Непріятель смѣло шелъ малою рысью прямо на грозно ожидавшую его батарею; но въ то время, когда непріятельская кавалерія была не далѣе 150 саженей отъ батареи, на которой уже наносились пальники, кавалерія эта развернулась на двѣ стороны и показала скрытую за нею легкую конную батарею, снявшуюся уже съ передковъ. Одновременно съ обѣихъ сторонъ разразились выстрѣлы. Неминуемая сумятица не могла не произойти временно на батареѣ при столь близкой посылкѣ картечи: нѣсколько людей и лошадей выбыло изъ строя; но, имѣя дѣло съ кавалеріею, у насъ уже были приготовлены картузы для слѣдующаго выстрѣла, и я успѣлъ еще послать картечь изъ моего флангового орудія. Это былъ мой послѣдній салютъ непріятелю... я вдругъ почувствовалъ электрическое сотрясеніе, упалъ возлѣ орудія и увидѣлъ, что моя лѣвая нога раздроблена въ дребезги... Я еще видѣлъ, какъ наши кирасиры, бывшіе дотолѣ бездѣйствующими зрителями, понеслись въ атаку. Положеніе непріятельской батареи конечно было хуже нашей; выстрѣломъ одного изъ нашихъ единороговъ, заряженнаго гранатою, взорванъ былъ тамъ зарядный ящикъ; въ густомъ облакѣ дыма нельзя было различить что̀ тамъ происходило. Этимъ былъ прекращенъ артиллерійскій поединокъ. Отвѣтныхъ выстрѣловъ съ непріятельской батареи уже не было. Наша кавалерія, какъ я въ послѣдствіи узналъ, смяла непріятельскую и отбила изъ ея шести орудій два. Въ это же время мой товарищъ, подпоручикъ Ваксмутъ, былъ раненъ картечною пулею, которая засѣла у него подъ правою лопаткою. Рана Ваксмута была наскоро перевязана солдатами, и онъ до конца дѣла оставался на батареѣ, а подъ Столыпинымъ убита его лихая горская лошадь.

Я былъ уже подъ ножемъ почтеннаго штабъ-доктора Измайловскаго полка Каменецкаго, на перевязочномъ пунктѣ, когда происходила опять ужасная рѣзня на центральной батареѣ Раевскаго. Но я остановлюсь на время, чтобъ сказать нѣсколько словъ о духѣ, который тогда оживлялъ нашихъ солдатъ.

---

[15]) За симъ я почти выписываю вѣрный разсказъ генерала Ратча о дѣйствіи нашей батареи, писанный по донесеніямъ и частію со словъ очевидцевъ. *Артиллерійскій Журналъ, 1861 годъ, Октябрь.*

Мой добрый другъ и тогда начальникъ, Аѳанасій Столыпинъ, которому я послалъ сказать, что фланговыя орудія остаются безъ офицера, подъѣхалъ ко мнѣ и, погоревавъ надо мною, послалъ отыскивать ратниковъ; но ихъ вблизи не нашлось. Меня понесли на шинели; мы встрѣтили подбитое орудіе, влекомое на раненыхъ хромыхъ лошадяхъ, и меня кое-какъ уложили на него; при мнѣ остался поддерживавшій меня бомбардиръ Козловъ. Медленно подвигались мы, провожаемые ядрами; наконецъ достигли желаемаго мѣста возлѣ какого-то сарая, передъ которымъ вся лужайка была занята сидѣвшими и лежавшими ранеными, терпѣливо ожидавшими, когда дойдетъ до нихъ очередь. Доктора, съ засученными рукавами, выпачканные кровью, подбѣгали то къ одному, то къ другому; кучи отрѣзанныхъ членовъ лежали въ разныхъ мѣстахъ. Меня положили передъ Каменецкимъ, который тогда отнималъ руку у гренадера, сидѣвшаго на камнѣ. Я обернулся къ Козлову: „останься, мой другъ, при мнѣ, пока прибудутъ изъ обоза мои люди".—„Я попрошу, ваше благородіе", отвѣчалъ онъ, „чтобы здѣсь покамѣстъ васъ поберегли, а мнѣ позвольте вернуться на батарею: людей много бьетъ, всякій человѣкъ теперь тамъ нуженъ."—„Христосъ съ тобою, мой другъ", сказалъ я ему, „если я останусь живъ, ты не останешься безъ награды". И онъ получилъ Георгіевскій крестъ.

Въ это время мой товарищъ, прапорщикъ Дивовъ, находившійся при графѣ Кутайсовѣ и посланный имъ съ какими-то приказаніями, услышавъ отъ однихъ, что графъ раненъ, а отъ другихъ, что онъ убитъ, отыскивалъ его вездѣ, и наткнулся на меня въ ту минуту, какъ Каменецкій точилъ свой инструментъ, чтобъ приняться за меня. Дивовъ спросилъ меня: не можетъ ли онъ мнѣ чѣмъ помочь, и оказалъ мнѣ большую услугу. Я попросилъ его, не можетъ ли онъ мнѣ достать льду и положить въ ротъ, изсохшій отъ жару; къ удивленію моему, онъ исполнилъ мое желаніе. Онъ же нашелъ и прислалъ мнѣ двухъ моихъ людей. Даже и тутъ ядра тревожили иногда усиленныя работы нашихъ медиковъ.

Возвратимся на батарею Раевскаго. Мы видѣли первый штурмъ и какъ дорого Французы поплатились за временное завладѣніе этою батареею; тутъ полегли лучшіе ихъ генералы. Ихъ дивизіонные начальники смѣнялись одинъ другимъ. Ихъ тридцатый полкъ былъ тутъ весь погребенъ, и вся дивизія Морана была почти истреблена. Вице-король Евгеній отчаянно кидался отъ одной дивизіи къ другой, посылая адъютанта за адъютантомъ къ Наполеону просить помощи. Блестящая кавалерійская атака Уварова привела вдругъ въ смятеніе всю непріятельскую армію и отвлекла бѣшеныя усилія Французовъ отъ нашего лѣваго фланга (гдѣ Русскіе, какъ говоритъ Сегюръ, образовали себѣ *въ третій разъ* лѣвый флангъ передъ Неемъ и Мюратомъ), равно какъ и отъ батареи Раевскаго. Эта атака, проникшая до непріятельскихъ парковъ и обозовъ, совершенно смутила Наполеона. Нельзя не жалѣть, что при этой атакѣ кавалерія не имѣла при себѣ конной артиллеріи, что Кутузовъ скоро удоволь-

ствовался произведенною во Французской арміи тревогою и отозвалъ Уварова. Тутъ погибъ добрый другъ гвардейскихъ артиллеристовъ, кавалергардскій ротмистръ Корсаковъ, одаренный богатырскою силою и котораго сабля долго пролагала себѣ широкую дорогу въ рядахъ непріятеля; но картечь пробила его латы. Этотъ маневръ могъ бы совершенно порѣшить успѣхъ битвы въ нашу пользу. Только что кавалерія наша, попавшая подъ сильный огонь артиллеріи, возвратилась въ свою линію, начались опять одна за другой яростныя атаки на курганную батарею Раевскаго. Межъ тѣмъ какъ вице-король Евгеній велъ свои колонны на приступъ, Коленкуръ, принявъ начальство надъ кирасирами уже убитаго Монбрена, обогнувъ батарею, проникъ въ нее съ тылу. Онъ погибъ, а батарея была взята; но окупленная огромною потерею непріятеля. Здѣсь произошло тоже самое, что̀ и на лѣвомъ флангѣ: тутъ были Барклай, Милорадовичъ и Остерманъ подъ градомъ пуль. Первый, въ генеральскомъ мундирѣ, со всѣми звѣздами и въ шляпѣ съ султаномъ—такъ и мы его видѣли на лѣвомъ флангѣ—являлся вездѣ въ важный моментъ. Перейдя черезъ лощину на гребень передъ Горками, они выстроили новые ряды, новыя батареи, и „съ этихъ вторыхъ высотъ", говоритъ Сегюръ, „начали громить передовыя высоты, которыя намъ уступили. Вице-король долженъ былъ прикрыть свои линіи, едва переводившія духъ (haletantes), изнеможенныя и растерзанныя, за обрушенными ретраншаментами, поставя солдатъ на колѣни въ согбенномъ положеніи, въ которомъ они оставались нѣсколько часовъ, удержанные непріятелемъ, котораго они удерживали". Нельзя не замѣтить, при этомъ случаѣ, смѣлое дѣйствіе двухъ орудій гвардейской конной артиллеріи, подъ командою подпоручика барона Корфа: эти два орудія удержали напоръ непріятельской колонны корпуса Груши, подскакавъ на самую ближнюю дистанцію и не опасаясь, по завѣту Кутайсова, потерять свои орудія, нѣсколькими картечными выстрѣлами отбросили колонну; такъ что когда разсѣялся дымъ, вмѣсто грозно шедшей колонны, лежала груда труповъ. „Ажъ черно да мокро"! вырвалось у солдатъ. Также поступилъ Корфъ вскорѣ противъ кавалеріи и едва не попался въ плѣнъ; его выручилъ дивизіонъ кавалергардовъ и конной гвардіи [16]).

Съ этой второй позиціи въ центрѣ (какъ и на лѣвомъ флангѣ) мы не подались уже ни шагу назадъ.

Наполеонъ, передъ захожденіемъ солнца, хотѣлъ взглянуть на правую позицію нашего лѣваго фланга, занятую Французами, но и тамъ онъ нашелъ поле сраженія еще не вполнѣ въ своей власти; Русскія ядра и даже пули не переставали его оспаривать, и онъ скоро удалился.

Послѣдніе выстрѣлы подъ Бородиномъ, уже въ темнотѣ, были сдѣланы по непріятелю нашимъ штабсъ-капитаномъ Ладыгинымъ, приведшимъ вторич-

[16]) Ратчъ. „Артилерійскій Журналъ" 1861 годъ, Октябрь.

по 6 орудій первой легкой роты и примкнувшись къ Финляндскому полку, когда этотъ полкъ уже въ девятомъ часу вечера отразилъ непріятельскую пѣхоту.

Наполеонъ, возвращаясь раздосадованный отъ Семеновскихъ высотъ, позвалъ маршала Мортье и приказалъ подвинуть туда молодую гвардію, но отнюдь не переходить за оврагъ, который отдѣлялъ нашу вторую позицію. Онъ прибавилъ, что поручаетъ ему удержать поле сраженія (т.-е. передовую часть); что *онъ только этого* желаетъ, и чтобъ онъ сдѣлалъ *все, что̀ можетъ,* для выполненія этого, и *ничего болѣе.* Потомъ Наполеонъ скоро воротилъ Мортье, чтобъ спросить: *хорошо ли онъ его понялъ,* предписывая ему *отнюдь не завязывать дѣла, и главное, удержать поле сраженія.* Черезъ часъ послѣ того, онъ опять повторилъ ему тоже приказаніе: *ни въ какомъ случаѣ не подвигаться и не отступать.* Это слова находившагося при Наполеонѣ Сегюра. Но даже и это робкое желаніе Наполеона не было выполнено. Ночная атака Платова опять смутила всю армію, отступившую къ Колоцкому монастырю. Смятеніе достигло до ставки Наполеона, такъ что его старая гвардія стала въ ружье, „ce qui, après une victoire, parut un affront“ [17]), прибавляетъ Сегюръ. Конечно, слово „victoire“ послѣ всего, имъ сказаннаго, есть не иное что какъ *сарказмъ.* Мы ночевали даже на нашихъ первыхъ позиціяхъ въ Семеновскомъ и на батареѣ Раевскаго. Поручикъ Коробьинъ батарейной роты, графа Аракчеева, покрытый контузіями, одинъ изъ офицеровъ этой роты оставшійся на ногахъ съ 4 орудіями изъ 12, былъ послѣдній артиллеристъ, оставившій, на разсвѣтѣ 27-го Августа, Бородинское поле, проведя *безопасно* ночь у Семеновской. На него наѣхалъ казачій разъѣздъ (а не Французы), который объявилъ ему объ отступленіи нашей арміи къ Можайску.

Исторія уже занесла Бородинскій день въ число славныхъ дней Россіи, и не даромъ нашъ Государь, путешествуя инкогнито въ чужихъ краяхъ, принимаетъ титулъ *графа Бородинскаго.*

Громкій *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ* исчислилъ только приблизительно блестящую фалангу Русскихъ полководцевъ нашей знаменитой отечественной войны; но онъ забылъ Барклая и получилъ справедливый упрекъ отъ Пушкина, который воздвигъ полководцу истинный памятникъ своими великолѣпными стихами [18]). Могутъ ли когда умереть въ памяти Россіянъ, вмѣстѣ съ Румянцовыми и Суворовыми, имена Кутузова, Багратіона, Барклая, Милорадовича, Бенигсена, Витгенштейна, Дохтурова, Раевскаго, Остермана, Коновницына, Платова, Тормасова, Палена, Воронцова, Васильчикова, трехъ Тучковыхъ, Ермолова, Кутайсова, Паскевича, Невѣровскаго, Багговута? Исчисляемъ только главныхъ дѣятелей войны 1812 года: это только такія имена,

[17]) Что̀ казалось, послѣ побѣды, позоромъ.

[18]) „Полководецъ“.

которыя уже залегли въ памяти каждаго офицера. Сколько же такихъ генераловъ какъ: Кульневъ, Дороховъ, Иловайскій, Уваровъ, Бороздинъ, Канцевичъ, Шевичъ, Шаховскій, Олсуфьевъ, Сенъ-При, Яшвиль, Козенъ, Довре, Левенштернъ, Лихачевъ, Кретовъ, Дука, баронъ Корфъ, Костенецкій, Орловъ-Денисовъ, князь Голицынъ, графъ Строгоновъ, Щербатовъ, Крейцъ, Меллеръ-Закомельскій, Сабанѣевъ; такихъ штабъ-офицеровъ главнаго штаба, полковыхъ и батарейныхъ командировъ какъ: Дибичъ, Манахтинъ, Розенъ, Потемкинъ, Храповицкій, Удомъ, Бистромъ, Крыжановскій, Базилевичъ, Таубе, Ладыгинъ, Столыпинъ, Захаровъ, Раль, Богуславскій, Шульманъ, Дитрихсъ, Нилусъ, Башмаковъ, Никитинъ, Воейковъ, Мелиссино, Мадатовъ; партизаны: Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, Кудашевъ. Пишу не развертывая росписанія арміи и называю тѣхъ, которыхъ я зналъ или видѣлъ. И можно ли не причесть къ этой геройской фалангѣ знаменитое имя графа Ростопчина, которому, можетъ быть, Москва воздвигнетъ памятникъ, какъ своему крестному отцу — *крещенія огненнаго*, изъ котораго она вышла славнѣе, чѣмъ была? Не могу здѣсь не припомнить, какъ черезъ девять лѣтъ послѣ пожара Москвы я встрѣтилъ графа Ростопчина въ Парижѣ. Онъ пригласилъ меня однажды послѣ обѣда ѣхать съ нимъ въ большую оперу. Мы скоро замѣтили, что многіе лорнеты изъ партера были обращаемы на его ложу. Въ антрактѣ послѣ 1-го дѣйствія постучались къ намъ и подали ему листокъ бумаги, на которомъ было написано слѣдующее четверостишіе, не вполнѣ точно мною запомненное:

Rostopschin... dans son ardent courage
Aima mieux brûler Moscou, que de nous recevoir;
Nous sommes plus polis: chacun de nous, je gage,
Brûle du désir de le voir [19]).

Нельзя не пожелать, чтобы столь же искусное и живописное перо, какимъ владѣетъ графъ Толстой, передало новому поколѣнію Русскихъ въ истинномъ свѣтѣ ихъ славное *былое*, которое бы слилось съ ихъ *настоящею* славою. Мы уже сказали, что главы 33, 34 и 35 романа графа Толстаго представляютъ, *въ общемъ объемѣ*, вѣрную картину Бородинской битвы; но эта картина *безъ дѣйствующихъ лицъ* (ибо, конечно, гг. Безуховъ и Волконскій не суть таковыя): у него все дѣлается *невидимою силою, силою случая*, что̀ едва ли согласно съ тѣмъ высокимъ назначеніемъ, которое дано Богомъ человѣку въ здѣшнемъ мірѣ. Если нѣтъ дѣятелей, то нѣтъ и исторіи: всѣ доблести топутъ въ пучинѣ забвенія, и всякое одушевленіе подражать этимъ доблестямъ исчезаетъ.

---

[19]) И это происходило послѣ того, какъ онъ написалъ свою странную брошюру: „La vérité sur l'incendie de Moscou“. Никто ему въ томъ не повѣрилъ. (Ростопчинъ, въ полной своей отвагѣ, захотѣлъ лучше сжечь Москву, чѣмъ принять насъ въ ней. Мы вѣжливѣе его, и каждый изъ насъ, я ручаюсь, сгараетъ желаніемъ его увидѣть).

Я перейду нѣсколько за тотъ предѣлъ, на которомъ останавливается четвертый томъ романа графа Толстаго,—по общей связи съ предметомъ.

„Quelle journée, quelle journée!!“[20]) восклицалъ Наполеонъ, по свидѣтельству его камердинера, въ тревожномъ бреду, ночью на 27-е число, безпрестанно переворачиваясь на постелѣ въ своей ставкѣ. И подлинно: потеря обѣихъ армій была огромная, и трудно опредѣлить, какая изъ нихъ была болѣе разстроена. У Наполеона оставалось 20,000 гвардіи, но и у насъ многіе полки праваго фланга не были введены въ дѣло. У Французовъ была вся артиллерія въ дѣлѣ, тогда какъ у насъ нѣсколько ротъ артиллеріи было нетронутыхъ. Французская армія, по свидѣтельству самихъ Французовъ, была *frappée de stupeur* [21]), а наша, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ Французовъ, *представляла еще армію грозную* [22]). Не можемъ не повторить, что еслибы ночная атака нашихъ казаковъ была поддержана регулярною кавалеріею и частію конной артиллеріи, то послѣдствія могли бы обратить законченную битву въ побѣду; но физическое истощеніе—не одного Кутузова—превозмогло принятую имъ сначала рѣшимость. Тоже самое затѣвали Мюратъ и Ней съ меньшимъ вѣроятіемъ въ успѣхѣ, по причинѣ упадка духа ихъ арміи, и тѣже причины ихъ остановили [23]).

Данилевскій, находившійся при Кутузовѣ, сохранилъ намъ приказъ его Дохтурову (который заступилъ мѣсто князя Багратіона), диктованный въ пятомъ часу пополудни при взрывѣ лопавшихся вокругъ него гранатъ, въ дополненіе къ посланному уже съ Раевскимъ словесному приказанію: „Я изъ всѣхъ движеній непріятельскихъ вижу, что онъ не менѣе насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе, и потому, завязавши уже дѣло съ нимъ, рѣшился я сегодня всѣ войска устроить въ порядкѣ, снабдивъ артиллерію новыми зарядами, завтра возобновить сраженіе“... И только уже по личномъ свиданіи съ Дохтуровымъ, въ одиннадцатомъ часу вечера, взвѣся понесенныя въ этотъ день огромныя потери, онъ рѣшилъ отступленіе. Увидѣвъ Дохтурова, который такъ достойно замѣстилъ Багратіона и отстоялъ нашъ лѣвый флангъ, Кутузовъ сказалъ ему: „Поди ко мнѣ, мой герой, и обними меня. Чѣмъ Государь можетъ вознаградить тебя?“ Несмотря на преклонность лѣтъ своихъ, Кутузовъ съ самаго начала битвы до конца, какъ капитанъ корабля на палубѣ, съ высотъ, прилежащихъ къ Горкамъ, слѣдилъ за всѣми фазисами битвы, непоколебимо

---

[20]) Чтó за день, чтó за день!

[21]) Поражена оцѣпѣненіемъ.

[22]) Г. Липранди, участникъ въ Бородинской битвѣ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: *„Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня“* дѣлаетъ выводъ выписками *исключительно изъ иностранныхъ писателей* въ нашу пользу.

[23]) Начальникъ Французской артиллеріи Ларибосьеръ доносилъ, что въ этотъ день выпущено 60,000 пушечныхъ зарядовъ и 1,400,000 патроновъ, чтó составляетъ 100 пушечныхъ и 2,300 ружейныхъ выстрѣловъ въ минуту.

выслушивая всѣ привозимыя ему донесенія, какъ хорошія, такъ и дурныя, за которыми, когда требовала необходимость, дѣлались имъ немедленно распоряженія. Такимъ образомъ, въ одно время, оставивъ свою скамейку, онъ сѣлъ на лошадь и, находясь подъ выстрѣлами, велѣлъ Милорадовичу съ пѣхотнымъ корпусомъ графа Остермана и съ кавалерійскимъ Корфа идти на подкрѣпленіе центра, когда непріятель штурмовалъ батарею Раевскаго. Онъ же направилъ кавалерійскую атаку Уварова и Платова; онъ же прогналъ Вольцогена, котораго къ нему послалъ Барклай отнюдь не съ тѣмъ, чтобы сказать, что сраженіе *проиграно*, а что войска лѣваго фланга находятся въ большомъ изнеможеніи и разстройствѣ (in grösster Erschöpfung und Zerrüttung). Кутузовъ умѣлъ цѣнить геройскую храбрость Барклая и конечно не оскорбилъ бы его; но онъ ненавидѣлъ Вольцогена, который принадлежалъ школѣ той арміи, съ которой Кутузовъ долго имѣлъ дѣло и которая не умѣетъ сражать*ся*, коль скоро не занимаетъ *eine starke Position* [24]). Отсюда Кутузовъ, хотя онъ и *жевалъ жареную курицу*, послалъ своего адъютанта Граббе объѣхать ряды войскъ и сказать имъ, чтобы они готовились сражаться на другой день. тутъ же заставилъ Кайсарова написать таковой же приказъ по арміи, и не растерялся такъ, какъ его противникъ, геніальный Наполеонъ, который ни на что не рѣшался.

Когда я былъ раненъ (это было уже въ третьемъ часу), повозки для раненыхъ все еще были въ изобиліи: я видѣлъ цѣлые ряды телѣгъ, устланныхъ соломою. Нѣкоторые изъ тяжело раненыхъ тутъ же умирали и тутъ же предавались землѣ, и трогательно было видѣть заботу, съ которою раненые же солдаты и ратники ломали сучки кустовъ и, связывая ихъ на крестъ, ставили на могилу. Одинъ изъ Французскихъ повѣствователей той эпохи, замѣтивъ эти могилы, говоритъ, что наша армія отступала къ Москвѣ въ такомъ порядкѣ, что ни одного колеса не было нами оставлено на пути.

Моя телѣга въѣхала въ длинный рядъ другихъ телѣгъ, тянувшихся съ ноги на ногу къ Можайску. Въ ушахъ моихъ, во все время пути, хотя мы были уже далеко отъ поля сраженія, все еще раздавался пушечный громъ и слышался свистъ ядеръ; мы прибыли въ сумерки къ Можайску; улицы были запружены подводами. По особенному счастію, мои люди увидали возлѣ одного дома людей моихъ товарищей, раненныхъ прежде меня, тутъ остановили мою телѣгу и меня внесли въ комнату. „Кто это еще?“ сказалъ слабый голосъ лежавшаго на соломенной постилкѣ,—и я узналъ моего друга, полковника Таубе. Меня положили возлѣ него. „Хотя бы насъ, стариковъ...“, прошепталъ онъ, протягивая мнѣ руку. У него была отнята нога выше колѣна. Въ приподнявшемся по другую сторону узналъ я подпоручика Баранова, у котораго раз-

---

[24]) Крѣпкую позицію.

дроблена была рука осколкомъ гранаты. Недолго мы могли бесѣдовать; мы всѣ были въ жару, всѣмъ намъ нужно было успокоеніе, которымъ мы недолго могли пользоваться: насъ торопили отправить изъ Можайска, и на зарѣ мы уже выѣхали. Благодаря Таубе, меня положили вмѣстѣ съ нимъ въ лазаретную карету; иначе меня повезли бы, по моему чину, опять въ телѣгѣ. „Не спасла меня твоя сабля", говорилъ мнѣ Таубе, „да и тебя твой ятаганъ".

Отраденъ былъ мнѣ этотъ путь при такомъ товарищѣ. При въѣздѣ въ Москву, насъ обступилъ народъ; женщины бросали намъ деньги въ карету, и мы съ трудомъ могли ихъ убѣдить, что деньги намъ не нужны, тѣмъ болѣе что тяжелые пятаки могли насъ зашибить. Барановъ, который не отставалъ отъ насъ, предлагалъ намъ остановиться въ домѣ его отца, сенатора. У Таубе былъ въ Москвѣ какой-то родственникъ, а я согласился на предложеніе Баранова. Таубе завезъ меня къ нему, и тутъ мы разстались съ нимъ на вѣки. Онъ отправился, какъ я узналъ послѣ, въ Ярославль, гдѣ вскорѣ умеръ. Гостепріимный домъ Баранова былъ совершенно пустъ: мы пробыли здѣсь два дня; трудно было имѣть медицинскія пособія, и меня перевезли, по тяжести раны, въ Голицынскую больницу. Тутъ прислала узнать обо мнѣ, не выѣхавшая еще изъ Москвы моя добрая знакомая Дарья Николаевна Лопухина [25]), племянница княгини В. В. Голицыной, у которой я жилъ въ Петербургѣ. Не знаю, какъ она провѣдала обо мнѣ; она предлагала взять меня съ собою и писала, что будетъ ожидать меня за Ярославскою заставою; при ней были двѣ дочери; но я не могъ рѣшиться обременить ее собою. На другой день явился ко мнѣ въ больницу какой-то крестьянинъ и подалъ мнѣ адресованную на мое имя записку, писанную карандашемъ; эта записка была отъ моего друга штабсъ-капитана Ладыгина, слѣдующаго содержанія: „Пишу тебѣ, мой другъ, на пушкѣ; мы оставляемъ Москву; непріятель вступаетъ за нами; спасайся, если можешь и заяви товарищамъ". Больно легли мнѣ на сердце слова: *„мы оставляемъ Москву..."*; но истина являлась во всей наготѣ. При мнѣ были мои два человѣка и одна больничная женщина; я немедленно послалъ обоихъ людей отыскивать какой-нибудь экипажъ и лошадей; къ вечеру нашли какую-то бричку, но лошадей еще не было.

Пришла ночь, страшное пожарное зарево освѣщало комнату, люди мои исчезли, а потомъ и женщина; я былъ весь день одинъ. На другой день вошелъ въ комнату кавалеристъ: это былъ уже Французскій мародеръ. Онъ началъ шарить по всей комнатѣ, подошелъ ко мнѣ, безжалостно раскрылъ меня, шарилъ подъ подушками и подъ тюфякомъ, и ушелъ пробормотавъ: „il n'a donc rien!"—въ другія комнаты. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ во-

---

[25]) Эта Д. Н. Лопухина была женщина достопамятная. На свои средства она воспитывала множество молодыхъ своихъ родственницъ и бѣдныхъ дѣвицъ. Ея совершенно частное, учебное заведеніе существовало много лѣтъ сряду. П. Б.

шелъ старый солдатъ и также приблизился ко мнѣ: „Vous êtes un Russe“? „Oui, je le suis.“—„Vous paraissez bien souffrir?“ Я молчалъ. „N'avez-vous pas besoin de quelque chose?“.—„Je meurs de soif“. Онъ вышелъ, появилась и женщина; онъ принесъ какіе-то бѣлые бисквиты и воды, обмочилъ ихъ въ водѣ, далъ мнѣ самъ напиться, подалъ бисквитъ и, пожавъ дружелюбно руку, сказалъ: „cette dame vous aidera“. Я узналъ отъ этой женщины, что все, что̀ было въ домѣ, попряталось или разбѣжалось отъ мародеровъ; о людяхъ моихъ не было ни слуху, ни духу.

Слѣдующій день былъ уже не таковъ: Французы обрадовались, найдя уцѣлѣвшій отъ пожара госпиталь съ нужнѣйшими принадлежностями. Въ мою комнату вошелъ со свитою нѣкто почтенныхъ уже лѣтъ, въ генеральскомъ мундирѣ, остриженный спереди, какъ стриглись прежде наши кучера, прямо подъ гребенку, но со спущенными до плечъ волосами. Это былъ баронъ Ларрей, знаменитый генералъ-штабъ-докторъ Наполеона, находившійся при арміи со времени Итальянской и Египетской кампаній. Онъ подошелъ прямо ко мнѣ. Вотъ нашъ разговоръ: „De quelle arme êtes-vous, monsieur?“ — „Officier de l'artillerie de la garde“.—„C'est à la grande bataille, que vous avez été blessé?“ „Oui, général“.—„Quand est ce qu'on vous a levé le premier appareil?—„On ne m'a pas touché“.—„Comment! depuis la grande bataille?“—„Oui, général“ [26]). Онъ пожалъ плечами и обернувшись сказалъ что-то стоящему возлѣ него доктору, взялъ стулъ, сѣлъ подлѣ моей кровати и началъ распрашивать окружающихъ о положеніи, въ какомъ найденъ госпиталь. Минутъ черезъ десять внесли ящикъ съ инструментами, тазы, рукомойники, бинты, корпію и проч. Ларрей всталъ, сбросилъ съ себя свой мундиръ, засучилъ рукава и, приближась ко мнѣ, сказалъ: „Allons, jeune homme, je vais m'occuper de vous“ [27]). Около получаса провозился онъ со мною и нѣсколько помучилъ меня—на ранѣ былъ уже антоновъ огонь—самъ перевязалъ меня, и, передавая помогавшему ему доктору, сказалъ: „M-r Beaufils, vous me répondrez de la vie de ce jeune homme!“ [28]) Я былъ тронутъ до глубины души и высказалъ все, что̀ могъ нѣжнаго этому великодушному человѣку. Не даромъ Наполеонъ прозвалъ его: *le vertueux Larrey*. Докторъ Beaufils, которому я былъ порученъ Ларреемъ, былъ уже человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, плѣшивый, самой доброй наружности и весьма живой во всѣхъ своихъ пріемахъ. Еще черезъ день пріѣхалъ посѣтить госпиталь графъ Лористонъ, бывшій у насъ посломъ въ Петербургѣ, и котораго я такъ недавно видѣлъ въ кругу нашего столичнаго

---

[26]) Въ какомъ войскѣ вы находитесь?—Я офицеръ гвардейской артиллеріи. — Вы ранены въ большомъ сраженіи?— Да, генералъ.—Когда вамъ дѣлали первую перевязку? —Ея вовсе не дѣлали.—Какъ, со времени большаго сраженія?—Да, генералъ.

[27]) И такъ, молодой человѣкъ, я займусь вами.

[28]) Г-нъ Бофисъ, вы мнѣ будете отвѣчать за жизнь этого молодаго человѣка.

общества; онъ помѣстился послѣ пожара, поглотившаго Москву, въ уцѣлѣвшемъ роскошномъ домѣ графини Орловой-Чесменской близъ нашего Голицынскаго госпиталя. Онъ оказалъ мнѣ самое теплое участіе, заявилъ, чтобъ я относился къ нему во всемъ, что̀ будетъ мнѣ нужно, и обѣщалъ присылать навѣдываться обо мнѣ, что̀ и исполнилъ, а въ тотъ же день прислалъ мнѣ миску съ бульономъ. Вскорѣ кровати моей комнаты начали наполняться. Первый, котораго принесли, былъ адъютантъ Барклая, Клингеръ, у котораго была отнята нога выше колѣна: онъ былъ въ бреду; за нимъ принесли Тимофеева, капитана одного изъ егерскихъ полковъ арміи князя Багратіона, прострѣленнаго насквозь; потомъ поручика Обольянинова, баталіоннаго адъютанта Преображенскаго полка; затѣмъ маіора орденскаго кирасирскаго полка Вульфа; у обоихъ было отнято по ногѣ. Вульфу дѣлалъ операцію баронъ Ларрей.

До этой поры сюда помѣщали однихъ Русскихъ. Въ слѣдующій день поступилъ къ намъ адъютантъ Французскаго дивизіоннаго кавалерійскаго генерала Пажоля, драгунскій капитанъ d'Aubanton, тяжело раненый осколкомъ гранаты въ бокъ и въ руку. Мы съ нимъ скоро обмѣнялись съ нашихъ кроватей дружелюбными словами; это былъ человѣкъ серьезный, котораго бесѣда была не пустословная. Межъ тѣмъ всѣ комнаты госпиталя переполнились ранеными. Такимъ образомъ наша судьба казалась на это время нѣсколько обезпеченною среди терзаемыхъ со всѣхъ сторонъ грабителями остатковъ обгорѣлой Москвы. Наконецъ явились ко мнѣ мои два человѣка совершенно оборванные, но обрадованные, что нашли меня живымъ; они разсказали мнѣ, что Французы отняли у нихъ все мое имущество, даже мое окровавленное подъ Бородиномъ платье, и что ихъ заставляли всѣ эти дни, какъ лошадей, таскать грабимыя вещи, держа ночью подъ карауломъ. Изъ всего, что́ я имѣлъ, у меня остался только находившійся на моей груди маленькій образокъ Божіей Матери, которымъ меня благословила въ походъ благотворительная Д. Н. Лопухина, и который меня и доселѣ не оставляетъ. Я узналъ впослѣдствіи, что она едва ускакала отъ Французскихъ разъѣздовъ, ожидая меня у Ярославской заставы. Такія дѣла не изглаживаются изъ памяти сердца. Бѣдный Клингеръ, не выходившій изъ бреда, поминая часто о Георгіевскомъ крестѣ, который онъ, конечно заслужилъ, скоро простился съ нами на вѣкъ, и его вынесли отъ насъ на простынѣ.

Графъ Лористонъ не забылъ меня: дня черезъ два послѣ его посѣщенія пріѣхалъ ко мнѣ отъ его имени и, вѣроятно навѣщавшій своихъ раненыхъ товарищей, молодой офицеръ, его однофамилецъ и родственникъ, одинъ изъ ординарцевъ Наполеона. Несмотря на мою сердечную благодарность графу Лористону, я, признаюсь, съ какою-то злобною радостію услышалъ отъ него: „Moscou n'existe plus *pour nous*—tout est dévoré par les flammes" *(pour vous,* хотѣлось мнѣ сказать ему, mais pas *pour nous),* и что Наполеонъ долженъ

былъ на нѣкоторое время оставить *ce brasier* [29]) и переѣхать изъ Кремля за городъ. Онъ же разсказывалъ мнѣ (какъ офицеру гвардейской артиллеріи), что, объѣзжая съ Наполеономъ поле сраженія, они нашли одного изъ офицеровъ нашей гвардейской артиллеріи безъ обѣихъ ногъ, замертво оставленнаго: я призналъ тотчасъ въ этомъ офицерѣ несчастнаго Ковалевскаго, объ участи котораго я зналъ отъ Ладыгина, посѣтившаго насъ, когда мы были въ домѣ Баранова. Теперь я узналъ, что онъ былъ перевезенъ съ Французскими ранеными въ Колоцкій монастырь, гдѣ конечно и умеръ. Освѣдомляясь о положеніи, въ которомъ находились наши дѣла, мой собесѣдникъ, не опасаясь нескромности съ моей стороны, по причинѣ положенія, въ которомъ я находился, сообщилъ мнѣ очень важное извѣстіе: „je ne puis vous rien dire de votre armée; car nous ne savons pas ce qu'elle est devenue, et nous sommes à sa recherche“ [30]). Онъ мнѣ даже довольно подробно разсказалъ, какъ Мюратъ, въ продолженіе трехъ дней, думая слѣдить нашу армію, давно уже имѣлъ передъ собою только нѣсколько сотенъ казаковъ, которые на ночь разводили бивуачные огни на далекое пространство, яко бы принадлежавшее большой арміи; что въ одно прекрасное утро самые эти казаки передъ нимъ исчезли,—и онъ остался одинъ передъ пустымъ полемъ.... „La piste de l'ennemi est perdue!“ [31]) сказалъ Наполеонъ во всеуслышаніе.

Задуманное знаменитое фланговое движеніе Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую, до приведенія его въ исполненіе, хранилось только въ головѣ Кутузова, и только со втораго перехода по Рязанской дорогѣ, когда Французы уже убѣдились, что онъ идетъ на Коломну, онъ подъ строгою тайною открылъ однимъ корпуснымъ командирамъ (которые долго не понимали этого движенія) весь свой планъ. Дойдя до Боровскаго перевоза у Москвырѣки, Кутузовъ быстро повернулъ со всею арміею по проселочной дорогѣ къ Подольску, къ ночи вышелъ форсированнымъ маршемъ на большую Тульскую дорогу и расположился у Подольска. Темная ночь освѣщалась по всему небосклону заревомъ пылающей Москвы: это зрѣлище краснорѣчивѣе всякихъ воззваній закаляло въ сердцахъ солдатъ мщеніе. Тутъ армія имѣла дневку, и на другую ночь таже Москва продолжала ей свѣтить своимъ пожаромъ. 7-го Сентября армія довершила свое фланговое движеніе, ступивъ, у Красной Пахры, на старую Калужскую дорогу. Надобно замѣтить, что когда Кутузовъ сошелъ съ Рязанской дороги, онъ велѣлъ аріергарду Милорадовича пробыть еще день на Рязанской дорогѣ, а потомъ, оставя вмѣсто себя на этой дорогѣ два казачьихъ полка Ефремова, самому своротить по проселочной дорогѣ, па-

---

[29]) Москва болѣе не существуетъ для насъ: все пожрано пламенемъ.—Для васъ, а не для насъ.—Этотъ костеръ.

[30]) Ничего не могу сказать вамъ о вашей арміи, потому что мы не знаемъ, что съ нею сталось, и мы ее разыскиваемъ.

[31]) Слѣдъ непріятеля потерянъ.

ралельной той, по которой слѣдовала армія. При всѣхъ пересѣкаемыхъ Милорадовичемъ дорогахъ онъ оставлялъ отряды съ приказаніемъ, еслибъ съ ними встрѣтился непріятель, не слѣдовать за общимъ движеніемъ арміи, дабы не обличить онаго, а отступать по той дорогѣ, на которой былъ поставленъ отрядъ; между тѣмъ, полковникъ Ефремовъ велъ Мюрата по Рязанской дорогѣ до самыхъ Бронницъ, гдѣ и послѣдовало разочарованіе этого вѣнценоснаго наѣздника. Геніальный Пушкинъ прекрасно сказалъ, что одинъ только Кутузовъ (при томъ довѣріи, которое имѣла къ нему Россія) могъ отдать Москву непріятелю и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты. Эта роковая минута уже настала.... Мы знали о посылкѣ Лористона къ Кутузову съ мирными предложеніями; но сердца наши знали и помнили слова манифеста, что нашъ мечъ не войдетъ въ ножны, доколѣ хотя одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться на почвѣ Русской.

Намъ даже говорили о возможности возвратить насъ въ нашу армію, если мы для *профорμы* дадимъ росписку, что въ продолженіе кампаніи не поступимъ опять въ ряды; не знаю, было ли это намъ сказано по распоряженію высшаго начальства, или для нашего утѣшенія, но никто изъ насъ не согласился на эту *проформу*. Мнѣ сказали, что обо мнѣ справлялись изъ нашей арміи. Я узналъ впослѣдствіи, что я этимъ обязанъ Алексѣю Петровичу Ермолову, по просьбѣ моего брата, только что выпущеннаго изъ пажескаго корпуса офицеромъ въ л.-гв. егерскій полкъ. Между тѣмъ я былъ неожиданно удивленъ появленіемъ въ одинъ день передъ собою крестьянина Дмитрія Семенова, помѣстья моихъ родителей, Рязанской губерніи села Екимца, который вызвался проникнуть въ Москву и доставить имъ извѣстіе обо мнѣ. Неописанно утѣшенный, я написалъ съ нимъ нѣсколько строкъ, которыя прошли чрезъ Французскую цензуру и благополучно достигли до моихъ обрадованныхъ родителей.

Слухи о выступленіи Французовъ начали распространяться. Уже болѣе недѣли не посѣщалъ меня адъютантъ графа Лористона. Французскій капитанъ d'Aubanton, только что начинавшій поправляться, внезапно простился съ нами и заявилъ, что кавалерійская дивизія его генерала выступаетъ; наконецъ, и добрый докторъ Beaufils, послѣ утренней перевязки, просилъ насъ записать въ его альбомъ наши имена, и вслѣдъ за тѣмъ прямо объявилъ намъ, что вся армія на другой день оставляетъ Москву. При прощаніи онъ не мало смутилъ насъ словами: „je regrette, que tous mes soins près de vous seront peut-être perdus!“ [32]) Мы хотѣли, чтобъ онъ разъяснилъ намъ эти слова, но онъ, взволнованный обнялъ насъ и, не сказавъ болѣе ни слова, быстро уда-

---

[32]) Жалѣю, что, можетъ быть, пропадутъ всѣ мои заботы о васъ.

лился. Разгадка была та, что Наполеонъ, выступая изъ Москвы, велѣлъ маршалу Мортье остаться въ ней еще нѣсколько дней съ двумя дивизіями молодой гвардіи, и оставить Москву не иначе, какъ взорвавши Кремль и предавъ пламени остатки города!... Эта гнусная, звѣрская злоба отбросила Наполеона въ скрижаляхъ исторіи далеко изъ разряда великихъ людей, и уже этимъ самымъ онъ призналъ побѣду за Россіею.

Тишина, окружавшая нашъ отдаленный кварталъ, Калужскій, внезапно замѣнилась неумолкающимъ шумомъ обозовъ; наконецъ, 7-го Октября, рано по утру, началось движеніе войскъ. Изъ построившихся рядовъ Итальянской гвардіи, противъ самыхъ воротъ нашей Голицынской больницы, нѣсколько офицеровъ, въ ожиданіи прибытія Наполеона, зашли къ намъ въ комнаты проститься съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей раненыхъ. Съ однимъ изъ этихъ офицеровъ, подошедшимъ къ моей кровати, я имѣлъ случай обмѣняться нѣсколькими словами. Онъ мнѣ сказалъ: „Vous êtes plus heureux en restant ici, voyez....“ и съ этимъ словомъ поднялъ одну ногу и показалъ мнѣ протоптанную подошву своего сапога: „voici dans quel état nous allons guerroyer“[33]). Это не помѣшало однако несчастнымъ Италіянцамъ выдержать отчаянный бой подъ Малоярославцемъ, гдѣ они почти всѣ полегли. Зрѣлище бѣдственно отступавшей непріятельской арміи радостно волновало наши сердца; я просилъ придвинуть мою кровать ближе къ окну. Вся улица была покрыта войсками, и не болѣе какъ черезъ полчаса командные возгласы возвѣстили приближеніе Наполеона. Окруженный свитою, онъ остановился противъ нашего госпиталя, и, какъ бы осмотрѣвшись, сталъ въ самыхъ воротахъ и началъ пропускать мимо себя взводы полковъ. Хотя мнѣ указывали на него, но я и безъ того не могъ бы не узнать его по оригинальному типу, коротко уже мнѣ извѣстному. Раненые Французы дали мнѣ бинокль; однако я, съ необыкновеннымъ злымъ равнодушіемъ, взглянувъ раза два, возвратилъ бинокль, видя и безъ того довольно хорошо. Наполеонъ раза два слѣзалъ съ лошади и опять садился на нее. Нельзя было не замѣтить, что войска нехотя бормотали, а не кричали ему: „Vive l'Empereur!“[34]) Это зрѣлище продолжалось болѣе часа, и я, не дождавшись конца, улегся въ своей постелѣ, какъ бы упрекая себя за излишнее вниманіе къ этому лицу.

Долго однако не прекращался шумъ на нашей улицѣ. Около полудни растворились двери сосѣдней съ нами палаты, и цѣлая процессія Французовъ, въ халатахъ и на костыляхъ, кто только могъ сойти съ кровати, явилась передъ нами. Одинъ изъ нихъ вышелъ впереди и сказалъ намъ: „Messieurs, jusqu'à présent vous étiez nos prisonniers; nous allons bientôt devenir les vôtres. Vous n'avez pas sans doute, messieurs, à vous plaindre du traitement que vous avez essuyé; permettez-nous d'espérer la même chose de votre part“ [35]). Хотя мы не были еще

---

[33]) Вы счастливѣе, оставаясь здѣсь: поглядите, въ какомъ видѣ намъ воевать.

[34]) Да здравствуетъ императоръ!—[35]) Господа, до сихъ поръ вы были нашими плѣн-

совершенно увѣрены, что мы вышли изъ плѣна, но поспѣшили ихъ успокоить, прося ихъ сказать намъ, когда дѣйствительно мы будемъ свободны, что̀ они и обѣщали сдѣлать. Прошло почти три дня: ни мы, ни Французы не знали, въ чьихъ рукахъ мы находимся. Мародеры шмыгали повсюду,—и даже поджигатели,—какъ мы узнали послѣ; но сами Французы, которые только были нѣсколько въ силахъ, охраняли госпиталь съ помощью госпитальныхъ людей. Въ ночь съ 10-го на 11-е Октября мы были пробуждены страшнымъ громомъ; оконныя стекла въ сосѣдней комнатѣ посыпались... Это былъ взрывъ Кремля... Взрывы повторялись еще нѣсколько разъ. Сонъ уже оставилъ насъ на всю ночь... Мы не знали, что̀ насъ самихъ ожидаетъ. Слова добраго Beaufils'a невольно приходили намъ на умъ. Французы продолжали, какъ могли, стеречь нашу больницу отъ поджигателей. Наконецъ, поутру Французскіе раненые офицеры извѣстили насъ, что наши казаки показались въ Москвѣ, и повторили намъ свою просьбу; мы предложили имъ, будучи недвижимы на нашихъ кроватяхъ, принести намъ свои цѣнныя вещи и деньги, и положить ихъ къ намъ подъ тюфяки и подъ подушки, что̀ они и сдѣлали. Дѣйствительно, часа черезъ три вошелъ къ намъ казацкій урядникъ съ нѣсколькими казаками; радость наша была неописанная. Мы нѣсколько разъ жарко съ ними обнялись. Это были казаки Иловайскаго; они стерегли выходъ Французской арміи близъ Калужской заставы и явились вслѣдъ за ними. Мы заявили, что въ сосѣдней палатѣ лежатъ раненые Французы, что мы были болѣе мѣсяца у нихъ въ плѣну, что они насъ лѣчили и сберегли, что за это нельзя уже ихъ обижать, что лежачаго не бьютъ и тому подобное... Урядникъ слушалъ меня, закинувъ руки за спину. „Это все правда, ваше благородіе; да посмотрите-ка, что̀ они, душегубцы, надѣлали! Истинно поганцы, ваше благородіе!"—„Такъ, такъ, ребята, да все-таки храбрый Русскій солдатъ лежачаго не бьетъ, и мы отъ васъ требуемъ—не обижать!"—„Да слушаемъ, ваше благородіе, слушаемъ!" и направились въ растворенныя къ Французамъ двери. Сколько можно мнѣ было видѣть, казаки проходили мимо кроватей, косясь на притаившихъ духъ Французовъ. Нѣсколько времени было тихо, но вдругъ послышался шумъ, и явился къ намъ взволнованный, въ распахнутомъ халатѣ, офицеръ: „Messieurs, messieurs! on m'a ôté mon sabre d'honneur! De grâce, de grâce!..." [36]). Мы насилу его вразумили, что, будучи плѣннымъ, онъ не можетъ сохранять при себѣ оружіе, что если онъ дорожилъ своею саблею, то зачѣмъ же онъ намъ не отдалъ ея подъ сохраненіе вмѣстѣ съ другими вещами; что съ нашей стороны было бы весьма неловко требовать возврата того, чего не слѣдуетъ возвращать, и притомъ отъ войска иррегулярнаго... Вскорѣ прибыли сотникъ и одинъ штабъ-офицеръ, весьма обходительный. Мы ему объяснили всѣ обстоятельства; онъ занялся составленіемъ списка плѣннымъ Французамъ, и при немъ мы выдавали

никами; скоро мы будемъ вашими. Вамъ, конечно, нельзя на насъ пожаловаться; позвольте же надѣяться на взаимство.

[36]) Господа, господа! У меня отняли мою почетную саблю. Сжальтесь, сжальтесь!

имъ по рукамъ всѣ ихъ вещи и деньги, также по запискѣ. Онъ зналъ нѣсколько по-французски и успокоилъ въ ихъ судьбѣ какъ ихъ самихъ, такъ и насъ. На другой день я совѣщался съ моимъ товарищемъ Обольяниновымъ (наши кровати были смежны) о томъ, что̀ намъ дѣлать съ собою. Я ему сказалъ, что у моихъ родителей есть подмосковное помѣстье въ 75 верстахъ отъ Москвы, за Дмитровымъ, и предлагалъ ѣхать туда; а онъ мнѣ заявилъ, что имѣніе его дяди находится только въ 50 верстахъ отъ Москвы, по Клинской дорогѣ, и что тамъ есть больница и аптека. Мы рѣшились отправиться туда. Вульфъ и Тимофеевъ остались въ Москвѣ. Не знаю, кто и какъ снарядилъ насъ; у насъ не было ни у кого ни денегъ, ни платья; люди наши достали какую-то ветхую бричку и привели какого-то мужичка съ тремя исхудалыми лошаденками; пріискивали платья и ничего не находили; наконецъ добыли гдѣ-то женскіе, и при томъ ваточные, салопы, что̀ было истинною находкою. Въ такихъ костюмахъ, обернувшись вмѣсто плащей фланелевыми одѣялами, мы, помолясь, двинулись съ Обольяниновымъ въ путь.

Нельзя вообразить себѣ тѣ ужасныя картины, которыя развертывались передъ нами по мѣрѣ того, какъ мы подвигались отъ Калужскихъ воротъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Одинъ только нашъ кварталъ отъ Калужской заставы до Калужскихъ воротъ уцѣлѣлъ отъ пожара (но не совсѣмъ отъ грабежа), и конечно, благодаря графу Лористону, занимавшему, какъ мы сказали, домъ графини Орловой. Такимъ образомъ былъ пощаженъ Донской монастырь. Все, что̀ видно было передъ нами, сколько могъ обнять глазъ, было *черно;* высокія трубы домовъ торчали изъ грудъ развалинъ; полизанные пламенемъ дома, закопченныя снизу до верху высокія церкви были какъ бы подернуты крепомъ, и лики святыхъ, написанные на ихъ стѣнахъ, проглядывали съ своими золотыми вѣнцами изъ-за черныхъ полосъ дыма; нѣсколько труповъ людскихъ и лошадиныхъ были разбросаны по сторонамъ. Замоскворѣчье было намъ мало знакомо; но тяжкое впечатлѣніе такого̀ зрѣлища навело на всѣхъ насъ глубокое молчаніе и, проѣзжая мимо поруганныхъ святыхъ церквей, мы творили крестное знаменіе. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, нѣсколько уцѣлѣвшихъ, двери были раскрыты настежъ, и груды хлама и разныхъ снадобій и мебели наполняли ихъ. Но какъ выразить то чувство, которое объяло насъ при видѣ Кремля! Когда мы въѣхали на каменный мостъ, картина разрушенія представилась намъ во всемъ ужасѣ... Мы всплеснули руками: Иванъ Великій безъ креста, какъ бы съ разможженною золотою главою, стоялъ одинокъ, не какъ храмъ, а какъ столбъ, потому что вся его великолѣпная боковая пристройка, съ двумя куполами и съ огромными колоколами, была взорвана и лежала въ грудѣ. Когда мы проѣзжали ближе, то видѣли съ набережной, у подошвы его, тамъ, гдѣ онъ соединялся съ пристройкою, глубокую продольную трещину. Башня съ Боровицкими воротами была взорвана; средина Кремлевской стѣны также, и мы едва могли пробраться среди грудъ развалинъ. Грановитая палата, пощаженная пламенемъ, стояла безъ крыши, съ закоптѣлыми стѣнами и съ полосами дыма,

выходящими изъ оконъ. На куполахъ соборовъ многіе листы были оторваны. Огибая Кремль, по дорогѣ къ Василію Блаженному, мы увидѣли, что угловая башня со стѣною была взорвана. Спасскіе ворота съ башнею уцѣлѣли. Башня Никольскихъ воротъ, отъ верха вплоть до образнаго кіота, наискось, была обрушена; но самый кіотъ съ образомъ Николая Чудотворца и даже со стекломъ—что̀ мы ясно видѣли—остались невредимы. Угловая стѣна, примыкавшая къ этой башнѣ, и арсеналъ, обращенный къ бульвару, что̀ теперь Кремлевскій садъ, были взорваны... Съ тѣми же чувствами, какъ Неемія послѣ плѣна Вавилонскаго объѣзжалъ вокругъ обрушенныхъ стѣнъ Іерусалима, мы обозрѣвали обрушенныя стѣны Кремля. Наполеонъ хотѣлъ бы всю мѣстность ненавистной ему Москвы, сдѣлавшуюся гробницею его славы, вспахать и посыпать солью, какъ сдѣлалъ Адріанъ съ Іерусалимомъ, и изгладить ея имя съ лица земли. Но Іерусалимъ остался святынею міра, а обновленная новымъ блескомъ Москва осталась святынею Россіи.

Павловскъ. 8-го Сентября 1868 г.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНАХЪ.

Замѣтка издателя Русскаго Архива.

Видно уже такъ суждено намъ не только повторять грѣхи Западной Европы, но и погрязать въ нихъ. Тамъ много пишется историческихъ романовъ; но въ Европѣ необузданность исторіографическаго вымысла гораздо менѣе вредна, нежели въ Россіи, потому что тамъ большинство читателей близко знакомо съ прошедшими судьбами роднаго края. У насъ же историческое изученіе началось со вчерашняго дня; мы только приступили къ великому дѣлу народнаго самосознанія, и еще цѣлыя области нашей протекшей жизни остаются въ потемкахъ: напримѣръ не оглашено дѣло Никона, не прочитаны цѣлыя груды важнѣйшихъ бумагъ Петра Великаго, не изданъ дневникъ князя А. Д. Меншикова; центральныя событія новой нашей исторіи, какъ воцаренія Екатерины II-й и Александра I-го, извѣстны только по анекдотамъ. Въ нашемъ образованномъ обществѣ легко встрѣтить вполнѣ почтенныхъ людей, не умѣющихъ даже перечислить въ порядкѣ Русскихъ государей. И при такомъ состояніи науки, появляется цѣлый рядъ романовъ, въ которыхъ читающему люду предлагаютъ полное извращеніе историческихъ характеровъ и событій. Поглядите, какъ изображенъ Никонъ, до чего истаскали пресловутую княжну Тараканову? Невольно приходятъ на память стихи князя Вяземскаго:

Литература наша—сѣтка
Для уловленія невѣждъ;
Чужихъ яицъ она насѣдка...

То что̀ прощается графу Л. Н. Толстому ради его необыкновеннаго дарованія, то неизвинительно во многихъ его подражателяхъ, писанія которыхъ наносятъ положительный вредъ успѣхамъ здраваго просвѣщенія. П. Б.

НОВО-НАЙДЕННЫЯ БУМАГИ ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА.

Нижеслѣдующія черновыя письма графа Ростопчина принадлежатъ къ числу тѣхъ бумагъ его, которыя, по его кончинѣ, были доставлены правительству, и нынѣ, изъ архива бывшаго Третьяго Отдѣленія, возвращены его сыну, шталмейстеру графу Андрею Ѳедоровичу, сообщившему ихъ намъ для обнародованія. Историческая важность ихъ не требуетъ поясненій. П. Б.

I. Письмо графа Ростопчина къ императору Александру Павловичу.

(1810)

Помѣта графа Ростопчина на этомъ письмѣ: «Вложено въ пакетъ на имя А. А. Торсукова и отправлено 12 числа въ посылкѣ по тяжелой почтѣ.»

Отношенія графа Ростопчина къ императору Александру Павловичу могли бы послужить предметомъ любопытнѣйшаго историческаго и психологическаго разслѣдованія. Въ три царствованія эти отношенія мѣнялись и разнообразились. Ростопчинъ восхищался юношею Александромъ. Когда Екатерина внезапно очутилась при смерти, молодой великій князь упросилъ Ростопчина ѣхать съ извѣщеніемъ о томъ въ Гатчину, къ Павлу Петровичу. Александръ Павловичъ конечно зналъ, что Екатерина назначала его себѣ преемникомъ, и что всѣ бумаги касательно наслѣдія, вмѣстѣ съ отреченіемъ Павла, были заготовлены. По преданію, эти бумаги уничтожены Безбородкою. Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Сvнода графъ А. И. Пушкинъ также имѣлъ ихъ въ Сvнодѣ и, по воцареніи Павла, также уничтожилъ (какъ передавали намъ о томъ слышавшія отъ него самого дочери его, княгини Е. А. Оболенская и С. А. Шаховская). Неизвѣстно, зналъ ли про это Ростопчинъ, сдѣлавшійся наперсникомъ Павла. Въ царствованіе сего послѣдняго Ростопчину посчастливилось спасти наслѣдника престола, его брата и мать отъ ссылки и заточенія. Ростопчинъ впослѣдствіи говаривалъ, что одного намека его было достаточно, чтобы великій князь не нашелъ себѣ мѣста даже и въ Сибири: такъ далеко простирались подозрительность и раздраженіе Павла. Ростопчинъ почти открыто выражалъ неодобреніе тому, какъ вступилъ на престолъ Александръ Павловичъ: въ началѣ 1806 года, въ письмѣ къ свояченицѣ своей, княгинѣ Голицыной, онъ изображалъ Аустерлицкое пораженіе какъ божеское наказаніе за 12 Марта, и это письмо дошло до свѣдѣнія Государя. Только благодаря особеннымъ настояніямъ любимой сестры своей, Екатерины

Павловны, Государь скрывалъ свою немилость къ Ростопчину и въ Декабрѣ 1809 года, находясь въ Москвѣ съ сестрою, допустилъ его къ себѣ и далъ порученіе представить отчетъ о Московскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ. Въ слѣдующемъ году Ростопчинъ назначенъ (24 Февр. 1810) оберъ-камергеромъ, но съ правомъ не пріѣзжать въ Петербургъ: это была позолоченая пилюля. Тотъ рвался къ дѣятельному участію въ дѣлахъ государственныхъ; его угощали пустымъ почетомъ, и такъ продолжалось до самого нашествія Наполеона. Назначеніе Московскимъ главнокомандующимъ послѣдовало лишь за нѣсколько дней до вторженія Французовъ въ наши предѣлы. Тутъ, какъ и въ назначеніи Шишкова вмѣсто Сперанскаго, Государь дѣйствовалъ вопреки личному своему расположенію. Исторія должна благодарно помнить и цѣнить это самообладаніе самодержавнаго монарха. *П. Б.*

*

Всемилостивѣйшій Государь!

Принеся живѣйшую благодарность за всѣ милости, коими угодно Вамъ было, Государь, подтвердить прежнее Ваше ко мнѣ благорасположеніе, приступаю къ исполненію воли вашей и, чувствуя всю важность довѣренности моего Государя, одушевленный единственно честію, не имѣя другой цѣли какъ пользу общую—источникъ благоденствія и Вашего—призвавъ въ помощь Бога и святую истину, являюсь одинъ безъ страха у престола ходатаемъ несчастныхъ.

Къ приложеннымъ при семъ, замѣчаніямъ о нѣкоторыхъ богоугодныхъ заведеніяхъ прибавлю слѣдующее. Въ острогѣ нашелъ я много доказательствъ, что правосудіе мало занимается бѣдными. Тутъ есть по два и по три года забытые люди. Заточеніе оговоренныхъ и свидѣтелей сопрягается съ участью преступниковъ, доколь законное наказаніе сихъ не постигнетъ. Тутъ есть также много страждующихъ невинно. Одинъ изъ сихъ, доказавшій, что онъ не принадлежитъ бригадиру князю Волконскому, по рѣшеніи уже Сената, четыре мѣсяца въ острогѣ сидѣлъ, а когда я приватно справился о истинѣ его показанія, то на другой же день возвращена ему свобода. Нельзя довольно соболѣзновать о участи человѣческой, увѣрясь, что лѣнь, корысть и плутовство по волѣ останавливаютъ, даже уничтожаютъ, силу законовъ и дѣйствіе милосердія Вашего и, вмѣсто терпѣнія, надежды и, раскаянія, вселяютъ въ души сихъ (несчастныхъ уже заточеніемъ) отчаяніе, ужасъ и увѣреніе въ неизбѣжной погибели отъ несправедливости и долговременнаго забытія въ острогѣ. Графъ Гудовичъ [1]) въ немъ съ пріѣзда своего въ Москву не былъ и, наполня въ первые дни нѣсколько присутственныхъ мѣстъ бранью и шумнымъ увѣреніемъ, что онъ плутовъ не терпитъ, оставилъ ихъ въ покоѣ.

---

[1]) Тогдашній Московскій главнокомандующій. П. Б.

Вы, Государь, тронуты были чистосердечною любовью Московскихъ жителей, кои сердцемъ и душою пріобрѣли право на особенное вниманіе къ ихъ благоденствію. Извѣстно Вамъ, сколь много городъ сей имѣетъ всемѣстнаго въ Россіи вліянія по связямъ своимъ. Для сего и чернь требуетъ бдительнаго попеченія о сохраненіи ея нравственности. Но есть ли народъ оставить въ настоящемъ положеніи, то чрезъ нѣсколько лѣтъ купцы, ремесленники, крестьяне и люди наши представятъ вмѣсто громады вѣрноподданныхъ скопище пьяницъ и воровъ. Нѣтъ ни одной лавочки, гдѣ бы не продавалось вино. Сорокъ трактировъ открыты днемъ и ночью. Въ одномъ Цареградскомъ выпиваютъ ежедневно по 16.000 бутылокъ пива; а вина въ Москвѣ каждый день съ Ноября мѣсяца отъ 300 до 400 тысячъ стакановъ. Хотя винные откупа и доставляютъ знатный доходъ казнѣ, но откупщики торговались и взяли Московской откупъ на 200 кабаковъ, а теперь продаютъ вино въ 2000 лавочкахъ, вслѣдствіе даннаго Управѣ Благочинія самовластнаго предложенія отъ Тутолмина, кое г. Гудовичъ не отмѣнилъ до сихъ поръ [2]). При томъ трактиры, какъ ихъ допустили быть, суть школы разврата. Въ нихъ музыка, биліарды, Цыганы, буфетъ, дѣвки, и съ мужика до офицера всѣ находятъ тутъ питье, игры и болѣзни. Самъ Эйлеръ не могъ бы вычислить, сколько отъ пьянства Ваше Императорское Величество потеряете людей и денегъ для обогащенія коронныхъ разбойниковъ, то есть откупщиковъ, кои, не довольствуясь милліонными барышами, покупаютъ еще и непозволенныя права.

Хотя рубль серебряный и держится между 295 и 300 к., но монету серебряную выкупаютъ, большею частію, иностранные присяжные купцы для закупки въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ товаровъ. Съ масляницы здѣсь живетъ надв. сов. Барсъ, таможенной пограничной смотритель, для договору съ купцами о товарѣ, который лѣтомъ повезутъ въ Россію, и проситъ за пропускъ четвертую часть положенной пошлины. Я узналъ отъ здѣшнихъ купцовъ, что Рижскіе всѣ почти торги съ ними дѣлаютъ на талеры и рубли, кои назадъ вѣрно никогда не будутъ; также, что вслѣдствіе новаго Австрійскаго положенія, коимъ запрещается въ Австріи кромѣ подданныхъ торговать, многіе здѣшніе Греки и изъ городовъ купцы намѣрены поселиться въ Лембергѣ, присягнуть на подданство и, бывъ прикащиками Русскихъ богатыхъ купцовъ, производить удобный оттуда торгъ запрещенными товарами. Я почелъ сіи извѣстія довольно важными, чтобъ объ нихъ умолчать.

Безсмертные Московскіе дышутъ исправно. Остерманъ чрезъ сутки мочится и, пользуясь днемъ запора, разъѣзжаетъ по гостямъ. Мамо-

---

[2]) Что́ сказалъ бы графъ Ростопчинъ теперь! П. Б.

новъ [3]) почти молодецъ, хотя изъ 92 лѣтъ и утаеваетъ 8. Князь Долгорукой [4]) утромъ живетъ на Болотѣ и до обѣда второй гильдіи купецъ, а вечеромъ будто баринъ. Князь Ѳ. С. Барятинской, коего и сама смерть боится, принимаетъ визиты паралича и не можетъ съ жизнію ласково разстаться. Графа Гудовича обманулъ Ломоносовъ, купя вмѣстѣ деревню у Салтыкова, Минскаго мужа Куракиной [5]). Всякой день концерты, и «Слѣпой Дворянинъ» столько же нуженъ на званыхъ ужинахъ, какъ мопсы у старыхъ барынь и Бухарцы съ шалями у молодыхъ. Товарищъ мой Нарышкинъ [6]) отплылъ по водѣ въ саняхъ благополучно, доволенъ бывъ отмѣнно покупкою за 1.200 р. козла. Всѣ дивятся на претолстаго г. маіора Вадковскаго, который женится на огромной дѣвицѣ Елагиной. C'est l'union du mont St. Gothard avec le mont Blanc [7]).

Признавая нужнымъ, я смѣю просить у васъ, Государь, позволенія на случай гдѣ открою притѣсненіе, явное нарушеніе законовъ и упущеніе пользы государственной, входить въ переписку съ начальствами, извѣщать министровъ и быть шпорою Вашею для судей и судовъ. Естьли сія мысль удостоится вниманія Вашего Императорскаго Величества, то изволите повелѣніе сіе написать собственноручно. Я имѣлъ и имѣю много доказательствъ, что ходъ мой *съ Декабря* не нравится многимъ. *Хотя онъ самой простой, но трудный въ подражаніи.* Я Вамъ служить намѣренъ, такъ какъ молюсь Богу, не ставя свѣчь ни святымъ, ни угодникамъ.

Всепреданнѣйшій вѣрноподданный.

12 Апрѣля 1810 г. Москва.

II. Замѣчанія гр. Ростопчина о Московскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ (1810).

Домъ умалишенныхъ есть безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Уважа всѣ затрудненія въ содержаніи 76 безумныхъ, изъ коихъ большая часть привыкла къ нечистотѣ, житье сихъ несчастныхъ покойно. У каждаго особый номеръ, коридоръ широкій, посреди дома въ обоихъ этажахъ превысокая сборная комната. Пріятно видѣть обхожденіе съ сумасшедшими смотрителей. Они всѣ почти изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Замѣчательно, что нѣтъ ни одного умалишеннаго въ бѣшенствѣ, и они всѣ ходятъ по волѣ, а лѣтомъ въ саду.

*

3) Это былъ отецъ Екатерининскаго любимца (тогда уже умершаго). Тонъ нижеслѣдующихъ отзывовъ объясняется тѣмъ, что Ростопчинъ и его способъ выражаться были извѣстны Государю издавна.

4) Юрій Владиміровичъ, занимавшійся торговыми оборотами. П. Б.

5) Этотъ злой намёкъ вѣроятно про княгиню Наталью Ивановну Куракину. П. Б.

6) Александръ Львовичъ, тоже оберъ-камергеръ. П. Б.

7) Это соединеніе горы Сенъ-Готара съ Монбланомъ.

Въ смирительномъ домѣ заведена суконная фабрика, и большая часть мущинъ и всѣ женщины заняты чесаніемъ и пряденіемъ шерсти. Но такъ какъ главная цѣль должна быть исправленіе развращенныхъ, то и надлежало бы къ выпуску ихъ готовить способъ вѣрнаго пропитанія выгоднымъ какимъ ни есть ремесломъ; и для сего, по моему мнѣнію, должно завести въ смирительномъ домѣ кузницы и столярню: нѣтъ ни одного Русскаго человѣка, которой бы въ теченіе года не успѣлъ въ томъ или другомъ ремеслѣ и не употребилъ его въ пользу, бывъ паки на волѣ. Сіе разумѣется о тѣхъ, кои въ лѣтахъ и принадлежащіе господамъ. А молодыхъ, присланныхъ для заработыванія кражи не свыше 20 рубл. (полагая въ мѣсяцъ одинъ рубль на уплату), мое мнѣніе брать въ солдаты безъ зачету; потому что они, сдѣлавшись безполезны своимъ сословіямъ или селеніямъ и пробывъ годъ и болѣ въ смирительномъ домѣ, отъ сообщенія, примѣровъ и собственной готовности, войдя въ оной порочными, выдутъ разбойниками и, бывъ сначала вредны единственно сами себѣ, сдѣлаются опасными и обществу.

*

Строеніе и расположеніе острога очень хорошо, и одно отдѣленіе съ другими сообщенія не имѣетъ. Пища также очень хороша и доставляется отъ подаяній. Губернской прокуроръ деньги изъ ящика и кружки еженедѣльно вынимаетъ, считаетъ и, записавъ въ книгу, отдаетъ на расходъ смотрителю острога. Чистоты въ покояхъ и воздухѣ нѣтъ, а отговорка одна, что народъ нашъ любитъ тепло. Больницы, какъ мужская, такъ и женская, въ самомъ дурномъ положеніи. Больше половины содержащихся бѣглые солдаты и рекруты, кои по нѣскольку лѣтъ сидятъ въ острогѣ въ ожиданіи справокъ изъ полковъ и командъ. Полезно бы было, коль скоро пойманъ и приведенъ бѣглой солдатъ или рекрутъ, то, наказавъ его, опредѣлить въ ближайшій полкъ: чрезъ сіе бѣглые изъ службы поступали бы опять въ оную, предохранялись отъ разврата и не были бы въ тягость на длинномъ разстояніи поселянамъ, наряжающимся для препровожденія арестантовъ въ тѣ полки, изъ коихъ они бѣжали. А отъ справокъ выходитъ большое зло; ибо жизнь острожная, соотвѣтствуя совершенно лѣни, доставляетъ способы бѣглымъ ей предаться на нѣсколько лѣтъ, ложными показаніями. Но коль скоро бѣглый зналъ бы, что онъ тотчасъ и наказанъ, и опять опредѣленъ въ полкъ будетъ, тогда бы и невозможно ему было продолжить обманомъ свое заточеніе.

Прежде сего содержащіеся заняты были пиленіемъ сандала; но нѣсколько уже лѣтъ какъ никакой работы не производятъ. Неподвижная жизнь въ дурномъ воздухѣ разстраиваетъ ихъ здоровье, и хотя лежа-

щихъ и мало, но всѣ лица блѣдныя и носятъ вывѣску болѣзни. Ихъ должно заставить пилить доски и прясть для фабрикъ шерсть колесами. Полагая самую умѣренную плату, каждой человѣкъ долженъ ежедневно выработать 25 к.; а какъ изъ 320 человѣкъ по меньшей мѣрѣ 200 могутъ быть заняты, слѣдственно плата за работу должна доставить въ годъ до 20.000 р., а издержки на пилы и колеса оплатятся въ одинъ мѣсяцъ и, прибавя человѣкъ пять или шесть отставныхъ унтеръ-офицеръ въ смотрители за рабочими, казна получитъ отъ 20 до 30 тысячъ р. ежегодно дохода, а содержащіеся въ острогѣ предохранятся отъ болѣзней и праздности.

III. О денежномъ курсѣ.

Письмо графа Ростопчина къ неизвѣстному лицу.

Новыя происшествія, непредвидѣнное положеніе Россіи, состояніе Москвы предписываютъ мнѣ войти въ сношеніе съ вами и представить уму и дѣятельности вашимъ изыскать средства для отвращенія зла, угрожающаго сперва столицѣ, потомъ и государству. Любовь къ отечеству и вѣрность къ Государю были завсегда учредители всѣхъ дѣлъ, мыслей и намѣреній моихъ. Пишу сіе единственно для васъ, а польза будетъ для всѣхъ.

Я полагаю, что вамъ уже извѣстны скоропостижныя перемѣны въ промѣнѣ серебрянныхъ рублей. Въ Августѣ цѣна на оные возвысилась рублемъ, съ 6 на 7 р. 50 к.; а 9-го въ одно послѣобѣда, дошло до 5 р. 10 к. Настоящая сему причина есть страхъ, произведенной упадкомъ ассигнацій надъ умами иностранныхъ. Они, какъ будто сговорясь, бросились скупать рубли, и какъ сей товаръ есть нынѣ самой рѣдкой, то по сему имѣющіе его и поставили цѣну на волѣ.

Не входя въ изысканіе способовъ остановить плутовство мѣнялъ и положить преграду вывозу за границу остальной серебряной монеты, скажу вамъ послѣдствія и заключеніе народа.

Хотя теперь рубль и опустился на 4 р. 50 к., но мнѣніе общее есть, что онъ подыматься станетъ еще болѣе. Народъ же, замѣтя, что иностранныхъ много было для закупки серебра, заключилъ и остается увѣренъ, что они сіе дѣлали съ вреднымъ намѣреніемъ и по внушенію Гишпанскаго посла.

Мнѣ нѣтъ нужды описывать вамъ образъ мыслей и разврать черни Московской. Она теперь и день и ночь безразлучно смѣшана въ трактирахъ съ людьми, коихъ понятія и свѣдѣнія внушаютъ чрезъ толки дерзость, до сихъ поръ въ народѣ не существующую. При первомъ движеніи съ толпою людей явятся и предводители, готовые на дѣло

своимъ собственнымъ движеніемъ, а можетъ быть и обѣщаніями другихъ. Начало будетъ грабежъ и убійство иностранныхъ (противъ коихъ народъ раздраженъ), а послѣ бунтъ людей барскихъ, смерть господъ и разореніе Москвы.

Для предупрежденія сего несчастнаго происшествія кто здѣсь? Графъ Гудовичъ, въ молодости тупой, въ старости впадшій въ младенчество, видя и дѣйствуя единственно братомъ своимъ, извѣстнымъ мерзавцомъ кн. Одоевскимъ, достойнымъ висѣлицы, и докторомъ Салваторіемъ, шпіономъ Французскаго посла. Оберъ-полицмейстеръ скромной и хорошій человѣкъ, но нездоровой, слишкомъ робкой, тихой и осторожной. Полицмейстеры пустой Волковъ и умирающій Дурасовъ, пьяной комендантъ и полкъ гарнизонной, въ коемъ треть воровъ и двѣ трети присланныхъ изъ острога, прогнанныхъ сквозь строй за побѣги.

До сихъ поръ ничего еще не было, но быть можетъ и, все готово. Когда отъ одного слова чернь могла остервениться въ 1771 году до того, что убила архіерея, то что́ мудренаго при нынѣшней дороговизнѣ, при необузданномъ развратѣ и при словѣ, кое часто выскакиваетъ: *Ужъ скорѣе бы конецъ!* когда сей народъ пьяной и не старинной Русской, забудетъ долгъ христіанина и вѣрноподданнаго и посягнетъ безразсудно на злодѣйство? Трудное положеніе Россіи, продолжительныя войны, всемѣстной грабежъ, недостатокъ денегъ, а паче всего примѣръ Французской революціи и ужасъ, который объемлетъ всякаго отъ успѣховъ и видовъ необъятныхъ Наполеона, производятъ въ благонамѣренныхъ уныніе, въ глупыхъ равнодушіе, а въ прочихъ вольнодумство. Трудно найти въ Россіи половину Пожарскаго; цѣлыя сотни есть готовыхъ идти по стопамъ Робеспьера и Сантера. Въ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской и вѣроятно и въ другихъ ходитъ бумага, въ коей, подъ видомъ размышленія о ассигнаціяхъ, доказывается скорѣе ихъ ничтожество и бѣдственное положеніе Россіи. Шайка Мартинистовъ, имѣя въ большихъ мѣстахъ своихъ членовъ, въ обществѣ проповѣдниковъ и вездѣ сообщниковъ, скрытно достигаетъ до своей цѣли и приготовляетъ разрушеніемъ начальствъ основаніе своей власти.

Вотъ что̀ вижу, думаю и въ чемъ увѣренъ. Но мое слово, а ваше будетъ дѣло, и дѣло спасительное для Россіи и для самого Государя.

Отправлено на Тверской почтѣ, а изъ Москвы 16 Сент. 1810 съ Б. И. Граве.

IV. Письма графа Ростопчина о Москвѣ послѣ Французскаго нашествія.

1. Къ С. К. Вязмитинову.

Отправлено съ Бердяевымъ курьеромъ.
Москва, 27 Октября 1812 года.

Милостивый государь мой Сергѣй Козьмичъ!

По возвращеніи въ Москву нашелъ я въ оной нѣкоторый родъ порядка, уже водворенный прибывшею полиціею. Первобытныхъ жителей едва осталось 3000 человѣкъ, въ самомъ бѣдномъ и жалкомъ состояніи. Затрудненіе большое настояло въ продовольствіи какъ воинскихъ командъ, такъ и больныхъ и раненыхъ, нашихъ и непріятельскихъ; но я заимообразно взялъ у Владимирскаго ополченія провіантъ и пишу съ симъ курьеромъ къ генералъ-провіантмейстеру Лабѣ въ Торжокъ и къ князю Алексѣю Ивановичу Горчакову, чтобы они приняли самыя скорѣйшія мѣры къ доставленію сюда потребнаго числа провіанта.

Пребываніе въ столицѣ и въ губерніи Московской Французскихъ войскъ поселило во многихъ мѣстахъ буйство и непослушаніе, но я надѣюсь въ скоромъ времени привести все въ порядокъ способомъ земской полиціи и Уральскихъ казаковъ. Злоба народа противъ Французовъ доказана на дѣлѣ; но еслибы пребываніе непріятеля продлилось до зимы, то многіе крестьяне принуждены бы были возвратиться въ свои жилища и сблизиться поневолѣ съ злодѣями. Изъ приложеннаго при семъ списка [8]) изволите усмотрѣть, сколько осталось несожженныхъ домовъ; но все ограблено сперва непріятелемъ, а по выходѣ его казаками, вшедшими въ городъ и, наконецъ, крестьянами окрестныхъ селеній. Испрашиваю у в. высокопр. повелѣніе на слѣдующее: 1-е) Многіе изъ иностранныхъ, присягнувшихъ на подданство въ Россіи, измѣнили ей и, служа непріятелю, отправились съ нимъ, оставя здѣсь свои имущества и домы, въ числѣ сихъ торговка Оберъ-Шальме, у которой пребогатый магазинъ. Всѣ сіи домы и что̀ въ нихъ запечатаны, мое мнѣніе оконфисковать въ казну и послѣ продать съ публичнаго торга. 2-е) Непріятели во многіе домы, для сего избранные, сносили грабленныя вещи въ большомъ количествѣ. Домы сіи запечатаны. Что̀ слѣдуетъ дѣлать съ вещьми туда снесенными? 3-е) Д. ст. сов. Загряжскій, дурной человѣкъ, оставался здѣсь во все пребываніе Французовъ и жилъ съ Коленкуромъ, показываясь вездѣ богато одѣтымъ. Онъ съ нимъ познакомился еще въ Петербургѣ чрезъ продажу лошадей. Наканунѣ вступленія непріятеля въ Москву онъ былъ у меня и объявилъ о намѣреніи своемъ остаться въ Москвѣ для сохраненія знатнаго имущества (коего у него нѣтъ) и, не смотря на мое замѣчаніе, что онъ себя мно-

---

[8]) Этого списка, какъ и объясненія Загряжскаго, не оказалось. П. Б.

гому подвергаетъ, не довольно что остался, но когда войска наши вышли изъ Москвы, то онъ за заставу выѣзжалъ, привозилъ съ собою завтракъ для офицеровъ того полку, въ коемъ его сынъ, и возвратился обратно въ Москву. Если онъ не выѣхалъ за неимѣніемъ лошадей, то завтракъ сіе препятствіе уничтожаетъ; если же остался для сохраненія своего имущества, то, по его же показанію, бывъ ограбленъ, могъ выйти изъ города такъ, какъ большая часть захваченныхъ непріятелемъ. Объясненіе Загряжскаго при семъ прилагается

Жившій въ подмосковной сынъ извѣстнаго г-на Ключарева взятъ подъ стражу по приказу главнокомандующаго, бывъ употребленъ непріятелемъ для склоненія крестьянъ и отправленія запасовъ. Бывшій въ учрежденномъ Французами правленіи городскомъ бургомистръ Коробовъ (отецъ) пойманъ въ Боровскѣ съ деньгами и инструкціею для закупки провіанта. Всѣ бывшіе члены городскаго правленія, взятые подъ караулъ, послѣ завтра отправлены будутъ въ Петербургъ по высочайшему повелѣнію, г. адъютантомъ Кутузовымъ до пріѣзда моего еще здѣсь объявленному, а въ ожиданіи отправленія они посылаются на работу съ бѣлыми перевязками, кои носили въ отличіе. Большая часть изъ нихъ извѣстны по дурнымъ дѣламъ, а нѣкоторые судились и по уголовнымъ. Имѣю честь быть и пр.

2. Къ нему же.

Милостивый государь мой Сергѣй Козьмичъ!

Послѣ отправленнаго вчерашній день мною нарочнаго въ С. Петербургъ съ донесеніями, нашелъ я здѣсь оставленнаго въ Голицынской больницѣ Французами одного Нѣмца Герна, бывшаго учителемъ въ домѣ Болтиныхъ, который между прочимъ объявилъ, что Французская армія вышла невступно въ 50 т.; а Гернъ былъ при г-лѣ Пажо, г-лъ квартирмейстерѣ; что шубъ ни у одного солдата кромѣ гвардіи Французской нѣтъ, и о семъ справляясь, я нашелъ сіе показаніе справедливымъ: ибо изъ оставленныхъ репортовъ видно, что въ иныхъ ротахъ по 10 осталось человѣкъ, а 5-й гусарскій полкъ, комплетный при переходѣ черезъ Нѣменъ, имѣлъ при выходѣ полковника и 22 рядовыхъ. Шубъ у непріятеля совсѣмъ нѣтъ, потому что ихъ и въ Москвѣ мало оставлено, и изъ мѣховаго ряда съ самаго начала мужики повытаскали и повывезли. Недостатокъ въ провіантѣ такъ былъ великъ, что ихъ раненые и больные по четыре дни бывали безъ пищи и такъ много мерли, что изъ 3000 лежавшихъ въ Воспитательномъ Домѣ по увѣренію смотрителя г-на Тутолмина погребено или лучше сказать выброшено 2500. Смотрѣнія за больными никакого не было, и къ ранамъ

прикладываютъ жеваный хлѣбъ. Намѣреніе Наполеона было идти черезъ Калугу на Кіевъ, и для того въ первый изъ сихъ городовъ приказано было сходиться всѣмъ отрядамъ. Корпусъ Мюрата въ 18 т. посланъ былъ занимать свѣтлѣйшаго князя и когда онъ отступилъ къ селу Воронову, не бывъ далѣе преслѣдованъ, тогда, получа о семъ извѣстіе, Наполеонъ рѣшился Москву оставить, и тутъ случилось довольно странное, что его свѣтлость изволилъ узнать о выступленіи непріятеля изъ Москвы послѣ какъ уже былъ отпѣтъ молебенъ о избавленіи столицы въ С. Петербургѣ. При взрывѣ подкоповъ есть дѣйствіе непонятное. Арсенала взорвало почти половину къ Никольскимъ воротамъ. Башня, на нихъ стоящая, до половины упала, и не болѣе полуаршина отъ мѣста, гдѣ разсѣлась и стѣна, образъ Николая Чудотворца, висящій надъ воротами, остался, не довольно на своемъ мѣстѣ, но и лампада не оторвалась и стекло не разбито. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Валуевъ изъявилъ желаніе, пріѣхавъ въ Москву, вступить въ распоряженіе Кремля, присвоить къ Экспедиціи все, что̀ непріятелемъ туда свезено и помѣстить чиновниковъ и служителей; но до времени я его просилъ обождать, потому что требовалъ высочайшаго повелѣнія касательно соборовъ, кои еще запечатаны, что должно осмотрѣть сдѣланные подкопы, изъ коихъ нѣкоторые остались безъ дѣйствія: ибо невѣроятно, чтобы Наполеонъ предпочелъ въ своемъ бѣшенствѣ Арсеналъ Успенскому собору, и притомъ въ Кремлѣ оставлено между прочимъ слишкомъ 40 ящиковъ со снарядами.

Жалобамъ о краденыхъ вещахъ конца нѣтъ. Нѣкоторые, имѣющіе оныя, утверждаютъ, что городъ, бывъ во власти у Французовъ, они имѣли право давать, что́ и кому имъ было угодно. Многіе домы, наполненные крадеными вещьми, запечатаны и къ онымъ приставленъ караулъ впредъ до разрѣшенія, кое я испрашивалъ черезъ донесеніе мое, 27 числа съ курьеромъ отправленное. Есть нѣсколько людей, кои, не бывъ явно въ должностяхъ, служили однако-же Французамъ, оправдываясь усердіемъ помогать несчастнымъ. Изъ употребленныхъ въ разныя должности и нынѣ подъ карауломъ содержанныхъ титулярный совѣтникъ Поспѣловъ, извѣстный и прежде по распутству и вольнодумству, вздумалъ вчерашній день проповѣдывать возвращеніе Французовъ въ Россію и угрожать мщеніемъ. Я его приказалъ посадить въ желѣзы, а прежде онъ содержался просто подъ карауломъ, яко Французскій комисаръ. Коль скоро холодъ установится, то я прикажу отрывать тѣла не глубоко закопанныя въ землю, коихъ полагаютъ отъ 5 до 6000. Лошадей въ городѣ навѣрно было мертвыхъ таковое же число, но теперь онѣ почти всѣ вывезены за городъ и тамъ жгутся. Причина столь большаго числа мертвыхъ лошадей въ городѣ есть не-

достатокъ корма и всякая слабая лошадь была согната на улицу. Звѣрство Французовъ во время пребыванія ихъ въ Москвѣ равнялось дѣламъ ихъ въ 1794 году. Въ Богородскѣ, по подозрѣнію, что пять человѣкъ жителей убили солдатъ Французскихъ, двухъ разстрѣляли, двухъ повѣсили за ноги, а на пятаго, надѣвъ рубашку, въ масло обмакнутую, сожгли посреди города. У многихъ женщинъ, имѣвшихъ на пальцахъ кольца, рубили пальцы. Наполеону весьма хотѣлось оправдать себя въ пожарѣ, и для сего призывалъ онъ къ себѣ оставленнаго здѣсь при Воспитательномъ Домѣ статскаго совѣтника Тутолмина и приказалъ ему отправить репортъ къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что городъ сожженъ отъ выпущенныхъ изъ острога преступниковъ и по моему приказанію. Сіе показаніе разгнѣваннаго на меня царя Французскаго опровергается тѣмъ, что за сутки до вступленія Французовъ подсудимые какъ Московской, такъ и присланные изъ занятыхъ непріятелемъ губерній преступники и колодники отправлены подъ карауломъ въ числѣ 620 человѣкъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ и теперь въ острогѣ содержатся; а притомъ есть много репортовъ непріятелемъ оставленныхъ, въ коихъ №-ми означаются полки, производившіе пожары, и Наполеонъ вдругъ повѣсилъ въ одно утро 18 человѣкъ зажигальщиковъ, изъ коихъ 7 своихъ и 11 Русскихъ. Въ числѣ едва 10000 человѣкъ въ Москвѣ оставшихся жителей навѣрно 9000 было такихъ, кои съ намѣреніемъ грабить не выѣхали, да и по выходѣ Французовъ продолжали и съ казаками и съ жителями окрестныхъ селеній. Въ первые три или четыре дни собранныя краденыя вещи, кои въ домахъ открываются, я приказалъ, сдѣлавъ опись, сносить въ залу танцовальнаго клоба и тамъ за печатью и при часовыхъ хранить. Не разсудите ли ваше высокопревосходительство полезнымъ послать губернаторамъ повелѣнія, чтобъ обозы, при коихъ есть казаки, осматривать и задерживать, репортуя въ комитетъ? Приложенный при семъ весьма любопытный рапортъ у сего прилагаю для доказательства о убыли непріятеля. Имѣю честь быть и пр.

30 Октября 1812, изъ Москвы.

NB Письмо это важно между прочимъ и потому, что показываетъ, какъ Ростопчинъ въ 1812 году о пожарѣ Москвы говорилъ тоже самое чтò и въ извѣстной книжкѣ своей, изданной въ Парижѣ въ 1823 году. П. Б.

3. Къ нему-же.

Обратяся, при теперешнихъ многочисленныхъ моихъ занятіяхъ, на поведеніе служащаго въ Кремлевской Экспедиціи надворнаго совѣтни-

ка и кавалера *Вишневскаго*, нашелъ я, что онъ, придумавъ способы для оправданія себя въ случаѣ, показывается однакоже недовольно подозрительнымъ, но и преступникомъ, яко измѣнникъ. Давно онъ замѣченъ былъ по вольнодумству, приверженности своей къ Французамъ, связи съ ними и восхищенію отъ Бонапарта. При входѣ непріятеля въ столицу, онъ остался самовольно въ оной; всякой день бывалъ и обѣдывалъ у *Лессепса* (гражданскаго губернатора), часто бывалъ въ Кремлѣ, куда изъ Русскихъ только *Бестужевъ* и *Щербачевъ* входъ имѣли, и сей послѣдній уличаетъ его, что онъ былъ 2-го Сентября за Драгомиловскимъ мостомъ у Бонапарта, гдѣ Щербачевъ его нашелъ. При томъ Вишневскій посыланъ, подъ предлогомъ будто для Русскихъ, закупать хлѣбъ по уѣздамъ, на что и доказательства его руки есть, и притомъ часто говоря про Бонапарта, изъясняется, какъ человѣкъ ему преданный, повторяя: *имѣлъ счастіе говорить, былъ столь счастливъ, что допущенъ былъ къ императору*, не прибавляя слова Наполеону.

Донеся о семъ, прошу покорнѣйше, уважа мои подозрѣнія на Вишневскаго, испросить у Государя Императора волю его, какъ поступить съ симъ мерзкимъ, но умнымъ человѣкомъ.

Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и такою же преданностію вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга.

7 Ноября 1812.
Москва.

4. Къ министру полиціи А. Д. Балашеву*).

Москва, 20 Декабря 1812.

Милостивый государь мой Александръ Дмитріевичъ.

Послѣ отъѣзда вашего превосходительства изъ сей столицы примѣчанія достойнаго въ ней ничего не произошло. Смерть его императорскаго высочества принца Георгія огорчила всѣхъ честныхъ людей, коимъ извѣстны были любовь покойнаго къ Государю и къ Россіи и рѣдкія качества благородной его души.

Слухи о чумѣ Московской доходятъ сюда издалека, и я для пресѣченія сихъ дурацкихъ разглашеній прикажу въ первомъ № «Московскихъ Вѣдомостей» напечатать отъ себя на сей счетъ родъ объявленіе, дабы истребить помышленіе о заразѣ и препятствіи съѣзда всякаго рода жителей въ Москву, а особливо обозовъ, идущихъ съ хлѣбомъ и запасами.

Ополченіе Владимірское готово идти и выступитъ къ Витебску въ походъ, коль скоро Провіантская Коммиссія возметъ всѣ потребныя мѣ-

---

*) Любопытно было бы собрать свѣдѣнія о пріѣздѣ министра полиціи въ Москву, въ исходѣ 1812 года. П. Б.

ры къ продовольствію. При семъ случаѣ я долженъ довести до свѣдѣнія Государя Императора устройство сего ополченія, коимъ оно обязано трудамъ и уваженію подчиненныхъ князя Голицына, и для сего осмѣливаюсь приложить списки тремъ чиновникамъ, заслуживающимъ монаршаго отличія.

Для избѣжанія всѣхъ непріятностей, произойти могущихъ съ одной стороны отъ жителей, сохранившихъ свои домы, а съ другой отъ бѣдныхъ чиновниковъ, не имѣющихъ пристанища, я размѣщаю ихъ по квартирамъ, сдѣлавъ на одинъ годъ квартирное росписаніе и начавъ съ собственнаго моего дома, въ коемъ я живу теперь.

Вашему превосходительству извѣстно, что Наполеонъ, дабы дать вѣроятность показанію мнимыхъ зажигателей Москвы, по моему приказанію напечаталъ ихъ судъ, а вотъ какъ сіе произошло. Сторожъ Кремлевскій, посаженный подъ караулъ, при занятіи непріятелемъ Москвы, отведенъ былъ съ прочими арестантами въ Хамовническія казармы, куда приводили людей ежедневно подъ караулъ, и наконецъ однимъ утромъ ихъ привезли 30 человѣкъ къ Тверскимъ воротамъ, оточли 13, разстрѣляли, а остальныхъ, заставя убитыхъ повѣсить къ фонарямъ, отпустили.

Весьма желательно бы было, если онъ пойманъ, то доставить сюда *Виллерса*, профессора Университета, бывшаго Наполеоновымъ оберъполицмейстеромъ въ Москвѣ, а еще бы лучше прислать (если пойманъ) *Лесепса* для объясненія многихъ обстоятельствъ, по Коммиссіи открывающихся.

Сумку съ бумагами бывшаго здѣсь почтдиректора Ключарева при семъ, сходственно съ предписаніемъ вашимъ, къ вашему превосходительству отправляю.

Какъ приказано будетъ поступить съ Французами и Француженками, кои, бывъ въ подданствѣ, ушли съ непріятелемъ и были пойманы на дорогѣ? Двѣ женщины сего разбора, les citoyennes *Heck* и *Armand*, присланы отъ Калужскаго гражданскаго губернатора, и я, несмотря на ненависть мою къ сему гнусному народу, не могъ воздержаться отъ смѣха, видя сихъ модныхъ дамъ съ Кузнецкаго моста въ нагольныхъ тулупахъ и въ котахъ: ибо ихъ тѣла и внутренно и наружно осквернили и обнаготили казаки. Мое мнѣніе весною ихъ отправить за границу. Имѣю честь быть и проч.

Отправлено въ Вильну съ фельдъ-егеремъ Дюрецкимъ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ

А. С. ПУШКИНА.

Вновь найденные стихи.

Екатерина Вторая, женщина, какъ извѣстно, вовсе не слезливаго нрава, говоритъ (въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму), что она умилилась и растрогалась, когда передъ нею открылся воздвигнутый по ея замыслу памятникъ Петру Великому. Это было 7 Августа 1782 года, на другой день праздника *Преображенія*, и Государыня смотрѣла на торжество открытія изъ нынѣшняго помѣщенія Правительствующаго Сената въ Петербургѣ. Екатерина, государственнымъ умомъ своимъ и отлично-усвоеннымъ Русскимъ чувствомъ, постигала великое значеніе этого памятника. Это не только мѣдная хвала преобразованію, но и олицетвореніе всей новой Русской исторіи. Мѣдный Всадникъ попираетъ змѣю недоумѣній и безоглядно мчится вдаль, грозный, и въ тоже время ликующій. Сравните это изображеніе съ памятникомъ подъ Липами въ Берлинѣ, и вамъ ясно представится характеръ обоихъ народовъ и странъ. Оба изваянія отличаются сходствомъ со своими подлинниками. Самый конь Берлинскаго изваянія выступаетъ съ какою-то оглядкою и осторожностью, а

Въ семъ конѣ какой огонь,
Какая сила въ немъ сокрыта!

Въ наши дни утратилось нѣсколько обаяніе мѣднаго Петербургскаго Всадника: стѣснена площадь, на которой онъ красуется; самое изображеніе заслонено чрезъ мѣру раздвинутымъ садомъ, и вечеромъ, когда проѣзжаешь тѣми мѣстами, уже не такъ отчетливо какъ прежде выступаетъ Петръ

Во мракѣ мѣдной головой.

Чудесно-художественный образъ Петра Великаго памятенъ и дорогъ Русскому сердцу; онъ будитъ въ насъ потребность и обязательство учиться; онъ живо напечатлѣнъ въ каждомъ изъ насъ, кто сколько и когда-нибудь останавливался мыслью и болѣлъ душою надъ судьбами родной земли. Глядя на

этого Всадника, либо вспоминая про него, Русскій человѣкъ невольно задумывается о значеніи Петровскаго переворота, объ нашихъ отношеніяхъ къ старшимъ братьямъ общей Европейской семьи, о томъ, сколько потрачено силъ на созиданіе Петровской столицы, какъ много пролито Русской крови ради нашей совмѣстной политической жизни съ Европою, какъ мало узнано и усвоено, и за то какъ много пренебрежено и позабыто....

Петръ вдвинулъ насъ въ Европу, и не прошло столѣтія съ его кончины, какъ Европа уже припожаловала къ намъ съ мечемъ и огнемъ. Запылала Москва, и Русскому Государю пришлось заботиться о томъ, какъ бы снять съ гранитной скалы и увезти въ безопасное мѣсто геніальное произведеніе ваятельнаго искусства, предметъ многолѣтнихъ заботъ его бабки. Статсъ-секретарь Молчановъ опредѣлительно передавалъ князю П. А. Вяземскому, что въ 1812 году, когда Петербургу грозила опасность Французскаго нашествія, Александръ Павловичъ поручалъ ему, Молчанову, спасеніе Мѣднаго Всадника, для чего секретно получилъ онъ изъ казначейства и нужныя деньги *) Памятникъ предназначался къ упаковкѣ и вывозу изъ Петербурга водою. „И подлинно“, прибавляетъ князь Вяземскій, „слишкомъ было бы грустно старику видѣть, какъ чрезъ прорубленное имъ окно влѣзли воры“.

Мысли и чувства, возбуждаемыя памятникомъ Петру Великому, часто и много занимали Пушкина. Самое то, что статую хотѣли увозить изъ Петербурга, могло быть ему извѣстно, и можетъ быть даже еще въ Лицеѣ, гдѣ онъ чуткимъ отрокомъ слѣдилъ за событіями 1812 года, какъ это видно изъ многихъ его стихотвореній. Въ одной изъ трехъ рукописей „Мѣднаго Всадника“, хранящихся нынѣ въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ (по описи, тетради XI, XII, XIII) встрѣчаемъ слѣдующіе неконченные стихи:

Была ужасная година:
Объ ней начну простой разсказъ.
Давно, когда я въ первый разъ
Услышалъ мрачное преданье,
Я далъ тогда же обѣщанье
Стихомъ...... передать.

Пушкинъ находился у себя въ Псковской деревнѣ, когда случилось страшное наводненіе, грозившее гибелью уже не только Мѣдному Всаднику, но и всему Петербургу. Судя по сохранившимся отмѣткамъ на Петербургскихъ домахъ, надо полагать, что вода заливала самое подножіе кумира. Поэтъ имѣлъ извѣстія объ этомъ событіи не въ однихъ газетахъ. Друзья, навѣщавшіе его въ изгнаніи, Пущинъ, Дельвигъ, конечно передавали ему подробности бѣд-

*) Р. Архивъ 1873, стр. 1027.

ствія, къ которому онъ относился съ тревожнымъ любопытствомъ и съ участливымъ сердоболіемъ: извѣстно, что онъ поручалъ брату Льву Сергѣевичу помогать пострадавшимъ отъ наводненія изъ денегъ, выручаемыхъ за „Онѣгина". Вслѣдъ за тѣмъ Петровская площадь еще сильнѣе стала привлекать къ себѣ поэтическія думы Пушкина: на ней произошло роковое событіе 14 Декабря, въ которомъ принимали участіе многіе пріятели его и къ которому онъ во всю жизнь потомъ обращался мыслію.—Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ съ большимъ усердіемъ и усидчивостью принялся за исторію Петра. Извѣстно, что у него всякое занятіе, всякое даже новое впечатлѣніе обращалось въ достояніе его художественнаго творчества. Повѣсть „Арапъ Петра Великаго" по отношенію къ этой разработкѣ Петровскихъ бумагъ тоже что̀ „Капитанская Дочка" относительно труда о Пугачевскомъ бунтѣ. Пушкинъ волновался и тревожился, не зная, какъ оцѣнить Петра: то восхищался онъ его геніемъ, то утверждалъ, что Петръ презиралъ человѣчество еще болѣе, чѣмъ Наполеонъ, и находилъ въ немъ совмѣщеніе свойствъ Наполеона и Робеспьера. Мѣдный Всадникъ преслѣдовалъ его воображеніе, и хотя онъ не успѣлъ кончить эту лучшую свою поэму (при жизни его напечатано только *Вступленіе* съ описаніемъ Петербурга), но мы видимъ въ ней необыкновенное совершенство отдѣлки. Нигдѣ стихъ Пушкина не достигаетъ такой силы, такой, можно сказать, отчеканки: это стихи металическіе, которые не забываются.

Рукописи „Мѣднаго Всадника" исполнены помарокъ и перепpавокъ. Писанъ онъ осенью 1833 года, въ Нижегородской деревнѣ, куда Пушкинъ заѣхалъ на обратномъ пути изъ Оренбургской поѣздки. Начатъ онъ 6-го Октября:

На берегу Варяжскихъ волнъ
Стоялъ, задумавшись глубоко....
Отсель стеречь мы будемъ Шведа.
На зависть грознаго сосѣда....

Мы уже знаемъ, что „Родословная моего героя" должна была входить въ составъ „Мѣднаго Всадника". Она писана въ перемежку съ нимъ. Тутъ встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Къ тому же это подражанье
Поэту Байрону. Нашъ лордъ,
Какъ говоритъ о немъ преданье.
Не только былъ отмѣнно гордъ
Великимъ даромъ пѣснопѣнья,
Но и...... рожденья.
Ламартинъ,
Я слышалъ, также дорожилъ....
Гюго, не знаю...

Въ Россіи же мы всѣ дворяне,
Всѣ, кромѣ, двухъ иль трехъ; за то
Мы ихъ и ставимъ ни во что.
Угодно знать происхожденье,
И родъ, и племя, и года Евгенія?...
А впрочемъ гражданинъ столичный.
Какихъ встрѣчаете вы тьму,
Ничѣмъ отъ братьи неотличный
Ни по лицу, ни по уму.
Мнѣ скажутъ может быть: зачѣмъ
Ничтожнаго героя
Взялся я снова воспѣвать?
...Чтó за мода!
Не лучше ль, ежели поэтъ
Возметъ возвышенный предметъ?...

*

Хоть человѣкъ онъ не военный,
Не демонъ, даже не Цыганъ,
А просто молодой чиновникъ,
Довольно смирный и простой,
Лѣнивый тѣломъ и душой....
Хоть не похожъ онъ на Цыгана....
Не тигръ...
Не чернокнижникъ молодой,
Не демонъ, даже не убійца,
Не бѣлокурый мизантропъ,
Гонитель дамъ и кровопійца,
(Не чалмоносный кровопійца)
И не лунатикъ... *)
А малый добрый и простой.

*

Какой вы строгій литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ коллежскій регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой;
Что выборъ мой совсѣмъ ничтоженъ,
Что въ немъ я страхъ неостороженъ,

*) Въ скобкахъ поставлено, здѣсь и ниже, чтò Пушкинъ зачеркнулъ. П. Б.

Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда возвышенный предметъ....
Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
Героя нѣтъ такого класса.
Вы правы; но, божиться радъ,
И я совсѣмъ не виноватъ.

*

Онъ одѣвался нерадиво,
На немъ сидѣло все не такъ;
Всегда бывалъ застегнутъ криво
Его зеленый, узкій фракъ;
Но должно знать, что мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любилъ...
Мы будемъ звать его Евгеній,
Затѣмъ, конечно, что языкъ
Ко звуку этому привыкъ.

*

Но о прошедшемъ очень мало
Иванъ Езерскій помышлялъ;
Лишь настоящаго алкало
Въ немъ сердце....

*

Извѣстные строфы, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о томъ, что обѣдняло наше старинное дворянство, такъ читаются въ его рукописяхъ.

Мнѣ жаль, что домы наши новы,
Что прибиваемъ мы на нихъ
Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ.
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной,
Ввѣряя чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной
И что спасибо намъ за то,
Не скажетъ, кажется, никто...
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Въ своихъ владѣньяхъ родовыхъ;

Что наши сёла, нужды ихъ
Намъ вовсе чужды; что науки
Пошли не въ прокъ намъ, что съ проста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état,
Что будутъ нищи наши внуки;
Что Русскій вѣтреный бояринъ
Теряетъ грамоты царей
Какъ старый сборъ календарей;
Что историческіе звуки
Намъ стали чужды...
Что нищи будутъ наши внуки....
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Дозволя грабить свой доходъ,
Съ трудомъ яремъ заботы темной
Влачимъ въ столицѣ круглый годъ;
Что не живемъ, семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близь могилъ родныхъ
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ,
Гдѣ въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава,

Что геральдическаго льва и т. д., какъ въ общеизвѣстномъ изданіи.—Пушкинъ испыталъ всю разорительность Петербургской жизни, и, какъ извѣстно, денежное разстройство держало его въ томъ раздражительномъ состояніи, которое отчасти было одною изъ причинъ его гибели. Осенью 1836 года онъ думалъ покинуть Петербургъ и поселиться совсѣмъ въ Михайловскомъ; по словамъ покойника Нащокина, Наталья Николаевна соглашалась на это, но ему не на что было перебраться туда съ большою семьею, и Пушкинъ умолялъ о присылкѣ пяти тысячъ рублей, которыхъ у Нащокина на ту пору не случилось.

*

Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ:
„А почему жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
Я не богатъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
И у Параши нѣтъ имѣнья.
Ну что жъ! Какое дѣло намъ!
Ужели только богачамъ

Жениться можно? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ.

Первоначально, Пушкинъ хотѣлъ разсказать про своего героя что-то другое. Вотъ полуразобранный отрывокъ, который о томъ свидѣтельствуетъ:

Тогда по каменной площадкѣ
Пескомъ усыпанныхъ сѣней
Взбѣжавъ по ступенямъ отлогимъ
Широкой лѣстницы своей,
...Кто-то съ видомъ строгимъ
Звонилъ у запертыхъ дверей.
Минуту ждалъ нетерпѣливо.
Дверь отворилась. Онъ бранчиво
Вошелъ...
Лакею выговоръ прочелъ
И въ кабинетъ къ себѣ прошелъ.
Радостно залаялъ
Церберъ косматый
И положилъ ему на плеча
Свои двѣ лапы, и потомъ
Улегся тихо подъ столомъ...
Раздѣлся: былъ онъ озабоченъ,
Какъ тотъ, у коего просроченъ.

Просроченъ... конечно вексель: дѣло несчастному поэту обычное.

Во вступленіи къ поэмѣ, въ великолѣпномъ описаніи Петербурга, пропущено слѣдующее четверостишіе:

Цвѣтные дротики улановъ,
Звукъ трубъ и грохотъ барабановъ:
Люблю на улицахъ твоихъ
Встрѣчать поутру взводы ихъ.

И далѣе:

Или креститъ, средь Невскихъ водъ,
Меньшаго брата Русскій флотъ;
Или Нева весну пируетъ
И въ море мчитъ разбитый ледъ...

*

Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ

И колебать уже не будутъ
Гранитъ подножія Петра!
Была ужасная пора...
Но пусть объ ней воспоминанье
Живетъ въ моемъ повѣствованьи,
И будетъ пусть оно для васъ,
Друзья, вечерній лишь разсказъ,
А не зловѣщее преданье.

29 Окт.

Пушкинъ передѣлалъ это окончаніе, и тутъ сказался въ немъ художественный его геній: поэзія не должна быть зловѣщею. Какъ ни тревожила Пушкина мысль о столицѣ, ежегодно угрожаемой гибельнымъ наводненіемъ; какъ ни мучили его нестройности жизни не по состоянію, онъ не нарушилъ ими поэтической гармоніи своего произведенія.

Приводимъ описаніе самаго наводненія, какъ оно написано въ первоначальной тетради: читатели сами замѣтятъ отличія противъ общеизвѣстнаго текста.

Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И *мыломъ* разъяренныхъ водъ...
Но бурнымъ моремъ (силой вѣтровъ) отъ залива
Уже гонимая Нева,
Обратно шла, гнѣвна, бурлива
И затопляла острова.
Она бродила и кипѣла
И пуще, пуще свирѣпѣла
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ какъ звѣрь остервенясь,
Со всею силою своею
Пошла на приступъ. Передъ нею
Все побѣжало: воды вдругъ
Завоевали все вокругъ.
Съ Невой слились ея каналы,
И захлебнулися подвалы,
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погруженъ.
И страхъ, и смѣхъ! Какъ воры, волны
Полѣзли въ окна. Съ ними челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой.

Помчали бѣшеныя волны
Мосты, снесенные грозой,
Обломки хижинъ, бревна кровли,
Запасы мелочной торговли,
Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
Колеса дрожекъ городскихъ,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по городу.

Зачеркнутое далѣе въ рукописи слово *гробъ* напоминаетъ намъ преданіе, слышанное нами отъ современниковъ, будто одинъ изъ плывшихъ по Петербургу гробовъ, гонимый сильною волною, прошибъ оконную раму въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца и внесенъ былъ въ комнату самого Государя, который, какъ извѣстно, въ то время страдалъ рожею на ногѣ и жилъ внизу. (На свадьбѣ великаго князя Михаила Павловича онъ даже въ церкви сидѣлъ въ креслахъ). Правда это или нѣтъ, не ручаемся; знаемъ только, что дворцовыя кухни были залиты, и населеніе дворца въ этотъ день оставалось безъ обѣда. Вѣрно также то, что сначала ужасъ, а потомъ тяжкое уныніе овладѣли Александромъ Павловичемъ. Въ эти самые дни, у него въ Зимнемъ дворцѣ умиралъ одинъ изъ ближайшихъ свидѣтелей и сподвижниковъ его воцаренія, Ѳ. П. Уваровъ: Государь безпрестанно навѣщалъ его, и тутъ его видалъ одинъ изъ родственниковъ Уварова, оставившій намъ въ своихъ Запискахъ разсказъ о томъ, какъ Государь не таилъ предчувствія близкой собственной кончины. Онъ говорилъ, что передъ его рожденіемъ (12 Декабря 1777) Нева точно также затопляла дворецъ. Надо вспомнить, что канунъ наводненія 1824 года былъ днемъ кончины императрицы Екатерины, по которой, конечно, и служили въ дворцовой церкви панихиду. Не знаемъ, былъ ли Государь на этой панихидѣ; но вотъ что находится въ рукописи Пушкина:

Тотъ самый годъ
Послѣднимъ годомъ былъ державства
Царя.
Соображалъ....
Что лѣта семьдесятъ седьмаго...
Вчера была ей годовщина...
Екатерина
Была жива, и Павлу сына
Въ тотъ годъ Всевышній даровалъ,
Порфироднаго младенца....

Пушкинъ возвращался къ этому предмету, и въ другомъ мѣстѣ его рукописи читаемъ:

Тогда еще Екатерина
Была жива...
И гимнъ свой про тотъ день
Бряцалъ Державинъ....

Пушкину хотѣлось дать образчикъ и того, что̀ могло происходить тогда во внутренности Петербургскихъ домовъ:

Со сна идетъ къ окну сенаторъ
И видитъ—въ лодкѣ по Морской
Плыветъ военный губернаторъ.
Сенаторъ обмеръ: Боже мой!
Сюда, Ванюша! Встань немножко;
Гляди: что̀ видишь ты въ окошко?
—Я вижу-съ, въ лодкѣ генералъ
Плыветъ въ ворота мимо будки.
—Ей Богу?—Точно-съ.—Кромѣ шутки?
—Да такъ-съ. Сенаторъ отдохнулъ
И чаю проситъ. Слава Богу!
Ну, графъ *), надѣлалъ мнѣ тревогу:
Я думалъ, я съ ума свихнулъ.

*

Предоставляемъ читателю удовольствіе самому сличить что̀ есть новаго въ нижеслѣдующемъ:

И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто силой злой прикованъ,
Недвижно, къ мѣсту одному,
И нѣтъ возможности ему
Перелетѣть! Гроза пируетъ,
Мостовъ ужъ нѣтъ, исчезъ народъ.
Нева на площади бунтуетъ!
Несчастный молча негодуетъ,
И прямо передъ нимъ изъ водъ
Возникнулъ мѣдною главою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ,
Невѣ безумной въ тишинѣ
Грозя недвижною рукою.

*

*) Графомъ просто въ то время называли въ Петербургѣ военнаго губернатора графа Милорадовича. П. Б.

Но вотъ, насытясь возмущеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь разрушеньемъ.
...Такъ злодѣй
Съ свирѣпой шайкою своей,
Въ село ворвавшись, ломитъ, рѣжетъ
И жжетъ и грабитъ.
Младенцы плачутъ, вопли, скрежетъ...
Евгеній смотритъ, видитъ лодку,
Неоцѣненную находку!
Сюда! онъ машетъ, онъ зоветъ...
Съ дворовъ
Свозили лодки, и Хвостовъ,
Піитъ любимый небесами,
Воспѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.
...Недвижныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался.

*

Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны ярыя носились,
Бунтуя злобно, вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ гордою главой;
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Какъ грозенъ онъ стоитъ во мглѣ!
Какая сила на челѣ!
Какая дума въ немъ сокрыта!
А въ звѣрѣ семъ какой огонь!
Куда вскакалъ ты, мѣдный конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный Царь, о мужъ судьбы!
Не такъ ли ты уздой желѣзной,
На высотѣ, надъ самой бездной
Россію поднялъ на дыбы?...
Вскипѣла кровь. Онъ мрачно сталъ

Передъ великимъ истуканомъ,
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ.
„Ужо тебѣ!...“ и вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалося
Ему, что страшнаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось
Къ нему. И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-мѣрное (далеко-звонкое) скаканье
По потрясенной мостовой.
И видитъ—въ темнотѣ ночной,
Весь озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
Вдали несется всадникъ мѣдной
На тяжко скачущемъ конѣ.

Вспомнимъ извѣстный разсказъ о маiорѣ Батуринѣ, который передавалъ князю А. Н. Голицыну о своемъ снѣ, какъ его въ 1812 году преслѣдовалъ Мѣдный Всадникъ по Петербургскимъ площадямъ и улицамъ. Пушкинъ слышалъ этотъ разсказъ отъ графа Вьельгорскаго.

Стихи:

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того чьей волей роковой
Надъ моремъ гордо основался

зачеркнуты, и вмѣсто нихъ написано рукою Жуковскаго:

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдной головой
И съ распростертою рукой
Какъ будто градомъ любовался.

Далѣе зачеркнуты десять слѣдующихъ стиховъ:

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!

Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный (властелинъ) баловень судьбы!
Не такъ ли ты скакалъ надъ бездной,
(На высотѣ) И осадивъ уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы.

Въ дальнѣйшемъ поправки рукою Пушкина:

Кругомъ (подножія кумира) скалы съ тоскою дикой
Безумецъ бѣдный обошелъ
И (взоры дикіе навелъ) надпись яркую прочелъ
(На ликъ державца полуміра),
И сердце скорбію великой
Стѣснилось (грудь его) въ немъ.

Дальше вмѣсто:

Предъ горделивымъ истуканомъ

Жуковскій поправилъ:

Предъ дивнымъ Русскимъ великаномъ и зачеркнулъ слѣдующіе стихи:

И перстъ съ угрозою поднявъ,
Шепнулъ, волнуемъ мыслью черной:
„Добро, строитель чудотворной,
Ужо тебѣ!“

Изъ другихъ разнорѣчій замѣтимъ: Вмѣсто *померкла старая Москва* Пушкинъ написалъ *главой склонилася Москва*. Вмѣсто *живетъ въ чуланѣ*: живетъ въ Коломнѣ. Вмѣсто *кумиръ съ простертою рукою* Пушкинъ написалъ *Сѣдокъ*, а рукою Жуковскаго поправлено *Гигантъ*.

Въ другомъ мѣстѣ мы объяснили, почему нельзя винить Жуковскаго за выпуски, которые онъ дѣлалъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что проживи Пушкинъ далѣе, онъ еще и еще возвратился бы къ „Мѣдному Всаднику“, и поэма его получила бы еще бо́льшее совершенство. Но будемъ благодарны судьбѣ и за то что́ имѣемъ. П. Б.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ“

ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

МАГАЗИНЪ **ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ПРОДАЖИ.**	ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ **ДЛЯ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.**	ОТДѢЛЕНІЕ **ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.**

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доставка книгъ на домъ.—Новости по желанію на просмотръ.

Пріемъ книгъ на коммисію цѣлыми изданіями, для быстраго распространенія въ столицѣ и через. спеціальныхъ **корреспондентовъ склада.**

Во всѣхъ **главныхъ городахъ Имперіи,** при безплатныхъ **публикаціяхъ** въ **„Россійской Библіографіи“** въ **„Ежемѣсячномъ каталогѣ важн. нов. русск. и иностран. книгъ“** въ **„Годовомъ каталогѣ“,** а также, по соглашенію, въ болѣе распростран. газетахъ.

Строго аккуратное исполненіе требованій Гг. Иногородныхъ.—Пріемъ подписки на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.—Еженедѣльное полученіе иностранныхъ изданій.

Для удобства иногородной публики изданія Эмиля Гартье имѣются постоянно на лицо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальн. книгопродавцевъ.

Постояннымъ покупателямъ высылается БЕЗПЛАТНО „Ежем. каталогъ важн. новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ“ (Подп. цѣна за 12 №№ въ годъ 1 р. с.).

На всѣ относящіеся до книжн. дѣла запросы, къ которымъ для отвѣта приложена почт. марка,—складъ отвѣчаетъ немедленно.

ПРИ **СКЛАДѢ** ПОМѢЩАЮТСЯ:

Редакція журнала **„РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ“** (ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ) 24 №№ въ годъ, цѣна съ дост. и перес. 5 руб.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ПОДПИСКИ НА ВСѢ РУССКІЕ И ИНОСТРАННЫЕ **ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.**

СКЛАДЪ **ГЛОБУСОВЪ, ТЕЛЛУРІЙ** И **ПЛАНЕТАРІЙ,** изд. **Эмиля Гартье.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

въ 1882 году

ШЕСТЬЮ КНИЖКАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ

НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Въ чужіе края: для Германіи, Швейцаріи и Франціи 12 р.; для остальныхъ государствъ 13 р.

АДРЕСЪ: **Москва**, Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.
Въ Петербургѣ книжные магазины „Новаго Времени", Н. И. Мамонтова и И. И. Глазунова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1881** ГОДЪ.

Цѣна каждой книжкѣ 1881 года въ отдѣльной продажѣ **1** р. **50** к.

Контора **Русскаго Архива** открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 до 4 часовъ. Издателя можно видѣть въ Понедѣльникъ и Четвергъ отъ 12 до 4 часовъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ШЕСТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.
ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ КНИГЪ, КАЖДАЯ ВЪ ДВА ВЫПУСКА.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1881

III

(2)

Къ этой книгѣ прилагаются: большая гравюра, изображающая Екатерину Великую и „Сѣверные Цвѣты на 1826-й годъ.“

УЧЕНИКЪ ВОЛЬТЕРА

Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.

(1744—1789).

I.

Въ числѣ Русскихъ дѣятелей XVIII вѣка громкою извѣстностью пользовались представители рода Шуваловыхъ. Двое изъ нихъ, Иванъ Ивановичъ и графъ Андрей Петровичъ (дядя и племянникъ) извѣстны любовью къ словесности и близкимъ, личнымъ знакомствомъ съ Французскими писателями. Эти общія черты ихъ дѣятельности давали и даютъ поводъ смѣшивать ихъ одного съ другимъ. Мы имѣемъ жизнеописаніе И. И. Шувалова [1]); въ настоящей статьѣ собрано нѣсколько данныхъ для біографіи графа Андрея Петровича. Въ Русской печати о графѣ А. П. Шуваловѣ упоминалось только мимоходомъ; Французскія-же статьи о немъ (въ біографическихъ и справочныхъ словаряхъ) кратки и часто неточны.

Графъ А. П. Шуваловъ родился 23 Іюня 1744 г. Онъ былъ вторымъ сыномъ фельдмаршала графа Петра Ивановича (1711 † 1762) отъ перваго его брака съ Маврою Егоровною Шепелевою (1708 † 1759). Старшій ихъ сынъ, графъ Николай Петровичъ (1742—1754), скончался въ молодыхъ лѣтахъ.

Извѣстно значеніе и вліяніе, которыми Шуваловы, а въ числѣ ихъ Петръ Ивановичъ и Мавра Егоровна, пользовались при Елисаветѣ Петровнѣ. Петръ Ивановичъ, сынъ Выборгскаго коменданта, Ивана Максимовича, одного изъ такъ называемыхъ «птенцовъ Петра Великаго», которыхъ Преобразователь умѣлъ доставать изо всѣхъ слоевъ общества, не достигъ бы вѣроятно самъ по себѣ государственнаго значенія, если бы не женился на М. Е. Шепелевой, женщинѣ очень замѣчательной.

[1]) Біографія И. И. Шувалова. М. 1857. (изъ Русск. Бесѣды 1857 г. № 1) 36 стр.

Она находилась въ числѣ дѣвушекъ при дочеряхъ Петра Великаго, которыя, какъ извѣстно, воспитывались въ самой простой обстановкѣ. Рѣзвая и умная Мавруша была любимицею обѣихъ царевенъ и со старшею изъ нихъ поѣхала въ Голштинію, въ 1727 году. Оттуда писала она письма къ младшей цесаревнѣ Елисаветѣ (напечатанныя въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн., 1864, кн. 2), подъ которыми подписывалась: «ваша раба, и дочь, и холопка, и кузына», а иногда: «вѣрная ваша дочь», «Маврушка Шепелева». Одно изъ этихъ писемъ свидѣтельствуетъ, что въ 1728 году, по смерти жениха своего (Голштинскаго же принца) Елисавета Петровна не покидала еще мысли о супружествѣ. Шепелева пишетъ ей изъ Киля про какого-то принца Ордова. «Матушка цесаревна, какъ принцъ Ордовъ хорошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ хорошъ былъ, какъ мы видимъ. Ростомъ такъ великъ, какъ Бутурлинъ [2]). И такъ тонокъ, глаза такіе какъ у васъ цвѣтомъ и такъ велики. Рѣсницы черныя, брови темнорусыя; волосы такіе какъ у Семена Кирилыча [3]), бѣлъ, немного почернѣе покойника Бишова, и румянецъ алой всегда въ щекахъ; зубы бѣлые и хороши. Губы всегда алы и хороши. Рѣчь и смѣхъ такъ какъ у покойника Бишова; осанка походитъ на государеву осанку; ноги тонки, потому что молодъ, 19 лѣтъ [4]); волосы свои носитъ, и волосы по поясъ. Руки походятъ очень на Бутурлина». Дѣвушка Мавруша была дорога Елисаветѣ Петровнѣ и по воспоминанію о любимой сестрѣ, герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ, съ тѣломъ которой она возвратилась въ Петербургъ. Въ царствованіе Анны она вышла за П. И. Шувалова, который былъ камеръюнкеромъ цесаревны. Тутъ уже въ письмахъ своихъ она называетъ Елисавету Петровну: «кумушка матушка». Подобно государынѣ, Мавра Егоровна была очень набожна: проѣздомъ чрезъ Тверь въ Москву, на коронацію, въ 1742 году, будучи беременна старшимъ сыномъ, она получила исцѣленіе отъ иконы Св. Николая чудотворца въ Тверскомъ Малицкомъ манастырѣ [5]). Въ тоже время и также за одно съ государыней, она любила пѣніе, стихотворство, разныя игры и затѣи, сблизилась съ Разумовскимъ и въ 1738 году сама ѣздила въ Малороссію набирать пѣвчихъ ко двору цесаревны. Любопытныя письма ея изъ этого путешествія находятся въ 1-й книгѣ «Архива Князя Воронцова». Мужъ приписываетъ къ одному изъ нихъ: «Хору честному, вспѣвальному, товарищамъ моимъ, отдаю мой поклонъ, а особливо Алексѣю Григорье-

---

[2]) Первый любимецъ Елисаветы, впослѣдствіи фельдмаршалъ.

[3]) Нарышкина, извѣстнаго щеголя XVIII вѣка.

[4]) Елисаветѣ Петровнѣ тогда было тоже 19 лѣтъ.

[5]) Виноградскаго, Описаніе Малицкаго монастыря, Тверь 1859.

вичу». Мавра Егоровна занималась и словесностью. Сохранилось извѣстіе о сочиненной ею комедіи, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ являлась, «во образѣ богини», принцесса Лавра, т-е. таже Елисавета Петровна [6]).

Такимъ образомъ любовь къ книжному просвѣщенію и искусствамъ была у графа Андрея Петровича наслѣдственною, и мать конечно позаботилась обучить его какъ можно лучше. Но вѣроятно случалось ему, въ малолѣтствѣ или уже отрокомъ, бывать на тѣхъ молебнахъ, которые она «пѣвала» по возвращеніи своего мужа съ охоты, на которую онъ обыкновенно сопровождалъ графа А. К. Разумовскаго: графиня Шувалова благодарила Бога за то, что «Петръ Ивановичъ батожьемъ отъ него не сѣченъ» (Записки Порошина, стр. 72). Таковы были нравы! Слѣдующее поколѣніе имѣло нѣкоторое себѣ оправданіе, безоглядно бросая старину и устремляясь опрометью въ жизнь изысканно-европейскую. Свѣтлыя стороны прежней жизни дольше удерживались въ такихъ семьяхъ, гдѣ рѣже встрѣчались подобные случаи.

Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, достигнувъ почти исключительнаго вліянія, сдѣлался самымъ гордымъ временщикомъ двора. Онъ ни передъ чѣмъ не останавливался: брался и за составленіе новаго уложенія, и за управленіе политикою Русскаго двора, и за изобрѣтеніе гаубицъ, и за учрежденіе военнаго строя, и за финансовые проекты. Жадный до денегъ, Шуваловъ набивалъ свои карманы трудовою копѣйкою народа. Имъ были введены въ употребленіе монополіи, и онъ, кромѣ того, входилъ въ разные казенные подряды. Воспитаніемъ сына врядъ ли онъ особенно занимался, и когда скончалась графиня Мавра Егоровна, вступилъ во второй бракъ съ княжною Одоевскою.

Молодой Шуваловъ росъ при дворѣ. Сверстникъ его, графъ А. Р. Воронцовъ, свидѣтельствуетъ въ своей автобіографіи [7]), что императрица Елисавета была добра и внимательна ко всему что̀ ее окружало; она занималась даже дѣтьми тѣхъ лицъ, которыя составляли ея дворъ. Во многомъ сохраняла она старинные Русскіе обычаи, которые походили на прежніе патріархальные нравы. «Намъ, дѣтямъ, позволяла она являться ко двору, въ праздничные дни, и давала иногда во внутреннихъ своихъ комнатахъ балы для дѣтей своихъ придворныхъ. Я вспоминаю одинъ изъ такихъ баловъ, гдѣ было отъ 60 до 80 дѣтей; мы ужинали вмѣстѣ; гувернеры и гувернантки, которые насъ сопровождали, имѣли особый столъ. Императрица очень забавлялась, смотря, какъ мы танцовали и ужинали,

---

[6]) Черта изъ жизни императрицы Елисаветы Петровны. Русскій Архивъ 1865, № 3 стр. 329—332. Комедія эта игралась въ царствованіе Анны, на дому у цесаревны, и это было чѣмъ-то въ родѣ политической демонстраціи.

[7]) Арх. Кн. Воронцова V, 13.

и ужинала сама подлѣ насъ съ нашими родителями. Будучи часто при дворѣ, мы незамѣтно привыкли къ большому свѣту и къ обществу, почти не подозрѣвая этого. Въ то время существовалъ и другой обычай, который много способствовалъ къ тому, чтобы сдѣлать насъ ловкими и развязными: дѣти тѣхъ лицъ, которыя составляли императорскій дворъ, посѣщали другъ друга по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Между ними устроивались балы, всегда подъ надзоромъ воспитателей. Съ этого времени установились связи, которыя я сохранилъ съ графомъ А. П. Шуваловымъ и графомъ А. С. Строгоновымъ».

Подобныя же черты записала въ своей автобіографіи и княгиня Дашкова [8]).

Наставникомъ Шувалова былъ Ле-Роа, Pierre Louis le Roy [9]). Въ 1750 году онъ оставилъ Петербургскую Академію Наукъ и поступилъ къ графу П. И. Шувалову въ званіе гувернера его сыновей и племянника его З. А. Хитрово [10]), съ которыми ѣздилъ въ Парижъ и въ Женеву.

Этому Ле-Роа мы рѣшаемся приписать совершенно забытый нынѣ сборникъ: Poésies diverses du S-r *P. L. L. R.* A Amsterdam. 1757. (in 8°, 8+6+248 стр.) [11]). Этотъ сборникъ стихотвореній, въ которомъ весьма часто встрѣчается имя Шуваловыхъ, посвященъ тринадцатилѣтнему графу Андрею, и въ посвященіи авторъ утверждаетъ, что

....On se promet
De te voir un jour du Parnasse
Atteindre jusques au sommet.

По обыкновенію, Шуваловъ былъ записанъ въ военную службу, на четвертомъ году (1748) пожалованъ вахмистромъ конной гвардіи [12]) и 26 Мая 1751 года произведенъ въ корнеты [13]).

Производство его въ поручики въ 1756 г. [14]) также воспѣлъ Ле Роа:

---

[8]) Арх. Кн. Воронцова XXI, 15.

[9]) См. біографію его составленную митр. Евгеніемъ. (Сбор. стат. читан. въ отд. Рус. яз. и слов. И. А. Н. Спб. 1868 г. т V, вып. 1, стр. 250). Ле-Роа умеръ въ 1774 году, получая отъ графа А. П. Шувалова пенсію по 400 талеровъ.

[10]) Сестра П. И. Шувалова Наталья Ивановна находилась въ замужествѣ за генералъ поручикомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитрово. У нихъ былъ одинъ сынъ Захаръ (1734—1798), о которомъ здѣсь и говорится. Родословная книга рода Хитрово. Спб. 1866 г. стр. 172.

[11]) Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes, Paris 1875, t. III p. 929, приписываетъ эту книгу, впрочемъ въ видѣ вопроса, какому-то Philippe Lefebvre, ссылаясь на Catalogue Soleinne № 1985. Леруа перевелъ описаніе Ледянаго дома.

[12]) Бантышъ Каменскій, Біографіи генералъ-фельдмаршаловъ 1,306.

[13]) Анненковъ, Исторія л. гв. коннаго полка, IV, 36.

[14]) Ib. 158.

. . . . Puisque dans un régiment
L'un des principaux de l'Empire
A douze ans et demi je te vois lieutenant,
Je ne crains point de te prédire
Que dans quinze ou vingt ans tu feras général.
Qui débute si bien ne saurait finir mal.

Къ 1756 г. относится первая поѣздка 12-ти лѣтняго Шувалова за границу, въ свитѣ графа М. П. Бестужева (назначеннаго въ Октябрѣ 1756 г. нашимъ посломъ въ Парижъ и скончавшагося тамъ въ Февралѣ 1760 года). Повидимому, вице-канцлеръ графъ М. Л. Воронцовъ интересовался юношею Шуваловымъ. Еще въ Октябрѣ 1756 г., по его приказанію, повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, Ѳ. Д. Бехтѣевъ, предварялъ управлявшаго во Франціи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Рулье о дворянахъ, назначенныхъ при нашемъ посольствѣ, въ томъ числѣ и о Шуваловѣ, а въ Декабрѣ того же года онъ просилъ Рулье о пропускѣ вещей Шувалова на свое имя, что̀ тотъ и разрѣшилъ [15]).

17 Октября 1756 г. Шуваловъ выѣхалъ изъ Петербурга [16]) и, чрезъ Ригу и Митаву, въ Декабрѣ прибылъ въ Варшаву, гдѣ посолъ представилъ его графу Брюлю, а посланникъ нашъ Гросъ—королю. Въ Парижъ графъ Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ въ Іюлѣ 1757 года [17]).

22 Августа Бехтѣевъ доноситъ графу Воронцову [18]), что посолъ представлялъ графа Шувалова при дворѣ. «Король и дофинъ изволили его удостоить съ нимъ говорить. Аббатъ Берни позвалъ его къ себѣ обѣдать; третьяго дня я съ нимъ былъ у всѣхъ пословъ и у господина Болонье. Сегодня намѣренъ съ нимъ ѣхать въ Версаль къ маркизѣ Лопиталь. Много бы описывать было, какъ насъ хорошо приняли, особливо папскій нунцій, Неапольскій посолъ и г-жа Болонье. Также я не могъ довольно нарадоваться, какое хорошее поведеніе было оказано отъ сего нашего молодаго вояжёра при всѣхъ сихъ случаяхъ. Я удивился. Хотя человѣкъ въ совершенныхъ лѣтахъ былъ бы, больше того сдѣлать не можетъ: остеръ, живъ и ни малой застѣнчивости не имѣетъ. Притомъ дѣлаетъ все съ умѣренностью, отвѣчаетъ разумно, кстати и безъ запинки. Истинно меня удивилъ, какъ онъ на учиненные ему вопросы объ Италіи разсказывалъ, называя мѣста, особъ, и говорилъ о всемъ съ точностью. Также о Россіи одинъ уже пожилой Французъ, который со всѣми чужестранными знается, спросилъ у него о дворян-

---

[15]) Архивъ Кн. Воронцова III, 194 и V, 203.
[16]) Спб. Вѣдомости 1756, № 84 отъ 18 Октября.
[17]) Архивъ кн. Воронцова, II, 305 и III, 286.
[18]) Тамъ же VI, 205.

ствѣ нашемъ, думая, что оно на пять классовъ раздѣлено, потому что въ газетахъ видѣлъ о приглашеніи ко двору пяти классовъ на ужинъ въ праздничные дни. Онъ ему съ такою точностью, отличнымъ Французскимъ языкомъ, и такъ порядочно и ясно о томъ истолковалъ, что я не могу довольно тѣмъ навеселиться, давъ ему знать, что въ дворянствѣ у насъ классовъ нѣтъ; что есть знатное дворянство, только при такихъ случаяхъ оно не имѣетъ преимущества, какъ по чину, который имѣетъ dans la robe et dans le militaire, и что помянутые классы суть первые въ государствѣ чины и прочая. Однимъ словомъ, непонятно, сколько онъ знаетъ не по его лѣтамъ, и всѣ, кто его видѣли, налюбоваться не могутъ, генерально говоря: c'est un homme fait, qu'il est charmant! Будучи у Испанскаго посла на ассамблеѣ, пригласили его играть въ фараонъ; проигравъ пять луидоровъ, пересталъ, какъ бы пожилой: въ такихъ случаяхъ умѣренность знаетъ. Маркиза Лопиталь видѣла насъ у г-жи Болонье, своей матери; уже я и не хочу упоминать, сколько онѣ ласково насъ приняли. Меня разбранили, для чего я въ прошлый Понедѣльникъ у нея и графъ А. П. не былъ; но не можно было того сдѣлать, потому что были въ свитѣ посла».

21 Сентября 1757 г. графъ Шуваловъ вмѣстѣ съ гр. Строгоновымъ пожалованы въ камеръ-юнкеры. Въ тотъ же день дядя его, И. И. Шуваловъ, произведенъ былъ въ генералъ-поручики.

Въ 1758 году, т.-е. когда Шувалову было едва 14 лѣтъ, онъ былъ избранъ, опять вмѣстѣ со Строгоновымъ, и вѣроятно не безъ вліянія дяди, президента Академіи Художествъ, почетнымъ членомъ этой академіи [19]).

Пребываніе Шувалова въ Парижѣ, было, кажется, непродолжительно. Это можно заключить изъ того, что графъ А. Р. Воронцовъ, пріѣхавшій въ Парижъ въ Сентябрѣ 1758 года и упоминающій въ своей автобіографіи о бывшихъ тамъ Русскихъ, не говорить о Шуваловѣ. Къ сожалѣнію, мы не могли собрать свѣдѣній о пребываніи его въ это время за границею. Вѣроятно, что онъ хотя и состоялъ «кавалеромъ посольства», но продолжалъ учиться.

Въ бытность Шувалова за границею возникло предположеніе о порученіи Вольтеру заняться исторіею Петра Великаго, и въ Іюлѣ 1757 года началась дѣятельная переписка Вольтера съ И. И. Шуваловымъ. Графъ Андрей Петровичъ имѣлъ намѣреніе тогда же посѣтить Вольтера, но предположеніе это почему-то не осуществилось, и въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 25 Октября 1760 г. Вольтеръ говорилъ: «Я

---

[19]) Петровъ. Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Художествъ I, стр. 5.

неутѣшенъ; я не могъ привѣтствовать у себя вашего племянника. Вы легко поймете, съ какимъ восхищеніемъ встрѣтилъ бы я человѣка, носящаго ваше имя и носящаго его съ честію» [20]).

Дѣйствительно, въ это время Шуваловъ былъ уже въ Петербургѣ и 24 Августа 1759 годъ стоялъ, при обѣдѣ, за столомъ государыни.

Въ 1760 году онъ получилъ отъ императрицы Маріи Терезіи портретъ ея, украшенный бриллiантами [21]).

II.

26 Декабря 1761 г. гр. Шуваловъ пожалованъ былъ, одновременно съ гр. Строгоновымъ, въ камергеры; въ слѣдующемъ году мы видимъ его часто приглашаемымъ не только къ Петру III, но и къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, а въ 1763 году онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ тогда находился дворъ.

Въ числѣ придворныхъ праздниковъ тогда были и такъ называемыя кавалерскія представленія во дворцѣ, въ которыхъ играли придворные дамы и кавалеры. На масляницѣ давали трагедію Сумарокова Семиру, комедію Мольера въ переводѣ, и балетъ. Въ Семирѣ участвовали графиня П. А. Брюсъ, А. Н. Нарышкина, графъ Г. Г. Орловъ, Н. И. Рославлевъ и графъ Шуваловъ [1]).

Англiйскій посолъ, Бокингэмъ, донося своему двору о разныхъ новостяхъ, сообщилъ между прочимъ и объ этомъ представленіи:

«Въ одной изъ великолѣпнѣйшихъ залъ дворца устроена была сцена со всѣми необходимыми декораціями, и на ней была представлена въ присутствіи императрицы одна изъ Русскихъ трагедій. Сюжетъ заимствованъ изъ Русской повѣсти и, насколько можно судить по неточному Французскому переводу, чувства и рѣчи составлявшія пьесу принесли бы честь автору въ любой странѣ. Графиня Брюсъ исполняла главную роль съ такимъ умомъ, легкостью и свободою, которые не всегда встрѣчаются между людьми, готовившимися къ сценѣ. Двѣ другія роли были прекрасно играны графомъ Орловымъ и сыномъ покойнаго фельдмаршала графомъ Шуваловымъ. Послѣ представленія перешли къ танцамъ, исполненнымъ фрейлинами и другими лицами высшей аристократіи. Полагаю, что едва ли на какой либо сценѣ собиралось такъ много красивыхъ женщинъ и, прибавлю, не во всякой стра-

---

[20]) Сочиненія Вольтера, изданіе Beuchot, LIX, № 3144.

[21]) Бантышъ-Каменская, Біографіи генералъ-фельдмаршаловъ со ссылкою на Московскія Вѣдомости 1760 г. № 24.

[1]) Сочиненія Ф. Визина, Спб. 1866, стр. 373 и Камеръ-фурьерскій журналъ 1763 подъ 27 и 29 Января.

нѣ можно бы отъискать ихъ. Между ними особенно отличались графиня Строгонова (жена А. С. Строгонова, дочь канцлера Воронцова), Нарышкина и молодая дѣвица, сестра полковника Сиверса, бывшаго въ Англіи, дочь оберъ-гофмаршала. Оркестръ былъ составленъ изъ любителей. Изящество и великолѣпіе всего вечера были таковы, что безпристрастное его описаніе должно показаться преувеличеннымъ» [2]).

Въ это же время началась и дѣйствительная служба графа Шувалова. Указомъ 8 Декабря 1763 г. учреждена была изъ Неплюева, князя Шаховскаго и гр. Миниха особая коммиссія для разсмотрѣнія коммерціи Россійскаго государства. Въ тотъ же день коммиссіи этой данъ указъ, коимъ повелѣно «при разсужденіяхъ въ коммиссіи быть графу Шувалову, которому и имѣть мѣсто за столомъ съ присутствующими и не только вникать во все то, что̀ по коммиссіи происходить будетъ, но и самому по изобрѣтенію въ оной трудиться въ такой части дѣлъ коммерческихъ, въ которой, по извѣстной его склонности и прилежанію, способность свою онъ окажетъ» [3]).

Въ началѣ 1762 года умеръ отецъ Шувалова, и ему пришлось приводить въ порядокъ оставшееся наслѣдство. Такъ онъ продалъ свой приморскій домъ Мельгунову, причемъ купчая совершена была безпошлинно, 18 Марта 1762 [4]), а затѣмъ, по указу 15 Ноября 1763 года, переданы обратно въ казну, за казенный долгъ, принадлежавшіе ему Гороблагодатскій и Камскій заводы [5]),—имущество, составлявшее, по выраженію Екатерины, «un beau fleuron de la couronne» [6]).

Заводы эти отданы были Елисаветою Петровною графу Петру Ивановичу Шувалову; но поселенные въ нихъ крестьяне, отягчаемые чрезмѣрными работами, волновались, что̀ и было одною изъ побудительныхъ причинъ возвращенія ихъ въ казну, послѣ мѣръ «обузданія» крестьянъ, принятыхъ княземъ А. А. Вяземскимъ. будущимъ генералъ-прокуроромъ

Вступивъ около этого времени въ бракъ съ графинею Екатериною Петровною Салтыковою, дочерью генералъ-фельдмаршала графа П. С. Салтыкова, Шуваловъ занялся и устройствомъ дѣлъ своего тестя. Сохранилось письмо его, отъ 1 Января 1763 года, къ графу Г. Г. Орлову, въ которомъ, называя графа «своимъ героемъ и оригиналомъ» и напоминая ему, что «обязать старыхъ и заслуженныхъ людей немалую

---

[2]) Сборникъ Р. Ист. Общества XII, 78.

[3]) Комиссія эта существовала все время царствованія Екатерины и закрыта Павломъ 21 Дек. 1796 (П. Собр. Зак. XXIV, № 17 670).

[4]) Барановъ, Архивъ Прав. Сената, III, № 12.057.

[5]) Полное Собр. Зак. XVI, № 11.967.

[6]) Письмо къ Олсуфьеву въ Р. Архивѣ 1863, стр. 180.

славу ему приноситъ», гр. Шуваловъ ходатайствовалъ о сложенiи съ гр. Салтыкова казеннаго долга и о выдачѣ ему 70.000 р. на уплату частныхъ долговъ.

Несмотря однако на эти отношенiя къ Екатеринѣ и Орлову, положенiе графа А. П. Шувалова не было упрочено. Еще въ царствованiе Петра III было предположенiе о назначенiи его куда либо за границу. «Вполнѣ естественно отправить въ путешествiе вашего племянника, которому вы заступили мѣсто отца», писалъ Вольтеръ И. И. Шувалову 25 Iюня 1762 г.; «вы могли бы путешествовать вмѣстѣ съ нимъ». И дѣйствительно, въ Апрѣлѣ 1763 года уѣхалъ за границу И. И. Шуваловъ, а въ 1764 году предпринялъ второе свое путешествiе и графъ А. П., вмѣстѣ съ молодою женою. Они проѣхали чрезъ Гагу [7]) въ Парижъ и въ Сентябрѣ 1765 года посѣтили Вольтера въ Фернеѣ.

На театрѣ Вольтера (mon petit théâtre de marionettes) была представлена Меропа. Ничего болѣе блестящаго не бывало и въ Парижѣ. Для этого представленiя графиня Шувалова передала г-жѣ Дени на 200000 экю брилліантовъ и почти столько же маркизѣ Флоріанъ для роли баронессы въ Нанинѣ. Самъ графъ Шуваловъ исполнилъ роль Эгиста въ Меропѣ. Вольтеръ, сочиняя эту трагедiю, конечно не думалъ, что она будетъ разыграна Русскими, на берегу Женевскаго озера [8]).

Пребыванiе гр. Шувалова у Вольтера было омрачено непрiятнымъ для хозяина случаемъ. Императрица, занятая въ это время прiискиванiемъ наставниковъ для учреждаемыхъ, по мыслямъ Бецкаго, учебныхъ заведенiй, поручила генералу Бюлау вызывать изъ-за границы лицъ, пригодныхъ къ этому дѣлу. Бюлау приглашалъ, между прочимъ, нѣсколькихъ гувернантокъ и учительницъ изъ Женевы; но совѣтъ города Женевы не разрѣшилъ имъ отправиться въ Россiю. Во многихъ изъ своихъ писемъ Вольтеръ, оспаривая законность этого распоряженiя, горячо отстаиваетъ права Женевскихъ гражданъ свободно уѣзжать безъ всякаго разрѣшенiя и жалуется на невниманiе Женевскаго совѣта къ Екатеринѣ. Ему въ особенности было непрiятно, что гр. Шуваловъ, также интересовавшiйся успѣхомъ этого дѣла, въ то время находился у него въ гостяхъ [9]).

Вольтеръ рѣшился даже предложить свои услуги для выбора наставниковъ въ Русскiе учителя; но Екатерина, какъ сообщилъ Шува-

---

[7]) Арх. Кн. Вор. V, 149.

[8]) Beuchot, XII, № 4480.

[9]) Desnoires, Lettres de Voltaire, p. 384—388. Бюлау взятъ въ Русскую службу въ 1757 по ходатайству фельдмаршала Апраксина (Сб. Р. Ист. Общ. IX, 461).

лову графъ Панинъ 5 Ноября 1765 года, отклонила это предложеніе. Причиною выставлено то, что философъ, который съ такимъ успѣхомъ трудится на поученіе современниковъ и потомства, отвѣтственъ предъ ними за каждую минуту своей жизни и что государь, знающій цѣну его трудамъ, долженъ какъ можно менѣе отвлекать его для всякаго инаго предмета.

Въ письмѣ къ Екатеринѣ (въ Сентябрѣ 1765) Вольтеръ говоритъ, что онъ будетъ ей представленъ графомъ Шуваловымъ и его женою, которыхъ онъ имѣлъ честь принимать въ теченіи нѣсколькихъ дней въ своемъ маленькомъ эрмитажѣ. «В. И. В»., прибавляетъ Вольтеръ, «были предметомъ нашихъ бесѣдъ, и невозможность предпринять путешествіе никогда не причиняла мнѣ столько печали». Объ этомъ посѣщеніи Вольтеръ упоминаетъ и въ письмѣ къ гр. А. Р. Воронцову, съ которымъ онъ познакомился еще въ 1758 году въ Мангеймѣ, при дворѣ курфирста-палатина Карла Теодора. «Я всегда буду вспоминать», говоритъ онъ, «о нѣсколькихъ дняхъ, которые графъ и графиня Шуваловы провели въ моемъ эрмитажѣ и о милыхъ стихахъ, которые онъ пишетъ на нашемъ языкѣ».

Къ этому времени относятся, дѣйствительно, первыя Французскія стихотворенія Шувалова [10]). То были: ода на смерть Ломоносова, напечатанная въ 1765 году вмѣстѣ съ предисловіемъ, заключающимъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о Ломоносовѣ и прозаическимъ переводомъ его «Утренняго Размышленія о величествѣ Божіемъ». Ода эта перепечатана, съ весьма обстоятельнымъ комментаріемъ, А. А. Куникомъ въ его Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ (ч. 1-я).

Въ Journal Encyclopédique 1-го Октября 1765 г. появилась Épitre de m-r le comte de Schowalow à m-r de Voltaire. «Это десятистопное стихотвореніе», говоритъ въ извѣстномъ своемъ дневникѣ Башомонъ, «такъ хорошо написано, что трудно вѣрится, чтобы оно вышло изъ-подъ пера иностранца. Тѣ, которымъ ближе извѣстны всѣ литературные пріемы, быть можетъ, выразятъ по этому поводу предположенія, которыхъ мы высказать не рѣшаемся» [11]). Послѣ самыхъ пышныхъ похвалъ таланту и сердцу своего героя, графъ Шуваловъ такъ оканчиваетъ посланіе:

---

[10]) Въ статьѣ г. Полторацкаго Les deux Chouvalof (Bulletin du bibliophile belge. 1849, т. VI, р. 123—134 и 414) собраны нѣкоторыя данныя объ отношеніхъ обоихъ Шуваловыхъ къ Вольтеру и о Французскихъ произведеніяхъ графа Андрея. Мы воспользовались нѣкоторыми укззаніями г. Полторацкаго.

[11]) Bachaumont, Mémoires secrets, Londres 1777 р. 274.

J'entends les cris des coeurs reconnaissans,
Vous célébrer comme un dieu tutélaire.
Je vois fumer leur légitime encens;
Et si Zoïle, armé de l'imposture,
Voulait ternir vos bienfaits renaissans,
Le monde entier dans sa volupté pure
Attesterait à la race future,
Que vos vertus égalent vos talens.

Вольтеръ, отвѣчая на это посланіе, выражается, что

Puisqu'il faut croire quelque chose,
J'avouerai qu'en lisant vos séduisans écrits.
Je crois à la métempsycose:
Orphée au bord du Tanais
Expira dans votre pays.
Près du lac de Génève il vient se faire entendre.
En vous il renait aujourd'hui,
Et vous ne devez pas attendre
Que les femmes jamais vous battent comme lui.

Графъ Шуваловъ возражалъ на эти стихи небольшимъ четырехстопнымъ посланіемъ.

Послѣ этихъ двухъ посланій Шуваловъ еще разъ воспѣлъ Вольтера. Тотъ, 30 Сентября 1767 г., писалъ ему: «Французскіе стихи, которые вы мнѣ прислали, написаны въ лучшемъ тонѣ и удивительно правильны; въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей ошибки противъ языка, и вамъ, можетъ быть поставленъ въ упрекъ лишь предметъ, о которомъ вы говорите».

Стихотвореніе это, въ извлеченіи, приведено у Левека (Histoire de Russie, V, 310) и у Спады (Ephémérides russes, II, 234). Свою стихотворную переписку съ Вольтеромъ Шуваловъ переслалъ, при стихахъ же, къ Ѳ. П. Веселовскому, жившему тогда въ Женевѣ.

Ко времени пребыванія Шувалова въ Парижѣ относятся и первыя его сношенія съ критикомъ Лагарпомъ [12]), объясненныя въ вышеуказанной статьѣ г. Куника.

Съ этого времени началась и переписка графа Шувалова съ Вольтеромъ. Намъ извѣстны только семь писемъ Вольтера и одно письмо Шувалова, хотя вѣроятно переписка ихъ была гораздо значительнѣе [13]).

---

[12]) Сл. Oeuvres de la Harpe, Paris 1777, VI, 108.

[13]) Въ сочиненіяхъ Вольтера, изд. Бешо, помѣщены слѣдующія письма его къ графу Шувалову:

1) 30 Октября 1767 г. (т. 64 № 5,180).

2) 12 Февраля 1768 г. (ib. № 5,307).

3) 3 Декабря 1768 г. (т. 65 № 5,478).

Возвращаясь въ Россію, Шуваловъ проѣзжалъ чрезъ Вѣну, гдѣ познакомился съ Дювалемъ, извѣстнымъ по его литературной перепискѣ съ дочерью Бецкаго, Н. И. Соколовою. Графиня Шувалова произвела на Дюваля очень пріятное впечатлѣніе.

III.

Шуваловъ вернулся въ Россію въ 1766 году и немедленно доложилъ Екатеринѣ объ интересѣ и участіи, которое Вольтеръ принималъ во всемъ что̀ до нея касалось. Извѣстность Шувалова, какъ Французскаго писателя, опередила его возвращеніе на родину. Въ сатирическомъ каталогѣ 1765 года, однимъ изъ составителей котораго былъ графъ А. С. Строгоновъ, въ числѣ вновь вышедшихъ книгъ, показаны между прочимъ: Histoire du tems passé, par m. Schouvaloff (въ чемъ можно видѣть намекъ на значеніе И. И. Шувалова при Елисаветѣ Петровнѣ) и Poésies diverses par m. le comte Schouvaloff. Порошинъ отмѣтилъ въ своихъ Запискахъ, что 30 Октября 1765 г. онъ читалъ съ в. к. Павломъ Петровичемъ стихи А. П. Шувалова къ Вольтеру и отвѣтъ къ нему; а Сумароковъ, обиженный тѣмъ, что въ одѣ на смерть Ломоносова, въ числѣ враговъ сего послѣдняго Шуваловъ назвалъ его,

. . . . copiste insensé des défauts de Racine,
De l'Homère du Nord haït la muse divine,

отмстилъ ему, по словамъ Штелина [1]), эпиграммою, въ которой изображаетъ его сумасшедшимъ, недостойнымъ отвѣта, а оду его называетъ чепухою, полною противорѣчій, невѣжества, преувеличеній и глупостей.

Вѣроятно за сочиненіе Французскихъ стиховъ Шуваловъ былъ награжденъ, въ Іюнѣ 1766 г., орденомъ Анны 1-й степени.

Съ этого времени начались личныя, частыя сношенія Екатерины съ Шуваловымъ. Повидимому знакомство его съ Вольтеромъ имѣло

---

4) 30 Октября 1769 г. (т. 66 № 5,697).

5) 19 Іюля 1771 г. (т. 67 № 6,183).

и 6) 15 Октября 1773 г. (т. 68 № 6,628).

Остальныя письма Вольтера, помѣщенныя у Бещо, хотя и имѣютъ адресъ графа Шувалова, но писаны къ И. И. Шувалову, который никогда графомъ не былъ.

7) Письмо Вольтера отъ 25 Декабря 1771 г., о которомъ будетъ подробно сказано ниже, напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1864 года, вмѣстѣ съ письмомъ графа Шувалова.

[1]) Москвитянинъ 1853, № 3, стр. 21. Отзывъ Шувалова о Сумароковѣ подвергся порицанію и со стороны актера Дмитревскаго въ его „Извѣстіи о Русскихъ писателяхъ“ (Матеріалы для исторіи Русск. литерат., изд. П. А. Ефремова, Спб. 1867, стр. 148).

значеніе въ глазахъ Екатерины, и сохранилось преданіе, требующее, впрочемъ, подтвержденія, что Шуваловъ употреблялся для исправленія слога во Французскихъ ея письмахъ къ Вольтеру [2]). Шуваловъ сумѣлъ въ первое время понравиться Екатеринѣ. Она писала Вольтеру (6 Декабря 1768 г.), что Шуваловъ превосходный чтецъ и (20 Марта 1770), что онъ одинъ изъ самыхъ аккуратныхъ и прилежныхъ людей, которыхъ она знаетъ; не боясь ошибиться, она предсказывала, что отечество можетъ ожидать отъ него большихъ услугъ, ибо его способности гораздо выше его лѣтъ. Екатерина называетъ его «маленькимъ графомъ», вѣроятно по его малому росту [3]).

Въ 1767 году Екатерина предприняла извѣстное путешествіе по Волгѣ. Общество императрицы, въ свитѣ которой находился и Шуваловъ, занималось переводомъ на Русскій языкъ романа Мармонтеля «Велисарій». Шуваловъ не участвовалъ въ переводѣ, но имъ сочинено посвященіе книги отъ имени переводчиковъ архіепископу Тверскому Гавріилу.

Возвратясь изъ этого путешествія въ Москву, Екатерина открыла засѣданія знаменитой коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, и 3 Августа 1767 года объявлено было коммисіи маршаломъ ея, Бибиковымъ, что императрица приказала графу Шувалову имѣть наблюденіе надъ составленіемъ дневныхъ записокъ коммисіи. Самый планъ засѣданій коммисіи составленъ былъ Шуваловымъ. Экземпляръ этого плана, имъ писанный и мѣстами собственноручно исправленный Екатериною, хранится донынѣ въ залѣ общаго собранія Сената. Шуваловъ увѣдомилъ объ этомъ Вольтера, который 12 Февраля 1768 поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ находится во главѣ (?) коммисіи, самой лучшей изъ всѣхъ, какую онъ знаетъ; что лучше редактировать законы въ Россіи, чѣмъ ѣхать изучать ихъ въ Китай и что онъ предпочитаетъ Шувалова-законодателя Шувалову-посланнику.

Не знаемъ, существовало ли дѣйствительно намѣреніе послать Шувалова въ Китай, о чемъ Вольтеръ упоминаетъ и въ другомъ письмѣ (30 Сентября 1767 г); но слова его совершенно справедливы: Шуваловъ, какъ увидимъ ниже, оказался плохимъ посланникомъ.

Вольтеръ и въ письмахъ къ Екатеринѣ, и въ письмахъ къ Шувалову интересовался занятіями коммисіи объ уложеніи и даже помѣстилъ въ Бернской газетѣ извлеченіе изъ письма Шувалова, въ которомъ онъ сообщалъ Вольтеру «любопытныя подробности» о занятіяхъ коммисіи.

---

[2]) Сухомлиновъ, Исторія Росс. Акад. Спб. 1874 г., вып. 1, стр. 119.
[3]) Сборн. Р. Ист. Общ. XVII, 51 и 55.

4 Ноября 1768 г. Екатерина назначила ежегодно по 5000 рубл. за переводы на Русскій языкъ хорошихъ иностранныхъ книгъ и наблюденіе надъ употребленіемъ этихъ денегъ въ вознагражденіе переводчикамъ поручила графу В. Г. Орлову, графу Шувалову и Г. В. Козицкому. Эта коммисія просуществовала по 30 Сентября 1783 г., когда занятія ея переданы Россійской Академіи.

Замѣчательно, что означенныя три лица сопровождали Екатерину по Волгѣ и участвовали въ изданіи перевода «Велисарія». Это даетъ поводъ высказать предположеніе, не на Волгѣ ли возникла мысль обобщить начатое тамъ, переводомъ «Велисарія», предпріятіе ознакомить Россію съ лучшими иностранными литературными произведеніями.

Коммисія начала съ переводовъ изъ Вольтера, Энциклопедіи, Монтескье, Фридриха II и только впослѣдствіи перешла къ переводамъ классиковъ. Дѣятельность ея была очень полезна; закрыта же она была по желанію кн. Дашковой, бывшей не въ дружескихъ съ Шуваловымъ отношеніяхъ и обвинявшей даже лицъ, стоявшихъ во главѣ этого дѣла, что они клали себѣ въ карманъ деньги, отпускавшіяся на переводы.

Еще ранѣе учрежденія переводческой коммисіи, въ бытность Шувалова въ Москвѣ, предпринято было Херасковымъ изданіе «Переводы изъ Энциклопедіи». Сборника этого вышло, въ 1767 году, три части. Въ спискѣ «именъ трудящихся въ переводѣ, съ показаніемъ взятыхъ ими матерій», въ первой части, значится между прочимъ и гр. А. П. Шуваловъ, принявшій на свою долю «коммерцію и мануфактуры», но переводовъ его въ этомъ сборникѣ не появлялось.

Одною изъ интересныхъ работъ графа Шувалова въ это время было участіе его въ составленіи Антидота или опроверженія извѣстной книги аббата Шаппа о Россіи. Книжка эта появилась первымъ изданіемъ въ Петербургѣ въ 1770 году. Иностранные библіографы доселѣ повторяютъ разнорѣчивыя свѣдѣнія о составителяхъ этой книги. Участіе въ ней дѣлятъ они между Екатериною, Фальконетомъ, кн. Дашковою, графомъ Шуваловымъ, гр. А. Е. Мусинымъ-Пушкинымъ и т. д. Хотя Дидро и писалъ Фальконету 20 Марта 1771 г., что онъ видѣлъ три изданныя имъ брошюры, въ томъ числѣ Антидотъ противу лжей аббата Шаппа, но что Фальконетъ не участвовалъ въ составленіи этой книги, ясно изъ собственныхъ его словъ: рекомендуя Екатеринѣ издать опроверженіе книги Шаппа, онъ, 9 Ноября 1769 г., прибавляетъ, что безъ сомнѣнія хорошо бы обнаружить ошибки и клеветы этого писателя. «Если бы это было мое ремесло, я бы испросилъ на это позволеніе, и отвѣтъ былъ бы сдѣланъ въ перепискѣ моей съ Дидро» [1]).

---

[1]) См. переписку Екатерины съ Фальконетомъ въ Сборн. Р. Ист. Общ., т. XVII.

Равнымъ образомъ и участіе въ этомъ дѣлѣ кн. Дашковой болѣе чѣмъ сомнительно. Свѣдѣнія о томъ основываются на письмѣ Вольтера къ Мармонтелю (21 Іюля 1771), но кн. Дашкова не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ Запискахъ. Будь она сколько нибудь прикосновенна къ этому дѣлу, то сама непремѣнно говорила бы о томъ. Сверхъ того, она еще въ 1765 году попала въ немилость, въ Февралѣ того года оставила Петербургъ и въ Декабрѣ 1769 г. уѣхала, на долгое время, за границу.

Между тѣмъ извѣстный литературный корреспондентъ Екатерины, Гриммъ, уже давно указалъ авторовъ Антидота. Въ 1771 году онъ писалъ, что сочиненіе это нынѣ приписывается Екатеринѣ и Шувалову, а не княгинѣ Дашковой и Фальконету. Это свѣдѣніе можно считать вполнѣ достовѣрнымъ. Въ государственномъ архивѣ сохранился экземпляръ Антидота, переписанный набѣло Козицкимъ, однимъ изъ сочленовъ Шувалова по переводческой коммиссіи, и письмо графа А. П. Шувалова къ Екатеринѣ, отъ 10 Мая 1768 г., которое, по предположенію П. П. Пекарскаго [5]), можетъ доказывать его участіе въ составленіи Антидота.

Любопытенъ отзывъ объ этой книгѣ извѣстной Н. И. Соколовой. Прочитавъ и книгу аббата Шаппа, и Антидотъ, она отозвалась, что и въ той и въ другой отсутствуетъ истина [6]).

Въ бытность въ Москвѣ, въ 1767 году, Екатерина посѣтила Шувалова. Камеръ-фурьерскій журналъ выражается объ этомъ посѣщеніи такъ: «Ея величество, 18 Декабря 1767 года, шествовала въ домъ двора своего камергера и кавалера его сіят-ва графа А. П. Шувалова, состоящій на Мясницкой улицѣ [7]). По прибытіи, у крыльца встрѣчена ея в-во хозяиномъ и его фамиліею, и изволила идти въ покои, изъ коихъ смотрѣть соизволила слѣдующую многочисленную духовную процессію съ провожденіемъ множественнаго народа; несенное въ гробѣ тѣло покойнаго преосвященнѣйшаго Дмитрія, митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго, которая процессія продолжалась близъ часа; а послѣ, ея в-во изволила кушать кофе; посемъ, хозяина и его фамилію, пожаловавъ къ рукѣ, изволила возвратиться въ свой дворецъ».

Начавшаяся въ 1768 г. первая Турецкая война дала графу Шувалову случай вступить и на административное поприще. Въ виду финансовыхъ затрудненій, вызванныхъ этою войною, рѣшились на мѣру, которой

---

[5]) П. П. Пекарскаго: Матеріалы для журн. и лит. дѣятельности Екатерины II-й. Спб. 1863 г., стр. 6.

[6]) Oeuvres de Duval, II, 177.

[7]) Нынѣ домъ Промышленнаго Музея, подлѣ Почтамта.

не хотѣли принять въ царствованіе Елисаветы, приняли было при Петрѣ III и отмѣнили въ началѣ царствованія Екатерины. Въ засѣданіи Совѣта 17 Ноября 1768 года генералъ-прокуроръ читалъ объ учрежденіи, вмѣсто денегъ, ассигнацій, и 29 Декабря того же года изданъ былъ манифестъ объ установленіи съ Января 1769 года въ Петербургѣ и въ Москвѣ двухъ банковъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій, которыхъ должно было быть выдаваемо столько, а не болѣе, какъ въ вышеозначенныхъ банкахъ будетъ состоять наличнаго капитала. Хотя эти банки и названы были одинъ Петербургскимъ, а другой Московскимъ, но они составляли одно учрежденіе и были подъ однимъ правленіемъ, состоявшимъ изъ главнаго директора и двухъ совѣтниковъ.

Главнымъ директоромъ банковъ назначенъ былъ 31 Декабря 1768 г. графъ Шуваловъ, только что передъ этимъ (22 Сентября) произведенный въ тайные совѣтники [8]).

Такимъ образомъ, съ именемъ графа Шувалова связывается учрежденіе въ Россіи ассигнацій, возымѣвшее великую важность во всемъ послѣдующемъ развитіи Русской жизни. Сочинитель легкихъ стиховъ сдѣлался финансистомъ.

Въ планъ нашей статьи не входитъ изложеніе исторіи обращенія ассигнацій въ Россіи. Отсылая читателей къ специальнымъ трудамъ по этому вопросу Ламанскаго, Куломзина, Печорина и Шторха, замѣтимъ только, что, къ сожалѣнію, они разсматривали исторію нашихъ ассигнацій безъ связи съ политическою исторіею страны. Между тѣмъ связь эта указываетъ, что съ перваго же момента выпуска ассигнацій онѣ сдѣлались орудіемъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей и обратились въ бумажныя деньги. Первоначально назначено было выпустить ассигнацій на 1 м. р.; въ Январѣ 1779 г. разрѣшено было увеличить количество ихъ до 20 м. р., а въ Іюлѣ 1786 года до 100 м. р. Къ концу царствованія Екатерины (1796 г.) количество ихъ превышало уже 157 м. р., и курсъ ихъ упалъ до 76½%.

Литературно-придворная служба, гдѣ Шувалову предоставлялась роль второстепеннаго исполнителя, и формальныя обязанности по управленію Банкомъ не удовлетворяли его. Онъ искалъ другихъ путей къ отличію, и пути эти указываетъ Англійскій посолъ лордъ Каткартъ.

---

[8]) Свѣдѣніе изъ Сенатскаго архива.

Онъ писалъ своему двору 29 Декабря 1769 года [9]):

«Графъ Шуваловъ ухаживаетъ за графомъ Орловымъ и старается подѣйствовать на его честолюбіе, надѣясь при его посредствѣ подняться до занятія высшей должности и имѣть возможность противодѣйствовать графу Панину. Шуваловъ всегда занятъ, важенъ и честолюбивъ, прекрасно говоритъ и пишетъ по-французски, *какъ ученикъ Вольтера*, и весьма усерденъ къ занятіямъ; но свѣдѣнія его относятся къ тому поверхностному роду знаній, почерпнутому изъ словарей, который можетъ удивлять только здѣсь, гдѣ большинство общества невѣжественно и разсѣянно; эти свѣдѣнія недостаточны для того, чтобы принести истинную пользу гдѣ бы то ни было, тѣмъ болѣе, что всѣ знающіе его увѣряли меня, что во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онъ истинный сынъ Петра Шувалова. Самое лучшее изъ всего, что̀ я объ немъ знаю, это то, что онъ живетъ очень согласно съ женою, весьма умной, скромной и пріятной женщиной, которая, какъ полагаютъ, подаетъ ему при всякомъ случаѣ хорошіе совѣты. Если ему удастся когда-нибудь подвинуться, то это будетъ при исполненіи порученій по дѣламъ внѣшнихъ сношеній страны, и я слышалъ, что въ послѣднее время онъ совершенно отказался отъ первоначальныхъ своихъ намѣреній (которыя въ то время внушали сильную зависть и безпокойство графу Панину и его друзьямъ) и сталъ служить другому знамени».

IV.

Занимаясь сочиненіемъ Французскихъ стиховъ, въ какихъ же отношеніяхъ былъ Шуваловъ къ Русскимъ писателямъ?

Ломоносова онъ могъ видать въ домѣ своего дяди И. И. Шувалова. Есть извѣстіе, что онъ перевелъ на Французскій языкъ Вечернее Размышленіе о Божіемъ величествѣ и Письмо о пользѣ стекла; но были-ли эти переводы напечатаны, мнѣ неизвѣстно [10]).

Н. И. Новиковъ, въ Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ [11]) послѣ статьи объ И. И. Шуваловѣ, прибавляетъ: «стихи къ портрету Ломоносова хотя изданы мною подъ именемъ Поповскаго, но по отпечатаніи того листа получилъ я отъ нѣкоторой особы достовѣрное извѣстіе, что они сочинены г. *графомъ* Шуваловымъ, что̀ так-

---

[9]) Сборн. Ист. Общ. XIX, 17.

[10]) Пономаревъ. Матеріалы для библіографіи о Ломоносовѣ. Сборн. отд. Р. яз. и сл. И. А. Н. Спб. 1872, т. VIII, № 2, стр. 29.

[11]) П. А. Ефремовъ. Мат. для ист. Рус. лит. Спб. 1867, стр. 126.

же подтверждаетъ, сколь много любилъ онъ науки и покровительствовалъ ученыхъ людей».

Новиковъ, конечно, не могъ смѣшать И. И. Шувалова съ графомъ Шуваловымъ. Но съ другой стороны, стихи къ портрету Ломоносова явились при изданіи его сочиненій 1757 года [12]), когда графу А. П. Шувалову было только 13 лѣтъ, и слѣдовательно едва ли онъ могъ быть ихъ авторомъ. Притомъ въ 1757 году графъ Шуваловъ былъ въ Парижѣ.

Вотъ эти стихи:

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что̀ чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что̀ въ Римѣ Цицеронъ и что̀ Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Случай свелъ графа Шувалова и съ Сумароковымъ.

Въ Январѣ 1770 гр. Шуваловъ былъ въ Москвѣ у своего тестя, графа Салтыкова, который былъ тамъ главнокомандующимъ [13]). Въ это время произошло столкновеніе Сумарокова съ Салтыковымъ по поводу представленія его трагедіи Синавъ. Въ письмахъ и жалобахъ по этому дѣлу къ Императрицѣ [14]), относя всю вину къ Салтыкову, Сумароковъ пишетъ: «Шуваловъ зять самъ тому свидѣтель, но я на Шуваловыхъ не ссылаюся; ибо отецъ его, мать, братъ и онъ самъ мои злодѣи. Андрей Петровичъ предо всею Европою въ разныхъ мѣстахъ меня ругалъ, написалъ наконецъ обо мнѣ: un copiste insensé des défauts de Racine [15]), а внизу въ примѣчаніяхъ и имя мое включилъ въ одѣ, которою онъ и Россію изрядно потчивалъ». И въ другомъ письмѣ, 4 Марта 1770 г.: «Шуваловъ свидѣтельствовать не можетъ; онъ и явственно меня, отходя отъ правилъ критики, по Парнассу ругалъ; а я еще молчу, хотя и не долженъ».

Съ Фонъ-Визинымъ Шуваловъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ [16]) и имѣлъ случай оказать услугу Державину, рекомендовавъ

---

[12]) Объ этомъ портретѣ и о намѣреніи подписать подъ нимъ какіе нибудь стихи, Ломоносовъ упоминаетъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 23 Ноября 1757 года. (Гротъ, Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Спб. 1862, стр. 26. Приложеніе къ 1 тому Записокъ И. А. Н.).

[13]) Шуваловъ былъ въ Москвѣ и въ Январѣ 1773 года по случаю кончины Салтыкова. Осьмнадц. Вѣкъ I, 86.

[14]) Библіогр. Записки I, 452 и Русс. Бесѣда 1860, II, 246.

[15]) Нелѣпый списыватель недостатковъ Расина.

[16]) См. ниже, а также соч. Фонъ-Визина, изд. П. А. Ефремова, стр. 547.

его, при назначеніи Тамбовскимъ губернаторомъ, Гудовичу [17]). Знакомство графа Шувалова съ Державинымъ началось тѣмъ, что, прочитавъ «Фелицу» еще въ рукописи, графъ Шуваловъ пересказалъ о ней Потемкину [18]).

Шуваловъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества и короткое время (Майскую треть 1772 г.) президентомъ онаго [19]).

Между тѣмъ придворная служба Шувалова шла своимъ чередомъ.

1-го Октября 1770 г. принцъ Прусскій Генрихъ, на пути изъ Финляндіи въ Петербургъ, во второмъ часу прибылъ въ Парголово, имѣніе, принадлежавшее графу Шувалову, гдѣ и былъ встрѣченъ, отъ имени Императрицы, А. И. Бибиковымъ, который проводилъ его въ покои, гдѣ изволилъ Его Высочество кушать обѣденное кушанье.

Вѣроятно при этомъ находился и хозяинъ, который, вмѣстѣ съ женою, игралъ видную роль при дворѣ во все время пребыванія Генриха въ Петербургѣ, продолжавшееся до 19 Января 1771. Оба они постоянно приглашались ко двору, а во время поѣздки въ Царское Село, для иллюминаціи, въ линейкѣ вмѣстѣ съ Императрицею и Генрихомъ находились только 8 лицъ, между ними Шуваловъ съ женою.

Въ числѣ празднествъ, данныхъ въ честь принца, былъ маскарадъ въ Зимнемъ Дворцѣ въ Воскресенье, 28 Ноября 1770 года.

Праздникъ этотъ былъ до того великолѣпенъ, что Екатерина сочла нужнымъ сообщить описаніе его Вольтеру [20]), и тотъ отвѣчалъ хвалебными ей стихами [21]).

Похвалы Вольтера были очень кстати: не только описаніе этого праздника составлено было самой Императрицей [22]), но она участвовала и въ сочиненіи его программы.

Графъ Шуваловъ не принималъ участія въ этомъ празднествѣ, будучи нездоровъ, хотя ему назначено было за ужиномъ быть хозяиномъ третьяго стола, за которымъ сидѣли послы; но графиня Екатерина Петровна находилась въ числѣ дамъ, которымъ говорили рѣчи и подносили подарки участвовавшія въ банкетѣ лица.

---

[17]) Соч. Державина, изд. Грота, V, 503.

[18]) Гротъ, соч. Держ. VIII, 297.

[19]) Ходневъ, Исторія И. В. Э. Общ. Спб. 1865, стр. 642.

[20]) 2 Декабря 1770 (t. 66, № 6020).

[21]) 12 Января 1771 (т. 67, № 6068).

[22]) Description d'une mascarade donnée à St.-Pg. au Palais d'hiver lors du séjour du prince Henry de Prusse en cette capitale. L'original est de la propre main de l'impératrice Catherine. Напечатано въ прибавленіи къ Камеръ-Фурьерскому Журналу о бытности въ Россіи е. к. в. принца Прусскаго Генриха.

Одновременно съ перепискою Екатерины съ Вольтеромъ шла переписка съ нимъ и Шувалова, хотя Вольтеръ и жаловался Екатеринѣ, что Шуваловъ не отвѣчаетъ на его письма [23]). Въ 1771 году онъ исполнилъ литературное порученіе Императрицы къ Вольтеру.

Для объясненія его нужно припомнить обстоятельства, предшествовавшія первому раздѣлу Польши. Занятіе Русскими войсками Бара и Кракова разрушало надежды конфедератовъ; помощь Франціи, которая желала возвращенія своего утраченнаго въ Польшѣ (послѣ паденія Станислава Лещинскаго) вліянія, оказывалась недостаточною. Конфедераты ожидали поддержки отъ Турціи. Сила нашего оружія, занятаго одновременно за Дунаемъ и Вислой, на Средиземномъ морѣ и въ Крыму, могла доставить Россіи новыя выгоды и пріобрѣтенія со стороны Турціи и положить конецъ междоусобіямъ въ Польшѣ; но для полнаго успѣха необходимо было невмѣшательство Австріи, а между тѣмъ Вѣнскій кабинетъ подъ рукою ободрялъ Турцію въ войнѣ съ Россіею. Дипломатическіе переговоры подвигали дѣло медленно. Въ это время, 13 Ноября 1771 г., произошло покушеніе Пулавскаго на жизнь Станислава Понятовскаго, и Екатерина, вѣрившая въ силу общественнаго мнѣнія и желавшая, опираясь на него, заставить Іосифа положительно высказаться въ отношеніи къ Польшѣ и къ Турціи, рѣшилась обратиться для этого къ Вольтеру. Ему предложенъ былъ Шуваловымъ вопросъ: не найдется ли въ числѣ служителей Парнасса, справедливо почитающихъ его своимъ патріархомъ, молодаго, начинающаго писателя, который съумѣлъ бы написать газетную статью о нижеслѣдующихъ предметахъ, продиктованныхъ Шувалову самою Государыней.

1. Ужасное покушеніе на короля Станислава.

2. Напомнить Римскому императору, что Оттоманы два раза осаждали Вѣну.

3. Можно ли допускать Турецкіе гарнизоны въ Польскихъ городахъ?

4. Сказать о гнусномъ и безчеловѣчномъ обращеніи Оттоманской Порты съ посольствами другихъ державъ, и привести тому нѣсколько примѣровъ.

5. Выставить на видъ, какъ удивился бы Янъ Собіескій при мысли, что соотечественники его въ союзѣ съ Турками.

6. Нелѣпые крестовые походы продолжались нѣкогда свыше столѣтія. Отчего бы теперь не состояться мудрому соглашенію двухъ или трехъ коронованныхъ главъ?

---

[23]) Сборн. Ист. Общ. X, 402, 406 и 411. Также письмо 10 Марта 1770, Beuchot, l. 66, № 5794).

Въ награду за эту болтовню, которая однако должна была остаться безъименною, назначено было 1000 червонцевъ. Вольтеръ немедленно отыскалъ нужнаго писателя. Для этого ему стоило только взять себѣ тысячу червонцевъ и помокать перо въ чернильницу, самъ онъ признается [24]).

Заказанная статья явилась подъ заманчивымъ заглавіемъ «le Tocsin des Rois» (Набатъ Королей).

Сличая програму, данную Екатериною, со статьею Вольтера, нельзя не убѣдиться, что все въ ней писано со словъ закащицы, и не только удержанъ порядокъ изложенія, но встрѣчаются и выраженія, вполнѣ принадлежащія Екатеринѣ.

Тѣмъ временемъ продолжалось и Французское стихотворство Шувалова.

Въ 1773 году Екатерина придумала завести въ Ермитажѣ письменную забаву, къ которой изъ молодыхъ людей приглашались только два графа Румянцовы, Николай и Сергѣй Петровичи. Дворъ и городъ не оставили этого обстоятельства безъ замѣчанія, и графъ Шуваловъ, который, можетъ быть, шелъ въ своихъ заключеніяхъ далѣе, нежели прочіе, писалъ графу Сергѣю Французскіе стихи. Поводомъ къ тому было то, что въ стихахъ, которые графъ Сергѣй Румянцовъ самъ сочинялъ, было много мизантропическаго. Стихи эти, графомъ Румянцовымъ писанные по-французски, были кѣмъ-то переведены на Русскій, подъ заглавіемъ «Духовный Сумароковъ». Левекъ, сочинитель Русской Исторіи, былъ тѣмъ такъ обманутъ, что переложилъ эти стихи прозою, не знавъ отнюдь, что они сочинены графомъ Румянцовымъ. [25])

Румянцовъ обѣщалъ даже сдѣлаться соперникомъ Шувалова во Французскомъ стихотворствѣ. Когда онъ посѣтилъ Вольтера, то сей послѣдній сообщалъ Даламберу [26]): «Un fils du comte de Romanzof vient de faire des vers français, dont quelques-uns sont encore plus étonnants que ceux du comte de Chouvaloff. C'est un dialogue entre Dieu et le révérend père Hayer, auteur du journal chrétien. Dieu lui recommande la tolérance. Hayer lui répond:

Ciel, que viens-je d'entendre! ah! ah! je le vois bien,
Que vous-même, Seigneur, vous ne valez plus rien.

Tout n'est pas de cette force, прибавляетъ Вольтеръ.

---

[24]) Письмо Шувалова 20 Ноября 1771 и отвѣтъ Вольтера 25 Декабря въ Русс. Архивѣ 1864 г., вып. 1, стр. 34—41.

[25]) Автобіографія графа С. П. Румянцова, Русскій Архивъ 1869 г. стр. 843.

[26]) Письмо 29 Октября 1774 г. (по изд. Бешо, т. 69, № 6788). Ср. письма его къ д'Аржанталю 24 Октября (№ 6785) и къ Верну 28 Октября (№ 6787).

Къ этому же (1773) году относится и стихотвореніе Шувалова, стяжавшее ему громкую извѣстность. Это было Épître à Ninon de Lenclos. Стихотвореніе это приписывали самому Вольтеру.

Получивъ это посланіе, Вольтеръ, 15 Октября 1773 г., писалъ графу Шувалову [27]):

L'amour, Épicure, Apollon,
Ont dicté vos vers que j'adore;
Mes yeux ont vu mourir Ninon,
Mais Chapelle respire encore [28]).

«Не могу надивиться тому, какъ Шапель усовершенствовалъ свой слогъ въ Петербургѣ. Нѣкоторые Французы спрашиваютъ меня, зачѣмъ я стою за Русскихъ противъ Турокъ. Я имъ отвѣчаю, что когда у Турокъ будетъ такая Императрица, какъ Екатерина II-я, и у Порты Оттоманской такіе камергеры какъ графъ Шуваловъ, то я сдѣлаюсь Туркомъ; но я долженъ быть на сторонѣ людей Греческой вѣры, коль скоро вы пишете стихи какъ Ѳеокритъ. Въ вашемъ посланіи такая философія, какой не встрѣтишь ни у Ѳеокрита, ни у кого изъ древнихъ Греческихъ поэтовъ.

Profitez de votre printems,
Chantez, baisez votre bergère,
Faites des vers et des enfants".

Вольтеру пришлось настойчиво отказываться отъ участія въ сочиненіи этого посланія, и нельзя не признать, что Шуваловъ чрезвычайно вѣрно схватилъ въ немъ манеру и легкость Вольтерова стиха.

Вотъ тѣ строки этаго посланія, въ которыхъ онъ говоритъ о своемъ учителѣ:

C'est ainsi qu' à Ferney j'ai vu ton légataire,
Socrate le matin, et le soir Sainte-Aulaire,
N'offrir à nos regards qu'un mortel enchanteur,
Qui tour à tour sait peindre et goûter le bonheur.
Un ton délicieux, la légère saillie,
Amoncelaient des fleurs sur l' hiver de sa vie.
Quel convive jamais put s'égaler à lui?
Entouré des beaux-arts, dont il fut seul l'appui,
Il penche sur leur sein sa tête octogénaire;
Sa Muse, en cheveux gris, paraît toujours légère....

---

[27]) По изд. Бешо, т. 68, № 6628.

[28]) Это четверостишіе появилось въ Almanach des Muses 1779, p. 26. Амуръ, Эпикуръ, Аполонъ продиктовали вамъ ваши стихи, которыми я восхищаюсь. Глаза мои видѣли умирающую Нинону; но Шапель еще не умеръ (Шапель—воспѣватель Нинοны).

Посланіе къ Нинонѣ имѣло два изданія:

Épître à Ninon de Lenclos en vers alexandrins et réponse à m-r de V ***, publié par m-r Asinoff, ancien pasteur d'Oldenbourg (Jean Henri Marchand). Genève 1774, 24 p. in 8°.

Épître à Ninon l'Enclos par m-r le comte de Schouvalow, chambellan de l'Impératrice de Russie et président de la législation. Nouvelle édition. 6 pag. in 8° (avec un Billet de m-r de Voltaire pag. 6—7).

Эти первоначальныя изданія посланія ненаходимы. Желающіе прочесть его найдутъ его въ Correspondance de Grimm et de Diderot (VIII, 292) и въ Encyclopédie poétique de Capelle (Paris. 1819, in 24); а напечатанный при немъ Billet de m-r de Vollaire, въ изд. Бешо (т. 68, № 6715).

Дора (Dorat) отвѣчалъ Шувалову отъ имени Ниноны (Ninon à un comte russe [29]); но сами Французы сознаются, что это произведеніе ниже и слабѣе стиховъ Шувалова [30]).

Одинъ изъ Русскихъ послѣдователей Шувалова во Французскомъ стихотворствѣ князь Бѣлосельскій выражается такъ:

....Pour m'encourager dans de hardis essais,
N'ai-je pas devant moi l'exemple du succès?
Utile à son pays, agréable à la France,
De Chaulieu Schowalof a retrouvé le ton;
Et les Muses, pour lui pleines de complaisance,
Ont pris pour l'inspirer les grâces de Ninon.

(Poésies françaises d'un prince étranger. Paris 1789, p. 16).

Случай далъ графу А. П. Шувалову возможность испытать свои силы и на другомъ поприщѣ, но испытаніе оказалось не въ его пользу.

V.

Въ то время когда Французы убѣждались въ превосходствѣ стихотвореній Шувалова, Турки убѣдились въ превосходствѣ Русскаго оружія. Первая Турецкая война кончилась. Императрица переѣхала въ Москву праздновать заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго договора и пробыла въ Москвѣ весь 1775 годъ. Тамъ же находился и графъ Шуваловъ.

Лѣтомъ этого года, Шведскій король Густавъ III посѣтилъ Финляндію, почти до самыхъ границъ Россіи. Оттуда онъ отправилъ шталмейстера генерала графа Левенгаупта привѣтствовать Екатерину. Пребываніе графа Левенгаупта въ Москвѣ было непродолжительно. 7 Іюня

[29]) Oeuvres de Dorat, 1775, t. XIII, 97.
[30]) Bachaumont, Mémoires, VII, 175 и 177; Laharpe, Correspondance, litt. I 57.

ему дана была первая аудіенція, а 14 тогоже мѣсяца,—отпускная [1].

Необходимо было послать кого-либо въ Швецію, въ отвѣтъ на эту любезность. Выборъ палъ на графа Шувалова, занимавшаго по чину и придворной службѣ равное съ Левенгауптомъ мѣсто [2].

Хотя Шуваловъ имѣлъ намѣреніе вернуться чрезъ Копенгагенъ, Берлинъ и Варшаву, но возвращеніе его было ускорено. Въ началѣ Сентября онъ уже пріѣхалъ въ Москву, и Австрійскій повѣренный въ дѣлахъ Зеддлеръ [3]), доносилъ, что графъ Шуваловъ очень доволенъ пріемомъ, который ему оказали въ Стокгольмѣ и сообразно тому отзывался о Шведскомъ дворѣ и тамошней знати.

На дѣлѣ было, однако, совершенно противное. Графъ Шуваловъ былъ холодно принятъ въ Стокгольмѣ, и объясненія данныя по этому поводу тамошнимъ кабинетомъ было признано нужнымъ даже заслушать въ Совѣтѣ Императрицы [4]). Екатерина была этимъ недовольна, такъ что, предваряя вице-канцлера графа Остермана о придворномъ обѣдѣ, на который приглашены были иностранные министры, сообщала ему [5]), что Шведскій посланникъ, баронъ Нолькенъ «sera de la partie, et vous ne manquerez pas de lui dire que comme je méprise les petitesses, je n'use point de représailles vis-à-vis de lui en égard à l'indécente réception que le comte Chouvalow a essayé en Suède; mais que dès que le roi de Suède aura envie de se frotter à la Russie, il pourra être sûr que je ne negligerai pas la partie de mon côté, et vous pouvez écrire à Simolin [6]) que si les froideurs et les impertinences suédoises continuent envers lui, je lui permets de venir faire cet hiver un tour à Pétersbourg".

Этотъ высокій тонъ оказался излишнимъ. Самъ Шуваловъ былъ виноватъ въ пріемѣ, который ему сдѣлали въ Стокгольмѣ. Въ обращеніи своемъ онъ былъ слишкомъ рѣзокъ, какъ это видно по неизданнымъ депешамъ Зедделера къ Кауницу.

Замѣнившій Дюрана, Французскій посланникъ Жюинье (Juigné) доносилъ 15 Января 1776 г., что „c'est avec toute apparence de raison que la Suède avait pris quelques alarmes des mouvements qui se sont faits dans les ports russes de la Mer Baltique, le mouvement aux

---

[1]) Кам. Фур. Журн. 1775 г. Спб. 1878, стр. 349 и 368.

[2]) Неизданная депеша Французскаго посланника Дюрана къ графу Верженю изъ Москвы, 29 Іюня 1775 г.

[3]) Неизданная депеша къ князю Кауницу изъ Москвы, отъ 21 Сентября 1775.

[4]) Засѣданія 31 Августа и 12 Ноября (Архивъ Госуд. Совѣта. Спб. 1869. ч. I. т. I. стр. 318 и 323—324).

[5]) Сборн. И. Общ. т. XV, стр. 608, обѣдъ происходилъ 7 Сентября. См. Кам. Фур. Жур. этого числа.

[6]) Русскій посланникъ въ Швеціи.

galères ne pouvait avoir d'autre objet; mais dans ce moment-ci tout est calmé. Catherine ne donne aucune suite aux demonstrations qui l'avaient inquiété; il paraît qu'elle a reconnu tous les torts du c-te Chouvalow, et elle traite le baron de Nolcken avec un peu plus d'attention».

VI.

Указомъ 15 Ноября 1776 г. гр. Шуваловъ уволенъ былъ въ чужіе края [1]), на два года, но вернулся оттуда только въ концѣ 1781 года, проведя большую часть этого времени въ Парижѣ, гдѣ онъ смѣнилъ, такъ сказать, своего дядю И. И. Шувалова, прожившаго въ Парижѣ съ начала 1774 года по Августъ 1777 годъ [2]).

И. И. Шуваловъ посѣщалъ общество г-жи дю-Деффанъ, гостинная которой была однимъ изъ сборныхъ мѣстъ для представителей литературы и иностранцевъ. Тамъ онъ познакомился съ Гораціемъ Вальполемъ, въ перепискѣ съ которымъ г-жа дю-Деффанъ вспоминаетъ объ И. И. Шуваловѣ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ она сообщаетъ даже Вальполю, что когда Шуваловъ вернулся въ Петербургъ, онъ былъ обласканъ Екатериною, которая, между прочимъ, сказала ему за чаемъ: «я желаю чтобы вы были со мною à votre aise, какъ вы были у г-жи дю-Деффанъ».

Изъ его жизни въ Парижѣ приводимъ слѣдующій анекдотъ. Однажды, когда зашла при немъ рѣчь о чемъ-то, касающемся Россіи, одинъ изъ присутствовавшихъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Разскажите намъ это, г. Шуваловъ; вы должны это знать: вѣдь вы были въ Россіи Помпадуромъ».

Въ бытность графа А. П. Шувалова въ Парижѣ тамъ собралась цѣлая Русская колонія.

Одинъ изъ этихъ Русскихъ, Фонъ-Визинъ, такъ разсказываетъ первыя впечатлѣнія тогдашней Парижской жизни [3]):

«Мы съ женою пріѣхали въ Парижъ 20 Февраля 1778. На другой день послалъ я къ секретарю нашего министра (П. А. Обрѣзкову), чтобъ онъ ко мнѣ пришелъ. Вмѣсто секретаря князь И. С. Барятинскій самъ прискакалъ ко мнѣ верхомъ и обошелся со мною, какъ съ роднымъ братомъ. Онъ меня взялъ съ собою и повезъ къ гр. Е. П. Шуваловой, гр. А. С. Строгонову, графу К. Г. Разумовскому и къ другимъ Рус-

---

[1]) Спб. Вѣд. 1777 № 3, Генварь 10.—Въ 1779 году 10 Іюля отпускъ продолженъ еще на одинъ годъ. Свѣдѣніе изъ Арх. Сената.

[2]) И. И. Шуваловъ вернулся въ Петербургъ 17 Сентября 1777 (Спб. Вѣд. 1777 № 75, 19 Сентября.)

[3]) Сочиненія. 433 и 440

скимъ. Жена не ѣздила, для того что устала; но послѣ обѣда гр. Шувалова сама пріѣхала къ женѣ моей и, посидѣвъ до спектакля, увезла меня съ собой. На другой день пріѣхали къ женѣ Е. П. Строгонова, [4]) также не дождавшись нашего перваго визита. Чрезъ сіе хотѣла она намъ показать, что желаетъ обходиться съ нами безъ всякихъ чиновъ. И дѣйствительно, мы всѣ видимся всякій день. Русскихъ здѣсь множество, и всѣ живутъ какъ одна семья; но образъ жизни ни мнѣ, ни женѣ моей не нравится. Никакого въ распоряженіи времени порядка нѣтъ; день дѣлаютъ ночью, а ночь днемъ. Игра и le beau sexe занимаютъ каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое имѣніе и здоровье, тотъ называется здѣсь философъ. Изъ Русскихъ здѣсь, смѣло скажу, только два философа. Чтобъ дать идею, какъ живутъ здѣсь всѣ вообще чужестранцы, разскажу тебѣ всѣ часы дня, какъ они его проводятъ. По утру, вставъ очень поздно, мущина надѣваетъ фракъ съ камзоломъ или, справедливѣе сказать, съ душегрѣйкою весьма неблагопристойною. Весь растрепанъ, побѣжитъ въ Палерояль, гдѣ нашедъ цѣлую пропасть дѣвокъ, возметъ одну или нѣсколько съ собою домой обѣдать. Сіе непотребное сонмище поведетъ съ собою въ спектакль на свои деньги, а изъ спектакля возметъ съ собою свою дѣвку и теряетъ свои деньги съ здоровьемъ невозвратно. Такъ здѣсь живутъ не только холостые, но почти всѣ женатые; а разница въ томъ, что женатые нанимаютъ особенные дома для своихъ шалостей. Чтó же надлежитъ до дамъ, то наши Русскія знаются между собою, но сіе могли бы онѣ дѣлать точнехонько и въ Россіи, слѣдственно Парижъ тутъ не входитъ ни во что. Буде же знаться съ Француженками, то по короткому пребыванію не стоитъ и заводить съ ними знакомства, да Французскія дамы притомъ и горды. Шувалова ѣздитъ ко многимъ, а къ ней никто; слѣдственно такое знакомство не всякому пріятно. Изъ этого заключить можно, что для чужестранныхъ нѣтъ никакого здѣсь société».

Графъ Шуваловъ, кажется, слѣдовалъ этому же образу жизни. По крайней мѣрѣ на память потомству сохранилось указаніе объ интимныхъ его отношеніяхъ къ оперной актрисѣ Asselin.

Мнѣніе Фонъ-Визина о томъ что не стоитъ и заводить знакомства съ Французскими дамами, также оправдалось по отношенію къ Шуваловымъ. По примѣру дяди, они посѣщали г-жу дю-Деффанъ, и вотъ ея отзывы о нихъ въ письмахъ къ Вальполю:

8 Марта 1778. Здѣсь у насъ теперь графиня и графъ Шуваловы,

[4]) Вторая жена графа А. С. Строгонова, урожденная кн. Трубецкая.

племянникъ и племянница того Шувалова, котораго вы знаете. Племянница лѣнива и несносна, племянникъ нѣчто въ родѣ bel esprit.

«28 Іюля 1778. Я сейчасъ намѣреваюсь совершить самое глупое дѣло: ѣду ужинать на дачу къ Караманамъ; отправляюсь туда съ гр. Шуваловою, и можетъ быть и съ ея мужемъ, самыми несносными и скучными личностями».

«20 Сентября 1778. Здѣсь у насъ теперь племянникъ И. И. Шувалова, онъ очень богатъ, очень некрасивъ, bel esprit и нимало не любезенъ; жена его очень вѣжлива, очень болѣзненна и очень скучна».

«18 Сентября 1779. Каждый день появляются новыя похвальныя слова Вольтеру; графъ Шуваловъ, который живетъ здѣсь со времени отъѣзда его дяди, написалъ таковыхъ два; нѣтъ замарашки-поэта, который не желалъ бы прославиться, ихъ сочиняя».

Необходимо замѣтить, впрочемъ, что г-жа дю-Деффанъ не сочувствовала Екатеринѣ и эту нелюбовь могла переносить и на лицъ, къ ней приближенныхъ. Отзывъ ея о графинѣ Шуваловой противорѣчитъ свидѣтельству другихъ современниковъ, напримѣръ графа Сегюра [5]), по словамъ котораго нельзя было покинуть, безъ сожалѣнія, умныя бесѣды графини Шуваловой.

Въ эту бытность свою въ Парижѣ гр. Шуваловъ могъ еще разъ видѣть Вольтера, пріѣзжавшаго туда насладиться послѣднимъ тріумфомъ и умереть († 30 Мая 1778). Французская Академія предложила задачу написать стихами похвальное ему слово. Конкурсъ этотъ далъ поводъ приписать гр. Шувалову стихотвореніе, принадлежащее Лагарпу. Между стихотвореніями, представленными на конкурсъ, оказался диѳирамбъ на смерть Вольтера, который обратилъ на себя вниманіе Академіи, и который, несмотря на странность этой формы, имѣлъ такія достоинства, что академики полагали присудить ему премію. Разнесся слухъ, что авторъ этого стихотворенія гр. Шуваловъ, хотя, какъ замѣчаетъ Башомонъ [6]), «не сомнѣвались, что подъ рукою Лагарпъ выбѣлилъ графу грязное его бѣлье». Слухи эти были распускаемы самимъ Лагарпомъ, но гр. Шуваловъ не захотѣлъ быть подставнымъ лицомъ и рѣшительно отвергъ свои авторскія права на это произведеніе. Тогда Лагарпъ написалъ въ Академію письмо, что авторъ этого увѣнчаннаго стихотворенія имѣлъ причины отказатьсь отъ преміи, что̀ вполнѣ было согласно съ уставомъ, запрещающимъ членамъ Академіи

---

[5]) Mémoires, Paris, 1827. II, 250.

[6]) 5 Августа 1779.

участвовать въ академическихъ конкурсахъ. Затѣмъ медаль присуждена была слѣдующему по достоинству стихотворенію [7]).

Слухи эти дошли и до Петербурга, и въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1779 г. означенный диѳирамбъ приписанъ графу Шувалову.

Чтобы окончательно отвлечь отъ себя подозрѣніе въ сочиненіи его, гр. Шуваловъ обнародовалъ свою «Épître à Voltaire», послужившую поводомъ къ стихотворной перепискѣ. На это посланіе отвѣчали графу Шувалову Дора̀ и Парни [8]). Въ свою очередь, первому изъ нихъ отвѣчалъ, въ стихахъ же, графъ Шуваловъ (Réponse au billet de m-r Dorat. Mercure de France 1779, octobre, p. 100).

Тѣмъ не менѣе диѳирамбъ Лагарпа, какъ признанный лучшимъ изъ всѣхъ стихотвореній, былъ прочитанъ въ засѣданіи Академіи. Графъ Шуваловъ присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, предъ которымъ Лагарпъ внушилъ нѣсколькимъ молодымъ литераторамъ, что, при его появленіи, слѣдуетъ встрѣтить его громкими рукоплесканіями, дабы Шуваловъ «могъ пройти чрезъ залу съ сердцемъ, исполненнымъ радости и съ почтительно-согнутою спиною». Все это не удалось: графъ Шуваловъ явился въ засѣданіе, никто не обратилъ на него вниманія, затѣмъ появилось его стихотвореніе и также не произвело никакого впечатлѣнія [9]).

11 Іюня 1778 г. въ первый разъ представлена была на Парижскомъ театрѣ трагедія Лагарпа «Бармесиды», не имѣвшая успѣха, не смотря на рукоплесканія приверженцевъ автора, и въ томъ числѣ и графа Андрея Петровича.

Послѣ представленія, разсказываетъ Башомонъ [10]), подойдя къ актеру Лариву, исполнявшему роль Аарона, который произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе въ пятомъ актѣ и удержалъ этимъ трагедію отъ окончательнаго паденія, Лагарпъ обнялъ его, говоря, что онъ обязанъ ему своимъ тріумфомъ. Но эта притворная радость была не искренна: Лагарпъ внутренно страдалъ, послѣдствіемъ чего оказалась сильная діарея. При второмъ представленіи, онъ увидѣлъ, что въ театрѣ было очень мало публики: это зрѣлище стѣснило ему сердце, онъ не выдержалъ и ушелъ. Впрочемъ, такъ какъ публика состояла изъ его поклонниковъ и изъ наемниковъ, то въ рукоплесканіяхъ не было недостатка. Этихъ посѣтителей прозвали «les pères du désert.»

Каждый разъ, когда выручка за представленія не достигала 800

---

[7]) Bachaumont 16 Іюля, 5 и 25 Августа 1779 г. Correspondance de Grimm et de Diderot X, 207.

[8]) Laharpe, Correspondance.

[9]) Correspondance secrète littéraire № 38, 11 septembre 1779.

[10]) Mémoires, XII, 41, 72, 97.

ливровъ, что̀ грозило прекращеніемъ дальнѣйшихъ представленій, графъ Шуваловъ, для предотвращенія этого, выплачивалъ недостающую сумму. Самъ Лагарпъ долженъ былъ снять свою пьесу со сцены послѣ одиннадцати представленій. Онъ напечаталъ ее съ значительными измѣненіями, посвятивъ ее графу Шувалову.

Императрица такъ выразилась о дружбѣ Шувалова съ Лагарпомъ. Я *не довольна* тѣмъ, что le père du dèsert такъ упорно пристрастился къ Лагарпу, и я очень *довольна*, что, несмотря на его хлопаніе, Бармесиды провалились. Это научитъ его превосходительство сдѣлаться умнѣе, если онъ можетъ этимъ сдѣлаться» [11]).

Съ 1774 года началась литературная корреспонденція Лагарпа съ В. К. Павломъ Петровичемъ, который и назначилъ ему пенсію. Кажется, Лагарпъ былъ рекомендованъ Великому Князю Шуваловымъ [12]) Онъ сообщалъ въ этихъ письмахъ всѣ литературныя новости съ 1774 по 1791 годъ. Корреспонденція эта, изданная хотя не вполнѣ (подлинники ея находятся въ библіотекѣ дворца въ Павловскѣ) самимъ Лагарпомъ, навлекла на него много неудовольствій за пристрастные и несправедливые отзывы о многихъ изъ Французскихъ писателей.

Въ 1778—1779 годахъ Лагарпъ собирался даже пріѣхать въ Россію, но по слухамъ это намѣреніе было отклонено, какъ неодобренное Екатериною [13]). Сама же Екатерина писала Гримму, что въ слухѣ о путешествіи Лагарпа нѣтъ ни слова правды и что онъ самъ напечаталъ объ этомъ извѣстіе въ Гамбургскихъ газетахъ. Не только не желаютъ его пріѣзда сюда, прибавляла Екатерина, но имъ такъ тяготятся, что жалѣютъ и деньги, уплачиваемыя за его корреспонденціи и пенсію, которую ему назначили нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ стихотворной переписки. Шуваловъ почти исключительно любилъ этотъ родъ поэзіи. Вотъ отрывокъ изъ его посланія къ Лагарпу, упрекавшему его въ томъ, что онъ лѣнивъ писать [14]).

D'une Muse hyperboréenne
Pouvez-vous aimer les accens?
Ni laborieuse, ni vaine,
Près de l'onde Castalienne
Elle cherche un doux passe-tems;
Mais, c'est sur les bords de la Seine,
Qu'on voit régner les grands talens.

---

[11]) Письмо къ Гримму 30 Ноября 1778. Сб. Ист. Общ. XXIII, 113.
[12]) Письмо Вольтера къ Екатеринѣ отъ 10 Декабря 1774 (Beuchot, 69, № 6819.)
[13]) Correspondance de Labarpe II, 269 и Thiébault. Mes souvenirs. Paris 1814, III 347.
[14]) Correspondance II, 394.

Перечисливъ за тѣмъ нѣсколькихъ Французскихъ поэтовъ, Шуваловъ заключаетъ свое посланіе просьбою:

Ainsi laissez ma Muse en paix
Cacher quelques faibles attraits
Ou bien fôlatrer en cachette.

Получивъ другое посланіе Шувалова, Лагарпъ отвѣчалъ ему:

Vous avez, sur un noble ton,
Chanté l'astre de notre Europe [15]).
Et jusqu'à mon humble horizon
Vous baissez votre télescope,

и повторяетъ мысль, служившую постоянною темою для Вольтера при его восхваленіи Русскихъ:

Quand Pierre vint dans cet empire
Du fond de vos climats glacés
A peine en saviez-vous assez,
Pour nous connaître et pour nous lire
Et déjà vous nous surpassez.

Наконецъ, есть еще третье посланіе Лагарпа къ Шувалову. Въ засѣданіи Французской Академіи 28 Мая 1782 г. въ присутствіи Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, читана была Лагарпомъ его Épître à m-r le c-te Chouvaloff sur la poésie descriptive.

Посланіе это переведено и на Русскій языкъ: «Посланіе Лагарпа къ графу А. П. Шувалову о дѣйствіяхъ сельской природы и о поэзіи описательной, съ присовокупленіемъ разсужденій о семъ родѣ поэзіи, изъ сочиненій Сенъ-Ламберта, съ Французскаго, М. 1817 (8° V +36 стр.).

Къ Сенъ-Ламберту Шуваловъ также написалъ посланіе (Mercure de France 1775, avril., p. 5), но это стихотвореніе очень длинно и неудачно. Оно принадлежитъ къ описательному роду поэзіи, и авторъ изображаетъ въ немъ видъ на Финскій заливъ со своей приморской дачи.

Напротивъ того, посланіе его къ Парни ни въ чемъ не уступаетъ произведеніямъ сего послѣдняго. Вотъ оно:

Un ton facile, un abandon aimable
Sont le cachet de vos charmants écrits,
Et quand le goût s'est perdu dans Paris,
Que vous êtes recommandable
D'avoir du naturel et d'en sentir le prix!
D'autres feignent d'aimer: vous chantez votre flamme,
Votre vers amoureux est l'accent de votre âme;
L'art n'égalera pas la sensibilité.

---

[15]) Т.-е. Вольтера.

Racontant le plaisir que le coeur a goûté,
Vous en marquez toutes les circonstances,
Et ces détails attachent vos lecteurs.
Savourez de Parny les plus douces faveur
Et faites nous toujours vos confidences.

Парни отвѣчалъ на это:

De la science et des beaux arts
Juge délicat et sincère,
Quoi! sur ma Muse un peu légère
Vous tournez aussi vos regards?
Quoi! l'heureux disciple d'Horace,
Que l'on vit avec tant de grâce
Écrire à l'aimable Ninon,
Se plait aux regards de ma lyre
Et prend même pour me le dire
Le doux langage d'Apollon!

Имѣются также посланія Шувалова къ г-жѣ Дени [16]) и Vers sur l'Impératrice de Russie, которыми Шуваловъ и заключилъ въ 1782 году (Mercure de France 1782, mars, p. 175) свою стихотворную дѣятельность.

Изъ этого же времени приведемъ еще небольшое стихотвореніе Шувалова «Maxime à retenir, написанное въ Маѣ 1781 года по случаю выхода изъ министерства Неккера и не лишенное остроумія.

Sous Louis Quinze, on vit l'abbé Terray,
Vil scélérat, justement abhorré,
Le bras armé de la toute-puissance,
Tromper son maître et dévorer la France.
Jusque au bout d'un règne désastreux
Il fut en charge, et fit des malheureux.
Sous Louis Seize, on trouve un honnête homme
Que l'on chérit, que l'Europe renomme,
Qui, sans fouler les peuples écrasés,
Remplit au roi les coffres épuisés,
Qui des traitans fuit les secours perfides
Et sans impôt sait trouver des subsides;
Eh bien! mon homme est soudain terrassé!
L'Enfer agit, l'Olympe est courroucé;
La fermeté se nomme encore audace.
Faites le bien, et vous serez chassé;
Faites le mal,—vous resterez en place.

Наконецъ приведемъ экспромтъ Шувалова Н. К. Загряжской, замѣчательный по граціозности стиха:

---

[16]) Письмо Ваньера къ графу Воронцову 1780 г. (Архивъ Кн. Воронцова V, 463).

Cet invincible amour que je porte en mon sein,
Dont je ne parle pas, mais que tout vous atteste,
Est un sentiment pur, une flamme céléste,
Que je nourris, hélas, mais c'est en vain.
De la séduction je ne suis pas l'apôtre:
Je serai fortuné possédant vos appas,
Je vivrai malheureux, si vous ne m'aimez pas,
Je mourrai de douleur, si vous aimez un autre.

Французскіе біографы Шувалова сообщаютъ, что онъ находился въ сношеніяхъ и въ перепискѣ съ Мармонтелемъ, Шанфоромъ, Левекомъ и Гельвеціемъ. Чтó касается до сего послѣдняго, то это очевидная ошибка. Съ Гельвеціемъ, умершимъ въ 1771 году, велъ переписку И. И. Шуваловъ [17]).

Въ 1781 году пріѣхала въ Парижъ княгиня Е. Р. Дашкова. Она встрѣтила своихъ знакомыхъ, графа И. П. Салтыкова съ женою, А. Н. Самойлова племянника Потемкину, И. И. Мелиссино съ женою и графа Шувалова. Сей послѣдній, говоритъ она, жилъ уже два года въ Парижѣ; но, быть можетъ, онъ пользовался бы тамъ бóльшимъ уваженіемъ, еслибы пребываніе его было не такъ продолжительно и не дало возможности узнать его ближе.

Праздная жизнь, которую Русскіе вели въ Парижѣ, давала много времени и праздной болтовнѣ. Княгиня Дашкова подверглась послѣдствіямъ этой болтовни. Самойловъ и Мелиссино передали ей, что князь Орловъ и графъ Шуваловъ распускали слухъ, будто она особенно тщательно воспитываетъ своего сына въ надеждѣ видѣть его, впослѣдствіи, фаворитомъ. Опасаясь, вѣроятно, этого, Шуваловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, успѣлъ вселить въ тогдашнемъ любимцѣ, А. Д. Ланскомъ, нерасположеніе къ княгинѣ Дашковой и ея сыну [18]).

Въ бытность Шувалова въ Парижѣ знаменитый Грёзъ написалъ портреты его и его жены.

Возвращаясь изъ Парижа, Шуваловъ, вмѣстѣ съ Лагарпомъ [19]), отправились въ 1782 году въ Монбельяръ, къ родителямъ Великой Княгини Маріи Θеодоровны.

Проѣздомъ черезъ Фульду, Шуваловъ познакомился съ докторомъ Вейкартомъ, который и получилъ, чрезъ этого (какъ онъ выражается) «извѣстнаго своимъ остроуміемъ, Французскими стихотвореніями и причудами графа», приглашеніе пріѣхать въ Россію. Вейкартъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ Мартѣ 1784 года, былъ Шуваловымъ представленъ

---

[17]) Біографія И. И. Шувалова, Бартенева, М. 1857 г. М. стр. 35.
[18]) Mémoires 1, 228, 232 и 313.
[19]) Correspondance III, 250.

Императрицѣ и во все время пребыванія своего въ Россіи пользовался его покровительствомъ.

Графъ Шуваловъ останавливался на нѣкоторое время въ Берлинѣ, гдѣ встрѣтился съ профессоромъ Тьебо, и заговорилъ съ нимъ однажды объ «Одѣ на мореплаваніе» Лагарпа, доставившей ему, незадолго предъ тѣмъ, академическую премію. «Не знаю, какъ нашла на меня разсѣянность, но я въ ту минуту забылъ, что графъ былъ очень обязанъ автору этой оды, который исправлялъ и отдѣлывалъ всѣ стихи посланія его къ Нинонѣ. Объ одѣ Лагарпа я отозвался не слишкомъ осторожно: высказалъ удивленіе, что авторъ не написалъ ея лучше, говорилъ что въ ней есть строфы далеко ниже посредственныхъ, а хорошихъ даже очень мало; что въ цѣломъ ода холодна и безжизненна и что это сочиненіе, одно изъ самыхъ неудачныхъ, какія выходили изъ-подъ пера Лагарпа, доказываетъ отсутствіе въ немъ дарованія для произведеній подобнаго рода. На другой день послѣ этого разговора, князь В. С. Долгорукій, Русскій посланникъ въ Берлинѣ, сказалъ мнѣ со смѣхомъ: «Вы вчера погубили себя; прежде графъ Шуваловъ питалъ къ вамъ нѣжную страсть: онъ особенно любилъ и уважалъ васъ, и никѣмъ, можетъ быть, не былъ такъ очарованъ какъ вами; но ваша строгость къ Лагарпу все убила:—вы человѣкъ пропащій».

Спада въ своихъ «Éphémérides Russes» [20]), приводя краткую біографію гр. Шувалова, упоминаетъ, что онъ былъ въ сношеніяхъ и съ Нѣмецкими учеными: Кенигомъ, Циммерманомъ, Палласомъ и Винкельманомъ. Что̀ касается первыхъ трехъ, то мы не могли провѣрить это свѣдѣніе; относительно же Винкельмана позволительно выразить сомнѣніе: онъ умеръ въ 1768 году, проживъ до того времени почти безотлучно въ Италіи и, если могъ быть въ сношеніяхъ, то только съ И. И. Шуваловымъ.

Карамзинъ, въ Письмахъ Русскаго Путешественника, разсказывая о знакомствѣ своемъ съ Виландомъ въ Веймарѣ, упоминаетъ, что Виландъ сказалъ ему: «Я вижу еще перваго Русскаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего Ш*, остраго человѣка, напитаннаго духомъ этого старика (указываетъ на бюстъ Вольтера). Обыкновенно ваши единоземны стараются подражать Французамъ».

Литературное вліяніе Франціи и связи ея писателей съ Русскими аристократами не̇ могли не остаться безъ вліянія и на усиленіе политическаго значенія Франціи въ Россіи. Англійскій посланникъ Гаррисъ доносилъ 27 Августа 1782 [21]), что, по его пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ нашелъ

[20]) St. P-g. 1816, III, 231.

[21]) Diaries, London 1845, I, 458.

дворъ весьма отличнымъ отъ того описанія, которое ему было сдѣлано. Онъ не только не имѣлъ пристрастія къ Англіи; напротивъ того, всѣ его наклонности были Французскія. Король Прусскій употреблялъ свое вліяніе противу Англичанъ; графъ Панинъ ему могущественно содѣйствовалъ; Ласи и Корберонъ, Французскіе посланники, были люди способные и интриганы; князь Потемкинъ былъ ими обойденъ, и все общество, которое окружало Императрицу, Строгоновы, Шуваловы и Чернышовы, были тѣмъ же, чѣмъ они и остались — garçons perruquiers de Paris.

VII.

Въ концѣ 1781 года, Шуваловъ вернулся въ Петербургъ, и 9 Января 1782 г. за обѣдомъ у Бецкаго только и рѣчи было, что о Парижскихъ модахъ, привезенныхъ графинею Шуваловою (Дневникъ Бобринскаго Р. Архивъ, 1877, стр. 124). По возвращеніи графа Шувалова въ Россію возобновилась его служба и начались очень частыя его награжденія.

28 Іюня 1782 г. онъ назначенъ сенаторомъ и присутствовалъ постоянно въ 1-мъ департаментѣ. По этому званію онъ вмѣстѣ съ сенаторомъ Неплюевымъ осматривалъ присутственныя мѣста Петербургской губерніи [1]).

29 Декабря 1782 г. графъ Шуваловъ назначенъ членомъ Коммиссіи Строеній С.-Петербурга и Москвы.

3 Марта 1783 г. онъ избранъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства Петербургской губерніи. Изъ числа кандидатовъ на эту должность Елагинъ получилъ четыре голоса, князь Потемкинъ восемь и графъ Шуваловъ десять.

15 Февраля 1783 г. его назначили, вмѣстѣ съ кн. А. А. Вяземскимъ, гр. А. Р. Воронцовомъ и Безбородкою, для обсужденія предположеній объ увеличеніи государственныхъ доходовъ.

22 Апрѣля 1783 поручена въ его вѣдомство существовавшая въ Петербургѣ шпалерная мануфактура.

Сверхъ того онъ принималъ участіе въ обсужденіи предположеній о пересылкѣ по почтѣ банковыхъ билетовъ, вмѣстѣ съ Безбородкою, гр. Воронцовымъ и кн. Вяземскимъ, объ устройствѣ въ Кронштадтѣ гавaней, магазиновъ, карантина и т. п. вмѣстѣ съ гр. Воронцовымъ, кн. Вяземскимъ, С. К. Грейгомъ и Соймоновымъ, и въ Коммиссіи объ отвращеніи недостатка въ хлѣбѣ и дороговизны его для Петербурга, вмѣстѣ съ гр. Воронцовымъ, Коновницынымъ, Мавринымъ и Храповицкимъ.

---

[1]) Сборн. Русскаго И. Общ. XXVII. 227.

14 Марта 1786 г. онъ назначенъ членомъ Коммиссіи о дорогахъ въ государствѣ, вмѣстѣ съ Безбородкою, Завадовскимъ, Зиновьевымъ и Соймоновымъ. Въ тоже время Шуваловъ не покидалъ своихъ занятій по управленію Ассигнаціоннымъ Банкомъ. Въ Апрѣлѣ 1786 г. онъ представилъ записку объ учрежденіи ассигнаціонныхъ банковъ на болѣе широкихъ основаніяхъ съ выпускомъ до 100 м. р. ассигнацій, а не 50 м. р., уже имѣвшихся въ обращеніи, и съ назначеніемъ части ихъ для ссуды дворянамъ и городамъ. Записка эта была разсмотрѣна Безбородкою, гр. Воронцовымъ, Завадовскимъ и Ермоловымъ, и по обсужденіи этого дѣла въ Совѣтѣ ассигнаціонные банки были соединены въ одинъ и учрежденъ былъ Заемный Банкъ.

Наконецъ, вмѣстѣ съ Безбородкою Шуваловъ разсматривалъ проэктъ манифеста 28 Іюня 1786 г. о разныхъ милостяхъ и льготахъ, причемъ представилъ записку о средствахъ нужныхъ для избавленія нѣкоторыхъ губерній отъ неурожая.

«За труды воздаяніе»—шло своимъ чередомъ.

27 Ноября 1782 г. Шуваловъ получилъ орденъ Александра Невскаго; въ 1783 году орденъ Владиміра 1 степ., 24 Ноября 1784 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; 28 Іюня 1786 г. получилъ орденъ Андрея Первозваннаго и 60,000 руб.

«Княгиня Дашкова и гр. А. П. Шуваловъ тотъ же валёръ имѣютъ», писалъ въ 1783 г. Завадовскій графу С. Р. Воронцову. Во время болѣзни Императрицы, лѣтомъ 1784 года, онъ былъ въ числѣ весьма немногихъ, которыхъ она принимала [2]).

Съ возвращеніемъ Шувалова въ 1782 году изъ за-границы совпала потеря графомъ Панинымъ (вскорѣ потомъ умершимъ), его недоброжелателемъ, прежняго вліянія, и могущественнымъ лицомъ сталъ Потемкинъ, съ которымъ и сблизился Шуваловъ [3]).

Ему онъ обязанъ былъ Андреевскимъ орденомъ. Безбородко 15 Іюня 1786 г. писалъ Потемкину: «Графъ Шуваловъ неоспоримо былъ первымъ въ дѣлѣ семъ» т. е. въ учрежденіи Заемнаго Банка [4]) и, по изобрѣтенію и труду, занимался онымъ близко года съ того времени, какъ я ему сообщилъ волю и намѣреніе Государыни о пособіи горо-

---

[2]) Сборн. И. Общ. XXVI, 103 и 281.

[3]) Mit der Stellung des F-n Potemkin gehet so wie mit einem Barometer: bald steigt sein Credit hoch, bald fällt er wieder. In diesem Augenblick scheint sein Ansehen wieder emporgekommen zu sein. Man sagt, dass dieser Fürst gegenwärtig mit der anderen Partei, wozu sich vokurzem auch der Graf Schuvalow geschlagen, ausgesöhnt sei. Депеша Сакена 29 Марта 1786. Hermann, Geschichte des russischen Staates. 1866. Ergänzungs-Band, 637.

[4]) Русск. Стар. 1873 г. VIII, 888 и Сб. И. Об. т. XXVI, 282.

дамъ и разнымъ предпріятымъ ею заведеніямъ и объ изъисканіи средствъ къ умноженію доходовъ. Ваша свѣтлость проникла его мысли и если онъ удостоится пожалованія перваго ордена съ знатною денежною суммою, то конечно и всѣ его желанія удовлетворятся».

Въ самый тотъ праздникъ (28 Іюня 1786 г.), когда дали Шувалову Андреевскую ленту, онъ поутру, слоняясь со всѣми въ придворныхъ залахъ Петергофскаго дворца, до выхода Государыни, увидѣлъ молодаго князя И. М. Долгорукова и «со особеннымъ какимъ-то тономъ дружеской пріязни предложилъ ему погулять съ нимъ въ саду». Они пошли въ густыя тѣнистыя аллеи и тамъ напросторѣ, одинъ съ Долгоруковымъ, удаленъ отъ всѣхъ взоровъ, гр. Шуваловъ началъ декламировать стихи свои къ Нинонѣ:

Ces hochets fastueux d'une caduque enfance,
Ces clefs d'or, ces rubans qu'un souverain dispense,
Et que l'ambition mendie à deux genoux,
Perdent, dès qu'on les a, leurs charmes les plus doux.

Онъ съ такимъ жаромъ и чувствомъ произносилъ ихъ, что кн. Долгоруковъ принялъ всю его декламацію за истину и ударился бы объ закладъ со всякимъ, когда узналъ, что на него надѣли голубую ленту, что онъ ни мало этимъ не восхищенъ. Но каково было удивленіе Долгорукова, когда онъ пришелъ на квартиру къ нему поздравить съ царскою милостью и увидѣлъ, что тотъ же самый мнимый философъ въ чаду отъ радости бѣгалъ изъ угла въ уголъ, «примѣривая всю свою гардеробу, чтобы видѣть, къ какому цвѣту изъ его кафтановъ лучше пристанетъ голубая лента» [5]).

Милости распространились и на дѣтей Шувалова. Въ 1783 году дочь его, Прасковья (р. 1767 г.) пожалована была фрейлиною [6]).

Je me figure Émilie (Эмилія Бельзёнсъ, внучка г-жи д'Эпине) писала Императрица Гримму 8 Мая 1784 года, je ne sais pourquoi, sur le modèle de la petite comtesse Chouvalow, sa bonne amie; or, j'ai un grand penchant pour cette petite comtesse Chouvalow, et je ne la vois jamais sans que je m'imagine de voir Émilie. C'est un bijou que cette petite fille, et je dis tous les jours au père de lui chercher un mari digne d'elle, et j'en connais deux seulement que je pense qu'ils pourraient remplir cette idée comme je le désire».

Молодая графиня Прасковья Петровна Шувалова познакомилась съ Емиліею, въ бытность свою съ отцомъ за границею въ 1777—1782 г.

---

[5]) Капище моего сердца, 194.

[6]) Показана въ первый разъ въ спискѣ фрейлинъ въ Придворномъ Календарѣ на 1784 годъ.

Шуваловъ говорилъ объ Емиліи Императрицѣ, которая 2 Іюня 1782 г. писала Гримму: Je vous prie de lui (Émilie) dire que je suis bien sensible au sentiment qu'elle me marque; le comte André Chouvalow m'a confirmé tout le bien que j'en savais déjà; il la dit extrêmement aimable.

22 Сентября 1786 г. сынъ Шувалова, Петръ, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, притомъ такъ, что отецъ его ничего не зналъ: обстоятельство, которое замѣчено было однимъ изъ царедворцевъ [7]).

Литературныя занятія Шувалова при Екатеринѣ продолжались и въ этотъ періодъ, принявъ только болѣе серьезный характеръ, какъ то подобало государственному сановнику. Мы упомянули, что въ 1783 г. Переводческая Коммиссія была уничтожена и присоединена, по вліянію княгини Дашковой, къ Россійской Академіи, въ члены которой не попалъ гр. Шуваловъ, хотя, кажется, имѣлъ на это болѣе правъ, чѣмъ много другихъ избранныхъ въ Академію чиновныхъ лицъ. Какъ бы взамѣнъ этого, 4 Декабря 1783 года, Екатерина утвердила докладъ [8]) о назначеніи, подъ начальствомъ и наблюденіемъ графа Шувалова, нѣсколькихъ лицъ, которыя составили бы записки о древней исторіи, преимущественно Россіи. Число членовъ опредѣлено было до десяти, по избранію Шувалова. Примѣромъ для изданія поставлено было L'art de vérifier les dates». На первоначальные расходы было назначено 1000 рублей.

Кого именно пригласилъ Шуваловъ для занятій по этому дѣлу, въ точности неизвѣстно. Указываютъ на двухъ профессоровъ Московскаго университета А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева, къ которымъ Шуваловъ могъ обратиться чрезъ посредство И. И. Шувалова, куратора университета [9]).

Императрица сама руководила этими занятіями, какъ видно изъ письма ея къ Шувалову (15 Апрѣля 1784 г. [10]), которымъ и были составлены какія-то записки о древностяхъ Славянъ [11]).

Результатомъ трудовъ Шувалова была «Выпись хронологическая изъ Исторіи Русской» (безъ года и мѣста in 4°, 224 стр.) Эта хронологическая роспись въ нѣсколько столбцовъ, по княжествамъ, съ крат-

---

[7]) Архивъ кн. Воронцова XIII, 120.

[8]) Напечатанъ въ П. С. З. т. XXI, № 15890, въ Отечеств. Запискахъ 1830, № 120 стр. 137 и въ Сборн. Отд. Рус. яз. и словес. И. А. Н. I, стр. IX.

[9]) Отеч. Зап. 1830, № 120, стр. 136 Старчевскій, Очеркъ литературы Русской Исторіи до Карамзина. Спб. 1845, стр. 213. Словарь професс. Москов. университета М. 1855 стр. 57.

[10]) Сборн. Р. И. Общ. XV, 615.

[11]) Записки Храповицкаго подъ 31 Августа 1786.

кимъ изложеніемъ событій, прекращающаяся на 1171 годѣ. Въ особой графѣ показаны вездѣ современные государи другихъ странъ и духовные правители.

Съ 1786 по 1790 годъ Екатерина съ увлеченіемъ занималась сочиненіемъ драматическихъ произведеній. Примѣру, ею данному, разумѣется поспѣшили послѣдовать ея приближенные, и на Ермитажномъ театрѣ появились пьесы графа А. М. Мамонова, графа А. С. Строгонова, принца де Линь, графа Сегюра, графа Кобенцеля, г. д'Еста́ и дѣвицы Офрень.

Кастера, издавшій въ Парижѣ «Théâtre de l'Ermitage», включилъ туда (II, стр. 111—139) одноактную комедію въ прозѣ: Insipidus, proverbe, par m-r de Chouwalow, grand-chambellan. Произведеніе это приписывается оберъ-камергеру И. И. Шувалову, что́ и мы признаемъ правильнымъ, но Керарь включилъ эту пьесу въ число сочиненій графа Андрея Петровича.

Въ это время, по примѣру поданному дворомъ, въ Петербургѣ возникла цѣлая Французская литература. Предметъ этотъ совсѣмъ еще не разработанъ; онъ представляетъ нѣкоторыя любопытныя черты.

Такъ напримѣръ, малоизвѣстный Французскій писатель «Cuinet d'Orbeil, носившій титулъ «professeur de belles lettres au corps impérial des cadets nobles», издалъ въ Петербургѣ книжку въ стихахъ: Cours mémorial de géographie (St. P-g. 1789, in 12°, 48 стр.). Въ сборникѣ его стихотвореній (Poésies, St. P-g 1787 in 12°, 109+5 стр.), мы нашли его посланіе къ графу Шувалову съ просьбою представить Императрицѣ его стихотворенія.

Вообще Французамъ легко было въ то время достигать успѣховъ въ Россіи. Вольтеръ и Лагарпъ рекомендовали даже разныхъ ученыхъ въ члены Академіи. Такъ сей послѣдній писалъ графу Шувалову, что астрономъ Месье желаетъ прибавить къ своимъ титуламъ «academiae Petropolitanae socius». Хотя мы и не можемъ сказать, хлопоталъ-ли о его выборѣ графъ Шуваловъ, но самый выборъ этотъ очень любопытенъ.

Графъ Шуваловъ состоялъ, какъ мы сказали уже, почетнымъ членомъ Академіи Художествъ съ 1758 г. [12]). Онъ былъ, по мнѣнію г. Петрова, тонкимъ цѣнителемъ произведеній искусства, покровительствуя художникамъ отечественнымъ и иностраннымъ. Изъ числа сихъ послѣднихъ можно назвать архитектора Гваренги.

---

12) Матеріалы для исторіи И. А. Х. прим. къ 1 части. стр. 626.

Гваренги пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1780 году [13]). Первая изъ большихъ работъ, говоритъ издатель его произведеній [14]), которую Екатерина поручила Гваренги, только что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, была постройка зданія Банка.

Дѣйствительно, по возвращеніи гр. Шувалова изъ за границы, 8 Августа 1782 года, рѣшено было приступить къ возведенію новаго зданія для Ассигнаціоннаго Банка [15]).

«Гваренги, пишетъ Екатерина Гриму 28 Октября 1785 г. [16]), дѣлаетъ намъ прекрасныя вещи: уже весь городъ наполненъ его сооруженіями; онъ строитъ Банкъ, Биржу, множество магазиновъ, лавокъ и частныхъ домовъ. Его постройки—лучшіе, что̀ мы имѣемъ».

Въ проэктахъ устройства зданія Банка Екатерина сама принимала участіе. Намѣреніе Гваренги состояло въ томъ [17]), чтобы дать красивый фасадъ и другой сторонѣ этого прекраснаго зданія, выходящей на Екатерининскій каналъ, но Императрица не одобрила этотъ планъ и приказала обнести эту сторону зданія стѣною.

Графъ Шуваловъ, какъ главный директоръ Банка, долженъ былъ находиться въ сношеніяхъ съ Гваренги. Въ бумагахъ сего послѣдняго, хранящихся въ библіотекѣ города Бергамо, сохранились копіи съ писемъ его къ кн. Вяземскому, князю Долгорукому, княгинѣ Дашковой, графу Шереметеву и, наконецъ, къ графу Шувалову [18]).

Къ этому же времени относится и участіе гр. Шувалова въ масонскихъ ложахъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ существовало въ Петербургѣ нѣсколько ложъ, изъ которыхъ М. Н. Логиновъ указываетъ на бывшія подъ предсѣдательствомъ гр. Шувалова, графа А. С. Строгонова и П. И. Мелиссино. Ложи эти, по его предположенію, не слишкомъ серьезно относились къ дѣлу, а занимались только пышными церемоніями и обрядами [19]).

Можно высказать предположеніе, что въ масоны гр. Шуваловъ обратился подъ вліяніемъ графа Строгонова, бывшаго дѣятельнымъ участникомъ во Французскихъ ложахъ [20]). Въ бытность ихъ въ Парижѣ, въ число братьевъ ложи des Neufs Soeurs принятъ былъ, 7 Апрѣля

[13]) Письмо Екатерины къ Гриму 2 Февраля 1780. С. И. Об. XXIII, 173.
[14]) Fabbriche e disegni di G. Quarenghi. Mantova. 1843. II, 5.
[15]) П. С. З. XXI № 15489. Р. С. XXII, 65.
[16]) С. И. О. XXIII, 365.
[17]) Реймерсъ St. P-g am Ende seines ersten Jahrhunderts. 1803. 1, 350.
[18]) Guiseppo Colombo. G. Quarenghi. Memorio. Torino. 1879, p. 35.
[19]) Новиковъ и Московскіе мартинисты. М. 1867, стр. 168.
[20]) Thory, Acta Latonorum, 1108 и 11, 96 и 206.

1778 г., Вольтеръ [21]), а въ Ноябрѣ 1778 г. ложа эта имѣла торжественное собраніе въ память Вольтера, подъ вице-предсѣдательствомъ графа Строгонова [22]). Масонство и въ самой Франціи XVIII вѣка не имѣло большаго значенія. Въ 1778 году пріѣхалъ въ Парижъ Месмеръ, и къ 1785 году ученіе его распространилось тамъ въ обширныхъ размѣрахъ. Месмеризмъ, по пристрастію, которое онъ къ себѣ возбудилъ, дѣлался тогда чѣмъ-то въ родѣ масонскаго ордена, имѣвшаго свой центръ въ Парижѣ и считавшаго во Франціи до 80 подчиненныхъ обществъ, которыя назывались sociétés de l'harmonie. Шуваловъ заинтересовался этимъ ученіемъ, и по его желанію Лагарпъ сообщалъ ему свѣдѣнія о Месмерѣ и его Парижской дѣятельности [23]).

2 Января 1787 года Императрица отправилась въ путешествіе «въ полуденныя страны Россіи», продолжавшееся болѣе полугода. Въ свитѣ ея находились, между прочими, графъ А. П. Шуваловъ, сынъ его графъ П. А. Шуваловъ, И. И. Шуваловъ и докторъ Вейкартъ.

Графу Шувалову и сенатору Стрекалову, также сопровождавшему Императрицу, поручено было, вездѣ, гдѣ то дозволяло время, ревизовать губернское управленіе и изслѣдовать положеніе всѣхъ частей администраціи. Они принялись сначала за это дѣло съ усердіемъ, но вскорѣ убѣдились, что Екатерина не ожидала ихъ донесеній, что, напротивъ того, она раздавала уже подарки и ордена, прежде ихъ докладовъ. Часто такія награды выпадали на долю самыхъ недостойныхъ. Такимъ образомъ сенаторы ревизовали медленно и находили, какъ это бываетъ обыкновенно при слѣдствіяхъ въ Россіи, что все обстоитъ благополучно [24]). Въ Кіевѣ, гдѣ Императрица провела три мѣсяца (съ 29 Января по 22 Апрѣля), графъ Шуваловъ и Стрекаловъ нашли только три дня для осмотра дѣлъ въ намѣстническомъ правленіи, палатахъ: казенной, уголовной и гражданской, въ судахъ: совѣстномъ и двухъ земскихъ, и для обозрѣнія тюрьмы [25]). Все оказалось въ порядкѣ [26]), и на прощальномъ пріемѣ у Императрицы, графъ Шуваловъ читалъ именные указы о пожалованныхъ въ чины и обо всѣхъ изъявленныхъ милостяхъ.

---

[21]) Le Globe, archives générales des sociétés secrètes non-politiques. P. 1839, I, p. 76, 77.

[22]) Bachaumont. — Thory. Histoire de la fondation du grand Orient en France. P. 1812, p. 372.

[23]) Correspondance, IV, 268.

[24]) Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II. Koblentz. 1799, стр. 33.

[25]) Записки о пребываніи Императрицы Екатерины въ Кіевѣ. Спб. 1843, стр. 10.

[26]) „Внутренній порядокъ въ Кіевскихъ присутственныхъ мѣстахъ и обрядъ теченія дѣлъ согласенъ съ Высочайшими В. И. В. учрежденіями, и мы нигдѣ упущенія или ослабленія по тому не усмотрѣли. Вообще во всѣхъ трехъ Малороссійскихъ губерніяхъ въ ос-

Вообще, если судить по рапортамъ Стрекалова и гр. Шувалова, администрація того времени была въ блестящемъ порядкѣ. Ссылаясь обыкновенно на краткость времени, назначеннаго для ревизіи, они во всѣхъ судныхъ мѣстахъ Смоленской губерніи «обрѣли обрядъ производствъ согласный съ Высочайшими о томъ узаконеніями, вездѣ настольные реестры, входящіе и исходящіе журналы и протоколы состоятъ въ желаемомъ порядкѣ, и не явилось упущенія ни въ отмѣткахъ, ни въ порядочномъ храненіи сихъ бумагъ, по-годно переплетенныхъ, при чемъ мѣста тѣ и служители въ приличной опрятности». Буквально тоже оказалось въ Новгородѣ-Сѣверскѣ и въ Черниговѣ. Въ Курскѣ присутственныя мѣста явились въ весьма исправномъ положеніи, и теченіе дѣлъ въ нихъ въ желаемомъ порядкѣ. Въ остальныхъ городахъ — Харьковѣ, Орлѣ, Тулѣ и Москвѣ,—теченіе дѣлъ производится на основаніи узаконеній, и нигдѣ не узрѣно упущенія.

Въ Кіевѣ графъ Шуваловъ, вмѣстѣ съ генераломъ Меллеромъ, подробно осматривалъ городъ и составилъ соображенія о новой его распланировкѣ [27]).

Изъ Кіева гр. Безбородко, графъ Шуваловъ и Стрекаловъ отправлены были въ Каневъ къ королю Польскому, Станиславу Понятовскому, который подарилъ обоимъ послѣднимъ богатыя табакерки [28]).

Колотовъ [29]) сообщаетъ письмо графа Фалкенштейна (Іосифа II) къ Кауницу, гдѣ говорится, что въ Херсонѣ принятъ онъ былъ отъ имени Императрицы графомъ Михаиломъ Румянцовымъ, сыномъ фельдмаршала и графомъ Шуваловымъ.

Вмѣстѣ съ Императрицею гр. Шуваловъ пріѣхалъ въ Москву, но при отъѣздѣ ея оттуда въ Петербургъ, въ началѣ Іюля 1787 года, тяжко заболѣлъ. Докторъ Вейкартъ остался съ нимъ въ Москвѣ, долженъ былъ его пользовать и затѣмъ отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ [30]).

«Ты графа Шувалова знаешь», писалъ Завадовскій графу А. Р. Воронцову 25 Іюня 1787 года [31]): «почти всегда дѣйствіе мысль его упреж-

---

мотрѣнныхъ нами мѣстахъ примѣтили должное тщаніе къ выполненію должностей и ревнительность по званію каждаго о учиненіи себя достойнымъ монаршаго В. В. благоволенія".

[27]) П. С. З. т. XXII № 16529 Указъ, 27 Апрѣля 1787. Подробности см. у Фундуклея Статист. описаніе Кіевской губ. Спб. 1852. 1, 323, откуда перепечатаны Закревскимъ въ Описаніи Кіева. М. 1868. 1, III. Рапортъ гр. Шувалова и Меллера въ Госуд. Архивѣ (XVI, 746).

[28]) Записки о пребываніи, стр. 18.

[29]) Дѣянія Екатерины II. Спб. 1811, III, 127.

[30]) Denkwürdigkeiten, стр 376.

[31]) Архив. Кн. Воронцова XII, 47.

дастъ. Не сія быстрота разума почитается полезнымъ дарованіемъ. Здѣсь пронеслось, что онъ ударъ имѣлъ. Подобнымъ разглашеніямъ часто онъ самъ бываетъ виною, думая вперить людямъ, что его голова непрерывно отягчена великими дѣлами, чего однакожъ не берутъ въ его смыслѣ, а скорѣе толкуютъ ему въ чистое сумасшествіе. И теперь и давно уже жалки мнѣ его слабости». Въ другомъ письмѣ, 4 Августа [32]) Завадовскій сообщалъ, что «дворъ возвратился съ восхищеніемъ о землѣ пріобрѣтенной. Путешествіе всѣмъ служило къ веселости и здоровью. Одинъ графъ Шуваловъ получилъ болѣзнь, произведшую въ головѣ его горячей ипохондрію. Можетъ оная сократить и самую его жизнь. Знаніе и способности въ немъ были чрезвычайны, духъ меньше роста, и, не вѣдая первыхъ, за послѣдній заслуживалъ презрѣнія. Дѣла службы сблизили меня хорошо его узнать; видѣлъ я въ немъ превосходныя дарованія отъ природы и пріобрѣтенныя, сердце само по себѣ преклонное къ честному, если не предстоитъ страхъ или уваженіе къ случаю; сумасбродства и смѣшныхъ странностей безъ числа, такъ что, сіи одни видѣвши, скорѣе всякъ счелъ бы его сумасшедшимъ, чѣмъ человѣкомъ великаго просвѣщенія».

По возвращеніи Шувалова въ Петербургъ, 31 Августа 1787 года, онъ назначенъ былъ членомъ Совѣта при Императрицѣ [33]).

Несмотря однако на это высокое назначеніе, ни на прежнія литературныя заслуги Шувалова, Екатерина вскорѣ къ нему охладѣла. Доказательство тому можно видѣть въ слѣдующихъ выдержкахъ изъ дневника Храповицкаго. 19 Января 1788 г. гр. Шуваловъ названъ «полоумнымъ».

24 Февраля: «Изъяснились о безумствѣ графа А. П. Шувалова и что онъ до замужества осматривалъ дочь».

27 Марта: «О сумасшествіи графа А. П. Шувалова. Не хотятъ соединить съ Заемнымъ Банкомъ Ассигнаціоннаго подъ одно начальство Завадовскаго. Надобенъ особый человѣкъ».

8 Мая 1788: «Графъ А. П. Шуваловъ отпросился въ отпускъ на четыре мѣсяца, за болѣзнями, принуждающими его пить желѣзные опилки. Улыбаясь, дали разумѣть о разстройствѣ его головы».

Извѣстный дѣлецъ и повѣренный Потемкина, Гарновскій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, 7 Іюня 1788 [34]): «Вчерась играли здѣсь Французскую комедію; но нѣкто изъ придворныхъ утверждалъ, будтобы играны были двѣ комедіи. Какія же? Собраніе членовъ Совѣта и собраніе членовъ театральныхъ. И подлинно, многіе тепе-

---

[32]) Ibid., стр. 51.
[33]) Архив. Госуд. Совѣта I, 461.
[34]) Р. Старина 1876 г. Май, стр. 17.

решній Совѣтъ почитаютъ за собраніе, въ которое царь Давидъ входить запрещаетъ. 15-го числа Государыня, вошедъ въ большую залу, примѣтила, что нѣкто, отворивъ дверь съ другаго конца той же залы, тотчасъ оную, не входя въ залу, опять притворилъ, какъ скоро Государыню завидѣлъ. Велѣно было дежурному камергеру узнать, кто то былъ. Это былъ графъ А. П. Шуваловъ. Спросили его сіятельство, для чего онъ не вошелъ въ залу? «Я въ досадѣ иду изъ Совѣта, гдѣ врутъ и сами не знаютъ что̀.»

Понятно, что при такихъ отношеніяхъ Екатерины къ Шувалову, въ городѣ могли разноситься слухи, что И. И. Шувалову велѣно было посовѣтывать своему племяннику идти въ отставку [35]).

Несмотря на это, графу Шувалову поручено было въ Ноябрѣ 1787 и Апрѣлѣ 1788 вмѣстѣ съ графомъ Остерманомъ, гр. Воронцовымъ и княземъ Вяземскимъ негоцировать внѣ государства заемъ посредствомъ банкира Сутерланда. Этотъ заемъ былъ заключенъ въ Амстердамѣ у Гопе, въ Антверпенѣ у Вольфа и въ Генуѣ у Эме Реньи и К° (Сб. И. Об. т. XXVIII, 340).

По званію члена Совѣта Шуваловъ принималъ дѣятельное участіе въ его засѣданіяхъ.

Въ Сентябрѣ 1788 г., Пруссія, заключивъ союзъ въ Англіею и Голландіею и приглашая вступить въ оный и республику Польскую, предложила Россіи посредничество по миру со Швеціею и Турціею. Но Совѣтъ нашелъ въ предложеніяхъ короля Прусскаго «не слова, а вещи колкія». «Въ видѣ медіатора зрится возстающій нетерпимый повелитель не только на настоящія наши дѣла, но и на будущія, которыя Россія въ свою оборону или для пользы государства предпринять бы могла. Соображая таковъ подвигъ во всѣхъ его слѣдствіяхъ, Совѣтъ весьма удаленъ согласиться на предлагаемую отъ короля Прусскаго настоящую медіацію, ибо податливость на оную предосудительна Имперіи Всероссійской и царствованію Ея Величества, чрезъ 27 лѣтъ военною славою сопровождаемому. Что̀ уничтожительнѣе оной крайности какъ пріять великой Имперіи законъ отъ Прусскаго государя, котораго предложеніе въ существѣ своемъ оный назначаетъ? Всякое уваженіе къ нуждамъ и къ тягости новой войны при семъ размышленіи исчезаетъ. Въ отвѣтѣ пристойно упомянуть Прусскому королю, что самая его держава своимъ приращеніемъ обязана Россіи и что еще въ свѣжей памяти помощь, сдѣланная его предмѣстнику выйти съ честью изъ войны Баварской» (18 Сентября 1788 г.).

---

[35]) Ibid. 1876, т. XV, 703.

Такъ какъ за этимъ заявленіемъ ожидалась война съ Пруссіею, то положено было, въ виду ея, Турецкую войну обратить изъ наступательной въ оборонительную. Въ виду устроенной Прусскимъ дворомъ коалиціи, Совѣтъ разсуждалъ: «Король Прусскій усилилъ себя союзниками; и намъ слѣдуетъ таковыхъ находить. Франція явила къ тому преклонность. Полезно теперь предложить оной, что мы готовы заключить съ нею и съ другими Бурбонскими дворами союзъ, съ тѣмъ однакоже, что ежели бы которая держава по дѣламъ Шведскимъ объявила войну, или войсками и флотомъ помогать Швеціи стала, они примутъ оную за casus foederis. Достигнувъ сего союза, бодрствовать мы можемъ противъ Англіи, когда бы она вооружилась своимъ флотомъ, имѣя нашему отъ Франціи усиленіе и помощь; король же Прусскій, познавъ наше ополченіе, готовое противустать его замысламъ, можетъ быть, въ оныхъ и остановится. Впрочемъ, ни унывать, ни бояться не должно. Россія безъ всякаго напряженія имѣетъ 300.000 боеваго войска. Сіи силы всегда велики, хотя бы умножились враги. Не вознеслося ни одно государство, доколѣ не низвергло своихъ противуборниковъ».

Впрочемъ въ Совѣтѣ не образовалось единодушія на счетъ союза съ Бурбонскими дворами. Графъ Шуваловъ заявилъ, что онъ не согласенъ ни на означенный отвѣтъ двору Берлинскому, ни на составленіе связи съ Франціею (18 Сентября 1788 г.) и въ засѣданіи 28 Сентября представилъ особую объ этомъ записку или «голосъ» [36]).

Не даромъ ученикъ Вольтера долго жилъ въ Парижѣ: онъ чувствовалъ, что безполезно Россіи заискивать союза съ Бурбонами и что вскорѣ рухнетъ расшатанное съ участіемъ его пріятелей-энциклопедистовъ зданіе старой монархической Франціи, и бѣглые Французскіе принцы явятся въ Петербургъ выпрашивать покровительства и субсидій. Предложенный союзъ съ Франціею и не состоялся, но мнѣніе графа Шувалова было принято Екатериною очень дурно.

«Носилъ я на низъ» (т. е. къ Мамонову) говоритъ Храповицкій подъ 29 Сентября, протоколъ 18 Сентября и голосъ графа Шувалова. Тутъ положено отвѣчать Прусскому двору съ твердостью и на случай войны изготовиться, предполагая союзъ съ Франціею. Въ «голосѣ» сдѣлано на все возраженіе, даже и на пухлость слога П. В. Завадовскаго, протоколъ писавшаго; но предлагается, снизойдя на предложеніе Прусское, изъясниться въ условіяхъ, съ Англіею начать переговоры о коммерческомъ трактатѣ и не надѣяться на Бурбонскій дворъ, по слабости

---

[36]) Архивъ Госуд. Совѣта 1, 1, 611 и 614. Записка эта не напечатана. Соловьевъ, Исторія Паденія Польши 192.

его и по худому пособію въ дѣлахъ Голландскихъ. Графъ Мамоновъ сказалъ: «ma foi, il a raison», совѣтуя, по крайней мѣрѣ, въ отвѣтѣ двору Прусскому, не дѣлать упрека въ возвращеніи земель и въ пособіи по дѣлу Баварскому. Осердились и почти сквозь слезы сказали: неужели мои подданные, видя дѣлаемыя мнѣ обиды отъ королей Прусскаго и Англійскаго, не смѣютъ сказать имъ правды? Развѣ они имъ присягали?»

Графъ Шуваловъ, разсказываетъ Гарновскій [37]), до подачи голоса своего въ Совѣтѣ, объяснялъ Государынѣ содержаніе онаго словесно; но какъ неусыпными стараніями извѣстныхъ господъ предубѣжденія уже дѣйствовали, то голосъ сей Государынѣ столько же не нравился, сколько несносенъ былъ Совѣту, который, со своей стороны, именовалъ оной сумасбродствомъ, ни малѣйшаго вниманія не заслуживающимъ, и мнѣніямъ, волѣ и достоинству Е. И. В—ва противнымъ. Огорченный симъ происшествіемъ, графъ засѣлъ послѣ сего дома и занимался размышленіями въ ожиданіи мщеній, графомъ Воронцовымъ съ товарищими ему приготовляемыхъ, хотя впрочемъ гр. Мамоновъ, убѣжденъ будучи мною и И. С. Рибопьеромъ, и защищалъ голосъ его. Тутъ не было однакоже болѣе успѣха, какъ только что рѣшились съ Берлинскимъ дворомъ вести переписку умѣреннѣе той, каковую предлагалъ Совѣтъ, привыкшій словами язвить все то, что идетъ не по его мыслямъ. Да и сіе снисхожденіе стоило довольно слезъ. Посѣтя графа Шувалова въ таковой его задумчивости и объявивъ ему, что его свѣтлость кн. Потемкинъ съ мнѣніемъ его согласенъ, какой это былъ для него подарокъ! По его мнѣнію, нельзя было избрать къ употребленію въ государственныя роли вреднѣй тѣхъ людей, какъ гр. Воронцова, Завадовскаго и гр. Безбородко».

«Воронцовъ главная всему пружина; человѣкъ тотъ, который во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ и предпріятіяхъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ причиненія вреда кн. Потемкину, хотя бы сіе и съ самою государства пагубою сопряжено было; человѣкъ, который далъ Императору обѣтъ содержать здѣшній дворъ въ такомъ расположеніи, чтобъ мы всегда готовы были споспѣшествовать ему во всѣхъ его намѣреніяхъ, хотя бы оныя пользѣ нашихъ дѣлъ не всегда соотвѣтствовали; интересантъ, совѣтникъ многихъ для Россіи безполезныхъ коммерческихъ трактатовъ, отъ которыхъ только онъ и товарищи его получили свои корысти и, словомъ сказать, коварствомъ преисполненный государственный злодѣй. Завадовскій первый ему другъ и товарищъ, потатчикъ, Махіавель и

[37]) Русская Старина 1876, XVI, 225.

исполнитель на бумагѣ умоначертаній Воронцовыхъ, а Безбородко верховая лошадь Воронцова, человѣкъ, впрочемъ, добрый и полнаго понятія, но по связи своей опасный. Нѣтъ тайнъ въ дѣлахъ нашихъ, которыя бы не знали посолъ и вся канцелярія его; мудрено ли послѣ сего, что дѣла наши въ отношеніи къ прочимъ державамъ Европейскимъ пришли до такого замѣшательства! Я васъ увѣряю, что грозящая намъ Прусская война и сопряженныя съ оною многія непріятности суть дѣла, отъ вымысловъ ихъ родившіяся, дабы имъ тѣмъ удобнѣе удалось въ мутной водѣ рыбу ловить. Я многое предоставляю словесно пересказать князю Потемкину, уповая, что онъ скоро будетъ сюда, если любитъ отечество своё.... Это невѣроятно, что̀ они противу князя Потемкина предпринимали».

Графъ Шуваловъ продолжалъ дѣйствовать въ пользу Потемкина. Такъ по вопросу, обсуждавшемуся въ Совѣтѣ относительно вступленія Русскихъ войскъ въ Польшу, противу чего заявлено было возраженіе Пруссіи, онъ подалъ особое мнѣніе (2 Ноября 1788 г.), что объ этомъ слѣдовало бы снестись съ Потемкинымъ «яко президентомъ Военной Коллегіи и яко командующимъ знатною частью обращенныхъ противу Турокъ войскъ» [38]).

Это мнѣніе вновь навлекло на графъ Шувалова неудовольствіе Императрицы.

«Графъ А. А. Безбородко сказывалъ мнѣ», говоритъ Храповицкій 3 Ноября, «что гр. А. П. Шуваловъ опять подалъ голосъ по нотѣ короля Прусскаго о выводѣ войскъ нашихъ изъ Польши и чтобы требовать мнѣнія князя Потемкина, замѣчая, что и войска принадлежатъ не къ той арміи, да и въ Совѣтѣ не присуствовавшіе за дѣло, безъ нихъ трактованное, не отвѣчаютъ. Его Величество мнѣ тоже говорить изволила. По отъѣздѣ гр. Безбородко, во время волосочесанія, написали карандашемъ, чтобъ не вышло изъ головы, съ надписью: «каково это?» чтобъ Прусскому двору отвѣчать касательно войскъ нашихъ въ Польшѣ, что они прикрываютъ границу отъ набѣговъ непріятельскихъ, и такъ точно, какъ въ прошедшую войну, никому помѣшательствъ не дѣлаютъ».

Согласно этому и данъ былъ отвѣтъ Прусскому двору, безъ сношенія съ княземъ Потемкинымъ [39]).

Послѣ подачи этого мнѣнія, графъ Шуваловъ, по словамъ Гарновскаго, когда въ Совѣтѣ трактовано было какимъ образомъ расположить будущія наши военныя дѣйствія, отъ сужденія о семъ отказался,

---

[38]) Архивъ Госуд. Совѣта 1, 630.

[39]) Арх. Госуар. Сов. 1, 631.

давъ знать, что о сихъ дѣлахъ приличнѣе судить президенту коллегіи князю Потемкину. Одинъ разъ въ разговорѣ сказалъ онъ Гарновскому: «Нѣтъ вреднѣе государству человѣка какъ Воронцовъ. Когда мнѣ случалось говорить съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, способомъ, его образу мыслей несоотвѣтствующимъ, то онъ мнѣ всегда отвѣтствовалъ: «que voulez vous de ce... pays et de cette... nation»! Онъ нерѣдко внутренно самъ смѣется предположеніямъ Государыни, но не только никогда не отвлекаетъ ея отъ дѣлъ, коихъ худыя слѣдствія онъ предвидитъ, но еще поощряетъ ее на то, дабы только идти всегда вопреки кн. Потемкина и не лишить себя доходовъ. На семъ основаніи заключены всѣ коммерческіе трактаты, ни малѣйшей пользы намъ не приносящіе, и для полученія 12.000 червонцевъ прожектированъ былъ трактатъ и съ Польшею. Сей человѣкъ, обогащенный императоромъ и Французскимъ дворомъ, не жилецъ здѣшняго государства: при первомъ удобномъ случаѣ переселится онъ въ чужіе краи».

Надобно отдать справедливость гр. Шувалову: несмотря на всѣ эти неудовольствія онъ продолжалъ быть твердымъ въ своемъ мнѣніи и убѣжденіи въ безполезности союза съ Франціею, что повторилъ еще разъ, при новомъ обсужденіи этого дѣла въ Совѣтѣ, въ Декабрѣ 1788 [40]).

*

24 Апрѣля 1789 года, на разсвѣтѣ, умеръ графъ А. П. Шуваловъ. Императрица послала Храповицкаго освѣдомиться объ обстоятельствахъ у графа И. П. Салтыкова. C'est la goutte remontée avec l'hydropisie qui l'ont étouffé—донесъ Храповицкій. Похороненъ графъ А. П. Шуваловъ въ Лазаревской церкви Невскаго монастыря.

VIII.

Послѣ Шувалова остались два сына и двѣ дочери, вышедшія замужъ: Прасковья за князя М. А. Голицына и Александра за князя Дитрихштейна. Послѣдняя такъ вспоминаетъ о своемъ воспитаніи: «Отецъ мой, испорченный сочиненіями Вольтера, не вѣрилъ въ божественность Іисуса Христа; а моя мать, вышедшая замужъ очень молодою и не видѣвшая въ религіи ничего кромѣ утомительныхъ и часто суевѣрныхъ обрядовъ, съ жаромъ приняла мнѣнія моего отца. Оба они были деистами и говорили о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ не иначе какъ о мудромъ законодателѣ, о христіанской религіи, какъ о прекрасномъ курсѣ нравственности, составленномъ для обузданія пороковъ народа и о святомъ Евангеліи какъ о книгѣ, наполненной чрез-

---

[40]) Арх. Гос. Сов. I, 614 и 641.

вычайными странностями. Сестра, оба мои брата и я были воспитаны въ этихъ понятіяхъ. Гувернеры наши и гувернантки, протестанты, никогда не говорили съ нами о религіи. Я знала только Отче Нашъ и повторяла его, не понимая» [1]).

Вліяніе Вольтера, выразившееся въ этомъ воспитаніи дѣтей, принесло свои плоды. Княгиня Дитрихштейнъ отвергла святую церковь, въ которой родилась и отступила въ католичество.

Въ Русской литературѣ изрѣдка и лишь мимоходомъ упоминалось о литературной дѣятельности Шувалова. Болѣе солидныя заслуги дяди затмили быстрые, но легкіе успѣхи племянника, и сбылись слова Батюшкова, что, «мы забудемъ со временемъ Шувалова, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностью, веселостью и учтивостью, достойною временъ Людовика XIV, но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ». Единственную оцѣнку литературной дѣятельности графа А. П. Шувалова сдѣлалъ князь Вяземскій въ слѣдующихъ словахъ [2]): «Посланіе къ Нинонѣ есть все же изъявленіе Русской умственной дѣятельности, такъ сказать барометрическое указаніе на температуру общества, ей современную. Мы нынче смотримъ свысока на эти игрушки старыхъ дѣтей стараго времени; но игрушки игрушкамъ рознь, и если на игрушкѣ есть отпечатокъ мысли и художества, то слѣдуетъ хранить ее въ музеѣ, какъ хранятъ мельчайшія утвари и бездѣлки, выгребаемыя изъ-подъ Помпейскихъ развалинъ: по этимъ бездѣлкамъ судятъ объ исторической и общественной обстановкѣ того времени. Что же касается до того, что Шуваловъ писалъ Французскіе, а не Русскіе стихи, то по мнѣ хорошая Французская поэзія Русскаго человѣка гораздо сочувственнѣе и даже болѣе ласкаетъ мое народное самолюбіе, нежели пошлые Русскіе стихи, написанные уроженцемъ одной изъ наиболѣе Великороссійскихъ губерній».

Равнымъ образомъ и въ исторіяхъ Французской литературы XVIII вѣка не встрѣчается имени Шувалова, хотя въ числѣ второстепенныхъ писателей этого времени онъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Давно отвергнуто подозрѣніе въ томъ, что Лагарпъ и Вольтеръ исправляли его стихи. Не Вольтеръ, говоритъ Левекъ, писалъ тѣ прекрасные стихи, которые на моихъ глазахъ сочинилъ графъ Шуваловъ; не Вольтеръ же, послѣ своей смерти, написалъ l'Épître à Voltaire, того же автора; наконецъ не Фернейскій старецъ перевелъ съ Русскаго на Французскій посланіе Ломоносова о пользѣ стекла,—переводъ, быть можетъ, пре-

---

[1]) Conversion de la pr. A. de Dietrichstein. Paris. 1879, p. 6.

[2]) Русскій Архивъ 1874, I, 177.

восходящій подлинникъ. Стихотворенія гр. Шувалова достаточны для прославленія человѣка, который искалъ бы славы въ одной лишь области стихотворства. Равнымъ образомъ и Кастера, упомянувъ о литературныхъ трудахъ Екатерины, прибавляетъ: «Царедворцы всегда переимчивы. Придворные Екатерины не преминули вторить ей. Подобно своей государынѣ, многіе изъ ея приближенныхъ сдѣлались весьма посредственными писателями. Изъ числа ихъ надобно, однако, исключить графа Шувалова, который написалъ по-французски изящное посланіе къ Вольтеру и прекрасное посланіе къ Нинонѣ. Сказать правду, нѣкоторые утверждали, что одинъ Французскій писатель, очень любезный и хорошо оплачиваемый, приходилъ на помощь Русскому поэту; но утвержденіе это, кажется, ни на чемъ не основано. Еслибы это было такъ, павлинъ вѣроятно не преминулъ бы потребовать обратно свои перья»[3]).

Мы начали эту статью выдержкою изъ воспоминаній графа А. Р. Воронцова; окончимъ ее отзывами его сестры, княгини Дашковой и его брата, графа Семена.

Вотъ что говоритъ о графѣ Шуваловѣ княгиня Дашкова[4]): «Онъ былъ несомнѣнно человѣкомъ умнымъ, одареннымъ замѣчательною быстротою возраженія и удивительною легкостью въ стихотворствѣ. Онъ былъ довольно свѣдущъ, въ особенности во Французской литературѣ, превосходно владѣя языкомъ и зная Французскихъ поэтовъ какъ свои пять пальцевъ; но по природѣ онъ былъ слишкомъ пылокъ, слишкомъ измѣнчивъ для того, чтобы имѣть какія-либо благоразумныя и твердыя понятія. Полный самодовольства и гордости, онъ былъ жестокъ и надмененъ съ низшими и, наоборотъ, низокъ и прислужливъ предъ сильными и высшими[5]), всегда готовый боготворить идола настоящей минуты, каковъ бы тотъ ни былъ. Подъ конецъ тщеславіе вскружило ему голову, и онъ умеръ, не оставивъ сожалѣнія даже въ кругу собственной семьи».

Графъ С. Р. Воронцовъ, узнавъ о смерти Шувалова, писалъ своему брату[6]): «Конечно онъ былъ человѣкъ остроумный, но и только, съ прибавкою развѣ громадной памяти; потому что онъ не имѣлъ никакихъ почти убѣжденій, еще менѣе твердости духа, а непомѣрное желаніе быть всегда хорошо поставленнымъ при дворѣ, достигать выс-

---

[3]) Histoire de Catherine II. Paris an VIII, III, 414.

[4]) Mémoires, I, 220.

[5]) Вейкартъ (стр. 295) свидѣтельствуетъ, что гр. Шуваловъ часто говаривалъ, что „un excellent esclave devient un excellent despote“.

[6]) Архивъ Князя Воронцова IX, 143.

шихъ должностей овладѣло имъ до того, что онъ жертвовалъ этому друзей и родныхъ, честь и приличіе. Я думаю, что онъ былъ человѣкомъ не злымъ, но онъ былъ такъ тщеславенъ и слабъ, что обманывалъ самого себя, думая служить государству, тогда какъ онъ выдвигалъ только самого себя per fas et nefas». Черезъ недѣлю послѣ этого письма, рекомендуя брату молодаго Сенявина, графъ Семенъ Романовичъ выразился, что, несмотря на всѣ его достоинства, Сенявинъ прослыветъ у насъ глупцомъ: онъ не знаетъ ни Мармонтеля, ни Лагарпа, никогда не читалъ Севильскаго Цирюльника и даже не подозрѣваетъ, что существуютъ на свѣтѣ Русскіе, которые пишутъ очень милые Французскіе стихи»[7]).

Дмитрій Кобеко.

---

[7]) Ibid, стр. 146.

ФОНВИЗИНЪ.

Изъ неизданныхъ Записокъ Клостермана.

Клостерманъ, Нѣмецъ происхожденіемъ, родился въ 1756 г. въ Гетруйденбергѣ, въ Голландіи. Въ 1768 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ своимъ отцомъ, который получилъ должность сначала преподавателя, а потомъ инспектора въ Пажескомъ Корпусѣ. Съ тѣхъ поръ и до конца жизни Клостерманъ оставался въ Петербургѣ. Онъ торговалъ картинами и, для покупки ихъ, ѣздилъ нѣсколько разъ за границу, потомъ открылъ въ Петербургѣ книжную лавку. Не разъ императрица Екатерина бывала въ его магазинѣ, для покупки картинъ и другихъ художественныхъ произведеній, также призывала его съ ними къ себѣ. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1838 г., оставивъ послѣ себя Записки, подъ заглавіемъ: „Denkwürdigkeiten des ehemaligen Kunst und Buchhändlers Germann Iohann Klostermann." Въ этихъ Запискахъ разсказываетъ авторъ всё имъ видѣнное со времени своего младенчества до 1830 года.

Эта рукопись принадлежала тайному совѣтнику Петру Петровичу Гёцу; недавно пріобрѣтена она отъ барона Ф. Е. Врангеля графомъ Дмитріемъ Андрѣевичемъ Толстымъ, который любезно сообщилъ въ Русскій Архивъ выдержки изъ нея, касающіяся Д. И. Фонвизина, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ о Клостерманѣ. Князь П. А. Вяземскій, для извѣстной книги своей о Фонвизинѣ, обращался къ старику Клостерману. Въ свѣдѣніяхъ доставленныхъ ему Клостерманомъ, «почерпнулъ онъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, а въ слезахъ, сверкавшихъ въ глазахъ Клостермана при имени Фонвизина,—удостовѣреніе, что Фонвизинъ умѣлъ вселять къ себѣ пріязнь и уваженіе, и выбирать своихъ пріятелей". Кстати заявить, что превосходная книга князя Вяземскаго о Фонвизинѣ, долго бывшая рѣдкостью и едва находимая за дорогія деньги, нынѣ вошла въ пятый томъ „Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго". За появленіе въ свѣтъ этихъ томовъ нельзя довольно благодарить издателя. П. Б.

1777.

Господинъ Соколовскій [1]) познакомилъ меня съ Денисомъ Ивановичемъ Фонвизинымъ, любезнымъ человѣкомъ, любезнымъ писателемъ. Съ нимъ въ послѣдствіи находился я въ очень близкихъ сношеніяхъ, которыя имѣли большое вліяніе на мою судьбу. Какъ онъ, такъ и его достойная супруга оказывали мнѣ до самой ихъ кончины неограниченное довѣріе и неизмѣнную любовь. Фонвизинъ умеръ на моихъ рукахъ 2-го Декабря 1792 года, супруга его послѣдовала за нимъ въ могилу въ 1796 году. Когда я зазналъ его, онъ былъ канцеляріи совѣтникомъ и находился по дѣламъ въ Парижѣ. Въ комическомъ родѣ онъ, можетъ быть, первый писатель въ Россіи, и его не безъ основанія называютъ Русскимъ Мольеромъ; его Недоросль сдѣлался любимымъ народнымъ произведеніемъ и превосходитъ почти всѣ новѣйшія Русскія комедіи истиною въ изображеніяхъ и неподдѣльностію народнаго юмора. Фонвизинъ отличался живою фантазіею, тонкою насмѣшливостію, умѣньемъ быстро подмѣтить смѣшную сторону и съ поразительною вѣрностію представить ее въ лицахъ; отъ этого бесѣда его была необыкновенно пріятна и весела, и общество оживлялось его присутствіемъ. Съ высокими качествами ума соединялъ онъ самое задушевное простосердечіе и веселонравіе, которыя сохранялъ даже въ самыхъ роковыхъ случаяхъ неспокойной своей жизни. Онъ въ высокой степени владѣлъ даромъ краснорѣчія, и если когда ему хотѣлось чего-либо добиться, то бывало трудно противустоять его просьбѣ. Но мнѣ будетъ еще много случаевъ говорить объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, и въ моемъ разсказѣ читатели найдутъ вѣрное изображеніе его характера.

Великій князь-наслѣдникъ и графъ Панинъ поручали ему покупать статуи и картины славныхъ художниковъ, книжныя рѣдкости, гравюры и проч. Я очень часто ѣздилъ съ нимъ въ лавки, въ которыхъ, равно какъ и на аукціонахъ, случалось ему дѣлать значительныя закупки. Когда ему самому не хотѣлось ѣхать на общественную распродажу художественныхъ произведеній, онъ посылалъ торговаться меня, отмѣтивъ предварительно въ каталогѣ что̀ нужно было купить. Такимъ образомъ я вошелъ въ сношенія съ главнѣйшими Парижскими книгопродавцами, именно Дебюромъ, Десеномъ (Dessaint), Панкукомъ, братьями Баруа, Жуберомъ, Мериго, Фрулемъ, Дидотомъ, Мутаромъ,

---

[1]) Совѣтникъ Русскаго посольства въ Парижѣ.

Базаномъ и Пеньо (Paignaut) и др., что́ доставило мнѣ въ послѣдствіи значительныя выгоды.

Покровитель и другъ мой Фонвизинъ и его супруга предприняли для возстановленія здоровья путешествіе въ южную Францію и предложили мнѣ сопровождать ихъ. Я съ радостію согласился, предвидя отъ того много для себя выгоды и удовольствія. Мы были въ Ліонѣ, Марселѣ, Монпелье, ѣздили по Лангедоку и чрезъ Безансонъ пріѣхали въ Страсбургъ, оттуда путешествовали по Шампаньи и на воды въ Спа. Изъ Спа направились мы чрезъ Люттихъ въ Ахенъ, гдѣ осматривали великолѣпный соборъ съ гробницею Карла Великаго, государственныя регаліи и проч., посѣщали разные цѣлебные источники, ѣздили на многія суконныя, игольныя и ткацкія фабрики и проѣхали до Брюсселя, гдѣ я разстался съ моимъ любезнымъ сопутникомъ. Чета Фонвизиныхъ захотѣла посмотрѣть Голландію, откуда, чрезъ Германію, на Дрезденъ и Польшу, вернулась въ Москву и Петербургъ.

1785.

Въ Мартѣ 1783 года умеръ государственный вице-канцлеръ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, и другъ мой Фонвизинъ, бывшій при немъ первымъ секретаремъ, подалъ въ отставку. Онъ получилъ ее на лестныхъ для него условіяхъ, съ чиномъ статскаго совѣтника и ежегоднымъ пенсіономъ въ 3 т. рублей изъ почтовыхъ доходовъ. Графъ Панинъ былъ другомъ Фонвизина въ полномъ смыслѣ слова. Послѣдній усвоилъ себѣ политическіе взгляды и правила перваго, и про нихъ можно было сказать, что они были одно сердце и одна душа. Поэтому, по кончинѣ графа Панина, Фонвизинъ не могъ рѣшиться продолжать службу при другомъ начальникѣ и вознамѣрился во второй разъ поѣхать за границу, тѣмъ болѣе, что супруга его, очень слабаго здоровья, нуждалась въ болѣе тепломъ климатѣ. Ему понадобился дѣловой и надежный человѣкъ, которому бы онъ могъ съ полною вѣрою поручить, на время своего отсутствія, управленіе значительнымъ его имѣніемъ. Такимъ человѣкомъ счелъ онъ меня. Словесно и письменно заявлялъ онъ мнѣ, что испытанною честностью въ образѣ мыслей, твердостью характера, умѣньемъ и привычкою вести дѣла всякаго рода я внушилъ ему довѣріе къ себѣ; что онъ имѣетъ многіе опыты личной моей приверженности къ нему и что поэтому онъ не знаетъ никого, кто бы лучше меня могъ управлять его состояніемъ. Онъ заклиналъ меня многолѣтнею нашею дружбою согласиться на его предложеніе, увѣряя, что въ противномъ случаѣ ему нельзя ѣхать въ чужіе края. На моихъ

рукахъ и безъ того было много дѣлъ, и я чувствовалъ, что обременю себя не подъ силу; но г-нъ Фонвизинъ оказывалъ мнѣ предъ тѣмъ столько безкорыстнаго благорасположенія и участливой дружбы, что я долженъ былъ согласиться.

Имущество моего друга, кромѣ вышеупомянутой пенсіи, состояло изъ деревни въ тысячу душъ въ Витебской губерніи и дома въ Петербургѣ на Галерной улицѣ. Фонвизинъ и его супруга выдали мнѣ законныя довѣренности на безусловное управленіе всѣмъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ ихъ обоихъ. Послѣ явки у нотаріуса этихъ довѣренностей, оба они, мужъ и жена, въ законно-совершенныхъ завѣщаніяхъ своихъ упомянули, что, въ случаѣ кончины ихъ, наслѣдники ихъ обязываются не вчинать никакого взысканія противъ моего управленія: иначе они сами лишаются наслѣдства. Желая избавить меня отъ возможныхъ проволочекъ и непріятностей по управленію деревнею, Фонвизинъ сдалъ ее въ аренду Курляндскому дворянину барону Медему, который обязался выплачивать ему по третямъ 5000 Альбертовыхъ талеровъ ежегодно подъ залогъ своей Лифляндской деревни.

Я принялъ на себя также продать собранныя Фонвизинымъ большую библіотеку, картины и гравюры: все это, по весьма дешевой оцѣнкѣ, сдѣланной согласно перечневой описи, стоило 52,221 рубль. Вещи, не назначавшіяся въ продажу, были уложены въ ящики и бережно сохранялись въ нарочно нанятомъ мною сараѣ. Принимая библіотеку, въ одной книгѣ Французской Энциклопедіи, случайно нашелъ я свертокъ съ тысячью рублей ассигнаціями. Года полтора назадъ Фонвизинъ считалъ эти деньги пропавшими и уволилъ отъ себя одного слугу, подозрѣвая его въ похищеніи этихъ денегъ. По небрежности онъ положилъ деньги въ книгу, которую читалъ и совершенно позабылъ о томъ. Онъ чрезвычайно обрадовался, когда я вручилъ ему мою находку; но бѣдному слугѣ, съ позоромъ прогнанному, было не легче отъ того, что обнаружилась его невинность. Таковы большіе господа!

Послѣ того какъ дѣла приведены были въ порядокъ, Фонвизинъ въ сопровожденіи супруги своей отправился за границу, запасшись паспортомъ, множествомъ рекомендательныхъ писемъ, тысячью червонцевъ чистыми деньгами, десятью тысячами Голландскихъ гульденовъ, и векселями отъ здѣшняго торговаго дома братьевъ Ливіо. Онъ поѣхалъ на Ригу, Кенигсбергъ и т. д. и достигъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая и наслаждаясь путешествіемъ, цѣли своихъ желаній,—прекрасной Италіи. Онъ располагалъ пожить въ этомъ саду Европы и хотѣлъ выбрать мѣстомъ пребыванія Ниццу или Пизу, съ тѣмъ чтобы въ прекрасномъ климатѣ лечиться купаньемъ.

Но старая пословица говоритъ, что бѣда не приходитъ одна. Такъ случилось и со мною. Управитель Фонвизинскаго имѣнія, по имени Банксъ, неожиданно явился ко мнѣ однажды съ печальнымъ извѣстіемъ, что всѣ крестьяне взбунтовались и не хотятъ больше повиноваться арендатору, что сей послѣдній тотчасъ донесъ о томъ въ Полоцкъ начальству и отказывается уплатить въ срокъ арендныя деньги владѣльцу. Отсюда возникло дѣло, стоившее мнѣ большихъ хлопотъ. Крестьяне ненавидѣли арендатора, г-на Медема, и поклялись умертвить его, какъ скоро представится удобный случай. Началось судебное разбирательство, и виновные привлечены къ наказанію. Нѣсколько человѣкъ крестьянъ прибыли въ Петербургъ и требовали себѣ защиты и работы. Не зная, какъ мнѣ быть, я обратился за помощью къ значительнымъ лицамъ, друзьямъ Фонвизина, и они не отказали мнѣ въ совѣтѣ и содѣйствіи. Съ особливымъ усердіемъ помогали мнѣ совѣтникъ Губернскаго Правленія Пузыревскій и гражданскій губернаторъ Коновницынъ. Въ труднѣйшихъ случаяхъ я обращался къ тогдашнему статскому совѣтнику Аркадію Ивановичу Моркову и къ сенатору Алексѣеву. Они занимались дѣломъ съ такимъ участіемъ, какъ бы оно было ихъ собственное. Между тѣмъ Фонвизинъ тогда еще не доѣхалъ до Италіи, и неполученіе арендныхъ денегъ очень его затруднило, такъ какъ взятыя съ собою деньги онъ истратилъ на покупку художественныхъ предметовъ; а до окончанія дѣла, грозившаго большою проволочкою, не было никакой надежды получить доходъ съ имѣнія, тѣмъ болѣе что сами крестьяне нуждались въ пособіи, безъ котораго имъ приходилось бы совсѣмъ разориться. Я поставленъ былъ въ необходимость занять для него въ банкѣ по 5% десять тысячъ рублей подъ залогъ 500 душъ крестьянъ и, отсылая къ нему эти деньги, убѣдительнѣйше просилъ его потороп̃иться возвращеніемъ въ отечество. О томъ же писали къ нему и вышеназванные друзья его. Онъ послушался нашихъ настоятельныхъ просьбъ и поѣхалъ назадъ изъ Рима на Вѣну, Ольмюцъ, Краковъ и Варшаву. Изъ сего послѣдняго города онъ отправился прямо въ Бѣлоруссію, въ Полоцкъ, гдѣ и свидѣлся съ барономъ Медемомъ, но безъ всякой пользы для дѣла; потому что г-нъ арендаторъ не только не хотѣлъ платить просроченныхъ денегъ, но требовалъ отъ Фонвизина значительной неустойки. Обѣ стороны разошлись въ негодованіи одна на другую, и тяжба ревностно поведена дальше.

Черезъ Полоцкъ и Смоленскъ Фонвизинъ поѣхалъ въ Москву навѣстить свое семейство; но только что онъ туда пріѣхалъ, какъ съ нимъ сдѣлался ударъ столь сильный, что онъ не могъ пошевелиться ни однимъ членомъ, а умъ его, прежде столь ясный и свѣтлый, на нѣкоторое время помрачился совершенно.

Меня сокрушила вѣсть о печальномъ состояніи, въ которомъ находился другъ мой и благодѣтель; да и собственное мое положеніе было очень непріятно: я въ первый разъ почувствовалъ, какую обузу взвалилъ я на себя управленіемъ его дѣлъ, тогда какъ въ прежнемъ кругу моей дѣятельности мнѣ было легко и свободно. Любовь и признательность за многолѣтнюю дружбу и одолженія, твердое намѣреніе добросовѣстно и до конца исполнить взятую обязанность и сознаніе, что я дѣйствовалъ по наилучшему усмотрѣнію, поддерживали меня. Я вступилъ въ переписку по этимъ дѣламъ и дрязгамъ съ братомъ моего друга (позднѣе директоромъ Московскаго Университета) Павломъ Ивановичемъ и подробно изложилъ ему все положеніе оныхъ. Къ удовольствію моему, онъ согласился дѣятельно помочь мнѣ въ прекращеніи несносной и дорого стоющей тяжбы. Какъ сказано выше, Фонвизинскіе крестьяне прибыли въ Петербургъ искать работы и пропитанія и обратились ко мнѣ за паспортами, чтобы наняться рыть начатый въ то время каналъ въ Фонтанку. Эти бѣдные люди, безъ пищи и крова, съ смертною блѣдностью на лицахъ, едва прикрытые какими-то лохмотьями, шатались, какъ привидѣнія, по улицамъ, или осаждали мой домъ. Надо было имѣть каменное сердце, чтобы не чувствовать къ нимъ состраданія. При видѣ ихъ сердце мое обливалось кровью. Я раздавалъ имъ хлѣба, платья; а тѣмъ изъ нихъ, которые были въ силахъ работать, досталъ паспорты. Но помогать всѣмъ ежедневно ко мнѣ приходившихъ, конечно, не доставало у меня средствъ. Нанявшіеся рыть каналъ вскорѣ стали изнемогать отъ этой тяжелой работы, ибо съ горя и нищеты они походили скорѣе на мертвецовъ, нежели на людей. Начались жалобы и всякаго рода дрязги со стороны подрядчиковъ, которые отказывались выплачивать имъ деньги полностью. Такъ называемые сотскіе или смотрители за работою твердили объ ихъ неумѣньи и лѣности; а тѣ, въ свою очередь, вопіяли на строгость и суровое обращеніе. За каждаго больнаго, отправляемаго въ госпиталь, приходилось платить ежемѣсячно по 4 рубля впередъ; иной изъ нихъ обходился мнѣ въ мѣсяцъ отъ 8 до 16 рублей. Терпѣніе мое, наконецъ, лопнуло, и я написалъ брату моего друга, чтобы онъ поскорѣе освободилъ меня изъ столь непріятнаго положенія. Вмѣсто того онъ прислалъ ко мнѣ своего человѣка, про котораго писалъ, что онъ опытенъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, будетъ въ моемъ полномъ распоряженіи и, если нужно, мнѣ пособитъ. Онъ прибавлялъ, что брату его легче, что съ его выздоровленіемъ все войдетъ въ прежнюю колею, и чтобы я потерпѣлъ еще. Присланный имъ крѣпостной Фонвизинскій человѣкъ назывался Семеномъ, но съ Святымъ Симеономъ, кромѣ имени, не имѣлъ ничего общаго. Въ трезвомъ состояніи былъ онъ очень спод-

ручень и пригоденъ, быстро исполнялъ мои порученія, отличался находчивостью и трудолюбіемъ; но хвативъ черезъ край, что съ нимъ не рѣдко случалось, становился никуда не годенъ, грубъ и сварливъ до невыносимости. Съ ранняго утра до поздняго вечера онъ бывалъ пьянъ, иной разъ цѣлую недѣлю.

Къ этой мукѣ вскорѣ прибавилась новая. Ко мнѣ явился также и старый управляющій, Банксъ. По его словамъ, онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Фонвизинской деревни (гдѣ спокойно проживалъ многіе годы и обзавелся хозяйствомъ) по той причинѣ, что его тѣснилъ арендаторъ, а крестьяне грозили убить его, утверждая, что изъ-за него они стали бунтовать и что онъ виновникъ всей постигшей ихъ бѣды, такъ какъ онъ будто уговорилъ г-на Фонвизина на аренду, стакнувшись съ арендаторомъ, и что ему не пройдетъ даромъ эта плутня. «Теперь», говорилъ мнѣ старикъ Банксъ, «я на старости лѣтъ не знаю гдѣ пріютиться и въ бѣдѣ моей прибѣгаю къ вамъ; вы уполномоченный моего хозяина и не откажетесь войти въ мое положеніе». Я выразилъ ему сожалѣніе и разъяснилъ невозможность, съ моей стороны, что-либо для него сдѣлать. Онъ оставался въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ и уѣхалъ въ Москву къ больному Фонвизину.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было ждать доходовъ съ имѣнія. Выручка за отдачу въ наемъ дома, пенсіонъ и деньги, полученныя мною за проданныя вещи, не покрывали расходовъ на прожитокъ и уплаты долговъ (приходилось ежегодно вносить по 600 р. процентовъ въ банкъ). Къ тому же Фонвизинъ, за границею и живучи больной въ Москвѣ, надѣлалъ новыхъ долговъ. Я долженъ былъ занять еще въ банкѣ 5000 р. по 6 процентовъ.

Въ началѣ Декабря 1785 года я отправился въ Москву прижать къ сердцу моего друга, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни, и нашелъ его въ плачевномъ состояніи. Онъ страдалъ разслабленіемъ всѣхъ членовъ и едва владѣлъ языкомъ. Въ тусклыхъ глазахъ его засвѣтился лучъ радости, когда я подошелъ къ его постели; онъ хотѣлъ, но не могъ обнять меня, силился привѣтствовать меня словами, но языкъ не слушался и произносилъ невнятные звуки. Наконецъ удалось ему подать мнѣ лѣвую руку, которую я прижалъ къ груди своей. Супруга его и остальные члены семейства приняли меня съ отмѣнною дружбою. Большую часть времени просиживалъ я у одра больнаго моего друга. Правая рука у него совсѣмъ отнялась, такъ что онъ и двигать ею не могъ, и пытался писать лѣвою, но выводилъ по бумагѣ какіе-то знаки, по которымъ съ трудомъ можно было догадываться, что ему хотѣлось выразить. Душевныя способности также очень ослабли; но кушалъ онъ отлично и, не взирая на запрещеніе врача, требовалъ то

того, то другаго изъ любимыхъ своихъ снѣдей. Въ случаѣ отказа, вслѣдствіе неудобоваримости, онъ велъ себя какъ малый ребенокъ, и нужно бывало пускать въ ходъ даже строгости, чтобы онъ успокоился. Оба его врача, докторъ Янишъ и статскій совѣтникъ докторъ Фрезе единогласно утверждали, что онъ могъ поправиться и выздоровѣть отъ употребленія теплыхъ купаній. Рѣшено было обратиться въ Вѣну къ знаменитому доктору Максиміліану Штолю, который лично зналъ и прежде пользовалъ Фонвизина и послать ему изложеніе его болѣзни. Этотъ ученикъ Эскулапа также отозвался въ пользу купаній и минеральныхъ водъ, и на основаніи всего этого положено на слѣдующую весну предпринять новое путешествіе.

Въ Мартѣ 1786 года пріѣхала къ намъ въ Петербургъ супруга Фонвизина для предварительныхъ распоряженій относительно заграничной поѣздки. Я постарался елико возможно привести дѣла въ порядокъ, досталъ все нужное и въ Маѣ поѣхалъ съ нею вмѣстѣ въ Москву, гдѣ и оставался до ихъ выѣзда.

Въ это время умеръ отецъ Фонвизина, 86 лѣтній отставной бригадиръ. Семья по этому случаю вела уединенный образъ жизни, чѣмъ я и воспользовался, чтобы представить Павлу Ивановичу Фонвизину отчетъ по управленію имуществомъ его брата. Оказалось, что моихъ денегъ за Фонвизинымъ нѣсколько тысячъ. Въ Іюнѣ больной съ супругою уѣхали, съ прислугою, состоявшею изъ дѣвушки Итальянки Теодоры, которую г-жа Фонвизина принаняла въ Римѣ, изъ Нѣмца-камердинера и Русскаго крѣпостнаго слуги. Они направились въ Вѣну на Смоленскъ, Вильну, Краковъ и т. д., а я уѣхалъ въ Петербургъ.

1787.

Въ Вѣнѣ я постарался немедленно отыскать квартиру моего друга и благопріятеля. Онъ жилъ въ домѣ барона Зедделера на Петровской площади. Первый день я съ нимъ не разлучался. Послѣ столь долгой разлуки поговорить было о чемъ. Часто насъ прерывали знатныя лица, пріѣзжавшія навѣстить Фонвизина. Такъ пріѣзжалъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, находившійся въ Вѣнѣ проѣздомъ въ Туринъ, куда онъ былъ назначенъ посланникомъ. Онъ выражалъ большое участіе къ страданіямъ Фонвизина, а мнѣ сдѣлалъ честь, пригласилъ меня остановиться у него въ Туринѣ, когда я ѣхалъ назадъ изъ Рима. У Фонвизина встрѣчался я тогда съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ Разумовскимъ (который жилъ въ Вѣнѣ частнымъ человѣкомъ), съ совѣтникомъ посольства Отто и его супругою, женщиной блестящаго ума, съ

г-дами Полетикой, Клюпфелемъ, Кудрявскимъ, съ тогдашнимъ маіоромъ, а теперь статскимъ совѣтникомъ Цагелемъ и его любезною супругою, красавицею урожденною Кульманъ изъ Выборга и со многими другими любопытными лицами, которые почти всѣ навѣщали насъ ежедневно. Г-жа Фонвизина въ особенности полюбила Венгерскую графиню Кордесси, большую музыкантшу, игравшую на многихъ инструментахъ, а всего лучше на віолончели.

Въ отсутствіе мое, не только моими дѣлами, но и дѣлами Фонвизина завѣдывалъ мой отецъ. Воды Бадена, Теплица и Карлсбада не помогли Фонвизину, и въ исходѣ 1787 года онъ возвратился въ Россію. Послѣ семилѣтнихъ страданій онъ скончался 48 лѣтъ, отъ роду, 2 Декабря 1792 года, въ моемъ присутствіи. 6-го Декабря происходили торжественныя его похороны въ Александроневской лаврѣ; супруга его отправилась жить къ двоюродной сестрѣ своей г-жѣ Жигулиной. Я всѣми способами старался быть ей полезенъ.

*

Въ Духовномъ Завѣщаніи своемъ (Сочин. Фонвизина, изд. 1866, стр. 524), написанномъ въ 1786 году, Фонвизинъ упомянулъ: „Заведенная мною комерція вещами, до художествъ принадлежащими, и отправляемая нынѣ С.-Петербургскимъ первой гильдіи купцомъ Германомъ Клостерманомъ, должна остаться въ полномъ и единственномъ хозяйствѣ и расположеніи жены моей".

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Вопросъ о томъ, какое видное мѣсто Великая Княгиня Елена Павловна, своимъ умомъ и сердцемъ, усвоила себѣ въ кругу историческихъ женщинъ новѣйшаго времени, давно рѣшенъ общею молвою, не допускающею въ семъ случаѣ ни спора, ни сомнѣнія. Не вдаваясь по сему въ разборъ политическаго вліянія, которымъ она пользовалась, благодаря справедливой оцѣнкѣ ея умственныхъ качествъ двумя государями, Николаемъ I и Александромъ II, постараюсь въ немногихъ словахъ высказать впечатлѣніе, которое она, какъ Великая Княгиня и какъ женщина съ сердцемъ и душою, производила на меня при каждой случайной встрѣчѣ. Встрѣчался же я съ нею довольно часто для человѣка непридворнаго, и эти встрѣчи глубоко врѣзались въ мою память нерушимымъ завѣтомъ благодарности и уваженія.

Однажды Великая Княгиня меня выручила изъ тяжкой бѣды, о чемъ не упущу разсказать въ своемъ мѣстѣ.

Въ 1856 году, по окончаніи Восточной войны, до коронаціи еще, я былъ отправленъ въ Вѣну военнымъ агентомъ.

Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, имѣвъ счастіе представляться Государю Императору и Императрицѣ, въ числѣ прочихъ членовъ императорской фамиліи представился я и Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Великая Княгиня приняла меня въ Ораніенбаумѣ, посадила, обласкала и долго разговаривала со мной о моемъ новомъ назначеніи и объ Австрійскомъ дворѣ и обществѣ, отъ которыхъ много долженъ былъ зависѣть успѣхъ моей служебной дѣятельности. Разговоръ ея, касаясь всѣхъ сторонъ созданнаго мнѣ положенія, открывалъ моему взгляду новыя, дотоль невѣдомыя для меня, сплетенія международныхъ отношеній. Прослуживъ до той поры далеко отъ нашего, какъ и отъ всякаго другаго, двора, на южныхъ окраинахъ Россіи, я, такъ сказать, прямо съ сѣдла и изъ-подъ палатки, увидѣлъ себя закинутымъ на чужую сторону, къ совершенно мнѣ незнакомому двору, и отъ этого хотя не пре-

давался работы, но все-таки не былъ твердо увѣренъ, удастся ли мнѣ совладать съ дѣломъ, которое успѣлъ изучить по одной оффиціальной перепискѣ моего предшественника, графа Эрнеста Штакельберга, въ то время назначеннаго министромъ въ Туринъ. Единственною подмогою служило мнѣ то, что я свободно владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ, безъ котораго нелегко было обойтись при Австрійскомъ дворѣ, въ военномъ кругу и Вѣнскомъ обществѣ.

Императрица Марія Александровна первая указала мнѣ на это важное обстоятельство, когда въ Петергофѣ я имѣлъ счастіе ей представиться. Слѣдуя въ церковь съ Государемъ Императоромъ, Ея Величество покинула руку его, сѣла на ближайшій стулъ, дала знакъ мнѣ подойти и съ перваго начала заговорила по-нѣмецки. Проговоривъ нѣсколько минутъ, Государыня изволила спросить, не показалось ли мнѣ нѣсколько страннымъ, что она говоритъ со мной по-нѣмецки, а не по-русски и, не дожидаясь отвѣта, прибавила: «Дѣлаю это съ цѣлію испытать, довольно ли хорошо вы говорите по-нѣмецки для того, чтобы не встрѣтить затрудненія въ исполненіи вашихъ новыхъ обязанностей. Нѣмецкій языкъ необходимъ въ Австріи, при дворѣ и въ обществѣ, хотя тамъ всѣ умѣютъ говорить по-французски. Я вами довольна; ступайте, дѣлайте что̀ вамъ велѣно Государемъ».

Не знаю, одинаково ли довольна осталась Елена Павловна моими отвѣтами на предлагаемые ею вопросы; знаю только, что съ того перваго раза до послѣдней минуты, когда явился я къ ней въ Ораніенбаумѣ, нѣсколько мѣсяцевъ до ея неожиданной кончины, я имѣлъ дорогое счастіе пользоваться ея высокимъ расположеніемъ, не замѣчая ни малѣйшей перемѣны.

Безотлучно оставаясь въ Вѣнѣ на своемъ посту, много лѣтъ я не видалъ Великой Княгини. Въ 1862 году Елена Павловна пріѣхала въ Карлсбадъ, куда изъ Вѣны я поѣхалъ поклониться Ея Высочеству. Баронъ Розенъ въ то время провожалъ Великую Княгиню и, по его докладу, она въ первый же день моего пріѣзда приняла меня около полудни, позвала обѣдать, потомъ повезла на прогулку вмѣстѣ съ Розеномъ и съ постоянно при ней находившеюся умною и любезною дѣвицею, баронессою Раденъ.

Тутъ представился мнѣ случай узнать, какое теплое участіе Великая Княгиня хранила въ глубинѣ сердца ко всѣмъ лицамъ, когда-либо и почему-либо однажды заслужившимъ ея расположеніе. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ генералъ Нейдгартъ занималъ должность начальника штаба при В. К. Михаилѣ Павловичѣ, командовавшемъ гвардейскимъ корпусомъ. Это обстоятельство повело къ тѣсному сближенію Михаила Павловича и Елены Павловны не только съ генераломъ, но

и съ его семействомъ, изъ среды котораго двѣ старшія дочери, Лиза и Маша, по лѣтамъ ровесницы Великихъ Княженъ, дочерей Елены Павловны, скоро сдѣлались ихъ дѣтскими подругами. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ генералъ Нейдгартъ, по окончаніи Польской войны, былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба, послѣ сего переведенъ въ Митаву командиромъ 5-го, потомъ въ Москву командиромъ 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, и наконецъ наименованъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ въ Грузіи, откуда вернулся спустя два года въ Москву, гдѣ скоропостижно кончилъ жизнь въ Іюлѣ 1845 года. Семейство осиротѣло; дѣла вдовы, рожденной княжны Черкасской, пошли въ разладъ. Старшая дочь Лиза тѣмъ временемъ вышла замужъ за графа З*, молодаго гусарскаго офицера, далеко не оправдавшаго ея дѣвичьихъ надеждъ на супружеское счастіе. Проживъ состояніе, перешедшее къ нему отъ отца, графъ З* кончилъ свое недолго длившееся существованіе и оставилъ вдову съ тремя малолѣтними дочерьми въ крайне-необезпеченномъ положеніи. Императрица Александра Ѳеодоровна пристроила ее съ дѣтьми по конецъ жизни, доставивъ ей въ Москвѣ мѣсто начальницы Елисаветинскаго женскаго института. Болѣе тридцати лѣтъ прошло съ той поры какъ дочери А. И. Нейдгарта разошлись съ Великими Княжнами, постоянно находясь вдали отъ Петербургскаго двора. Поэтому я крайне удивился, когда Елена Павловна, узнавъ изъ разговора моего, что генералъ Нейдгартъ, по матери, приходился мнѣ роднымъ дядей, стала разсказывать о семействѣ его и о неблагополучной судьбѣ моей двоюродной сестры, графини З*, такія подробности, какія мнѣ самому едва были извѣстны. На замѣчаніе мое, что я понять не могу, какими путями, несмотря на время и на разстояніе, эта неутѣшительная повѣсть могла дойти до слуха ея и сохраниться въ ея памяти, Елена Павловна сказала: «Не удивляйтесь; имѣю я привычку не забывать кого однажды знала и полюбила; слѣжу за его судьбою, чтобы сохранить возможность въ случаѣ нужды подать руку помощи.»

Усвоить себѣ такого рода привычку дано не каждому, кто бы даже того пожелалъ: однѣ исключительныя натуры пользуются такимъ благодатнымъ преимуществомъ.

И это не единственный случай, громко свидѣтельствующій въ пользу ея непритворной сердечной доброты.

Благотворительность Елены Павловны всѣмъ извѣстна; поэтому нечего повторять, что́ знаетъ каждый нищій; но были случаи, доказывающіе, что она и подъ покровомъ строго хранимой негласности поступала одинаково добродушно.

Приведу два малоизвѣстные случая, разсказанные мнѣ докторомъ, много лѣтъ состоявшимъ при ея особѣ.

Въ Русскую службу поступилъ нѣкій Мекленбургскій офицеръ, не особенно строгой нравственности, женился на дочери генерала Н*, пожилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и потомъ, вмѣстѣ со своею легкоумною супругою, не дождавшись отставки и безъ отпуска, бѣжалъ на родину, покинувъ безъ всякихъ средствъ малолѣтняго ребенка у какого-то Нѣмца-аптекаря. Скрыться заставили его неоплатные долги. Узнавъ объ этомъ дѣлѣ, Елена Павловна взяла брошеннаго ребенка на свое полное попеченіе.

Въ Петербургъ пріѣхалъ молодой неизвѣстный медикъ, сгаравшій желаніемъ вблизи увидать Елену Павловну, о которой наслышался много хорошаго, и высказался при комъ-то, что верхомъ блаженства было бы для него коснуться ея благодѣтельной руки. Желаніе молодаго энтузіаста дошло до Елены Павловны. Она приняла его, совершенно очаровала своею благосклонностью и, отпуская, протянула ему руку. Когда, на другой день, при ней состоявшій докторъ сталъ ей описывать восторгъ отличеннаго ею молодаго человѣка, слеза умиленія блеснула въ ея глазахъ. Въ тиши уединеннаго кабинета, при единственномъ свидѣтелѣ докторѣ, нечего ей было притворяться—отозвалось сердце!

Послѣ этого что̀ скажутъ ея недоброжелатели, безъ которыхъ и она не обошлась?

Съ первой половины шестидесятыхъ годовъ здоровье Великой Княгини начало портиться, и она почти каждое лѣто стала посѣщать Карлсбадъ и Рагацкія минеральныя воды въ Швейцаріи. Въ то же время мнѣ было предписано пить на мѣстѣ Карлсбадскую воду для излѣченія невыносимой головной боли, происходившей отъ печени и отъ контузіи, полученной еще подъ Варшавой въ 1831 году. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ встрѣчалъ я въ Карлсбадѣ Великую Княгиню; благодаря ея постоянной благосклонности, тутъ имѣлъ возможность близко приглядѣться къ ея образу жизни и къ ея домашнимъ привычкамъ.

Въ Карлсбадѣ обыкновенно занимала она небольшой двухъэтажный домъ подъ вывѣской «Englisches Haus», стоявшій на горѣ, выше Шлосбрунна. Для прогулки на открытомъ воздухѣ, на время пребыванія Великой Княгини, пристраивалась къ дому временная деревянная терраса, покрытая полотнянымъ навѣсомъ. Верхній этажъ занимала Елена Павловна; внизу находились службы и большая пріемная комната, въ которой отбывались музыкальные вечера, составлявшіе ея любимое удовольствіе. Скоро по прибытіи Великой Княгини при входѣ располагалась книга, въ которой записывались лица, уже знакомыя или желавшія представиться ея высочеству. По этимъ записямъ дѣлались потомъ пригла-

шенія къ обѣду или на вечеръ. По заведенному порядку мужчины являлись къ обѣду во фракѣ и черномъ галстукѣ, безъ орденовъ; вечеромъ приходили въ сюртукѣ, прямо съ прогулки.

Жизнь Великой Княгини на водахъ не стѣснялась никакимъ придворнымъ этикетомъ. Въ первые годы своего пребыванія въ Карлсбадѣ она частехонько ходила, мѣшаясь въ толпу посѣтителей, въ Постгофъ и въ Фрейндшафтсзаль, подъ тѣнію раскидистыхъ липовыхъ деревъ пить утренній кофе, заговаривала съ знакомыми ей лицами и отнюдь не чуждалась публики. Провожали ее въ такомъ случаѣ баронесса Раденъ, Розенъ, или докторъ; нерѣдко показывалась она и безъ нихъ; никогда же не таскала за собой лакея облеченнаго въ придворную ливрею. Являясь въ загородный Карлсбадскій садъ, она садилась за первый свободный столъ, наравнѣ съ прочими смертными, нисколько не брезгая красною скатертью, которою столы были накрыты. За то хорошенькія дѣвочки, разносившія кофе, всѣ ее знали, издалека кидались къ ней навстрѣчу, оглушая крикомъ: Hoheit! Hoheit! hieher, hier ist es besser, hier ist mehr Schatten [1]. Улыбаясь Великая Княгиня дѣвчатамъ давала себя увлекать, добродушно распрашивала о домашнихъ дѣлахъ и при отъѣздѣ щедро награждала ихъ деньгами и золотыми вещицами, которыми красавицы потомъ не мало гордились. Часто случалось мнѣ въ послѣдствіи, любуясь хорошенькой брошкой или сережками, украшавшими которую-нибудь изъ Карлсбадскихъ кафе-фрейленъ, получать горделивый отвѣтъ: «Das kommt von Ihrer Hoheit; das soll mein Brautschmuk sein!» [2])

Просто, не навлекая на себя вниманія публики, держали себя еще король и принцы Прусскіе. Не такъ разные маленькіе Нѣмецкіе властители. Эксъ-курфирстъ Гессенскій и супруга его, графиня Ганау, не иначе выходили на гулянье, какъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ фрейлинъ и придворныхъ кавалеровъ, за которыми неизбѣжно слѣдовали два лакея, испещренные гербовымъ галуномъ. Заранѣе уставлялся для нихъ особый столъ, подальше отъ неравнокровнаго люда, накрывался бѣлою скатертью и окружался счетнымъ числомъ мягкихъ, красною матеріей обитыхъ стульевъ.

Въ продолженіи одного курса пользовалась Карлсбадскими водами еще одна Нѣмецкая принцесса, уже слишкомъ незначительнаго владѣтельнаго дома; та также не являлась въ знаменитый Постгофъ безъ фрейлины, кавалера и лакея. Лакей объявлялъ прислужницамъ волю ея свѣтлости, кавалеръ принималъ приборъ, фрейлина разливала кофей

---

[1]) Ваше высочество, ваше высочество! сюда! здѣсь лучше, здѣсь больше тѣни.

[2]) Это отъ ея высочества, это будетъ моимъ свадебнымъ украшеніемъ.

и подавала чашку принцессѣ. Говорятъ, Елена Павловна не разъ позволяла себѣ посмѣиваться надъ такою процедурой; но ни примѣръ, ни ея шутливые намеки не могли сбить Нѣмецкой принцессы съ истиннаго пути.

Любуясь этими образцами самосозданнаго величія, въ потѣ лица и къ вящему ущербу своихъ торговыхъ кассъ, метались разбогатѣвшіе сыны ветхаго завѣта перещеголять всѣхъ посѣтителей Карлсбада нахальною шумливостью и блескомъ туалетовъ и экипажей. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ за Берлинскимъ банкирскимъ сыномъ, совершенно молодымъ человѣкомъ, облѣпленный золотымъ галуномъ лакей носилъ къ источнику стаканъ, мотавшійся на шелковомъ шнуркѣ, словно кадило.

Въ первые годы Великая Княгиня нерѣдко приглашала къ столу своему человѣкъ двухъ или трехъ изъ числа знакомыхъ ей Русскихъ посѣтителей Карлсбада. Позже, когда ея здоровье видимо стало слабѣть, она мало по малу перешла къ однимъ вечернимъ пріемамъ въ нижней комнатѣ, а наконецъ и туда стала приходить изъ своихъ внутреннихъ покоевъ на самое короткое время, чтò не мѣшало ей однако нѣкоторыхъ Русскихъ звать на вечеръ. Не помню, въ какомъ году именно, гостила у нея племянница принцесса Нейвидская (чтò нынѣ королева Румыніи), и тутъ случилось мнѣ съ нею и съ баронессою Раденъ просиживать лѣтніе вечера, а самоё Елену Павловну видѣть на одно только мгновеніе.

Миловидная и очень разговорчивая принцесса, отличавшаяся молодостью и пріятнымъ, здравымъ умомъ, наполняла эти вечера безконечными разсказами о своемъ дорогомъ Нейвидѣ, дышавшими весеннею свѣжестью дѣвичьихъ понятій, еще не отуманеныхъ отравою лжи и притворства. Видимо, примѣръ и наставленія умной тетушки въ равной мѣрѣ уберегли ее отъ напускной, приторно-сладостной чувствительности и отъ тупоумно-безчувственной надменности, такъ часто до безобразія искажающихъ лучшіе порывы женскаго сердца. Въ послѣдствіи Великая Княгиня, усиленно страдая, была принуждена отказаться даже отъ такихъ кратковременныхъ появленій въ своей пріемной. Она стала искать уединенія, воду пила въ своей комнатѣ, и разъ только въ сутки выѣзжала въ колясочкѣ, запряженной осломъ, которымъ правилъ Нѣмецъ-погонщикъ, шедшій возлѣ экипажа, не сопровождаемый ливрейною подмогою. Избѣгая публики, она направлялась по крутымъ дорожкамъ, не привлекавшимъ въ ранніе утренніе часы посѣтителей, прежде всего искавшихъ на чтò позѣвать, да и самихъ себя показать. Русскіе, которымъ было извѣстно ея желаніе ни съ кѣмъ не встрѣчаться, зави-

дѣвъ запряженнаго осла у подъѣзда «Englishes Haus, уходили въ сторону отъ мѣстъ, служившихъ для нея обычной прогулкой.

Кромѣ нездоровья, еще другая причина заставляла Елену Павловну удаляться отъ публики. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ крикливый Еврейскій элементъ совершенно завладѣлъ Карлсбадомъ: у источниковъ съ ранняго утра стали появляться огромные шиньоны, яркоцвѣтныя шелковыя платья, и раздаваться безпрестанные возгласы: «sehr fein, und sehr nobel, dazu grosses Capital, zählet nach Millionen! То была эпоха расходившагося водоворота акціонерныхъ продѣлокъ, на долгіе годы подорвавшаго до той поры очень солидный Нѣмецкій кредитъ.

По случаю сказаннаго Еврейскаго наплыва на Карлсбадскій чистенькій городокъ, разыгрался въ то время анекдотъ, доказывающій, до какого смѣшнаго положенія способно довести мелкое людское тщеславіе.

Нѣкій важный сановникъ, знакомый Еленѣ Павловнѣ по мѣсту, которое онъ занималъ въ Петербургѣ, но супруги котораго она никогда не встрѣчала, записался въ книгѣ у швейцара тотчасъ по ея прибытіи, не забывъ рядомъ помѣтить и свою дражайшую половину. Великая Княгиня, въ ту эпоху положительно прекратившая званые обѣды, по утрамъ принимала въ видѣ особаго исключенія, а на вечеръ приглашала только давно ей знакомыхъ людей, и то не для собственнаго удовольствія, а для развлеченія своей племянницы. Удостоивался я зова на вечеръ единственно потому, что принадлежалъ къ категоріи не совсѣмъ молчаливыхъ собесѣдниковъ и, по лѣтамъ, молодой принцессѣ годился только въ наставительную роль отца, коли не дѣдушки. Время уходило, а Великая Княгиня не звала къ себѣ записавшагося сановника, ни его супруги. Показалось это обиднымъ чиновному господину; пошелъ онъ просить объясненія у состоявшаго при Еленѣ Павловнѣ, кажется, барона Икскуля, и получилъ въ отвѣтъ, что она, по причинѣ разстроеннаго здоровія, прекратила всякіе пріемы новыхъ лицъ, и представленіе его супруги поэтому можетъ совершиться только случайнымъ образомъ.

Замоталъ себѣ на усъ такое наставленіе сановникъ, затронутый въ своемъ чиновничьемъ самолюбіи; подумалъ: не хотите вы отдать должный почетъ моему званію, такъ я безъ васъ подведу желанный случай.

Съ той поры, едва оселъ появится у подъѣзда Великой Княгини, какъ сановникъ уже шагаетъ по горамъ, куда его манила надежда ее встрѣтить. Нѣсколько разъ встрѣчала она его къ своему неудовольствію, но по своей добротѣ останавливалась и обращала къ нему то или

другое привѣтливое слово. Ободренный ея вниманіемъ, рѣшился онъ воспользоваться подобнымъ случаемъ для горячо желаннаго представленія своей половины и приготовился къ такому дѣлу.

Подсмотрѣвъ однажды утреннюю прогулку Елены Павловны, онъ скорыми шагами послѣдовалъ за осленкомъ и, поравнявшись съ нимъ, низко раскланялся. Великая Княгиня опять заговорила съ нимъ, при чемъ коснулась своего отвращенія отъ городскаго шума и отъ пестрой толпы, въ которой нервы ея болѣе всего раздражали нахальные пріемы разбогатѣвшихъ Евреевъ и безвкусно-вычурные туалеты ихъ женъ и дочерей.

Въ эту минуту изъ-за поворота дороги показалась на встрѣчу шедшая дама, разодѣтая не по утреннему.

«Сами убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ», сказала Великая Княгиня, указывая на подходившую госпожу. «Нечего теряться въ догадкахъ—Еврейка: такъ она разряжена для ранней утренней прогулки!»

Сановникъ низко поклонился и въ нѣмомъ молчаніи пропустилъ мимо себя разряженную даму. Это была его супруга!

Замѣчаніе Великой Княгини побудило его не признать своей собственной жены.

Слѣдилъ сановникъ за Великой Княгиней; нашлись люди, которые отъ нечего дѣлать присматривали и за его прогулками, замѣтивъ, что онѣ постоянно направлялись въ ту сторону, куда она ѣздила. Кто-то незамѣченно подсмотрѣлъ вышеописанную сцену и разнесъ ее по городу.

Осенью 1862 года, наканунѣ Польскаго возстанія, судьба грозила поставить меня въ несказанно-горькое положеніе. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ почелъ обязанностью сдѣлать Государю предложеніе отозвать меня немедленно съ моего Вѣнскаго поста. По какому поводу ему пришла такая мысль, объяснять читателю было бы не у мѣста, да и совершенно отдалило бы меня отъ предмета моихъ настоящихъ воспоминаній. Потеря должности мало бы меня огорчила: занялъ я ее не напрашиваясь, да и отпрашиваться не разсчитывалъ. Тутъ скрывалась другая бѣда. Жена моя, до того времени обладавшая полнымъ здоровьемъ, на тридцать шестомъ году жизни заболѣла наслѣдственнымъ острымъ ревматизмомъ, слегла въ постель, и болѣзнью скоро была доведена до совершеннаго истощенія. Ни Австрійскія минеральныя воды, ни знаменитые Вѣнскіе медики не были въ состояніи поднять ее на ноги. Мѣсяца три она уже не покидала постели, когда военный министръ предувѣдомилъ меня о предстоящемъ мнѣ перемѣщеніи. Везти жену въ зимнее время было невозможно, не подвергнувъ дни ея неизбѣжной опасности; покинуть въ Вѣнѣ значило осудить больную на го-

рестное одиночество; оставаться отпускнымъ въ Австріи послѣ отозванія, яко бы въ укоръ Австрійскому императору за недостатокъ вниманія ко мнѣ (какъ полагалъ сдѣлать князь Горчаковъ), оказывалось въ высшей степени неприличнымъ: дилемма, изъ которой я не видѣлъ другаго исхода, кромѣ временной отсрочки моего перемѣщенія, не представлявшей ни малѣйшаго служебнаго вреда. Попросилъ я, до окончательнаго рѣшенія вопроса, дозволить мнѣ явиться въ Петербургъ для личнаго объясненія. Дѣло заключалось въ томъ, что политическія отношенія между Русскимъ и Австрійскимъ правительствами вступили тогда въ эпоху самаго рѣзкаго обоюднаго недовѣрія. Кромѣ того, министръ нашъ, Викторъ Петровичъ Балабинъ, своими далеко недипломатическими и неполитическими выходками, навлекъ на себя справедливое негодованіе Австрійскаго двора. Въ тоже время ему удалось оказать и Славянскому дѣлу нѣсколько медвѣжьихъ услугъ, т. е. камнемъ бить по лбу, чтобы спугнуть докучливую муху. Кажись уже въ то время, онъ сталъ мѣшаться въ умѣ, котораго лишился окончательно, потерявъ выгодный Вѣнскій постъ. Больше всего изъ-за него пострадало и мое официальное положеніе; лично же, при случайныхъ встрѣчахъ, императоръ Францъ Іосифъ ни разу не упускалъ оказывать мнѣ самое лестное вниманіе. Въ сущности не меня однаго, а все посольство, слѣдовало отозвать; потому что положеніе посланника было отнюдь не лучше моего, а, пожалуй, гораздо хуже. Онъ только молчалъ объ этомъ, а я сдѣлалъ неосторожность и описалъ всю правду кому слѣдовало.

Я получилъ просимое мною разрѣшеніе и въ Ноябрѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ морозомъ въ 16°, покинувъ Вѣну при 11° тепла: переходъ, способный неблагопріятнымъ образомъ отозваться на здоровьѣ человѣка даже болѣе сильнаго склада. Явился я къ военному министру, потомъ представился Государю, который, послѣ краткаго распроса, милостиво меня поблагодарилъ за всю мою службу.

Съ этимъ извѣстіемъ вернулся я къ военному министру. Терпѣливо выслушавъ подробное изложеніе неособенно благопріятныхъ обстоятельствъ, которыми, вмѣстѣ со мной, наслаждалось все Вѣнское посольство, съ присовокупленіемъ просьбы, во вниманіе болѣзненнаго состоянія жены моей, хоть до весны отсрочить мой пріѣздъ въ Россію, его высокопревосходительство въ заключеніе спросилъ что̀ именно сказалъ Государь Императоръ, отпуская меня.

— Государь поблагодарилъ за всю мою службу.

— Изъ этого вижу, что Его Величество раздѣляетъ мнѣніе министра иностранныхъ дѣлъ. Вамъ только остается покориться высочай-

шей волѣ; я же ничего не могу измѣнить: дѣло зависитъ отъ князя Горчакова, а не отъ меня.

Военный министръ имѣлъ постояннымъ правиломъ во всѣхъ случаяхъ, выходившихъ изъ круга его прямой компетенціи, держаться зрѣло обдуманной осторожности—благое правило, которому, къ сожалѣнію, слѣдуютъ не всѣ наши государственные люди.

Положеніе мое становилось безвыходнымъ. Къ тому еще Государь, на другой день моего представленія, уѣхалъ въ Москву, отчего правительственныя распоряженія начали подвергаться разнымъ непредвидѣннымъ проволочкамъ.

Доведенный до крайности, я позволилъ себѣ сдѣлать военному министру вопросъ, не сочтетъ ли онъ дисциплинарнымъ проступкомъ, ежели я стану искать помощи помимо его, какимъ-либо другимъ, неофиціальнымъ путемъ.

— Поступайте какъ знаете: я вамъ поперечить не стану, отвѣчалъ министръ.

На другой день, въ первомъ часу, поѣхалъ я въ Михайловскій дворецъ, приказалъ доложить о себѣ чрезъ камердинира, и просить хотя бы самой непродолжительной аудіенціи по дѣлу первой важности лично для меня.

Несмотря на часъ непріемный, Великая Княгиня не заставила меня терять времени въ безполезномъ ожиданіи: меня тотчасъ ввели въ ея рабочій кабинетъ. Въ короткихъ словахъ разсказалъ я ей мое дѣло, отказъ военнаго министра дать ему иной поворотъ, и просилъ не покинуть меня въ бѣдѣ.

Благосклонно выслушавъ мой разсказъ, Елена Павловна ободрила меня обѣщаніемъ: если кромѣ мною изложенныхъ, нѣтъ еще другихъ, болѣе важныхъ причинъ къ отозванію меня съ моего поста, непремѣнно выхлопотать для меня просимую мною отсрочку.

Два дня спустя, ночью меня разбудилъ курьеръ изъ Военнаго Министерства для передачи мнѣ конверта, въ которомъ находилась записка князя Горчакова къ военному министру, слѣдующаго содержанія:

„Les circonstances ayant pris une autre tournure, je ne vois aucune „raison de retenir le général Tognauw plus longtems à Pétersbourg. „Expédiez-le, cher général, à Vienne le plutôt possible: je compte lui „confier des dépèches pour m-r Balabine“.

На другой день, облекшись въ парадную форму, поѣхалъ я, прежде всего, принести мою благодарность добросердечной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, и потомъ откланяться начальству, а на третьи сутки сидѣлъ въ вагонѣ, уносившемъ меня къ больной женѣ по Варшавской желѣзной дорогѣ.

Какими путями Елена Павловна успѣла заставить князя Горчакова измѣнить свои мысли и по телеграфу испросить соизволеніе Государя, пребывавшаго въ Москвѣ, осталось для меня неразгаданной тайной. Знаю только, что на другой день послѣ аудіенціи моей она пригласила князя Горчакова къ обѣду.

За тѣмъ не шесть мѣсяцовъ, еще десять лѣтъ мнѣ довелось пробыть въ Вѣнѣ въ должности военнаго агента, и отъ этого наши дѣла пошли не хуже, да и не лучше, чѣмъ заранѣе было написано въ книгѣ судебъ.

По поводу упомянутаго Горчаковскаго обѣда не могу умолчать объ одномъ еще обѣденномъ эпизодѣ въ Михайловскомъ дворцѣ, положительно доказывающемъ, насколько добра была Елена Павловна и съ какою заботливостью, въ данную минуту, она относилась къ людямъ заслужившимъ ея дружбу и уваженіе.

Мое пребываніе въ Петербургѣ продлилось въ тотъ разъ долѣе, чѣмъ я располагалъ; главною причиною тому было отсутствіе Государя Императора, замедлявшее дневное теченіе дѣлъ. На первыхъ же дняхъ послѣ моего пріѣзда, понятнымъ образомъ, явился я къ Великой Княгинѣ, потомъ былъ на вечерѣ, и раза два имѣлъ честь обѣдать въ Михайловскомъ дворцѣ.

Къ одному изъ такихъ обѣдовъ, кромѣ меня, былъ еще приглашенъ сенаторъ Бревернъ. Случилось, что мы оба въ одно время подъѣхали ко дворцу; карета Бреверна ѣхала впереди, моя слѣдомъ за нимъ. Вылѣзая изъ экипажа, высокій и худощавый сенаторъ поскользнулся, падая уперся рукою въ затворенную дверь и переломилъ руку немного выше кисти. Выбѣжавшій швейцаръ поддержалъ его; старика ввели въ пріемную комнату возлѣ швейцарской, дали знать Еленѣ Павловнѣ, и она, не мѣшкая, спустилась изъ верхнихъ комнатъ лично удостовѣриться въ положеніи своего несчастнаго гостя. Послали за докторомъ, котораго по позднему зимнему времени (было 7 часовъ) долго не могли отыскать. До пріѣзда его Великая Княгиня не покидала глубоко ею уважаемаго Бреверна; мало тратила словъ, но сама прикладывала компресы къ переломленной рукѣ, которую поддерживала фрейлена Раденъ. Прибывшій докторъ успокоилъ Великую Княгиню, объявивъ, что переломъ не представляетъ особенной опасности, и только тогда она позвала меня къ столу, поручивъ баронессѣ Раденъ оставаться при больномъ, пока ни наложатъ перевязку и не усадятъ его въ экипажъ для отвоза на домъ. Половину обѣда я просидѣлъ глазъ на глазъ съ Еленою Павловною; потомъ присоединилась къ намъ баронесса Раденъ съ извѣстіемъ о благополучномъ отъѣздѣ Бреверна изъ дворца.

Долго потомъ не сходился я съ Великой Княгиней. Въ 1872 году меня потребовали въ Россію на Красносельскіе маневры, по случаю пріѣзда въ Петербургъ Австрійскаго эрцгерцога Вильгельма. По окончаніи маневровъ поѣхалъ я въ Ораніенбаумъ отдать долгъ почтенія моей высокой доброжелательницѣ. Пріѣхалъ я въ первомъ часу; камердинеръ пошелъ доложить и вернулся съ отвѣтомъ, что Великая Княгиня, утомленная наканунѣ у нея бывшимъ вечеромъ, не покидала еще постели, въ настоящую минуту не можетъ меня видѣть, но готова позже принять, если я соглашусь нѣсколько часовъ прождать въ Ораніенбаумѣ.

Для того, чтобы воспользоваться счастіемъ увидать Великую Княгиню, я былъ готовъ прождать долѣе сутокъ, занялъ отведенную комнату, позавтракалъ и усѣлся читать книги, принесенныя мнѣ камердинеромъ для того, чтобы не скучно было ждать. Часа черезъ три меня позвали къ Еленѣ Павловнѣ, продержавшей меня добрые полчаса. По прежнему она съ видимымъ любопытствомъ распрашивала о Вѣнѣ, о ходѣ Красносельскихъ маневровъ и о томъ, какъ я былъ принятъ Государемъ. Тутъ случилось мнѣ въ разговорѣ сдѣлать видимую неловкость, которую потомъ я напрасно старался исправить. Говоря о Германскомъ императорѣ, я имѣлъ неосторожность сказать, что въ его лѣта человѣкъ стоитъ на краю могилы, почему не позволено дѣлать дальнихъ предположеній на счетъ отношеній къ намъ Германіи, зависящихъ въ настоящую минуту гораздо болѣе отъ его личнаго расположенія къ нашему Государю, чѣмъ отъ холоднаго политическаго разсчета.

— Не говорите объ этомъ! возразила Елена Павловна, и дрогнула, будто горькое предчувствіе пробѣжало по болѣзненно-настроеннымъ струнамъ ея души, измученной страданіями тѣлесной оболочки.

Въ послѣдній разъ слышалъ я тутъ голосъ Великой Княгини Елены Павловны. Было это въ Іюлѣ 1872 года, а 21 Января 1873 года, на шестьдесятъ седьмомъ году жизни, прекратилось ея земное существованіе. Но въ памяти ея живыхъ еще современниковъ она продолжаетъ занимать мѣсто, подобающее ея высокимъ душевнымъ качествамъ, пока не подготовится для нея страница въ книгѣ Русской исторіи.

Т.

Эдлицъ, въ Нижней Австріи.
23 Мая (4 Іюня) 1881 года.

ПЕРЕПИСКА М. П. ЛАЗАРЕВА СЪ КНЯЗЕМЪ А. С. МЕНШИКОВЫМЪ *).

1.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 2 Февраля 1835.

Касательно сдѣланныхъ представленій адмираломъ Рожновымъ о нѣкоторыхъ офицерахъ въ капитанъ-лейтенанты, не одинъ разъ пересматривалъ я списокъ съ самымъ безпристрастнымъ вниманіемъ и зная лично всѣхъ тѣхъ, которые стоять выше Корнилова и находятся нынѣ въ Кронштатѣ, не могу придумать, на кого бы могъ пасть таковой выборъ, развѣ только на барона Розена; прочіе же, выключая Воеводскаго (который удалился въ Ситху) ни одинъ по мнѣнію моему такого снисхожденія отъ начальства не заслуживаетъ. Въ Корниловѣ ваша свѣтлость имѣете офицера весьма просвѣщеннаго, благоразумнаго и особенно дѣятельнаго, словомъ сказать имѣющаго всѣ качества отличнаго командира военнаго судна. Напримѣръ, еслибы ваша свѣтлость были свидѣтелями становленія брига «Ѳемистоклъ» на якорь въ Смирнѣ среди Англійской эскадры, то я увѣренъ, что отдали бы командиру онаго полную справедливость. Надобно было видѣть бригъ входящій подъ всѣми возможными парусами, которые предъ самымъ брошеніемъ якоря изчезли такъ сказать всѣ вдругъ и закрѣплены были въ 1¼ минуты безъ малѣйшаго шуму и замѣшательства; надобно было видѣть сотни устремленныхъ трубъ на всѣ его дѣйствія и вслѣдъ затѣмъ пріѣхавшихъ капитановъ нѣкоторыхъ кораблей и нашедшихъ бригъ въ такомъ состояніи, какъ будто онъ находился уже на рейдѣ нѣсколько дней, все чисто и на своемъ мѣстѣ, удивлявшихся проворству людей и спрашивавшихъ, давно ли онъ командуетъ бригомъ? Они не хотѣли

*) См. Р. Архивъ сего года, книгу 4-ую.

вѣрить, чтобъ подобная команда могла образоваться въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ времени. Вотъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, ваша свѣтлость, которые поддержатъ честь нашего флага! Подобные слухи не всегда до вашей свѣтлости доходятъ; да и я о происшествіи семъ по скромности характера Корнилова ничего бы не узналъ, еслибы не написалъ мнѣ Де Іонгъ, слышавшій о превосходномъ порядкѣ на бригѣ отъ Англійскихъ капитановъ. Старикъ Роулей при всей простотѣ своей наговорилъ Корнилову множество комплиментовъ, и странно, что спрашивалъ о кораблѣ «Варшавѣ» со многими подробностями.

О переводѣ Бровцына въ Балтійскій флотъ здѣсь давно извѣстно. Удивительно, чрезъ какіе источники Николаевъ получаетъ подобныя новости. Я подозрѣваю, что все это дѣлается чрезъ М., который ведетъ приписку съ здѣшними Жидами...

Подобнымъ образомъ здѣсь знали чрезъ Жидовъ же (гораздо прежде нежели полученъ высочайшій приказъ) о назначеніи к.-адм. Васильева оберъ-интендантомъ, а на счетъ ассигнованной суммы на сей 1835 годъ извѣстно было, за мѣсяцъ прежде полученія офиціальнаго извѣстія отъ морскаго министра, не только что назначено круглымъ числомъ 16,000,000, но именно 16,598,109 р. 8 к. Сіе доказываетъ, что въ Петербургѣ много есть Черноморскихъ доброжелателей или, такъ сказать, желающихъ участвовать въ будущихъ расходахъ нашихъ, которые заблаговременно о томъ увѣдомляютъ.

Жидовскіе подряды хотя и запрещены, но они входятъ въ оные подъ чужими именами (несмотря на то, здѣсь ли торги производятся или въ казенныхъ палатахъ отдаленныхъ губерній) и принуждаютъ чрезъ то казну платить гораздо дороже. Вообще весьма жаль, что Жидамъ дозволено пробыть здѣсь еще пять лѣтъ; ибо, не имѣя права вступать въ подряды, они другимъ только мѣшаютъ, и будьте увѣрены, ваша свѣтлость, что покуда они здѣсь останутся, Русскіе капиталисты съ ними дѣла имѣть не будутъ.

Новыя подтвержденія, ограничивающія представленія къ наградамъ, заставляютъ опасаться, что многіе изъ достойныхъ здѣсь людей останутся за дѣятельную службу ихъ безъ всякаго поощренія; но необходимо же, ваша свѣтлость, изобрѣсти средства отличать весьма хорошихъ не отъ худыхъ (ибо сихъ послѣднихъ можно удалять), но отъ обыкновенныхъ. Напримѣръ, представлявшійся къ наградѣ чиномъ 14-го класса писарь Петровъ не получилъ онаго потому, что не выслужилъ 20-ти лѣтъ; но онъ исправляетъ должность столоначальника въ кораблестроительной экспедиціи лучше всѣхъ другихъ и потому только не сдѣланъ начальникомъ отдѣленія, что не имѣетъ офицерскаго чина; онъ столько привыкъ къ дѣлу и такъ хорошо знаетъ оное, что корабле-

строительная экспедиція, можно сказать, имъ держится, и учетный комитетъ ни по какому дѣлу заключенія не дѣлаетъ безъ его Петрова. Чѣмъ же онъ виноватъ, что голова его умнѣе многихъ другихъ вмѣстѣ? Я могу увѣрить вашу свѣтлость, что представленіе мною сдѣланное я разсматривалъ съ особенною внимательностію и вымаралъ болѣе половины, оставивъ только тѣхъ, которыхъ я признавалъ дѣйствительно заслуживающими.

2.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Секретно.

Въ Петергофѣ, 31 Іюля 1835, № 393.

Господину главному командиру
Черноморскаго флота и портовъ.

Англійское правительство просило высочайшаго соизволенія Государя Императора на допущеніе въ Севастопольскій портъ Англійскаго судна, на которомъ намѣренъ прибыть въ Россію лордъ Дургамъ.

Сіе домогательство было отклонено подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Севастополѣ затруднительно было бы подвергнуть судно сіе и пасажировъ онаго карантинной обсерваціи, которой, по карантиннымъ нашимъ правиламъ, подвергаться должны неминуемо всѣ пріѣзжающіе въ Россію чрезъ Турецкія владѣнія; но ежели лорду Дургаму угодно будетъ придти моремъ въ Одессу и тамъ выдержать обсервацію, для чего имѣются тамъ всѣ средства, то онъ приглашается пріѣхать оттуда сухимъ путемъ или и моремъ въ военные наши порты Черноморскіе и осмотрѣть въ нихъ все что̀ можетъ обратить его вниманіе. При семъ Государь Императоръ изволилъ пригласить лорда Дургама и на смотръ войскамъ, имѣющій быть въ первыхъ числахъ Октября, Херсонской губерніи, въ селеніи Новая Прага (Петриковка) и желаетъ, чтобы въ случаѣ прибытія лорда Дургама или имѣющихъ быть при немъ лицъ въ Черноморскіе военные порты, какъ выше сказано, приняты они были со всевозможною предупредительностію.

При исполненіи сего высочайшаго повелѣнія, ваше превосходительство, изъявя вышеупомянутымъ лицамъ полную готовность вашу показать имъ все, что̀ мы имѣемъ примѣчательнаго и что̀ они пожелаютъ видѣть,—имѣете показывать имъ только то, что̀ вы, милостивый государь, сочтете приличнымъ обнаруживать подобнаго рода путешественникамъ, такъ какъ сіе и въ Англіи дѣлается, гдѣ, при разрѣшеніяхъ правительства, даваемыхъ иностранцамъ видѣть тамошнія адмиралтей-

ства, показываютъ имъ только то, что́ заблагоразсудятъ и въ той мѣрѣ въ какой хотятъ открыться любопытствующимъ.

За симъ считаю нужнымъ предупредить ваше превосходительство, что при лордѣ Дургамѣ будутъ: флота капитанъ *Дринкватеръ*, подполковникъ *Деросъ* и нѣкто г-нъ *Еллисъ*, который изъ Новороссійскаго края возвратится въ Англію и который, сколько извѣстно, пользуется большимъ довѣріемъ той партіи, къ коей принадлежитъ нынѣшнее Англійское министерство.

Все вышеизложенное принадлежитъ только собственно вашему свѣдѣнію, и болѣе никому, не исключая и особенной канцеляріи вашего превосходительства, не должно быть извѣстно.

Генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

3.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 9 Декабря 1835.

Между многими маловажными происшествіями со времени отбытія вашего за границу, проѣздъ чрезъ здѣшній край лорда Дургама заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе. Онъ былъ только въ Николаевѣ и по позднему времени видѣть Севастополь не успѣлъ; съ ними были подполковникъ *de Roos* и флота капитанъ *Drinkworth*, которые осматривали адмиралтейство, строившійся тогда корабль «Силистрію» и отдѣлывавшіяся новыя шкуны, тендера и пароходъ; очень все хвалили, въ особенности гребныя суда, отдѣлку рангоута и ковку желѣзныхъ вещей. Но *Drinkworth* не могъ не расхохотаться, увидѣвъ канонирскія лодки и сдѣланное на нихъ устройство, которое разсматривалъ подробно. Выпросилъ чертежъ корабля «Три Святителя», въ чемъ я ему и не отказалъ, въ замѣнъ чего онъ обѣщалъ прислать, по прибытіи въ Англію, чертежъ парохода «Медея» съ подробнымъ внутреннимъ устройствомъ и вооруженіемъ.

Прибытіе посла въ Одессу на пароходѣ «Плутонъ» было поводомъ къ нѣкоторымъ непріятностямъ. Графъ Воронцовъ получилъ высочайшее повелѣніе, чтобъ по прибытіи лорда Дургама въ Одессу, салютовано было ему 15-пушечными выстрѣлами, каковое повелѣніе и передано было для исполненія чрезъ отправлявшаго тогда должность градоначальника Энгельгарда на стоявшую на рейдѣ военную брантвахту бригъ «Елисавета», подъ начальствомъ к.-лейт. Скарятина; для вящшей же предосторожности (вовсе впрочемъ не нужной) г-нъ Энгельгардъ приказалъ капитану надъ портомъ Потемкину учредить съ военною брантвахтою условный сигналъ, извѣщающій о прибытіи посла и со-

стоящій въ томъ, чтобъ на бригѣ «Елисавета» начать салютъ не прежде какъ поднимется на гротъ-брамъ-стеньгѣ карантинной брандвахты кормовой ея флагъ, каковое условіе и сообщено было к.-лейт. Скарятину. 6-го Сентября, около 5½ часовъ пополудни, пароходъ «Плутонъ» съ трехугольнымъ флагомъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ (котораго разсмотрѣть не могли) показался изъ-за мола карантинной гавани и положилъ якорь внутри оной въ исходѣ 6-го часа. Но салюта ему не было. Кап.-лейт. Скарятинъ отозвался, что онъ видѣлъ пароходъ «Плутонъ» съ самаго того времени какъ онъ показался изъ-за мола и ожидалъ условленнаго сигнала на карантинной брандвахтѣ, чтобъ начать салютъ; но какъ сигнала до самаго захожденія солнца не было, то въ сіе время, слѣдуя законному правилу, на брандвахтѣ при заревой пушкѣ спущены были флагъ и брамъ-реи, послѣ чего хотя и присланъ былъ на брандвахту отъ Потемкина унтеръ-офицеръ съ извѣщеніемъ о прибытіи лорда Дургама и о начатіи ему салюта, но уже было поздно, и салютъ былъ произведенъ на другой день по поднятіи флага. Посолъ въ началѣ объявилъ свои претензіи и сказалъ градоначальнику Левшину, что ce n'est pas ainsi qu'on reçoit vos ambassadeurs chez nous [1]). Коль скоро ему объяснили происшедшія недоразумѣнія, то онъ остался совершенно довольнымъ. Между тѣмъ графъ Воронцовъ приказалъ дѣло сіе изслѣдовать и, основываясь на 15 свидѣтеляхъ, показывающихъ, что условный сигналъ былъ поднятъ на карантинной брандвахтѣ еще до захожденія солнца, призналъ виновнымъ въ неточности выполненія высочайшей воли кап.-лейт. Скарятина, котораго и приказалъ Левшину арестовать домашнимъ образомъ на три дня. Скарятинъ съ своей стороны не сознавался и утверждалъ, что условленнаго флага поднято не было, въ чемъ ссылался и на лейтенанта Краевскаго, бывшаго тогда на вахтѣ. Коль скоро происшествіе сіе дошло до меня, то, сомнѣваясь въ истинѣ показаній капитана надъ портомъ и его свидѣтелей, я приказалъ вновь дѣло сіе изслѣдовать къ немалой непріятности графа Воронцова; причемъ команда карантинной брандвахты подъ присягою показала, что въ 5½ часовъ, когда Англійскій пароходъ проходилъ оконечность карантинной гавани, то по увѣдомленію помощника капитана надъ портомъ, опросившаго тотъ пароходъ, хотя и при безвѣтріи, но кормовой флагъ дѣйствительно на гротъ-брамъ-стеньгѣ былъ поднятъ. По мнѣнію моему и тотъ, и другой не правъ: командиръ карантинной брандвахты потому, что при безвѣтріи слѣдовало бы поднять флагъ съ оттяжкою, а на военной брандвахтѣ худо смотрѣли; ибо какъ бы тихо

---

[1]) У насъ не такъ принимаютъ вашихъ пословъ.

ни было, но въ столь близкомъ разстояніи съ помощію трубъ невозможно было флага не разсмотрѣть. Такимъ образомъ дѣло сіе кончилось и затихнуло, зачернивъ к.-лейт. Скарятина, который впрочемъ, какъ весьма хорошій офицеръ, того и не заслуживаетъ; но не менѣе того, я желалъ бы знать мнѣніе вашей свѣтлости для руководства моего на будущее время: имѣетъ-ли право графъ Воронцовъ арестовать командира военной брандвахты, или все равно военнаго судна, помимо морскаго здѣсь начальства? Мнѣ казалось бы, что, не смѣнивъ командира военнаго судна, арестовать его нельзя, а смѣнить безъ сношенія съ морскимъ начальствомъ, которое обязано было избрать вмѣсто его другаго офицера, онъ также не могъ. Ежели ваша свѣтлость вздумаете возобновить сіе дѣло, то я покорнѣйше бы просилъ оградить к.-лейт. Скарятина, какъ офицера отличившагося на бригѣ «Меркуріи» подъ начальствомъ Казарскаго и вообще заслуживающаго одобренія начальства.

По окончаніи высочайшаго смотра при Новой Прагѣ, De Roos и Drinkworth отправились сухимъ путемъ на Южный берегъ, а пароходъ «Плутонъ» изъ Николаева въ Одессу, гдѣ, взявъ угольевъ, пошелъ въ Ялту; тамъ онъ принялъ обратно своихъ пассажировъ и прибылъ съ ними въ Севастополь ночью. Они очень хвалили створные маяки, осматривали портъ, сухіе доки, корабли, изъ коихъ были на «Варшавѣ», «П. Евстафіи» и фрегатѣ «Агатополь»; но многаго видѣть не могли, потому что погода была очень дождливая, при жестокихъ вѣтрахъ; а чтобъ показано имъ было не болѣе какъ что̀ должно, то я былъ въ Севастополѣ самъ.

Въ продолженіе прошедшаго лѣта вмѣстѣ съ постройкою 2-хъ кораблей и мелкихъ судовъ построено было здѣсь подъ рукою 7 палубныхъ ботовъ для Севастополя, употребивъ на наборъ старый Крымскій лѣсъ и на обшивку сосновыя доски. Боты сіи для отвращенія порчи отъ червей при мѣдномъ въ подводной части крѣпленіи обшиты были мѣдью и въ продолженіи почти мѣсяца ежедневнаго практикованія управлялись каждый при одномъ унтеръ-офицерѣ и тремя матросами ластовыхъ экипажей весьма свободно; но на переходѣ ихъ до Севастополя случилось небольшое несчастіе: они отправлены были подъ конвоированіемъ брига «Пегасъ», и на каждый назначенъ былъ опытный кондукторъ изъ штурмановъ, данъ компасъ и карта; выждавъ подъ Очаковымъ благопріятный сѣверный вѣтеръ, они отправились въ море, но пройдя около 90 миль, вѣтеръ ночью обратился въ жестокій штормъ, въ который, не взирая на условленные сигналы и фонари, они всѣ съ бригомъ разлучились; на другой день къ вечеру вѣтеръ перемѣнился въ совершенно противный отъ N. O. и дулъ съ

такою же жестокостію, такъ что я началъ сомнѣваться въ безопасности ихъ. Не взирая однакожъ на столь неблагопріятныя обстоятельства, въ которыя и самый бригъ едва не подвергся гибели, пять изъ сихъ ботовъ на слѣдующій послѣ сего день вошли въ Севастополь безъ малѣйшаго поврежденія: ибо во-время взяли рафы и по прекрасной конструкціи своей держались подъ парусами весьма покойно; о номерахъ же 3-мъ и 6-мъ до трехъ недѣль не было никакого извѣстія и недавно только отысканы: № 6 выбросило на берегъ нѣсколько сѣвернѣе Козлова безъ особеннаго поврежденія, выключая одной мачты, которую сломало, такъ что съ будущею весною его можно будетъ спустить и привести въ Севастополь; а № 3 спустившійся при S. W. вѣтрѣ за Тарханхутъ, сталъ тамъ на якорь подъ самымъ берегомъ; перемѣнившійся же вѣтеръ въ N. O. сорвалъ его съ якоря и бросилъ на каменья, на коихъ и повредилъ до такой степени, что спасти его невозможно. Будущею же весною отправленъ будетъ корабельный инженеръ для разобранія его на части и перевозки оныхъ въ Севастополь, изъ коихъ съ нѣкоторымъ добавленіемъ, можетъ быть, удастся выстроить другой. При происшествіяхъ сихъ изъ людей никого не погибло. Каждый изъ ботовъ имѣлъ до 800 пудъ каменнаго угля для доставленія въ Севастополь, который на пяти, какъ и выше сказано, доставленъ благополучно, а на остальныхъ двухъ также спасенъ и выгруженъ на берегъ, развѣ съ самою малою утратою.—Я повторяю при семъ усерднѣйшую и убѣдительнѣйшую мою просьбу къ вашей свѣтлости о продолженіи обѣщаннаго вами участія при возведеніи новаго въ Севастополѣ Адмиралтейства и начать съ того, чтобъ какъ просимыя для работъ 5 т. сухопутныхъ войскъ, такъ и требуемая на будущій годъ сумма до 670 т. рублей были назначены; прошу также и объ утвержденіи правилъ комитета по устроенію того Адмиралтейства, мною на имя вашей свѣтлости въ отсутствіе ваше представленныхъ.

Опись Чернаго моря въ будущемъ году совершенно будетъ окончена, и тогда немедленно приступлено будетъ къ составленію общей карты Чернаго моря (которая впрочемъ уже начата). Имѣя въ виду, что по высочайшему повелѣнію устраивается новая обсерваторія на Пулковой горѣ, названа *центральною*, то можетъ быть Государю угодно будетъ повелѣть на всѣхъ вновь имѣющихся издаваться картахъ опредѣлять долготу отъ меридіана сей обсерваторіи, вмѣсто Гринвича или Парижа; въ такомъ случаѣ я прошу вашу свѣтлость приказать доставить намъ вѣрнѣйшую разность долготъ между Гринвичемъ или Парижемъ и вышесказанною обсерваторіею, которая вѣроятно по сіе время опредѣлена.

При семъ позвольте просить и объ утвержденіи представленнаго къ вашей свѣтлости вмѣстѣ съ составленною смѣтою чертежа и плана имѣющейся построиться въ Севастополѣ библіотеки, на построеніе которой собрано уже болѣе 70 т. рублей, слѣдовательно и начать съ будущею весною можно.

4.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 12 Февраля 1836.

Я получилъ, любезный Михайла Петровичъ, письмо ваше отъ 9 Декабря и премного благодаренъ за чертежи, при ономъ доставленные. По содержанію онаго отвѣтствую.

Неумѣстный арестъ Скарятина, теперь уже забытый, перейду официальнымъ молчаніемъ, какъ дабы не возродить безконечное дѣло, такъ и для того чтобы васъ не разсорить съ графомъ Воронцовымъ, съ коимъ вамъ нужно жить въ ладахъ.

Окончательное разрѣшеніе о постройкѣ яхты по чертежу Arundel вскорѣ вамъ доставлю.

Долгота и широта Пулковской обсерваторіи еще не опредѣлена и, кажется, нѣтъ надобности ожидать оной, для изданіи картъ Чернаго моря.

Простите умедленный отвѣтъ мой. Я былъ въ письменной каторгѣ, отъ накопившихся, въ отсутствіе мое, бумагъ и былъ въ разстройствѣ душевномъ, потерею сестры причиненномъ, и усиленномъ еще заботами о ея семействѣ.

Ш. назначенъ былъ на «Пантелеймонъ» въ надеждѣ, что онъ оставитъ службу, и надежда сія совершилась. Представьте о замѣщеніи его вакансіи. Сей способъ подѣйствовалъ и на Кропотова; испытаю и надъ другими. Ежели М. подастъ просьбу въ отставку, примите, несмотря на время подачи; можно даже и внушить ему сіе, для очищенія флота отъ дряни.

Англичане дѣятельно починиваютъ 74 пушечные корабли. Король, при открытіи парламента, проситъ усиленія смѣты, для усиленія вооруженій; Франція также приготовляетъ свои корабли. Мы же приводимъ Кронштадтъ въ оборонительное состояніе и выводимъ на рейдъ въ Маѣ 24 корабля, а въ Іюнѣ будемъ имѣть 26 кораблей и 15 фрегатовъ, безъ Архангельскихъ.

Газеты насъ ругаютъ; но сношенія мирны и, поколику судить могу, разрыва не будетъ, и на Балтику покушеній непріязненныхъ не будетъ. Но трактатъ нашъ съ Турціею все еще колетъ глаза Агличанамъ; предпріятій однакоже съ ихъ стороны не предполагаю, ибо сіе

завлекло бы Европу во всеобщую войну. Не менѣе того осторожность нужна, и сіе было поводомъ требованія отъ васъ свѣдѣній, по вооруженію флота.

Прилагаю у сего составленную мною записку о могущихъ представиться случаяхъ, относительно ко флоту. Записка сія для *единственнаго вашего свѣдѣнія*. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе по содержанію ея и что найдете удобнымъ или неудобнымъ въ предлагаемыхъ мѣрахъ, и что можетъ быть, по вашему усмотрѣнію, лучше предлагаемаго.

Здѣсь не имѣется ни одного порядочнаго плана Севастополя, и лучшій изъ нихъ тотъ, который литографированъ въ Черноморскомъ депо; изъ сего вы судить можете объ остальныхъ.

Вы меня крайне одолжите доставленіемъ таковаго въ большемъ масштабѣ съ промѣрами. Всей бухты наносить не нужно, и планъ ограничить можно пространствомъ отъ моря до Киленбалочной бухты, со включеніемъ южной и корабельной, съ береговыми укрѣпленіями. Я полагалъ бы расположить флотъ или лучше сказать укрѣпить его по видамъ въ запискѣ изложеннымъ въ южной бухтѣ, показаннымъ здѣсь образомъ.

5.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 26 Марта 1836.

Капитанъ-лейтенантъ Корниловъ доставилъ мнѣ письмо ваше отъ 12 Февраля съ запискою, составленною вашею свѣтлостію относительно занятія Англичанами Дарданеллъ, появленія ихъ въ Черномъ морѣ и о прочемъ, въ самый тотъ день что я отправлялся въ Севастополь для обозрѣнія работъ, произведенныхъ на флотѣ, по сухимъ докамъ, на мысу, подъ новое Адмиралтейство и въ особенности на крѣпостяхъ, которыя, какъ объявилъ мнѣ полковникъ Фелькерзамъ, Государю угодно чтобъ вооружены были въ самомъ скорѣйшемъ времени. Пробывъ въ Севастополѣ около двухъ недѣль, я возвратился 23-го числа сего мѣсяца и теперь имѣю честь донести до свѣдѣнія вашей свѣтлости, въ какомъ видѣ что я нашелъ тамъ.

На приморскихъ батареяхъ, можно сказать, ничего еще не сдѣлано. Александровская совершенно разрыта, и полагаю, что, при самыхъ усиленныхъ работахъ, врядъ ли они успѣютъ поставить на ней хотя нѣсколько орудій ранѣе двухъ мѣсяцевъ; Константиновская же (кажется мнѣ) потребуетъ не менѣе 4-хъ или 5-ти мѣсяцевъ, чтобъ поставить только нижній ярусъ. Лучшія портовыя суда наши, какъ-то новые боты и барказы, которые я, по пріѣздѣ моемъ въ Севастополь, приказалъ немедленно отрядить имъ, оказались неудобны, по излишнему

углубленію въ водѣ, и Фелькерзамъ отозвался, что они для нихъ не годятся, ибо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они берутъ песокъ (доставка коего составляетъ теперь главнѣйшую ихъ заботу), суда сіи не подходятъ ближе какъ на 20-ть саженъ; дубы же, строенные въ Херсонѣ, подходятъ къ берегу весьма близко и оказываются на предметъ сей болѣе удобными. Но какъ солдаты управляются на нихъ весьма дурно, то я на каждый изъ нихъ назначилъ по одному унтеръ-офицеру и по два матроса флотскихъ экипажей, а равно поручилъ одному изъ офицеровъ привести какъ вооруженіе на оныхъ, такъ и наружность въ надлежащій порядокъ; вслѣдъ же за тѣмъ замѣтно было, что дубы тѣ стали дѣлать рейсы свои вдвое скорѣе противу прежняго. Въ дополненіе къ сему, по просьбѣ п. Фелькерзама, я приказалъ отряжать ежедневно въ вѣдѣніе его по 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ флотскихъ экипажей снятыхъ съ срытія мыса подъ адмиралтейство, впредъ до 1 Апрѣля, день съ котораго вступятъ въ крѣпостныя работы сухопутныя войска, а флотскія приступятъ къ вооруженію флота; приказалъ также, коль скоро прибудетъ къ намъ другой отрядъ дубовъ, заказанныхъ въ Херсонѣ же и которыхъ ожидаютъ въ теченіе Апрѣля мѣсяца, то равномѣрно назначить на каждый изъ нихъ по одному унтеръ-офицеру и по два человѣка матросъ. Болѣе сего пособія, по ограниченнымъ средствамъ нашимъ, мы отъ флота дать не въ состояніи.

Флотъ по возможности исправленъ и начнетъ вооружаться съ наступающаго 1 Апрѣля. Фрегатъ «Ловичъ» пришелъ въ совершенную гнилость, такъ что и постъ-брандвахты занять уже не можетъ, очемъ я буду имѣть честь донести вашей свѣтлости официально. Фрегаты «Тенедосъ» и «Архипелагъ» оказываютъ значительныя худости, особенно первый, который по причинѣ требуемыхъ исправленій и вооруженъ въ нынѣшнемъ лѣтѣ быть не можетъ. Корабль «Пантелеймонъ» и бригъ «Парисъ» также весьма худы и, по тщательномъ освидѣтельствованіи коммисіею, удостоены только на одну кампанію. Фрегатъ «Штандартъ» въ надводной части совершенно перетимбированъ и на сихъ дняхъ отправится въ Абхазскую экспедицію на смѣну фрегату «Эривань»; корабль «Іоаннъ Златоустъ» также перетимбированъ и окончательно отдѣлывается столярною работою. Бригъ «Меркурій» спущенъ 18 числа совершенно новый, ибо изъ стараго лѣсу остались только киль и два футокса, найденные впрочемъ весьма крѣпкими. Фрегатъ «Браиловъ» (ежели желѣзные концы доставлены будутъ съ заводовъ во время) спущенъ будетъ въ Іюнѣ, въ противномъ же случаѣ позже. Вашей свѣтлости конечно извѣстно приказаніе, имѣющееся здѣсь, о поддержаніи сколь можно фрегата «Флоры»; но теперь фрегатъ сей сдѣлался уже такъ гнилъ, что исправить оный нѣтъ никакой возможно-

сти; а потому ежели Государю угодно чтобъ въ Черноморскомъ флотѣ существовалъ фрегатъ подъ именемъ «Флоры», не признаете ли удобнымъ строющійся фрегатъ «Браиловъ» совершенно по тѣмъ же линіямъ чтò и фрегатъ «Флора», назвать «Флорою», а «Флору», по совершенной гнилости и ни на что болѣе не годный, какъ на дрова, сломать, или продать за сколь можно выгодную цѣну, какъ равно и фрегатъ «Ловичъ» въ Одессѣ, подъ затопленіе для пристани, о чемъ графъ Воронцовъ и относился ко мнѣ, спрашивая, не имѣется ли въ Черноморскомъ флотѣ стараго и ни къ какой уже службѣ негоднаго корабля для затопленія подъ пристань въ Одессѣ (разумѣется за деньги, по оцѣнкѣ онаго законнымъ порядкомъ).

Работа при докахъ идетъ весьма успѣшно и прочно; резервуаръ уподобляется теперь большому озеру и въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ глубины до 16 футъ; въ немъ накопилось уже столько воды, что можно наполнить доки два раза, независимо отъ воды, которая безпрестанно втекаетъ въ оный изъ Черной рѣчки и возвышаетъ въ резервуарѣ воду ежедневно на 3 дюйма. Арки подъ акведюкъ поперегъ Ушаковой балки совершенно окончены отличнѣйшею работою, какую только изъ камня произвести можно, и теперь образовывается сверхъ оныхъ каналъ. Низъ перваго шлюза большею частію камнемъ обдѣланъ, и строитель обнадеживаетъ, что чрезъ три мѣсяца и второй шлюзъ приведенъ будетъ къ окончанію; тогда много уменьшится весьма трудная работа выкачиванія воды, которая продолжается теперь день и ночь. Въ нынѣшнемъ же лѣтѣ проведется вода и къ пристани для наливанія флота водою, сквозь чугунныя трубы, которыя отливаются на заводѣ.

Срытіе мыса подъ новое адмиралтейство, судя по числу работавшихъ людей, краткости времени, по суровой и ненастной зимѣ и по недостатку (для свозки камня и земли) судовъ, производилось съ бóльшимъ успѣхомъ, нежели какъ бы ожидать было можно; но когда, согласно предположенію, число рабочихъ увеличится до 5 т. человѣкъ и прибудутъ 12-ть судовъ, которыя спустятся на воду въ будущемъ мѣсяцѣ, тогда мысъ видимо будетъ уменьшаться. Я полагаю, что одна рота минёровъ была бы при работѣ сей весьма полезна, и потому, ежели по соображенію и совершенномъ удостовѣреніи въ свойствѣ земли, мысъ составляющей, минёры понадобятся, то я приму смѣлость представить о назначеніи ихъ вашей свѣтлости официально.

Записку вашей свѣтлости о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять противу замысловъ Англичанъ, я прочитывалъ нѣсколько разъ съ особеннымъ вниманіемъ, и кажется мнѣ, что изложенныя въ оной средства столь превосходно обдуманы, что ничего не остается желать лучшаго; только я позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по 4-му пункту

касательно атакованія непріятелемъ, ежели онъ появится въ Черное море, высадки непріятелемъ десанта на берега, намъ принадлежащіе, и защиты Севастополя, съ тою цѣлію, чтобъ нанести непріятелю наибольшій вредъ съ наилучшимъ сохраненіемъ флота нашего, чтобъ симъ флотомъ стараться уже довершить разстроеннаго непріятеля. Въ первомъ случаѣ и успѣхъ въ сраженіи, и честь флота требуютъ, чтобы суда, флотъ нашъ составляющія, были укомплектованы вполнѣ командами положенными имъ по послѣднему штату, т. е. на корабли 120 пушечные по $6^1/_2$, на 84 пуш. по 5, на фрегаты 60 пуш. по 3 полныхъ роты и пр., чего теперь нѣтъ, и недостатокъ въ нижнихъ чинахъ весьма ощутителенъ. Во второмъ случаѣ я совершенно согласенъ, что значительнаго десанта на берега наши ни въ какомъ случаѣ ожидать нельзя, ежели только, до появленія непріятеля въ Черное море, онъ долженъ будетъ силою прорываться чрезъ Дарданеллы и Босфоръ; но ежели проходъ онаго въ Черное море по какимъ либо обстоятельствамъ будетъ съ Турецкаго согласія и ежели главнѣйшая цѣль Англіи и Франціи (въ соединеніи) будетъ нанесеніе рѣшительнаго удара на Севастополь и истребленіе какъ флота, такъ и всѣхъ заведеній въ семъ портѣ: тогда, при флотѣ сильнѣйшемъ нашего, они въ состояніи будутъ высадить въ Крымъ десантъ весьма значительный. Но при семъ нельзя не имѣть въ виду и то, что достиженіе Чернаго моря съ флотомъ, имѣющимъ сильный десантъ, а слѣдовательно и огромное число купеческихъ судовъ, сопряжено, при господствующихъ въ Дарданеллахъ и Босфорѣ NO-хъ вѣтрахъ съ большими затрудненіями и немалою потерею времени. Слѣдовательно, лишь только посаженіе войскъ на суда въ Тулонѣ или другихъ портахъ Средиземнаго моря сдѣлается извѣстнымъ, то войска наши всегда будутъ имѣть время соединиться въ Крыму или тамъ гдѣ назначено будетъ, для отраженія всякихъ непріязненныхъ покушеній непріятеля. Въ послѣднемъ же случаѣ, сколь ни желательно бы было сохранить флотъ нашъ безъ всякаго поврежденія, дабы съ пользою употребить оный при ретирадѣ разстроеннаго отъ батарей непріятеля, но мнѣ кажется, что устранить флотъ отъ дѣйствія можно только тогда, когда морскія укрѣпленія приведены будутъ въ то состояніе, въ какомъ быть имъ предназначено, что́ (судя по работѣ) продолжится еще на многіе годы; а до того времени, и особенно ежели сіе потребуется въ нынѣшнемъ году, флотъ долженъ принять главнѣйшее участіе въ могущемъ быть сраженіи, при нападеніи на Севастополь. Въ противномъ случаѣ можно сказать, что ворота имъ будутъ отворены, и притомъ состояніи въ какомъ укрѣпленія находятся теперь, всякій флотъ можетъ войти безъ большихъ препятствій.

Планъ Севастопольскаго порта, по желанію вашей свѣтлости (въ скорости сдѣланный) при семъ честь имѣю представить. Вообще мы не имѣемъ здѣсь вѣрнаго плана Севастополя, и потому я постараюсь, чтобъ въ теченіе сего лѣта сдѣлать ему вѣрную и подробную опись. Вамъ странно можетъ быть покажется, что г-да инженеры, при требованіи моемъ общаго плана укрѣпленій, для нанесенія оныхъ правильнымъ образомъ на отправленный къ вамъ планъ Севастополя, мнѣ въ томъ отказали, ссылаясь на имѣющееся у нихъ воспрещеніе, показывать оный кому бы то ни было. Мнѣ кажется, что они понимаютъ воспрещеніе сіе слишкомъ буквально; вѣроятно имъ не приказано показывать только детальные планы крѣпостей, ибо коль скоро укрѣпленія будутъ окончены, кто же, имѣющій трубу, не пересчитаетъ на нихъ всѣ амбразуры и всѣ орудія? По симъ причинамъ, на планѣ, посланномъ къ вашей свѣтлости, укрѣпленія нанесены старыя, взятыя съ самой той литографированной карты, на которую вы указываете, какъ на нѣчто негодное. Свѣдѣнія о укрѣпленіяхъ Севастопольскаго порта (мнѣ кажется) имѣть бы мнѣ необходимо, ежели не по чему другому, то по крайней мѣрѣ по званію главнаго командира Черноморскихъ *портовъ*. Не знавши, гдѣ именно располагается устроить укрѣпленія, можно ли сдѣлать какое-либо соображеніе, при составленіи плана для защиты порта? Напримѣръ: мнѣ неизвѣстно было, что предположено построить башню на Павловскомъ мысу, и узналъ я о томъ только нынѣ, и то партикулярно! Свѣдѣнія сіи нужны также и для правильнаго нанесенія укрѣпленій на имѣющемся вновь составиться планѣ Севастопольскаго порта.

Положеніе Пулковской или центральной въ Россіи обсерваторіи сдѣлалось наконецъ извѣстнымъ чрезъ опредѣленіе астронома Штруве, помѣщенномъ въ № 290 Шумахеровыхъ астрономическихъ газетъ, на стр. 21. Она находится въ сѣверной шир. 59°, 46′, 18″ и въ восточной долготѣ 1°. 52′. 3″, 2 отъ Парижа. Для составленія плановъ портовъ, опредѣленіе центральной обсерваторіи не такъ было необходимо; но для генеральныхъ картъ Чернаго и Азовскаго морей и вообще для частныхъ картъ, составленныхъ, по меркаторской проэкціи, оно казалось мнѣ нужнымъ для того, что вообще принято за правило ограничивать подобныя карты для лучшаго и правильнаго вида цѣлыми градусами, а не частями онаго, чего, не знавъ перваго меридіана, сдѣлать бы было невозможно. Долготу опредѣленную астрономомъ Штруве можно принять безошибочно за вѣрную, а если въ послѣдствіи и окажется погрѣшность въ нѣсколькихъ секундахъ, то для картъ они ни малѣйшей разности не сдѣлаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Пулковская обсерваторія существовать будетъ: ибо Государь ничего еще не начиналъ та-

кого, чего бы не окончилъ; притомъ же на нее употреблена уже весьма значительная сумма, а потому и рѣшился я принять меридіанъ сей за *первый*, и къ составленію картъ набѣло уже приступили.

На счетъ М. ваша свѣтлость предупредили мое представленіе объ удаленіи его отъ должности капитана надъ Измаильскимъ портомъ, и казалось, что разные сельдяные заводы и лавки, имъ выстроенные, принудили бы его чрезъ таковое перемѣщеніе подать въ отставку немедленно; но слышу, что, въ ожиданіи высшихъ благъ, онъ въ Астрахань собирается! Я поручилъ, однакожъ, намекнуть ему, чтобъ онъ не дожидался формальной выключки изъ службы, а оставилъ бы оную по доброй волѣ. За Ш. и К. вашей свѣтлости весьма благодаренъ.

27 Марта.

Сей часъ получилъ при запискѣ отъ вашей свѣтлости выписку изъ газетъ, гдѣ Кодрингтонъ столь нагло и безсовѣстно объ насъ отзывается. Послѣ сего можно на всякаго Англичанина смотрѣть какъ на врага Россіи! Кондрингтонъ самъ себѣ противорѣчитъ. Нужно только прочитать письмо его къ королю Англіи, въ которомъ онъ выхваляетъ дѣйствія Русской эскадры, чтобъ удостовѣриться въ двухличномъ его характерѣ и наглой безсовѣстности, которою онъ безъ всякаго сомнѣнія огорчаетъ Государя Императора, въ отплату за ту вѣжливость и уваженіе, съ которыми онъ въ Петербургѣ былъ принятъ. Я не понимаю, даже о какихъ случаяхъ онъ говоритъ. Корабли наши, въ самомъ густомъ дымѣ, стали въ такомъ отличномъ порядкѣ, что и въ благопріятное время лучше стать невозможно, а что у пушекъ людей было достаточно, то доказываетъ уничтоженіе Турецкихъ судовъ, противу линіи нашей находившихся, отъ частой и мѣткой стрѣльбы. Касательно неумѣнія распознавать сигналы, ежели онъ относитъ къ тому случаю, что, когда онъ возвращался на кор. «Азіи» изъ Александріи и будучи на вѣтрѣ у насъ, въ разстояніи 3-хъ или 4-хъ миль, держалъ поднятые флаги нѣсколько часовъ: то весьма было бы просто съ его стороны полагать, чтобъ мы могли понимать телеграфные ихъ сигналы, не имѣя книги, по которой можно бы было отыскать значеніе оныхъ. Недоразумѣніе сіе въ послѣдствіи объяснилось, и онъ самъ тому смѣялся.

Я съ своей стороны ничего болѣе не вижу, какъ одну только зависть Англіи въ быстромъ возвышеніи Россіи и низость Кодрингтона, желавшаго угодить какому нибудь лорду Стуарту и другимъ подобнымъ недоброжелателямъ нашимъ. Но чрезъ таковое угожденіе онъ, кажется, сдѣлалъ непростительную ошибку, и нѣтъ сомнѣнія, что гг. тористы

воспользуются симъ случаемъ и выведутъ его на сцену въ настоящемъ видѣ. Графъ Воронцовъ, проѣздомъ здѣсь въ Крымъ, упоминалъ о ругательной рѣчи Кодрингтона касательно эскадры нашей; но читать мнѣ не удалось, а потому за доставленіе выписки изъ оной приношу вашей свѣтлости чувствительную благодарность.

6.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 8 Мая 1836.

На сихъ дняхъ я былъ въ Измаилѣ и, кромѣ офиціальнаго донесенія моего на счетъ устроенія тамъ адмиралтейства, имѣю честь сообщить вашей свѣтлости еще слѣдующія подробности. Измаильская крѣпость наполнена группами строеній разнаго рода, подъ названіемъ слободокъ, которыя, при первомъ посѣщеніи Государя, конечно, приказано будетъ уничтожить. Касательно адмиралтейства, то можно рѣшительно сказать, что кромѣ того мѣста, гдѣ оно находится теперь, т.-е. внутри крѣпости, другаго удобнаго мѣста нѣтъ. Нужно только немного увеличить и дать болѣе правильности, обнеся оное кирпичною стѣною, вышиною около 10-ти футъ. Мѣсто на столько возвышенно, что отъ разлива Дуная никогда не наводняется, тогда какъ всѣ близъ лежащія къ крѣпости прибрежныя мѣста, не исключая и рѣчки Репиды, покрываются водою, и не рѣдко временно устроенные изъ камыша магазины сноситъ льдомъ. При таковомъ устройствѣ, необходимость требуетъ для сообщенія между адмиралтействомъ и флотиліею, которая располагается вдоль берега, сдѣлать сортію въ земляномъ валѣ, между 1-мъ и 13-мъ бастіонами. Подобное сообщеніе существовало и прежде чрезъ бывшій проломъ на томъ же самомъ мѣстѣ, но лѣтъ шесть тому назадъ какъ инженернымъ вѣдомствомъ задѣлано, и сверхъ онаго поставлено два орудія. Чрезъ таковое распоряженіе сообщеніе исправляющихся судовъ съ мастерскими сдѣлалось весьма затруднительнымъ; но не менѣе того полуразрушенныя хижины, составляющія мастерскія и магазины, обнесенные плетнемъ, остались на прежнемъ мѣстѣ. Флотилія теперь состоитъ изъ весьма немногаго числа полусгнившихъ іоловъ, которые употребляются для брандвахтъ по разнымъ гирламъ Дуная, и которые въ скоромъ времени должны также уничтожиться, какъ и многіе другіе, удостоенные уже за гнилостію въ разломку. Ежели нужно будетъ строить вновь, то я полагалъ бы строить на Дунаѣ же лодки, подобныя тѣмъ, какія употреблены были противъ Данцига въ 1813-мъ году и притомъ съ подряду: ибо я увѣренъ, что обойдутся многимъ дешевле, нежели казенными средствами.

Люди 44-го экипажа довольно хороши, но Костеничъ никуда не годится и вовсе не похожъ на экипажнаго командира; раза два попадался было въ употребленіи нижнихъ чиновъ для своихъ работъ, но счастливо вывернулся; надѣюсь, что попадется и еще разъ. Нельзя ли, ваша свѣтлость, при концѣ года переименовать его по флоту, ибо пользы отъ него никакой ожидать невозможно, гдѣ бы онъ ни служилъ.

Въ заключеніе позвольте просить вашу свѣтлость обратить милостивое вниманіе ваше на капитанъ-лейтенанта Мессера 2-го, который обойденъ при послѣднемъ производствѣ. О другихъ я не скажу ни слова; но Мессеръ весьма усердный по службѣ офицеръ и, какая бы должность на него возложена ни была, онъ всегда принимается съ необыкновенною готовностію и исполняетъ оную неусыпно. Примѣромъ сему можетъ послужить заведенный нынѣ порядокъ и чистота въ Севастопольскомъ (доселѣ разбросанномъ) адмиралтействѣ. Какъ морской офицеръ, я также замѣтилъ его весьма знающимъ и исполнительнымъ (бывъ одну кампанію со мною старшимъ к. лейтенантомъ на кораблѣ «Память Евстафія»). Осматривая адмиралтейство въ послѣднее мое пребываніе въ Севастополѣ, я, за найденный въономъ порядокъ, изъявилъ ему благодарность и ободрилъ его представленіемъ къ наградѣ; но теперешній случай совершенно его обезоружилъ, и въ доказательство, что онъ заслуживаетъ возвращенія старшинства, я получилъ четыре по сему предстательства отъ лицъ совершенно безпристрастныхъ и заслуживающихъ полное уваженіе. Я прошу позволенія вашей свѣтлости войти о семъ съ представленіемъ, и будьте увѣрены, что о недостойномъ офицерѣ никогда васъ безпокоить и ходатайствовать не буду.

7.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 28 Мая 1836.

Податель сего штабсъ-капитанъ Ильинъ просился къ берегамъ Чернаго моря, для свиданія съ родственниками и купанія въ морѣ. Дозвольте ему, любезный Михайло Петровичъ, пробыть въ вашемъ краю столько время, сколько потребуетъ курсъ лѣченія. Онъ весьма хорошій офицеръ и прошлаго года весьма хорошо разобралъ плутни Олонецкихъ заводовъ, въ отношеніи къ литью морскихъ пушекъ.

Меншиковъ.

8.

Севастополь, 29 Іюня 1836.

Лазаревъ князю Меншикову.

Штормъ, дувшій съ необыкновенною жестокостью въ продолженіи 15-го, 16-го и 17-го чиселъ сего мѣсяца, причинилъ много поврежденій на корабляхъ и въ особенности на «Чесмѣ» и «П. Евстафія». Я увѣ-

ренъ, что еслибы Алексѣй Самойловичъ*) въ то время находился на одномъ изъ тѣхъ кораблей, то конечно сознался бы, что ничего не можетъ быть вреднѣе въ сильную качку, какъ то крестообразное крѣпленіе, которое введено было на корабляхъ Черноморскаго флота. Теорія совершенно ошибочная.

Въ Севастополѣ буря эта была, повидимому, еще сильнѣе. Сообщеніе съ сѣверною стороною было прекращено, и отъ сильной зыби нигдѣ по берегамъ приставать на гребныхъ судахъ было невозможно. По берегамъ выбросило очень много камня, и вода въ портѣ возвысилась до такой степени, что на сѣверной сторонѣ гауптвахта была окружена водою, и караульные принуждены были выбраться вонъ; въ южной же бухтѣ зыбь была столь значительна, что корабль «Пантелеймонъ», стоявшій на цѣпи, отъ качки потекъ по три фута въ сутки; а потому хотя онъ и назначенъ былъ во вторую практическую эскадру, но какъ течь открылась въ гротъ-камерѣ близъ киля, и притомъ корабль сей находится въ весьма ветхомъ состояніи, то и приказано мною, разоруживъ оный, приготовить къ килеванію. Не знаю, впрочемъ, выдержитъ ли онъ эту операцію; но ежели и выдержитъ, то ни на что болѣе годенъ быть не можетъ, какъ на блокшифъ (ему теперь 12 лѣтъ).

Ваша свѣтлость, я надѣюсь, согласитесь со мною, что тѣми средствами, которыя Черноморское управленіе имѣетъ, никогда невозможно будетъ пополнить комплектъ кораблей и фрегатовъ согласно Высочайшему назначенію; необходимость потребуетъ прибѣгнуть къ постройкѣ нѣсколькихъ изъ нихъ съ подряда, но только совсѣмъ на другихъ условіяхъ, нежели какъ прежде, и притомъ съ бо́льшимъ за постройкою присмотромъ; или же, сдѣлавъ вдругъ большое заготовленіе лѣсовъ, нанимать значительное число вольныхъ плотниковъ и кузнецовъ, привести въ благонадежное состояніе эллинги въ Спаскомъ, фундаменты коихъ сгнили, устроить нужное число горновъ и пр. и такимъ образомъ усилить работы. Изъ сихъ двухъ способовъ употребивъ металъ отъ казны, первый, кажется мнѣ, будетъ выгоднѣе и встрѣтится менѣе затрудненій на счетъ лѣсовъ и рабочихъ людей.

Вотъ уже другой годъ, что мелководіе на Днѣпровскихъ порогахъ удерживаетъ лѣса, какъ казенные такъ и частные, въ нынѣшнемъ же году для насъ особенно несчастливо: лѣсовъ дубовыхъ и сосновыхъ прошло чрезвычайно мало, и постройка корабля «Три Святителя» неминуемо должна будетъ остановиться. Одно средство вознаградить сіе будетъ заняться построеніемъ транспортовъ и мелкихъ судовъ, употреб-

---

*) Адмиралъ Грейгъ, предшественникъ М. П. Лазарева по управленію Черноморскимъ флотомъ. П. Б.

ляя на наборъ Крымскій дубъ, а на обшивку сосну; благонадежныхъ же теперь транспортовъ только три, остальные одинъ другаго гнилѣе. Но чтò болѣе всего затрудняетъ здѣсь, это недостатокъ нижнихъ чиновъ, извѣстный уже вашей свѣтлости, который еще болѣе увеличится съ отпускомъ людей въ безсрочный отпускъ и выборомъ для гвардейскаго экипажа; и ежели въ нынѣшнемъ году не дадутъ значительнаго числа хорошихъ рекрутовъ, то на случай прибытія въ будущемъ году Государя, выйти со всѣмъ флотомъ для маневровъ не будетъ никакой возможности, развѣ съ половинными командами. Позвольте просить вашу свѣтлость сдѣлать для меня милость укомплектовать Черноморскіе экипажи подобно Балтійскимъ, которые, по словамъ Васильева, ежели и имѣютъ недостатокъ, то весьма незначительный; въ противномъ случаѣ команды Черноморскихъ судовъ весьма много разстроятся, по той причинѣ, что лучшіе люди безпрестанно будутъ выбывать, а рекруты не успѣютъ среди нихъ образоваться.

Позвольте также просить разрѣшенія вашей свѣтлости выписать изъ Англіи три цѣпи съ принадлежностію и для строющейся нынѣ яхты по чертежу *Arondel*, которой, впрочемъ, названія еще не дано, о каковыхъ цѣпяхъ я вмѣстѣ съ симъ имѣю честь представить на благоуваженіе вашей свѣтлости офиціально.

9.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 7 Марта 1837.

Графъ Поццо ди Борго увѣдомилъ меня офиціально, что, при всѣхъ стараніяхъ его, онъ не могъ получить согласія лорда Минто на дозволеніе офицерамъ нашимъ, Дмитріеву и Моисеенкѣ, посѣщать и быть при работахъ въ адмиралтействахъ, подобно тому какъ сіе было дозволено прежде, подъ видомъ новыхъ какихъ-то по сему учрежденій. Дабы не потерять времени, я рѣшился просить благосклоннаго разрѣшенія вашей свѣтлости дозволить первому изъ нихъ, какъ корабельному инженеру, отправиться на 6 или болѣе мѣсяцевъ въ Соединенные Штаты Америки, чтò въ теперешнее время года весьма легко совершить можно изъ Ливерпуля на регулярно отправляющихся оттуда пакетъ-ботахъ.

Новизна корабельной тамъ архитектуры, отлично образованныя круглыя кормы, удобные для дѣйствія артиллеріи пароходы, превосходящіе во многихъ отношеніяхъ Англійскіе, 3-дечный корабль Pensilvanie, 2-дечные корабли North Caroline, Ohio и другіе, фрегаты, корветы, шкуны и пр. и пр. заслуживаютъ, чтобъ они осмотрѣны были со всею внимательностію, и я могу рекомендовать Дмитріева, какъ ин-

женера, который ничего не упуститъ, чтобъ не передать все что ему встрѣтится самымъ акуратнымъ образомъ на бумагѣ.

Для выигранія времени, съ сею же почтою я отправляю къ нему чрезъ Бенкгаузена партикулярное письмо, наполненное всѣми тѣми предметами, на которые онъ долженъ будетъ обратить особенное въ портахъ Соедененныхъ Штатовъ вниманіе, буде вашей свѣтлости угодно будетъ разрѣшить его отправленіе и дать ему знать чрезъ генеральнаго консула Бенкгаузена прямо отъ себя; ежели же нѣтъ, то онъ долженъ оставить письмо безъ вниманія и заняться осмотрѣніемъ заведеній въ разныхъ портахъ Англіи, къ чему, впрочемъ, онъ будетъ имѣть достаточно времени и по возвращеніи изъ Америки, до окончательнаго срока пребыванія его за границею.

Ваша свѣтлость весьма много меня обязать изволите разрѣшеніемъ сего обстоятельства, которое повлечетъ за собою не болѣе издержекъ какъ на 100 фунтовъ стерлинговъ, а между тѣмъ познакомитъ насъ съ подробностями Американскаго кораблестроенія, имѣющаго въ себѣ весьма много новаго и полезнаго.

10.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 10 Апрѣля 1837.

К. лейтенантъ Шанцъ, пробывъ здѣсь 4 дня и посѣтивъ Севастополь, вчера возвратился и располагаетъ пуститься въ обратный путь завтра утромъ.

Устроеніе румпеля и пушечнаго станка на пароходѣ Язонъ, Шанцъ осматривалъ подробно и чертежи беретъ съ собою для представленія вашей свѣтлости.

На пароходѣ «Медея» дѣйствительно поставлена на носу бомбическая пушка 84-фунтоваго калибра, подобная той какая и на кормѣ. Подробностей устройства оной не имѣется; но по показаніямъ лейтенанта Истомина, который нѣсколько разъ былъ на «Медеѣ», извѣстно, что носовое орудіе устроено между брашпилемъ и фокъ-мачтою точно на такомъ же станкѣ, какъ и кормовое, модель каковаго устройства прислалъ Бенкгаузенъ въ прошломъ году и съ оной сдѣлана такая же модель въ Петербургѣ по приказанію вашей свѣтлости.

Предписанія вашей свѣтлости, относящіяся до посѣщенія здѣшняго края Государемъ и путешествія Ихъ Величествъ по Крыму и пр., требуютъ столь много соображенія, что я рѣшился продержать здѣсь курьера еще дня четыре, дабы доставить съ нимъ подробнѣйшія свѣ-

дѣнія о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, которыя я предвижу. Здѣсь же я упомяну о нѣкоторыхъ вкратцѣ.

1) Весьма жаль, что время для путешествія избрано въ самое равноденствіе, и слѣдовательно ожидать надобно бурныхъ погодъ.

2) Помѣщеніе экипажей, каковы кареты, на большомъ пароходѣ и въ особенности сгрузка оныхъ окажется весьма затруднительною, и послѣдняя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти невозможною, какъ напримѣръ въ Редутъ-Кале, гдѣ, по причинѣ сильнаго буруна, обыкновенно бываемаго на барѣ, суда стоятъ на якорѣ по нѣскольку дней, не въ состояніи будучи послать гребнаго судна на берегъ, что̀ случалось и съ яхтою «Рѣзвою», на которой я былъ вмѣстѣ съ адмираломъ Грейломъ въ лучшее время 1832 года и при тихомъ вѣтрѣ. Кромѣ того, для своза экипажей нужно тамъ имѣть понтонъ, котораго тамъ нѣтъ и доставить по отдаленности весьма затруднительно; а потому я беру смѣлость предложить мое мнѣніе, что по прибытіи Государыни Императрицы сухопутно изъ Севастополя въ Балаклаву (откуда путешествіе предполагается уже на пароходѣ), лучше отправить экипажи Ея Величества въ Керчь сухопутно, гдѣ и будутъ они дожидаться высочайшаго ея прибытія. Экипажи Государя Императора, по прибытіи въ Николаевъ, отправить въ Таганрогъ, гдѣ имъ и ожидать прибытія Его Величества на пароходѣ; а плаваніе по Дону вовсе отмѣнить, ибо въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ главномъ устьѣ Дона вода будетъ самая мелкая (не болѣе $4\frac{1}{2}$ или 5 футъ), такъ что ни одинъ изъ пароходовъ перейти мелководіе, продолжающееся на 10 верстъ, будетъ не въ состояніи, и надобно будетъ ѣхать на катерѣ; послѣ того останется до Ростова еще 60 верстъ! Самый мелкій изъ пароходовъ есть «Везувій», который сидитъ въ грузу $6\frac{1}{2}$ футъ; но еслибъ и была возможность на пароходѣ пройти прямо въ Ростовъ, то и тогда однихъ сутокъ плаванія отъ Керчи (какѣ означено по маршруту) недостаточно, ибо все разстояніе будетъ болѣе 200 миль. Чтоже касается до путешествія Его Величества изъ Редутъ-Кале въ Тифлисъ, то вѣрнѣйшее по мнѣнію моему средство есть послать экипажи туда кругомъ чрезъ Кутаисъ заблаговременно, а Его Величеству, по прибытіи въ Редутъ-Кале на пароходѣ, выждать благопріятное время и съѣхать на катерѣ, который нужно будетъ отослать туда заранѣе и который, по извѣданіи фарватера (перемѣняющагося почти ежегодно) вѣрнѣйшимъ образомъ, обязанъ будетъ выѣхать при появленіи парохода.

Вотъ затрудненія, которыя я предвижу и о коихъ докладываю вашей свѣтлости предварительно; но по собраніи вѣрнѣйшихъ свѣдѣній, донесу съ курьеромъ съ возможными подробностями.

Для путешествія Ихъ Величествъ я полагаю изготовить пароходъ «Сѣверная Звѣзда», который хотя не совершенно еще по механизму готовъ, но надѣюсь, что въ Маѣ мѣсяцѣ можно будетъ сдѣлать первую ему пробу; къ нему присоединится «Громоносецъ» и одинъ или два отъ Одесскаго Пароходнаго Общества, о чемъ я вхожу въ сношеніе съ графомъ Воронцовымъ.

Наскоро сдѣланный планъ устройству рубкамъ на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» я поручилъ к. л. Шанцу представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости и полагаю, что помѣщенія будетъ достаточно. Стулъ, столъ и диванъ для Государя будутъ сдѣланы согласно полученнымъ отъ Шанца измѣреніямъ. Князь Гагаринъ не прибылъ.

11.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 17 Апрѣля 1837.

Ежели необходимо быть въ Ростовѣ, то отъ Таганрога сухопутно только 68 верстъ, слѣдовательно можно прибыть въ 4 часа времени; но ежели онъ избранъ для того, чтобъ, минуя Таганрогъ, удалить отъ Его Величества то непріятное воспоминаніе, которое можетъ навлечь незабвенная кончина покойнаго Императора, тогда нѣтъ другихъ средствъ, какъ выѣхать въ устье Дона на катерѣ и потомъ слѣдовать на пароходѣ; но необходимость заставитъ перенести нѣкоторыя неудобства, какъ-то тѣсноту и ночлегъ.

На счетъ путешествія Государя изъ Редуть-Кале въ Тифлисъ, нахожу я другое еще средство для перевоза нужнаго числа экипажей, упоминаемое мною въ официальномъ донесеніи къ вашей свѣтлости, а именно, чтобъ прислать заблаговременно экипажи въ Севастополь, которые и отправить на транспортахъ въ Редуть-Кале, что́ исполнить весьма легко, и тогда можно быть увѣрену, что тѣмъ или другимъ средствомъ, но экипажи будутъ въ Редутъ-Кале непремѣнно.

Ежели Ихъ Величествамъ угодно будетъ съѣхать съ парохода въ какомъ-либо мѣстѣ южнаго берега Крыма, то конечно предпочтительнѣе въ яхтахъ, откуда можно проѣхать сухопутно въ Оріанду, Алупку и другія мѣста Крыма; въ такомъ случаѣ надобно полагать, что графъ Воронцовъ приготовитъ нужные для сего экипажи и верховыхъ лошадей. Но ежели Государынѣ угодно будетъ имѣть непремѣнно экипажи свои, то и въ такомъ случаѣ удобно будетъ отправить оные изъ Балаклавы сухопутно въ Ялту; въ Алупкѣ же отъ приморья на верхъ подняться въ экипажахъ нельзя, а дѣлается это обыкновенно верхомъ или пѣшкомъ. Изъ Ялты экипажи могутъ слѣдовать далѣе до Керчи и прибыть

туда во-время, ибо вѣроятно Ея Величество остановится въ Керчѣ нѣсколько часовъ.

Представляя всѣ сіи замѣчанія мои на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости, я покорнѣйше прошу, до отъѣзда вашего [1]), удостоить меня подробнѣйшимъ разрѣшеніемъ и увѣдомленіемъ, какъ именно вояжъ Ихъ Величествъ изъ Балаклавы начнется и къ какимъ мѣстамъ намѣрены приставать; ежели возмутъ экипажи съ собою, то гдѣ должно приготовить барказы для своза ихъ на берегъ и обратно на пароходъ? Не признаете ли удобнымъ одинъ изъ государевыхъ катеровъ взять на бакштофъ парохода? Или нужно разослать катера по разнымъ мѣстамъ, чтобъ состояли въ готовности? Въ Редутъ-Кале одинъ небольшой катеръ я полагаю послать необходимымъ, какъ равно и въ Ростовъ, ежели рѣшено ѣхать Дономъ, дабы штурманъ изъ устья выѣхалъ на ономъ на встрѣчу большому пароходу.

Пароходъ «Сѣверная Звѣзда» короче «Геркулеса» 42 и уже 11-ю футами, изъ сего ваша свѣтлость можете заключить, какъ тѣсно будетъ для помѣщенія. На прилагаемомъ чертежѣ каютъ парохода вы усмотрите, что задняя рубка предназначена для Государя Императора и находится на лучшемъ, по мнѣнію моему, мѣстѣ, между двумя круглыми люками, какъ потому, что далѣе отъ стука машины, такъ и потому, что ежели случится крѣпкій вѣтеръ, то менѣе будетъ брызговъ. Слѣдующая затѣмъ между гротъ-мачтою и трубою устроена для четырехъ особъ, а впереди оной еще одна для одной. Кромѣ сего по одной весьма просторной каютѣ сзади кожуховъ. Всего на верху, кромѣ Императорской рубки, въ коей заключается и небольшая каютка для камердинера, 7 каютъ. Дамскій кварталъ можетъ быть отдѣленъ совершенно, затворивъ переднія двери. Самое приличное мѣсто для спальни Государыни я полагаю въ задней каютѣ, на правой сторонѣ, а на лѣвой для принцессы; въ большой залѣ перегородится занавѣсками на бронзовыхъ прутьяхъ и составится 4 каюты, изъ коихъ двѣ на правой сторонѣ и задняя на лѣвой, для помѣщенія трехъ дамъ. Не угодно ли будетъ вашей свѣтлости избрать на чертежѣ каюту для Его Высочества Наслѣдника и иностраннаго принца и остальныя назначить собственно для васъ, для князя Ливена, графовъ Орлова и Бенкендорфа, Кавелина, доктора и полковника Рауха, какъ признаете удобнѣе?

Весьма важное неудобство, я полагаю, будетъ въ помѣщеніи гардероба и другихъ принадлежностей, а равно и всякаго рода провизіи, которой обыкновенно берутъ необыкновенное количество, поваровъ, прислуги и пр. и пр. Нельзя ли вашей свѣтлости число послѣднихъ

[1]) Князь Меншиковъ думалъ ѣхать въ чужіе края. *П. Б.*

ограничить и расположить такъ, чтобъ необходимаго запаса для стола было не болѣе какъ на 4 дня, остальное имѣть на другомъ пароходѣ? Дамскихъ туалетовъ хотя и предназначено купить два, но съ удобностію можно помѣстить только одинъ въ задней каютѣ.

Теперь я буду имѣть честь отвѣчать на письмо вашей свѣтлости отъ 30 Марта.

1) Коль скоро графъ Виттъ сюда возвратится, то я постараюсь непремѣнно съ нимъ увидаться и узнать всѣ подробности, до путешествія относящіяся, особенно до тѣхъ лицъ, которыя прибудутъ въ Николаевъ.

2) Въ Николаевѣ и Севастополѣ никого изъ флотскихъ чиновъ на берегу не останется, и потому и разводовъ не будетъ.

3) О соблюденіи положенной формы офицерами и гардемаринами строго подтверждено и еще разъ подтвердится.

4) Позвольте просить вашу свѣтлость приказать доставить копію съ утренняго и вечерняго рапортовъ, какіе должно подавать Государю отъ имени военнаго губернатора.

5) Николаевскій госпиталь противъ прежняго поправился, но все еще не такъ, какъ бы хотѣлось; смотритель перемѣненъ, и дѣло идетъ гораздо лучше. Но инспекторы Николаевскаго и Севастопольскаго госпиталей такъ привыкли къ прежней своей методѣ, что величайшая бы была польза, еслибы обоихъ ихъ перемѣнили и, по избранію доктора Ланга, назначили бы другихъ болѣе дѣятельныхъ и знающихъ свое дѣло.

6) Установленная форма мундиру рабочихъ экипажей отъ г. интенданта получена, и къ обмундированію ихъ приступлено.

7) Записки по установленной формѣ для подачи Государю дежурными при адмиралтейскихъ работахъ офицерами будутъ приготовлены.

8) Предварительныя репетиціи церемоніальному смотру непремѣнно будутъ сдѣланы при Васильевѣ, и всѣ недостатки по возможности будутъ отвращены.

9) Маневры и атаки подъ парусами, помѣщенные въ особомъ прибавленіи къ эволюціоннымъ сигналамъ, постараюсь повторить самъ и въ особенности упоминаемое вашей свѣтлостію прохожденіе подъ кормою два раза, какъ у паруснаго судна, такъ и у парохода.

10) Прибавленіе къ своду военныхъ сигналовъ въ двухъ экземплярахъ, равно алфавиты для пріисканія сигналовъ и карточки для отпечатанія ордеровъ, я имѣлъ честь получить, и первое приказано вписать въ самыя книги свода.

11) О воспрещеніи нижнимъ чинамъ быть безъ обуви отданъ былъ приказъ.

12) Ежели рѣшено будетъ, что Государь поѣдетъ въ Ростовъ Дономъ, то къ тому времени будетъ тамъ находиться и Шмелевъ, а до того назначенъ кондукторъ Вержниковъ, бывшій въ описи съ Шмелевымъ и знающій хорошо мѣстность; онъ отправится на пароходѣ «Лиманъ», заблаговременно поставитъ на отмеляхъ вѣхи до самаго Ростова и обозначитъ проходъ на барѣ.

13) Бутокъ на пароходахъ поставлено будетъ на «Сѣверной Звѣздѣ» три и на «Громоносцѣ» двѣ; на «Лиманѣ», я опасаюсь, что не успѣемъ сдѣлать, ибо онъ скоро долженъ отправиться. Онъ сегодня только прибылъ изъ Одессы съ флашкоутомъ и имѣетъ порядочную течь; нужно непремѣнно вытащить его на мортоновъ элингъ, осмотрѣть и обшить мѣдью, которою онъ обшитъ не былъ.

Князь Гагаринъ явился два дня тому назадъ, и я его назначилъ въ Геленджинскій отрядъ, на шкуну «Гонецъ», которая на сихъ дняхъ отправится и пробудетъ тамъ до 1-го Августа. Онъ смотритъ весьма расторопнымъ офицеромъ и кажется, что путешествіе по Америкѣ сдѣлало значительную въ немъ перемѣну къ лучшему. Служба на хорошихъ судахъ, гдѣ наблюдается строгая дисциплина и порядокъ, есть вѣрное средство пріохотить молодаго офицера къ своимъ обязанностямъ; я долженъ сказать, что шкуна «Гонецъ» есть одно изъ таковыхъ судовъ.

12.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 18 Іюня (1837).

О необходимости въ низенькихъ креслахъ съ подножками я до сего времени ничего и не зналъ; но Васильевъ говоритъ мнѣ, что нужно также особаго рода стулъ, на которомъ Императрица любитъ сидѣть. Ежели это такъ, то позвольте просить вашу свѣтлость приказать и ихъ доставить одну пару.

Я не знаю, что̀ дѣлать на счетъ столоваго сервиза, ибо въ Одессѣ кромѣ цвѣтныхъ нѣтъ, а Васильевъ сказывалъ, что Государь ихъ не любитъ; что́ касается до сервиза, принадлежащаго пароходу «Язонъ», то онъ отправился съ нимъ къ Абхазскимъ берегамъ, да и употреблять оный было бы неловко, потому что на каждой вещи изображенъ пароходъ съ подписью *Язонъ*. Одно средство оставалось заказать въ Кіевѣ, но и тамъ отъ сего отказываются, ибо завалены работами для Вознесенска, а потому рѣшаюсь послать купить въ Одессѣ, тѣмъ болѣе, что ежели упустить время, то и тамъ ничего не достанешь. Позвольте также спросить, нужно ли заготовить столовое и постельное бѣлье по числу мѣстъ въ каютахъ; словомъ сказать, вправѣ ли я раз-

рѣшить купить все то что̀ по соображенію моему признается нужнымъ?

Пароходъ еще не готовъ по нѣкоторымъ бездѣлицамъ въ механизмѣ, и это безпокоитъ меня до крайности. Давно бы надобно было на немъ отправиться для испытанія и потомъ заняться эволюціями въ морѣ и смотрами въ Севастополѣ; но знаю, что съ отсутствіемъ моимъ встрѣтятся недоумѣнія и остановки. Надѣюсь впрочемъ, что къ исходу сего мѣсяца удастся сдѣлать первый опытъ, и сколько самъ понимаю въ механизмѣ, то не имѣю причины сумнѣваться въ успѣхѣ.

На счетъ отправленія экипажей въ Поти я имѣлъ уже честь представлять вашей свѣтлости и излагать причины, по коимъ для съѣзда Государя предпочесть должно Редутъ-Кале, назначенный для сего по первому маршруту; но надобно полагать, что сумнѣніе сіе произошло отъ предложенія барона Розена, незнакомаго съ прибрежною мѣстностію. Во всякомъ случаѣ до полученія окончательнаго приказанія вашей свѣтлости, я въ отправленіи туда катера съ гребцами пріостановился.

Для перевоза экипажей изъ Севастополя я оставилъ корветъ «Месемврію», на которомъ перевезти ихъ весьма удобно, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ для сего взять и барказъ нѣсколько поболѣе обыкновеннаго; но ежели (какъ Васильевъ сказывалъ мнѣ) не рѣшено еще, отправятъ ли коляску Государя на траспортѣ или поставятъ на одномъ изъ пароходовъ, въ такомъ случаѣ свозить оную въ Редутъ-Кале будетъ не на чемъ, ибо гребныя суда на пароходахъ подобной тяжести не поднимутъ.

По сношенію съ графомъ Воронцовымъ и Пароходнымъ въ Одессѣ Обществомъ мы можемъ получить каменнаго угля, сколько понадобится, въ Керчи; а какъ пароходъ «Сѣверная Звѣзда» можетъ взять онаго на восемь дней, то я отправляю уголь только въ Геленджикъ, куда въ случаѣ, что на обратный путь до Севастополя угля будетъ недостаточно, то можно зайти и взять онаго нужное количество.

Составленные образцы рапортовъ, подаваемые С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, Васильевъ доставилъ; но какъ они многосложны, что едва ли будутъ удобны здѣсь; а потому я полагаю позаимствовать изъ оныхъ только то, что̀ признается нужнымъ, а въ остальномъ придержаться къ подаваемому рапорту адмираломъ Рожновымъ въ Кронштадтѣ.

Весьма бы желательно, чтобъ обѣщаніе вашей свѣтлости быть въ Николаевѣ за двѣ или за три недѣли до прибытія Государя, сбылось, и чтобы никакія непредвидѣнныя обстоятельства тому не помѣшали; въ противномъ случаѣ нельзя поручиться, чтобъ все было устроено такъ, какъ Государю угодно.

13.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 19 Іюля 1837.

Адъютантъ мой Васильевъ привезъ предполагаемую вами, любезный Михаилъ Петровичъ, диспозицію судовъ для Севастопольскаго рейда, которую представлялъ я на Высочайшее благоусмотрѣніе; но Его Величеству не угодно, чтобы фрегаты для церемоніальнаго смотра находились въ линіи съ кораблями; а такъ какъ въ Севастополѣ смотра не предполагается, чтó усмотрите изъ оффиціальнаго отношенія моего, то сіе отдѣленіе фрегатовъ можетъ быть исполнено безъ неудобствъ. Высочайшая же воля вообще по сему предмету состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Имѣть для смотра отдѣльныя линіи кораблей, фрегатовъ и мелкихъ судовъ.

2. Въ ордерахъ похода въ колонны кораблей вводить и фрегаты, ежели сіе нужно.

Такъ какъ смотръ и маневры флота назначаются въ то время, когда Государь будетъ имѣть свое пребываніе въ Одессѣ, и обсылаться съ флотомъ сопряжено будетъ съ потерею времени, для отдачи предварительныхъ приказаній, весьма бы желательно имѣть на берегу временной телеграфъ.

Имѣть должно также въ виду обозначеніе предѣловъ Одесской банки мелкими судами, на время маневровъ.

Излишнихъ адмираловъ можно размѣстить отправленіемъ одного къ Абхазскимъ берегамъ и назначивъ другаго начальникомъ фрегатской линіи, ибо шести адмираловъ для 11 кораблей много.

Всѣ экипажи Ихъ Величествъ отправлены будутъ берегомъ, и въ одномъ только случаѣ, т.-е. при переходѣ изъ Ялты въ Керчь и Тамань, государева коляска должна быть помѣщена на пароходѣ; а въ Редутъ-Кале отправлена таковая берегомъ.

Во время плаванія изъ Тамани къ Абхазскимъ берегамъ, Его Величество вѣроятно остановится у Алупки или Оріанды, кратковременно, для свиданія съ Императрицею.

По тѣснотѣ помѣщенія въ Севастополѣ нужно бы было поставить на дворѣ Ушакова дома одну или двѣ палатки и, ежели возможно, къ крыльцу придѣлать досчатый балаганъ для буфета, а также въ какомъ либо сосѣднемъ домѣ отвести столовую для свиты.

Я буду стараться, чтобы изъ Вознесенска отправлено было нѣсколько колясочекъ или дрожекъ придворныхъ въ Севастополь, но не увѣренъ вполнѣ, чтобъ сіе могло исполниться.

Постарайтесь набрать или нанять экипажей и лошадей по возможности; издержки, на сей предметъ употребленныя, будутъ возвращены.

Въ Николаевъ Государь изволитъ прибыть къ ночи, а на другое утро, по обозрѣніи всѣхъ заведеній, отправится далѣе. Къ противулежащему берегу Бугской переправы изволитъ вѣроятно ѣхать на катерѣ.

Въ Севастополѣ Государыня Императрица изволитъ предполагать осмотрѣть въ подробности дѣвичье заведеніе, подъ ея покровительствомъ состоящее. Вотъ, любезный Михаилъ Петровичъ, все что̀ я нашелъ нужнымъ сообщить вамъ въ дополненіе къ официальному извѣщенію и что̀ сообщаю писарскою рукою подъ диктовкою, ибо отъ усталости самъ писать не могу. Прощайте, до скораго свиданія.

14.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Петербургъ, 20 Іюля 1837.

1) Я полагаю, что флотъ можно расположить на Одесскомъ рейдѣ для смотра между городомъ и Одесскою банкою, паралельно берега, лежащаго по направленію мыса Фонтана, такъ чтобы корабли были къ W, а за ними фрегаты; первому же кораблю быть на высотѣ дома графа Воронцова, или карантинной пристани.

2) Между предполагаемымъ въ городѣ морскимъ телеграфомъ и флотомъ нужно имѣть репетичное судно.

3) Прикажите обратить особенное вниманіе на опрятность военныхъ брандвахтъ.

4) Во время пребыванія въ Одессѣ вѣроятно будетъ поднятъ на берегу штандартъ, и флотъ долженъ быть всегда готовъ къ салюту.

5) Мелкимъ судамъ конечно послѣдуетъ ежедневно сигналомъ съ берега повелѣніе сняться съ якоря и лавировать по рейду или атаковать другъ друга, на каковыя дѣйствія должны быть всегда готовы.

6) Ежелибы флоту повелѣно было войти на Севастопольскій рейдъ, то построиться ему въ одну линію, не смѣшивая кораблей съ фрегатами; кораблямъ быть ближе къ выходу. Ежели въ хвостѣ колонны дозволитъ широта рейда, то колонну можно и сдвоить фрегатами.

7) Командиръ парохода «Геркулесъ», Тыриновъ, имѣетъ дозволеніе отправиться на смотръ Черноморскаго флота. Онъ могъ бы, ежели сочтете нужнымъ, показать или разсказать тѣ мелочи, кои соблюдаются при Высочайшихъ присутствіяхъ на пароходахъ.

8) Государю угодно было лично назначить Корсакова съ тѣмъ, чтобы вы поручили ему пересмотрѣть на судахъ фронтовую часть и

указать нововведенія по оной. По прибытіи въ Николаевъ отправьте его на флотъ.

Я надѣюсь прибыть въ Николаевъ къ 4 Августа.

15.

Лазаревъ къ князю Меншикову.

Одесса, 24 Іюля 1837.

Спѣшу увѣдомить вашу свѣтлость, что я сейчасъ возвратился отъ Абхазскихъ береговъ на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» и зашелъ сюда единственно для свиданія съ графомъ Воронцовымъ и полученія отъ него нужныхъ свѣдѣній, касательно измѣненія Высочайшаго маршрута. Онъ увѣдомилъ меня, что Государыня въ Николаевъ не будетъ, что Государь пробудетъ въ Николаевѣ только 2-го числа и отправится въ Одессу сухопутно, гдѣ останется 4, 5 и 6 числа; что морское путешествіе Государыни будетъ состоять только отъ Одессы до Севастополя, изъ коего на южный берегъ отправятся сухопутно чрезъ Бахчисарай и Симферополь въ Алушту и такъ далѣе; пароходъ же, между тѣмъ, пойдетъ въ Ялты, гдѣ и будетъ дожидаться Государя Императора, и Его Величество отправится на ономъ въ Керчь и далѣе, а Государыня возвратится въ Россію. Впрочемъ, графъ Воронцовъ оффиціально маршрута еще не получалъ.

Плаваніе на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» было изъ Николаева въ Севастополь, въ Балаклаву, въ Алупку, въ Ялты, въ Керчь, въ Тама́нь и обратно въ Керчь, для пополненія издержаннаго количества угля. Изъ Керчи къ Анапѣ, отъ Анапы въ Сухумъ-Кале, въ Геленджикъ, въ Пшады, въ Вулакъ, на мысъ Адлеръ, въ Сухумъ-Кале, въ Редутъ-Кале и Поти, откуда возвратился я обратно въ Севастополь, гдѣ пробылъ одни сутки; сего числа прибылъ въ Одессу. Во всѣхъ вышесказанныхъ мѣстахъ съѣзжалъ я на берегъ, выключая Анапы, гдѣ пристать было невозможно, по причинѣ сильнаго западнаго вѣтра. Генерала Вильяминова я видѣлъ въ Вулакѣ, который онъ занялъ за два дня предъ моимъ приходомъ, прибывъ туда съ отрядомъ сухопутно изъ Пшадъ; на пути они потеряли въ перестрѣлкахъ до 12 человѣкъ и въ томъ числѣ двухъ офицеровъ; раненыхъ же имѣли до 100, въ числѣ коихъ и генералъ-маіоръ Штейбе довольно опасно, ибо пуля пролетѣла въ легкія на сквозь. Пристань въ Тамани окончена и хороша, въ прочихъ же мѣстахъ пристани временныя, на козлахъ и сваяхъ; но къ прибытію Государя устроены будутъ новыя и болѣе прочныя. Въ первый день прибытія моего въ Редутъ-Кале съѣхать на берегъ не было никакой воз-

можности, по причинѣ весьма сильнаго буруна на барѣ, но на другой день съѣзжалъ какъ въ Редутъ-Кале, такъ и въ Поти свободно.

Пароходъ «Сѣверная Звѣзда» имѣетъ превосходныя качества морскаго судна и ходитъ хотя не такъ какъ *Язонъ*, но довольно хорошо, т. е. когда нѣсколько облегчится, то отъ 7-ми до $8\frac{1}{2}$ узловъ. Для любопытства вашей свѣтлости, я прилагаю здѣсь табличку, показывающую сколько времени употреблено было на переходъ отъ одного мѣста до другаго. Одна лишь неудача состоитъ въ рулѣ, который по временамъ стучитъ довольно сильно и хотя нѣтъ никакой опасности, но не менѣе того наводитъ непріятное безпокойство, какъ въ рубкахъ, такъ и въ каютахъ на низу. Въ Севастополѣ его вынимали и отрѣзали нѣсколько снизу; но послѣднее плаваніе до Одессы доказало, что пользы отъ того никакой не произошло; недостатокъ надобно искать въ петляхъ, и потому, по возвращеніи въ Николаевъ, я намѣренъ вытащить пароходъ на берегъ, осмотрѣть самымъ подробнымъ образомъ и ежели признается нужнымъ, то перемѣнить и петли и крючья. Важнѣйшее же неудобство на немъ для предстоящаго Высочайшаго путешествія есть тѣснота, которая отниметъ всякую возможность содержать пароходъ въ той чистотѣ, въ какой бы слѣдовало.

Съ Васильевымъ я разошелся, ибо въ одинъ и тотъ же день, когда я отправился изъ Николаева, онъ оставилъ Севастополь на пароходѣ «Метеоръ» и пустился чрезъ Николаевъ въ обратный путь. Неожиданный этотъ случай былъ причиною, что я съ нимъ ничего къ вашей свѣтлости не писалъ, и какъ вы обѣщали пріѣхать въ Николаевъ за двѣ или за три недѣли до прибытія Государя, то сомнѣваюсь, что и это письмо застанетъ ли еще вашу свѣтлость въ Петербургѣ.

16.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Вознесенскъ, 22 Августа 1837.

Поспѣшаю васъ увѣдомить:

1) Что смотръ въ Одессѣ отмѣняется, но съ тѣмъ, чтобы флотъ вышелъ на встрѣчу Его Императорскому Величеству въ море и за пароходомъ воротился бы въ Севастополь, для церемоніальнаго смотра.

2) Хотя смотра и не будетъ въ Одессѣ, но телеграфъ оставить должно въ Одессѣ.

3) Изъ Одессы до Севастополя Императрица изволитъ, вѣроятно, имѣть свое пребываніе на яхтѣ «Рѣзвая», буксируемой пароходомъ. Ежели нѣтъ тента, то прикажите сшить оный, такъ чтобы доходилъ до гротъ-мачты.

4) Государю угодно имѣть, для соображенія помѣщенія, планъ яхты «Рѣзвая», за которымъ и приказалъ послать сего нарочнаго; не оставьте прислать оный. Подъ именемъ плана разумѣю расположеніе каютъ въ декѣ, простыми линіями начертанный.

При первомъ случаѣ, съ возвращеніемъ вашего курьера, напишу вамъ подробнѣе.

Князь Меншиковъ.

Ежели планъ г. Николаева, приготовляемый для Государя, уже наклеенъ на холстъ, то пришлите его съ симъ же фельдъегеремъ.

17.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Вознесенскъ, 22 Августа 1837.

1) Государь Императоръ ожидаетъ прибытія Императрицы, чтобы окончательно рѣшить, на чемъ итти въ Севастополь, т.-е. на пароходѣ безъ яхты или на яхтѣ, буксируемой пароходомъ; а между тѣмъ Его Величеству угодно, чтобъ каютъ-компанія на яхтѣ «Рѣзвая» была перегорожена, какъ значится на прилагаемомъ у сего планѣ, краснымъ карандашемъ. Цѣль сихъ перегородокъ есть отдѣленіе одного покоя для эрцъ-герцога Іогана, а другаго собственно для Государя. Государю необходимо имѣть столъ письменный.

Перегородки могутъ быть и не столярныя, а обтянутыя какою-либо матеріею или холстинкою, а также нѣтъ надобности доводить ихъ до самыхъ бимсовъ.

Пунктирными красными линіями назначены на планѣ перегородныя занавѣски.

2) Большую кровать въ адмиральской спальнѣ вынесть, а поставить двѣ таковыя узкія, вдоль поперечныхъ перегородокъ той же каюты яхты «Рѣзвая». Кровати сіи можно взять изъ какого-либо дома.

3) Весьма вѣроятно, что Государю угодно будетъ въ Севастополѣ сдѣлать примѣрную амбаркацію сухопутныхъ войскъ; почему и нужно сдѣлать благовременно разсчетъ, сколько на какой фрегатъ и корабль помѣститься можетъ людей и полевой артиллеріи и какими способами, портовыми барказами, ботами и шаландами можно будетъ перевезти оныхъ съ разныхъ пристаней.

4) Пришлите мнѣ адъютанта моего Васильева со всѣми вопросами, на которые вамъ нужны поясненія. Прежде 27 числа я не могу быть въ Николаевѣ.

5) Прилагаемую записку прошу васъ запечатать и отправить къ адъютанту моему Глазенапу, который долженъ быть уже въ Одессѣ.

Князь Меншиковъ.

18.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 22 Августа 1837.

Приказанія ваши съ прибывшимъ сюда изъ Вознесенска фельдъегеремъ я имѣлъ честь получить, и все будетъ въ точности выполнено.

Планъ оберъ-дека и размѣщеніе каютъ яхты «Рѣзвой» я сегодня отправилъ къ вашей свѣтлости съ нарочнымъ.

Планъ города Николаева имѣю честь представить съ возвращающимся къ вамъ фельдъегеремъ, но не тотъ, который изготовляется для Государя Императора, ибо еще не готовъ.

Прошу вашу свѣтлость увѣдомить съ возможными подробностями, какія устройства нужно сдѣлать на яхтѣ «Рѣзвой», кромѣ тѣхъ, которыя уже есть. Нужны ли ковры, и въ которыя каюты? Нуженъ ли туалетъ для Государыни? и пр. и пр. Въ такомъ случаѣ, я думаю, не лучше ли будетъ отправить яхту въ Одессу, гдѣ все это можно устроить скорѣе; ибо какъ ковры такъ и туалеты съ парохода не будутъ уже годиться, въ Николаевѣ же ничего подобнаго достать невозможно.

Васильевъ вмѣстѣ съ Глазенапомъ и другими вчерашняго числа, вскорѣ по отъѣздѣ вашей свѣтлости, отправился на пароходѣ «Метеоръ» въ Одессу, а потому адресованный на имя его пакетъ съ надписью *нужное* посылаю къ нему теперь же съ курьеромъ.

Сегодня я получилъ отъ Бутенева письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что капитанъ Англійскаго флота лордъ Ингестри, узнавъ о предстоящемъ Черноморскому флоту Высочайшемъ смотрѣ, предпринялъ съ супругою своею путешествіе въ Россію, чтобъ быть тому свидѣтелемъ. Онъ особенно рекомендованъ ему отъ посла нашего въ Лондонѣ графа Поццо-ди-Борго. Не зная, имѣете ли ваша свѣтлость какое-либо о семъ извѣстіе, я почелъ не излишнимъ васъ о томъ увѣдомить.

19.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Вознесенскъ, 25 Августа 1837.

1. Буксированіе яхты «Рѣзвой» отмѣняется, и императорская фамилія помѣстится на «Сѣверной Звѣздѣ».

2. Свою рубку Государь предназначаетъ эрцгерцогу, а самъ съ

Цесаревичемъ изволитъ помѣститься въ средней рубкѣ, гдѣ приказалъ устроить себѣ письменный столъ.

3. Государю угодно взять на буксиръ «Оріанду» или шкуну «Гонецъ».

4. На «Громоносцѣ» помѣстится часть свиты, не имѣющей мѣста на «Сѣверной Звѣздѣ».

5. Государь прибудетъ въ Николаевъ не 3-го числа, какъ предполагалось, но 4-го Сентября вечеромъ.

6. Эрцгерцогъ Іоаннъ ночуетъ въ Николаевѣ 5-го Сентября; для пріема его и указанія любопытнаго полагаю назначить генералъ-маіора Берха, какъ знающаго языки.

7. Отплытіе изъ Одессы «Сѣверной Звѣзды» назначается 9-го Сентября утромъ, а «Громоносца» въ ночь на 9-е число.

8. Авинову предпишется держаться не въ дальномъ разстояніи отъ Севастополя и на нашемъ курсѣ стараться быть въ такомъ положеніи, чтобы пароходу удобно было проходить вдоль линіи; ожидать поднятія штандарта, а также и Австрійскаго флага; сему послѣднему салютовать 21 выстрѣломъ.

9. Ко времени прибытія Государя въ Севастополь нужно назначить флотскаго офицера на первую салютаціонную батарею, дабы не стали салютовать брейтъ-вымпелу, ежели бы таковой былъ поднятъ на пароходѣ вмѣсто штандарта и чтобы салютовали 21 выстрѣломъ Австрійскому флагу, ежели подъ онымъ входить будутъ на рейдъ.

10. На всякій случай работъ на яхтѣ «Рѣзвой» не останавливайте.

11. Государю угодно, чтобы пароходъ сопровождаемъ былъ по возможности нѣсколькими судами, какъ-то: «Рѣзвая», «Гонецъ» и проч.

12. Васильева сюда не присылайте, ибо я самъ вскорѣ къ вамъ буду.

P. S. Государю угодно быть въ Анапѣ рано утромъ и слѣдовательно сняться вечеромъ съ Таманскаго рейда, для чего потребуется разставить нѣсколько гребныхъ или другихъ судовъ съ огнями для обозначенія мелей и банокъ.

20.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 9-го Ноября 1837.

Два весьма важныя обстоятельства рѣшили меня послать къ вашей свѣтлости нарочнаго курьера, съ которымъ и прошу скорѣйшаго разрѣшенія. Дѣло о постройкѣ кораблей, чрезъ разные извороты Еврея Рафаловича, продлилось до сего времени, и нынѣ оно не совсѣмъ согласно съ Высочайшею резолюціею, которую однакожъ выполнить те-

перь не предвидится никакихъ средствъ; тѣмъ болѣе, что лѣсовъ здѣсь находится у Рафаловича на одинъ только корабль, другихъ же дубовыхъ лѣсовъ ни въ Николаевѣ, ни въ Херсонѣ ни у кого нѣтъ. Чтобъ не потерять напрасно времени, то на одинъ корабль, который строиться будетъ въ томъ докѣ, гдѣ строился к. «Силистрія», я приказалъ теперь же заключить контрактъ, а на остальные, какъ отдаляющіе Высочайше назначенный срокъ, прошу разрѣшенія вашей свѣтлости, обязавъ однакоже Рафаловича подпискою, что онъ не можетъ отказаться отъ построенія оныхъ и обязанъ ожидать разрѣшенія изъ Петербурга. Срокъ имъ назначаемый, два года, считая съ 1-го Мая будущаго года, по мнѣнію моему таковъ, что и справедливость требуетъ допустить оный, тѣмъ болѣе, что навѣрное можно положить, что не только въ Маѣ, но и въ Іюнѣ мѣсяцѣ будущаго года едва ли прибытія лѣсовъ ожидать можно; время же бѣжитъ, а съ нимъ вмѣстѣ и старые корабли наши догниваютъ!

Другое обстоятельство, не менѣе важное, есть подрядъ, предлагаемый подрядчикомъ Яворскимъ, на который я безъ разрѣшенія вашей свѣтлости ничего предпринять не рѣшаюсь. Но кажется мнѣ, что пріобрѣтеніе отъ него лѣсовъ, на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, должно быть весьма для казны выгодно. Я посылалъ недавно въ лѣса Яворскаго коммиссію, составленную изъ 4-хъ лучшихъ корабельныхъ инженеровъ нашихъ, какъ по познаніямъ ихъ, такъ и по довѣренности къ нимъ, и они донесли, что лѣсъ тотъ весьма хорошаго качества и въ значительномъ количествѣ. Вырубленныя нѣкоторыя штуки еще въ прошломъ году и обтесанныя по лекалу оказались и нынѣ совершенно годными и безъ всякихъ трещинъ, не взирая на то, что онѣ лежали въ продолженіе всего времени на открытомъ воздухѣ. Относительно качества лѣса, то, по отзывамъ ѣздившей туда коммиссіи, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно превосходнѣе получаемаго нами по Днѣпру. По уваженіи всему этому, не благоугодно ли будетъ вашей свѣтлости представить обстоятельство это на благоусмотрѣніе Государя Императора. Можетъ быть Его Величеству пріятно будетъ видѣть, что мысль о заготовленіи лѣсовъ по лекаламъ приведена будетъ здѣсь въ исполненіе; потери же, по моему мнѣнію, никакой быть не можетъ; потому что ежели привезенныя штуки въ Николаевъ признаются коммиссіею не совершенно годными, то помѣщикъ Яворскій обязывается перемѣнять оныя. Кромѣ сего какъ отъ получаемыхъ доселѣ дубовыхъ брусьевъ адмиралтейство пользовалось обрубками отъ оныхъ и нѣкоторую часть съ пользою употребляло для блоковъ, клиньевъ, планокъ и пр., то и онъ обѣщается доставить въ небольшихъ брусь-

яхъ до 40 т. футъ, по послѣдне-заготовленной здѣсь цѣнѣ 1 р. 29 коп. за кубическій футъ.

Ежели ваша свѣтлость изволите одобрить эту операцію, то скорое разрѣшеніе весьма нужно, дабы воспользоваться зимнимъ временемъ для вырубки лѣса.

Чума въ Одессѣ хотя и продолжается, но не съ тою свирѣпостію, съ какою бы ожидать должно. Со времени появленія заразы и по 4-е Ноября, умерло зачумленныхъ 24, оставалось больныхъ 5, а до того времени въ продолженіи 6-ти дней несчастныхъ случаевъ не было, какъ умершихъ такъ и заболѣвшихъ. Но 4-го оказался съ сомнительными знаками отставной матросъ на бывшемъ хуторѣ графа Разумовскаго, имѣвшій долго сообщеніе съ карантиннымъ баталіономъ.

Послѣ 5-го числа никакихъ извѣстій изъ Одессы не имѣемъ. Въ Николаевѣ же и Севастополѣ до сихъ поръ обстоитъ благополучно, и какъ 14-ти-дневный карантинъ эскадры, прибывшей изъ Одессы, нынѣ кончился, то объ окончательномъ очищеніи оной окуркою я ожидаю теперь извѣстія съ нарочнымъ курьеромъ, послѣ чего не замедлю о послѣдствіяхъ донести вашей свѣтлости.

Пароходъ «Колхида» прибылъ, и ничего особенно новаго на немъ нѣтъ, кромѣ проволочнаго стоячаго такелажа, который едва ли когда введенъ будетъ въ общее употребленіе; смотритъ весьма легко и чисто, но ржавчина неминуемо должна имѣть сильное на него вліяніе, не взирая на то, что онъ обмазанъ распущенною резиною.

Пароходъ «Колхиду» я пробовалъ, но болѣе 9 узловъ имѣть не могли.

21.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 18 Ноября 1837.

Съ смертію вице-адмирала Старжевскаго Государь потерялъ одного изъ безкорыстнѣйшихъ и усерднѣйшихъ къ службѣ офицеровъ, а Севастополь—весьма дѣятельнаго начальника, исполнявшаго всѣ возлагаемыя на него обязанности съ необыкновенною готовностію. Старжевскій послѣ себя рѣшительно ничего не оставилъ кромѣ бѣднаго семейства. Всю жизнь свою провелъ въ бѣдности и недостаткахъ. По симъ уваженіямъ я представляю съ сею же почтою на благоуваженіе вашей свѣтлости несчастное положеніе осиротѣвшаго семейства его и прошу ходатайства о единовременномъ имъ пособіи для вознагражденія издержекъ, употребленныхъ какъ во время болѣзни его, такъ и для похоронъ. Убѣдительнѣйше прошу вашу свѣтлость принять въ дѣлѣ этомъ участіе.

Кого угодно будетъ вашей свѣтлости назначить на мѣсто в. адм. Старжевскаго командиромъ Севастопольскаго порта? По производящимся огромнымъ тамъ работамъ и требующимъ дѣятельности, это дѣло довольно важное. Артюкову оставаться въ этой должности по недавнему еще времени въ чинѣ контръ-адмирала, кажется мнѣ, неудобно; старшіе же контръ-адмиралы здѣсь Бутаковъ и Уманецъ. Ежели вашей свѣтлости угодно, чтобы соблюдено было право старшинства, то занять долженъ мѣсто это Бутаковъ; если же ваша свѣтлость двухъ контръ-адмираловъ сихъ къ занятію обязанности командира Севастопольскаго порта способными не признаете, въ такомъ случаѣ при всемъ желаніи моемъ оставить по прежнему начальникомъ штаба контръ-адмирала Авинова, о чемъ я и докладывалъ вашей свѣтлости, при соображеніи вами о назначеніи дивизіонныхъ командировъ; но, предвидя изъ этого пользу, я рѣшаюсь предложить его къ занятію должности командира Севастопольскаго порта. Ежели вашей свѣтлости угодно будетъ одобрить это предложеніе и если предполагается къ новому году производство въ вице-адмиралы, то не благоугодно ли будетъ вамъ произвести контръ-адмирала Авинова за нѣсколько дней прежде, а дивизіонныхъ командировъ нѣсколько дней спустя, дабы командиръ порта былъ во всякомъ случаѣ по чину старшимъ; безъ того безпрестанныя возникаютъ непріятности и самое упущеніе по службѣ, чему неоднократные были примѣры съ того времени, какъ исправляетъ эту должность Артюковъ. Авиновъ дѣятеленъ, и я не сомнѣваюсь, что онъ выполнять будетъ всѣ дѣлаемыя ему порученія съ должнымъ усердіемъ, за работами, на корабляхъ въ адмиралтействѣ будетъ имѣть строгій надзоръ, и всѣ дѣла пойдутъ, какъ должно. Но ежели соблюденіе старшинства признается нужнымъ, тогда все вышесказанное конечно остается безъ измѣненія.

При семъ случаѣ, обращая вниманіе и на приближающійся новый годъ, я беру смѣлость просить вашу свѣтлость дать ходъ по службѣ нѣкоторымъ изъ офицеровъ, которые по познаніямъ и образованности своей съ пользою и съ честію для флота заняли бы мѣста высшія. Изъ сихъ я разумѣю преимущественно капитана 2-го ранга Нахимова, капитанъ-лейтенантовъ Матюшкина и Путятина и лейтенанта Панфилова. Я рекомендую ихъ потому, что Нахимовъ, кромѣ того, что служитъ здѣсь образцомъ для всѣхъ командировъ кораблей, состоитъ по списку 9-мъ. Матюшкинъ и Путятинъ недавно лишь возвратились отъ перевозки войскъ и больныхъ съ мыса Константиновскаго въ Редутъ-Кале и Поти и вполнѣ открыли глаза прочимъ, что̀ съ фрегатами можно сдѣлать, не взирая на позднее время года. Путятина рекомендовалъ весьма сильно и баронъ Розенъ за благоразумную высадку

десанта, которымъ онъ командовалъ. Ежели Мельникову достанется въ производство, то Путятину желательно бы было ввѣрить командованіе 32-мъ экипажемъ и кораблемъ «Три Святителя», а Матюшкину одинъ изъ другихъ экипажей. Они оба весьма старательные и неутомимые по службѣ офицеры. А о Панфиловѣ я прошу потому, что онъ только семь человѣкъ ниже произведеннаго Истомина и, по доходящимъ до меня слухамъ, командуетъ ввѣреннымъ ему судномъ съ особеннымъ отличіемъ. Онъ управленіемъ своего тендера заставилъ удивляться Англичанъ и доказалъ имъ, что не въ одной Англіи тендера хорошо управляются. Весьма лестно было для меня слышать отзывы о тендерѣ «Лучъ», командиръ коего совершенно оправдалъ мой выборъ; многіе же другіе того не сдѣлали.

Чума въ Одессѣ совершенно было всѣхъ жителей успокоила, ибо въ продолженіе цѣлой недѣли не было ни одного случая; но 15-го числа опять оказалась зараза въ одномъ изъ домовъ на Молдаванкѣ, что̀ опять навело нѣкоторое уныніе. Въ Николаевѣ и Севастополѣ, благодаря Бога, все благополучно. Сообщеніе водою между Николаевымъ и Одессою совершенно прекращено; а изъ Севастополя хотя транспорты и ходятъ за каменнымъ углемъ, но нагружаются на отведенномъ нарочно для сего мѣстѣ на практической гавани безъ всякаго съ кѣмъ либо сообщенія и по возвращеніи въ Севастополь подвергаются кромѣ того карантинному очищенію по уставу.

22.

Князь Меншиковъ Лазареву.

Москва, 6 Декабря 1837.

Письмо ваше отъ 18 Ноября я получилъ третьяго дня и содержаніе онаго доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія, равно какъ и полученное съ тѣмъ вмѣстѣ представленіе ваше о пожалованіи семейству Старжевскаго 4 т. р. Представленіе сіе Государь изволилъ утвердить, о чемъ получите офиціальное увѣдомленіе чрезъ Петербургъ.

Изъ прилагаемой у сего выписки изъ отданнаго сего числа приказа вы усмотрите, что, сходно съ желаніемъ вашимъ, Авиновъ назначенъ командиромъ Севастопольскаго порта. Уманцу дана другая дивизія, дабы, при назначеніи Артюкова дивизіоннымъ начальникомъ, не было бригадныхъ командировъ его старѣе.

Б-ва Государю не только что не угодно было произвести, но приказалъ отнять у него дивизію за контрабандированіе, открытое по судному дѣлу.

О капитанъ-лейтенантахъ и лейтенантахъ Черноморскаго флота обойденныхъ сегоднишнимъ приказомъ, Государь приказалъ спросить предварительно ваше мнѣніе; поспѣшите сообщить мнѣ оное, не ожидая офиціальнаго увѣдомленія, дабы удостоенныхъ можно было внести въ приказъ 1-го Января.

О избранномъ вами начальникѣ штаба на мѣсто Авинова буду ожидать вашего увѣдомленія.

Севастопольскому коменданту Розену пожалованъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени.

Въ нѣкоторыхъ бумагахъ отъ васъ получаемыхъ продолжают строевыхъ нижнихъ чиновъ именовать *не нижними чинами,* какъ повелѣно, *а служителями.* Сіе послѣднее наименованіе присвоивается лишь сторожамъ присутственныхъ мѣстъ и имъ подобнымъ.

Государь выѣзжаетъ изъ Москвы 8 Декабря, а Императрица 9-го числа. Я остаюсь еще нѣсколько дней и полагаю прибыть въ Петербургъ къ 15 или 16 числу.

Прощайте, будьте здоровы.

Поспѣшите увѣдомленіемъ объ окончательномъ заключеніи договоровъ о построеніи кораблей подрядомъ, ибо Государь ожидаетъ сего увѣдомленія.

Хитровъ назначенъ командующимъ Черноморскимъ учебнымъ экипажемъ. Путятинъ имѣется въ виду къ будущему производству.

23.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 14 Декабря 1837.

Къ крайней досадѣ моей, я опять долженъ донести вашей свѣтлости, что въ утвержденіи постройки по контракту кораблей произошли затрудненія со стороны Еврея Рафаловича, и даже совершенная остановка. Въ офиціальномъ моемъ донесеніи я описываю причины остановки этой подробно, и нельзя не пожалѣть теперь, что заключенный уже на построеніе одного корабля съ Рафаловичемъ контрактъ и забранныя имъ подъ законные залоги деньги препятствуютъ выгнать его вонъ изъ Николаева. Онъ нѣкоторымъ образомъ успѣлъ въ своихъ видахъ, т. е. чтобъ изъ трехъ кораблей построить только одинъ, какъ онъ и предлагалъ при началѣ, и остаться здѣсь въ Николаевѣ на два еще года. Впрочемъ нельзя не замѣтить и то, что переданное вашею свѣтлостію Высочайшее разрѣшеніе не совсѣмъ согласно съ условіями,

предложенными Рафаловичемъ. Но не менѣе того оно совершенно законно, ибо въ ономъ сказано, чтобъ подрядчикъ обезпечилъ, какъ самую постройку, такъ и получаемыя имъ отъ интендантства деньги законными залогами, Рафаловичъ-же предлагалъ въ обезпеченіе лѣса въ Херсонѣ и Николаевѣ, которые нельзя назвать несгараемыми матеріалами и слѣдовательно закономъ недозволяемые. По всему видно, что Рафаловичъ не въ состояніи принять на себя постройку остальныхъ двухъ кораблей и находитъ причины отказываться, потому что предлагаемыя ему теперь условія не согласны съ поданными въ его прошеніи; помѣщикъ Бенкендорфъ хотя и предлагалъ въ прежнемъ своемъ прошеніи обезпеченіе подряда и суммъ тоже лѣсами, но нынѣ предлагаетъ представить законные залоги рубль за рубль,—съ тѣмъ только, чтобъ цѣна за каждый изъ двухъ кораблей была таже, которую онъ предъявлялъ прежде и чтобъ 2-хъ лѣтній срокъ считался съ 15-го будущаго Августа, такъ какъ доставка лѣсовъ въ Николаевъ прежде того времени быть не можетъ. Другихъ средствъ теперь не предвидится, какъ отдать построеніе остальныхъ двухъ кораблей Бенкендорфу, которое хотя будетъ и дороже, но во всякомъ случаѣ вѣрнѣе, ибо предлагаемые имъ залоги законны, и задаточныя деньги обезпечиваются рубль за рубль согласно законнымъ постановленіямъ. Еслибъ были у насъ лѣса, то можно бы было приступить самимъ съ наймомъ вольныхъ мастеровыхъ, но лѣсовъ нѣтъ, а которые въ будущемъ лѣтѣ ипри будутъ, то они понадобятся для закладки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь строятся корабли «Три Святителя» и «Трехъ Іерарховъ», такого же ранга двухъ кораблей согласно высочайшему повелѣнію. Теперь, выключая тѣхъ лѣсовъ, которые имѣетъ Рафаловичъ для построенія одного только корабля, другихъ по сю сторону Днѣпровскихъ пороговъ въ достаточномъ количествѣ въ виду не имѣется.

Не знаю, какъ угодно будетъ Его Величеству принять это промедленіе времени, въ которомъ по совѣсти моей хотя не чувствую за собою ни малѣйшаго упущенія, но не менѣе того оно меня чрезвычайно безпокоитъ. Главнѣйшая причина есть недостатокъ честныхъ здѣсь капиталистовъ и наводненіе Новороссійскаго края Евреями, которые всю лѣсную торговлю держатъ въ своихъ рукахъ. Когда получимъ мы лѣса изъ дачи Яворскаго и доставляемые Клоковымъ, то вѣроятно подобныхъ затрудненій не встрѣтится; а до того времени укомплектованіе флота штатнымъ числомъ кораблей будетъ весьма затруднительно.

Пользуясь отъѣздомъ въ отпускъ капитанъ-лейтенанта Путятина, я имѣю честь представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости двѣ копіи плана Николаевскаго адмиралтейства съ предполагаемыми въ ономъ

улучшеніями и исправленіями по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ Государемъ Императоромъ. По утвержденіи оныхъ, не благоугодно ли будетъ одинъ изъ нихъ прислать обратно для нашего руководства, а другой передать въ Строительный Департаментъ.

Изданіе путешествія Спенсера по Крыму и Черкессіи я прочиталъ и при семъ съ благодарностію вашей свѣтлости честь имѣю возвратить. Множество противорѣчій и ложь на всякомъ шагу и даже до такой степени, что читать отвратительно; впрочемъ Бенкгаузенъ, упоминая въ письмѣ ко мнѣ о изданіи Спенсера, говоритъ, что кто-то взялся сдѣлать обзоръ его сочиненію и доказать публикѣ, что онъ писалъ о такихъ мѣстахъ, гдѣ самъ никогда не бывалъ, и слѣдовательно все повѣствованіе его не заслуживаетъ никакого вѣроятія; не менѣе того довольно забавно, гдѣ онъ упоминаетъ о *контръ-адмиралъ Зонтагъ* (въ 1-й части, письмо XXX), называя его вмѣсто rear admiral, *rare admiral!*

24.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 18 Декабря 1837.

Письмо ваше отъ 6-го числа сего мѣсяца я имѣлъ честь получить и искренно благодаренъ вашей свѣтлости за участіе, которое вы изволили принять въ положеніи осиротѣвшаго семейства в. ад. Старжевскаго исходатайствованіемъ оному 4,000 рублей.

Изъ приложенной при письмѣ вашей свѣтлости выписки изъ отданнаго 6-го числа приказа видно, что вы назначили А. командиромъ Севастопольскаго порта; но объ обязанностяхъ его, какъ временнаго военнаго губернатора, подобно тому какъ былъ С., не упомянуто. Съ того времени какъ в. ад. С. не могъ уже болѣе, по болѣзни своей, заниматься должностію, эту часть исполнялъ комендантъ баронъ Р.; но какъ прежде сего, такъ и послѣ выходили разныя несогласія и даже безпорядки по поводу тому, что баронъ Р. былъ по службѣ ихъ старѣе. Войска въ разное время вступали и выходили, о которыхъ извѣстно было одному коменданту, но онъ С-му не давалъ о томъ знать, а между тѣмъ требовалъ квартиры офицерамъ и помѣщенія для больныхъ и пр. Не только что бригадные командиры, но и полковые никогда къ нему не являлись, а являлись одному коменданту, и С., исправляя должность военнаго губернатора, не зналъ, сколько именно сухопутныхъ чиновъ находилось въ Севастополѣ. Вообще, кажется мнѣ, что двѣ эти обязанности между собою неразлучны и должны заключаться въ одномъ лицѣ; какъ равно командиръ Севастопольскаго порта, будучи и временный военный губернаторъ, долженъ имѣть вліяніе и на крѣ-

пости, на которыхъ нерѣдко висящіе въ рубищахъ гюйсы и безпорядочный съ оныхъ салютъ дѣлаетъ немалое безчестіе націи! Господа артиллеристы не хотятъ понять этого. Баронъ Р. самъ по себѣ человѣкъ благороднѣйшій, но нѣтъ-же человѣка въ мірѣ безъ нѣкотораго самолюбія; а потому и онъ, будучи по службѣ старѣе, не можетъ допустить себѣ быть въ распоряженіяхъ младшаго. Вашей свѣтлости лучше извѣстно, какъ согласить это; но я съ своей стороны почелъ не излишнимъ привести всѣ сіи обстоятельства на видъ вашъ.

Куда угодно будетъ вашей свѣтлости дѣть капитановъ 1-го ранга Мельникова и Тишевскаго? Первый изъ нихъ хотя давно въ морѣ не былъ, но имѣетъ Владимирскій крестъ за 35-ти лѣтнюю службу; а второй честнѣйшій старикъ, бывшій долго времени, такъ сказать, отцомъ флотскихъ здѣсь юнговъ и, при скудномъ положеніи $^5/_6$ копѣйки на каждаго въ день, содержалъ ихъ какъ нельзя лучше. Не угодно ли будетъ вашей свѣтлости, произведя перваго, оставить управляющимъ въ Николаевѣ флотскими экипажами и кадрами при строющихся судахъ; а послѣдняго, при сформированіи учебнаго морскаго экипажа, произведя въ генералъ-маіоры, помѣстить въ общее присутствіе интендантства или въ совѣтъ, о учрежденіи коего я буду имѣть честь въ непродолжительномъ времени представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости. Оба эти офицера имѣютъ благороднѣе понятія о службѣ, нежели А., который гораздо болѣе думаетъ о своемъ хуторѣ, нежели о экипажѣ и кораблѣ; впрочемъ переводъ его въ Николаевъ вѣроятно заставитъ его подать въ отставку, и служба отъ того ни мало не потерпитъ.

На счетъ затрудненій, встрѣтившихся при заключеніи контракта съ Рафаловичемъ на построеніе остальныхъ двухъ кораблей, я послалъ донесеніе къ вашей свѣтлости съ Путятинымъ отъ 14-го числа сего мѣсяца.

За назначеніе Хитрова командующимъ Черноморскимъ учебнымъ экипажемъ я особенно благодаренъ вашей свѣтлости, ибо до сего времени я не могъ придумать, кому бы поручить эту обязанность; Хитровъ же, безъ всякаго сомнѣнія, займетъ это мѣсто какъ нельзя лучше.

Наконецъ, позвольте просить вашу свѣтлость о весьма важномъ предметѣ, о которомъ доношу и оффиціально. Недостатокъ нижнихъ здѣсь чиновъ до такой степени значителенъ, что отнимаетъ всѣ средства дѣйствовать такъ какъ бы слѣдовало. При посѣщеніи Государя вся вообще транспортировка была остановлена, и люди какъ съ транспортовъ, такъ и нѣкоторыхъ мелкихъ судовъ были сняты на флотъ; въ Николаевѣ тоже не оставалось ни одного изъ флотскихъ нижнихъ чиновъ, и привсемъ томъ людей много не доставало, какъ усмотрѣть изволите изъ оффиціальнаго донесенія. Чтоже будетъ будущею весною при изготовле-

нія всего флота, когда къ тому времени убудетъ еще 2000 человѣкъ и чѣмъ мы укомплектуемъ имѣющіе спуститься въ продолженіе лѣта корабли «Три Святителя» и «Трехъ Іерарховъ»? При прошедшемъ рекрутскомъ наборѣ не дослано до 800 человѣкъ, и ежели назначеніе рекрутъ будетъ продолжаться тѣмъ же порядкомъ и въ томъ же числѣ, какъ нынѣ, то комплектъ здѣсь нижнихъ чиновъ будетъ ежегодно увеличиваться, и составъ команды на судахъ будетъ становиться слабѣе и слабѣе: ибо лучшіе и опытнѣйшіе люди въ большомъ числѣ будутъ выходить, а замѣнятъ ихъ рекруты въ числѣ недостаточномъ. Государь на докладную записку мою въ Чембарахъ о назначеніи въ каждый изъ экипажей по 250 кантонистовъ не изволилъ отказать вовсе, а приказалъ имѣть это въ виду. Не сдѣлаетъ ли ваша свѣтлость великаго благодѣянія для Черноморскаго флота испрошеніемъ таковаго назначенія? Тогда мы здѣсь совершенно поправимся.

25.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 28 Декабря 1837.

Сдѣлайте милость, ваша свѣтлость, избавьте насъ отъ заготовленія каменнаго угля для Кавказскаго корпуса (если еще возможно). Военный министръ повидимому воспользовался отсутствіемъ вашимъ и успѣлъ испросить Высочайшее на то соизволеніе, представивъ на видъ мнимыя для сухопутнаго начальства затрудненія при заготовкѣ таковаго угля, тогда какъ оно имѣетъ тамъ своего коммиссіонера, и въ нынѣшнемъ году уголь для перваго опыта былъ заготовленъ даже съ избыткомъ и порядочнаго качества. Ежели они зафрактовывали вольныя суда для перевозки онаго въ мѣсто назначенія, то тоже самое и мы обязаны будемъ дѣлать по неимѣнію достаточно транспортовъ; ибо всего количества угля понадобится ежегодно 100,000 пудовъ. Серебряковъ, какъ самъ очевидецъ и въ полной мѣрѣ увѣрившійся, что заготовленіе угля никакого затрудненія сухопутному начальству сдѣлать не можетъ, объяснитъ вашей свѣтлости, что домогательство это, сдѣланное барономъ Розеномъ, было совершенно напрасно; а Черноморское вѣдомство оно затруднитъ чрезвычайно въ случаѣ неисправности подрядчика, вовлечетъ въ большую отвѣтственность и огромную переписку, которой и безъ того здѣсь столько, что управиться не въ состояніи.

26.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 20 Января 1838.

Позвольте просить вашу свѣтлость благосклонно уважить мое представленіе назначеніемъ начальникомъ штаба Черноморскаго флота и портовъ контръ-адмирала Хрущова. Онъ мнѣ хорошо извѣстенъ, и сколько я ни думалъ, но способнѣе его занять эту должность не предвижу. Я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что онъ оправдаетъ мой выборъ и ваша свѣтлость останетесь довольными теченіемъ дѣлъ по Черноморскому штабу.

Любопытно бы было знать мысли вышей свѣтлости на счетъ сдѣланныхъ предложеній консуломъ Бенкгаузеномъ о построеніи военнаго порохода въ 1100 тоновъ и чѣмъ вы рѣшите оное? Цѣна имъ объявленная непомѣрна; но нѣтъ сомнѣнія, что судно должно быть превосходное. Мнѣ однакожъ не вѣрится, чтобъ они могли построить пароходъ лучше *Медеи*. Построеніе сего послѣдняго можно назвать необыкновенною удачею, и чѣмъ болѣе слышу о немъ, тѣмъ болѣе удивляюсь превосходнымъ его качествамъ.

Въ послѣднемъ письмѣ Бенкгаузенъ увѣдомляетъ меня, что онъ представилъ вашей свѣтлости планъ 16-ти пушечнаго брига *Pilot*, строющагося въ Плимутѣ. Слышавъ и прежде о чертежѣ, по которому бригъ этотъ строится и объ ожидаемыхъ отъ него качествахъ, я принимаю смѣлость просить вашу свѣтлость приказать одолжить на время *оригинальнаго* его чертежа и переслать для снятія здѣсь съ него копіи, послѣ чего онъ безъ малѣйшаго замедленія будетъ возвращенъ съ должною бережливостію. Равномѣрно ежели доставлены размѣренія рангоута сего брига или парусовъ, то приказать и ихъ доставить.

Землетрясеніе было и въ Севастополѣ, но оффиціальныхъ донесеній еще не получилъ. Значительныхъ поврежденій впрочемъ не было. Здѣсь въ Николаевѣ всѣ стѣнные и столовые часы остановились ровно на 9 часахъ 14 минутахъ, и послѣдній ударъ былъ довольно сильный. Я очень опасался на счетъ строющихся кораблей «Три Святителя» и «Трехъ Іерарховъ» и тотчасъ же послалъ осмотрѣть ихъ. Трескъ подпоръ и самыхъ членовъ до того перепугалъ часовыхъ, что они всѣ отбѣжали на нѣкоторое разстояніе и ожидали паденія кораблей; однакожъ, благодаря Бога, ничего подобнаго не случилось, и вообще все кончилось благополучно.

27.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 2 Апрѣля 1838.

Письмо вашей свѣтлости отъ 10-го Марта я имѣлъ честь получить съ возвратившимся сюда лейтенантомъ Скаловскимъ *) и очень благодаренъ за утвержденіе разныхъ построекъ, какъ въ Севастополѣ, такъ и Николаевѣ. Но нельзя не пожалѣть, что колонада на высотѣ Графской пристани не удостоилась того же утвержденія и чрезъ то лишила рейдъ одного изъ лучшихъ его украшеній.

Съ сегодняшнею тяжелою почтою я имѣю честь отправить къ вашей свѣтлости оконченный планъ улучшеніямъ города Севастополя въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ показываетъ, какъ городъ долженъ быть, исправленный уже по указаніямъ Его Величества въ прошедшемъ Сентябрѣ, а другой—какъ онъ былъ доселѣ, съ разными наклейками, указывающими всѣ предполагаемыя измѣненія. При семъ позвольте просить ходатайства вашей свѣтлости о скорѣйшемъ разрѣшеніи срытія хижинъ и неумѣстныхъ безобразныхъ домовъ на хребтѣ, составляющихъ главнѣйшее безобразіе Севастополя. Памятникъ Казарскому (что̀ касается до каменной работы) оконченъ отлично, и въ началѣ лѣта поставлены будутъ заказанныя для него чугунныя украшенія; но окружающія его безобразныя хижины, ежели не будутъ сняты, скроютъ его совершенно.

Относительно горшечныхъ сводовъ, то подобное введеніе сдѣлаетъ намъ чрезвычайную остановку; да и кто въ состояніи ихъ сдѣлать, ничего подобнаго не видавши? Такъ какъ въ повелѣніи вашей свѣтлости сказано: «ежели не встрѣтится препятствій», то я прошу дозволить продолжать построенія здѣсь попрежнему, тѣмъ болѣе, что въ провіантскихъ магазинахъ опасности отъ огня едва-ли ожидать можно.

Какъ о будущемъ производствѣ Мельникова ничего еще оффиціальнаго не имѣется, то я полагаю недозволительнымъ дѣлать какое либо форменное представленіе о назначеніи вмѣсто его камандира 32-го экипажа, да и признаюсь, что изъ старшихъ трудно выбрать; но представляю на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости заслуги капитанъ-лейтенанта Путятина, котораго, дабы не возбудить зависти и негодованія въ старшихъ его, не благоугодно ли будетъ за отличіе при высадкѣ десанта на мысѣ Константиновскомъ, въ прошломъ году, произвести во второй рангъ и тогда сдѣлать командиромъ корабля и 32-го экипажа.

---

*) Авторомъ превосходной книги: „Жизнь адмирала Ушакова“, которой вышла въ свѣтъ, къ сожалѣнію, только одна первая часть. П. Б.

По болѣзни генералъ-лейтенанта Вельяминова назначенъ уже генералъ-маіоръ Раевскій, съ коимъ письменныя наши сношенія начались. Ему очень желательно увидаться съ Серебряковымъ и узнать, какой успѣхъ онъ сдѣлалъ въ наймѣ купеческихъ судовъ, нужныхъ для предстоящей экспедиціи. Онъ удивляется, что Серебряковъ съ самаго отъѣзда изъ Ставрополя не писалъ ни къ Вельяминову, ни въ штабъ его, и проситъ, что ежели онъ по болѣзни исполнять возложенныя на него обязанности не можетъ, то назначить другаго штабъ-офицера; но какъ Серебряковъ недавно здѣсь былъ и отправился въ Керчь, то я надѣюсь что всѣ эти недоразумѣнія по сіе время кончились.

28.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 4 Іюня 1838.

Я прибылъ вчерашняго числа, любезный Михаилъ Петровичъ, изъ Стокгольма съ Государемъ, на пути слегъ и теперь еще такъ слабъ, что вынужденъ диктовать настоящее письмо.

Посѣщеніе Государя Императора въ Стокгольмъ было совершенно непредвидѣнно и неожиданно, чѣмъ было и пріятнѣе Шведскому королю, давно желавшему личнаго съ Государемъ знакомства.

О дѣйствіяхъ вашихъ у Абхазскихъ береговъ я ничего еще не читалъ, ибо бумаги отправлены въ Берлинъ сухимъ путемъ и разъѣхались съ нами во время плаванія въ Швецію.

Податель сего, племянникъ мой, мичманъ князь Гагаринъ, братъ того, который прошлаго года умеръ у Абхазскихъ береговъ. Онъ отправляется по Высочайшему повелѣнію понюхать пороху. Вы меня весьма обяжете, если прикажете зачислить его на какое либо судно, отправить на берегъ къ Раевскому, гдѣ представится ему болѣе случаевъ и почти ежедневно окуриться порохомъ.

Государь чрезъ нѣсколько дней изволитъ отправиться обратно къ Германскимъ водамъ къ Императрицѣ и возвратится съ нею моремъ въ концѣ Сентября. Я же, по необходимости, ѣду къ Старорусскимъ водамъ. Прощайте, будьте здоровы.

Князь Меншиковъ.

29.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 18 Іюня 1838.

Бѣдствіе, постигшее мелкія суда наши на рейдѣ Тугапсе, есть одно изъ тѣхъ происшествій, которыя случаются чрезвычайно рѣдко и которыя превосходятъ почти всякое вѣроятіе. По дѣйствію, которое буря

имѣла на суда наши, снабженныя и управлявшіяся наилучшимъ образомъ, видно, что ураганъ свирѣпствовалъ съ необыкновенною жестокостію и что огромное волненіе, отражавшееся отъ береговъ, кипѣло, какъ въ котлѣ. Оно повидимому вливалось въ такомъ количествѣ, что не успѣвало уходить въ открытые порты и тяжестію своею одавляло суда внизъ такъ, что они не могли съ обыкновенною легкостію подниматься на волненіи. О жестокости же вѣтра можно судить по пароходу «Язонъ», который дрейфовалъ съ двухъ якорей при полномъ дѣйствіи его машины въ 120 силъ! Суда погибли; но дѣйствія и распоряженія командировъ въ опасностяхъ, которыя ихъ окружали, заслуживаютъ особаго вниманія, въ особенности лейтенанта Панфилова, который въ бурю, выплывя съ командою на берегъ противу толпы, вооруженныхъ и стрѣляющихъ изъ ружей Черкесъ, прочистилъ себѣ дорогу ничѣмъ другимъ, какъ отражая нападенія ихъ каменьями и обломками веселъ. Относительно судовъ, то тендеръ «Скорый» и транспортъ «Ланжеронъ» не составляютъ большой для флота потери. Но нельзя не пожалѣть о потери столькихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, о прекрасномъ пароходѣ «Язонъ», бригѣ «Ѳемистоклъ» и тендерѣ «Лучъ», судахъ совершенно новыхъ и отличныхъ качествъ. Что̀ касается до морскаго дѣла, то я нисколько и не сомнѣвался, что подобные офицеры, каковы Хомутовъ, Метлинъ, Панфиловъ и пр., употребятъ всевозможныя усилія и всѣ благоразумныя мѣры къ сохраненію ввѣренныхъ имъ судовъ, что́ и было соблюдено; но есть случаи, противу которыхъ никакое искусство и никакія силы человѣческія противустоять не могутъ. Такъ, къ сожалѣнію, оно случилось и при крушеніи судовъ въ Тугапсе. Цѣпные канаты показали достоинство свое противу пеньковыхъ, ибо сіи послѣдніе всѣ перервались, тогда какъ съ цѣпями ничего не случилось; якори хотя и не удержали мѣстъ своихъ, но это произошло отъ необыкновенной жестокости вѣтра и волненія, которымъ должны были уступить, или якоря и цѣпи, или самыя суда, которыя могли быть раздерганы до такой степени, что пошли бы ко дну на той глубинѣ, на которой стояли, и тогда спасеніе людей было бы почти невозможно.

Изъ партикулярнаго письма одного изъ офицеровъ съ тендера «Лучъ» сдѣлалось извѣстнымъ, что бурею въ Тугапсе, кромѣ вышесказанныхъ судовъ, сорвало съ якорей и разбило еще восемь наемныхъ купеческихъ судовъ. Я посылаю туда фрегатъ для спасенія всего того, что́ окажется возможнымъ, а чрезъ нѣсколько дней отправлюсь и самъ. Меня очень безпокоитъ неполученіе извѣстія отъ судовъ, находившихся въ эту бурю противъ устья рѣки Сочи, отстоящей отъ Тугапсе только въ 40 миляхъ, потому что вѣроятно подобная же буря свирѣпствовала и тамъ. Когда я посѣщалъ Сочу 16-го Мая (недѣли двѣ

предъ тѣмъ), тамъ стояли на якоряхъ фрегатъ «Варна», пароходъ «Колхида», корветъ «Мисемврія», транспортъ «Ахіолло» и до четырехъ купеческихъ наемныхъ судовъ. По обозрѣніи этихъ мѣстъ и собраніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній я буду имѣть честь подробно обо всемъ донести вашей свѣтлости.

30.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 10 Іюля 1838.

Письмо ваше, любезный Михаилъ Петровичъ, отъ 18 Іюня я получилъ по возвращеніи моемъ сюда. Между тѣмъ донесено было Государю о несчастныхъ крушеніяхъ, 30 Мая бывшихъ, и сегодня получилъ въ отвѣтъ собственноручное письмо Государя, обращенное въ офиціальное къ вамъ отношеніе, по Высочайшему повелѣнію, съ нарочнымъ къ вамъ отправляемое.

Государь огорченъ потерею людей, но принялъ сіе несчастіе какъ волю Божію и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ силы обстоятельствъ. Въ письмѣ своемъ онъ упоминаетъ съ удовольствіемъ о согласіи, существующемъ въ Черномъ морѣ между сухопутнымъ и морскимъ начальствомъ; не подавайте повода къ заключенію противному, которое сдѣлало бы здѣсь самое дурное впечатлѣніе.

25 Августа великія княжны отправляются на «Геркулесѣ» въ Стетинъ, а 20 Сентября вся императорская фамилія садится на сей пароходъ для возвращенія въ Россію. Промежуткомъ времени я воспользуюсь для купанія въ Старой Русѣ. Прощайте.

Курьеромъ отправленъ къ вамъ 5-го экипажа лейтенантъ Нордманъ, который сопровождалъ Цесаревича въ Швецію и Данію и разскажетъ вамъ подробности нашего тамъ пребыванія.

31.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 19 Іюля 1838.

Податель сего, мичманъ Бефани, имѣетъ порученіе доставить вамъ два ящика, присланные изъ Любека на имя ваше. Ему дозволено въ утѣшеніе отца остаться въ Черномъ морѣ до утвержденія представленія, мною сдѣланнаго, о переводѣ его туда.

Сообщите мнѣ партикулярно и безъ канцелярской огласки: 1) Какая потребовалась бы сумма для пріобрѣтенія морской провизіи и для

вооруженія всего флота на 4 и 6 мѣсячное плаваніе съ десантною дивизіею въ 9 т. человѣкъ? 2) Можете ли настоящими своими средствами выйти въ море съ таковымъ десантомъ и на какое число дней; въ ожиданіи подвоза новой провизіи? 3) Ежели нельзя безъ новаго заготовленія выйти въ море, то какое потребуется на таковое заготовленіе время? 4) Можетъ ли флотъ при наличныхъ продовольственныхъ средствахъ поднять и перевесть въ два рейса къ двумъ пунктамъ Абхазскихъ береговъ двѣ пѣхотныя дивизіи или 18 т. человѣкъ? Въ сей расчетъ принять должно въ соображеніе, что сухари для десанта могутъ быть и сухопутнаго вѣдомства. Предметъ сей храните въ тайнѣ.

Сейчасъ получилъ резолюцію Государя о наградѣ крестами всѣхъ офицеровъ, потерпѣвшихъ крушеніе у Раевскаго отряда.

Сегодня отправляюсь въ Старую Русу. Прощайте.

32.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 7 Августа 1838.

Изъ официальныхъ сообщеній, съ симъ вмѣстѣ отправляемыхъ, вы усмотрите, что Мехмедъ-Али побуждаетъ насъ къ мѣрамъ осторожности. Я полагаю, что все кончится дружелюбно и что присутствіе нашихъ войскъ въ Босфорѣ не будетъ нужно; но не менѣе того Государю угодно быть наготовѣ для дѣйствій, гдѣ признается нужнымъ и противъ кого признается нужнымъ. Ежели Египетскія дѣла замолкнутъ, то довольно вѣроятно, что двѣ дивизіи пятаго корпуса употребятся для покоренія Черкесъ.

Главный вопросъ къ разрѣшенію теперь есть, какія принять мѣры, чтобы прибыть въ Константинополь прежде Англичанъ и Французовъ, ежели бы они, подъ какимъ ни есть предлогомъ, вознамѣрились бы явиться передъ стѣнами сераля для уничтоженія нашего вліянія на Порту? Инаго средства нѣтъ, какъ быть въ готовности по первымъ извѣстіямъ дѣйствовать. Но ежели Турки въ Дарданелахъ не задержатъ иностранные флоты, то едва ли мы придти можемъ во́-время.

Какія полагаете принять мѣры на зиму? Ибо оставить флотъ вооруженнымъ нельзя и по издержкамъ, и потому, что сіе явно бы обнаружило наши намѣренія или предвидѣніе.

14-го Августа отправляюсь съ великими княжнами на «Геркулесѣ» въ Стетинъ. Прощайте, будьте здоровы.

33.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 9 Августа, 1838.

Имѣю честь отвѣтствовать на письмо ваше отъ 19-го Іюля, доставленное мнѣ мичманомъ Бефани. Два ящика, имъ привезерные, присланные чрезъ Любекъ, заключаютъ въ себѣ чертежи инженера Дмитріева, возвратившагося въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ, о которомъ я имѣлъ честь писать къ вашей свѣтлости официально и просить дозволенія остаться ему въ Англіи до Апрѣля мѣсяца будущаго года по уваженію тому, что онъ въ Америкѣ пробылъ долѣе, нежели предполагалъ и слѣдовательно, въ остающееся короткое время до 2-хъ лѣтняго срока пребыванія его за границей, онъ не въ состояніи будетъ выполнить все то, что̀ ему въ инструкціи предписано. Онъ обязанъ объѣхать всѣ извѣстные порты въ Англіи и осмотрѣть не только всѣ казенныя верфи, но и частныя, обратить вниманіе на всѣ роды купеческихъ судовъ, не исключая и прибрежныхъ; не взирая на запрещеніе тамошняго правительства, побывать еще разъ или два въ Портсмутскомъ и Плимутскомъ адмиралтействахъ въ видѣ частнаго путешественника (что̀ ему обѣщали), и наконецъ возвратиться уже со всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя собрать ему поручено. Я покорнѣйше прошу согласія на это вашей свѣтлости.

Относительно требуемыхъ вашею свѣтлостію свѣдѣній, которыя вамъ угодно чтобъ я сообщилъ партикулярно и безъ всякой огласки, могу васъ увѣдомить: 1) нижнихъ флотскихъ чиновъ для укомплектованія флота здѣсь теперь до 9 т., т. е. тоже самое число, какое предполагается быть и въ десантной дивизіи. На 9,000 порцій потребно морской провизіи, по цѣнамъ сего года на 1 мѣсяцъ 90.132 р.; по этому расчисленію легко можно сообразить, какая сумма потребуется на снабженіе флота съ десантомъ на 4 или 6-ти мѣсячную кампанію, но которой, какъ усмотрите ниже, вѣроятно не понадобится, и мы въ состояніи будемъ обойтись своими средствами, еслибъ надобность того потребовала. 2) При имѣющихся нынѣ средствахъ въ провизіи флотъ можетъ выйти по первому повелѣнію въ числѣ 9 т. порцій на 4 мѣсяца, помѣстивъ кромѣ того и для десантной дивизіи въ 9.000 же человѣкъ на одинъ мѣсяцъ. 3) Если бы провизіи въ наличіи не было, то какое время потребовалось бы на заготовленіе оной, сказать весьма трудно, потому что оно зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ; но во всякомъ случаѣ я полагаю, что по отдаленности здѣшняго края потребуется времени не менѣе какъ 2 или 3 мѣсяца; и 4) при наличныхъ продовольственныхъ средствахъ флотъ можетъ поднять и перевезти въ два рейса къ двумъ пунктамъ Абхазскихъ береговъ двѣ пѣ-

хотныя дивизіи или 18 т. человѣкъ безъ всякаго затрудненія; но для поднятія всѣхъ тяжестей и провіанта, необходимаго для такого числа войскъ, нужно будетъ зафрахтовать до 15-ти коммерческихъ судовъ, кромѣ 2-хъ или 3-хъ казенныхъ транспортовъ.

Смѣты для построенія судовъ вмѣсто потерпѣвшихъ крушеніе, наконецъ, составлены, которыя при семъ съ лейтенантомъ Нордманомъ къ вашей свѣтлости препровождаю. Для выигранія же времени я приказалъ сдѣлать немедленное распоряженіе къ заготовленію нужныхъ для постройки оныхъ матеріаловъ, а къ нѣкоторымъ по спускѣ двухъ кораблей «Трехъ Святителей» и «Трехъ Іерарховъ» (что́ полагаю будетъ недѣли чрезъ двѣ) приступить тогда же изъ сосновыхъ лѣсовъ, имѣющихся въ наличіи.

Какъ жаль, что послѣ стольхихъ трудовъ, употребленныхъ на снятіе парохода «Язонъ», допустили его разбиться. Если бы по снятіи его съ мели употребили (какъ первое дѣло) пароходъ Колхиду» на отводъ его въ Геленджикъ, то потери бы этой не случилось. Впрочемъ подробнаго донесенія о вторичномъ крушеніи «Язона» я еще не имѣю; но ежели (какъ говорятъ) вода стала вдругъ прибывать неимовѣрнымъ образомъ, то можетъ быть происшествіе это случилось еще къ лучшему, ибо онъ могъ бы потонуть на переходѣ до Севастополя и подвергнуть гибели людей, на немъ находившихся. Вмѣсто парохода «Язонъ» сухопутное вѣдомство должно непремѣнно заказать въ Англіи другой пароходъ подобнаго рода или по крайней мѣрѣ въ 100 силъ, но не иначе какъ съ мѣдными котлами, какъ я имѣлъ уже честь доносить вашей свѣтлости; потому что, несмотря на стоимость мѣдныхъ котловъ противу желѣзныхъ, первые всегда составятъ въ послѣдствіи весьма важную экономію. Если же сухопутное вѣдомство не поспѣшитъ выпискою изъ Англіи пароходовъ, то сообщенія можду укрѣпленіями будутъ крайне затруднительны, а Черноморское вѣдомство удовлетворить подобныя требованія не въ состояніи.

Рана мичмана князя Гагарина оказалась ничтожною, потому что въ первый день его видѣли съ рукою подвязанною, а на другой день онъ ходилъ уже просто и, какъ сказывали мнѣ, никакихъ другихъ послѣдствій не осталось.

Ваша свѣтлость упоминали въ письмѣ вашемъ отъ 10-го Іюля, что Государь съ удовольствіемъ упоминаетъ въ письмѣ къ вамъ о согласіи, существующемъ здѣсь между сухопутнымъ и морскимъ начальствами; я долженъ сказать, что съ самаго начала вступленія моего въ настоящую должность я поставилъ себѣ первою обязанностію искоренить всѣ бывшіе доселѣ раздоры между сухопутными и морскими властями на Абхазскихъ берегахъ, и въ доказательство существующаго

нынѣ между нами согласія я имѣю честь приложить при семъ для любопытства вашей свѣтлости полученное мною письмо отъ генерала-лейтенанта Головина послѣ занятія Шапсухо, которое мнѣ пріятно бы было, еслибы ваша свѣтлость нашли возможность показать Государю Императору: Его Величество изволилъ бы убѣдиться, что общія дѣйствія и старанія наши клонятся къ одной и той же цѣли—къ выполненію его воли.

Я испрашиваю также разрѣшенія вашей свѣтлости купить назначенныя шесть судовъ для Кавказскаго войска чрезъ генеральнаго въ Лондонѣ консула Бенкгаузена. Дѣло это, по мнѣнію моему, будетъ сдѣлано и скорѣе и дешевле, потому что тамъ г-нъ Бенкгаузенъ можетъ избрать ихъ изъ нѣсколькихъ тысячъ и именно такія, какія для насъ нужны; а между тѣмъ я пишу къ нему партикулярно, дабы онъ имѣлъ это къ виду въ случаѣ, что таковое разрѣшеніе воспослѣдуетъ, описывая съ тѣмъ вмѣстѣ и разныя подробности относительно величины судовъ, прочности оныхъ, вооруженія и пр. пр. Суда эти могутъ привезти намъ грузъ каменнаго угля къ ранней веснѣ и доставятъ оный вѣроятно дешевлѣ, нежели какъ мы покупаемъ здѣсь.

34.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 29 Августа 1838.

Письмо вашей свѣтлости отъ 7-го числа сего мѣсяца я имѣлъ честь получить вмѣстѣ съ офиціальными бумагами чрезъ нарочнаго курьера о содержаніи флота въ совершенной готовности на случай востребованія онаго къ перевозу двухъ дивизій 5-го корпуса въ Босфоръ или на Черкесскіе берега. Флотъ будетъ совершенно готовъ во всякое время, ежели не на 6-ти мѣсячную кампанію, то по крайней мѣрѣ на 4-хъ мѣсячную, а къ тому времени остальную провизію можно будетъ подвезти, гдѣ бы флотъ ни находился. Нужно ли будетъ, ваша свѣтлость, употреблять 13-ю и 15-ю пѣхотныя дивизіи въ высадки на Черкесскіе берега? Въ будущемъ году, я полагаю, дѣло и безъ нихъ обойдется; а между тѣмъ въ работахъ по новому адмиралтейству и укрѣпленіямъ въ Севастополѣ послѣдуетъ совершенная остановка и невозвратная потеря времени. Теперь же люди попривыкли, и работа идетъ успѣшно. Въ случаѣ, что эскадра потребуется въ Босфоръ, то желательно бы знать, кого изъ флагмановъ вашей свѣтлости угодно будетъ назначить какъ командующимъ оною, такъ и подъ командою; потому что я не знаю, дозволяется ли мнѣ, оставивъ все управленіе здѣсь другому, самому идти за границу безъ особеннаго на то назначенія, а

между тѣмъ я слышалъ отъ графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова, что Государь не совсѣмъ былъ доволенъ тѣмъ, что адмиралъ Грейгъ не пошелъ самъ со флотомъ въ Босфоръ въ 1833 году. Весьма не хотѣлось бы подпасть подъ подобное неудовольствіе неумышленно.

Одно средство прибыть въ Босфоръ прежде Англичанъ и Французовъ есть конечно то, чтобы, какъ флотъ, такъ и войска, со всѣми къ онымъ принадлежностями, находились во всегдашней готовности къ вступленію подъ паруса по первому повелѣнію, и при существующихъ теперь сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ преимущество конечно будетъ на сторонѣ нашей. Ежели необходимо, чтобы флотъ готовъ былъ и зимою, то я полагаю достаточными имѣть стеньги на шлагтовахъ, нижнія и марса-реи спущенными, которыя поднять можно въ одинъ часъ времени. Прѣсною водою всѣ суда должны быть налиты вполнѣ, провизіи принято на одинъ только мѣсяцъ, ибо остальное количество принять не долго, а между тѣмъ она можетъ подвергнуться порчѣ; паруса отвязаны и бѣгучій такелажъ выдернутъ, но въ совершенной готовности; командамъ же, для экономіи въ провизіи и сохраненія здоровья отъ холоднаго и бурнаго времени, жить въ казармахъ на берегу. Такимъ образомъ содержанный флотъ не можетъ подать ни малѣйшаго подозрѣнія къ какому-либо съ нашей стороны тайному намѣренію, а между тѣмъ готовъ можетъ быть выйти черезъ два дня. Но главнѣйшая забота, я полагаю, будетъ состоять въ избраніи мѣстности для сухопутныхъ войскъ, такъ чтобы по первому повелѣнію они могли въ тотъ же день быть посажены на суда. Таковыхъ помѣщеній въ Севастополѣ въ виду не имѣется; а ежели флоту идти за ними въ Одессу, то это продолжится долго, и можетъ быть, что на́ Одесскомъ рейдѣ встрѣтится и ледъ. Обстоятельство это заслуживаетъ особеннаго вниманія; равномѣрно я буду ожидать разрѣшенія вашей свѣтлости, отправить ли всѣхъ флотскихъ нижнихъ чиновъ, находящихся теперь въ Николаевѣ, для вооруженія двухъ кораблей въ Севастополь, потому что укомплектовать весь флотъ безъ нихъ невозможно, а между тѣмъ жить имъ тамъ будетъ негдѣ, но на этотъ разъ можно будетъ потѣснить до самой крайности.

Вчера мы спустили здѣсь два прекраснѣйшіе корабля, какіе только вообразить можно: «Три Святителя» и «Трехъ Іерарховъ». На водѣ смотрятъ чрезвычайно хорошо. Вчерась же получилъ чрезъ военнаго министра съ фельдъегеремъ соизволеніе Государя Императора о занятіи устья рѣки Цемесъ во внутренности Суджукской бухты, и какъ предписывается мнѣ, по совѣщаніи съ генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ на мѣстѣ, избрать удобнѣйшее мѣсто для устроенія морской пристани, то я, освободясь теперь отъ заботившихъ меня кораблей, отправляюсь сего

же дня въ Севастополь для слѣдованія съ эскадрою въ Шапсухо и выполненія высочайшей воли. Суджукская бухта могла бы служить хорошимъ пристанищемъ судамъ, еслибы не боры, которыя дуютъ тамъ съ бо́льшею еще жестокостью нежели въ Геленджикѣ; но по необходимости это мѣшать не должно, потому что въ виду у насъ есть Тріестъ, гдѣ боры свирѣпствуютъ тоже съ необыкновенною силою. 18-ти футовая мель, недавно открытая на самой почти срединѣ при входѣ въ бухту, тоже не можетъ служить препятствіемъ, ежели при производящейся нынѣ описи не откроется еще чего-либо. Манганари прозѣвалъ эту мель, и еслибы теченіемъ не нанесло на оную бригъ «Нарцисъ», который бросилъ лотъ и, усмотрѣвъ 18 футъ, сталъ немедленно на якорь, то не совсѣмъ бы хорошо было входить теперь съ кораблями, не знавъ о ней.

Здѣсь по госпитали встрѣтилось обстоятельство, которое запамятовалъ привести на видъ вашей свѣтлости въ бытность вашу здѣсь въ прошедшемъ году; оно получаетъ теперь какой-то скрытный и не совсѣмъ законный видъ. Со времени опредѣленія старшимъ докторомъ Тремера, смотрителемъ госпиталя Кривошеина, вмѣсто бывшихъ негодяевъ, начала оказываться ежемѣсячная почти экономія въ дровахъ, вѣникахъ, мылѣ и конопляномъ маслѣ, не взирая на то, что и то и другое полагается по числу печей и по штатному положенію. Немедленно донесено мнѣ было о томъ словесно и съ тѣмъ вмѣстѣ доложено, что какъ строительное отдѣленіе не имѣетъ достаточно суммъ и средствъ къ приведенію госпитали въ тотъ видъ, въ которомъ бы оной слѣдовало быть, въ особенности всю мебель, аптеку, ширмы, посуду, шторы и пр. и пр., то просили дозволенія моего употребить на заведеніе тѣхъ вещей (какъ равно и на пріобрѣтеніе такихъ медикаментовъ, которыхъ полагается недостаточно) сумму, остающуюся отъ экономіи въ вышесказанныхъ припасахъ, что̀ мною и было разрѣшено, и ваша свѣтлость изволили видѣть тѣ вещи при посѣщеніи вашемъ госпитали, во время пребыванія здѣсь Государя Императора. Сумма эта хотя и записана приходомъ и расходомъ въ нарочно сдѣланной для того книгѣ; но, не имѣя форменнаго на то порядка, подала поводъ къ толкамъ на счетъ противузаконнаго будто бы употребленія оной Тремеромъ и Кривошеинымъ, тѣмъ изъ чиновниковъ, которые до сего пользовались непозволительнымъ образомъ остатками отъ употребленія какъ дровъ, такъ и другихъ вещей. Я доношу объ этомъ вашей свѣтлости официально и прошу вывести меня изъ непріятности, могущей послѣдовать отъ ревизіи и контроля, утвержденіемъ какъ издержанной уже суммы, такъ равно и дозволеніемъ конторѣ употреблять оную и на будущее время для улучшенія разныхъ частей въ госпиталяхъ Николаевской и Севастополь-

ской съ моего разрѣшенія, подобно тому какъ ваша свѣтлость дозволили употреблять таковую при штурманской ротѣ.

35.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 9 Ноября 1838.

Печатаніе штата настоящаго вооруженія производится здѣсь подъ неусыпнымъ надзоромъ капитана Корнилова весьма успѣшно, и по сіе время вышло изъ печати въ 1000 экземплярахъ 58 л. или 232 страницы безъ малѣйшихъ погрѣшностей, въ которыхъ заключается все, что относится до настоящаго вооруженія; остается напечатать правила и размѣренія рангоутовъ, что окончится въ нѣсколько дней, и тогда должны будемъ печатаніемъ пріостановиться по неполученію еще отъ генералъ-интенданта правилъ на выдѣлку канатныхъ и такелажныхъ вещей и таблицы о выдѣлкѣ такелажа по Французской методѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получено отъ кораблестроительнаго департамента, что предположено для будущаго руководства составить постановленія о флажныхъ вещахъ изъ всѣхъ существующихъ донынѣ по сему предмету высочайшихъ повелѣній и частныхъ разрѣшеній высшаго начальства, въ томъ видѣ, въ какомъ должно быть напечатано въ новыхъ штатахъ. Позвольте просить вашу свѣтлость приказать поспѣшить доставленіемъ всѣхъ сихъ свѣдѣній, какъ крайне теперь нужныхъ; причемъ мнѣ желательно бы знать ваше мнѣніе: естьли необходимость помѣщать въ штатъ правила выдѣлки такелажа по Французской методѣ, которыя едва ли намъ хорошо извѣстны?

Въ Англіи нѣкоторыя изъ такелажныхъ вещей выдѣлываются по Французской методѣ по представленію бывшаго адмирала Малькольма, удостовѣрившагося въ преимуществѣ выдѣлки Французскаго такелажа на опытѣ. Испытаніе это заключалось въ томъ, что онъ выпросилъ у адмирала Реньи достаточно тросу для основы одного изъ форъ-марса-брасовъ, и послѣдствія показали, что брасъ этотъ прослужилъ болѣе года и оставался еще благонадежнымъ тогда, какъ другіе марса-брасы Англійской выдѣлки, на томъ же кораблѣ и въ одно время продѣтые, были перемѣнены два раза. По возвращеніи Малькольма въ Англію, контръ-адмиралъ Майтлендъ, назначенный тогда главнымъ начальникомъ партикулярнаго адмиралтейства (Superintendant) ѣздилъ нарочно для сего во Францію, бравъ съ собою и канатнаго мастера, который въ нѣсколько дней перенялъ способъ выдѣлыванія такелажа и ввелъ оный въ употребленіе въ Англіи. Сколько мнѣ извѣстно, то большая часть веревокъ

на Французскихъ военныхъ судахъ дѣлается 4-хъ прядныя, не взирая на опыты, учиненные въ Кронштатѣ, которые доказали, что 3-хъ прядныя веревки выдерживали болѣе силы, нежели 4-хъ прядныя. На кораблѣ Малькольма (Азія) Французскій марса-брасъ, который я самъ видѣлъ, былъ 4-хъ прядный, тогда какъ Англійскіе имѣли по три пряди, и сколько я помню, то коболки во Французскомъ тросѣ не были такъ тонки, какъ оказались онѣ въ отрубкѣ троса, привезеннаго контръ-адмираломъ Корсаковымъ изъ Тулона на фрегатѣ «Елена» въ 1826 году. Прежде нежели печатать въ штатѣ правила выдѣлки такелажа по Французской методѣ, не признаетъ ли ваша свѣтлость полезнымъ отправить канатнаго мастера Моисеева при офицерѣ, знающемъ Французскій языкъ, въ Брестъ и Тулонъ съ тѣмъ, чтобы они осмотрѣли способъ выдѣлыванія тамъ такелажа со всевозможными подробностями и, по возвращеніи ихъ, правила тѣ издать особо, не останавливая теперь печатаніе штата.

Утвержденныя размѣренія всякаго рода флаговъ, какъ кормовыхъ, гюйсовъ, сигнальныхъ, такъ и шлюпочныхъ, мы здѣсь имѣемъ; слѣдовательно затрудненія въ напечатаніи правилъ, по которымъ дѣлать ихъ, не предстоитъ; но не менѣе того отъ кораблестроительнаго департамента предлагается печатаніемъ пріостановиться. Ежели прикажете помѣстить въ штатъ и шлюпочные флаги, то не признаете ли удобнымъ ограничиться кромѣ флаговъ императорской фамиліи тѣми только флагами, которые относятся до служащихъ во флотѣ, исключивъ всѣ постороннія какъ-то: флагъ коменданта Петропавловской крѣпости, таможенный, разнаго рода купеческія и пр. и пр.?

Смотря по расходу бумаги, которая при печатаніи штатовъ по сіе время употреблена, можно съ достовѣрностію сказать, что, окончивъ ихъ, какъ по настоящему вооруженію, такъ и запасу въ 1000 экземплярахъ каждаго, останется еще достаточно для напечатанія артиллерійскаго штата въ такомъ же количествѣ экземпляровъ; а потому, ежели вашей свѣтлости угодно будетъ довѣрить печатаніе онаго здѣсь же, то я займусь этимъ порученіемъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и въ такомъ случаѣ не угодно ли будетъ приказать возвратить представленный мною на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости штатъ 28 Февраля 1835 года при рапортѣ за № 2,874, съ предписаніемъ приступить къ напечатанію онаго. Имѣя здѣсь копію съ того штата и нѣсколько разъ разсматривая оную, мнѣ кажется, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ, все, что только нужно для снабженія флота по артиллерійской части; но не прикажете ли убавить нѣсколько абордажнаго оружія, котораго при имѣющемся у каждаго изъ нижнихъ чиновъ ружьѣ, положено, мнѣ кажется, излишне, а съ тѣмъ вмѣстѣ внести въ оный вошедшія въ употребленіе для бомбъ въ Англіи мѣдныя трубки, ввинчивающіяся въ бомбу вин-

томъ, подобно тѣмъ, какія привезены сюда на пароходахъ «Язонъ» и «Колхида», кромѣ того древчалы съ желѣзными кругами вмѣсто смоляной парусины для дальнихъ выстрѣловъ, Миллеровы цѣли и другія мелочи, въ ономъ тогда не помѣщенныя, по неимѣнію ихъ въ виду?

Транспортный штатъ, какъ для настоящаго вооруженія, такъ и для запасу, тоже очень нуженъ, и ежели вашей свѣтлости угодно утвердить составленные таковые штаты въ Кронштатѣ, въ мою еще бытность, съ дозволеніемъ внести нѣкоторыя перемѣны, признанныя послѣ того за лучшія, какъ-то: въ размѣреніи рангоутовъ, введеніе вооруженія 3-хъ мачтовыхъ судовъ съ голыми бизань-мачтами и бриговъ съ шкунными гротъ-мачтами (такъ называемыми Hermaphrodite-Brigs), цѣпные канаты и разныя другія мелочи, хотя не весьма значительныя, но полезныя, подобно тому, какъ сіе дозволено и въ штатѣ для военныхъ судовъ: то напечатаніемъ оныхъ здѣсь я также занялся бы съ удовольствіемъ и надѣюсь, что доведеніе здѣсь новыхъ транспортныхъ судовъ, каковы: Березань, Днѣпръ, Кубань и Ингулъ до возможнаго совершенства, дастъ средство примѣнить умѣренную, а съ тѣмъ вмѣстѣ удобную и красивую парусность ихъ и къ прочимъ транспортамъ, какого бы размѣренія они ни были, чрезъ что сократится число нижнихъ чиновъ, обыкновенно на транспорты назначаемыхъ. Транспорты: Китъ, Слонъ и Чапманъ, съ перемѣною на нихъ рангоута, ходятъ лучше прежняго, а управляются менѣе нежели половиннымъ числомъ людей: доказательство, что большой рангоутъ для транспорта есть вещь самая безполезная и вредная.

Прибывшій желѣзный пароходъ «Инкерманъ» некрасивъ собою, но сидитъ въ грузу не болѣе $3\frac{1}{2}$ футъ; котлы и машины въ 90 силъ превосходные и при пробѣ буксировать плоты и флашкоуты оказался очень силенъ и удобенъ. На переходѣ его океаномъ и Средиземнымъ моремъ онъ имѣлъ неблагопріятныя погоды, противные иногда вѣтры и сильное волненіе, отъ которыхъ въ разное время нѣсколькихъ заклепокъ въ подводной части сорвало, и онъ имѣетъ небольшую течь; для исправленія ихъ необходимо вытащить его на берегъ. Капитанъ парохода разсказывалъ, что, въ одно утро, вышедъ на верхъ, онъ замѣтилъ, что пароходъ необыкновенно углубился носомъ, приказалъ открыть форъ-люкъ, и увидѣли, что передняя часть трюма, отдѣляющаяся отъ машины желѣзною переборкою, наполнена водою; приступили немедленно къ выкачиванію этой воды помпою, нарочно для того устроенною, но оказалось недостаточно, и тогда принуждены были пробить въ переборкѣ дыру и выпустить воду къ машинѣ, гдѣ помощію помпъ вода скоро пошла на убыль и откачена. Течь оказалась отъ сорвавшихся же двухъ заклепокъ, въ которыя вода натекла въ продолженіе ночи. По-

вреждeнiя эти тогда же исправили заколоченiемъ въ оставшiяся пустыя дыры деревянныхъ нагилей съ пенькою и продолжали путь. При пробѣ «Инкермана» съ «Сѣверною Звѣздою», первый обогналъ, и разность въ ходѣ казалась около 1½ узла, но тогда онъ сидѣлъ только 2½ фута.

Позвольте просить вашу свѣтлость сдѣлать мнѣ одолженiе дозволить перевести изъ Балтiйскаго флота въ Черноморскiй двухъ мичмановъ 11-го экипажа: Доводчикова 1-го и 14-го Михайлу Львова, ежели только перемѣщенiе это не сдѣлаетъ какого либо затрудненiя.

36.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 23 Ноября 1838.

Почти ежегодно вы желали знать (безъ огласки) о болѣе достойныхъ офицерахъ къ производству, къ командованiю экипажами и судами; а потому я рѣшился представить на благоусмотрѣнiе вашей свѣтлости къ наступающему новому году слѣдующее распоряженiе, которое, какъ кажется, было бы для здѣшняго флота полезно. Капитана 1-го ранга Польскаго, бывшаго уже одинъ разъ обойденнымъ, не угодно ли вашей свѣтлости произвести въ генералъ-маiоры съ назначенiемъ командиромъ 2-й бригады ластовыхъ экипажей Черноморскаго флота вмѣсто умершаго Юрьева; а старика капитана 1-го ранга Тишевскаго, бывшаго начальникомъ флотскаго училища, произведя также въ генералъ-маiоры, назначить членомъ общаго присутствiя интендантства; онъ по здравому разсудку и честнымъ правиламъ своимъ, будетъ тамъ очень полезенъ. Капитана 2-го ранга Брилiана, человѣка весьма хорошихъ правилъ, но по слабому здоровью не могущаго командовать экипажемъ или какимъ либо судномъ, опредѣлить членомъ въ аудиторiатъ, гдѣ членовъ только два: Плетеневъ и Попандопуло. Командира 39-го экипажа, капитана 2-го ранга Воронова назначить командиромъ 14-го ластоваго экипажа съ переводомъ въ подполковники ластовыхъ экипажей; а вмѣсто его назначить командиромъ 39-го экипажа капитана 2-го ранга Кузнецова по возвращенiи его изъ Абхазской экспедицiи, гдѣ онъ командуетъ теперь фрегатомъ «Эносъ»; фрегата «Эносъ» назначить командиромъ капитанъ-лейтенанта Варницкаго 1го съ переводомъ въ 28-й экипажъ; а брига «Нарцисъ», вмѣсто Варицкаго 1-го, бывшаго командиромъ тендера «Соловей» (назначеннаго въ разломку) лейтенанта Мангока 2-го. Вмѣсто Польскаго назначить командиромъ 38-го экипажа и вновь строющаго 120-ти пушечнаго корабля капитана 2-го ранга Корнилова, а вмѣсто его на строющiйся фрегатъ «Флору» назначить капитанъ-лейтенанта Истомина 1-го по возвращенiи его изъ Гре-

ціи на корветѣ «Орестъ»; Истоминъ на дняхъ долженъ возвратиться, и я не сомнѣваюсь, что изготовитъ фрегатъ «Флору» какъ нельзя лучше; корветъ же «Орестъ» отдать капитанъ-лейтенанту Алексѣеву 1-му, назначенному недавно на вновь строющуюся въ Николаевѣ шкуну *Дротикъ* съ переводомъ въ 37-й экипажъ; *Дротикъ* же можно отдать, съ увѣренностію, что будетъ держать судно это въ совершенномъ порядкѣ, лейтенанту Варпаховскому, командующему нынѣ транспортною шкуною «Суджукъ-Кале»; а на сію послѣднюю назначить 41-го экипажа лейтенанта Альбранта съ переводомъ въ 39-й экипажъ. Ежели вашей свѣтлости угодно будетъ произвести къ новому году командира карабля «Варшава» Колтовскаго, то корабль этотъ не угодно ли будетъ передать капитану 2-го ранга Матюшкину съ назначеніемъ его и командиромъ 35-го экипажа, а командуемый имъ фрегатъ «Браиловъ» капитану 2-го ранга Метлину, и тогда фрегатъ этотъ будетъ въ надежныхъ рукахъ. Ежели Колтовскій будетъ произведенъ, то я прошу вашу свѣтлость назначить его командиромъ 2-й бригады 4-й дивизіи вмѣсто Станюковича, а сего послѣдняго сдѣлать командиромъ 2-й бригады 5-й дивизіи. Контръ-адмирала же Эсмонта назначить командиромъ 3-й бригады той же дивизіи. Я прошу это потому, чтобы развести Артюкова съ Станюковичемъ, которые между собою ссорятся изъ пустяковъ, и сколько мнѣ извѣстно, то первый не совсѣмъ правъ.

По разрѣшеніи вашею свѣтлостію вышеизложеннаго мною распоряженія, въ какомъ бы родѣ оно ни было, я буду имѣть честь представить съ большею удобностію новое назначеніе и перемѣщеніе съ одного судна на другое командировъ мѣстныхъ судовъ.

При семъ я принимаю смѣлость обратить вниманіе вашей свѣтлости на флотъ, состоящій въ полномъ вооруженіи и находящійся въ готовности. Ежели онъ на нѣкоторое время не нуженъ, то весьма бы полезно было дозволить ему разоружиться и командирамъ осмотрѣть интрюмы, которые требуютъ очищенія. Я убѣждаюсь къ таковому предложенію тѣмъ, что еслибъ и понадобился онъ для поднятія 13-й и 15-й дивизій, то ранѣе шести недѣль 13-я дивизіи съ артиллеріею своею и всѣми принадлежностями въ Одессу прибыть не можетъ.

37.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 9-го Декабря 1838.

Какой-то духъ независимости въ членахъ южнаго здѣсь округа вынуждаетъ меня безпокоить вашу свѣтлость и просить уничтоженія онаго при самомъ началѣ. Непонятная для меня надежда ихъ на Пе-

ıербургъ и слышанныя мною стороною угрозы ихъ, что «мы здѣсь не останемся, мы будемъ писать» и проч., придаютъ имъ какую-то смѣлость ничѣмъ не заниматься, несмотря на безпрестанныя понужденія. Нѣтъ ни одного приказанія, на которое комитетъ не сдѣлалъ бы какого-либо возраженія и не отозвался бы, что комитетъ выполнить этого не можетъ, что такое-то исправленіе до него не касается и пр. и пр.; напримѣръ: когда въ механической мастерской упалъ въ печи подъ котломъ кирпичный сводъ, комитетъ отказался исправить оный, говоря, что это не ихъ дѣло, а относится до механизма. Пять дней отъ того машина не дѣйствовала; работы были прекращены, и наконецъ оберъинтендантъ принужденъ былъ избрать изъ арестантовъ, знающихъ печное мастерство и исправить сводъ своими средствами, дабы долѣе не остановить работъ. Ни одно разбитое стекло въ мастерскихъ не вставится ранѣе двухъ недѣль, и сегодня, посѣтивъ артиллерійскую слесарную мастерскую, я нашелъ въ оной почти тотъ же холодъ, что̀ снаружи; ибо въ окнахъ не было 27-ми стеколъ, и во вновь устроенной временной кузницѣ 4-хъ горновъ, о которыхъ продолжается одна лишь переписка съ Августа мѣсяца. Множество подобныхъ примѣровъ я могъ бы здѣсь еще привести, если-бы оно дошло до офиціальнаго донесенія; но до времени удерживаюсь. Они рѣшительно ничѣмъ не занимаются и никакого вниманія не обращаютъ на производящіяся работы, которыя поручены ничего несмыслящимъ прапорщикамъ, и отъ того все, что̀ дѣлается, дѣлается непрочно и неправильно. У нихъ большая вражда съ Акройдомъ, которая, какъ кажется, есть продолженіе прежнихъ непріятностей съ нимъ Богданова по построенію одноэтажной казармы. Они при началѣ вмѣшивались и опровергали дѣйствія Акройда при построеніи крышъ надъ элингами; но я могу увѣрить вашу свѣтлость, что работа при этихъ крышахъ производится самымъ прочнымъ образомъ и во всемъ согласно съ утвержденнымъ планомъ и моделью разрѣза таковой крыши, которую вы изволили видѣть въ модельной бесѣдкѣ. Они упрекаютъ его за излишнюю аккуратность, причиняющую медленность; но они таковой работы, какъ мнѣ кажется, вовсе не понимаютъ, и я увѣренъ, что ежели придется строить здѣсь еще третью крышу, то, несмотря на имѣющіеся уже образцы, они ничего подобнаго не сдѣлаютъ.

Весьма бы желательно, чтобы они поняли свою обязанность надлежащимъ образомъ, какъ въ отношеніи прямыхъ занятій своихъ, такъ и подчиненности ко мнѣ; въ противномъ случаѣ адмиралтейство наше, вмѣсто того чтобы ежегодно приходить въ лучшій видъ, скоро придетъ въ величайшее запущеніе: ибо комитетъ, вмѣсто исполненія приказаній моихъ, занимается одною лишь простою перепиской и медлитъ по нѣ-

сколько недѣль. Вообще видны какое-то нежеланіе и неготовность къ пользамъ службы.

Мнѣ очень жаль, что я отвлекаю, можетъ быть, вашу свѣтлость отъ важнѣйшихъ занятій непріятными этими жалобами, но нечего дѣлать: дѣйствія комитета здѣсь таковы, что оставлять ихъ въ молчаніи невозможно. Они только что требуютъ денегъ и людей, а съ малыми средствами ничего дѣлать не могутъ и не хотятъ.

38.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 24 Генваря, 1839.

Отвѣтствую, любезный Михайла Петровичъ, на многія ваши письма и за медленность прошу извинить.

Всѣ перемѣщенія и производства, о коихъ вы мнѣ писали, исполнены согласно съ вашими предназначеніями.

Панфиловъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ по отзыву Раевскаго о вашемъ на оное согласіи.

При чтеніи бумагъ, съ симъ курьеромъ отправляемыхъ, вы найдете какую-то несвязность въ предписаніяхъ относительно Цемеса и береговой линіи. Сіе произошло отъ того, что предположенія Раевскаго разрѣшены не вполнѣ, а части остались несогласованными. Изъ прилагаемой у сего въ копіи записки Раевскаго вы усмотрите его предположеніе. Сообщите мнѣ ваши по сему предмету мысли и ежели найдете нужнымъ, то войдите съ офиціальнымъ представленіемъ о портовыхъ образованіяхъ Абхазскаго берега, ибо все предписанное нынѣ есть предварительное. Болѣзнь моя не допустила меня къ тому участію, которое дѣло сіе требовало.

Изъ бумагъ вы видите, что Государь желаетъ, чтобы между двумя десантами флотъ приходилъ въ Цемесъ для работы и возведенія адмиралтейства и желаетъ также имѣть ваше по сей мысли заключеніе. Я доводилъ однакоже предварительно до высочайшаго свѣдѣнія по сему предмету:

1) Что такъ какъ въ Цемесѣ нѣтъ мѣстныхъ строительныхъ матеріаловъ, то цѣлое лѣто вѣроятно пройдетъ въ доставленіи оныхъ изъ Керчи, а лѣсовъ изъ другихъ портовъ, а потому и флоту, т. е. эскадрамъ не для чего будетъ и входить въ Суджукъ собственно по постройкѣ.

2) Что таковая перевозка и выгрузка матеріаловъ можетъ быть исполнена лишь при достаточномъ прикрытіи отъ нападенія Черкесъ.

3) Что безъ особеннаго ассигнованія суммъ не достанетъ денежныхъ способовъ.

4) Что и способовъ къ перевозкѣ матеріаловъ также не имѣется въ достаточномъ количествѣ, и вѣроятно нужно будетъ таковые пріобрѣсть наймомъ.

5) Что для цѣлаго флота долгая стоянка на Суджукскомъ рейдѣ небезопасна, работа не будетъ успѣшна, ибо будетъ прерываться; флотъ, дабы не опоздать за десантомъ, вынужденъ будетъ и еще укоротить сіе время и, наконецъ, что въ экипажѣ нѣтъ каменщиковъ, и имѣются лишь валовые рабочіе.

Государь на сіе отвѣчалъ мнѣ, что деньги назначитъ по полученіи вашего отзыва, что мѣстное начальство вѣроятно найдетъ возможность удѣлить мастеровыхъ сухопутнаго вѣдомства и что съ сею цѣлью назнается командующимъ тамъ морской чиновникъ, который будетъ пещись о работахъ своего вѣдомства. Раевскій предъ симъ сказывалъ мнѣ, что онъ *вѣроятно* найдетъ возможность отдѣлить для Цемескаго адмиралтейства пѣшій Черноморскій казачій полкъ.

Белю дѣлается строгій выговоръ, какъ относительно Рулева, такъ и вообще на счетъ неумѣстной переписки его; но при семъ я прошу васъ принять въ уваженіе:

1) О поручикѣ Годовиковѣ, не представившемъ отчетъ, что по правиламъ отчетности морской строительной части (глава VIII § 66) предписано за непредставленіе отчетовъ въ срокъ производить взысканіе на основаніи указа 14-го Ноября 1831, помѣщеннаго въ ст. 271 Свода Законовъ томъ XV-го, т. е. предавать суду послѣ трехъ строгихъ или шести простыхъ выговоровъ. При семъ инженерные офицеры предаются суду съ высочайшаго свѣдѣнія и, когда адмиралъ Грейгъ отдалъ подъ судъ, кажется, капитана Бурачка, то великій князь вступился, и возродилась весьма непріятная переписка. Пока не сдѣлано будетъ Годовикову трехъ строгихъ выговоровъ, судъ не можетъ обвинить его. Представьте о немъ на законномъ основаніи, и я войду съ докладомъ о преданіи его суду.

2) О казармѣ въ Севастополѣ. Передача противу контракта столь значительна и продолженіе выдачи таковыхъ суммъ толикой подвергаетъ денежной отвѣтственности, что естественно желаніе оградить себя отъ оной и тѣмъ болѣе, что это дѣло есть притомъ слѣдственное, по правиламъ, не лежащее на обязанности Комитета. Подобное же дѣло возродилось по передачамъ за постройку Херсонскаго госпиталя, и на Грейга падаетъ нынѣ 50 т. р. взысканія. Вамъ необходимо привесть этотъ предметъ въ ясность и ввесть въ законную стезю, дабы предупредить всѣ послѣдствія, пока и вы и я находимся на лицо.

Любя и уважая васъ, усерднѣйше прошу васъ ограждать себя въ подрядныхъ дѣлахъ законными формами, несмотря на предложенія, кои иногда кажутся выгодными на первый взглядъ, а въ послѣдствіи запутываютъ отчетность. Будьте увѣрены, что всѣ производители дѣлъ съ весьма малымъ изъятіемъ—мошенники, наипаче тамъ, гдѣ Жиды подрядчики. Стараться изобличить ихъ есть дѣло тщетное, и нѣтъ инаго средства, какъ держаться строго законности и за вѣрность изложенія и ссылки на законы подвергать секретарей отвѣтственности, проистекающей отъ ихъ подписи и скрѣпы. Но иначе опасаться должно перехода отъ невыполненнаго подряда къ другому, смѣшеніемъ кондицій обоихъ торговъ, какъ напримѣръ вводъ въ кондиціи построенія лодокъ, обязанность строить корабль Черкесскимъ дубомъ. Большая часть запутанностей Грейговыхъ дѣлъ отъ сего происходитъ. Рѣдкій подрядъ самъ собою очищался, но запутывался другимъ, съ нимъ сплетеннымъ или кондиціями, или залогами, или вводомъ чего либо посторонняго по заключеніи условія, и все это на прибыль чиновниковъ, подкупленныхъ подрядчиками и къ отвѣтственности начальниковъ.

Комитетъ о Луганскомъ заводѣ заключилъ оставить оной въ завѣдываніи министра финансовъ; но Государь сего не утвердилъ, желая отдать оный Черноморскому флоту. По словамъ Государя я требую отъ васъ свѣдѣнія. Прикажите разсчеты вывести съ точностію и осмотрительностію, такъ какъ дальнѣйшее устройство завода (ежели поступитъ въ Черноморское вѣдомство) зависѣть будетъ отъ васъ. Требованіе въ послѣдствіи дополнительныхъ суммъ или способовъ едва ли будетъ возможно и удобно.

На построеніе Греческой церкви въ Севастополѣ отпущена будетъ сумма (кажется 66 т. р.?) въ два года.

Я боленъ и сижу дома; но ежели бы былъ здоровъ, то сказался бы больнымъ, дабы избѣгнуть празднества юбилея Крузенштерна, стиховъ Булгарина, рѣчей ораторскихъ П. И. Рикорда, скучнаго и дурнаго обѣда.

Прощайте, любезный Михайла Петровичъ. Мое высокопочитаніе супругѣ вашей.

39.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 18 Генваря 1839.

Возвратясь вчерашняго числа изъ Севастополя, я нашелъ здѣсь печатный приказъ отъ 1-го Генваря сего года № 490, (присланный въ депо изъ Гидрографическаго Департамента), въ которомъ ваша свѣт-

лость благосклонно уважили предварительное представленіе мое въ письмѣ отъ 23 Ноября прошедшаго года о производствѣ и перемѣщеніи нѣкоторыхъ изъ судовыхъ командировъ. Я прочелъ между прочимъ при назначеніи Истомина 1-го командиромъ фрегата «Флора» о переводѣ его изъ гвардейскаго экипажа въ 43-й экипажъ. Съ таковымъ перемѣщеніемъ, онъ лишается прежняго довольствія своего, какъ офицеръ гвардейскаго экипажа, а я съ тѣмъ вмѣстѣ и единственнаго моего адъютанта. Имѣя въ виду предписаніе вашей свѣтлости отъ 24 Февраля 1835 года № 12.417, въ которомъ изображена высочайшая воля о дозволеніи опредѣлять адъютантовъ въ званіе командующихъ судами, для приведенія ихъ въ порядокъ и устройство, намѣреніе мое было назначить Истомина командующимъ фрегата «Флора» для изготовленія только сего фрегата при первомъ началѣ со всѣми новыми улучшеніями, а для введенія первоначальнаго порядка и устройства прокомандовать тѣмъ фрегатомъ нѣсколько мѣсяцевъ и сдать тому, кто въ послѣдствіи назначенъ будетъ командиромъ онаго, въ образцовомъ видѣ. Истоминъ отличный офицеръ, и достаточно было видѣть возвратившійся корветъ «Орестъ» и быстрое въ зимнее время управленіе образованной на немъ команды, чтобы убѣдиться въ способностяхъ и познаніяхъ его при отдѣлкѣ и вооруженіи новаго фрегата (фрегатъ «Флора» строится по чертежу самаго того *Inconstant*, на которомъ лордъ Дургамъ возвратился изъ Канады; объ отличныхъ качествахъ коего неоднократно писали въ Nautical-Magazine; чертежъ доставленъ изъ Англіи инженеромъ Дмитріевымъ; спущенъ же будетъ въ исходѣ Мая мѣсяца).

Ежели ваша свѣтлость не признаете возможнымъ допустить Истомина къ первоначальному командованію фрегатомъ «Флора» безъ перевода его въ 43-й экипажъ, то я убѣдительнѣйше прошу, и притомъ въ особенное мнѣ одолженіе, уволивъ отъ фрегата, дозволить ему остаться при мнѣ въ прежнемъ его званіи, не лишая съ тѣмъ вмѣстѣ и довольствія, которымъ онъ по причисленію къ гвардейскому экипажу пользовался.

40.

Лазаревъ князю Меншикову.

Севастополь, 12 Апрѣля 1839.

Я вышелъ бы отсюда 10-го числа съ тѣмъ, чтобы, согласно первому назначенію, быть въ Керченскомъ проливѣ 15-го; но, получивъ увѣдомленіе отъ Раевскаго, что по причинѣ необыкновенно дурныхъ дорогъ, войска не могутъ прибыть въ Тамань ранѣе 23-го, то и по-

лагаю остаться здѣсь до 18-го и употребить время это не безъ пользы—разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній по порту и другимъ работамъ. Шкуна *Смѣлая* и тендеръ *Нырокъ* будутъ спущены, я полагаю, въ началѣ Іюня, ежели только листовая мѣдь доставится съ Ижорскихъ заводовъ. На мѣстѣ, гдѣ строится шкуна, я располагаю при спускѣ заложить корветъ, подобный строющемуся въ Николаевѣ *Пиладу* а на мѣстѣ *Нырка*—транспортную шкуну по чертежу *Vitew*, но увеличенную до 80-ти футъ длины, такъ что измѣреніе ея будетъ въ 165 тоновъ. Суда этого рода, какъ транспорты малаго размѣра, чрезвычайно здѣсь удобны по быстрому ходу, вмѣстительности трюма и малому числу людей для управленія ихъ. *Суджукъ-Кале* (бывшій Vitew) въ прошломъ году сдѣлалъ 17 рейсовъ изъ Николаева въ Севастополь и одинъ въ Таганрогъ за желѣзомъ.

Инженерное вѣдомство здѣсь получило на представленіе ихъ разрѣшеніе продолжать постройку Николаевской батареи бутовымъ камнемъ вмѣсто тесанаго, изъ коего нижній этажъ уже оконченъ. Не знаю, какого рода затрудненія инженеры представили; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что тесанаго камня можно получить здѣсь хоть на 20 подобныхъ батарей, какова Николаевская, а между тѣмъ нельзя не пожалѣть, что столь прочная и превосходная работа должна измѣниться, тогда какъ почти половина оной окончена. Не признаетъ ли ваша свѣтлость возможнымъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ и исходатайствовать, чтобы работа по Николаевской батареѣ продолжалась по прежнему. Можетъ быть окончаніе оной чрезъ это продолжится нѣсколько долѣе и стоить будетъ подороже, но за то долговременная прочность и ненадобность въ штукатуркѣ, которая по слабой здѣсь извести ежегодно передѣлывается вновь, вознаградитъ издержки въ стократъ. Нельзя не пожалѣть также и о томъ, что работы по 3-хъ этажной казармѣ совершенно остановились и едва ли могутъ начаться въ семъ году по случаю упущенія удобнаго времени для найма мастеровыхъ людей изъ внутреннихъ губерній; а все это произошло отъ уклоненія и необдуманнаго донесенія южнаго здѣсь округа, что передано будто бы 400 т. рублей, что̀ безъ всякаго сомнѣнія окажется ложнымъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы они сами вывели и доказали эту передачу, для чего я и назначилъ было коммиссію для приведенія этого въ ясность подъ предсѣдательствомъ полковника Беля, имѣя въ виду, что онъ и Богдановъ употребятъ всѣ средства къ оправданію себя въ сдѣланныхъ ими донесеніяхъ. Другой цѣли у меня не было. Теперь по приказанію вашей свѣтлости назначена коммиссія другая, о чемъ я и имѣлъ уже честь донести изъ Николаева.

Благодарю вашу свѣтлость за заблаговременное извѣстіе о намѣреніи Государя Императора посѣтить Севастополь въ будущемъ году. Приложимъ всѣ старанія, чтобы Его Величество остался посѣщеніемъ своимъ доволенъ.

13 Апрѣля. P. S. Сегодня сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, что Государь Императоръ пожаловалъ вамъ орденъ Св. Андрея. Примите, ваша свѣтлость, искреннѣйшее мое поздравленіе.

41.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 20 Мая 1839.

Представляя сего числа на утвержденіе вашей свѣтлости капитаномъ надъ портомъ въ Сухумъ-Кале лейтенанта Метлина, я очень понимаю, что неумѣстно мнѣ избирать для таковаго назначенія офицера изъ Балтійскаго флота; но расчитывая, что переписка на испрошеніе согласія вашей свѣтлости продлилась бы мѣсяцъ времени, прежде нежели я могъ бы исполнить предписаніе ваше, я рѣшился на сіе, имѣя предварительно согласіе Метлина на это мѣсто, переданное мнѣ братомъ его, который убѣдительно просилъ о таковомъ назначеніи въ случаѣ, что Сухумъ получитъ наименованіе порта.

Фридерикса я привезъ сюда съ собою единственно для того, чтобъ, при опасной ранѣ, имъ полученной, лучше приберечь его и отдать на руки Алеману. Ему теперь гораздо лучше, и вотъ уже три дня, какъ онъ приходитъ съ нами обѣдать. Онъ помѣщенъ въ одной изъ тѣхъ комнатъ, которыя занимали ваша свѣтлость, слѣдовательно можетъ всходить и спускаться по лѣстницѣ свободно. Что прикажете съ нимъ дѣлать, когда онъ совершенно выздоровѣетъ и въ силахъ укрѣпится? Ему, какъ кажется, опять хочется въ экспедицію.

Съ Глазенапомъ я не успѣлъ писать къ вашей свѣтлости, потому что осмотръ произведенныхъ работъ въ шести-недѣльное мое отсутствіе и накопившіяся экстренныя бумаги занимали меня съ утра до вечера. На другой же день послѣ отъѣзда его, я сдѣлался боленъ и около 4-хъ дней почти не вставалъ съ постели; но теперь поправляюсь. Подробностей работъ я не описываю, потому что Глазенапъ, будучи самъ очевидцемъ всего, конечно передастъ оныя вашей свѣтлости безошибочно; но не могу не сказать, что успѣхомъ въ работахъ я не совсѣмъ доволенъ, причиною чему все эти бездѣльники подрядчики, которые и по сіе время не поставили еще значительнаго числа плотниковъ, и теперь нѣтъ никакихъ средствъ получить ихъ за какую бы то ни было

цѣну. Я право не знаю, что съ этими канальями дѣлать. Главная же остановка предвидится въ обшивочной мѣди, которою ежели министръ финансовъ не дастъ, то и три корабля и бо́льшая часть мелкихъ судовъ должны будутъ остаться на стопеляхъ неспущенными. Обстоятельство это, какъ само по себѣ весьма важное, я буду имѣть честь съ слѣдующею почтою, по собраніи вѣрнѣйшихъ свѣдѣній, объяснить вашей свѣтлости подробно. Странно, ежели министръ финансовъ ожидаетъ заплаты изъ нормальной нашей суммы за потребную мѣдь на строющіеся по подряду корабли и на суда вмѣсто потерпѣвшихъ крушеніе у Черкесскихъ береговъ въ прошедшемъ году, на которыя ассигновывается особая сумма.

Въ заключеніе я прошу вашу свѣтлость удостоить уваженіемъ представленія мои о наградахъ флагмановъ и командировъ судовъ, которые, какъ въ прошломъ году, такъ и нынѣ, распорядительностію и дѣятельностію своею весьма много споспѣшествовали удачнымъ занятіямъ мѣстъ на Черкесскомъ берегу. Безъ ихъ усерднаго содѣйствія войска немного бы сдѣлали.

42.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 31-го Мая 1839.

Получивъ отъ Павла Андреевича Колзакова секретное безъ нумера письмо, предлагающее (вѣроятно съ дозволенія вашей свѣтлости) представить нѣкоторыхъ лицъ къ наградамъ по случаю ожидаемаго бракосочетанія ея высочества Маріи Николаевны, я отъ души обрадованъ былъ этимъ случаемъ, видя возможность быть участникомъ въ наградѣ тѣхъ, которые по истинѣ того заслуживаютъ. Въ представленіи моемъ ваша свѣтлость усмотрите нѣкоторое отступленіе отъ правилъ, изложенныхъ дежурнымъ генераломъ и именно въ представленіи капитанъ-лейтенантовъ Хитрово и Истомина къ слѣдующимъ чинамъ; но я сдѣлалъ это по явному убѣжденію въ пользѣ для службы, и пристрастіе не имѣетъ тутъ ни малѣйшаго участія. Перваго я представилъ, потому что чрезъ неусыпное его стараніе 2-й учебный экипажъ явно доходитъ до той степени совершенства, въ которой высшему начальству желательно видѣть, его и я нисколько не сомнѣваюсь, что ежели Государь въ будущемъ году къ намъ пожалуетъ, то вѣрно экипажемъ останется доволенъ. А послѣдняго потому, что вижу въ немъ такого офицера, который по познаніямъ своимъ способенъ образовать экипажъ и корабль въ лучшемъ военномъ видѣ. Вашей свѣтлости изъ опытовъ извѣстно, что молодые офицеры съ способностями

лучше управляютъ экипажами и кораблями, нежели нѣкоторые старики, исполненные предразсудками и разными закоренѣлыми привычками; а таковыхъ, къ несчастію, еще много. Въ Истоминѣ (когда онъ прибылъ на корветѣ „Орестъ") я встрѣтилъ въ полномъ смыслѣ капитана военнаго судна, офицеровъ совершенно образованныхъ и знающихъ свое дѣло, несмотря на то, что не было ни одного лейтенанта, а одни мичмана̀, команду же самую бѣглую, здоровую и веселую, такъ что при выходѣ изъ Карантинной бухты и слѣдуя въ Южную нельзя было не любоваться быстрымъ дѣйствіямъ ея при постановленіи и убираніи лиселей и становленіи на якорь безъ малѣйшаго шуму, и къ этому еще прибавить, что это было зимою. Ежели ваше свѣтлость не удостоитъ вниманіемъ это представленіе, то желательно бы было, чтобы онъ прокомандовалъ фрегатомъ «Флорою» одинъ годъ и сдалъ бы его въ той же исправности, въ какой онъ сдалъ корветъ «Орестъ».

Командира Севастопольскаго порта Авинова и капитана надъ портомъ Рогулю справедливость требовала тоже представить къ награжденію, потому что чрезъ неусыпныя старанія ихъ работы идутъ очень успѣшно; они все время свое употребляютъ на занятія по службѣ, и конечно въ Севастополѣ никогда прежде столько караблестроенія не производилось. Недавно спущена шкуна и заложенъ корветъ, на дняхъ спустится тендеръ и заложится шкуна, а между тѣмъ строится фрегатъ по чертежу *Президента* въ 174 фута длины, что̀ прежде почиталось невозможнымъ, и когда заложенъ былъ Браиловъ въ 150 футъ, то говорили объ этомъ какъ о дѣлѣ необыкновенномъ. Затрудненіе однакоже уничтожилось, вопервыхъ заготовленіемъ достаточнаго размѣренія Крымскихъ лѣсовъ, а потомъ разрывомъ горы и увеличеніемъ элинга своими средствами. Къ этому я долженъ еще прибавить, что заботливостію ихъ къ пользѣ службы, они изыскали средства изъ стараго и изломаннаго рангоута соорудить надъ элингами крыши весьма хорошо устроенныя, которыя казнѣ ни одной копейки не стоятъ; надъ корветомъ и тендеромъ крыши уже окончены, а надъ фрегатомъ въ прошедшую мою бытность половина стропилъ уже была поставлена. Словомъ сказать, судя по средствамъ, тамъ болѣе дѣлается, нежели сколько ожидать можно.

43.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 29 Іюля 1839.

Въ представленіи моемъ отъ 15-го сего мѣсяца о построеніи съ подряда еще одного корабля я имѣлъ въ виду возможность послѣ это-

го поддержать положенное штатомъ число военныхъ судовъ и, кажется, я въ этомъ не ошибаюсь. Онъ бы и не понадобился, еслибъ корабли: «Память Евстафія», «Анапа», «Адріанополь» и «Екатерина» не оказали столько худостей, сколько въ самомъ дѣлѣ открылось. «Адріанополь» и «Екатерину» я засталъ еще не вооруженными въ Николаевѣ въ 1832 году; слѣдовательно настоящей службы ихъ только 7 лѣтъ, между тѣмъ какъ на «Адріанополѣ» еще въ 1836 году перемѣнили почти всю подводную часть, а въ прошломъ году и на «Анапѣ». На «Екатеринѣ» слѣдовало бы тоже сдѣлать; но не рѣшился я начать такую работу по случаю предписанія содержать флотъ во всей готовности. «Память Евстафія» кромѣ большой гнилости сверхъ воды весьма худъ и въ подводной кормовой части; а о «Чесмѣ» и «Маріи» и говорить нечего: едва плаваютъ и покуда еще не встрѣтилось какого-либо несчастія, хорошо бы обратить ихъ прямо въ блокшифы, какъ потому что будучи еще не совсѣмъ разстроены въ крѣпленіи своемъ, они въ званіи этомъ прослужили бы подолѣе, такъ и потому что въ Севастополѣ не достаетъ помѣщенія для нижнихъ чиновъ. У Еврея Рафиловича построеніе двухъ кораблей идетъ весьма успѣшно и лучше, нежели предполагалъ я. Въ Спасскомъ адмиралтействѣ я бываю два раза въ недѣлю, и кромѣ того присмотръ за этимъ Жидомъ таковъ, что еслибъ онъ вздумалъ сплутовать и употребить какую-нибудь штуку несовсѣмъ доброкачественнаго лѣса, то ему не удастся. По поводу этому и замѣчая, что Черкесскаго дубу у него навезено гораздо болѣе, нежели сколько для окончанія двухъ кораблей нужно и что лѣсъ этотъ по крѣпости и плотности своей гораздо прочнѣе обыкновенно употребляемаго здѣсь для строенія Польскаго дуба, я рѣшился воспользоваться предложеніемъ Рафаловича строить еще третій карабль и представилъ о томъ къ вашей свѣтлости; а теперь присовокупляю покорнѣйшую просьбу мою подарить Черноморскому флоту еще одинъ корабль съ подряду, послѣ чего мы уже будемъ перебиваться своими средствами. Государь такъ и располагать изволилъ, чтобъ строить съ подряду 4 корабля, для чего примѣрно и отпущено было четыре милліона; но какъ одинъ корпусъ съ отдѣлкою стоитъ болѣе милліона, а на вооруженіе и проч. ничего не полагалось, то отпущенныхъ четырехъ милліоновъ едва достанетъ на три корабля. Теперь я испрашиваю для четвертаго корабля только одинъ милліонъ (разумѣется съ потребнымъ количествомъ мѣди); а недостающую сумму на корпусъ и вооруженіе надѣюсь пополнить изъ общаго заготовленія, тѣмъ болѣе, что это можно будетъ отнести частію на нормальную смѣту 1840 года, а частію 1841 года.

Резолюцію Государя на счетъ эллинговъ въ Спасскомъ адмиралтействѣ я принялъ съ должною покорностію; но позвольте просить

вашу свѣтлость при случаѣ объяснить это дѣло и доложить Его Величеству, что содержаніе въ исправности тамъ элинговъ потребуетъ ежегодно значительной суммы безъ всякой пользы, ежели кораблей тамъ строить не будутъ; да и не для чего строить, когда въ главномъ адмиралтействѣ, при обыкновенныхъ средствахъ, элинговъ достаточно. Я совершенно согласенъ, что элинги должны быть во всякое время исправны; но это можетъ быть тогда только, когда они сдѣланы надлежащимъ образомъ, на каменныхъ основаніяхъ, подобно вновь устроенному въ С.-Петербургскомъ новомъ адмиралтействѣ. Таковое устройство конечно стоитъ очень дорого, за то оно прочно и почти не требуетъ исправленій; но при ограниченныхъ суммахъ и усиленномъ кораблестроеніи нѣтъ другихъ средствъ, какъ дѣлать ихъ просто на сваяхъ подобно тому, какъ и во всѣхъ портахъ нашихъ они устроены, исправляя ихъ всякій разъ предъ тѣмъ, какъ корабль закладывать должно. Я позволяю себѣ думать, что не назвали бы меня экономомъ, и врядъ ли бы не подвергнулся я негодованію высшаго начальства, еслибъ я рѣшился поддерживать элинги въ Спасскомъ адмиралтействѣ въ продолженіе 10 лѣтъ и употребилъ бы многія тысячи бревенъ для свай безъ всякой пользы, которыя безпрестанно гніютъ и которыя перемѣнять должно каждые два или три года.

Позвольте просить вашу свѣтлость разрѣшить представленіе мое съ будущей почтой о построеніи въ Севастополѣ провіантскихъ магазиновъ, потребность въ которыхъ необыкновенна теперь нужна, особенно когда запасъ провіанта и морской провизіи уже заготовляется. Принужденъ нанимать магазинъ по весьма высокой цѣнѣ, и кромѣ того очень много провіанта находится въ бунтахъ на открытомъ воздухѣ и портится.

Позвольте также просить приказать поскорѣе окончить сужденіе въ Кронштатскомъ общемъ собраніи на счетъ нѣкоторыхъ возраженій канатнаго здѣсь мастера въ выдѣлкѣ такелажныхъ вещей. Часъ времени достаточно бы было для окончательнаго по сему заключенія, и тогда черезъ пять недѣль по полученіи онаго здѣсь штаты по вооруженію и запасу могли бы быть отпечатаны. Теперь все по этой части остановилось.

44.

Князь Меншиковъ Лазареву.

С.-Петербургъ, 1 Августа 1839.

Дѣла Турецкія запутываются, любезный Михаилъ Петровичъ, и соединенные флоты Англійскій и Французскій не отходятъ отъ Тенедоса, выжидая наши движенія. Политика наша отклоняетъ взаимное

участіе въ оборонѣ султана, съ коимъ въ союзѣ, и внушаетъ другимъ державамъ удерживать Египетскаго пашу и тѣмъ отвратить надобность въ оборонѣ Константинополя. Но будущаго предвидѣть нельзя, и нужно быть готовымъ на всѣ военные случаи, хотя теперешнее положеніе наше есть выжидающее развитія обстоятельствъ.

Я отправляюсь завтра въ Москву и потомъ въ Бородино, куда Государь прибыть долженъ 20 Августа. Прощайте и будьте здоровы.

Князь Меншиковъ.

Прошу васъ приказать прилагаемое письмо доставить Раевскому.

45.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 6 Сентября 1839.

Письмо ваше отъ 1-го Августа я имѣлъ честь получить и приложенное при семъ другое къ генералу Раевскому въ тоже время было отправлено. Я слышалъ также, что ваша свѣтлость дали и мичману князю Гагарину письмо ко мнѣ, но я его не получилъ, слѣдовательно и содержаніе письма мнѣ неизвѣстно; знаю однакожъ, что съ нѣкотораго уже времени, какъ онъ находится при Раевскомъ.

Относительно Турецко-Египетскихъ дѣлъ, флотъ нашъ находится въ той мѣрѣ готовности, въ которой можно только имѣть оный при извѣстномъ вашей свѣтлости недостаткѣ нижнихъ чиновъ и офицеровъ; провизіи принято на 4 мѣсяца и пр. и пр. Но ежели дѣла возмутъ другой оборотъ, клонящійся къ миролюбію между Турками, то я надѣюсь, что ваша свѣтлость дозволите флоту на зиму разоружиться и провизію сдать на берегъ, по уваженію тому, что, при ограниченности нормальной смѣты, требуется нынѣ всевозможная экономія, провизія же на судахъ можетъ портиться, а бѣгучій такелажъ обвѣтриваться и приходить въ гнилость безъ всякой нужды.

Нормальная смѣта наша въ теперешнее время столь недостаточна, что нѣтъ никакой возможности дѣйствовать такъ, какъ бы хотѣлось и тѣмъ болѣе, когда составляющійся нынѣ экономическій капиталъ остается неприкосновеннымъ. Одна коммиссаріатская экспедиція представила свою смѣту на будущій годъ въ $7^1/_2$ милліоновъ, изъ которыхъ невозможно убавить ни одной копѣйки, ибо заключаетъ въ себѣ продовольствіе, жалованье и пр. наличныхъ чиновъ: то много ли же останется на кораблестроеніе и содержаніе флота, вооруженіе и отдѣлку новыхъ кораблей, заплату министру финансовъ за мѣдь, заготовленіе пеньки, парусины,

лѣсовъ и пр. и пр.? И изъ этой суммы слѣдуетъ еще дать одинъ милліонъ южному округу. Не выйти изъ нормальной смѣты можно, но неминуемо должно будетъ обстановиться кораблестроеніе; а это очень жаль, ибо недостатокъ судовъ до штатнаго положенія весьма еще значителенъ (имѣя въ виду, что многія изъ старыхъ судовъ къ плаванію неблагонадежны). Я не говорю уже о томъ, что офицеры въ Абхазскихъ экспедиціяхъ должны остаться на прежнемъ довольствіи и что скупленіе домовъ въ Севастополѣ на хребтѣ должно не только прекратиться, но и нѣкоторые изъ хозяевъ сломанныхъ уже домовъ остаться неудовлетворенными. Позвольте просить вашу свѣтлость обратить на положеніе финансовъ нашихъ ваше вниманіе, коль скоро я представлю составленное нынѣ расчисленіе о недостаткѣ нормальной смѣты.

Новые карабли: «Три Святителя» и «Трехъ Іерарховъ» въ Севастополь уже прибыли и теперь ставятъ свои орудія, а черезъ нѣсколько дней я намѣренъ туда отправиться и выйти съ ними на нѣсколько дней въ море для испытанія ихъ качествъ.

P. S. Только что успѣлъ кончить письмо къ вашей свѣтлости, какъ получилъ увѣдомленіе отъ посланника Бутенева, о коемъ буду имѣть честь донести официально съ слѣдующею почтою. Онъ извѣщаетъ, что Англійскій и Французскій флоты стоятъ на якоряхъ между Тенедосомъ и Дарданеллами въ числѣ 32-хъ военныхъ судовъ, изъ коихъ кораблей линейныхъ 19, а именно: 11 Англійскихъ и 8 Французскихъ; что хотя и носились слухи, что обѣ соединенныя (Англійская и Французская) эскадры вскорѣ отправятся въ Александрію для понужденія Египетскаго паши къ возвращенію Турецкаго флота и къ миролюбивому примиренію съ Портою и хотя таковая мѣра вѣроятно произвела бы весьма полезное дѣйствіе, но извѣстіе это не подтверждается. Обѣ эскадры остаются до сего времени по прежнему на якорѣ вблизи Дарданеллъ, несмотря на неоднократныя представленія Порты о напрасномъ и даже предосудительномъ присутствіи иностранныхъ флотовъ близи столицы Оттоманской. Между тѣмъ (пишетъ онъ), въ Константинополѣ и окрестностяхъ, несмотря на продолжающуюся неизвѣстность, все спокойно.

46.

Лазаревъ князю Меншикову.

Николаевъ, 21 Октября 1389.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вашей свѣтлости отъ 6-го Сентября я увѣдомлялъ о намѣреніи моемъ отправиться на короткое время въ море для испытанія новыхъ кораблей *Три Святителя* и *Трехъ*

Іерарховъ. Для сравненія въ ходу и качествахъ я бралъ съ собою корабли: *Варшаву, Махмудъ* и *Силистію,* фрегатъ *Браиловъ,* бригъ *Аргонавтъ* и шкуну *Гонецъ,* т. е. лучшихъ нашихъ ходоковъ. 120-ти пушечный корабль *Три Святителя* удивилъ всѣхъ необыкновеннымъ своимъ ходомъ.

При входѣ обратно въ Севастополь съ тихимъ вѣтромъ на фордевиндѣ, корабль *Три Святителя* имѣлъ рѣшительное въ ходу преимущество противу всѣхъ вышесказанныхъ судовъ.

Корабль *Трехъ Іерарховъ,* на ходъ коего я болѣе всѣхъ полагался, не оправдалъ на этотъ разъ ожиданій моихъ; но не менѣе того, я остаюсь того мнѣнія, что онъ долженъ ходить отлично и имѣть преимущество противу трехъ-дечнаго корабля; подводныя его линіи особенно хороши. Слѣдовательно первую неудачу надобно приписать ничему другому какъ новизнѣ и нѣкоторому еще неустройству; но отъ корабля *Три Святителя* въ сравненіи съ *Варшавою* и другими судами я въ полномъ удовольствіи.

Канонирскія лодки у насъ еще не строятся, да и суммы на нихъ отдѣлить безъ особеннаго ассигнованія нисколько невозможно; а между тѣмъ я вспомнилъ, что ваша свѣтлость въ послѣднее время очень много этими судами занимались, осматривали ихъ лично въ Стокгольмѣ и потомъ поручали собирать о нихъ свѣдѣнія Шанцу. Вѣроятно вы имѣете лучшіе чертежи канонирскимъ лодкамъ, нежели тѣ, которые утверждены къ построенію здѣсь. Шведамъ нельзя не отдать преимущества относителько сихъ судовъ, какъ по качествамъ, такъ и по внутреннему на оныхъ устройству, приспособленію артиллеріи и пр, и пр., то не признаетъ ли ваша свѣтлость за лучшее измѣнить утвержденный чертежъ въ 1837 году и приказать строить ихъ по тому, который изберете сами?

Отсутствіе вашей свѣтлости, хотя и на весьма краткое время, всегда бываетъ поводомъ къ непріятностямъ по службѣ. Нѣкоторыя бумаги, полученныя въ продолженіе того времени отъ адмирала Галла и Инспекторскаго Департамента исполнены какою-то недовѣрчивостію и неуваженіемъ на всѣ почти представленія мои. Сдѣлать огорченія и неудовольствія отъ лица высшаго начальства весьма легко, но получать ихъ непріятно, и весьма вѣроятно, что писавшіе тѣ бумаги зла, отъ того происходящаго, не понимаютъ. Они раждаютъ неудовольствіе къ службѣ особенно въ тѣхъ, которые строго ею занимаются и даютъ поводъ къ неуваженію начальства въ кругу подчиненныхъ. Напримѣръ, вопросы и участіе, принимаемое адмираломъ Галломъ въ пьяномъ чиновникѣ Бурковѣ, служившемъ во временной здѣсь ревизіонной экспедиціи, который, за нетрезвое поведеніе и буйные поступки (въ самомъ

присутствіи) противу управляющаго экспедиціею Миницкаго и начальника отдѣленія Лукьянова, былъ мною арестованъ и отрѣшенъ отъ должности съ неодобрительною аттестаціею, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, особенно послѣ донесенія моего къ вашей свѣтлости отъ 10-го Іюля № 10.259. Чиновникъ Лукьяновъ, служащій нынѣ въ ревизіонномъ комитетѣ, человѣкъ превосходнѣйшаго поведенія и скромнаго нрава, рекомендованный съ отличнѣйшей стороны генералъ-контролемъ Христіани (на котораго я въ донесеніи моемъ и ссылался), могъ бы весьма удовлетворительно объяснить поступки; но по видимому его спросить не хотѣли, а замѣтно сильное желаніе оправдать Буркова, который (по крайней мѣрѣ по совѣсти) ни въ какомъ случаѣ оправданъ быть не можетъ. Ежели в. св. въ состояніи будете удѣлить нѣсколько минутъ на прочтеніе повелѣнія адмирала Галла отъ 7-го Сентября, то ясно усмотрите, съ какою недовѣрчивостію къ дѣйствіямъ моимъ вопросы имъ сдѣланы, на которые впрочемъ я отвѣчать буду съ будущею почтою. Ваша свѣтлость можете быть увѣрены, что я не имѣлъ никакихъ видовъ къ угнетенію ничтожнаго чиновника каковъ Бурковъ, кромѣ одной обязанности прекратить въ самомъ началѣ нарушеніе подчиненности, съ упущеніемъ которой не было бы никакой возможности удержать ихъ отъ своевольства въ отдаленномъ здѣсь краю.

Инспекторскій Департаментъ отказалъ въ ходатайствѣ объ оставленіи здѣсь прапорщика морской артиллеріи Бѣлявскаго. Онъ имѣлъ полное право отказать, но могъ бы и уважить, имѣя въ виду неоднократныя снисхожденія прежде. Я представлялъ о Бѣлявскомъ, во первыхъ, по особенному ходатайству бывшаго его командира на корветѣ «Орестъ», капитанъ-лейтенанта Истомина, приготовившаго его къ познанію своей должности въ юнкерскомъ еще званіи и слѣдовательно (весьма естественно) желавшаго имѣть его артиллерійскимъ офицеромъ на фрегатѣ «Флора»; а во вторыхъ, по убѣдительнѣйшей просьбѣ бѣдной и престарѣлой матери, обремененной большимъ семействомъ, которому онъ служилъ единственно подпорою. Другихъ видовъ не было, и подобныя ходатайства я считалъ дозволительными, а для вице-директора Департамента не могло, кажется, сдѣлать разности по службѣ: гдѣ бы прапорщикъ ни служилъ—здѣсь ли или въ другомъ какомъ либо портѣ. Не взирая на то, выполняя въ точности предписанія дежурнаго генерала, прапорщику Бѣлявскому приказано немедленно отправиться по назначенію. Многіе другіе примѣры недоброжелательства властей, остающихся за отсутствіемъ вашей свѣтлости, я могъ бы привести здѣсь; но умалчиваю изъ опасенія, чтобъ не назвали меня интригантомъ или кляузникомъ, отъ чего я очень далекъ.

P. S. Рѣшеніе общаго въ Кронштатѣ собранія на счетъ помѣщенія нѣкоторыхъ правилъ по канатному мастерству по сіе время еще не доставлено, не взирая на неоднократныя повторенія мои о томъ къ генералъ-интенданту, отчего и печатаніе штата съ того времени совершенно пріостановлено. По сіе время вѣроятно многіе изъ флагмановъ и экипажныхъ командировъ въ Кронштатѣ собрались; а потому позвольте просить вашу свѣтлость приказать ускорить это дѣло и тѣмъ положить печатанію штата конецъ. Онъ давно бы былъ оконченъ, еслибы бездѣлица эта не задерживала.

Несвоевременное доставленіе мѣди, въ особенности болтовой, для крѣпленія въ подводной части и недостатокъ въ вольныхъ плотникахъ, которыхъ при всевозможномъ настаиваніи подрядчики не могли поставить столько, сколько они обязались, суть причиною, что многія изъ предполагаемыхъ къ спуску судовъ останутся по наступившему уже позднему времени неспущенными; но ежели погода поблагопріятствуетъ до 20-го Ноября, то могутъ быть спущены: корабль *Гавріилъ*, бригъ *Ѳемистоклъ*, транспортъ *Соча* и пароходъ *Метеоръ*. Сей послѣдній будетъ готовъ къ спуску не позже 1-го Ноября. Затѣмъ останутся на стапеляхъ изъ числа предположенныхъ спустить въ семъ году: корабль *Селафіилъ*, фрегатъ *Мисемврія*, корветъ *Пиладъ* и бригъ *Персей*.

На дняхъ лишились мы здѣсь дивизіоннаго командира вице-адмирала Уманца, послѣ напродолжительной водяной болѣзни. Кого вашей свѣтлости угодно будетъ назначить начальникомъ 5-й дивизіи? Я покорнѣйше просилъ бы не давать намъ Папо-Христи, потому что по связямъ своимъ съ Греками и склонности къ интересу онъ болѣе принесетъ вреда службѣ нежели пользы.

ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНІЕ XVII ВѢКА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ случилось издать (въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія,* 1878 г., Октябрь) не напечатанную до тѣхъ поръ оригинальную Русскую повѣсть подъ заглавіемъ: «Гисторія о Россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли». Содержаніе этой повѣсти составляютъ приключенія двухъ молодыхъ существъ, которыя связаны внезапно родившимся въ ихъ сердцахъ нѣжнымъ чувствомъ, но должны преодолѣть немало затрудненій, невзгодъ и опасностей, прежде чѣмъ ихъ любовь увѣнчалась счастливымъ бракомъ.

Печатая эту любопытную повѣсть, мы выразили убѣжденіе, что она составляетъ первую Русскую попытку романическаго разсказа съ сентиментальнымъ оттѣнкомъ, и что происхожденіе подобнаго произведенія должно быть отнесено къ Петровскому времени или вообще къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка, когда, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ Русскаго общества, начинаетъ замѣчаться бо̀льшая мягкость личныхъ и общественныхъ отношеній между полами, и обнаруживается нѣкоторая галантность обращенія. Въ связи съ этимъ измѣненіемъ во взглядѣ на женщину находится и появленіе у насъ въ тоже время первыхъ произведеній искусственной любовной лирики, при чемъ авторы нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотворныхъ піесъ извѣстны и сами по своей жизни, какъ представители новыхъ, внесенныхъ реформою, воззрѣній и нравовъ, болѣе утонченныхъ, чѣмъ грубые, но простые нравы почтенной старины. Въ числѣ этихъ галантныхъ авторовъ былъ между прочимъ камергеръ Вилимъ Монсъ, иноземецъ по происхожденію, но выросшій въ Московской Нѣмецкой Слободѣ, пользовавшійся нѣкоторое время особою милостью Петра I-го, и въ тоже время, большой почитатель женскаго пола и счастливый побѣдитель женскихъ сердецъ. Такіе же стихи писалъ и ближайшій «конфидентъ» Монса, коренной Русскій—Егоръ Столѣтовъ. Образцы любовнаго стихотворства

этихъ селадоновъ Петровскаго времени напечатаны въ монографіи г-на Семевскаго о семействѣ Монсовъ (С.-ПБ., 1863, стр. 179—180, 198—200) и относятся уже ко второму десятилѣтію XVIII вѣка.

Недавно намъ случилось найдти еще одно стихотвореніе въ родѣ тѣхъ, что̀ сочиняли Монсъ и Столѣтовъ, но болѣе ранняго времени. Оно любопытно и само по себѣ, и по тѣмъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ оно сохранилось. Какъ эти обстоятельства, такъ и самые стихи, извѣстны намъ изъ документовъ Московскаго Архива министерства юстиціи, подъ № 3,313-мъ [1]).

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

6-го Мая 1698 года дневальные подъячіе Разряднаго Приказа Романъ Артемьевъ съ товарищи сказали въ извѣтѣ начальнику этого приказа бояриму Тихону Никитичу Стрѣшневу, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ пришелъ въ разрядъ, въ переднюю палату, какой-то неизвѣстный человѣкъ, и что сидѣвшій въ той палаткѣ колодникъ Рылянинъ Савинка Якимовъ подозвалъ его къ себѣ и далъ ему завернутый въ платкѣ часословъ и деньги для отвоза ихъ его Савиновой женѣ. Между тѣмъ неизвѣстный вынулъ изъ-за пазухи письмо, и подъячіе почли своимъ долгомъ отобрать у него то письмо, а самого человѣка задержали подъ карауломъ. Письмо это, написанное на небольшой бумажкѣ и сложенное въ нѣсколько перегибовъ (оно сохранилось въ дѣлѣ подлинникомъ), оказалось слѣдующаго содержанія [2]):

Очей моихъ преславному свѣту
И нелестному нашему совѣту,
Здрава буди, душа моя, многія лѣта,
И не забывай праведнаго твоего обѣта—
Какъ мы съ тобою предъ Богомъ обѣщалися,
Въ которое время перстнями помѣнялися
И вѣнцы на главахъ нашихъ имѣли
Златые, во дни мимошедшіе, радостные,
Святые. По часту, свѣте моя, воспоминай,
Наипачеже въ молитвахъ своихъ не забывай:
А я воистинну тебя не забываю,
По всякій часъ воспоминаю.
И тако мнѣ по тебѣ тошно.
Какъ было бы мошно,
И я бы отселя полетѣлъ
И къ тебѣ бы, душа моя, прилетѣлъ,
И мы, съ тобою бъ повидались,

---

[1]) Документами этими мы пользовались съ любезнаго разрѣшенія директора архива Н. В. Калачова.

[2]) Начало писано на подобіе стиховъ, но въ строкахъ, не соотвѣтствующихъ ни размѣру, ни риѳмамъ; конецъ же писанъ сплошь, какъ обыкновенная проза.

Каморку затворили бъ
И всю тайную переговорили.
Лазоревой мой цвѣточикъ,
Наимилшій мой животочикъ,
Возвѣщаю наимилчику тебѣ,
Что понесъ на себѣ,
Какъ я пріѣхалъ къ государю батюшку,
Потомъ видѣлъ и государыню матушку,
Пресвѣтлыя очи
И обачилъ и радость твою

и свою, ожидалъ отъ нихъ же государей милости пресвѣтлыя, и я вмѣсто того же слышалъ слова извѣтныя: „мочно тебѣ гдѣ женитися и многими пожитками поживитися; взялъ бы ты гдѣ намъ годно и тебѣ благоугодно—въ Москвѣ у человѣка знатнаго". Только я, ласточка, отъ ѳрасунка того отклонился. Потомъ тебѣ любительное поздравленье и нижайшее покланеніе. Другъ твой имя рекъ человѣкъ.

Подъячіе стали спрашивать человѣка, пришедшаго въ разрядъ, кто онъ таковъ. Онъ сказался Рылениномъ, Савкою Аѳанасьевымъ сыномъ Карцовымъ; отецъ его служитъ рейтаромъ въ Сѣвскомъ полку, онъ же Савка не состоитъ въ службѣ, а жилъ напередъ того на Москвѣ, въ знакомцахъ, у боярина князя Константина Осиповича Щербатова, а послѣ того жилъ въ Сѣвскѣ у полковника Ивана Андреева сына Цѣя; и изъ Сѣвска онъ съ его сыномъ Иваномъ же пріѣхалъ къ Москвѣ въ нынѣшній Великій постъ и жилъ на дворѣ у полковника Цѣя въ Нѣмецкой Слободѣ, а нынѣ же захотѣлъ побывать у отца въ Рыльскѣ и потому пришелъ въ разрядъ провѣдать, нельзя ли ради какой посылки въ Сѣвскъ съѣхать съ Москвы на ямскихъ подводахъ, ибо и прежде онъ былъ туда посыланъ съ государевыми грамотами. Въ разрядѣ увидѣлъ его Савку знакомый ему Рылянинъ С. Якимовъ и далъ ему, для отвозу своей женѣ, часословъ и денегъ; чтобы завернуть эти деньги, онъ Карцовъ и вынулъ изъ-за пазухи то письмо. Карцовъ объяснилъ также, что онъ грамотѣ не знаетъ, письмо же взялъ у дѣтей полковника Цѣя, Ѳедора и Ивана, изъ стола; чаялъ, что то письмо черное; а кто то письмо писалъ—не знаетъ.

Того же числа про разрядъ сысканъ былъ Ѳедоръ Цѣй, и на допросѣ о томъ письмѣ показалъ. То письмо писалъ у него деньщикъ, а какъ зовутъ—не упомнитъ; а-де Ѳедоръ съ того письма писалъ отъ себя совѣтную грамоту къ невѣстѣ своей полуполковника къ Денисовой сестрѣ Рыдера къ дѣвицѣ Еленѣ Петровой дочери, для того что онъ въ нынѣшній Великій постъ сговорилъ на ней жениться; а посылалъ-де онъ отъ себя то письмо невѣстѣ, какъ стоялъ на степной караулѣ, до сговору, для того чтобы она за инаго жениха не вышла. А вышеписанное письмо положилъ онъ у себя въ хоромахъ въ столъ,

а какъ у него то письмо Рылянинъ С. Карцовъ вынялъ и для чего, того онъ Өедоръ не вѣдаетъ, и ему Савкѣ того письма онъ не давывалъ; а къ Москвѣ пріѣхалъ онъ Савка изъ Сѣвска съ братомъ его Иваномъ Цѣемъ въ нынѣшній Великій постъ и жилъ у нихъ въ Слободѣ на дворѣ отца ихъ по прежнему знакомству, а воровства за нимъ онъ Өедоръ никакого не знаетъ.

По наведеніи справки по имѣвшимся въ разрядѣ Рыльскихъ разборнымъ книгамъ Савка Карцовъ оказался записанъ рейтарскимъ недорослемъ четырнадцати лѣтъ. А потому 17-го Мая 1698 года рѣшено: Рылянину Савкѣ Аөанасьеву сыну Карцову за вину его, что онъ, избѣгая службы, жилъ въ Москвѣ и въ прошломъ году у переписи недорослей въ Рыльскѣ не явился, учинено наказаніе—бить батоги и велѣно записать его въ солдаты въ Сѣвскій полкъ.

Такимъ образомъ незначительная случайность обнаружила крупную провинность молодаго человѣка и навлекла на него наказаніе. Но не въ этомъ, конечно, заключается для насъ интересъ разсказаннаго происшествія. Разслѣдованіе о Карцовѣ обнаружило нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся сердечныхъ дѣлъ его знакомца Өедора Цѣя, и вотъ тутъ-то и являются предъ нами характерныя черты нравовъ конца XVII вѣка и первыхъ годовъ Петровскаго періода. Очевидно, не по родительскому указу и выбору Өедоръ Цѣй посватался къ Еленѣ Рыдеръ; браку ихъ предшествовалъ свободный выборъ сердца, и еще *до сговора* они помѣнялись кольцами и имѣли вѣнцы на головахъ: символическія дѣйствія эти еще до освященія брака ихъ церковью должны были свидѣтельствовать о крѣпости ихъ сердечнаго союза. Тѣмъ не менѣе Өедору, по видимому, не совсѣмъ легко было убѣдить своего государя батюшку и свою государыню матушку дать согласіе на этотъ бракъ, представлявшійся имъ не довольно выгоднымъ. Въ эти-то минуты сомнѣній и сердечныхъ тревогъ, разлученному со своею возлюбленною Өедору захотѣлось перекинуться съ нею словомъ. Чтò за человѣкъ въ лицѣ деньщика явился посредникомъ между молодыми людьми — мы не знаемъ; но очевидно то былъ не простой слуга, если онъ умѣлъ даже дать нѣкоторую стихотворную форму выраженію нѣжныхъ чувствъ своего влюбленнаго господина; по всей вѣроятности, то былъ даже вовсе не деньщикъ, а скорѣе—учитель или дядька полковничьихъ дѣтей, человѣкъ, не лишенный книжнаго образованія и притомъ родомъ изъ Западной Россіи, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ полонизмамъ стихотворенія. Роль этого Московскаго Фигаро, какъ и сердечныя дѣла Ө. Цѣя и его невѣсты, представляются чѣмъ-то новымъ, необыкновеннымъ для насъ, привыкшихъ воображать себѣ теченіе домашней жизни Русскихъ людей стараго времени исполненнымъ только степеннаго, чин-

наго соблюденія исконныхъ обрядовъ, не дающихъ никакого даже мѣста самымъ невиннымъ проявленіямъ личнаго чувства. Но дѣло можетъ представляться въ такомъ видѣ только по первому впечатлѣнію. Безусловно строгая обрядность жизни существовала только въ идеальныхъ представленіяхъ старинныхъ людей (напримѣръ, въ поученіяхъ Домостроя) и далеко не такъ полно осуществлялась въ дѣйствительности, въ которой живыя требованія природы, безъ сомнѣнія, легко брали верхъ надъ условными формами обычая и нарушали его точное соблюденіе. Въ эпохи переходныя эти нарушенія должны были быть особенно частыми, и потому въ теченіе всего XVII вѣка, который отъ самаго начала представляется подготовленіемъ къ великой государственной, общественной и бытовой реформѣ, соединенной съ именемъ Петра I, мы неоднократно встрѣчаемся съ явленіями, которыя своимъ характеромъ напоминаютъ слѣдующее столѣтіе: такъ и въ данномъ случаѣ—въ любовныхъ приключеніяхъ и любовной грамоткѣ Ѳедора Цѣя. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что значительная доля въ объясненіи этого случая должна быть отнесена на счетъ особенныхъ бытовыхъ условій Нѣмецкой Слободы; въ этомъ краю Москвы уже издавна началось своеобразное сочетаніе Русскихъ и чужеземныхъ обычаевъ, и отсюда по преимуществу идутъ тѣ иностранныя вліянія, которыя проникаютъ въ Русскую жизнь и образованность въ XVII вѣкѣ. Ѳедоръ Цѣй былъ такой же обрусѣлый иноземецъ, какъ Вилимъ Монсъ; очевидно, и тому, и другому не чужды были литературные интересы свѣтскаго характера, и подъ этимъ настроеніемъ оба они пытались облечь въ литературную форму проявленія своего любовнаго чувства. Немного позже тѣмъ же намѣреніемъ увлекся и неизвѣстный авторъ «Гисторіи о матросѣ Василіи», который первый изъ Русскихъ сочинителей рѣшился написать повѣсть исключительно на тему нѣжной страсти.

Л. Майковъ.

ЛЮБОВНЫЯ ЗАПИСОЧКИ ВЫСОКОЙ ОСОБЫ XVIII ВѢКА.

I.

Къ графу З. Г. Чернышову *).

№ 1.

J'ai l'inquiétude sur votre sortie; immédiatement après que vous fûtes passé j'ai entendu ouvrir et fermer deux fois les portes, car ce n'étoient point les gardes qui se relevoient. On disoit à ceux qui étoient en faction: *éteignez la chandelle.* N'avez-vous point rencontré l'homme en bonnet? Nous n'irons point à l'opéra; j'enverrai chercher des bégueules et je m'ennuyerai avec elles. On ne peut pas toujours être avec ceux qu'on aime. Les connoissez-vous? Je vous aime bien, bien, bien.

№ 2.

Que d'attention, que de marques d'amitié dans votre billet! Vous voulez que je vous dise que je vous aime un peu. Ce seroit mentir, si je le faisois, car je vous aime beaucoup trop. Il n'y a discours, ni propos qui tiennent contre votre seule idée. Je me suis cent fois dit avant elle tout ce que ma faible raison me dictoit; ainsi ne soyez point inquiet: rien au monde ne peut me changer, soyez en persuadé. Mais n'usez point d'hyperbole. N'est-ce pas plutôt votre esprit que votre coeur qui m'écrit? Mais non, j'aime à croire que tant de sensibilité ne sauroit s'exprimer sans qu'on la sente. Usons modérément de la liberté d'écrire afin de ne pas rebuter votre amie. Je suis très-fâchée de ne pouvoir vous parler, mais faisons-nous un jargon. Tout ce qui se dira de bon à la comédie, nous le prendrons comme si nous le nous disions. Par ce moyen nous nous entendrons. Malgré tous les importuns,

*) Найдены были задѣланными въ стѣну колокольни, въ одномъ селѣ Задонскаго уѣзда, Воронежской губ., которое нѣкогда принадлежало графамъ Чернышовымъ. Нашедшій представилъ подлинники графу А. Х. Бенкендорфу; печатаются со списковъ. П. Б.

je vous demande pardon de n'avoir pas brûlé votre billet hier; mais ce matin il m'a tenu compagnie pendant deux heures, je l'ai lu et relu plus de cent fois: il étoit si bien caché que si même c'auroit été de jour, personne ne s'en seroit aperçu. Je ne sais, cher comte, si vous savez les transports de joye que votre arrivée m'a causés, je n'en étois presque pas la maîtresse: je ne voyois ni n'entendois que vous pendant toute la journée, quoique ce soit là mon occupation ordinaire. Elle étoit alors la seule. Adieu, милые наши; en attendant un bon moment, porte-toi bien et sois persuadé que je. .

№ 3.

La nombreuse compagnie
Augmente votre manie.
Vous ne valez rien,
Quoique vous pensiez bien.
De plus, il n'est pas honnête
De refuser comme une bête
Les baisers de deux dames.
Non pas du fond de l'âme,
Tout poète est menteur.
L'injure est une faveur,
Quand elle fait la rime;
Mauvais vers elle anime.

№ 4.

Pouvez-vous croire que je veuille me défaire de vous et que vous m'êtes à charge? Que vous êtes injuste de le penser et que je veux de mal à ce vilain mot qui s'est mis, je ne sais comment, dans mon billet! Mais si vous aviez lu ce qui suivoit avec attention, vous auriez vu que l'amour le plus tendre l'avoit dicté, non pas le mot, mais la suite. Je vous diroi plus, et vous verrez ma sincérité. Avant votre arrivée je craignois certaine personne, mais actuellement je ne crains plus rien; je juge de vous par moi. Tout l'univers ne me feroit pas changer, je ne voudrois pas de paradis sans vous; mais aussi où trouver un coeur aussi sensible et aussi aimable que le vôtre? Rassurez-vous donc, si vous ne voulez me rendre plus malade que je ne le suis, d'un mal de côté, qui sans votre séjour ici me retiendroit au lit, mais je me fais effort pour vous voir. Ainsi je ne sens que le plaisir que doit me causer une personne si chère. Pourquoi me dites-vous: avec qui vous avez été assis et ce que avez vous fait? A tort vous me croyez si jalouse; je sais qu'on peut être fidèle au milieu du grand monde même. Ainsi goûtez toujours une compagnie plus conforme à votre âge, ma vanité sera

flattée d'être préférée à tout ce qu'il y a de plus aimable. Je renchérirois peut-être sur vos sentiments, si la honte ne me retenoit: tant vous m'êtes cher!

№ 5.

Quoique notre amie me répète souvent que ce n'est pas le moyen d'être aimée que de montrer trop de tendresse, il m'est impossible de ne pas vous témoigner mon inquiétude: il y a quatre jours que je n'ai de vos nouvelles. Je sais que c'est moi-même qui vous ai prié de m'écrire si rarement, mais on m'a dit que vous étiez jaloux, que vous étiez fâché. Jugez dans quel état tout cela me met! Est-il possible que mes yeux, qui ne cherchoient que les vôtres, aient pu vous offenser, Apparemment qu'ils n'avaient pas achevé leur course ou qu'ils se préparaient à vous regarder. Croyez, cher ami, qu'ils n'ont jamais été criminels que pour vous. Voyez jusqu'à quel point vous m'êtes cher: j'aime jusqu'à votre jalousie même. Est-il vrai que votre amitié diminue à mesure que le mienne augmente? Soyez sincère. Quel jour pour moi que le jour de demain! Le trouverai-je tel que je le souhaite? Non, jamais l'on ne t'aima comme je t'aime. Inquiète je prends un livre; je veux lire, à chaque ligne vous venez m'interrompre. Je jette le livre, je me mets sur le canapé, je pense dormir, mais pendant deux heures que j'y suis, je n'ai pas fermé les yeux; enfin, je ne suis tranquille un peu que depuis que je vous écris. J'ai envie de dénouer le bras pour me saigner de nouveau; peut-être que cela me divertira. Tout ce galimatias ne vous ennuye-t-il pas? J'ai honte de tout ce que je vous écris; oubliez ce que vous avez lu, si cela ne vous plaît pas.

№ 6.

Comme je crois vous avoir vu aujourd'hui pour la dernière fois et que je ne saurois vous parler, je vous écris ceci pour vous prier au nom de l'amitié la plus vive de conserver votre santé. Croyez que la mienne en dépend. La moindre chose qui vous touche, soit directement, soit indirectemeut, me cause des excès de joye ou de tristesse. Mes plaisirs, mes peines, mes actions et mes pensées se rapportent depuis certain temps à un seul objet. Osez me soupçonner encore de vous trahir après un tel aveu. Dites-moi qu'est-ce? Est-ce jalousie, est-ce méfiance? Soyez sincère, je vous en prie; tout vous est pardonné, mais sachez que jamais pareille chose ne sortira de ma bouche. Dites qui croyez-vous assez bien avec moi pour lui faire une si étrange confidence? Si quelque chose nous trahit, ce pourroit bien être quelque re-

gard indiscret. *Ne croyez pas que j'ignore la grandeur de la sottise que je fais, je la sais, et la sens, cher ami. Il ne tiendra qu'à vous que je m'en repente.* Vous voyez combien j'ajoute foi à la mauvaise impression qu'on tâche à me donner de vous.

№ 7.

J'ai passé aujourd'hui tout l'après-midie avec votre frère et votre belle-soeur, j'étois gaie et contente; pourquoi? C'est qu'ils vous appartiennent. Jugez de mon amitié pour vous et combien je suis criminelle de vous dire tout ce que je vous dis. Punissez-moi, changez, mais soyez persuadé que toute ma vie seul vous m'occuperez. Je vous aimerai et ne vivrai que pour vous.

№ 8.

Quand votre excellence voudra m'honorer d'une visite, vous aurez la bonté de m'avertir de l'heure pour qu'en conséquence je m'arrange. Onze heures un quart est le temps le plus favorable. Je vous attendrai avec un peu plus d'empressement que certaines bégueules; mais comme je les avois mises l'une vis-à-vis de l'autre, elles en étoient moins importunes. Adieu.

№ 9.

J'aurais voulu être présente aux larmes que vous versâtes lors de la lecture de mon billet. Ne croyez pas que je les aurois séchées; au contraire, j'aurais fait tout mon possible pour vous en faire verser encore davantage. Voyez combien je vous hais (vous entendrez, s'il vous plaît, l'opposé). Vous lisez mes billets avec esprit apparémment, car d'ailleurs vous les trouveriez insipides. Ce n'est pas au moins la raison qui les dicte, il y a du temps qu'elle a dessous. L'on peut dire que les beaux esprits se rencontraient par les billets échangés à la comédie.

№ 10.

Le gr.-d. n'ira point à la comédie, il y a toute apparence qu'il se couchera avant qu'elle soit finie: Voilà qui dérange les prétextes et par conséquent la chose. J'ai l'honneur de vous donner le bonjour en assurant de mes respects etc., etc. Je souhaite que la belle humeur de perroquet ne souffre point de cet échec. Le porteur de ceci est un très-innocent nigaud, il est silencieux de nature et muet par goût; le

bon Dieu ne dispense pas ses dons les plus attrayants à tout le monde, c'est à dire le babil agréable.

№ 11.

Si vous n'êtes pas trop fatigué d'hier et que vous pouvez sortir de chez monsgr avant le minuit ou du moins entre onze et minuit, prenez dans votre carosse un manteau et venez par le petit escalier chez moi; j'auroi soin que la porte soit ouverte. Si vous ne pouvez venir, je ne m'en fâcherai pas. Je propose ceci, parce que d'ailleurs de huit jours nous ne nous parlerons en liberté; mais évitez les yeux et les soupçons de s. a.

№ 12.

Mais me croyez-vous donc de fer pour me proposer une entrevue aujourd'hui? Je n'ai dormi de quatre nuits, et encore la belle raison que vous y trouvez, parce que monsgr me boude. Il veut me voir. Je ne vous attendois pas hier de ce côté-là; voilà pourquoi la porte étoit fermée à l'heure indue. A onze heures ce soir vous pourrez entrer, mais évitez Golovkine et les domestiques. Je suis en droit aujourd'hui, malgré vos douceurs, de ne vous donner pas une bonne parole, car je hais les boudeurs. Les absents ne boudent jamais, vous feriez bien de les imiter; mais vous n'avez que trois idées. Ah, je le vous promets, que vous serez bien grondé. *Vous êtes nigaud, vous ignorez que je vous aime.*

№ 13.

Je n'irai point à la messe, ni le gr.-d. non plus; cela fera qu'il n'y aura pas de cour, je crois. Si vous êtes dans la même résolution qu'hier de venir chez moi, il faut que ce soit tandis que m. dormira l'après-dîner ou durant son souper, un peu après neuf heures. C'était une bien bonne journée que celle d'hier, puisque nous avons passé douze heures ensemble. Je me souviens d'une où nous fûmes sept heures en conversation. Laquelle préféreriez-vous? Je suis, moi, pour celle où vous n'êtes qu'à moi et où l'on ne nous distrait point. Cependant, quoiqu'on fasse, *vous trouvez les moyens de me faire sentir que vous méritez le parfait retour. Les marques d'amour que vous me donnez* me sont trop chères pour que je ne vous en entretienne pas. Adieu, душа моя. Délivrez le manteau au porteur; si vous voulez venir; vous entendrez de ma bouche combien je vous aime.

№ 14.

Vous et votre billet d'hier sont de très-aimables gens. Dès qu'on me le rendit, je courus du bal dans ma chambre pour le lire. Pour mes péchés, la soeur de notre messagére voulut être de la partie; j'allai m'enfouir entre mes écrans et je fis ma lecture; je puis dire que j'en fus réellement touchée. Vous m'aimez bien, votre lettre est si pleine de passion, de sentiment, d'enthousiasme même, votre coeur si tendre qu'en vérité je serois bien ingrate, si je n'y répondois pas. Le papier est gênant, et assurément il faut que je vous voye pour vous dire combien je vous aime. Tout contribuoit hier à me faire sentir cela. Monsgr n'est pas lêvé encore; je ne sais, s'il ira à l'opéra, toujours je n'y irai pas moi; reste à savoir s'il sera revenu à onze heures. Si vous allez au spectacle, il vous amènera chez lui; si vous n'y allez pas, toute la ville supposera que nous sommes ensemble. La soeur de l'amie m'a priée de l'emmener de l'opéra chez moi, elle me devient importune, et sa soeur aussi; elle ne vous aime ni les vôtres, nous n'avions pas besoin de tels gens, ils nous déplaisent. J'ai pensé si entre 5 et 6 heures vous passiez mes fenêtres, peut-être pourriez-vous entrer et rester la soirée chez moi au risque d'avoir en tiers la demoiselle notable. Nous ferions apporter le manteau cacheté de votre carrosse. Le réveil de monsgr nous décidera, j'écris en attendant. Vous me direz: vous auriez pu remettre cette occupation jusqu'à ce que vos irrésolutions fussent finies; mais le moyen de se patienter quand on écrit à ce qu'on aime? Je suis distraite pour tout autre ouvrage. Faites amas de babil pour ce soir, vous ne pouvez briller que de ce côté-là vis-à-vis de moi. Je lirai avec vous les replis de votre coeur et je vois bien que tout ce qui le remplit est intéressant pour moi au suprême degré. Apportez mon billet d'hier; il faut que j'en fasse lecture avec-vous, j'en sauroi mieux ce qui vous plaît. Dans quelle intention croyez vous? Dans celle de m'appliquer à le faire. A midi. Enfin voilà le gr.-d. réveillé, il n'ira nulle part, ni s'habillera aujourd'hui; il dépendra de vous de venir vers les 6 heures ou bien vers onze. Adieu.

№ 15.

Vous m'avez prié de nous écrire, mais vous avez oublié de me dire quel jour. Au risque d'avoir mal entendu vos ordres, je vous envoye ceci aujourd'hui. J'étois hier triste, rêveuse, je n'ai pas proféré trois paroles; toute la journée j'étois intriguée d'en connoître la cause, je la trouvai bien vite: je n'avois pas l'espérance de vous voir, de vous parler. Je hais maudites comédies, mes regards y sont gènés, je jure

que je vous aime; la soirée d'avant-hier m'a beaucoup amusée, nous l'aurions passée moins bonne si j'avois été de la fête. Nous allons à l'opéra ce soir, je conseille d'aller chez le gr.-d., s'il vous en fait signe; aussi bien vos trop fréquentes visites pourroient être remarquées, et puis la cérémonie du manteau pourroit donner du soupçon au petit homme. Il me semble déjà que toute la compagnie d'avant-hier est de la confidence, par l'empressement de courir chez moi du perroquet et par l'envoy des vers qu'il a faits à table. Je vous remets à lundi pour nous voir, car dimanche je crois que j'aurai la c-se Bruce; je crains que la maréchalee ncore ne sorte ce jour; ainsi, si vous ne changez rien, ce sera mardi. Je vois d'ici que vous grondez, mais apprenez-moi, si vous le savez, à faire mieux; je crois même que je seroi bien aise que vous me fassiez changer de sentiment et que je vous voye plus-tôt. Adieu, mon cher perroquet; jasez toujours, quoique vous jasiez fort peu avec moi: cela dégourdira votre mauvaise humeur, si en tout cas vous en prenez.

№ 16.

Je suis bien aise que vous ayez oublié votre tabatière chez moi; cela me fournit l'occasion de vous faire ce billet pour vous dire que je vous aime très-tendrement, que je ne souhaite que votre contentement, que je m'y prêterai assurément, mais qu'il me faut un peu de temps pour sauver du moins les apparances, et pour amener d'autant plus aisément votre retour. *Remettez-vous en moi, je ne ferai que ce qui nous sera utile et nécessaire. Vous me marquez tant de passion qu' en vérité je serois bien ingrate, si je n'y répondois et si je ne vous en donnois des preuves; je vous prie, ne me tourmentez seulement pas, je feroi plus de chemin si vous me livrerez à moi-même qu'en voulant rompre d'emblée ma tête de fer inpliable.* Je vous l'avoue à toute autre volonté qu'à la mienne, mais aussi en revanche livrée à elle-même. Cette volonté devient cire quand il s'agit de plaire à celui que j'aime. Or, dites-moi, est-ce que je ne vous aime pas et pouvez-vous douter? Consultez votre coeur, qu'en pense-t-il? Je n' irai point à la comédie. Adieu, милые наши. Le gr.-d. ne veut plus aller au spectacle.

№ 17.

J'ai quasi fait serment que personne que moi ne verroit ce livre; à celui de qui je le tiens je ne crois pas déroger beaucoup à ma promesse en vous l'envoyant. Comprenez-vous? Ou faudra-t-il vous expliquer la galanterie de ce bon mot, tout nigaud que vous êtes. Vous avez

entre vos trois idées celle de pénétrer ce mystère mystique dont vous et moi possédons la clef fondée sur les paroles de l'Évangile. Certain boudoir bleu en vit éclore la proposition, certaine cellule en fut le théâtre, certain frottement de nez en désigne l'événement que, *Dieu merci, aujourd'hui 25 d'Avril s'est déclaré ne pas promettre de suites à craindre ni d'*inquiétude future. Oh! que je vous plains de l'extrême compréhension qu'il vous faudra pour démêler le contenu de ce billet enchanté dont chaque mot est un fil qui conduit à une histoire entière fertile en événements intéressants dans ses causes. Ce billet prend la forme d'un manifeste: pourtant ne puis-je m'empêcher de vous demander d'où vient que vous avez paru de mauvaise humeur ce matin à celle qui vous enverra ceci. J'ajouterais bien encore ce que vous ignorez à titre de nigaud, mais il faut laisser reposer un peu votre perspicacité. Adieu, jusqu'à tantôt; ne retenez pas longtemps le livre et ne boudez pas.

№ 18.

Me seroit-il permis de demander à votre excellence la cause de sa bouderie d'hier et d'où vient qu'après m'avoir fait demander en grâce de vous permettre de venir, je vous ai attendu inutilement jusqu'à 3 h. et demie; enfin accablée de sommeil et de lassitude, je me suis levée pour savoir si l'on n'étoit pas retiré, et j'ai trouvé qu'il n'y avoit que moi dans la maison qui veillois. Je ne crois pas qu'après ces deux traits singuliers vous prétendiez une lettre fort tendre de ma part; cependant comme je suis bonne, je ne veux pas vous condamner avant que vous avoir entendu. Je fais plus, je suppose que quelque valetaille vous aura empêché de poursuivre votre route par la chambre à côté du billard, et en conséquence, après une confession exacte et vraie, je suis résolue de vous donner l'absoute sur ce point. Le premier est plus grave et demande dissension, mais ne vous inquiétez pas, vous avez une espèce d'avocat qui plaide pour vous: c'est mon coeur. On diroit à l'entendre raisonner qu'il vous aime, quoique ordinairement les boudeurs ne le méritent guère et pour vous le prouver, la première fois que je vous verrai, vous en connoîtrez l'effet. Répondez-moi en termes clairs et nets, pourquoi je juge bien bon, et son *coeur tendre* hier n'étoit rien moins que cela. J'aurais envie de l'imiter; mais je ne trouve ce rôle ni plaisant, ni agréable. Je finis ce bavardage de peur d'augmenter l'ennui que je vous inspirois hier. Vous ne sauriez vous imaginer à quel point la demoiselle messagère étoit empressée pour vous. Adieu, vous n'êtes qu'un ingrat.

J'ai relu cette lettre, j'ai envie de la supprimer; il me semble qu' un langage lus doux nous seroit plus naturel; mais comment dirai-je que j'aime la bouderie? Passe pour le boudeur.

№ 19.

Je sais bien que cette lettre vous trouvera aux champs, mais j'espère et je suppose que ce ne sera pas aux Champs Élisées, chose dont l'idée me révolte, quoiqu'elle me trotte horriblement par la tête. Vous voyez sans que je vous le dise d'où vient cette appréhension; mais comme les amants sont des nigauds et qu'ils ne veulent pas des paroles couvertes, mais qu'on leur épelle toute chose syllabe par syllabe, je vous donnerai l'équivalent de cela en vous faisant la description de ce qui s'est passé en moi depuis les huit jours que vous voilà parti. Le premier, c'étoit encore comme si je vous attendois, tant vous m'aviez accoutumée à vous voir; le second, je rêvois et j'évitois compagnie; le troisième, je m'ennuyois à périr; le quatrième, l'appétit et le sommeil m'abandonnèrent, tout me devenoit insupportable, plus de parure etc.; le cinquième les larmes se firent place, et j'en fus un peu soulagée, car j'avois eu le coeur fort serré tous les jours précédents. On me dit amaigrie et d'une humeur noire. Faudra-t-il vous nommer encore les choses par le nom? Eh bien, je vous aime. J'ai fait demander à votre frère de vos nouvelles. Je croyois que vous m'écriviez de la route, mais comme vous n'avez pas eu cette bonté, je laisse ceci en ville pour me satisfaire moi, car je m'ennuye de ne pas entretenir. Adieu, mon cher comte, souvenez-vous de moi et dites-le moi, quand vous pourrez.

№ 20.

Je suis fâchée seulement de ce que vous n'avez pas fermé l'oeil; d'ailleurs, je n'ai eu aucune inquiétude; la cour finit à minuit un quart, je vous attendois après que j'eus dêlivré la dem (oiselle) à m. Lorsque la demi-heure fut passée, je devinois d'abord que vous ne viendrez pas, je laissois les portes ouvertes par précaution et je me couchois. Je me suis réveillée avant 6 heures, j'allois vous écrire et vous badiner lorsqu'on m'a apporté votre billet. Je ne saurois plus à présent trouver le mot pour rire, puisque je crains que l'insomnie ne nuise à votre santé; d' ailleurs, je vous aurois dit qu'en bon sujet et connaissant parfaitement vos devoirs, vous ne pouviez qu'être très-consolé et même enchanté d' être privé de ma vue, puisque vous jouissiez du bonheur des anges *qui sont en présence du Seigneur*, et puis vous prétendez que je vous plaigne. Venir à 9-h. par la grande entrée, tandis que m. seroit à l'opéra, seroit

chose très-indécente; je n'irai pas déjà à cet opéra ni à la promenade à cause que je n'ai point été hier à la cour, et la demoiselle ne me quittera qu'au retour de m. Vous voulez que je vous dise que je vous aime; je puis le faire avec autant de plaisir que de vérité. Écoutez, vous ferez bien de m'envoyer votre manteau et de venir vers dix heures par le grand escalier, c'est le mieux; venez plutôt de meilleure heure que plus tard; la demoiselle y sera, et ce n'en est encore que mieux. Adieu, dormez bien et reposez-vos, et aimez-moi.

№ 21.

На копіи рукою графа Г. И. Чернышова: „Donné au prince P. Wiazemsky". Эта записка относится уже къ позднѣйшему времени и писана около 1759 года.

J'ai reçu hier, mon cher comte, votre № 7 datée de Koenigsberg; j'y ai reconnu cet esprit amusant et aimable et ce coeur tendre qui vous caractérisent. Je ne me souviens pas d'avoir connu cette c-esse Dohna, mais je me remets parfaitement feu son mari. Si elle ne m'a pas nommée, c'est sûrement de ma mère et non de moi qu'elle vous aura parlé, et votre esprit occupé de la fille vous aura fait prendre le change. Quoiqu'il en soit, toute cette conversation, dont vous me rendez compte, me prouve ce dont votre lettre est remplie, c'est-à-dire que je n'ai pas jusqu'ici de rivales; je vous avoue que j'en ai une vraie satisfaction. Ces trente femmes aimables que je trouvois au commencement de votre lettre me faisoit trembler, mais je revins bien vite de ce mouvement involontaire. Le récit que vous me faites de ces deux jours où vous fûtes si fêté, est si naïf et si vrai que j'aurais tort de vous supposer ingrat. Souvenez de ce terme comment vous l'employez; j'aime à me rappeler ce temps, et sans mentir il m'occupe beaucoup. Mais quand reviendrez-vous? Il me semble qu'il y a six mois que vous êtes absent. Jamais ennui ne fut pareil à celui que je souffre cet été; le temps y contribue aussi, car moi, la plus grande promeneuse de votre patrie, je ne puis quasi sortir de ma chambre à cause des pluies, des vents etc. Notez qu'il y a trois semaines aujourd'hui que je suis de la campagne. Je suis bien fâchée pour les parents de cet officier marqué sur des tablettes qu'il ait déserté; c'étoit vaurien. Flattez-vous bien fortement que je ne vous oublierai, je ne vous donnerai pas de démenti. Continuez-moi votre attachement et soyez assuré que vous êtes le bien-aimé. La nièce postiche vous écrit le billet ci-joint qu'elle a commencé et que j'ai fini. Vous jugez bien qu'elle ne voit pas vos missives, ni les miennes. Mon Dieu, je tremble quand je pense à tous les dangers qui vous entourent;

n'allez pas vous laisser prendre une seconde fois, et que le bon Dieu vous préserve de tout malheur.

№ 22.

Vous êtes un très-joli garçon, en premier lieu de m'aimer, secondement de ce que vous m'écrivez aussi exactement; je ne sais pas bien pourquoi vous n'aviez au départ de votre № 3 du 3 Mai de Thorn pas encore de mes lettres. J'ai répondu aux vôtres dès que je les ai reçues et je vous en écris une avant d'en avoir eue de votre part. Je vous souhaite à vous, à vos 7 régiments d'infanterie, 3 de cavalerie, 1 de hussards et 1500 cosaques beaucoup de bonheur, de vie et de prospérité. Vous voilà très-respectable! Je vous respecte d'ici de ce que vous avez si bonne amitié avec mon très-vénerable Brown; je sais que, de votre côté, c'est autant parce que vous savez que je l'aime et qu'il ne me veut pas du mal, que par estime pour ses talents. Vous voulez bien que je vous dise que je sens comme je dois la part que j'y ai et que je vous en fais mes remercìments. Vous êtes en vérité très-aimable en dépit des envieux; savez-vous bien que j'ai conçu une vraie antipathie contre ceux que je connois être les vôtres: ils en ont bien menti. Vous avez bien du mérite et différents mérites. Je crains que vos éclats de rire ne vous prennent en lisant cet allemand et qu'ils n'aillent déranger quelque ordre de bataille. Reprennez votre sang-froid qu'on loue tant, mais n'allez pas l'emporter à Pétersb. au retour de la campagne; car, d'ailleurs, je pourrois bien m'en offusquer. Toutefois je crois pouvoir me reposer sur la trempe de ce coeur naturellement si tendre, si rempli d'agréments. Votre éloignement m'ennuye horriblement, et cela à la lettre; revenez au plustôt et revenez en santé. Soyez assuré que vous n'êtes rien moins qu'oublié et si vous en doutez, venez y voir, et je vous dirai que je ne vous hais pas le moins du monde, mais qu'au contraire je vous aime très constamment. Otez cela de votre tête que les assurances d'amitié que vous me donnez et les répétitions que vous m'en faites, puissent m'ennuyer; je vous assure que je ne demande pas mieux. Quand reviendrez vous? Il n'est pas bien amusant de savoir qu'il y a encore au moins jusqu'au mois d'Octobre pour vous revoir et puis les vilaines perspectives de boucherie. Oh! que je hais ce carnage du genre humain; je tremble à chaque poste, et Dieu sait ce qu'il en sera à l'arrivée de courriers. Pensez un peu à moi et n'oubliez pas l'amie de князь Василий Михайловичъ. Souvenez-vous de la plaisante jalousie que vous en aviez conçue, puisque il n'y a pas, je le crois, rien que vous ayez sujet d'en avoir de quoi que ce soit.

№ 23.

Рукою графа Г. И. Чернышова отмѣчено:
„Donné à m-r Miatleff.“

J'aime et j'aimerai toute ma vie le c. Pon. La reconnaissance, l'estime, la passion m'attache à lui à jamais; je ne sens diminuer aucun de ces sentiments. Le moindre espoir de le revoir me fera renoncer aisément à tout amusement qui pourroit lui déplaire. Je suis trop sincère pour tromper, je suis persuadée que vous estimerez cette vertu poussée jusqu'à l'héroïsme. Voici ce que je pense à votre sujet ou du moins ce que je démêle. Vous m'avez marqué de l'attachement et une conduite généreuse lorsque je vous ai manqué; j'en conserve un reconnaissant souvenir. Vous m'avez témoignée de la tendresse, j'en ai eu autrefois pour vous. Vous m'avez trouvée il y a trois jours inquiète et agitée, craint que vous n'eussiez du chagrin de l'amitié que vous me faites voir; vous avez pris cela pour un mouvement plus fort, vous êtes entré sur ces entrefaites, vous avez un moment faible (car quel est l'humain qui n'en a pas), vous avez pris pour de l'amour ce qui n'était qu'un effet de l'amitié. J'ai avec cela un grand penchant de confiance pour vous, et voilà ce que j'ai nommé l'intimité: ne vous y trompez donc pas. Il est difficile d'ensemencer une terre dont les sillons sont de dix ans, quoiqu'on en voit quelques traces légères.

Je ne sais si cette lettre vous plaira, mais au moins vous devez m'estimer; car par cette action je commence à me réestimer moi-même, chose que je n'avais pas fait depuis trois jours. J'espère que vous règlerez là-dessus votre conduite, si vous venez ce soir.

Письмо графа З. Г. Чернышова.

Remettant tout ce que j'avais de précieux dans ce monde au porteur de celle-ci pour avoir l'honneur de vous le présenter, permettez-moi, madame, que je prenne la liberté de mettre lui-même sous votre protection: c'est la dernière faveur de ces bontés que vous m'avez témoigné, pour laquelle je vous supplie. Il est un de ceux qui m'a aimé tendrement, qui partage le plus mes peines, qui sera inconsolable de la perte qu'il fera en moi, et de plus il se fera une étude de s'en rendre digne tant par devoir, par capacité que par reconnaissance.

C'est bien avant que je ne serai plus entre ceux qui admireront vos grandes qualités que j'écris cette lettre, que la penseé m'a coûté beaucoup que je serai privé de la possession de ce gage du bonheur que j'avais dans ce monde et du titre trop flatteur pour moi d'avoir pu

porter le nom d'ami. De qui? De vous qui méritez tant au monde, et si quelque chose m'a pu encore alors en consoler, c'est de pouvoir profiter de cette occasion d'oser vous assurer, madame, que pendant le cours de ma vie et jusqu'à l'heure que j'en sortirai, jamais vous n'avez eu d'ami ni de plus fidèle, ni de plus zélé, ni qui vous ait aimé si tendrement, ni avec autant de sincérité que moi. Dieu, devant le jugement duquel je vais paraître, m'est témoin de la vérité de mes sentiments; mais pourquoi vous ennuyer de cela! Je sais par bonté de votre coeur que vous serez touché d'apprendre que j'aie finie ma carrière, et sans cela vous avez connue ma façon de penser: vous lui avez daigné rendre justice.

Adieu donc, mon adorable princesse, que le Tout-Puissant bénisse vos jours pour le bien de tant de gens, pour la satisfaction particulière de ceux qui seront les plus apportés à admirer en vous ce que le vulgaire ne peut comprendre et qu'Il répande sur vous les contentements que vous méritez.

II.

КЪ ИВАНУ НИКОЛАЕВИЧУ КОРСАКОВУ.

Съ собственноручныхъ подлинниковъ, писанныхъ на клочкахъ бумаги.

1.

Лучшая моя забава сегодня и милѣйшая есть лоскуточикъ бѣлый отрѣзанной...

Чаю, сіи строки едва дойдутъ ли куда...

2.

Не будешь каяться, давъ довѣренность моимъ рѣчамъ, и охотно принимаю твои увѣренія о искренней твоей привязанности ко мнѣ.

3.

Описать вамъ скуку здѣшнюю не хочу, чтобъ вамъ не причинить скуку же; вездѣ ищу, нигдѣ не нахожу того что̀ изъ мысли ни единую минуту не выходитъ, чего, чувствую, описать никакъ перомъ невозможно. Дай знать, здоровъ ли.

4.

Не отъ тебя, милушки, но отъ дурной погоды голова болитъ. Иду одѣваться. Богъ съ тобой. Будь здоровъ и веселъ, и мы скорѣе выздоровѣемъ.

5.

Сіе пишу единственно, чтобъ освѣдомиться о здоровьѣ вашемъ; мы же вчерашній день весь протосковали, и ввечеру часу въ десятомъ самъ-третій ѣздила по Петербургской дорогѣ: авось либо кто встрѣтится. Ни единая минута изъ мысли не выходишь. Когда-то васъ увидимъ?

6.

Попу на рясы, попадьѣ на платье дано будетъ. Испрашиваю себѣ за то при первомъ свиданіи взгляду благопріязненнаго; теперь же иду молиться о вашемъ здоровьѣ въ антресоль.

7.

1779 года Сент. 6-го, въ три часа за полдень.

Сейчасъ получила твое письмо изъ Гачина; я здорова къ утѣшенію вашихъ безпокойствъ и симъ перомъ, водимымъ моей рукою, сіе пишу во свидѣтельство, что въ совершенномъ умѣ памятую пріятные часы, кои проводили съ вами. Что ты здоровъ и веселъ, не скачешь и не падаешь, тому радуюсь; что же любишь, за то спасибо и равный платежъ. Сего утра съ в. к. въ одной каретѣ ѣздила гулять по городу. Князю и княгинѣ Гачинскимъ [1]) мой поклонъ прошу сказать; а какъ домой пріѣдешь, ожидаю отъ тебя разсказы на сутки по крайней мѣрѣ. Чуръ не прибавить слова по охотничему!

8.

Нетерпѣливость велика видѣть лучшее для мнѣ Божеское сотвореніе; по немъ грущу болѣе сутки уже; на встрѣчу выѣзжала. Буде скоро не возвратишься, сбѣгу отселѣ и понесусь искать по всему городу.

9.

Прошу тебя не брать на сердце вещь, которая, буде на часъ не сдѣлается, никакъ однако миновать тебя не можетъ ко времени и кстати, кой часъ ея желаешь. Еще прошу вѣрить, что ни единый человѣкъ изъ устъ моихъ не вѣдаетъ и вѣдать не будетъ о чемъ не хочешь, чтобъ знали; думаю, чтобъ и безпокойства твои миновались, буде бы тебѣ можно было видѣть сердце и душу мою и чистосердечную привязанность, съ которой не на часъ къ тебѣ расположена.

10.

Во всю ночь голова болѣла; теперь все сплю; кажется, получше; съ постели не встаю для того, что потѣю. Прощай, Богъ съ тобою. Погода не самая лучшая: не простудись.

---

[1]) Орловымъ, жившимъ тогда въ принадлежавшей имъ Гатчинѣ. П. Б.

РАЗСКАЗЪ СМОЛЕНСКАГО ДЬЯКОНА О НАШЕСТВІИ 1812 ГОДА.

Изъ воспоминаній К. Н. Леонтьева.

Въ Смоленской губерніи, недалеко отъ Вязьмы, есть село Спасское-Телепнево. Оно принадлежало, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими прекрасными господскими имѣніями, подъ рядъ расположенными почти до самой Вязьмы, дядѣ моему генералъ-майору Владиміру Петровичу Коробанову. Послѣ смерти его все это богатство наслѣдовалъ сынъ его отъ первой жены (урожденной Тургеневой) Ѳедоръ Владиміровичъ. Этотъ ничтожный, ни на что неспособный молодой человѣкъ въ короткое время запуталъ, прожилъ, промоталъ безслѣдно все наслѣдство свое и кончилъ жизнь *въ лечебницѣ больныхъ*, гдѣ его, кажется, изъ милости содержали какіе-то родные, и доведенъ онъ былъ до того, что ему дарили добрые люди по двугривенному на папиросы.

Теперь, какъ я слышалъ, красивое, живописное Спасское принадлежитъ одному изъ тѣхъ проходимцевъ, которые векселями взятыми во время и т. п. «легальными» пріемами умѣютъ такъ хорошо пользоваться пустотой и безсмысленной необузданностью молодыхъ Русскихъ дворянъ, подобныхъ покойному двоюродному брату моему. Но въ то время, о которомъ я хочу вспомнить, Спасское еще было въ порядкѣ. Это было въ 1851 или 1852 году. Я былъ тогда студентомъ-медикомъ.

Есть на Пречистенкѣ очень большой, длинный, трехэтажный домъ, противъ церкви Троицы въ Зубовѣ. Онъ принадлежалъ тогда богатой, пожилой и почтенной женщинѣ Натальѣ Васильевнѣ Охотниковой; молодая дочь Натальи Васильевны, Анна Павловна, была второй женой дядѣ моему Владиміру Петровичу Коробанову, мачихой промотавшему все Ѳедору Владиміровичу. Мужъ, умирая (еще въ началѣ 40-хъ годовъ), завѣщалъ Спасское въ пожизненное пользованіе молодой вдовѣ своей.

При Аннѣ Павловнѣ въ Спасскомъ было хорошо, и все сохранялось въ такомъ-же видѣ какъ было при дядѣ.

Усадьба Спасскаго-Телепнева была очень своеобразна. Домъ, садъ и всѣ службы были расположены на плоской и ровной горѣ; подъ горой по большому оврагу протекаетъ рѣчка; а по ту сторону, на болѣе низкомъ берегу, прямо противъ дома, улица крестьянскихъ избъ.

Домъ (позднѣе сгорѣвшій дотла у Ѳедора Владимировича въ распоряженіи) былъ въ родѣ городскаго, кирпичный, бѣлый, штукатурный, съ просторнымъ мезониномъ. Этотъ городской стиль наружной архитектуры былъ мнѣ не совсѣмъ по вкусу; но внутри домъ былъ хорошъ: помѣстительный, звонкій, лѣтомъ прохладный, съ паркетными полами; потолки были очень ярко и за ново раскрашены; изображенные на нихъ гирлянды, фрукты, пестрые букеты, синія съ золотомъ вазы, или длинные кувшинники и райскія птицы доставляли мнѣ множество наслажденій не только въ дѣтствѣ моемъ, но и тогда уже, когда я, подъ руководствомъ Севрука и Соколова, занимался трупоразъятіями въ Московскомъ анатомическомъ театрѣ и въ тоже время въ «часы досуга» съ ужасной острой болью юношескаго разочарованія чуть не плакалъ надъ «Тройкой» Некрасова и надъ стихами Огарева.

Въ Спасскомъ было много поэзіи; въ домѣ было столько простора и достатка, пестроты и безмолвія; окрестности зелены, живописны и лѣсисты; садъ — задумчивъ и даже мраченъ. Этотъ садъ или вѣрнѣе паркъ, съ прямыми туда и сюда аллеями, былъ весь *еловый*, что̀ дѣлало эту усадьбу особенно оригинальной. Я нигдѣ этого кромѣ Спасскаго не видалъ. Сосновый паркъ не былъ-бы такъ суровъ и теменъ. Въ еловой чащѣ всегда стоитъ какая-то особая таинственная мгла отъ множества тонкихъ и высохшихъ нижнихъ вѣтвей; а зелень эта такъ темна, монументальна и строга!

Вообще, въ Спасскомъ почти все мнѣ нравилось кромѣ одного, какъ я уже сказалъ, кромѣ наружнаго вида дома, слишкомъ городскаго. Остальное все было хорошо.

Хозяйка, молодая вдова моего дяди, была очень дружна и съ матерью моей, и со мною. Собой она была красива, въ родѣ смуглой Цыганки, весела, ласкова, образована, остроумна.

Я очень любилъ гостить въ Спасскомъ, и такъ какъ оно отстоитъ отъ нашего Калужскаго имѣнія всего только верстъ на девяносто, то мы почти каждое лѣто на своихъ ѣздили туда и проводили тамъ одну-двѣ-три недѣли.

Кромѣ желанія тихо повеселиться и помечтать въ прекрасномъ имѣніи у милой хозяйки, была еще и другая причина, которая при-

влекала меня въ эту мѣстность. Смоленская губернія представлялась мнѣ тогда несравненно многозначительнѣе нашей Калужской. Она была въ глазахъ моихъ озарена сіяніемъ исторической славы. Я слышалъ отъ сестры моей, которая родилась и выросла подъ этой самой Вязьмой, столько разсказовъ о 12-мъ годѣ, такъ много съ раннихъ лѣтъ читалъ о нашествіи Французовъ; я такъ *любилъ* и *чтилъ* самаго Наполеона и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ гордился его пораженіемъ въ Россіи; я такъ много зналъ по свѣжему преданію даже о домашней жизни моего дѣда и близкихъ ему лицъ. Большіе портреты, которые висѣли на темно-синихъ обояхъ съ золотыми звѣздочками въ нашей Калужской гостинной, съ дѣтства пріучили меня видѣть передъ собой владѣтелей Спасскаго какъ живыхъ людей «во плоти».

Посѣщенія Спасскаго всякій разъ еще болѣе оживляли во мнѣ всѣ эти представленія, эти образы и событія прошедшаго. Всѣ эти люди жили, боролись, веселились и страдали—*здѣсь*, въ самомъ Спасскомъ или неподалёку отсюда.

Эти люди, это время, казалось, были отъ меня и современниковъ моихъ такъ уже далёко; ихъ вкусы, ихъ привычки, ихъ идеалы были во многихъ отношеніяхъ съ моими тогдашними такъ несходны (мои *тогдашніе* были ближе, увы! къ *современнымъ*, чѣмъ *нынѣшніе* мои идеалы и вкусы); но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки моимъ *новымъ* и свѣжимъ тогда идеямъ и вкусамъ, я ощущалъ непостижимую внутреннюю связь сердца съ *этой* эпохой и съ этими отшедшими въ вѣчность людьми.

Наконецъ, я былъ близокъ или встрѣчался со столькими лицами, которыя знали то время не со словъ другихъ или по книгамъ и картинамъ, какъ я, а сами *жили тогда, видѣли* Кутузова, императора Александра Павловича, *говорили* съ Маріей Θеодоровной, *видѣли* Французскихъ плѣнныхъ, Французскіе трупы, полу-засыпанные *нашимъ* снѣгомъ, сгорѣвшую Москву, опустѣлыя деревни тамъ, гдѣ теперь опять цвѣли господскія усадьбы и гдѣ все казалось снова столь прочнымъ, достаточнымъ, даже до пресыщенія незыблемымъ....

Въ самомъ Спасскомъ на стѣнахъ осталось отъ дяди много хорошихъ гравюръ, снимковъ съ картинъ Ораса Вернета и другихъ Французскихъ батальныхъ живописцевъ. Раненный усатый гренадеръ, одиноко и печально сидящій на срубленномъ деревѣ среди снѣжнаго поля; взятіе Русскаго редута Французскими гренадерами въ знаменитыхъ мѣховыхъ шапкахъ. Не такъ далеко, въ другомъ своемъ имѣніи, дѣдъ самъ обучалъ на дворѣ цѣлую роту лихихъ ополченцовъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ имъ на собственныя средства и въ порывѣ патріотическаго гнѣва приказалъ псарямъ своимъ гнать съ этого двора арапниками гостя, родственника своего Станкевича, за

то, что тотъ осмѣлился сказать: «Охота тебѣ жертвовать такими молодцами! А я поставилъ, братъ, все мужиковъ плохихъ, такихъ, отъ которыхъ мнѣ проку мало въ работѣ».

Тамъ, еще подальше, ближе къ Вязьмѣ, есть лѣсъ. Въ этомъ лѣсу убили казаки Французскую *генеральшу*. Вотъ какъ это было. Выѣхалъ изъ Вязьмы генералъ Французскій въ каретѣ. Мѣсто казалось безопаснымъ, посреди Французскихъ войскъ, и конвоя они не взяли. Однако въ лѣсу ихъ неожиданно встрѣтили казаки. Генералъ хотѣлъ сдаться безпрекословно, но жена его выстрѣлила изъ пистолета и убила одного молодаго казака. Тогда отецъ и братъ убитаго вытащили ее изъ кареты и, не смотря на мольбы мужа, оставленнаго ими въ живыхъ, изрубили при немъ отважную и неразумную Француженку.

Все это было такъ *близко*, такъ еще живо въ памяти у многихъ, что, при всей глупой и грубой «реальности» моего міровоззрѣнія, *какъ медицинскаго студента*, при всемъ тоскливомъ *субъективизмѣ* моей тогдашней умственной жизни, я освѣжался всякій разъ при этомъ соприкосновеніи со святыней общенародной славы, и мысль моя, объективируясь, невольно становилась проще, тверже, здоровѣе...

Въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Спасское я познакомился съ тамошнимъ дьякономъ, наружность котораго я помню хорошо, но имя забылъ. Быть можетъ, онъ и теперь еще живъ. Замѣчая, что я интересуюсь преданіями отечественной войны, Анна Павловна мнѣ въ угоду пригласила отца-дьякона на вечерній чай. Онъ былъ еще не старъ; лѣтъ около сорока, не больше.

Послѣ чая мы остались одни, и я сталъ его распрашивать. Дьяконъ очень охотно разсказалъ мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ времени нашествія, и я нахожу, что эти эпизоды, взятые въ совокупности своей, довольно характерны. Эпоха съ ея доблестями и темными сторонами отражается въ нихъ ярко, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ».

Вотъ что говорилъ мнѣ отецъ-дьяконъ.

*

Многіе изъ здѣшнихъ крестьянъ во время нашествія вели себя необузданно, какъ разбойники. Мнѣ было тогда лѣтъ 8—9. Батюшка мой былъ здѣсь священникомъ, при дѣдушкѣ вашемъ Петрѣ Матвѣевичѣ. Дѣдушка, какъ вы знаете, жилъ не здѣсь, въ Спасскомъ, а въ Соколовѣ. Однако и здѣсь была господская усадьба. Какъ только, передъ вступленіемъ непріятеля, Петръ Матвѣевичъ уѣхалъ служить въ ополченіе, а бабушка ваша въ Костромское свое имѣніе, сейчасъ же и начали мужики шалить: то тащутъ, то берутъ, другое ломаютъ. Батюшка покойный сокрушался и негодовалъ, но и самъ опасался

эстьянъ. Одинъ разъ идетъ онъ и видитъ, стоитъ барская карета оужи, изъ сарая вывезена, и около нея мужикъ съ топоромъ.

— Ты что это съ топоромъ? спросилъ батюшка.

— Вотъ хочу порубить карету, дерево на растопку годится, и ;е кой-что повыберу изъ нея.

А лѣсъ близко. Нѣтъ, ужъ ему и до лѣса дойти не хочется. рская карета ближе!

Стало батюшкѣ жаль господской кареты, онъ и говоритъ мужику:

— Образумься! Безсовѣстный ты человѣкъ! Тутъ непріятель подцитъ, а ты христіанинъ, православный грабительствомъ занимаешься. если вернется благополучно Петръ Матвѣевичъ и узнаетъ, что̀ тебѣ гда будетъ?

А мужикъ ни чуть не испугался, погрозился на батюшку топомъ и говоритъ:

— Ну, ты смотри, я тебя на мѣстѣ уложу тутъ. Я и Петра Матвевича теперь не боюсь; пусть онъ покажется, я и ему *брюхо баланомъ распущу!...*

Вотъ какая дерзость!

Батюшка ужаснулся и ушелъ отъ него.

И такъ разореніе отъ своихъ продолжалось. Входили въ домъ эестьяне и дѣлали что хотѣли. Была, напримѣръ, у дѣдушки вашего ,на комната; кабинетъ что̀ ли, не знаю; обита вся по стѣнамъ и по этолку клеенкой на зиму для тепла. Клеенка эта была прибита цѣльями полосами отъ пола сверхъ черезъ потолокъ и на другую сторо- внизъ опять до самаго пола... Кругомъ около потолка небольшимъ ірнизомъ было обведено. Такъ вотъ это я самъ своими глазами видлъ. Знаете, дѣтство, любопытствуешь, вездѣ бѣгали съ братьями. бломали мужики верхній карнизъ; подрѣжутъ снизу клеенку, да такъ эзьмутъ руками за одинъ конецъ и отдерутъ все до другаго конца эзжалостно. И чего только они не дѣлали! Наконецъ посягнули на жизнь батюшки моего, но Господь его спасъ.

Вотъ какъ это было. Сидѣли мы всѣ дѣти съ батюшкой и съ атушкой поздно вечеромъ и собирались уже спать, какъ вдругъ слыимъ, стучатся въ ворота.

— Отопри, хуже убьемъ!

Матушка перепугалась, и мы всѣ какъ обезумѣли отъ страха, а ужики ломятся. Ужъ не помню я, вломились ли они или самъ батюша имъ рѣшился отпереть, только помню, какъ вошелъ народъ съ тоорами и ножами и всѣхъ насъ мигомъ перевязали, матушку на печкѣ ставили, насъ по лавкамъ; а батюшку взяли за ноги, да объ перепадину, что потолокъ поддерживаетъ, головой бьютъ. Изба наша, ко-

нечно, была низенькая, простая. Вотъ они бьютъ отца моего головой объ бревно и приговариваютъ: «А гдѣ у тебя, батька, деньги спрятаны; давай деньги!

— Какія деньги! Была самая малость.

Они все бьютъ его головой съ разсчетомъ, чтобъ сразу не убить, а узнать, гдѣ деньги. Постучать, постучать головой и дадутъ ему отдохнуть; видятъ, что онъ въ памяти, опять колотить.

Мы видимъ все это и плачемъ... Однако Господь спасъ насъ!. Жила у насъ дѣвочка крестьянская, сиротка лѣтъ десяти.

Дѣвочка умная, смѣлая. Никто и не замѣтилъ, какъ она выскочила изъ избы. Она выскочила въ ту самую минуту, какъ мужики вломились и побѣжала къ одной сосѣдкѣ-помѣщицѣ. Эта помѣщица была дама небогатая, только пресмѣлая, и дворовые люди ей были преданы. Она рѣшилась никуда отъ Французовъ не ѣхать [1]), а осталась въ своемъ имѣніи, очень близко отъ насъ. Но такъ какъ грабежа и грубостей отъ своего народа опасалась она больше, чѣмъ самаго непріятеля, то и сама всегда ходила вооруженная и сформировала изъ слугъ своихъ небольшой отрядъ тѣлохранителей, молодецъ къ молодцу! Сиротка наша прямо къ ней и объясняетъ, что батюшку мужики убить хотятъ. Мигомъ помѣщица снарядилась, пріѣхала съ вооруженными людьми... Взошли, накрыли разбойниковъ, одолѣли ихъ какъ разъ; барыня сама скомандовала: «перевязать ихъ такихъ, сякихъ!» И къ ближайшему начальству отвели.

Такъ Богъ спасъ намъ батюшку. Къ счастію, барыня такъ поспѣшила, что большаго вреда разбойники не успѣли ему сдѣлать. Не долго поболѣлъ онъ и рѣшился покинуть послѣ этого свое жилище, и всей семьей собрались мы ѣхать въ Калужскую губернію, въ Медынскій уѣздъ. Тамъ у насъ были родные. Французовъ еще мы не видали, хотя по слухамъ они были уже близко.

Поѣхали мы не одни. Хорошихъ людей собрался цѣлый обозъ. Не всѣ крестьяне были одного духа; были между ними и очень хорошіе люди. Многіе изъ бунтовщиковъ продолжали повторять: «пусть Петръ Матвѣичъ вернется—мы ему брюхо балахономъ распустимъ!» Но другіе дворовые и крестьяне удалялись отъ подобной дерзости и не желали даже и оставаться въ Смоленской губерніи при видѣ такихъ безпорядковъ и въ ожиданіи непріятеля. Такимъ образомъ тронулись мы большимъ обозомъ въ путь къ Медынскому уѣзду.

Пришлось намъ вскорѣ встрѣтиться и съ Французами.

---

[1]) Мнѣ очень жаль, что я тогда не записалъ имя и фамилію этой смѣлой женщины.

Сколько мы ѣхали—не помню; только остановились подъ вечеръ а лужочкѣ у рощи какой-то лошадей покормить и сами поужинать. ?лышно было, что непріятель близко. У людей нашихъ у всѣхъ были 'опоры и ножи, а кой у кого даже и ружья: хоть и плохія, а ружья.

Ѣхалъ съ нами нашъ кузнецъ, тоже крѣпостной Петра Матвѣе-ича, охотникъ, стрѣлокъ довольно хорошій; ружье у него было старое; ой-какъ самъ его вычинилъ, зарядилъ и пороху на полку насыпалъ.

Поставили мы телѣги въ кучу; лошадей пустили на траву, а сами 'жинъ варить.

Ну, варятъ ужинъ. А мы, дѣти, играть.

Вдругъ какъ выскочитъ изъ рощи всадникъ на сѣромъ въ ябло-ахъ конѣ... Красивый бѣлокурый мужчина, молодецъ въ мундирѣ.)становился, лошадь (картина просто!) такъ подъ нимъ и играетъ! ι на груди у самого, я помню, золото блеститъ... Такъ прекрасно!

Выѣхалъ офицеръ этотъ изъ рощи, а за нимъ человѣкъ десять-вадцать пѣшихъ солдатъ выбѣжали.

Видимъ, одежда совсѣмъ не наша. Всѣ поняли, что это Фран-;узы. Они остановились, глядятъ; а наши не знаютъ что̀ дѣлать.

Только подходитъ кузнецъ нашъ къ батюшкѣ моему за возами и оворитъ: Батюшка, благословите на брань за Вѣру и Отечество.

Батюшка говоритъ: имѣешь благословеніе! и благословилъ кузнеца ı оружіе его во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Кузнецъ тотчасъ же изъ-за воза какъ прицѣлится въ офицера и ыстрѣлилъ. Мы глядимъ, офицеръ вотъ такъ закатился и о земь съ оня; конь ускакалъ, а солдаты Французскіе тоже уходятъ въ разсып-ую въ рощу. Тогда наши ободрились и погнались ихъ по одиночкѣ овить. Переловили и перебили человѣкъ шесть-семь, если не больше. 'битыхъ принесли, всѣхъ ихъ (и офицера) раздѣли до нага. Вещи опрятали подальше на возахъ подъ другой поклажей, а нагіе трупы сѣ вмѣстѣ свалили въ кустахъ въ большомъ оврагѣ, по близости. Іотомъ стали ужинать.

Послѣ ужина, какъ стемнѣло еще больше, мнѣ опять захотѣлось оглядѣть на убитыхъ; я съ товарищами, съ другими рябятами и про-рался въ оврагъ; говорю имъ: «давай, еще посмотримъ убитыхъ!»

Отыскали мы ихъ; лежатъ всѣ вмѣстѣ голые и въ крови. И офи-ера красиваго мы сейчасъ узнали. Смотримъ, а онъ еще дышетъ. 'лаза закрыты, грудь такая мужественная, высокая и дышетъ тяжело акъ. Мы сейчасъ побѣжали назадъ и сказали объ этомъ; пошли люди прикололи его ихнимъ же, кажется, штыкомъ.

Такъ мы спаслись и отъ непріятеля, и съ помощью Божіей даже обѣдили его. Только, опасаясь оставаться дольше въ этомъ мѣстѣ,

ночью же тронулись въ путь и благополучно прибыли въ Медынскій уѣздъ и тамъ пробыли до самаго изгнанія непріятеля изъ Россіи и до водворенія порядка.

Тогда и тѣмъ мужикамъ, которые во время нашествія бунтовали и грабили, пришлось отвѣчать за эти дѣла. Петръ Матвѣевичъ вернулся изъ ополченія и узналъ обо всемъ отъ батюшки и отъ другихъ людей.

Собрали крестьянъ передъ крыльцомъ.

Петръ Матвѣевичъ вышелъ *въ мундирѣ* и спросилъ:

— А кто изъ васъ хотѣлъ мнѣ брюхо балахономъ распустить? Выдавайте виновныхъ, а не то всѣмъ хуже будетъ.

Долго не выдавали мужики виновныхъ. Наконецъ выдали. Петръ Матвѣевичъ тутъ же передъ крыльцомъ велѣлъ ихъ наказывать. И сѣкли ихъ такъ сильно, что уже идти они сами не могли, и домой ихъ отнесли на рогожахъ.

*

Такъ кончилъ отецъ дьяконъ свой разсказъ.

— Жестоко! замѣтилъ я ему въ заключеніе; но и тогда, не смотря на всю молодость мою и на искреннее человѣколюбіе, я замѣчаніе это сдѣлалъ задумчиво и нерѣшительно. Вопреки всѣмъ обязательнымъ принципамъ либеральнаго Московскаго студента 50-хъ годовъ, я чувствовалъ, что грозная расправа дѣда моего была все-таки гораздо лучше, чѣмъ безнаказанная рубка чужихъ каретъ, чѣмъ пытка почтеннаго священника и даже чѣмъ угрозы «распустить балахономъ брюхо» дворянину, который очень многимъ пожертвовалъ для войны, снарядивъ на свой счетъ и даже нѣсколько сверхъ средствъ своихъ отличный отрядъ ополченцевъ, самъ, не смотря на поздній возрастъ свой, пошелъ на войну и даже отдалъ въ военную службу 16 лѣтняго *единственнаго* сына и наслѣдника своего, котораго онъ желалъ бы хранить какъ зѣницу ока.

Тогдашняя «интеллигенція» Россіи была сурова до крайности къ подвластнымъ и подчиненнымъ своимъ; но она *и себя не жалѣла, когда дѣло касалось государства.*

К. Леонтьевъ.

БУМАГИ ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА [1])

Письмо графа Ростопчина къ Государю о кончинѣ принца Ольденбургскаго.

Moscou, le 20 Décembre 1812.

Sire,

La plus belle année de votre règne et qui couvre la Russie d'une gloire immortelle finit par une perte irréparable pour V. M. I. En perdant le prince Georges, vous perdez un ami, un sujet et un serviteur fidèle. Comme il m'honorait de sa confiance, j'ai eu bien des preuves de son attachement pour la Russie et de son enthousiasme pour votre personne. Ses voeux constants n'ont pas été exaucés, et il a quité ce monde au moment où vous devenez le libérateur de l'Europe. Dieu veuille conserver madame la grande-duchesse dont la douleur égale le bonheur dont elle a joui. Lorsque j'apprendrai l'arrivée du duc-père à Twer, je me propose d'y aller pour 24 heures rendre mes devoirs aux restes inanimés d'un prince auquel j'étais attaché par la conformité de sentiment et par reconnaissauce pour les bontés qu'il témoignait à mon fils dont je remets la destinée entre vos mains.

J'expédie ce courrier pour faire parvenir à V. M. I. le rapport du comte Tolstoy qui m'annonce que les troubles dans les deux régiments de sa milice sont finis et que les coupables ont été livrés. Je tiens à l'idée qu'il faudrait remonter à la source de ce désordre imprévu. Vos ennemis sont terrassés par la destruction des armées de Napoléon, mais ce monstre vit encore, et la haine de ses partisans couve sous la cendre sans être éteinte.

---

[1]) См. выше стр. 215.

On finit de brûler les chevaux crêvés au champ de Borodino. Dans quelque tems j'irai moi-même y faire une tournée pour voir par mes propres yeux si on a bien exécuté les ordres que j'ai donnés relativement aux malades, à la destruction des cadavres et à la reddition des armes pour de l'argent.

J'ai l'honneur de faire parvenir à V. M. I. trois projets pour le monument qui doit attester aux siècles futurs la folie de Napoléon et votre sagesse. Il faut 800 canons pour la pyramide telle qu'elle est projetée, mais un plus grand nombre la rendrait plus belle encore en l'élevant davantage.

Отправлено въ Вильну съ фельдъ-егеремъ Дюрецкимъ.

Переводъ. Москва, 20 Декабря 1812. Государь! Прекраснѣйшій годъ Вашего царствованія, ознаменованный для Россіи безсмертною славою, кончается утратою, которая для Вашего Императорскаго Величества незамѣнима. Въ лицѣ принца Георгія вы лишаетесь друга и вѣрнаго слуги. Почтенный его довѣріемъ, имѣлъ я много случаевъ убѣдиться въ его приверженности къ Россіи и въ томъ, что онъ восторженно любилъ Васъ. Ему не суждено было видѣть исполненіе постоянныхъ его желаній, и онъ умеръ въ то самое время, какъ Вы становитесь Освободителемъ Европы. Да хранитъ Богъ великую княгиню; ея скорбь соотвѣтствуетъ бывшему ея счастію. Когда я узнаю о прибытіи въ Тверь герцога-отца, то думаю съѣздить туда на сутки, чтобы поклониться тѣлу принца, къ которому я былъ привержень по сходству нашихъ чувствъ и по благодарности за его милости къ моему сыну. Судьбу сего послѣдняго предаю въ Ваши руки.

Отправляю этого курьера съ донесеніемъ къ Вашему И. Величеству отъ графа Толстаго, который мнѣ пишетъ, что безпорядки въ двухъ полкахъ его ополченія кончились и что виновные выданы. По моему мнѣнію, слѣдуетъ добраться до источника этого непредвидѣннаго случая. Ваши враги погибли вслѣдствіе уничтоженія полчищъ Наполеона; но этотъ извергъ еще живъ, и не погасла еще злоба его приверженцевъ, а только тлѣетъ подъ золою.

Преданіе огню лошадиныхъ труповъ на Бородинскомъ полѣ кончено. Черезъ нѣсколько времени я туда отправляюсь посмотрѣть и убѣдиться лично, какъ исполнены отданныя мною приказанія относительно больныхъ, уничтоженія труповъ и возвращенія за деньги оружія.

Имѣю честь представить Вашему Императорскому Величеству три предначертанія памятника, который долженъ свидѣтельствовать будущимъ вѣкамъ о безуміи Наполеона и о мудрости Вашей. Нужно для этой пирамиды 800 пушекъ; но если пушекъ будетъ больше, памятникъ выйдетъ еще лучше и выше.

II. Письмо графа Ростопчина къ Петербургскому главнокомандующему С. К. Вязмитинову.

Москва, 27 Генваря 1813.

Три дни тому назадъ какъ пріѣхалъ сюда г-нъ полковникъ Аргамаковъ и, явясь ко мнѣ, объявилъ, что онъ по высочайшей волѣ посланъ въ разныя губерніи для осмотра больныхъ и отправленія выздоровѣвшихъ военныхъ чиновъ и рядовыхъ въ тѣ мѣста, гдѣ формируются изъ нихъ батальоны; при томъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣетъ препорученіе узнать: есть ли Французскіе мародеры по Смоленской и Московской губерніи, какъ-то по слухамъ въ арміи сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ, справляясь по дорогѣ, нигдѣ объ нихъ не слыхалъ и такъ доносить будетъ; но, проѣзжая черезъ Можайскъ и Волоколамскъ, онъ сдѣлалъ именемъ Государя Императора земскимъ судамъ предписаніе какъ съ мародерами поступать и какія принимать противъ нихъ мѣры. На спросъ мой: по какому праву онъ даетъ повелѣнія, полковникъ Аргамаковъ представилъ мнѣ повелѣніе, гдѣ ему предписано о мародерахъ по докладу его свѣтлости князя Смоленскаго, который чрезъ г-ла лейтенанта Бороздина передалъ власть свою и г-ну Аргамакову. Зная, что право объявлять именные указы предоставлено единственно г-мъ министрамъ, сенаторамъ и генералъ-адъютантамъ, что здѣшняя губернія не находится въ военномъ положеніи, и найдя, что полковникъ Аргамаковъ въ полномъ умѣ, я почелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія вашего сіе происшествіе, тѣмъ болѣе меня приведшее въ изумленіе, что крестьяне здѣшней губерніи и въ то время когда непріятель былъ въ числѣ 130,000, его истребляли, а въ нынѣшнее время года мародеровъ и быть не можетъ.

Г-нъ Занденъ, осмотря весь городъ и не найдя въ немъ ничего похожаго на заразительныя болѣзни, завтра возвращается въ С.-Петербургъ. Разглашеній и вездѣ и въ Москвѣ много. Варшава уже взята разными образами, даже штурмомъ, гдѣ мы потеряли 25.000 человѣкъ. Но прошу васъ обратить ваше вниманіе на Малороссію и Екатеринославскую губернію: тамъ много готовности думать по-польски, и въ тотъ край много впущено фальшивыхъ ассигнацій.

Доставленные мнѣ семь крестовъ возложены на достойныхъ мною предоставленныхъ къ награжденію чиновниковъ.

Имѣю честь быть и проч.

Къ г-ну главнокомандующему Вязмитинову съ докторомъ Занденомъ.

III. Письмо графа Ростопчина къ министру полиціи А. Д. Балашеву.

24 Марта 1813.

Письмо в. п. отъ 28 прошедшаго мѣсяца я имѣлъ честь получить.

О свободной продажѣ вещей и товаровъ, находящихся у жителей и поселянъ здѣшней столицы и ея губерніи я сдѣлаю нужныя распоряженія и симъ прекращу безпрестанныя жалобы и просьбы, коихъ разбирать невозможно: ибо ни на принадлежность просителя, ни на образъ пріобрѣтенія обвиняемаго вѣрныхъ доказательствъ быть не можетъ, и всякая кража съ Сентября мѣсяца по Ноябрь обращается въ пріобрѣтеніе отъ непріятеля.

Орденъ Св. Анны, алмазами украшенный, пожалованный умершему полковнику Нефедьеву, я возвращаю къ Д. А. Гурьеву, а вдовѣ отошлю 3,000 р. изъ экстраординарной суммы въ вѣдѣніи моемъ состоящей.

Иностранца Бетихера дѣло послѣдствій никакихъ не имѣло, ибо онъ тѣсную свою связь съ плѣнными Французами приписываетъ знакомству, въ словахъ запирается, а шифръ, у него найденный, называетъ игрушкою своихъ дѣтей.

По многимъ моимъ сношеніямъ, какъ по службѣ, такъ и по знакомству, я полагаю, что въ Екатеринославской губерніи духъ неудовольствія происходитъ отъ дурнаго качества людей, край сей заселяющихъ. При томъ Одесса и Николаевъ наполнены иностранцами и болѣе Французами, слѣдственно готовыми всегда къ произведенію безпорядковъ для собственныхъ своихъ выгодъ. Сему самое сильное доказательство есть всѣ иностранцы здѣсь жившіе, кои, не смотря что пользовались всѣми выгодами какъ со стороны покровительствующаго правительства, такъ и отъ пристрастія Русскихъ къ нимъ, но всѣ они вели себя безчестно и ознаменовали ненависть свою къ намъ грабежами и услугами, непріятелю оказанными. Всѣ они почти слѣдовали за Французскою арміею. Нѣкоторые погибли, но большая часть спокойно возвратилась на прежнее жилище, не опасаясь ни наказанія, ни дурныхъ послѣдствій.

Камеръ-юнкеръ графъ Вельгурскій *), большой иллюминатъ и въ сношеніи съ прежде бывшими здѣсь профессорами по сей богомерзкой части, потерявъ свою жену до отъѣзда въ Петербургъ, ѣздилъ для свиданія въ Вологду съ г. Магницкимъ.

---

*) Извѣстный въ послѣдствіи графъ Михаилъ Юрьевичъ, оберъ-шенкъ высочайшаго двора. Какъ бы онъ и друзья его разсмѣялись, если бы до нихъ дошелъ этотъ отзывъ графа Ростопчина. П. Б.

Весна здѣсь открывается прекрасная, и при ясной погодѣ снѣгъ почти совсѣмъ сошелъ съ полей.

Въ городѣ и въ губерніи все здорово и спокойно; но, не смотря на сіе, многіе носятъ чеснокъ и увѣряютъ, что въ воздухѣ есть дурной запахъ.

По почтѣ въ пакетѣ къ Н. И. Калинину.

IV. отъ него-же къ нему-же.

на почтѣ

24 Апрѣля 1813.

Указъ о возвращеніи Московскаго ополченія въ первобытное состояніе полученъ. Затрудненіе будетъ узнать достовѣрно, кто изъ воиновъ убитъ въ сраженіи и умеръ въ походѣ; потому что по многимъ назначеніямъ сего ополченія оно все почти разбрелось, и теперь въ арміи тысячи воиновъ находятся въ услуженіи; съ другой же стороны обѣщано за погибшихъ выдавать рекрутскія квитанціи.

По выходѣ непріятеля изъ Москвы въ числѣ раненыхъ и больныхъ остались два Француза *Gazo*, отецъ и сынъ, служившіе при обозѣ арміи (le train de l'armée); оба они не такъ были больны, чтобъ не могли слѣдовать за своими войсками. Оставшись же здѣсь, отецъ, который, большой говорунъ, внушалъ въ разговорахъ, что Наполеонъ приходилъ сюда съ благотворными расположеніями къ дворянству и къ народу и что онъ сіе со временемъ докажетъ. Для отнятія у г-на *Газо* способовъ проповѣдывать съ успѣхомъ я отправляю его и сына въ Вологодскую губернію на житье въ уѣздный городъ.

Нѣмецъ *Коль,* 19 лѣтъ, бывшій комисарскимъ помощникомъ во Французскомъ Муниципалитетѣ, уѣхалъ тотчасъ изъ Москвы по выходѣ непріятеля и успѣлъ сыскать себѣ мѣсто гувернера въ Рязанской губерніи, откуда, бывъ пойманъ, яко безпаспортный, присланъ сюда. Въ бумагахъ его нашелъ я листъ, гдѣ онъ подписывался подъ руку Государя Императора.

Французъ *Дельсалъ,* по обыкновенію бывшій сперва воспитателемъ благороднаго юношества, а потомъ содержателемъ пенсіона, выписалъ, полтора года тому назадъ, племянника своего для пріуготовленія въ гувернеры. Дядя и племянникъ оставались въ Москвѣ во время занятія ея непріятелемъ, и первый, бывъ комисаромъ полиціи, судился въ коммиссіи; племянникъ же хвастался недавно, что онъ былъ у Наполеона и имѣетъ препорученія, и что онъ скоро отмститъ за смерть своихъ воиновъ. Ростомъ онъ 2 арш. 9 вершк., 20 лѣтъ и совершенный разбойникъ.

Для удаленія сихъ двухъ и имъ подобныхъ отъ столицъ, я отправляю ихъ и двухъ молодыхъ иностранцевъ *Копа* и *Лейба* (кои грабили съ Французами Москву, ушли съ ними, но съ дороги по разбитіи возвратились сюда) въ тѣ мѣста, куда на сихъ дняхъ пошлются послѣдніе плѣнные Поляки, на службу къ г-лу лейтенанту Глазенапу *).

Теперь я занимаюсь раздачею присланныхъ 2,000,000 р. на вспоможеніе раззореннымъ крестьянамъ. Весна открылась очень хороша, и скотъ выпустили уже на траву. За исключеніемъ овса, который уже дошелъ до 13 р. четверть по надобности для посѣва, всѣ припасы въ умѣренной цѣнѣ, а иные весьма дешевы. Болѣзней совсѣмъ нѣтъ, и на этотъ разъ охотники до чумы должны взять терпѣніе.

Денегъ въ пьянствѣ чрезвычайно много. Плата работниковъ въ сравненіи съ прежнимъ тройная; къ тому же за продажу отбитаго у Французовъ и награбленнаго въ Москвѣ мужиками появилось въ народѣ много денегъ. Безстыдство женщинъ низкаго рода и буйство между купцовъ, мѣщанъ, нижнихъ гражданскихъ чиновъ и крестьянъ сокращается мало по малу, и вдругъ сего сдѣлать невозможно. Я запретилъ женщинъ пускать въ трактиры. Не весьма я радъ пришествію въ Серпуховъ полка графа Мамонова: кромѣ непріятности имѣть дѣло и съ нимъ самимъ отъ умничества его и самолюбія, вербованные его могутъ причинить вредъ жителямъ, и я на сей случай принялъ всѣ мѣры предосторожности. Въ городѣ всѣ ждутъ, когда выступитъ Наполеонъ за Рейнъ и съ какимъ числомъ войска. Говорятъ много, что меня долженъ смѣнить графъ Ираклій Ивановичъ Морковъ. Пріѣхавшій съ нимъ полковникъ *Карауловъ* (который нѣкогда погребалъ церковнымъ обрядомъ собаку) давалъ знакомымъ своимъ обѣдъ, который сталъ 3,500 рублей, и какъ это деньги, взятыя у Французовъ, а Карауловъ Московской же, то и можно сказать: твоя отъ твоихъ.

V. Письмо графа Ростопчина къ С. К. Вязмитинову.

НА ПОЧТѢ.
24 Апрѣля 1813.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства.

Бетихеръ безъ всякаго сомнѣнія есть человѣкъ злонамѣренный по прежнему образу его жизни, по связямъ съ Французами, по доносу на него и по найденному шифру; но у него жена и трое дѣтей; отослать его за границу было бы и убыточно, и вредно. И такъ мое мнѣніе есть, чтобъ его (и если впередъ подобные найдутся) отправить съ семьею

*) Т.-е. въ Сибирь. П. Б.

на поселеніе въ Оренбургскую или Пермскую губернію, гдѣ онъ можетъ жить спокойно для себя и для правительства, имѣя способы доставать свободное пропитаніе. Списокъ донесенія моего о семъ Бетихерѣ при семъ прилагаю.

* * *

Два письма 1812 года къ графу Ростопчину.

I. Н. О. Котлубицкаго *).

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый государь Ѳедоръ Васильевичъ!

Такъ какъ ваше сіятельство уполномочены быть главно-командующимъ столичнаго города Москвы, я же, пользуясь всегда и во всякое время благосклоннѣйшимъ расположеніемъ вашего сіятельства ко мнѣ, не могу никакъ умолчать, при нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ (когда уже высочайшимъ манифестомъ отъ 6-го Іюля обнародованъ и врагъ Россіи, который вѣрно имѣетъ во всѣхъ предѣлахъ оной немалое количество шпіоновъ), чтобъ не довесть до свѣдѣнія вашего слѣдующее.

Узналъ я отъ пріятеля моего г. гвардіи прапорщика, Николая Петровича Ермолова, проживающаго въ Саратовской губерніи, въ г. Вольскѣ, что въ ономъ городѣ проживаетъ профессоръ г. Феслеръ, выписанный изъ Санктъ-Петербурга туда г-номъ Злобинымъ для усовершенствованія имъ заведеннаго пансіона, думать надобно, что по рекомендаціи его свояка, бывшаго государственнаго секретаря г. Сперанскаго, который тамъ, вмѣсто обученія пансіонеровъ и присмотру за учителями, ничѣмъ болѣе не занимается, какъ въ теченіи двухъ лѣтъ слишкомъ осматриваніемъ мѣстоположеній, и сидя, запершись въ своемъ кабинетѣ, будто разными сочиненіями. А такъ какъ наше любезное Отечество къ несчастію довольно наполнено разнымъ сбродомъ иностранцевъ и большею частью изъ Французовъ, которые почти всѣ изъ числа шпіоновъ: то думать надобно, что и г. профессоръ Феслеръ долженъ быть изъ числа оныхъ; ибо бывшій въ его домѣ прошлаго года пожаръ доказалъ сіе тѣмъ, что онъ, во время онаго, запершись въ своемъ кабинетѣ, рѣшился не выходить изъ онаго, хотя бы и весь домъ его сгорѣлъ.

---

*) Это тотъ Николай Осиповичъ Котлубицкій, разсказовъ котораго про времена Павла не забыли читатели Русскаго Архива (1866, 1301 и 1868, 1069). П. Б.

Зная довѣренность монаршую къ особѣ вашей, рѣшился, какъ вѣрный сынъ Отечества, симъ ваше сіятельство извѣстить, въ надеждѣ всегдашняго вашего ко мнѣ благорасположенія и буде удостоится вниманія вашего сіятельства, то довѣренной отъ васъ особѣ позвольте заѣхать ко мнѣ, дабы я могъ ему дать прямо адресъ въ г. Вольскъ, къ г. Ермолову, куда онъ можетъ пріѣхать какъ родственникъ, для акуратнѣйшаго изслѣдованія г. Феслера. Если же все сіе, паче чаянія, окажется несправедливымъ подозрѣніемъ, то всепокорнѣйше прошу все сіе предать забвенію, чѣмъ премного обяжете того, который за честь себѣ поставляетъ пребыть навсегда съ истиннѣйшимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностью,

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый государь
вашего сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
Николай Котлубицкій.

23-го Іюля 1812-го года.
Г. Арзамасъ, въ деревнѣ Костянкѣ.

II. Ивана Наумова.

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый государь.

Я имѣлъ честь просить ваше сіятельство о принятіи меня въ службу Его Императорскаго Величества при настоящихъ обстоятельствахъ Отечества нашего; но ваше сіятельство не изволили мнѣ сдѣлать вашего отвѣта на сіе приношеніе жертвы моей Отечеству и Царю. Я готовъ былъ открыть вамъ душу мою для спасенія первопрестольнаго града Москвы и любезнаго Отечества нашего. Да судитъ васъ Богъ! Теперь меня уже нѣтъ въ Москвѣ. Кромѣ васъ я буду еще стараться представить мой образъ мыслей о спасеніи нашего Отечества верховному правительству.

Вашего сіятельства,
Милостиваго государя
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Наумовъ.

13-го Августа 1812 года.

ПИСЬМО ЕПИСКОПА БОРОВСКАГО КЪ В. В. СКРЫПИЦЫНУ.

Ваше превосходительство, Валерій Валеріевичъ!

Доселѣ сношенія мои съ вашимъ превосходительствомъ были подъ іяніемъ зависимости и не могли выступать изъ обыкновенныхъ формъ; нѣ, когда ваше превосходительство оставили насъ, позвольте мнѣ ъявить откровенно мои чувства.

Пятнадцать лѣтъ ваше превосходительство были покровителемъ шимъ. Вы устроили Академію и довели къ лучшему; вы пеклись ми и, когда открылись вакансіи на епископскіе посты, вы не забы- объ насъ. Вамъ всѣ епархіи виноваты пастырей своихъ. Во всѣхъ отребностяхъ я прибѣгалъ къ вамъ и всегда, сколько возможно было, ользовался вашею помощью, какъ и въ послѣдствіе послѣдняго мо- о отзыва къ вамъ я уже дождался утвержденія канониковъ, визита- ра и починки консисторскаго помѣщенія.

Ваше превосходительство оставили во мнѣ пріятное воспоминаніе долгъ признательности навсегда. Примитежъ сіе мое сознаніе и увѣ- ніе въ высокомъ почтеніи и совершенной преданности, съ коими мѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Луцко-Житомірскій епископъ К. Боровскій.

29 Декабря 1855 года.

Покойный Валерій Валерьевичъ Скрыпицынъ, занимавшій долго важную лжность директора въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій министерства нутренних дѣлъ, есть лицо достопамятное и вполнѣ историческое. Онъ былъ ятельный сотрудникъ графа Л. А. Перовскаго и вѣрный исполнитель пред- ачертаній Государя Николая Павловича. Для примѣра укажемъ на состояв- еeся при его ближайшемъ участіи введеніе Русскаго языка (вмѣсто Фран- узскаго, Нѣмецкаго и Польскаго) по дѣламъ касающимся иностранныхъ испо- ѣданій, на отобраніе у католическаго духовенства значительныхъ помѣстій его съ такими затрудненіями достигли правительства въ Западной Европѣ), а переводъ изъ Вильны въ Петербургъ Римско-католической Академіи и пр. воимъ образомъ мыслей и неуклонностью въ борьбѣ съ враждебными Рус- кому государству началами Скрыпицынъ нажилъ себѣ множество враговъ. левета не пощадила его, и съ новымъ царствованіемъ онъ подвергся гоне- ію. Приказано было разслѣдовать его дѣйствія; но чиновникъ, на котораго воз- ожено было это разслѣдованіе, нашелъ, что Скрыпицынъ дѣйствовалъ впол- ѣ добросовѣстно и въ докладѣ своемъ новому министру (С. С. Ланскому) ыразился про Скрыпицына такъ: „онъ поставленъ былъ между самодержавіями, анскимъ и своего Государя; какому изъ двухъ былъ онъ вѣренъ?“ Тѣмъ не енѣе Скрыпицына уволили, чѣмъ оправдалось замѣчаніе, выраженное въ звѣстныхъ стихахъ:

Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

За него вступился князь А. Ѳ. Орловъ, и по его представленію Скрыпицину обѣщано было первое свободное сенаторское мѣсто. Это обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ. Остальную жизнь свою онъ провелъ большею частію за границею. Во Французскихъ журналахъ появлялись изрѣдка его энергическія статьи противъ Іезуитства и въ опроверженіе клеветъ на Россію.

Въ доказательство того, какъ мало было правды въ обвиненіяхъ, которыя сыпались на Скрыпицына, въ особенности въ иностранной печати, приводимъ нижеслѣдующее письмо къ нему одного изъ Польскихъ епископовъ. Списокъ съ этого письма доставленъ намъ графомъ Д. Н. Толстымъ-Знаменскимъ при слѣдующемъ письмѣ. П. Б.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ПАМЯТЬ В. В. СКРЫПИЦЫНА.

(изъ письма къ издателю Русскаго Архива).

Вы знавали В. В. Скрыпицына. Заслуги его извѣстны не всѣмъ. Къ сожалѣнію, мы доселѣ не имѣемъ его біографіи; но я, какъ сослуживецъ покойнаго и во всю жизнь связанный съ нимъ искреннею дружбою, считаю долгомъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Онъ нѣкогда служилъ въ гвардіи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отставки, М. Н. Муравьевъ пригласилъ его на гражданскую службу, и когда былъ Курскимъ губернаторомъ, опредѣлилъ его совѣтникомъ мѣстнаго губернскаго правленія. Блестящія способности Скрыпицына послужили поводомъ къ сближенію съ нимъ Муравьева и, когда послѣдній перешелъ въ Петербургъ, онъ содѣйствовалъ къ опредѣленію Скрыпицына въ вѣдомство оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, откуда онъ поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ при гр. Перовскомъ и получилъ назначеніе директора департамента иностранныхъ исповѣданій.

Не стану описывать его дѣятельности въ синодальномъ вѣдомствѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, участвовалъ въ историческомъ событіи возвращенія униатовъ въ лоно Православной Церкви. Не буду говорить объ управленіи его всѣми иностранными исповѣданіями въ Россіи. Скажу только, что онъ всегда и вездѣ имѣлъ единственною цѣлію пользу Россіи и высоко держалъ отечественное знамя. До назначенія его въ послѣднюю должность министерство обращалось съ *иновѣрцами* какъ съ *иностранцами*. Такъ, напримѣръ, въ сношеніяхъ съ Р.-католическими властями оно употребляло Французскій языкъ. Діецезальные капитулы и консисторіи вели дѣла на Польскомъ и Латинскомъ языкахъ. Богословское образованіе духовенство получало прежде въ Виленскомъ университетѣ, а потомъ въ особо-учрежденной въ Вильнѣ Духовной Академіи. Не смотря на то, что православное духовенство еще съ 1764 года было

шено недвижимыхъ имуществъ, Р.-католическое безпрепятственно про-
лжало владѣть какъ землями, такъ и крѣпостными людьми. Много-
сленные монашескіе ордена были изъяты изъ юрисдикціи епископовъ
управлялись изъ Рима своими генералами.

Теперь переписка какъ съ центральными, такъ и съ мѣстными
режденіями ведется по-русски; всѣ церковные документы и метриче-
ія свидѣтельства пишутся на языкѣ Русскомъ; Духовная Академія пе-
ведена въ Петербургъ, и въ ней заведены (по крайней мѣрѣ во время
рыпицына) порядки нашихъ академій. Онъ ввелъ даже магистерскіе
есты по образцу нашихъ, съ тою только разницею, что нерукотво-
нное изображеніе Спасителя замѣнилъ для нихъ государственнымъ гер-
мъ. Недвижимыя имѣнія духовенства секуляризованы безъ малѣйшаго
утренняго потрясенія. Монахи подчинены мѣстнымъ епископамъ.

И все это сдѣлалъ Скрыпицынъ.

Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это на тѣхъ,
торые не перестаютъ питать надежды на воскресеніе Польши «въ
внихъ границахъ». Интриги этихъ людей, во главѣ которыхъ стояли
ловинскій и Туркулъ съ многочисленными адептами, довели до того, что
корѣ по кончинѣ императора Николая 1-го Скрыпицынъ былъ уда-
нъ отъ должности и причисленъ къ министерству.

Главнымъ побужденіемъ къ такой рѣшительной мѣрѣ выставляли
гда всеобщую непріязнь къ Скрыпицыну Р.-католическаго духовен-
ва. Говорили, что онъ преслѣдуетъ его, что вымышляетъ разныя при-
ны къ притѣсненію, что обращается съ духовными лицами невѣжливо
дерзко, что не найдется ни одного лица, которое бы могло отнестись
нему сочувственно.

Приводя въ порядокъ бумаги, накопившіяся у меня въ теченіе долго-
тней моей жизни, я нашелъ письмо Луцко-Житомірскаго епископа
ізимира Боровскаго, адресованное къ Скрыпицыну тотчасъ послѣ его
ставки. Считаю нравственнымъ долгомъ препроводить его къ вамъ.
:ли вы признаете нелишнимъ помѣстить его въ вашемъ изданіи, какъ
казательство клеветъ на покойнаго моего друга, то пусть это письмо
служитъ свидѣтельствомъ, что онъ умѣлъ, не измѣняя долгу Русскаго
.тріота, быть справедливымъ и безпристрастнымъ къ тѣмъ, которые
самому положенію своему принадлежали къ враждебной ему сто-
нѣ. Думаю, что имя Боровскаго, уважаемое всѣми Польскими пат-
этами, будетъ въ настоящемъ случаѣ достаточно авторитетно.

Примите увѣреніе и пр.

Гр. Толстой-Знаменскій.

1881 г. Окт. 30 ч.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА М. В. ТОЛСТАГО.

VII.

Поправки и дополненія.

Оканчивая мои воспоминанія, я сознавалъ, что въ нихъ недостаетъ многаго, и многое недостаточно высказано. Теперь считаю необходимымъ дополнить то, что̀ удалось мнѣ припомнить позднѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ постараюсь исправить замѣченныя мною ошибки.

Перечитывая третью главу моихъ воспоминаній, я замѣтилъ, что описаніе неумолимой строгости инспектора Московской Академіи архимандрита Евлампія, доходившей иногда (какъ напр. въ дѣлѣ Лаговскаго) до жестокости, можетъ дать читателю ложное понятіе о нравственномъ характерѣ этого лица. От. Евлампій не былъ золъ; но, поставивъ себѣ за правило относиться всегда строго къ малѣйшимъ проступкамъ студентовъ, онъ держался этого правила неуклонно, съ величайшимъ педантизмомъ и упорствомъ. Поступивъ въ должность ректора Виѳанской Семинаріи, онъ строго преслѣдовалъ пьянство, но къ прочимъ проступкамъ семинаристовъ былъ снисходителенъ. «Вѣдь они недозрѣлые, говорилъ онъ, неразсудительные, неразвитые; что̀ же съ нихъ взыскивать»? Въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ былъ викаріемъ архіепископа Пермскаго, раскольники полюбили Евлампія за истовое, благоговѣйное и продолжительное богослуженіе; многіе изъ нихъ приходили къ нему спорить о вѣрѣ, но не слышно, чтобы кто-нибудь изъ этихъ собесѣдниковъ присоединился къ Православной Церкви. Получивъ епархію въ Орлѣ, Евлампій былъ строгимъ архипастыремъ. Впрочемъ управленіе его Орловскою епархіею было непродолжительно по слѣдующему случаю. Въ проѣздъ императора Николая Павловича черезъ городъ Орелъ, Евлампій встрѣтилъ его при входѣ въ каѳедральный соборъ и угостилъ длинною рѣчью. Государь слушалъ ее, стоя на от-

крытомъ крыльцѣ подъ дождемъ. Вслѣдъ затѣмъ, Св. Синодъ запретилъ епархіальнымъ архіереямъ произносить рѣчи при встрѣчѣ Государя, а Евлампій былъ переведенъ изъ Орла въ Вологду. Тамъ онъ оставилъ по себѣ добрую память; Вологжане говорятъ объ немъ какъ объ архипастырѣ кроткомъ, благочестивомъ, сострадательномъ къ вдовамъ и сиротамъ. Каково было служеніе его въ Тобольскѣ, куда онъ былъ перемѣщенъ позднѣе съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, мнѣ неизвѣстно. Но въ послѣдніе годы жизни своей на покоѣ, въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, преосв. Евлампій жилъ совершеннымъ аскетомъ, постникомъ и молитвенникомъ. Нѣкоторые изъ жителей Казани и Свіяжска смотрѣли на него какъ на богоугоднаго святителя.

*

Въ разсказѣ объ Егорьевскомъ и шутовскихъ его похожденіяхъ, я упомянулъ вскользь о покровителѣ его, сенаторѣ и попечителѣ Моск. Университета Кутузовѣ. Объ немъ слѣдовало сказать подробнѣе, тѣмъ болѣе, что я, въ 10-лѣтнемъ возрастѣ, бывалъ у него вмѣстѣ съ покойнымъ отцемъ моимъ. Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ поступилъ въ должность попечителя Университета на мѣсто графа А. К. Разумовскаго, назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія въ 1810 году. Страстный охотникъ произносить рѣчи въ публичныхъ собраніяхъ и писать стихи, онъ былъ очень безтактенъ въ сношеніяхъ по службѣ. Едва ли бы онъ могъ усидѣть на мѣстѣ безъ помощи масоновъ. Какъ Кутузовъ, такъ и министръ Разумовскій, принадлежали къ этому братству и пользовались наставленіями извѣстнаго О. А. Поздѣева, который писалъ однажды къ Разумовскому о Кутузовѣ: «Во многомъ я знаю, что онъ, какъ безпокойное и назойливое дитя, весьма неправъ. Что жъ дѣлать? Не вдругъ человѣкъ изъ окружности поворотитъ на прямой радіусъ къ центру... Но у него нѣтъ скрытаго; не оставьте его: онъ требуетъ наставленій. Другой былъ бы на мѣстѣ съ злобою и хитростью, а это бы было хуже». Кутузовъ былъ всегда въ неоплатныхъ долгахъ, и только званіе сенатора ограждало его отъ долговой тюрьмы. Съ увольненіемъ графа Разумовскаго отъ министерства, уволенъ въ 1817 году и Кутузовъ отъ должности попечителя Университета.

*

О воспитаніи двоюроднаго дяди моего графа Дмитрія Николаевича Толстаго я разсказалъ неправильно: онъ не учился въ пансіонѣ Фишера (да такого пансіона, кажется, и не существовало), а пользовался уроками С. А. Маслова, бывшаго тогда секретаремъ при вице-президентѣ Медико-Хирургической Академіи Г. И. Фишерѣ фонъ-Вальдгеймѣ. Полю-

бивъ любознательнаго и талантливаго юношу, Масловъ давалъ ему уроки по весьма дешевой цѣнѣ и усердно заботился о его образованіи, а благодарный ученикъ сохранилъ на всю жизнь уваженіе и признательность къ своему учителю. Замѣчательно, что дядя, не получивъ систематическаго образованія, пріобрѣлъ собственнымъ трудомъ много разнородныхъ познаній, а Русскимъ языкомъ владѣетъ, даже и теперь въ старости, такъ какъ немногіе изъ нашихъ ученыхъ. Онъ поступилъ на службу, также при содѣйствіи Маслова, въ коммиссію прошеній, которая была въ Москвѣ, во время коронаціи императора Николая Павловича. Затѣмъ вся дальнѣйшая служба его протекла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: онъ былъ губернаторомъ въ Рязани, Калугѣ и Воронежѣ, и наконецъ директоромъ департамента исполнительной полиціи.

*

Е. О. Мухинъ, какъ профессоръ Университета, былъ въ мое время дѣйствительно таковъ, какимъ я описалъ его въ четвертой главѣ моихъ воспоминаній. Но тогда онъ былъ уже очень старъ, перестаіъ слѣдить за наукой и, какъ говорили объ немъ студенты, «пересыпалъ на лекціяхъ изъ пустаго въ порожнее». Прежде онъ былъ не таковъ; вся молодость его протекла въ усильныхъ и неутомимыхъ трудахъ. Послѣ многолѣтней борьбы съ Нѣмцами, занимавшими тогда всѣ высшія мѣста по медицинской службѣ, онъ успѣлъ выбиться изъ низшаго слоя врачей и сдѣлаться извѣстнымъ, какъ знатокъ анатоміи и отличный операторъ. Мухинъ никогда не отличался безкорыстіемъ, но изъ любви къ наукѣ жертвовалъ своимъ жалованьемъ на пособія молодымъ людямъ, отъ которыхъ ожидалъ пользы для просвѣщенія. Въ числѣ ихъ находились: Дядьковскій, Ловецкій и нашъ знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ.

Профессоръ терапіи и клиники Матѳій Яковлевичъ Мудровъ составлялъ какъ бы противоположность Мухину. Они оба не любили другъ друга; но Мудровъ, очень остроумный и рѣзкій на языкъ, часто задѣвалъ Мухина, какъ говорится, за живое. Я не слушалъ лекцій Мудрова, потому что онъ умеръ отъ холеры въ Петербургѣ въ 1831 году, когда я еще не перешелъ на третій курсъ медицинскаго факультета. Но я зналъ его лично и часто встрѣчалъ въ Лаврѣ, куда онъ пріѣзжалъ по нѣскольку разъ въ годъ. Онъ обладалъ добрымъ, нѣжнымъ и чувствительнымъ сердцемъ, былъ весьма сострадателенъ къ больнымъ и дѣлалъ много добра. Несмотря на огромную практику, онъ находилъ время для посѣщенія бѣдныхъ больныхъ, конечно, безъ всякой платы.

Нѣсколько лѣтъ сряду онъ былъ домашнимъ врачемъ архіепископа Московскаго Августина, слабаго здоровьемъ, несмотря на толщину

тѣла. Какъ-то разъ они повздорили; Августинъ разсердился, призвалъ другаго врача и въ разговорахъ съ знакомыми бранилъ Мудрова. Послѣднему это было извѣстно; но, не смотря на то, онъ тотчасъ же явился къ прежнему своему паціенту, когда Августину стало хуже, и онъ принужденъ былъ снова обратиться къ Мудрову.

«Вотъ владыка, сказалъ Мудровъ, входя къ больному, старый другъ лучше новыхъ двухъ. Покажите-ка язычекъ». Взглянувъ на языкъ Августина, онъ съ негодованіемъ плюнулъ въ сторону, говоря: «Ахъ, какой скверный, какой мерзкій языкъ! Не даромъ сказано, что много зла бываетъ отъ скверныхъ устенъ и сквернаго, нечистѣйшаго языка».

Ученикъ ихъ А. Г. Терновскій, тогда еще молодой и очень бѣдный медикъ, пригласилъ обоихъ своихъ учителей на консультацію къ больной своей матери, вдовѣ священника. Мухинъ пріѣхалъ первый, подождалъ нѣсколько времени Мудрова, но, видя, что онъ не ѣдетъ, сказалъ свое мнѣніе о болѣзни и, получивъ отъ Терновскаго 10-ти рублевую ассигнацію, хотѣлъ уѣхать. При выходѣ встрѣтился ему Мудровъ и убѣдилъ его воротиться на нѣсколько минутъ. Когда консультація кончилась, и оба профессора распростились съ благодарившимъ ихъ ученикомъ, послѣдній подалъ Мудрову такую же красную ассигнацію. Догадавшись, что Мухинъ успѣлъ уже получить деньги, Мудровъ съ негодованіемъ воскликнулъ: «Что это? Какъ ты смѣешь обижать твоего наставника? Вотъ видишь, у тебя братишки и сестрёнки босикомъ бѣгаютъ, а ты мнѣ деньги предлагаешь! Попробовалъ бы ты предложить его превосходительству Ефрему Осиповичу, онъ бы тебѣ сказалъ: «негодяй я буду, подлецъ я буду, если возьму». Не съ тебя получать, а тебѣ помочь мы обязаны. Вотъ возьми-ка отъ меня 25 рублей на лѣкарство для больной». Послѣ этихъ словъ и Мухинъ принужденъ былъ возвратить Терновскому полученныя имъ деньги. Этотъ анекдотъ я слышалъ лично отъ самого А. Г. Терновскаго.

*

О П. А. Курбатовѣ нужно замѣтить, что онъ сблизился съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ А. К. Разумовскимъ чрезъ масоновъ. Разумовскій требовалъ себѣ отъ П. И. Голенищева-Кутузова «человѣка для обработыванія бумагъ». Къ нему послали Курбатова, о которомъ Кутузовъ писалъ: «онъ, такъ сказать, мое дитя»; а старикъ О. А. Поздѣевъ, въ письмѣ отъ 11 Іюня 1810 года, отозвался такъ: «Препровождаю съ письмомъ симъ молодаго человѣка П. А. Курбатова точно на ваши руки, въ разсужденіи остереженія его нравовъ и понятія, который, прикосновенъ будучи только къ правиламъ хорошимъ, не

имѣлъ еще времени показать на опытѣ ни своей вѣрности, ни своего отмѣннаго прилежанія». Курбатовъ успѣлъ понравиться министру, женился на воспитанницѣ его Е. А. Перовской [1]) и сдѣлался директоромъ Московской универс. типографіи, которою завѣдывалъ около 40 лѣтъ.

*

Объ нѣсколькихъ родственныхъ мнѣ семействахъ я упомянулъ какъ бы мимоходомъ, безъ достаточныхъ подробностей. Такъ напр. о Долгоруковыхъ не сказалъ я, что князь Никита Сергѣевичъ, родной дядя моей матери, женатый на княжнѣ Екатеринѣ Гавриловнѣ Гагариной, скончался въ 1841 году. Послѣ него остались сынъ и дочь. Первый изъ нихъ, князь Сергій, отъ природы одаренный весьма малымъ разумомъ, впалъ наконецъ въ полный идіотизмъ; но при жизни матери и сестры онъ не былъ въ опекѣ. Для надзора надъ нимъ, чтобы недобросовѣстные люди не ввели его въ долги и раззореніе, при немъ находился постоянно надёжный человѣкъ, наблюдавшій за его поступками и сопровождавшій его въ загородныхъ прогулкахъ. Князь Сергій любилъ давать обѣды знакомымъ, особенно въ дни своего рожденія и имянинъ. Но что̀ это были за обѣды? Тутъ встрѣчалъ я архимандритовъ (Новоспасскаго Аполло̀са и Симоновскаго Мельхиседека), нѣсколько священниковъ, въ томъ числѣ духовника и приходскихъ, нѣсколько мелкихъ чиновниковъ, актеровъ, портнаго, сапожника и проч. Нѣкоторые изъ гостей, особенно ремесленники, напивались до безобразія, такъ что почтенные старцы-архимандриты перестали ѣздить на княжескіе обѣды, а вскорѣ потомъ и самые обѣды прекратились. Сестра князя Сергія, княжна Варвара, моя тетушка и ровесница, была, напротивъ, дѣвица очень умная, хотя имѣла нѣкоторыя странности, зависѣвшія отъ недостатка воспитанія и хорошаго общества. Она дѣлала много добра, особенно бѣднымъ роднымъ. Мать ея скончалась въ концѣ Февраля 1861 года, такъ что отпѣваніе ея происходило въ тотъ самый день, когда въ Московскихъ церквахъ былъ читанъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Княжна Варвара прожила еще нѣсколько лѣтъ, имѣя постоянно брата подъ своимъ наблюденіемъ. Вспоминаю съ благодарностью, что она была постоянно ласкова къ намъ и дѣтямъ нашимъ, и въ особенности любила нашу Пашеньку. По кончинѣ ея, наслѣдники тотчасъ же озаботились взять идіота въ опеку. Когда онъ умеръ, потомкамъ четырехъ сестеръ отца его досталось значительное наслѣдство: около 6-ти тысячъ невыкупленныхъ крестьянскихъ надѣловъ, капиталъ, зѐмли, лѣса̀ и большое мѣсто въ центрѣ Москвы, на Воздвиженкѣ. Чет-

---

[1]) Семейство Разумовскихъ II, 20, 7, 466. Елисавету Алексѣевну Курбатову авторъ этой книги ошибочно называетъ Прасковьею.

вертая часть этого наслѣдства досталась моему искреннему другу и двоюродному брату Сергѣю Петровичу Сумарокову, который хотѣлъ дать мнѣ часть капитала, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія за смертію.

О семействѣ Сумароковыхъ я упоминалъ нѣсколько разъ, какъ о самыхъ близкихъ и дорогихъ мнѣ родныхъ. Послѣ ранней кончины Николая Сумарокова и сестры его кн. В. П. Черкасской, единственнымъ представителемъ этой благородной и добрѣйшей семьи остался младшій сынъ покойнаго дяди Петра Николаевича, Сергѣй Петровичъ. Онъ рано женился, имѣлъ много дѣтей, но къ сожалѣнію прожилъ недолго; жизнь его прекратилась отъ апоплексическаго удара въ началѣ 1878 года.

Кузина моя А. Г. Колошина должна была прожить нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ со слѣпымъ своимъ мужемъ, которому запрещенъ былъ въѣздъ въ столицы по предполагаемому участію его въ дѣлѣ декабристовъ. Но позднѣе они переѣхали въ Москву сначала подъ предлогомъ лѣченія, а потомъ П. И. Колошину уже разрѣшено было пребываніе въ Москвѣ. У нихъ былъ собственный домъ подъ Новинскимъ. Въ 1862 году она овдовѣла, а два года спустя умеръ старшій сынъ ея Сергѣй, литераторъ, издававшій журналъ «Зритель». Другой сынъ Дмитрій служилъ по дипломатической части, потомъ былъ въ Лондонѣ секретаремъ Е. И. В. Герцогини Эдинбургской Маріи Александровны; онъ умеръ, если не ошибаюсь, въ 1877 году. Третій сынъ Валентинъ убитъ во время осады Севастополя въ 1854 году. Старшая дочь Александра умерла 1858 году отъ холеры; отъ всей семьи осталась одна только дочь, дѣвица Софія Павловна. Мать ихъ не долго пережила мужа, котораго страстно любила; она скончалась въ помѣшательствѣ. А. Г. и П. И. Калошины погребены въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

По какой-то странной разсѣянности, я перепуталъ имена и написалъ, что кузина моя, красавица Варенька Толстая, старшая дочь дяди графа Александра Степановича, вышла будто бы замужъ за Нарышкина, между тѣмъ какъ мужъ ея былъ А. Я. Потемкинъ. Младшая сестра ея, Марья Александровна, была также красавицею въ свое время, и трудно рѣшить, которая изъ двухъ сестеръ была красивѣе. Вступивъ въ бракъ съ А. И. Колеминымъ, человѣкомъ очень богатымъ, милая кузина моя М. А. жила въ Москвѣ, въ прекрасномъ домѣ на Никитской, купленнымъ ею у князя Черкасскаго. Этотъ домъ остался мнѣ навсегда памятнымъ,—такъ много провелъ я въ немъ пріятныхъ вечеровъ. У Колеминыхъ были дѣти: Николай, скончавшійся въ молодости, Александръ, служащій при посольствѣ въ Стокгольмѣ и женатый на графинѣ Чапской, и Борисъ, съ которымъ я часто видаюсь въ

Москвѣ. Сестра ихъ Ашинька (какъ прозвала она сама себя въ дѣтствѣ), прелестное созданіе, была замужемъ за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и, скоро овдовѣвъ, вступила во второй бракъ съ флигель-адъютантомъ, полковникомъ С. В. Оливъ.

Не хочу пройти молчаніемъ мимо личности, весьма полезной для всей моей семьи. Это былъ крѣпостной дворовый человѣкъ моей матери Прохоръ Ивановъ, по прозванію Долбиловъ. Онъ служилъ честно и усердно въ теченіе 60 лѣтъ въ разныхъ должностяхъ; наконецъ, ему ввѣрено было въ полное распоряженіе имѣніе мое въ Малоархангельскомъ уѣздѣ. Заслуги его подробно изложены въ слѣдующемъ письмѣ моемъ, написанномъ, когда минуло полвѣка его службы.

«Прохоръ Ивановичъ! Въ нынѣшнемъ Іюлѣ исполняется пятидесятилѣтіе твоей усердной, честной и полезной службы моему семейству. Будучи взять изъ крестьянъ Ярославской губерніи Мышкинскаго уѣзда въ 1818 году, ты нѣсколько времени состоялъ камердинеромъ при покойномъ родителѣ моемъ, а послѣ того исполнялъ всякаго рода порученія, требующія честности и вѣрности: обозрѣвалъ имѣнія, собиралъ оброки и недоимки съ крестьянъ. Съ 1848 года поручено тебѣ покойною родительницею моею управленіе подмосковными ея имѣніями, селомъ Каменками и деревнею Сихневою, и въ то же время ты ежегодно отправлялся на зиму въ мое имѣніе Орловской губерніи Малоархангельскаго уѣзда, сельцо Кузнечики, для продажи хлѣба и присылки оттуда денегъ, а иногда ревизовалъ въ Калужской губерніи имѣнія любезнѣйшей супруги моей, графини Елисаветы Петровны. Съ 1860 года и донынѣ ты безвыѣздно управляешь вышесказаннымъ имѣніемъ моимъ въ Орловской губерніи, причемъ оказалъ весьма многіе опыты распорядительности, добросовѣстной и неутомимой дѣятельности: при введеніи въ дѣйствіе Высочайшаго манифеста 19 Февраля 1861 года ты умѣлъ соблюсти порядокъ и спокойствіе во ввѣренномъ тебѣ имѣніи, согласить обоюдныя выгоды помѣщика и крестьянъ, ввести уставную грамоту и разверстаніе угодій и, наконецъ, достигнуть того, чего тщетно въ теченіе многихъ лѣтъ желали родители мои и я — окончить полюбовное размежеваніе съ сосѣдними владѣльцами. Отдавая полную справедливость твоимъ заслугамъ и желая сохранить память о пятидесятилѣтнихъ трудахъ твоихъ, посылаю тебѣ карманные часы, на которыхъ вырѣзано твое имя и годы 1818—1868 и портретъ всѣхъ дѣтей нашихъ въ лабрадоровой оправѣ. Искренно желаемъ, чтобы Господь еще надолго сохранилъ силы твои для продолженія полезной намъ твоей дѣятельности. Писано въ Москвѣ 8 Іюля 1868 года. Пребываю тебѣ доброжелательный и благодарный графъ Михаилъ Толстой». Прохоръ Ивановъ умеръ въ глубокой старости, на службѣ, 24 Августа 1876 го-

да. На могилѣ его поставленъ мною памятникъ, съ текстомъ изъ Евангелія: «Рабе благій и вѣрный, вмалѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю. Вниди въ радость Господа твоего».

Замѣчательна еще одна женщина въ числѣ бывшей крѣпостной нашей прислуги. Авдотья Денисовна, которую мы привыкли звать Дуняшей, съ самой ранней молодости поступила въ должность горничной при женѣ моей, задолго до нашего брака. Съ того времени и до сихъ поръ она, въ теченіи болѣе 40 лѣтъ, служитъ намъ честно и усердно, завѣдывая всей домашней экономіей и отличаясь искреннею привязанностью къ дѣтямъ нашимъ, выросшимъ на ея глазахъ. Такіе люди, какъ Прохоръ Ивановъ и Дуняша, составляютъ величайшую рѣдкость въ наше время, а въ будущихъ поколѣніяхъ едва ли найдутся подобные имъ. Они заслуживаютъ, чтобы объ нихъ помнили потомки тѣхъ, которымъ они служили цѣлый вѣкъ вѣрою и правдою.

Наконецъ, скажу еще нѣсколько словъ о мальчикѣ, для котораго незабвенный нашъ Володя оказался благодѣтелемъ. По чувствительности сердца, нашъ милый отрокъ никогда не могъ пройти равнодушно мимо страждущаго или скорбящаго. За нѣсколько дней до послѣдней своей болѣзни, онъ встрѣтилъ въ Каменкахъ трехъ мальчиковъ, просящихъ милостыни; старшему изъ нихъ было 8 лѣтъ. Это были дѣти крестьянина, отданнаго міромъ въ солдаты; мать ихъ въ то время содержалась въ тюрьмѣ за воровство. Володя принялъ сердечное участіе въ несчастныхъ малюткахъ и просилъ мать свою, чтобы имъ давать ежедневно пищу изъ застольной. Когда онъ скончался, мы тотчасъ озаботились призрѣніемъ дѣтей, на которыхъ онъ обращалъ вниманіе предъ концомъ краткой своей жизни. Но двое младшихъ ребятъ вскорѣ умерли отъ холеры; остался одинъ старшій Петруша, который, по мірскому приговору, былъ отданъ мнѣ на воспитаніе и въ память своего благодѣтеля, получилъ отъ меня прозваніе Володина. По милости покойнаго о. намѣстника Лавры Антонія онъ поступилъ въ училище Дома Призрѣнія, а оттуда, выучившись читать и писать, принятъ въ монастырскую живописную школу. Судя по успѣхамъ и благонравію этого мальчика, можно надѣяться, что Петръ Володинъ будетъ со временемъ порядочнымъ художникомъ и хорошимъ человѣкомъ.

*

Печатаніе моихъ «Разсказовъ изъ исторіи Р. Церкви» начато въ 1865, а не въ 1862 году.

*

М. Н. Лаврова скончалась въ 1877, а не въ 1879 году.

*

*

Говоря о С. Н. Корсаковѣ и его семействѣ, я сдѣлалъ важную ошибку а именно приписалъ матери его то, что случилось не съ нею, а съ госпожею** которая лишилась двухъ сыновей въ Бородинскомъ сраженіи. А у Анны Семеновны былъ одинъ только сынъ—Семенъ Николаевичъ. Когда вышелъ манифестъ объ ополченіи 1812 года, С. Н. принесъ его для прочтенія матери, она, по влеченію любви къ Отечеству, свойственному ея отцу и брату, знаменитому графу Н. С. Мордвинову, немедленно благословила своего единственнаго сына на военные подвиги. Когда онъ сражался въ рядахъ Петербургскаго ополченія, подъ начальствомъ Витгенштейна, мать его оставалась въ деревнѣ близъ Петербурга.

ОТВѢТЫ НА ВОЗРАЖЕНІЯ.

Нѣкоторыя черты моихъ Воспоминаній вызвали возраженія со стороны А. А. Стаховича и неизвѣстнаго, скрывшаго свое имя подъ литерою N. На оба эти возраженія, напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ (1881 г. кн. II, стр. 505—508), считаю себя обязаннымъ отвѣчать.

Съ удовольствіемъ увидѣлъ я подпись А. А. Стаховича, котораго я зналъ еще ребенкомъ въ домѣ почтенныхъ его родителей. Отвѣчать ему мнѣ вовсе не затруднительно. Если А. А. самъ признаётъ, что ходили слухи о предстоящемъ взятіи въ опеку имѣнія А. В. Перваго, то мудрено ли, что эти толки дошли до меня, и я могъ повѣрить имъ; тѣмъ болѣе, что я слышалъ о томъ отъ Орловскаго губернскаго предводителя дворянства В. М. Тютчева и сосѣдей моихъ, помѣщиковъ Малоархангельскаго уѣзда?

Что же касается до природной скупости покойнаго А. В. Перваго, то я снова увѣряю, что онъ многимъ изъ друзей своихъ повторялъ приведенныя мною слова: „Мнѣ также трудно оторвать отъ себя десять рублей, какъ и тысячу". Эти слова я и многіе другіе, находящіеся до сихъ поръ въ живыхъ, слышали отъ С. А. Маслова, который никогда не лгалъ. Думаю, что внуку почтеннаго Перваго не можетъ быть непріятнымъ такой отзывъ о дѣдѣ его, который усиленно боролся съ природнымъ своимъ недостаткомъ и успѣлъ переработать себя, сдѣлавшись изъ скупца щедрымъ и примѣрно-благотворительнымъ человѣкомъ. Такая побѣда надъ самимъ собою служитъ, конечно, не къ безчестію, а къ славѣ его имени.

*

Не мало удивлялся я, читая замѣтку г-на N, который упрекаетъ меня въ томъ, что я будто бы обозвалъ деистами Московскихъ масоновъ, и старается доказать, что между ними было немало людей искренно-вѣрующихъ. Но я никогда и не думалъ назвать деистомъ кого-либо изъ братьевъ-каменьщиковъ ложи „Ищущихъ Манны". Я сказалъ только, что иные изъ нихъ оставались равнодушными къ догматамъ и святынямъ Православной Церкви; сказалъ я также, что вступленіе въ масонство дозволено всѣмъ, вѣрующимъ въ Еди-

наго Бога, слѣдовательно не только Христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, но и Евреямъ, Магометанамъ и деистамъ. Можно ли заключить изъ этихъ словъ, что я считаю Московскихъ масоновъ за деистовъ, или за Евреевъ и Магометанъ?

Правда, что я не справлялся со статьями Лонгинова и другихъ, да и не имѣлъ нужды въ подобныхъ справкахъ, говоря о лицахъ лично мнѣ знакомыхъ. О митрополитахъ Платонѣ и Михаилѣ, о Новиковѣ и Гамалеѣ я не могъ упоминать, какъ желаетъ того г-нъ N.; потому что не зналъ ихъ и не былъ ихъ современникомъ, а „теозофское" *) направленіе мнѣ вовсе неизвѣстно.

Замѣчательно, что г-нъ N., не упоминая о двухъ Поздѣевыхъ, Головинѣ, Фонвизинѣ, какъ главныхъ вождяхъ современнаго намъ масонства въ Москвѣ, говоритъ исключительно о В. Д. Камынинѣ и С. И. Арсеньевѣ, не игравшихъ никогда важной роли между своими собратіями, и выставляетъ ихъ на видъ какъ „истинныхъ чадъ Православной Церкви". Имена этихъ лицъ привели меня къ догадкѣ о близкихъ родственныхъ отношеніяхъ къ нимъ автора замѣтки, въ которомъ узналъ я весьма уважаемую мною личность. Не будетъ ли мнѣ дозволено обратить къ г-ну N. собственныя его слова: „Пора всему дать свое мѣсто, не увлекаясь никакими личными побужденіями"?

Графъ М. Толстой.

---

*) „Теозофское или по-русски богомрачное направленіе не имѣетъ смысла. Не можетъ быть ничего общаго между превѣчнымъ свѣтомъ—Богомъ и мракомъ (по-гречески зофосъ). Вѣроятно, почтенный критикъ хотѣлъ назвать извѣстное ему направленіе теософскимъ, т.-е. богомудрымъ. Впрочемъ, выраженіе „теозофскій" встрѣчается не рѣдко въ масонскихъ книгахъ.

КОМУ НУЖНА И КОМУ СТРАШНА КОНСТИТУЦІЯ?

Прежде разсмотрѣнія этого вопроса, нужно знать чтó такое конституція.

По понятію Западной Европы конституція обусловлена слѣдующею формулою: «Законодательная власть въ рукахъ народа, исполнительная въ рукахъ правительства». А какъ милліоны народа, живучи на большомъ пространствѣ, не могутъ сходиться въ одно мѣсто для начертанія законовъ; короли же, съ своей стороны, не могутъ разъѣзжать каждый по своему государству для ихъ исполненія, то изъ этого вытекаютъ необходимость пассивной роли обоихъ и переходъ власти отъ народа къ избираемымъ имъ коноводамъ-либераламъ, а отъ королей къ окружающимъ ихъ бюрократамъ. Отсюда понятенъ союзъ либерализма съ бюрократіей, при которомъ государство качается какъ маятникъ между кровавою анархіею и разноцвѣтнымъ деспотизмомъ, временно оставаясь на безцвѣтной срединѣ. Исторія показываетъ ясно, чтó такое выборы, чтó такое конституціонные правители, ловкіе, съ хитрымъ умомъ, съ желѣзною волею.

Но разсмотримъ, чтó дѣлается съ верховною монархическою властію. Она, или остается ограниченною обѣими союзными партіями, или на рискъ разрушаетъ эти оковы и дѣйствуетъ внѣ всякихъ конституціонныхъ предѣловъ. Чему подвергается народъ?—Интригамъ партій при выборахъ; а затѣмъ, или страдательному положенію, на подобіе тельца, влекомаго на торжище, или самоволію деспотовъ-честолюбцевъ, или анархіи и всѣмъ ужасамъ революціи. Чѣмъ становится бюрократія? Тѣмъ же, чѣмъ произвольно себя нарекла: правительствомъ исполнительнымъ. Не измѣняя своей роли, она сохраняетъ свое существованіе и возможность, ловко лавируя, своевольничать, какъ отъ имени королей, такъ отъ лица народа, и продавать верховную власть то тому, то другому. Чтó выигрываютъ либералы? Все, чего не имѣли прежде:

независимое положеніе и значеніе, какъ народные законодатели. Гдѣ же въ этой сдѣлкѣ помѣстное дворянство? Оно, какъ естественный врагъ революціонному либерализму и деспотствующей бюракратіи, исчезаетъ незамѣтно.

И такъ, кому же нужна и кому страшна подобная конституція?

Неужели можно думать, что въ Россіи полумилліонное дворянское сословіе будетъ само вынимать каштаны изъ печи, какъ обезьяна для кошки, рискуя своимъ бытіемъ въ хитрой комбинаціи, по которой, въ случаѣ успѣха, стирается до ничтожества, а неуспѣха дѣлается жертвою или, лучше сказать, цѣлью виновности? Неужели, ловко возбуждая на него вражду и ненависть другихъ сословій, хотятъ поставить его въ безвыходное положеніе самоуничтоженія? Неужели, внушая ему, представителю вотчиннаго права собственности, опасеніе произвольнаго лишенія этого права (освященнаго основными государственными законами и подтвержденнаго торжественно монаршимъ словомъ во всенародныхъ рескриптахъ), надѣются увлечь дворянство въ коловоротъ конституціонный, изъ мелочной надежды сохранить для себя хотя часть пустырей и правà мѣщанства? Неужели мечтаютъ отнять у вѣрноподданнаго дворянства опору правосуднаго самодержавія, которому въ свою очередь служатъ опорою правосудіе и вѣрность подданства? Нѣтъ! Россіи нужно своебытное устройство. Ей не нужно Западнаго ограниченія судебъ государственныхъ и верховной власти въ законодательномъ союзѣ двухъ партій, представительницъ законодательства и исполнительности; точно также какъ ей не нужно Восточнаго дикаго деспотизма съ его безотчетно-своевольными пашами, баскаками, раджами, коммисарами и враждебно-раздѣленными кастами.

Времена Макіавелевскаго ученія (раздѣляй, чтобы царствовать) прошли и породили, какъ естественное послѣдствіе, другое ученіе: возмущай, чтобы низвергать.

Россіи нужно самодержавіе нераздѣльное, какъ символъ государственнаго единства, какъ связь, безъ которой распаденіе неминуемо. Ей нуженъ народъ, тоже нераздѣленный законодательствомъ въ своихъ пользахъ *) на междоусобно-враждующія сословія, которыхъ бы частныя выгоды состояли въ томъ, что кто кого обманетъ? Ей нужно дворянство не только дружинное или служилое, какъ было въ старь, но съ тѣмъ благороднымъ, высокимъ развитіемъ, которому положено основаніе въ великой его грамотѣ, и которое должно идти соотвѣт-

*) Взглянемъ на десятивѣковую жизнь нашу, на основную мысль нашихъ великихъ законодателей, развившую силу Россіи: эта мысль: единство выгодъ, благосостояніе общее, нераздѣльное.

ственно развитію другихъ сословій, а не отставать отъ нихъ. Благородное дворянство изъ поконъ вѣковъ до нынѣ кровью и жертвами своими искупило самостоятельность, спокойствіе, порядокъ въ Россіи, коей благоденствіе ему дорого, какъ собственное дѣтище, какъ средоточіе всѣхъ драгоцѣнныхъ его интересовъ. Извергать его изъ участія въ ономъ, или замѣнить его чѣмъ нибудь инымъ—невозможно. Устраненіе значенія помѣстнаго дворянства есть обрывъ связи престола съ народомъ, потеря представительства нуждъ государственныхъ, уменьшеніе залога повсемѣстнаго спокойствія и силы во дни невзгодъ, есть разгулъ для революціоннаго либерализма или усиленіе тяжкаго всѣмъ деспотизма бюрократовъ; а слѣдов. или раздѣлъ съ ними верховной власти, или ограниченіе ея со стороны демократіи,—въ обоихъ случаяхъ умаленіе правильнаго значенія самодержавія.

Вникнувъ хорошенько, неугодно ли вдуматься—кому нужна и кому страшна Западная конституція?!

(Сообщено М. В. Юзефовичемъ).

РАЗСКАЗЫ О Г. С. БАТЕНКОВѢ [1]).

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ родился 25-го Марта 1793 года въ городѣ Томскѣ. Съ первой же минуты его жизнь ознаменовалась необыкновеннымъ происшествіемъ: ребенка сочли мертвымъ и собирались уже похоронить, когда замѣтили въ немъ признаки жизни.

И такъ онъ въ первый разъ вздохнулъ въ гробикѣ.

Воспитывался Гавріилъ Степановичъ въ томъ же Томскѣ, сперва въ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ гимназіи, и отличался большими способностями по математикѣ. Затѣмъ вступилъ онъ въ артиллерійскій полкъ (14-я батарейная батарея) и въ 1814 году вмѣстѣ съ своимъ полкомъ отправился во Францію. Подъ Монмиралемъ его батарея была оставлена въ жертву непріятелю, для того чтобъ задержать значительную силу Французской арміи. Полковникъ Сакенъ отстрѣливался съ успѣхомъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; наконецъ, онъ былъ вынужденъ отступить, бросивъ врагу пушки и скомандовавъ людямъ взять лошадей отъ орудій и ретироваться верхомъ. Батенковъ, къ несчастью, ѣздить верхомъ не умѣлъ; онъ замѣшкался и былъ взятъ въ плѣнъ Французами. Солдаты подвели его къ какому-то маршалу, сидѣвшему на бѣлой лошади, съ словами „un officier russe". Маршалъ отвѣчалъ: „massacrer!" Тогда солдаты бросились на Батенкова, повалили его и проткнули его штыками въ четырнадцати мѣстахъ; между прочимъ одинъ штыкъ прошелъ ему сквозь горло и вонзился въ землю. Батенковъ не помнилъ, сколько времени онъ лежалъ безъ чувствъ: помнилъ только, что, очнувшись ночью, услышалъ онъ какой-то голосъ говорившій: „que celui qui vit donne un signe!" [2]) Какъ потомъ оказа-

---

[1]) Записаны въ одномъ семействѣ, которое было съ Батенковымъ связано тѣсною, многолѣтнею дружбою. См. „Р. Архивъ" нынѣшняго года, кн. II-ю, стр. 251. П. Б.

[2]) Кто живъ, пусть дастъ знать!

лось, это были Французы, пришедшіе на поле битвы, чтобы убрать трупы. Батенковъ, напрягши всѣ свои силы, сдѣлалъ знакъ пальцемъ, въ то время какъ Французскій офицеръ съ фонаремъ нагнулся надъ нимъ. По счастью, это движеніе Батенкова было замѣчено, и офицеръ приказалъ солдатамъ нести раненаго въ госпиталь; но солдаты грубо отказались, говоря, что они пришли убирать мертвыхъ, а не хлопотать надъ ранеными. Тогда офицеръ кликнулъ своего товарища, другаго офицера, и они вдвоемъ подняли Батенкова, и сами понесли его чрезвычайно бережно, командуя: «правой, лѣвой, un, deux!» чтобы поменьше трясти раненаго. Передавая Батенкова во Французскій госпиталь, они сказали доктору, что это очень важный плѣнный, присланный маршаломъ Неемъ, который приказываетъ лѣчить его и заботиться о немъ какъ можно тщательнѣе. Батенковъ не помнилъ, сколько времени онъ провелъ въ этомъ госпиталѣ, гдѣ за нимъ дѣйствительно отлично ходили и гдѣ онъ оправился вполнѣ отъ своихъ ранъ.

Однажды Батенковъ замѣтилъ большое движеніе въ городѣ, и слышна была стрѣльба; но больнымъ не у кого было спросить о причинѣ этой канонады, такъ какъ ни докторъ, ни фельдшера въ этотъ день вовсе не показались въ госпиталѣ, и больные остались даже безъ пищи. Наконецъ, вечеромъ, вдругъ вошелъ въ госпиталь Русскій солдатъ, со словами: «Нѣтъ ли здѣсь Русскихъ?» Батенковъ, протянувъ ему руки, сказалъ: «Я Русскій!»—«Такъ чего же ты лежишь, вставай и иди: городъ нашъ! А ты кто такой?»—«Я офицеръ».—«Извините, ваше благородіе; позвольте, я васъ отнесу».

Между тѣмъ 14-я батарея считала Батенкова мертвымъ; офицеры, очень любившіе своего товарища, отслуживъ по немъ панихиду, угостили солдатъ поминальнымъ обѣдомъ, а сами справляли по немъ тризну. Они собрались всѣ вмѣстѣ вечеромъ у одного изъ товарищей и поминали Гавріила Степановича, какъ вдругъ къ нимъ взошелъ самъ Батенковъ. Имъ всѣмъ показалось, что это выходецъ съ того свѣта; они глазамъ своимъ не вѣрили. Наговорившись вдоволь, далеко за полночь, офицеры разошлись по своимъ квартирамъ, и Батенковъ остался наединѣ съ своимъ другомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, которому онъ предложилъ пойти погулять въ горы. Когда они пришли въ довольно уединенное мѣсто, Батенковъ вдругъ остановился, посмотрѣлъ на Елагина, и глухимъ голосомъ спросилъ его: «Неужели и ты въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что я живъ?» Какъ Елагинъ потомъ разсказывалъ, у него невольно волосы стали дыбомъ, и ему подумалось: «а ну какъ это точно мертвецъ?!»

По окончаніи войны, Батенковъ перешелъ служить въ Варшаву, но вскорѣ подалъ въ отставку по слѣдующему случаю. Идя разъ по

улицѣ въ штатскомъ платьѣ, Батенковъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ начальниковъ, который остановилъ Гавріила Степановича словами: «надѣвши разъ ливрею, нельзя смѣть ее снимать».—«А если это ливрея», возразилъ Батенковъ, «то я подаю въ отставку». И вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣхалъ служить въ Сибирь, на свою родину. Капцевичъ, бывшій тогда губернаторомъ въ Томскѣ, подалъ высшему начальству смѣту о мостѣ, который долженъ былъ строиться. Батенковъ вызвался выстроить его за полцѣны, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе Капцевича, и былъ бы безъ сомнѣнія стертъ имъ совершенно, еслибы въ это время не пріѣхалъ ревизовать тотъ край Сперанскій. Гавріилу Степановичу поручено было составить записку о состояніи и нуждахъ края, для подачи Сперанскому; записка эта была такъ хорошо и дѣльно составлена, что ревизоръ пожелалъ познакомиться съ составителемъ ея, полюбилъ Батенкова и взялъ его съ собою въ Петербургъ, гдѣ Гавріилъ Степановичъ поселился у него въ домѣ [1]). У Сперанскаго же встрѣтилъ Батенкова Аракчеевъ и сдѣлалъ ему важныя порученія, такъ что Батенковъ единовременно служилъ и у Сперанскаго, и у Аракчеева. Между прочимъ Батенковъ составлялъ бумаги по устройству военныхъ поселеній.

Бывши обвиненъ въ участіи въ заговорѣ 14-го Декабря 1825 года, Батенковъ былъ посаженъ въ крѣпость. Въ послѣдствіи оказалось, что онъ невиненъ; тогда императоръ Николай Павловичъ приказалъ выпустить его, произвести въ слѣдующій чинъ и дать денежное вознагражденіе. Батенковъ чрезвычайно испугался этаго, думая, что заговорщики, узнавъ о царской къ нему милости, обвинятъ его въ предательствѣ, вслѣдствіе чего онъ написалъ письмо къ Государю, въ которомъ объявлялъ, что хотя онъ и не участвовалъ въ заговорѣ 14-го Декабря, но сочувствуетъ людямъ, которые замѣшаны въ немъ, и что если его выпустятъ, то онъ, Батенковъ, составитъ новый заговоръ. Государь послалъ къ нему своего доктора Арендта освидѣтельствовать, нѣтъ ли у него горячки; тогда Батенковъ сказалъ Арендту: «Если вы скажете, что я боленъ, то пусть вы и отвѣчаете за послѣдствія моего освобожденія!»

---

[1]) Живучи въ домѣ у Сперанскаго, Батенковъ былъ свидѣтелемъ, какъ Сперанскій, желая породниться съ знатью, употреблялъ крутыя мѣры для того чтобы заставить дочь свою выдти за мужъ за одного изъ племянниковъ князя Кочубея, тогда какъ она полюбила сына своей воспитательницы, молодаго Вейкарта, который ѣздилъ со Сперанскимъ по Сибири и которому самъ онъ писалъ великія похвалы въ письмахъ къ дочери, остававшейся въ Петербургѣ. *П. Б.*

Тогда Арендтъ доложилъ Государю, что хотя пульсъ и возбужденъ, но умственной болѣзни онъ не нашелъ. Батенкова приговорили къ двадцатилѣтнему заключенію въ Петропавловскую крѣпость. Съ 1826 года по 1846 г. онъ былъ заживо похороненъ въ трехаршинномъ казематѣ. Алексѣй Андреевичъ Елагинъ, узнавъ о заключеніи своего пріятеля, прискакалъ въ Петербургъ; несмотря на всѣ его старанія, ему не удалось выпросить свиданія съ другомъ, но ему позволили послать Батенкову Библію, и Елагинъ послалъ ее на всѣхъ возможныхъ языкахъ, приложивъ также лексиконы. Это чтеніе и изученіе языковъ было единственнымъ занятіемъ Батенкова. За все время своего заключенія онъ не слыхалъ человѣческаго голоса, не видалъ человѣческаго лица, исключая дней Свѣтлаго Праздника, когда комендантъ приходилъ христосоваться съ заключенными.

Пища подавалась Батенкову въ окошечко, изъ корридора, въ которомъ день и ночь стояли часовые; казематъ его былъ темный и освѣщался лампой. Однажды Гавріилъ Степановичъ жестоко заболѣлъ и черезъ часоваго попросилъ коменданта допустить къ нему священника, но въ этомъ ему было отказано. Друзья Батенкова были всѣ увѣрены, что онъ умеръ или съ ума сошелъ. Онъ вполнѣ потерялъ счетъ времени; ему казалось, что онъ сидитъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ, что онъ иногда нѣсколько мѣсяцевъ стоитъ на молитвѣ, и во все время ничего не ѣстъ. Онъ даже и въ послѣдствіи былъ въ этомъ увѣренъ. Батенковъ за эти 20 лѣтъ совершенно разучился говорить; о многомъ онъ совершенно потерялъ понятіе.

Когда графъ А. Ѳ. Орловъ былъ назначенъ начальникомъ тайной полиціи, то участь несчастнаго Батенкова немного облегчилась: ему разрѣшили читать прошлогоднія газеты; Орловъ прислалъ ему сигаръ, бумаги для писанія, и велѣлъ у него спросить, какого онъ желаетъ вина; потомъ Батенкову позволили каждый день выходить погулять по крѣпостному двору, со всѣхъ сторонъ окруженному стѣнами.

Наконецъ въ 1846 году, комендантъ Петропавловской крѣпости Скобелевъ доложилъ Государю, что такой-то № (имя Батенкова, какъ кажется, не было извѣстно коменданту) отсидѣлъ срокъ своего заключенія. Императоръ приказалъ спросить у Батенкова, въ какой городъ Сибири желаетъ онъ ѣхать на поселеніе. Батенковъ назвалъ Томскъ, мѣсто своего рожденія. Передъ его отъѣздомъ Скобелевъ далъ обѣдъ въ его честь и спросилъ, кого онъ желаетъ пригласить. Большей части названныхъ имъ лицъ уже не было въ живыхъ! Батенкова отправили съ жандармомъ по ошибкѣ въ Омскъ. Узнавъ объ этомъ дорогой, онъ потребовалъ остановиться на станціи и ждать поправки изъ Петербурга, что̀ и было исполнено. Когда Батенковъ проѣзжалъ че-

резъ Москву, то упросилъ своего провожатаго (жандарма) заѣхать въ домъ Елагиной у Красныхъ воротъ; но, къ несчастію, все семейство было въ то время въ деревнѣ, домъ былъ пустъ. Батенкову было запрещено писать, каждое его письмо должно было идти на цензуру въ Петербургъ, и онъ принужденъ былъ проѣхать дальше, никому не давъ знать, что онъ еще живъ.

Пріѣхавъ въ Томскъ, жандармъ снялъ съ него казенный тулупъ и выпустилъ безъ гроша денегъ на улицу. Батенковъ, чтобы согрѣться, зашелъ въ трактиръ. Тамъ встрѣтилъ онъ своего стариннаго знакомаго Дѣева, которому нѣкогда, во время своего служебнаго значенія, Батенкову удалось оказать услугу. Какимъ-то чудомъ они узнали другъ друга. У Дѣева уже были запряжены лошади ѣхать въ Россію; но онъ повелъ Батенкова къ своему пріятелю Лутчеву и сказалъ сему послѣднему: «Вы говорили мнѣ, что желали бы найти случай выразить мнѣ свою благодарность; вотъ я привелъ къ вамъ Г. С. Батенкова, поручаю его вамъ: теперь настало время, когда вы можете доказать на дѣлѣ ваши слова. Пусть отнынѣ Г. С. будетъ у васъ въ домѣ хозяиномъ». Лутчевъ свято исполнилъ приказаніе Дѣева, и Батенковъ прожилъ въ его домѣ 10 лѣтъ безвыѣздно. Батенкову дано было право писать письма одинъ разъ въ мѣсяцъ; онъ часто пользовался этимъ правомъ, чтобы писать между прочимъ Елагинымъ, но письма направлялись черезъ третье отдѣленіе и приходили уже изъ Петербурга. Во избѣжаніе этого, Батенковъ часто диктовалъ письма Лутчеву, который писалъ какъ бы отъ своего имени. Наконецъ, въ 1856 году было разрѣшено декабристамъ возвратиться изъ Сибири, и Батенковъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Тульское имѣніе Елагиныхъ, село Петрищево, и тамъ поселился. Друга своего А. А. Елагина онъ уже не засталъ въ живыхъ (онъ умеръ ударомъ въ 1846 году, въ тотъ самый день, когда Батенковъ проѣзжалъ черезъ Москву, по дорогѣ въ Сибирь). Но въ Петрищевѣ жили его вдова и дѣти. Батенковъ иногда уѣзжалъ отъ нихъ въ Москву, Петербургъ, также и въ Варшаву, гдѣ гостилъ у своего друга Погодина (Василья Васильевича).

Гавріилъ Степановичъ очень не любилъ вспоминать о крѣпости, такъ что большаго труда стоило узнать отъ него что нибудь объ этой ужасной жизни. Проведя 20 лѣтъ въ полномъ безмолвіи, Батенковъ чрезвычайно тяготился тишиной. Однажды въ Петрищевѣ сидѣлъ онъ у камина, въ комнатѣ никого не было. Вдругъ слышатъ, что изъ этой комнаты раздаются крики; всѣ побѣжали туда. Но вбѣжавъ въ комнату, находятъ одного Батенкова, спокойно сидящаго у камина. —Гаврилъ Степановичъ, что съ вами? спрашиваютъ его. «Ничего, надо же человѣку и покричать». Видно, это была у него привычка въ крѣ-

ности, чтобы услышать звукъ голоса. Батенковъ также никакъ не могъ долго сидѣть на мѣстѣ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выѣхать, хотя бы покататься. Однажды проѣзжалъ онъ черезъ Калугу во время сильнаго пожара и тотчасъ же рѣшился купить тамъ домъ, для того чтобы, какъ онъ говорилъ, поддержать несчастный городъ, въ которомъ теперь никто жить не захочетъ. Онъ дѣйствительно исполнилъ свое намѣреніе и скоро переселился туда совсѣмъ; выписалъ къ себѣ вдову Лутчева съ ея двумя сыновьями, а послѣднихъ помѣстилъ въ Калужскую гимназію. Въ Калугѣ жили въ то время многіе декабристы. Батенковъ сошелся съ ними и принималъ очень живое участіе въ губернскихъ комитетахъ объ освобожденіи крестьянъ. Онъ очень цѣнилъ и уважалъ губернатора Арцимовича и горячо за него заступался, когда на него нападали.

Батенковъ былъ необыкновенно благочестивъ, зналъ наизустъ Библію, всѣ церковныя службы, и никогда не пропускалъ никакого богослуженія. Когда Батенковъ былъ взятъ послѣ 14-го Декабря, то его состояніе неизвѣстно куда исчезло; но незадолго до 14-го Декабря Батенковъ былъ представленъ къ наградѣ (бриллiантовому перстню), и ему еще не успѣли выдать его. Перстень этотъ былъ оцѣненъ въ 5 тысячъ рублей. Когда Батенкова выпустили изъ крѣпости, Государь Александръ II-й приказалъ выдать ему эти деньги съ процентами, и Батенковъ получилъ пятнадцать тысячъ серебромъ. Сверхъ того, друзья Батенкова, Сибирскіе золотопромышленники (Аргамаковъ и другіе, имянъ которыхъ не помню), сказали Гавріилу Степановичу, что они въ то время, когда его посадили въ крѣпость, купили на его имя одинъ пай золотыхъ пріисковъ; они выдавали Батенкову съ этого пая ежегодно 1000 червонцевъ. И такъ старикъ жилъ совершенно безбѣдно.

Батенковъ скончался въ 1863 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, на 71-мъ году, отъ воспаленія легкихъ. Свой домъ и свое состояніе онъ завѣщалъ вдовѣ Лутчева (Цуриковой) и приказалъ похоронить себя въ селѣ Петрищевѣ, рядомъ съ другомъ своимъ Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, что̀ и было исполнено.

ПИСЬМО М. П. ПОГОДИНА КЪ П. П. СЕМЕНОВУ.

Письмо это написано къ П. П. Семенову М. П. Погодинымъ въ качествѣ гласнаго Московской Городской Думы, по случаю посѣщенія Москвы нѣкоторыми изъ членовъ Международнаго Статистическаго Конгресса, происходившаго въ Петербургѣ въ Августѣ 1872 года. По неизвѣстнымъ причинамъ, оно попало въ руки того лица, къ которому было адресовано, гораздо позже, чѣмъ было написано, и потому не могло быть обнародовано своевременно, хотя и предназначалось къ гласности.

*

Милостивый государь Петръ Петровичъ!

Московскіе граждане искренно сожалѣютъ о томъ, что, за недостаткомъ времени, опредѣленнаго членами Статистическаго Конгресса на пребываніе въ Москвѣ, Думѣ невозможно было почтить ихъ достойно, нарочитымъ празднествомъ, предложить имъ по исконному обычаю Московской хлѣба-соли, и пожелать всякихъ успѣховъ на достославномъ поприщѣ ихъ дѣланія.

Намъ, старымъ Москвитянамъ, было бы пріятно, если-бъ вы приняли на себя трудъ выразить имъ чувство нашего сожалѣнія, и вмѣстѣ чувство нашей признательности, съ которымъ мы смотрѣли издали на ваши почтенныя занятія.

Numeri regunt mundum (числа управляютъ міромъ). Никогда это древнее замѣчаніе не имѣло такого очевиднаго подтвержденія, какъ въ наше время, точно какъ и другое правило: «познай самаго себя», никогда не дѣлалось такою необходимостію для всей Европы вообще, и для каждаго государства въ особенности, какъ теперь. Всѣ Европейскія государства такъ сблизились между собою и подверглись такому взаимному вліянію, благодаря преимущественно желѣзнымъ дорогамъ и электрическимъ телеграфамъ, что составили дѣйствительно одно цѣлое, одно тѣло, одинъ живой организмъ. Недостаточное свѣдѣніе о какой бы то ни было части этого организма и его отправленіяхъ отзывается

неминуемо на ней самой и на всѣхъ прочихъ, съ ощутительнымъ ущербомъ для обѣихъ сторонъ. Статистика должна спѣшить для предупрежденія подобныхъ вредныхъ недоумѣній и являться вездѣ съ своей помощію.

Россія имѣетъ нужду въ этой помощи всѣхъ больше: она сама себя знаетъ—передъ судомъ науки должно быть искренну—очень поверхностно. Inopem me copia fecit [1]), можетъ впрочемъ, она сказать себѣ въ оправданіе, а Европа знаетъ ее, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, (какъ заявили съ благородствомъ сами представители ея), совершенно превратно.

Вотъ почему, въ видахъ общей пользы, мы были очень рады избранію Петербурга въ нынѣшнемъ году мѣстомъ статистическихъ совѣщаній, и потомъ предположенному посѣщенію Москвы достойными членами Конгресса.

Да, статистика, безпристрастная, благонамѣренная, должна принести великую пользу какъ Россіи, такъ и Европѣ, не говоря уже о той пользѣ, которую получитъ она себѣ, какъ наука, ищущая истины, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Знаменитые представители ея раздѣляютъ безъ сомнѣнія это убѣжденіе, увидѣвъ воочію и осязавъ руками, что́ издали и по слухамъ представлялось имъ иначе.

Россіи, Русскимъ ученымъ, принесутъ они великую пользу, представляя имъ богатые матеріалы для сравненій, выводовъ, заключеній, знакомя ихъ съ своими пріемами, методами для собиранія свѣдѣній, надѣляя добрыми совѣтами, основанными на опытахъ, какъ пользоваться и употреблять найденное, наконецъ принимая непосредственное участіе въ ихъ работахъ, вслѣдъ за Гумбольтомъ и Мурчисономъ, которыхъ имена мы поминаемъ и всегда поминать будемъ съ почтеніемъ и признательностію. Наши ученые,—мы имъ благодарны,—сдѣлали много, но ѣще больше работы статистикѣ у насъ осталось. Русскія земли не всѣ вымѣрены съ точностію, хоть и насчитано уже до 400 тысячъ квадратныхъ миль; наше народонаселеніе не исчислено въ подробности, хоть и значится въ спискахъ уже до 80 милліоновъ; наше ежегодное приращеніе не опредѣлено навѣрное, хоть и полагаемъ мы приблизительно до милліона. Наши моря, озера, рѣки, съ безчисленными родами рыбъ, наши горы съ неистощимыми рудниками всѣхъ металловъ и минераловъ, наши безконечные лѣса, наполненные пушными звѣрями и дичью, черноземныя равнины, не имѣющія нужды въ удобреніи для произращенія всѣхъ родовъ хлѣба, необозримыя степи

---

[1]) Обиліе виною моей бѣдности.

привольныя для скотоводства, огромныя пространства, удобныя для винодѣлія, шелководства и разведенія всякихъ экономическихъ растеній, неисчерпаемые запасы соли и залежи каменнаго угля,—требуютъ обстоятельнѣйшихъ изслѣдованій, и вмѣстѣ обѣщаютъ Европѣ благонадежную житницу, запасный магазинъ всякаго добра на случай нужды, и вѣрное, близкое пристанище для угрожающихъ избытковъ населенія. Вотъ какое обширное поприще представляетъ Россія для статистиковъ. Милости просимъ!

Европѣ могутъ принести великую пользу достопочтенные члены Конгресса, произнося слово со властію, какъ законные судьи, вооруженные цифрами, доказавъ, что государству, обладающему такимъ пространствомъ, такимъ населеніемъ, такимъ обиліемъ въ естественныхъ произведеніяхъ, имѣющему столько дѣла у себя дома, было бы нелѣпостію желать какихъ нибудь приращеній, которыя относились бы къ его владѣнію, какъ единицы или даже дроби, мелкія дроби, къ тысячѣ, къ милліону,—было бы нелѣпостію заботиться о какомъ-нибудь отвлеченномъ ненужномъ вліяніи, которое зависитъ всегда отъ множества разнообразныхъ обстоятельствъ, покупается дорогою цѣною, а никогда не приноситъ никакой пользы, кромѣ вреда.

Такими доказательствами и объясненіями разсѣялись бы, можетъ быть, сколько нибудь разныя предубѣжденія, кривые толки и пустыя догадки, господствующія въ Европѣ о Россіи; утвердилось бы мнѣніе, что Россія, не желая ничего, не имѣя нужды ни въ чемъ, по своему счастливому положенію, согласно съ своей исторіей, можетъ и должна содѣйствовать только движенію впередъ, а не назадъ, водворенію мира, а не войнѣ, проповѣдывать и пріуготовлять (хоть, увы, и въ далекомъ, судя по несчастнымъ обстоятельствамъ, будущемъ) вообще разоруженіе, отнюдь не всеобщее вооруженіе: явленіе, ктобъ что ни говорилъ, все-таки, варварское, недостойное христіанской Европы, называющей себя просвѣщенною.

Изложивъ вкратцѣ Московскія pia desideria, я выражу въ заключеніе надежду, что радушный пріемъ Статистическаго Конгресса, какъ въ Петербургѣ, такъ въ Москвѣ, и въ Варшавѣ, не подастъ Европейскимъ газетамъ повода къ тѣмъ нелѣпымъ подозрѣніямъ, какимъ подверглось въ 1867 году посѣщеніе Славянами нашей Этнографической Выставки. Европейскія газеты не хотѣли тогда понять, что на Этнографической Выставкѣ Русскимъ всего нужнѣе и цѣлесообразнѣе было видѣть представителей Славянскихъ племенъ, съ которыми мы соединены неразрывными узами крови, языка и, большею частію, религіи, съ которыми, для всѣхъ человѣческихъ цѣлей развитія, образованія, преуспѣянія,—намъ необходимо поддерживать нравственное, умственное

духовное единеніе, такое, въ какомъ находятся въ Европѣ племена Нѣмецкія и Романскія, и что стремленіе къ такому единенію не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, а напротивъ имѣетъ право на поощреніе и полное одобреніе.

Такъ точно и теперь мы видимъ съ особеннымъ удовольствіемъ, между именами членовъ Статистическаго Конгресса имена нашихъ единоплеменниковъ, Чеховъ и Кроатовъ, которымъ и желаемъ,—сообщите имъ это—подвигомъ добрымъ подвизатися, къ чести Славянскаго имени, обще со всѣми достойными представителями Европейской науки, которымъ на прощанье съ Москвою, кланяемся низко!

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ коимъ пребыть честь имѣю вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Погодинъ.

Августа 24-го 1872.

(Сообщено **Л. Н. Майковымъ**).

КОЛОКОЛА.

По поводу рѣчи Ригера.

(На Славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, 1867 года).

Заговорилъ Иванъ Великій,
Златою дрогнулъ головой, —
И звонъ по воздуху несется
Надъ всей обширною Москвой.

Со всѣхъ концовъ Москвы великой
Ему въ отвѣтъ, отъ всѣхъ церквей
Старинныхъ, отъ золотоглавыхъ
Ея святыхъ монастырей,

Съ своихъ высокихъ колоколенъ,
Колокола гудятъ, звенятъ;
Перекликаются ихъ звуки —
Они другъ съ другомъ говорятъ.

О, какъ гармоніи въ нихъ много!
Ихъ гимнъ летитъ подъ неба сводъ;
Какъ громозвучно славитъ Бога
Христолюбивый нашъ народъ!

Но тѣже ли бы звуки были,
Когда бъ, плѣнившися мечтой,
Изъ всѣхъ колоколовъ вы слили
Одинъ лишь колоколъ большой?

Просторъ, просторъ ихъ любятъ звуки!
Великъ ли колоколъ иль малъ—
У всѣхъ свой звонъ! Одинъ огромный
Онъ всѣхъ бы только оглушалъ.

Однажды—говоритъ преданье—
Давно, случилось это встарь,
Былъ вылитъ колоколъ огромный
И колоколъ тотъ названъ — царь.

И говорятъ, что онъ на башнѣ
Висѣлъ, былъ слышенъ далеко:
Но онъ отъ тяжести сорвался
И въѣхалъ въ землю глубоко.

Лежалъ онъ долго подъ землею,
Покуда царь его извлекъ;
Стоитъ теперь онъ на подножьи,
А подлѣ выбитый кусокъ.

И близъ него лежитъ желѣзный
Громовой нѣкогда языкъ;
Лежитъ онъ массою тяжелой
Уже безгласенъ — хоть великъ.

Колокола Славянской рѣчи,
Родные языки Славянъ!
Звучите на Славянскомъ вѣчѣ
Отъ сѣверныхъ и южныхъ странъ;

Въ одной гармоніи сливайтесь,
Плѣняйте восхищенный слухъ,
Хоть говоромъ и различайтесь —
Да будетъ въ васъ единый духъ!

И пусть звучитъ на сонмѣ вашемъ
Языкъ могучій Россіянъ,
Какъ въ Свѣтлый Праздникъ Воскресенья
Въ Москвѣ Великій нашъ Иванъ.

Москва 1867. Мая 12. Х.

ПЕРЕПЕЧАТКА СТАРИННОЙ КНИГИ О РУССКОМЪ ТЕАТРѢ.

Драматической словарь, или показанія по алфавиту всѣхъ Россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрахъ, и гдѣ и въ которое время напечатаны. Въ пользу любящихъ театральныя представленія. Точное воспроизведеніе изданія 1787 г. Спб. 1881.

Давно историки нашего театра и нѣкоторые библіографы обратили вниманіе на небольшую, но интересную книгу, изданную въ прошломъ вѣкѣ, подъ именемъ „Драматическаго Словаря" (М. 1787 г. 12°, 166 стр.). Еще въ 1841 г., изъ этой книжки, по совѣту Московскаго артиста П. С. Мочалова, были сдѣланы обширныя извлеченія для „Репертуара" (1841 г. кн. 3 стр. 25—43); затѣмъ „Словарь" послужилъ богатымъ матеріаломъ г. Арапову для „Драматическаго Альбома" (М. 1850 г,) и „Лѣтописи Русскаго театра" (Спб. 1861 г.), а г. Лонгинову—для брошюры: „Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ 1749—1774 гг. (Спб. 1873 г.); наконецъ, тотъ же „Словарь", какъ „любопытная библіографическая рѣдкость", вызвалъ описаніе у г. Геннади (Русск. книжн. рѣдкости, Спб. 1872 г. стр. 58) и, недавно, у г. Губерти (Чтенія въ общ. истор. и др. 1880 г. кн. 3, стр. 278—281).

На дняхъ „Драматическій словарь" вышелъ въ *„точномъ воспроизведеніи"* перваго изданія.

Подобныя перепечатки „книжныхъ диковинокъ", конечно, пріятны, но только въ такомъ случаѣ, когда невольныя ошибки оригинала исправлены въ примѣчаніяхъ вторымъ издателемъ, когда полунамёки подлинника, можетъ быть вызванные настроеніемъ прежней эпохи или просто незнаніемъ автора, раскрыты въ руководящей статьѣ, и когда „точное воспроизведеніе" стариннаго изданія не испорчено опечатками отъ новаго типографскаго станка... То ли представляетъ второе изданіе „Драматическаго Словаря?" Къ несчастію, нѣтъ.

Прежде всего бросаются въ глаза очевидные промахи перваго изданія, цѣликомъ перенесенные въ „точное воспроизведеніе" и ни словомъ не оговоренные вторымъ издателемъ. Такъ, напримѣръ, „Безбожникъ" Хераскова появился на Русской сценѣ 10 Іюля не 1751, а 1761 года, какъ давно уже видно изъ „Россійскаго Ѳеатра" (Спб. 1786 г. ч. X, стр. 1); слезная драма „Гонимыя" дана 11 Января, а не Октября, по указанію того же „Ѳеатра" (Спб. 1787 г. ч. VIII, стр. 241); знаменитая комедія „Недоросль" впервыя представлена 24-го Сентября 1782, а не 1772 года, какъ и значится на обложкѣ перваго изданія комедіи (Спб. 1783 г. 8°, 144 стр.). „Смерть Цезарева"—трагедія не въ трехъ, а пяти дѣйствіяхъ (См. нашъ этюдъ Вольтеръ въ Русск. литературѣ, Спб. 1879 г., стр. 35). Подобныя опечатки перваго изданія уже ввели въ соблазнъ нѣсколькихъ лицъ: напримѣръ, показаніе „Словаря" о первомъ представленіи „Недоросля" принято г. Перевлѣсскимъ (Избранныя сочиненія Фонъ-Визина, Спб. 1858 г.) и г. Араповымъ (Лѣтопись Русск. театра, Спб. 1861 г., стр. 110) безъ всякой провѣрки [1]), а указаніе на трехъ-актную трагедію Вольтера занесено даже въ „Роспись" Смирдина (№ 6964). Такія неточности, не исправленныя вторымъ издателемъ, хотя бы въ примѣчаніяхъ, разумѣется, еще болѣе обманутъ тѣхъ неопытныхъ читателей, которымъ „печатный всякій листъ быть кажется святымъ"... Затѣмъ, „Драматическій Словарь" обѣщалъ перечислить пьесы *„съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки"*, однако не вездѣ сдержалъ свое слово: многія драматическія сочиненія оказались анонимными или явились только съ фамильными иниціалами своихъ авторовъ. Такая скромность перваго изданія, можетъ быть, легко объясняется неумѣстностью разгадокъ при жизни нѣкоторыхъ писателей: напримѣръ, всѣ произведенія Екатерины II-й, естественно, могли явиться только безъ имени и высокаго титула императрицы [2]). Но это молчаніе едва ли было умѣстно при второмъ изданіи, когда точныя свѣдѣнія ярко освѣтили нѣкоторыхъ писателей и позволили разгадать прежніе псевдонимы. По нашему мнѣнію, для современной публики была необходима предварительная статья или примѣчанія, гдѣ бы виднѣлись слѣдующія указанія:

Амфитріонъ, комедія, „переведена съ Французскаго" Петр. Семен. Свистуновымъ (Сопик. 5285).

---

[1]) Особенно можетъ удивить отсутствіе провѣрки у г. Арапова: предъ его глазами, конечно, находились „Россійскій Ѳеатръ" (Спб. 1789 г., ч. XXXI, стр. 5), „Словарь" Евгенія (М. 1845 г., ч. I, стр. 77) и—въ особенности—письмо самаго Фонъ-Визина, напечатанное въ Библіографическихъ Запискахъ (1859 г. № 1, стр. 7—8).

[2]) Всѣ театральныя сочиненія Екатерины II-й, анонимныя въ „Драматическомъ Словарѣ", уже приведены въ извѣстность Лонгиновымъ (Молва 1857 г. № 3—5), Геннади (Библіогр. Зап. 1858 г. № 16) и Щебальскимъ (Заря 1869 г. кн. 2, 3, 5, 6, 8 и 9; Русск. Вѣстн. 1871 г., кн. 5 и 6).

Арлекинъ въ сералѣ, комедія, переводъ кн. Григ. Гагарина, по догадкѣ г. Геннади (Словарь, ч. I, стр. 198).

Армида, опера, анонимная у Сопикова, переведена съ Итальянскаго Ив. Аѳан. Дмитревскимъ (Смирд. 7639).

Благодѣянія пріобрѣтаютъ сердца, драма, сочиненная Александр. Семен. Шишковымъ (Сопик. 3312).

Бориславъ, трагедія въ стихахъ Мих. Матв. Хераскова, какъ показываваетъ „Россійск. Ѳеатръ" (Спб. 1786 г. ч. IV, стр. 165).

Бѣдство, произведенное страстью, трагедія гражданская, преложена Васил. Петр. Колычевымъ (Смирд. 6873)—У г. Геннади (т. 2, стр. 152) опечатка въ годѣ изданія.

Бѣглецъ, драма, „переведена" Мар. Васил. Сушковой, урожден. Храповицкой (Сопик. 3316).

Взятіе Св. Лукіи, комедія, анонимная по Сопикову и Смирдину, переведена Александр. Иван. Дмитріевымъ, какъ показываетъ акад. Гротъ (Сочиненія Державина, Спб. 1864 г., т. I, стр. 801).

Вторично вкравшаяся любовь, комедія, безыменная у Сопикова и Смирдина, переведена Владимір. Игнатьев. Лукинымъ (Библіограф. Записки 1861 г. № 20, стр. 630).

Генріета, комедія, безъ имени у Сопикова, Смирдина и даже въ „Словарѣ" Геннади (т. 1, стр. 204), переведена Васил. Алексѣев. Левшинымъ, какъ указано въ книгѣ: „Историческ. сказаніе о выѣздѣ, военн. подвигахъ и родословіи благородн. дворянъ Левшиныхъ" (М. 1812 г., стр. 124).

Дворянющейся купецъ, комедія—сочиненіе Васил. Петр. Колычева (Сопик. 5348).

Двѣ Турецкія вдовы, комедія, анонимная по Сопикову и Смирдину, переведена Александр. Протасовымъ, по словамъ г. Лонгинова (Русск. театръ въ Петербургѣ и Москвѣ, стр. 37).

Девкаліонъ и Пирра, комедія, безъ имени автора у Смирдина, переведена Мих. Васил. Поповымъ (Сопик. 5351).

Деревенскій праздникъ, „пастушечья драма", безъ полнаго имени въ „Росписи" Смирдина, сочинена Васил. Иван. Майковымъ (Сопик. 3344).

Другъ несчастныхъ, „слезная драма"—сочиненіе Мих. Матв. Хераскова (Сопик. 3349).

Задумчивой, комедія, анонимная у Сопикова, „преложена на Россійскіе нравы" Владим. Игн. Лукинымъ (Смирд. 7107).

Заира, трагедія, безыменная у Сопикова и Смирдина, переведена Адріан. Дубровскимъ, какъ по архивнымъ документамъ раскрылъ г. Пекарскій (Сборникъ Акад. Наукъ, Спб. 1868 г., т. 2, № 4, стр. 35—36).

Земида и Азоръ, опера, безъ имени въ каталогахъ Сопикова и Смирди-

на, переведена Мар. Васил. Сушковой, какъ впервыя указалъ г. Сушковъ (Раутъ, изд. Н. В. Сушкова, М. 1854 г., кн. 3, стр. 128).

Имянинники, комедія, указанная Сопиковымъ, Смирдинымъ и Геннади (т. I, стр. 164) только съ иниціалами имени и фамиліи автора, написана Мих. Иван. Веревкинымъ, по разгадкѣ г. Неустроева (Историческ. разысканіе о Русск. повременн. издан. и сборникахъ, Спб. 1875 г., стр. 440).

Менехмы или близнецы, комедія, безъ имени автора у Сопикова и Смирдина, переведена Влад. Игнат. Лукинымъ (Библіограф. Записки 1861 г. № 20, стр. 630).

Испытанное постоянство, комедія, анонимная у Сопикова, написана Ник. Петр. Николевымъ, какъ указываетъ „Россійскій Өеатръ“ (Спб. 1788 г., ч. XXIII, стр. 3).—У Смирдина (№ 7129) ошибка въ фамиліи автора.

Мизантропъ, или Нелюдимъ, комедія—переводъ Ив. Перфильев. Елагина (Словарь Евгенія, т. I, стр. 211). Этотъ переводъ анонименъ у Сопикова и Смирдина; въ „Словарѣ“ же г. Геннади онъ отнесенъ и къ императрицѣ Екатерины (т. I, стр. 333), и къ И. П. Елагину (т. I, стр. 341).

Мнимый мудрецъ, комедія, безыменная по Сопикову, Смирдину и Неустроеву (стр. 442), напечатана Никол. Өедор. Эминымъ, какъ впервыя раскрылъ акад. Гротъ. (Сочиненія Державина, т. V, стр. 440 и 488).

Мѣщанинъ во дворянствѣ, комедія, безъ имени у Смирдина, переведена Петр. Семен. Свистуновымъ (Сопик. 5464).

Наказанная вертопрашка, комедія, анонимная по Сопикову и Смирдину, сочинена Богд. Егор. Ельчаниновымъ. (Библіогр. Записки 1861 г. № 20, стр. 629).

Нанина, комедія, безъ имени у Сопикова, Смирдина и въ „Словарѣ“ Геннади (т. I, стр. 172), переведена Иппол. Өедор. Богдановичемъ, какъ свидѣтельствуетъ его автобіографія (Отеч. Записки 1853 г., т. 87, кн. 4, отд. VII, стр. 185).

Нашла коса на камень, комедія—переводъ Ос. Петр. Козодавлева (Сопик. 5475).

Недовѣрчивой, комедія, переведенная Мих. Васил. Поповымъ (Сопик. 5481).

Ненавистникъ, комедія, сочиненіе Мих. Матв. Хераскова (Россійск. Өеатръ, Спб. 1786 г., ч. X, стр. 37).

Неудачное упрямство, комедія, безъ имени у Сопикова и Смирдина, сочинена Александр. Андреев. Волковымъ (Словарь Евгенія, ч. I, стр. 99).

Обмѣна шляпъ, комедія, анонимная у Сопикова, напечатана Андр. Мих. Крутицкимъ (Сѣверн. Вѣстн. 1804 г., ч. I, стр. 222).

Пигмаліонъ, драма, безъ имени у Смирдина, издана Васил. Иван. Майковымъ (Сопик. 3424).

Прикащикъ, „драматическая пустельга“, безъ имени у Сопикова, сочиненіе Ник. Петр. Николева (Смирд. 7549).

Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ театра—сочиненіе Гавр. Роман. Державина (Сопик. 5576).—У Неустроева (стр. 442) безъ имени автора.

Развратность, комедія, анонимная у Сопикова, написана Вас. Петр. Колычевымъ (Смирд. 7319).

Раздумчивой, комедія, безъ имени у Сопикова и Смирдина, переведена Ив. Аѳан. Дмитревскимъ (Словарь Евгенія, ч. I, стр. 184).

Разумный вертопрахъ, комедія, анонимная у Сопикова, переведена Влад. Игнат. Лукинымъ (Смирд. 7325).

Ревнивой, комедія, безыменная по Сопикову и Смирдину, переведена тѣмъ же Лукинымъ (Библіогр. Записки 1861 г., № 20, стр. 630).

Роза и Коласъ, опера, переводъ Мар. Васил. Сушковой (Раутъ на 1854 г., кн. 3, стр. 128).

Самохвалъ, комедія, изданная сочинителемъ книги, подъ именемъ „Уединенное размышленіе деревенскаго жителя". Подъ такимъ заголовкомъ извѣстно сочиненіе Мих. Прокудина (Сопик. 9496); поэтому и комедія: „Самохвалъ" несомнѣнно вышла изъ-подъ его пера (Сопик. 5596).

Селевкъ, опера, пропущенная у Смирдина и анонимная у Сопикова, переведена Адам. Васил. Олсуфьевымъ (Словарь Евгенія, ч. II, стр. 106).

Сила любви и ненависти, драма, переводъ Васил. Кирил. Тредьяковскаго (Сопик. 3451). У Смирдина пропущена.

Сициліянецъ, комедія, анонимная у Сопикова, Смирдина и Геннади (т. 2, стр. 339), приписывается Ѳед. Григор. Волкову (Лонгиновъ въ брошюрѣ: Русск. театръ въ Петерб. и Москвѣ, стр. 24).

Смерть Цезарева, трагедія, „переведена артиллеріи капитаномъ В. И.", т. е. Васил. Трофим. Іевлевымъ (Смирд. 6964, сличи нашъ этюдъ: Вольтеръ въ Русск. литературѣ, стр. 35).

Страсть къ стихотворству, комедія, безъ имени переводчика у Сопикова у Смирдина, напечатана барономъ Петр. Ѳедор. Мальтицемъ, какъ впервыя указано въ Русск. Стар. 1878 г., кн. 5, стр. 66. У Геннади этотъ переводчикъ не упомянутъ.

Судейскіе имянины, комедія, „сочиненіе придворнаго Россійскаго актера І. С.", т. е. Ивана Соколова (Смирд. 5638).

Тесть и зять, комедія, безъ имени у Сопикова, переведена Вл. Игн. Лукинымъ (Смирд. 7380).

Титъ, трагедія, переводъ Як. Ив. Благодарова (Смирд. 6967).

Тонсіоковъ, комедія, анонимная у Сопикова, Смирдина и Неустроева стр. 440), написана княгиней Екат. Роман. Дашковою, какъ впервыя указалъ Гречъ (Опытъ исторіи Русск. литер., Спб. 1822 г., стр. 416).

Точь въ точь, комедія, безъ имени у Сопикова, сочинена Мих. Иван. сревкинымъ (Смирд. 7385).

Траянъ и Лида, трагедія, „сочиненіе прапорщика В. А.“ т. е. Вас. Алексѣев. Левшина (Смирд. 6969).

Фигарова женитьба, комедія, „переведена на Россійскій языкъ А. Л.“, т. е. Александр. Өедор. Лабзинымъ (Сопик. 5666).

Чадолюбіе, комедія, анонимная у Сопикова, напечатана Александр. Андр. Волковымъ (Смирд. 7412).

Честный преступникъ, комедія, переводъ Ив. Аөан. Дмитревскаго (Сопик. 5683).

Шотландка, комедія, безъ имени у Сопикова, переведена Александр. Протасовымъ (Смирд. 7038).

Юлій Цезарь, трагедія, анонимная у Сопикова и Смирдина, переведена Ник. Мих. Карамзинымъ, какъ впервыя стало извѣстно изъ „Записокъ И. И. Дмитріева“ (Москвитян. 1841 г., кн. 1). По большой рѣдкости этой пьесы, почти совсѣмъ сожженной въ 1794 г. (Лѣтописи проф. Тихонравова, М. 1863 г.; т. V, отд. 2, стр. 10), замѣтимъ, что „Юлій Цезарь“ переведенъ *прозою*, а не „бѣлыми стихами“, какъ говорится въ „Драматическомъ Словарѣ„ [3]).

Вотъ какія разъясненія, въ видѣ добавокъ къ „Словарю“, были бы необходимы для тѣхъ читателей, которымъ мало доступны „Россійская библіографія“ Сопикова, „Роспись“ Смирдина и кропотливыя библіографическія разысканія.

Наконецъ, по нашему мнѣнію, перепечатка „Драматическаго Словаря“ едва ли имѣетъ полное право называться „точнымъ воспроизведеніемъ“ перваго изданія: она не свободна отъ опечатокъ, какихъ не зналъ „Словарь“ 1787 года. Напримѣръ, вмѣсто фамилій „Матинскаго“, „Генша“, „Гретрія“ и „Померанцева“, второе изданіе „Словаря“ называетъ „Машинскаго“ (стр. 39), „Гента“ (стр. 42), „Іретрія“ (стр. 102), „Поперанцева“ (стр. 126). Особенно же досадна опечатка въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Опера „Скупой“, представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, и много разъ въ Москвѣ, какъ на большомъ Петровскомъ театрѣ, такъ и въ *Москвѣ* (надо: „воксалѣ“) бываетъ играна“ (стр. 130).

Дим. Языковъ.

---

[3]) Это замѣчаніе о *прозаическомъ* переводѣ Карамзина основываемъ на экземплярѣ нашей библіотеки.

НЕ ОЧЕНЬ ДАВНЯЯ СТАРИНА.

Конфинденціально.

Въ неоффиціальной части № 50 Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1851 годъ помѣщенъ слѣдующій анекдотъ, подъ заглавіемъ «*Время обѣда*».

*

«Въ М.... Д.... полку отданъ былъ приказъ, чтобъ гг. офицеры въ табельные и воскресные дни, до обѣда, были въ мундирахъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, командиръ полка, проѣзжая по городу часу въ девятомъ утра, встрѣтилъ офицера своего полка въ сюртукѣ.

— «Господинъ офицеръ, вы вѣрно не читали приказа, отданнаго по полку, чтобъ въ табельные дни быть въ мундирахъ?» спросилъ полковникъ.

— «Читалъ, полковникъ и исполняю его въ точности.

— «Зачѣмъ же вы сегодня до обѣда въ сюртукѣ?

— «Я уже пообѣдалъ полковникъ,—отвѣчалъ офицеръ.

Суворовъ обѣдалъ въ 8 часовъ утра, Русскій народъ обыкновенно обѣдаетъ въ 12 часовъ, аристократы наши въ 4 и 5, а Англичане въ 7 часовъ вечера. Спрашивается: какое время опредѣлить для обѣда? На это всего ближе отвѣчать словами одного древняго философа, который время обѣда опредѣлялъ такъ: «богатый, когда хочетъ, а бѣдный когда можетъ».

*

Анекдотъ этотъ, во всякомъ случаѣ, вымышленъ ли онъ, или разсказанъ по поводу событія, дѣйствительно случившагося, нельзя не признать неприличнымъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ; потому что онъ предаетъ гласности распоряженіе полковаго начальства, сообразное съ установленными правилами о формѣ воинской одежды въ торжественные дни, и выставляетъ это распоряженіе со смѣшной стороны; помѣщеніе же сего анекдота въ газетѣ, издаваемой въ Воронежѣ, тѣмъ болѣе неумѣстно, что въ Воронежѣ квартировалъ сперва и нынѣ

опять квартируетъ Драгунскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ, который именовался сперва *Московскимъ Драгунскимъ* полкомъ; а это послѣднее наименованіе очевидно подразумѣвается въ начальныхъ словахъ анекдота: «Въ М.... Д.... полку отданъ былъ приказъ» и т. д.

Вслѣдствіе сдѣланнаго съ дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества сношенія о томъ, не находится ли или не находился ли на службѣ въ драгунскомъ корпусѣ и въ особенности въ полку Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича подписавшійся подъ статьею *Андрей Фонъ-Кремеръ,* генералъ-адъютантъ И. увѣдомилъ, что, въ числѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ означеннаго корпуса, лица сего имени и фамиліи, ни въ настоящее время на службѣ не состоитъ, ни въ послѣднія десять лѣтъ не состояло.

По всеподданнѣйшему докладу о семъ Государю Императору, Его Величество въ 21-й день сего Февраля высочайше повелѣть соизволилъ за напечатаніе означеннаго анекдота сдѣлать редактору газеты надлежащее внушеніе, а цензору поставить на видъ недостаточное его вниманіе, причемъ предоставить мнѣ собрать, чрезъ кого слѣдуетъ, свѣдѣніе о подписавшемся подъ статьею Андреѣ Фонъ-Кремерѣ.

О семъ Высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ уже г. министру народнаго просвѣщенія, для зависящаго отъ него распоряженія ко взысканію съ цензора, имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, для надлежащаго исполненія въ отношеніи редактора неоффиціальной части Воронежскихъ Вѣдомостей, прося васъ собрать подъ рукою и доставить мнѣ надлежащія свѣдѣнія о сочинителѣ помянутой статьи Андреѣ Фонъ-Кремерѣ, а если фамилія сія окажется вымышленною, то сдѣлать секретное дознаніе, кѣмъ статья сія составлена и въ редакцію прислана, о послѣдующемъ же мнѣ донести.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, и проч.

28 Февраля 1852 г.

ЗАМѢТКИ О БѢЛИНСКОМЪ, ЛЕРМОНТОВѢ, ПОЛЕЖАЕВѢ И ГРАФѢ ПОТЕМКИНѢ.

Въ Октябрьской книжкѣ нынѣшняго года „Историческаго Вѣстника“ въ статьѣ г. Рыбкина „Матеріалы къ біографіи Бѣлинскаго и Лермонтова“ разсказывается о Чембарскомъ врачѣ, вправившемъ императору Николаю вывихнутую ключицу; разсказъ заключается словами: „Одни увѣряютъ, что Чембарской врачъ, лѣчившій Государя, былъ *отецъ Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго,* другіе же доказываютъ, что въ это время отца Бѣлинскаго уже не было въ живыхъ“.

Былъ ли живъ старикъ Бѣлинскій въ то время, когда съ императоромъ Николаемъ приключился несчастный случай—не знаю; но что не Бѣлинскій былъ призванъ для помощи Государю—это вѣрно. Въ числѣ моихъ товарищей по Московскому Кадетскому Корпусу былъ сынъ этого врача, даже два, если не ошибаюсь (хорошо я помню одного только старшаго); они были опредѣлены къ намъ въ Корпусъ по личному повелѣнію Государя, желавшему оказать отцу ихъ милость за врачебную помощь; фамилія этихъ кадетъ *Кобце.* Очень хорошо помню, что изъ приказа по Корпусу объ ихъ опредѣленіи я, да вѣроятно и другіе мои товарищи, въ первый разъ узнали о несчастіи, случившемся съ Государемъ въ Чембарѣ. Ошибаюсь я, или нѣтъ, передавая свѣдѣніе о фамиліи Чембарскаго врача, можно видѣть изъ приказовъ по Московскому Корпусу тридцатыхъ годовъ (теперь 1-я Моск. Воен. Гимназія).

*

Кстати о дѣтскихъ годахъ М. Ю. Лермонтова.

Авторъ вышеназванной статьи, любопытствуя объ этомъ періодѣ жизни незабвеннаго поэта, обращался съ разспросами объ этомъ къ какому-то старику капитану, въ молодости бывавшему въ домѣ Е. А. Арсеньевой.

— Знавали Лермонтова? спрашивалъ онъ у капитана.

— Помню-съ, отвѣчалъ послѣдній.

— А въ домѣ его бабушки бывали въ Тарханахъ, когда поэтъ еще былъ мальчикомъ?

— Бывалъ и даже не однажды-съ. Бывъ еще молодымъ офицеромъ, лѣтъ 25, въ сообществѣ своихъ товарищей время тамъ препровождалъ....

— Значитъ, Лермонтова знавали еще съ дѣтства?

— Видалъ-съ.... но мало вниманія обращалъ. Больше игра въ карты насъ занимала. Старуха Арсеньева была хлѣбосольная, добрая. Рота наша

стояла недалеко, я и бывалъ-съ. Помню, какъ и учить его начинали. Отъ азбуки отбивался. Вообще былъ баловень; здоровьемъ золотушный, жидкій мальчикъ; нянькамъ много отъ капризовъ его доставалось..... Нѣженка, извѣстно-съ....

Больше этого ничего авторъ не узналъ отъ капитана. Пополню этотъ пробѣлъ слышаннымъ мною лѣтъ 30 тому назадъ и въ тоже время записаннымъ разсказомъ двоюроднаго брата Лермонтова М. А. Пожогина-Отрашкевича *), который по шестому году былъ взятъ въ домъ Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой, гдѣ онъ и провелъ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ ея внукомъ. Не ручаюсь за достовѣрность разсказаннаго, но Пожогинъ-Отрашкевичъ увѣрялъ меня, что онъ передаетъ только то, что̀ рѣзко запечатлѣлось у него въ памяти и чего почти 40 лѣтъ жизни не могли унести изъ чея; все остальное, что̀ смутно и неясно удержала память, онъ оставляетъ въ сторонѣ.

По словамъ его, когда Миша Лермонтовъ сталъ подростать, то Е. А. Арсеньева взяла къ себѣ въ домъ для совмѣстнаго съ нимъ воспитанія маленькаго сына одного изъ своихъ сосѣдей—Д***, а скоро послѣ того и его, Пожогина. Всѣ три мальчика были однихъ лѣтъ: имъ было по шестому году. Они вмѣстѣ росли и вмѣстѣ начали учиться азбукѣ. Первымъ учителемъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дядькою, былъ старикъ Французъ Жако. Послѣ онъ былъ замѣненъ другимъ учителемъ, также Французомъ, вызваннымъ изъ Петербурга—Капэ. Лермонтовъ въ эту пору былъ ребенкомъ слабаго здоровья, что̀ впрочемъ не мѣшало ему быть бойкимъ, рѣзвымъ и шаловливымъ. Учился онъ, вопреки словамъ Чембарскаго капитана, прилежно, имѣлъ особенную способность и охоту къ рисованію, но не любилъ сидѣть за уроками музыки. Въ немъ обнаруживался нравъ добрый, чувствительный, съ товарищами дѣтства былъ обязателенъ и услужливъ, но вмѣстѣ съ этими качествами въ немъ особенно выказывалась настойчивость. Капэ имѣлъ странность: онъ любилъ жаркое изъ молодыхъ галчатъ и старался пріучить къ этому лакомству своихъ воспитанниковъ. Несмотря на увѣренія Капэ, что галчата вещь превкусная, Лермонтовъ, назвавъ этотъ новый родъ дичи *падалью*, остался непоколебимъ въ своемъ отказѣ попробовать жаркое, и никакія силы не могли побѣдить его рѣшенія. Другой примѣръ его настойчивости обнаружился въ словахъ, сказанныхъ имъ товарищу своему Д***. Поссорившись съ нимъ какъ-то въ играхъ, Лермонтовъ принуждалъ Д*** что-то сдѣлать. Д*** отказывался исполнить его требованіе и услыхалъ отъ Лермонтова слова: *хоть умри, но ты долженъ это сдѣлать....*

---

*) Мать Пожогина-Отрашкевича, Авдотья Петровна, была родная сестра Юрія Петровича Лермонтова.

Въ свободные отъ уроковъ часы дѣти проводили время въ играхъ, между которыми Лермонтову особенно нравились будто бы тѣ, которыя имѣли военный характеръ. Такъ въ саду у нихъ было устроено что-то въ родѣ баттареи, на которую они бросались съ жаромъ, воображая, что нападаютъ на непріятеля. Охота съ ружьемъ (?), верховая ѣзда на маленькой лошадкѣ съ Черкесскимъ сѣдломъ, сдѣланнымъ въ родѣ кресла и гимнастика были также любимыми упражненіями Лермонтова. Такъ проводили они время въ Тарханахъ. Въ 1824 году Е. А. Арсеньева отправилась лѣчиться на Кавказъ и взяла съ собою внука и его двоюроднаго брата. Лермонтову было десять лѣтъ, когда онъ увидѣлъ Кавказъ. Проведя лѣто въ Пятигорскѣ, Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ, Арсеньева въ Октябрѣ возвратилась въ Тарханы.

Въ это время Пожогинъ-Отрашкевичъ долженъ былъ оставить домъ Арсеньевой. Въ Тарханахъ ожидалъ его дядя (Юрій Петровичъ?), который и увезъ его въ Москву для опредѣленія въ тамошній Кадетскій Корпусъ.

Лермонтовъ два года еще послѣ того жилъ въ Тарханахъ, но потомъ Арсеньева увезла его въ Москву. Мѣсто Капэ заступилъ Винсонъ. Черезъ нѣсколько времени Лермонтовъ поступилъ въ Университетскій Пансіонъ.

Считаю необходимымъ исправить свою ошибку. Въ статьѣ моей „Бумаги П. П. Бекетова“, по поводу стихотворенія гр. Павла Потемкина, сказано: „Замѣчательно, что черезъ годъ послѣ воззванія *Гласа Невинности,* Потемкинъ, вслѣдъ за свиданіемъ съ Шешковскимъ, скоропостижно умеръ 29 Марта 1796 года, въ Москвѣ“ (Р. Арх. 1880, кн. III, 378). Это не вѣрно: Шешковскій умеръ двумя годами раньше гр. Потемкина, именно 13 Мая 1794 года. Ошибкой этой я обязанъ показанію Бантыша-Каменскаго (Слов. дост. люд. часть 4, 195). Туже ошибку раньше меня сдѣлалъ и Лонгиновъ, говоря, что гр. Потемкинъ „умеръ въ 1796 году въ Москвѣ, послѣ допроса, произведеннаго ему Шешковскимъ по дѣлу о пропажѣ въ 1786 г. въ Кизлярѣ сокровищъ бѣжавшаго отъ шаха Махметъ-хана подъ покровительство Русскихъ Персидскаго принца, тутъ же умерщвленнаго“ (Русск. Арх. 1863 г., стр. 285).

Н. Н. Бантышъ-Каменскій (отецъ составителя „Словаря“) въ Маѣ мѣсяцѣ 1794 года увѣдомлялъ кн. А. Б. Куракина: „13 числа скончался Шешковскій; преемниковъ ему разныхъ славятъ“... и проч. (Русск. Арх. 1876 г. т. III, 389). Стало быть, гр. Потемкинъ предъ смертію не могъ имѣть свиданія съ Шешковскимъ. Притомъ, гр. Потемкинъ умеръ не *скоропостижно,* какъ сказано въ Словарѣ достопамятныхъ людей, а послѣ длившейся нѣкоторое время болѣзни, какъ это видно изъ письма Екатерины къ Московскому главнокомандующему М. М. Измайлову: „Михайло Михайловичъ! Изъ письма вашего отъ 20 Марта сего года увѣдомилась я увѣрительно о

подлинности болѣзни графа П. Потемкина и что надежда худа, чтобъ онъ выздоровѣлъ. Вслѣдствіе чего предписываю я вамъ у доктора навѣдываться почаще объ немъ и мнѣ увѣдомить о выздоровленіи, либо о смерти его. Въ семъ послѣднемъ случаѣ вы не оставите, отдѣливъ домашнихъ его бумагъ отъ тѣхъ касательно службы и должностей его, сихъ послѣднихъ прикажите члену или секретарю Тайной Экспедиціи, забравъ и запечатавъ, прислать немѣшкотно ко мнѣ" (Р. Арх. 1872 г. стр. 873—874). Письмо это написано 29 Марта 1796 г., слѣд. въ самый день кончины графа Потемкина.

И такъ, участіе члена Тайной Экспедиціи ограничилось только разборомъ бумагъ графа Потемкина послѣ его смерти, что̀, по всей вѣроятности, и было причиною слуховъ, будто бы гр. Потемкина навѣстилъ членъ Тайной Экспедиціи, а такъ какъ съ названіемъ послѣдней еще долгое время припоминался Шешковскій, то молва и впутала его имя.

А. Корсаковъ.

---

*

Вотъ свѣдѣнія объ А. Полежаевѣ, въ дополненіе къ статьѣ, напечатанной во 2-й книгѣ Русск. Архива настоящаго года.

Экспедиція въ Сѣверный Дагестанъ и Кумыкское владѣніе, подъ начальствомъ начальника 14-й пѣхотной дивизіи и лѣваго фланга Кавказской линіи генерала барона Розена, не сдѣлавъ ничего путнаго, кончилась въ Маѣ 1830 г. Войска, въ ней участвовавшія, въ началѣ Іюня возвратились въ крѣпость Грозную, гдѣ Московскій полкъ съ полуротою (по нынѣшнему полубатареею) 14-й артиллерійской бригады, въ которой я служилъ прапорщикомъ, расположились лагеремъ. Здѣсь вскорости я познакомился съ А. Полежаевымъ, служившимъ рядовымъ въ Московскомъ полку, и читалъ у него написанную имъ піесу, по случаю только что конченнаго похода. Не знаю, та ли это, которая напечатана въ 1832 г. подъ названіемъ „Эрпели"; она начинается такъ:

Едва возникъ
Эѳирный городъ изъ палатокъ,
И раздался привѣтный крикъ
Учтивыхъ егерскихъ солдатокъ:
Вотъ булки, булки, господа!...

Въ этой піесѣ Полежаевъ съ похвалою описалъ дѣйствія генерала Розена, за что получилъ отъ него въ подарокъ 25 р. асс.

Въ Іюлѣ появилась въ Грозной холера, и однимъ изъ первыхъ заболѣлъ Полежаевъ. Его, какъ и другихъ, оттирали уксусомъ и спиртомъ. Когда ра-

зошлись натиральщики, Полежаевъ выпилъ оставшійся спиртъ, а дня черезъ два, придя ко мнѣ совсѣмъ здоровый, со смѣхомъ разсказывалъ о своей болѣзни и о способѣ леченія. Въ это же время я получилъ отъ него посланіе въ стихахъ, затерянное мною, съ просьбою приказать вымыть его палатку, по неосторожности закопченную, что, разумѣется, и было исполнено. Этотъ случай показываетъ, что Полежаевъ помѣщался не вмѣстѣ съ солдатами; иначе они-бы и мыли загрязненную палатку. Полежаевъ жилъ въ кругу юнкеровъ и молодежи офицеровъ. Ничего сколько нибудь похожаго на ужасы и грубости, описанныя въ статьѣ г. Рябинина, покрайней мѣрѣ въ 1830 г., не было. Полковой командиръ, какъ помнится, Любавскій, былъ добрѣйшій и благородный человѣкъ; онъ-то и представилъ упомянутую выше піесу барону Розену. Въ денежныхъ средствахъ Полежаевъ дѣйствительно нуждался и ѣлъ, подобно многимъ вольно-опредѣляющимся, изъ солдатскаго котла. Немало и офицеровъ питались также. Рѣдкій изъ насъ заказывалъ себѣ платье на сторонѣ, большая часть шили въ ротной швальнѣ и сапожной.

По осени б. Розенъ получилъ назначеніе въ Ставрополь, начальникомъ войскъ по сю сторону Кавказскихъ горъ, а на мѣсто его поступилъ генералъ Вельяминовъ. Въ зиму съ 1830 на 1831 г., подъ его начальствомъ, всѣ мы сдѣлали большую экспедицію въ Чечню, гдѣ пожгли множество ауловъ и сами вдоволь наголодались. По возвращеніи изъ этой экспедиціи, 14 дивизія съ артиллеріею выступила въ Россію. Съ этихъ поръ мнѣ не приходилось уже встрѣчаться съ Полежаевымъ. Вѣроятно въ это время онъ былъ переведенъ въ 43-й егерскій полкъ, но и тамъ обращеніе съ нимъ и жизнь его не могли быть дурными. Командиръ полка полковникъ Сарачанъ, суворовецъ, любилъ своихъ подчиненныхъ, въ особенности молодежъ. Офицеры полка были люди боевые, не шагистики: въ нихъ вѣялъ еще Ермоловскій духъ.

Въ 1830 же году мнѣ приходилось слышать слѣдующую пѣсню Моздокскихъ казачекъ, характеризующую ихъ безпечную и привольную жизнь.

Въ понедѣльникъ сплю, сплю,
А во вторникъ жну, жну;
Въ середу сноповъ сорокъ
Пшеницы нажала,
Въ четвергъ молотила,
Въ пятницу вѣяла,
Въ суботу мѣряла,
Въ воскресенье продала,
Съ казаками пропила.

Рязань. **С. А. Карповъ.**

КАКЪ СЛѢДУЕТЪ ИЗДАТЬ ПУШКИНА.

O degli altri poeti onore e lume,
Vagliami'llungo studio e'l grande amore
Che m'han fatto cercar lo tuo volume.
Dante *).

Вотъ мой планъ изданія сочиненій Пушкина.

Главнымъ руководствомъ и текстомъ для печати должны служить послѣднія изданія сочиненій Пушкина, сдѣланныя имъ самимъ. Мелкія стихотворенія были напечатаны имъ въ 4 томахъ въ 1829, 1832 и 1835 годахъ и расположены по годамъ. Поэмы и повѣсти въ стихахъ были изданы имъ въ двухъ томахъ 1835 г. Евгеній Онѣгинъ, по выходѣ послѣдней главы, былъ вскорѣ напечатанъ въ одномъ томѣ, и потомъ въ маленькомъ изданіи появился вскорѣ послѣ смерти Пушкина.

Борисъ Годуновъ былъ изданъ только одинъ разъ, въ 1831 году.

Исторія Пугачевскаго бунта одинъ разъ.

Повѣсти Бѣлкина два раза; второй разъ съ прибавленіемъ Пиковой Дамы. Послѣднія напечатанныя Пушкинымъ сочиненія помѣщены въ его журналѣ «Современникъ» 1836 года.

За симъ слѣдуютъ посмертныя его сочиненія.

Перечисленіе всѣхъ изданій, въ которыхъ напечатаны отдѣльныя сочиненія Пушкина, особенно современныхъ ему, необходимо при хорошемъ изданіи его твореній.

Текстъ долженъ быть пополненъ тѣмъ что̀ не могло быть напечатано при тогдашней цензурѣ.

Лицейскія стихотворенія Пушкина слѣдуетъ напечатать особо отъ зрѣлыхъ его произведеній, и лучше всего въ видѣ прибавленія, въ послѣднемъ томѣ изданія. Пушкинъ былъ для себя самымъ строгимъ кри-

*) О честь и свѣтило другихъ поэтовъ,
Да вмѣнится мнѣ (въ заслугу) долгое изученіе
И великая любовь къ твоимъ твореніямъ.—Данте.

тикомъ и выбралъ изъ нихъ весьма немногое въ изданное имъ собраніе стихотвореній. Эти избранныя піесы не должно смѣшивать съ другими его Лицейскими стихотвореніями. Лицейскіе стихи были только первыми опытами великаго поэта, когда онъ еще учился стихотворствовать; они интересны только какъ первые опыты Пушкина, какимъ мы его узнали послѣ; другаго достоинства, за немногими исключеніями, они почти не имѣютъ. Въ послѣднемъ же томѣ должны быть помѣщены стихотворенія апокрифическія, вѣрно или невѣрно приписываемыя Пушкину, и то со строгимъ разборомъ. Въ былое время все что́ кому-нибудь нравилось любили приписывать Пушкину; кажется, еще это и теперь продолжается.

Въ статьѣ г. Чирикова приписываются Пушкину два вовсе не принадлежащія ему стихотворенія.

Стихотвореніе «По прочтеніи Байронова Каина», написанное будто Пушкинымъ во время его пребыванія въ Кишиневѣ, принадлежатъ г-ну Клюшникову (И. П.), о чемъ можно увѣриться изъ раскрытой теперь передо мною книги изданія г. Гербеля: «Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ».

Другая піэса Молитва: преложеніе въ стихи молитвы Отче Нашъ, напечатанная вслѣдъ за тѣмъ, тоже не принадлежитъ Пушкину. Пушкинъ написалъ молитву: «Отцы пустынники и жены непорочны», и вотъ ему приписали и эту Молитву. Помню, давно тому назадъ, мнѣ случилось читать эти стихи въ одномъ дѣтскомъ журналѣ, кажется, изданія г-жи Ишимовой, съ подписью имени автора.

Теперь поговорю о выпускахъ сдѣланныхъ самимъ Пушкинымъ изъ своихъ сочиненій. Къ Борису Годунову обыкновенно прибавляютъ теперь три сцены, выпущенныя не цензурой, но самимъ поэтомъ. Постараюсь разгадать, почему онъ не включилъ ихъ въ трегедію.

1-я сцена. *Дѣвичье Поле*, въ противоположность предыдущей сценѣ *Красная площадь*, изображаетъ какое-то равнодушное и какъ бы насмѣшливое отношеніе народа къ избранію Бориса. Этого не могло быть: Русь въ первый разъ со времени своего существованія избирала царя. Бояре могли не любить Годунова; но народъ, чувства котораго выражаетъ эта сцена, долженъ былъ серіозно относиться къ избранію.

2-я сцена. *Ограда Монастырская.* Сцена эта выпущена по совѣту Мицкевича и барона Дельвига: за то, что будто бы она ослабляетъ впечатлѣніе, производимое разсказомъ Пимена. Мы не думаемъ, чтобы разъ произведенное впечатлѣніе могло быть ослаблено этою сценою, ничего неимѣющею несоотвѣтствующаго характеру Григорія въ бесѣдѣ его съ Пименомъ. Поэтъ, кажется, хотѣлъ показать, какъ въ первый разъ запала Григорію мысль: *быть царемъ на Москвѣ.* Но могъ ли Григорій

въ оградѣ монастырской, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, говорить встрѣтившемуся съ нимъ *злому чернецу*, не бывъ даже на то имъ вызванъ: «что когда бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ», и вскричалъ: «Вы подите на Бориса, на злодѣя моего, изловите супостата и проч.?» И съ какой стати чернецъ сталъ бы подавать ему мысль сдѣлаться самозванцемъ? Самозванство, такъ распространившееся впослѣдствіи, до тѣхъ поръ, кажется, не имѣло примѣровъ въ Россіи, а потому можетъ быть такъ и удалось. Нѣтъ, мысль эта вслѣдствіе бесѣды съ Пименомъ могла созрѣть въ душѣ Григорія, мучимаго честолюбіемъ и жаждою дѣятельности, въ одиночествѣ, въ тишинѣ безсонныхъ ночей монастырскихъ, и вырвалась только случайно въ похвальбѣ: *буду царемъ на Москвѣ*! Это неосторожное слово тотчасъ было подхвачено и доведено до свѣдѣнія власти. Мысль о самозванствѣ не могла родиться мгновенно и случайно. Думаемъ, что эта причина скорѣе могла подѣйствовать на поэта и заставить его выпустить сцену. Сцена эта еще отличается особымъ пѣвучимъ размѣромъ, который не идетъ къ строгой простотѣ метра, какимъ написана трагедія.

3. *Замокъ воеводы Мнишка въ Самборѣ. Уборная Марины.* Иной размѣръ, иная форма стиха могли быть причиною, что и эта сцена не помѣщена въ трагедію. Сцена эта написана вся съ риѳмами, вольными стихами и своей дикціей подходитъ болѣе къ комедіи.

Нечего и говорить, что всѣ эти сцены отдѣльно взятыя каждая имѣютъ свое достоинство. Очень могло быть, что поэтъ и намѣревался впослѣдствіи включить ихъ въ свое твореніе, какъ было сказано объ одной изъ нихъ, напечатанной еще при жизни Пушкина въ Литературныхъ Прибавленіяхъ Воейкова 1834 года. Быть можетъ, мои догадки о томъ, почему онѣ были выпущены, невѣрны; но, включая ихъ въ трагедію, по смерти поэта, слѣдовало оговорить, что онѣ были имъ выпущены.

Пушкинъ многое исключалъ изъ своихъ произведеній и послѣ того какъ они уже были напечатаны имъ и затвержены публикой. Особенно много исключилъ онъ при первомъ полномъ изданіи Онѣгина изъ выходившихъ прежде отдѣльно главъ романа. Въ изданіи Анненкова эти пропуски напечатаны особымъ шрифтомъ внизу страницъ текста, какъ и слѣдуетъ быть имъ. Но по какому праву мы будемъ включать въ самый текстъ то что̀ было исключено изъ него самимъ поэтомъ при послѣднемъ изданіи? Такъ поступаютъ наши издатели со стихами выпущеными Пушкинымъ изъ XLVI и XLVII строфъ VI главы Онѣгина. Поэтъ, прощаясь съ своею юностью, проситъ вдохновеніе посѣщать его и не дать ему «окаменѣть въ мертвящемъ упоеньи свѣта». Затѣмъ онъ въ легкомъ очеркѣ изображаетъ тѣхъ, изъ кого состоитъ этотъ такъ называемый свѣтъ и говоритъ:

Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ.

XLVI.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

Но потомъ, когда поэтъ пересмотрѣлъ Онѣгина при полномъ его изданіи, исчисленіе этихъ пустыхъ личностей показалось ему излишнимъ; онъ не довольно положилъ въ него своей сатиры, или они показались ему нестоющими описанія, и потому онъ изъ двухъ строфъ сдѣлалъ одну, выбросивъ два послѣдніе стиха первой строфы и замѣнивъ ихъ двумя послѣдними стихами окончательной строфы, которую за исключеніемъ этихъ двухъ стиховъ совсѣмъ уничтожилъ. Онъ сохранилъ однако эти стихи въ примѣчаніяхъ къ Онѣгину, гдѣ сказано какъ было напечатано это мѣсто въ первомъ изданіи VI главы.

Такимъ образомъ заключеніе VI пѣсни Онѣгина пріобрѣло болѣе сжатости и силы.

X.

ПОПРАВКА.

Стихотворная шутка, сказанная Пушкинымъ про Лекса, напечатана (Р. Архивъ 1881, I, 189) не точно. Одинъ изъ современниковъ Пушкина доставилъ ее намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Была пословица у Римскаго народа:
Quamvis est dura lex, sed lex;
У насъ же Лексъ, хотя и мужескаго рода,
А все таки онъ дура-Лексъ.

*

Печатая новыя выдержки изъ рукописей Пушкина, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, считаемъ долгомъ напомнить читателю, что эти неконченныя, иной разъ только зародившіяся произведенія великаго поэта дороги преимущественно для его художественной біографіи. Они отнюдь не должны мѣшать общему впечатлѣнію Пушкинской поэзіи, и въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина ихъ необходимо напечатать такъ, чтобы они не засаривали собою произведеній вполнѣ стройныхъ и законченныхъ, т.-е. въ отдѣльной книгѣ. П. Б.

ДОКЛАДЪ В. А. ЖУКОВСКАГО ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ СВѢТЪ СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

Черновой подлинникъ хранится въ рукописяхъ А. С. Пушкина въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, съ отмѣткою Жуковскаго: «Записка о изданіи сочиненій Пушкина, оставшихся послѣ его смерти»

«Сочиненія Пушкина, оставшіяся по смерти его, собраны и скоро будутъ приготовлены къ изданію въ свѣтъ. Въ числѣ ихъ находится рукопись, содержащая *Матеріалы для Исторіи Петра Великаго*, которую я уже имѣлъ счастіе представлять на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Тогда Вы соизволили замѣтить, что сія рукопись издана быть не можетъ по причинѣ многихъ неприличныхъ выраженій на счетъ Петра Великаго. Теперь минускриптъ пересмотрѣнъ со вниманіемъ, и все замѣченное или выброшено, или исправлено.

Испрашиваю всеподданнѣйше позволенія у Вашего Императорскаго Величества *напечатать* сію рукопись, ибо исключеніемъ оной изъ сочиненій Пушкина прибыль отъ изданія ихъ въ пользу его дѣтей можетъ уменьшиться 25.000-ми рублями. Всеподданнѣйше испрашиваю также у Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія и о томъ, чтобы все собраніе сихъ сочиненій представить на разсмотрѣніе въ обыкновенную цензуру, какъ то было уже и со многими сочиненіями того же автора, напечатанными послѣ его смерти.

Февраля 1840 года.“

*

Тамъ же находятся слѣдующія строки Жуковскаго:

«Отъѣзжая за границу, почитаю необходимымъ передать въ опеку, учрежденную по дѣламъ покойнаго Пушкина, всѣ бумаги его, донынѣ у меня хранившіяся. Здѣсь представляются двѣ имъ описи. Въ описи подъ № 1-мъ означены *оригинальные* минускрипты Пушкина; въ описи подъ № 2-мъ означены рукописныя сочиненія Пушкина, найденныя послѣ его смерти и приготовленныя *въ копіи* для изданія въ печать.

В. Жуковскій.

24 Апрѣля 1838.“

Во второй изъ этихъ описей значится: „Исторія Петра Великаго“, два пакета; а въ первой: „Исторія Петра Великаго до 1725 года“. Рукопись упоминаемыхъ Жуковскимъ „Матеріаловъ для Исторіи Петра Великаго“ остается досель неизданною. *П. Б.*

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ А. С. ПУШКИНА.

Начало неизданной повѣсти *).

Въ одно изъ первыхъ чиселъ Апрѣля 181... г., въ домѣ Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Всѣ двери были растворены настичь. Зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами, ящики во всѣхъ комодахъ выдвинуты, слуги (люди) поминутно бѣгали по лѣстницамъ, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, лѣтъ 45 дама, сидѣла въ спальнѣ, пересматривая счетныя книги, принесенныя ей толстымъ управителемъ, который стоялъ (важно) передъ нею съ руками за спиной и выдвинувъ правую ногу впередъ.

К. П. показывала видъ, будто бы хозяйственныя тайны (обороты) были ей коротко знакомы; но ея вопросы и замѣчанія обнаруживали (выказывали) ея барское невѣдѣніе и возбуждали изрѣдка едва замѣтную улыбку на величавомъ лицѣ управителя, который однакожъ съ большою снисходительностію подробно входилъ во всѣ требуемыя объясненія. Въ это время слуга доложилъ, что Парасковья Ивановна Позодова пріѣхала (вошелъ слуга съ докладомъ...) Кат. Пет. обрадовалась случаю прервать свои совѣщанія, велѣла просить и отпустила управителя.

— Помилуй, мать моя, сказала вошедшая старая дама (старушка), да ты (въ самомъ дѣлѣ) собираешься въ дорогу! Куда тебя Богъ несетъ?

— (Ѣду) на Кавказъ, милая Пар. Ив. (дня черезъ три, многомного промѣшкаю недѣлю).

— На Кавказъ! Стало быть, Москва надоѣла. Въ первой отъ роду (мнѣ) правду сказала, а я не вѣрила. На Кавказъ! Да вѣдь это ужасъ) ужасть какъ далеко. Охота тебѣ тащиться Богъ вѣдаетъ куда, Богъ вѣдаетъ зачѣмъ.

---

*) Зачеркнутое Пушкинымъ помѣщено въ скобкахъ. П. Б.

— Какъ быть? Доктора объявили, что моей Машѣ нужны желѣзныя воды, а для моего здоровья (нужны непремѣнно) необходимы (сѣрныя воды) горячія ванны. Вотъ ужъ полтора года какъ (она всё больна), я страдаю—авось Кавказъ поможетъ.

— Дай-то Богъ! А скоро ли ѣдешь?

— Дня черезъ четыре, много, много промѣшкаю недѣлю: всё ужъ готово. Вчера привезли мнѣ новую дорожную карету. Чтò за карета игрушечка, заглядѣнье! Вся въ ящикахъ... И чего тутъ нѣтъ! Постеля, туалетъ, (въ низу) погребокъ, аптечка, кухня, сервизъ. Хочешь ли посмотрѣть?

— Изволь, мать моя...

Обѣ дамы вышли (въ сѣни) на крыльцо. Кучера выдвинули изъ сарая дорожную карету. К. П. велѣла открыть дверцы, вошла въ карету, показала всѣ ея тайны, всѣ удобности, перерыла въ ней всѣ подушки, выдвинула всѣ ящики, приподняла всѣ ставни, всѣ зеркала, выворотила всѣ сумки; словомъ, для больной женщины (она была) оказалась очень дѣятельной и проворной.

Полюбовавшись экипажемъ, обѣ дамы возвратились въ гостиную, гдѣ разговорились (еще нѣск. времени) опять о предстоящемъ пути, о возвращеніи, о планахъ на будущую зиму.

— Въ Октябрѣ мѣсяцѣ, сказала К. П., надѣюсь непремѣнно воротиться. У меня будутъ вечера, два раза въ недѣлю, и надѣюсь, милая, что ты (будешь) ко мнѣ перенесешь свой бостонъ.

Въ эту минуту дѣвушка лѣтъ 18-ти, стройная и высокая, съ блѣднымъ прекраснымъ лицемъ и черными огненными глазами, тихо вошла въ комнату, присѣла Поводовой и подошла къ рукѣ К. Петровны.

— Хорошо ты спала, Маша? спросила К. П.

— Хорошо, маменька, сей часъ только встала. Вы удивляетесь моей лѣни, Прасковья Ивановна? Чтò дѣлать? Больной простительно.

— Спи мать моя, спи, себѣ на здоровье, отвѣчала Прасковья Ивановна. Да смотри: воротись у меня съ Кавказа румяная, здоровая, а Богъ дастъ и замужняя.

— Какъ замужняя! возразила К. П. смѣясь. Да за кого выйти ей на Кавказѣ? Развѣ за Черкесскаго князя?

— Чтò ты, мать моя? За Черкеса сохрани ее Богъ! Да вѣдь они чтó Турки да Бухарцы—нехристы; они ее забрѣютъ, да запрутъ. Нѣтъ, мало ли нашихъ военныхъ въ тамошнемъ краю; а имъ-то женщины въ диковинку; наткнешься на какого нибудь холостаго генерала.

— Пошли намъ Богъ только здоровье, сказала со вздохомъ К. П., а женихи не уйдутъ. Слава Богу, Маша еще молода, приданое есть; а добрый человѣкъ полюбитъ, такъ и безъ приданаго возьмётъ.

— А съ приданымъ всё таки лучше, мать моя, сказала Прасковья Ивановна вставая.—Ну прости же, К. П.; ужъ я тебя до Сентября не увижу: далеко мнѣ до тебя тащиться съ Басманной на Арбатъ! И тебя не прошу: знаю, что тебѣ теперь некогда. Прощай и ты, красавица; не забудь же моего совѣта.

Дамы распростились, и Прасковья Ивановна уѣхала.

30 Сентября.

*

Въ Онѣгинѣ, X-я и XI строфы осьмой главы первоначально были набросаны въ слѣдующемъ видѣ:

Блаженъ, кто понялъ голосъ строгій
Необходимости земной,
Кто въ жизни шелъ большой дорогой,
Большой дорогой столбовой.
Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
Кто зналъ, за чѣмъ онъ въ свѣтъ явился,
И Богу душу передалъ
Какъ откупщикъ иль генералъ.

—

„Мы рождены, сказалъ Сенека,
Для пользы ближнихъ и своей".
Нельзя быть проще и яснѣе!
Но тяжело, проживъ полвѣка,
Въ минувшемъ видѣть только слѣдъ
Утраченныхъ, безумныхъ лѣтъ.
Несносно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана...

и далѣе какъ теперь

*

Извѣстное стихотвореніе 1829 года „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла", въ которомъ Пушкинъ выражаетъ любовь свою, очевидно, къ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, которую онъ покинулъ въ Москвѣ, послѣ того какъ я мать отклонила сватовство его, имѣются въ рукописи еще слѣдующія строки, важныя въ отношеніи психологическомъ:

Чиста моя любовь
И нѣжность дѣвственныхъ мечтаній.

*

Вотъ отдѣльная замѣтка о неизвѣстномъ для насъ лицѣ:

Il y avait dans les sentiments un abandon et dans les opinions une

licence qui me frappèrent, quelque accoutumé que je fusse aux libertins de toutes les écoles *).

*

Въ черновой рукописи „Галуба“ встрѣчается слѣдующее мѣсто:

Сказалъ и легъ, и очи
Закрылъ. Глядѣть не стало мочи,
И день противенъ былъ ему,
И равнодушный ко всему
Лежалъ онъ до глубокой ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ теменъ синій небосклонъ;
Луна, блистая, восходила
И скалъ вершины серебрила.
Тазита позвалъ онъ. Никто
Не отвѣчалъ ему на то.

*

Въ „Родословной Моего Героя“

Одинъ изъ нихъ былъ четверть вѣка
За старовѣровъ и стрѣльцовъ;
Другой въ Парижѣ обучался
И первый на Руси святой
Расталея съ русой бородой.

*

Степанъ Артемьевичь Езерскій
Елисаветой посланъ былъ
Въ свои деревни.

*

Изъ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“.

— Графиню почитаютъ, сказалъ онъ **) Ибрагиму, женщиной умной и холодной, имѣющей любовниковъ отъ нечего дѣлать. Это мнѣніе несправедливо. Она проста, имѣетъ пылкія чувства, и любовь — главное дѣло ея жизни. Въ обществѣ она разсѣяна и лѣнива. Это придаетъ какую-то заманчивость ея словамъ. Ея странные вопросы, за-

*) Въ чувствахъ у него была какая-то свободная небрежность, во мнѣніяхъ развязанность, и они поразили меня, какъ ни былъ я близко знакомъ съ безпутниками всякаго рода.

**) Молодой Мервиль.

гадочные отвѣты вольно принимать за эпиграмы, аттическія выходки или за глупости. Мы, т.-е. близкіе ея пріятели, изъ дружбы прославили ея оригинальность и остроту. Впрочемъ она женщина самая добрая, самая милая. Познакомьтесь съ нею короче; вы ее полюбите и удостовѣритесь, что ограниченность ея ума почти не замѣтна отъ избытка простодушія и чувствительности.

Графиня приняла Ибригама учтиво и т. д.

Цѣлый день онъ думалъ о графинѣ, слѣдовалъ сердцемъ за нею, казалось былъ свидѣтелемъ каждаго ея движенія, каждой ея мысли. Въ часы, когда онъ обыкновенно съ нею видался, онъ мысленно собирался къ ней, входилъ въ ея комнату, садился подлѣ нея, разговаривалъ съ нею, и мечтаніе постепенно становилось такъ сильно, такъ ощутительно, что онъ совершенно забывался.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ и т. д.

Опущенный конецъ V-й главы въ „Арапѣ Петра Великаго“.

Слѣдуя во всемъ совѣтамъ Государя, на другой день пріѣхалъ онъ къ Гавріилу Аѳанасьевичу и былъ принятъ какъ женихъ, хоть и не могъ видѣть свою невѣсту. Ему сказали, что она ушиблась, прыгая неосторожно съ своими подружками. Съ тѣхъ поръ Ибригимъ всякій день ѣздилъ къ своему будущему тестю, и своимъ почтительнымъ и ласковымъ обхожденіемъ, кроткимъ и образованнымъ умомъ снискалъ не только дружество отца, но и уваженіе князя Лыкова и благосклонность доброй Татьяны Аѳанасьевны, которая не разъ со вздохомъ говорила своему брату: Лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать; а жаль, что онъ Арапъ!

*

Въ „Полтавѣ“, про казака, влюбленнаго въ Марію:

Но ежели, средь мутной думы,
Мазепу онъ воображалъ,
То всѣ черты его угрюмы
Смѣхъ ярый звѣрски искажалъ.

*

ъ стихотвореніи, написанномъ вслѣдъ за женитьбою „Когда въ объятія мои“...

Въ *пугливой* памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья.

*

Въ „Анчарѣ“:

Природа Африки моей
Его въ день гнѣва породила
И жилы мощныя корней
Губящимъ ядомъ напоила.

Въ Лицейской Годовщинѣ 1831 года:

Кого недугъ, кого печали
Свели во练 мракъ земли сырой,
И надо всѣми мы рыдали.

Тамъ же, про Дельвига:

Товарищъ юности живой,
Пировъ и *гордыхъ* помышленiи.

Къ Дельвигу:

Мы рождены, мой братъ названый
Подъ одинаковой звѣздой,
Явилися мы рано оба
На иподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба;
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ.

Въ Лицейской Годовщинѣ 1836 года:

И новый царь, стражъ бодрый и могучiй,
На рубежѣ Европы сталъ.
Куковскимъ передѣлано: *безстрашный и могучiй*)
И надъ землей скопились снова тучи,
И ураганъ ихъ...

*

И вдругъ предъ нимъ открылся небосклонъ.
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сiянiи и въ славѣ нестерпимой,
Тамъ Ангелы волнуются, кишатъ,
Безчисленны летаютъ Серафимы,
Струнами арфъ бряцаютъ Херувимы,
Архангелы задумчиво сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами.

Изъ стнхитворенiя про Арзрумъ:

Въ насъ умъ владѣетъ плотью дикой,
И покоренъ Корану умъ.
И потому Пророкъ великiй
Хранитъ какъ око нашъ Арзрумъ.

Въ «Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ», въ *томъ* мѣстѣ, когда рыцари встрѣчаютъ непокорныхъ поселянъ, издатели не разобрали слѣдующую (дѣйствительно едва, едва подлежащую прочтенію) пѣсню косарей:

Ходитъ во полѣ коса.
Золотая полоса
Вслѣдъ за ней ложится.
Ой, ходи, моя коса!
Сердце веселится.

*

Посреди недописанныхъ стиховъ и набросковъ стихотворенія «На ыздоровленіе Лукулла», имѣвшихъ такое роковое значеніе въ судьбѣ есчастнаго поэта, находимъ еще слѣдующее:

Развратникъ радуясь клевещетъ,
Соблазнъ по городу гремитъ,
А онъ хохоча рукоплещетъ.
Ужъ онъ въ мечтаньяхъ заносился...
На откупъ рѣки отдавалъ,
Рубилъ наслѣдственныя рощи.
Жену обкрадывать не буду
И воровать ужъ позабуду
Казенныя дрова.

Со временемъ подробно разъяснится вся эта исторія, въ которой виновнъ Пушкинъ своимъ неудержимымъ языкомъ, но еще виновнѣе передъ дномъ потомства его гонитель, который холопствовалъ передъ графомъ Бенндорфомъ и вмѣстѣ былъ главнымъ виновникомъ трагической гибели поэта.

*

Неизданный конецъ стихотворенія: «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный».

Но Пречистая, конечно,
Заступившись за него,
Водворила въ царство вѣчно
Паладина своего.

При этомъ замѣтимъ, что строфъ: „Путешествуя въ Женеву“ и „Цѣлый ь онъ не молился“ въ подлинной рукописи не имѣется.

*

КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный,
Оставленный романъ мой продолжать,
И подчуя стихомъ нашъ вѣкъ желѣзный,
Разсказами пустыми занимать.
Ты думаешь, что съ цѣлію полезной
Тревогу славы можно сочетать,
И для того совѣтуешь собрату
Брать съ публики умѣренную плату,
За каждый стихъ по десяти рублей:
Оброкъ, пустой для нынѣшнихъ людей,
Съ книгопродавца—можно взять ей-ей!
Съ почтенной публики межъ тѣмъ
Бери умѣренную плату,
За книжку по пяти рублей.
Неужто жаль ихъ будетъ ей?

*

Опытъ дѣтскаго стихотворенія.

Вотъ на шахматную доску
Рать солдатиковъ изъ воску
Въ стройный рядъ разставилъ онъ,
Въ оперенныхъ шишачкахъ,
Съ палашами на плечахъ...
Передъ шахматной доскою
На столѣ лахань съ водою....
Плаваетъ по всей лахани
Куча дивныхъ кораблей,
Банокъ, каторогъ и шлюпокъ
Изъ орѣховъ скорлупокъ.
А вѣтрильца....
Будто бабочкины крыльца.
Тутъ лахань передъ собою
Приказалъ налить водою,
Плавать онъ пустилъ по ней
Тьму чудесныхъ кораблей.

*

Въ повѣсти: „Станціонный Смотритель“, послѣ того мѣста, гдѣ говорится о поцалуѣ Дуни (стр. 76 послѣдн. изданія):

„И теперь, при мысли о немъ, кажется вижу ея томные глаза и вдругъ исчезнувшую улыбку; кажется чувствую теплоту ея дыханія и свѣжее напечатлѣніе губокъ“.

„Читатель вѣдаетъ, что есть нѣсколько родовъ любовей: любовь чувственная, платоническая, любовь изъ тщеславія, любовь 15 лѣтняго сердца и проч.; но изо всѣхъ любовь дорожная самая пріятная. Влюбившись на одной станціи, не чувствительно доѣзжаешь до другой, а иногда и до третьей. Ничто такъ не сокращаетъ дороги. Воображеніе, ничѣмъ не развлеченное, вполнѣ наслаждается своими мечтаніями. Любовь безгорестная, любовь безпечная! Она живо занимаетъ насъ, не утомляя нашего сердца, и угасаетъ въ первомъ городскомъ трактирѣ“.

Въ концѣ *Ст. Смотрителя*: „14 Сент. (1830) Болдино“.

*

Историческія и политическія замѣтки.

Lâcheté de la haute noblesse (между прочимъ и моего пращура Никиты II.). Les rangs. Chûte de la noblesse.

Pierre I. Son указъ de 1714.

Opposition des Dolg. (niaise, dans le genre de celle des Panine).

Pierre III. Истинная причина дворянской грамоты. Екатерина. Alexandre. Новосильцовъ. Чарторижскій. Коч. Sp., popovitch turbulent et ignor... Lés moyens avec lesquelles on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident. — Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (La révolution incarnée).

La haute noblesse n'étant pas héréditaire (de fait), elle est donc noblesse à vie. Moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'étouffer toute opposition et haute indépendance.

L'hérédité de haute noblesse est une garantie de son indépendance. Le contraire est nécessairement moyen de tyrannie, ou plutôt d'un despotisme lâche etc. Mon despotisme: loix cruelle, coutumes douces.

Въ другомъ мѣстѣ:

Stabilité—première condition du bonheur public.

Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?

ГРАФЪ Б. А. ПЕРОВСКІЙ.

Въ южной Франціи, въ Приморскихъ Каннахъ, 25 Ноября 1881 года кончилъ жизнь графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій. Кто сколько нибудь зналъ этого человѣка, непремѣнно его пожалѣетъ.

Братья Перовскіе принадлежатъ Русской исторіи. Эта семья представляетъ собою явленіе достопамятное. Тутъ, можно сказать, цѣлое гнѣздо людей замѣчательныхъ. Перечислимъ ихъ, братьевъ и сестеръ, по старшинству.

Графъ Левъ Алексѣевичъ.
Марья Алексѣевна Крыжановская.
Василій Алексѣевичъ.
Елисавета Алексѣевна Курбатова.
Алексѣй Алексѣевичъ.
Ольга Алексѣевна Жемчужникова, мать даровитыхъ писателей.
Графиня Анна Алексѣевна Толстая, мать поэта графа Алексѣя Константиновича.
Княгиня Софья Алексѣевна Львова.
Графъ Борисъ Алексѣевичъ.

Старшій изъ братьевъ,—министръ внутреннихъ дѣлъ при Николаѣ Павловичѣ, твердая работа котораго до сихъ поръ безпрестанно вспоминается въ дѣлахъ внутренней правительственной дѣятельности. Второй братъ, человѣкъ геніальнаго сердца, желѣзной настойчивости, влюбленный въ Россію, въ ея историческое значеніе, основалъ нашу силу въ Средней Азіи. Про него и теперь поются народныя пѣсни въ Оренбургскомъ краю. Алексѣй Алексѣевичъ, попечитель университета въ Харьковѣ и писатель, заслужилъ передъ Отечествомъ между прочимъ и тѣмъ, что воспиталъ намъ графа Алексѣя Константиновича Толстаго.

Дѣдъ Перовскихъ, со стороны отца, былъ Украинскій казакъ. Малороссійская сосредоточенность, глубина чувства, честность побужденій были свойствами братьевъ Перовскихъ. Самая внѣшность ихъ живо напоминала объ южномъ происхожденіи.

И неба роднаго
На нихъ сохранилась примѣта.

Въ разныхъ кругахъ Русскаго общества, отъ дворцовъ до сельскихъ хижинъ, долго будетъ помниться смуглый, стройный, высокій образъ графа Б. А. Перовскаго, его глубоко-добрые глаза, выражавшіе душу, открытую для всего честнаго и прекраснаго.

Графъ Б. А. Перовскій родился 10 Января 1815 и получилъ отличное домашнее воспитаніе. Онъ рано лишился отца, а мать его, Марья Михайловна, урожденная Соболевская, вступила во второй бракъ съ генераломъ Денисьевымъ. Попечительницею его дѣтства и добрымъ геніемъ всей семьи была родная тетка, дѣвица Пелагея Михайловна, чистое существо, одаренное живымъ благочестіемъ. Дома, въ Москвѣ, пріобрѣлъ графъ Перовскій любовь къ умственному труду, которая никогда его не покидала. Чтеніе на разныхъ языкахъ было для него всегдашнею, насущною потребностью.

Послѣ Юнкерской школы и недолгой службы въ гвардіи, графъ Перовскій женился на дочери славнаго Петербургскаго почтдиректора Булгакова и нѣсколько лѣтъ сряду провелъ въ Малороссійской деревнѣ. Затѣмъ онъ возобновилъ службу въ должности адъютанта при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, который оцѣнилъ его достоинства. Перовскій перевозилъ тѣло великаго князя изъ Варшавы въ Петербургъ въ 1849 году. Потомъ Перовскій служилъ на Кавказѣ, а во время Восточной войны при графѣ П. Х. Граббе, которому поручено было охранять Прибалтійскій край. Покойный Государь Александръ Николаевичъ, такъ сказать, унаслѣдовалъ графа Перовскаго отъ своего любимаго дяди и впослѣдствіи опредѣлилъ его сначала однимъ изъ воспитателей, а потомъ попечителемъ при сыновьяхъ своихъ. Чуждый искательства, сердечно приверженный къ исполненію долга, графъ Перовскій до конца оставался отраднѣйшимъ явленіемъ Русскаго Двора. Слава Отечества, его нравственныя выгоды были ему личнымъ дѣломъ. Враговъ у него не было. Доступный и благожелательный, онъ, послѣ князя П. А. Вяземскаго, являлся предстателемъ за успѣхи Русскаго изящнаго слова и здраваго просвѣщенія. Покойный Государь неизмѣнно благоволилъ къ нему и бесѣдовалъ съ нимъ еще за нѣсколько часовъ до своей кончины.

Поруганные идеалы и разбиваемые кумиры измучили и надорвали эту возвышенную душу, а роковое событіе 1-го Марта сокрушило графа Перовскаго. Здоровье его немедленно потребовало выѣзда въ теплые края. Онъ умеръ, *положительно*, съ горя по Государѣ.

Графъ Василій Алексѣевичъ покоится въ Крыму, въ Георгіевскомъ монастырѣ. На берегу другаго моря, въ Ниццѣ, похороненъ графъ Борисъ Алексѣевичъ.

П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ
РУССКАГО АРХИВА
1881 ГОДА.
(тетради 5 и 6).

*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1881 ГОДА.

(тетради 5 и 6).

КЪ ЭТОЙ КНИГѢ ПРИЛОЖЕНЫ: „СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ“ 1826 ГОДА И БОЛЬШАЯ ГРАВЮРА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ЕКАТЕРИНУ ВЕЛИКУЮ.

Приложенный портретъ того же размѣра и того же художника XVIII вѣка, какъ и портретъ Петра Великаго, разосланный читателямъ Русскаго Архива въ 1872 году.

О ПОДПИСКѢ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ

1882 года,

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія «**Дѣтскій Отдыхъ**» особенно рекомендованъ для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ.

Въ 1882 году **Дѣтскій Отдыхъ** будетъ выходить по той же программѣ, при тѣхъ же сотрудникахъ и въ томъ же форматѣ. Воспользовавшись опытомъ минувшаго года, редакція обратила усиленное вниманіе на аккуратную и своевременную доставку №№ журнала.

Цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ города за годъ .... **6** руб.

За первое и второе полугодіе отдѣльно по **3** руб. **50** к.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно 15-го числа въ объемѣ отъ 7-ти до 8-ми листовъ печатнаго текста.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи журнала (**Большая Дмитровка**, домъ Алексѣева); въ конторѣ Университеской типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжныхъ магазинахъ: Васильева на Страстномъ бульварѣ; «Дѣтское Воспитаніе», въ Леонтьевскомъ переулкѣ, «Новаго Времени», на Никольской. Въ Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться съ требованіями исключительно въ редакцію журнала и контору Университетской типографіи.

Продолжается подписка на оставшіеся экземпляры журнала за 1881 годъ.

Цѣна за годъ .... **6 руб.**

Въ изящномъ переплетѣ .... **8** „

Издательница **Н. А. Истомина.**

Редакторъ **Н. А. Берсъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1882 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ).

ШЕСТЬЮ КНИЖКАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Въ чужіе края: для Германіи, Швейцаріи и Франціи 12 р.; для остальныхъ государствъ 13 р.

АДРЕСЪ: **Москва**, Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.
Въ Петербургѣ книжные магазины „Новаго Времени" и И. И. Глазунова

Цѣна каждой книжкѣ 1881 года въ отдѣльной продажѣ **1 р. 50 к.**

Контора **Русскаго Архива** открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 до 4 часовъ. Издателя можно видѣть въ Понедѣльникъ и Четвергъ отъ 12 до 4 часовъ.

Петръ Бартеневъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.